

В. В. Филатов

«БЫТЬ ПО СЕМУ!»

**Очерки истории Уральского государственного
горного университета
1914 – 2014**

Том I. 1720 – 1920

Екатеринбург – 2013

ББК 26.3
Ф 51

Филатов В. В.

Ф 51 «Быть по сему!»: очерки истории Уральского государственного горного университета (1914 – 2014) Т. I. (1720 – 1920) / В. В. Филатов; Урал. гос. горный ун-т. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2013. – _____ с.
ISBN

Монография посвящена истории создания и развития первого высшего учебного заведения Урала – Уральского горного института-Уральского государственного горного университета в связи с его 100-летним юбилеем.

Книга предназначена преподавателям, студентам и выпускникам Уральского государственного горного университета, его гостям, а также историкам и краоведам, интересующимся историей горного дела и горного образования на Урале.

ББК 26.3

ISBN

© Филатов В. В., 2013
© Уральский государственный
горный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Яхта «Штандарт»	2
Горные просветители	15
«Для распространения полезных знаний»	26
Екатеринбург или Пермь?	37
Екатеринбург!!!	59
Харитоновский дом.....	78
«Законопроект рассмотрен!»	90
Финишная ленточка	99
«Примемся за работу, господа!»	103
«Верность и терпение»	114
Лихорадка буден	156
«Большой день».....	169
«Что в имени твоём?»	186
«VIVAT, AKADEMIA!».....	198
Рождение ALMA MATER	213
«К культурной работе я призываю вас»	227
Энергетика творчества.....	245
Академическая коллегия.....	253
Наш Народный Университет	272
Бифуркация.....	279
Привет – прощание	298
«IPSA SCIENTIA POTESTASEST».....	309
«Пусть наша жизнь будет всегда Воскресеньем!».....	325
«Лишь слову жизнь дана ...».....	371
Геологи – первопроходцы!	392
«УГИ остаётся и действует в Екатеринбурге»	407
1920-й	428
Студенты и рабфаковцы	444
Уралуниверситет или утрата суверенитета	455
Геологоразведочный факультет	491

ЯХТА «ШТАНДАРТ»

3 июля 1914 года. Четверг. Финский залив. Кронштадт. На бочке на «рейде Штандарт» стоит в свите пяти миноносцев: «Войскового», «Добровольца», «Москвитянина», «Эмира Бухарского», «Финна» и шхуны «Полярная звезда» – императорская яхта-краса-вица с тремя слегка откинутыми к корме мачтами. В ее облике сдержанная гордость, но не спесь; простота, величие и достоинство, присущее всему, осененному двуглавыми орлами.

Августейшая семья накануне 1 июля вернулась на ней из Крыма. Обычное плаванье, которое из года в год свершалось уже шесть лет к обоюдному удовольствию и венценосных пассажиров, и экипажа. Она прекрасна и юна, как гимназистка выпускного класса; ее заложили на копенгагенской верфи 1 октября 1893 года в присутствии императора Александра III (1845 – 1894), а спустили на воду спустя полтора года в день его рождения 26 февраля уже после смерти императора. Поэтому в первое плаванье в сентябре следующего 1896 года ее повел капитан, присягнувший уже новому монарху Николаю II (1868 – 1918).

Она была любима всеми, кто на ней плавал, своими великолепными интерьерами, созданными художником Л. Монтергом, и особенной атмосферой уюта и добросердечности, витавшей в каютах, кубриках, коридорах, на палубе, хотя она была военным судном и без разрешения императора на ней ничего не делалось: не поднимали якорь, не опускали флаги и не изменяли курс.

Отношение к владельцам яхты и к самой яхте резко изменилось после отречения императора от престола. То, чем недавно восхищались, было предано поруганию.

Михаил Александрович Соловов (1879 – ?), инженер-механик, капитан 2-го ранга, крупный технический руководитель на предприятиях и в учреждениях Урала в 20-е годы, в 1930 г. был арестован по сфальсифицированному делу о так называемом Уральском отделении Промпартии. На одном из допросов он рассказал следователю о 2-летней службе на яхте «Штандарт», куда его направили отрабатывать казенную стипендию после окончания в 1902 г. Кронштадтского Высшего инженерного училища. На яхте он прослужил два года. «... обстановка, которую мне пришлось

наблюдать, – вспоминал он, – дала мне возможность увидеть близко тех людей, которые управляли страной и понять многое отрицательное ...». Что отрицательное, он не договорил, но о нем нетрудно догадаться. Михаила Александровича понять можно. Он спасал свою жизнь. Но как понять матросов, служивших на яхте, когда они добровольно, а не по принуждению публично в газетах писали о службе как об унижительной каторге.

Вот такая заметка от имени «моряков гвардейского экипажа» была напечатана в конце марта 1917 г. в газете «Зауральский край»:

«Большая часть граждан предполагает, что жизнь на этих яхтах (речь идет ещё об одной императорской яхте «Полярная Звезда». – В. Ф.) протекает в прекрасных условиях. Но это мнение отпадает, если провести параллель между пассажирами и матросами.

Во время стоянки яхты «Штандарт» в Ялте ... гг. офицеры, выстроив матросов на дамбе, обучали их следующему: если вас будет кто-либо спрашивать – «откуда?» – должны отвечать: «Имею счастье плавать с их величествами». К чему же сводилось это «счастье»? Перед приездами их величеств начинались генеральные чистки, доводившие команду до полного изнеможения. Команда со дня приезда царских особ подвергалась различным внушениям и наказаниям за малейшие упущения; кроме того, матросы в буквальном смысле голодали ... Помещение, отводимое команде, ... представляет довольно низкую небольшую кладовую для строевых и два узких коридора ... для машинных команд, где друг на друга укладывалась команда в количестве 300 чел. ...

Отношение офицеров ... было самое ужасное и бессмысленное ... один в жестокости старался перещегоолять другого... Например, вахтенный офицер, осматривая команду перед отпуском на берег, посмотрев на неуклюжее обмундирование матроса ... отсылал последнего обратно ... с наказом больше не являться в таком виде, позорящем яхту. Другой офицер обмундирование, переделанное ... матросом по своему вкусу, распарывал ножём и наказывал долгой стоянкой под ружьём».

И правильно делал. «Параллель» между пассажиром-императором и матросом военного корабля никогда не должна пересекаться, а когда она пересеклась в 1917 г. произошла невиданная трагедия.

Судьба яхты, если корабль можно антропоморфировать, закончилась также трагически, как и судьба её хозяина. Весной 1918 г. она в составе кораблей Балтийского флота совершила Ледовый переход из Гельсингфорса в Кронштадт и до 1932 г. стояла на рейде в его Военной гавани; в 1933-1936 годах её переоборудовали в минный заградитель, дав имя «Марти». В этом качестве корабль участвовал в советско-финской и Великой Отечественной войнах, его команда эвакуировала в октябре-декабре 1941 г. гарнизон с полуострова Ханко и участвовала в обороне Ленинграда, за что была награждена в 1942 г. Гвардейским знаменем. После войны надобность в «Марти» как в военном корабле отпала. С него сняли орудия и сделали плавучей казармой с мирным именем «Ока». Конец императорской яхте наступил в начале 60-х годов, когда её стали использовать как мишень при ракетных стрельбах.

3 июля. «Чудный, не особенно жаркий день с S (южным. – В. Ф.) бризом». Записал император в дневнике. Обычный день, шедший по давно заведенному порядку, придававшему жизни обитателей яхты приятную предсказуемость, желаемую ожидаемость, ненавязчивую уважительность, искреннюю простоту. Когда императорская семья жила на яхте, то все, свободные от вахты, офицеры приглашались к столу. Любивший поговорить и послушать, император сидел во главе стола, одесную от него – императрица. Ее сдержанность и молчаливость не смущали никого, поэтому все говорили много, охотно и обо всем.

«За завтраком... семье подавали «Августейшее блюдо» – великолепный кусок английского ростбифа, но никогда и никто до него не дотрагивался, а другим его не предлагали. Это был обычай русского двора со времен Николая I (1796 – 1855). Завтрак был с супом, как обед, только на одно блюдо меньше – пять вместо шести».

В пять часов был чай, который разливал император, а к чаю старший пекарь Ермолаев готовил «прекрасное печенье, маленькое, с копейку, калачики, молочные розанчики, удивительные слоеные булочки и соленые батоны. Государь пил два стакана чая, обязательно с молоком... обед... был в восемь часов император, подходя к нему, обращался ко всем: «Не угодно ли закусить». Пил он только сливовицу, одну – две рюмки; ее привозили из Польши из

погребов великого князя Николая Николаевича... ее особенно не предлагали и все пили... «замшевую» казенную водку, которая так называлась из-за того, что пробка была обернута замшей, чтобы водка не приобретала привкус пробки».

3 июля. «Утром покатался с О(льгой) и Т(атьяной) в двойке. К завтракам начался обычный наряд шести офицеров от плавающих с нами судов... После чая читал и подписывал присланные ночью бумаги», – продолжил император дневниковую запись. Что за бумаги привез ему фельдегер? Теперь уже неважно. Кроме одной. Ради нее я и выделил среди дневниковых записей только ту, что сделана 3-го июля.

В этот день император в своем кабинете утвердил одобренный Государственным Советом и Государственной Думой «Закон об учреждении горного института в городе Екатеринбурге», начертав в левом верхнем углу листа с текстом закона «Быть по сему».

Вот так, в обыденности императорских буден, между завтраком с кулинарными изысками пекаря Ермолаева и обедом, метрдотелем которого был известнейший петербургский ресторатор Пьер Кюба, под рюмку «собственного Его Величества портвейна» и двух, трех бокалов, небольших, французского шампанского «Гейдзик Монополь» особого купажа или отечественного «Абрау Дюрсо», произошло выдающееся событие в истории Урала.

Событие – мечта, лелеемая многими поколениями уральцев, событие долгожданное. Чтобы оно, наконец, свершилось, пришлось преодолеть немало трудностей, препятствий и препонов. Чем меньше времени оставалось до вожделенного «Быть по сему», тем нестерпимее становилось его ожидание. Как же медленно шла из Крыма яхта «Штандарт». Наконец, свершилось!

Первые и вполне определенные известия о благоприятном разрешении вопроса о Горном институте в Екатеринбурге узнали еще, когда императорская яхта была далеко от Кронштадта. 30 июня городской голова А. Е. Обухов получил телеграммы от членов Государственного Совета барона В. В. Меллер-Закомельского (1863 – 1920), В. И. Тимирязева (1849 - 1919), Ф. А. Иванова (1871 – 1957) и председателя финансовой комиссии, адмирала А. А. Бирилева (1844 – 1915). Адмирал, сердечно поздравляя уральцев, сообщал, что «законопроект утвержден... без изменений. Внести его на

последнее заседание Совета едва удалось. На днях воспоследует высочайшее утверждение». Меллер-Закомельский добавлял, что законопроект был «принят финансовой комиссией Совета... благодаря особенно энергичной деятельности и талантливо поставленной Ивановым защиты» его, а Тимирязев напомнил, как он еще в 1909 г. «взывал к Государственной Думе и помощи Уралу, говоря о нем, что подобно спящей красавице он ждет не дождется, чтобы его пробудили вновь к плодотворной деятельности... Уверен, что новый рассадник высшего горного образования сослужит хорошую службу дальнейшему процветанию исконной области горнозаводского дела в России».

В тот же день Обухов всем разослал телеграммы, благодаря Иванова за блестящую защиту законопроекта, не только от себя, но и от «учащейся молодежи дорогого нам Урала», которая «шлет русское спасибо тебе и всем тем, трудами и заботами которых город Екатеринбург стал рассадником света и знаний», надеясь, что в будущем «Беспристрастный историк города занесет Ваши имена на скрижали истории». 30-го же июня в городской управе собрались члены комиссии по созданию горного института для составления благодарственных телеграмм и Обухов попросил их, чтобы они сообщали о том, что теперь молодые люди желающие поступить в институт могут посылать прошения об этом в Петербург на имя управляющего учебным отделом Министерства торговли и промышленности А. Е. Лагорио (1852 – 1917). Но ведь император еще не утвердил законопроект, хотя в том, что он его утвердит, сомнений не было. К чему эта спешка? Она оправдана для тех, кто долго ждал. Как тут сдержать радостные эмоции:

Ура! Наш увенчался труд!
Дают нам горный институт.
И душу веселя свою,
За ваше я здоровье пью!

так поэтично Обухов поздравил своего единомышленника горного инженера Николая Степановича Михеева с успехом их общего дела.

Известия из столицы, публикуемые в местных газетах, побуждали людей к немедленным действиям. Итак, «дают нам горный институт». А где мы его разместим? Члены комиссии по созданию института, собравшись, поручили городскому голове не только послать телеграммы председателю Госсовета и его членам,

но и сообщить в Министерство торговли о том, что в городе имеются помещения, в которых можно временно разместить институт. Обухов и без их подсказки уже обратился к Преосвященному Серафиму (1856 – 1921) с просьбой уступить на 2-3 года будущему институту дом Братства Св. Симеона Верхотурского, что на 1-й Богоявленской улице, напомнив, что дом для этой цели был в свое время обещан предыдущим епископом Митрофаном (1861 – 1920), да и сам Преосвященный Серафим в беседе с ним, городским головой и председателем уездной земской управы А. М. Симановым (1858 – ?) заявлял о готовности передать дом под горный институт. Одновременно с этой же просьбой Обухов обратился и в Совет братства.

Если на 2-3 года институт временно разместится в доме братства Св. Симеона, то где будут жить «недостающие» студенты, те, которые не в состоянии снять в городе квартиру? Для таких надо строить общежитие. А где брать средства? И тут Обухов вспомнил, что видел в бумагах покойного члена городской управы Г. И. Михайлова подписки именитых горожан, которыми они обязались внести в городскую кассу деньги на нужды будущего Горного института. Такие подписки оформили более полутора десятка человек на сумму превышающую 45 тысяч рублей. Среди подписантов были братья Злоказовы, В. М. Имшенецкий, Г. Г. Казанцев, П. И. Беленков, П. И. Тарасов и другие. Кроме них на большие суммы подписались уральские заводууправления. Вот и необходимые средства, если бы не одно «но». Многие из подписантов умерли: действительны ли бумаги, которые они когда-то подписали? Обратились к городскому юрисконсульту и тот сообщил, что «подписки действительны и в отношении живых и покойных и, что деньги должны уплатить наследники». Тогда управа и решила собрать эти деньги и построить на них общежитие, присвоив ему имена жертвователей.

Мысль о том, что в городе будет вуз, мутила сознание обывателей. Как капризные дети, они желали, чтобы он появился немедленно. Городскую управу осаждали желающие поступить в институт; иногородние слали прошения и запросы; почтовая контора была завалена письмами с адресом: «Канцелярия Екатеринбургского горного института», но поскольку таковой не было, то контора не имела возможности передать их по назначению.

Чины управы, устав разводить руками, телеграфировали в столицу, сообщая, что город подготовил для института помещения и спрашивали, кто будет директором и профессорами. Учебный отдел министерства торговли молчал и тогда городская управа посоветовала вопрошающим обратиться прямо в учебный отдел министерства.

Наиболее нетерпеливые послали Лагорио телеграмму:

«Честь имеем просить Вас не отказать сообщить, когда будет открыт горный институт в Екатеринбурге. Будут ли при приеме в институт экзамены или конкурс аттестатов. Какая норма будет применена при приеме евреев. Будут ли приниматься в институт окончившие Уральское горное училище. Куда подавать прошения и документы и какие документы подлинные или в копиях. Будет ли отдано предпочтение при приеме уроженцам Урала, Приуралья...».

«Уральская жизнь» писала, что на днях предполагается обратиться к Лагорио и с мотивированным предложением открыть институт нынешней осенью.

Такой напор заставил Лагорио разомкнуть уста и телеграфировать, что «к сожалению открытие горного института в настоящем учебном году состояться не может. Закон об учреждении горного института министерством еще не получен. Вопросы, затронутые в телеграмме, будут разрешены по назначению директора, формирования учебного персонала и выработки правил приема».

Пыл нетерпения постарался погасить и член Государственного Совета Ф. А. Иванов, написав Обухову и гласным городской думы П. В. Иванову и С. А. Бибикову, чтобы уральцы не настаивали на немедленном открытии института, не торопились с подбором профессоров и директора и занялись бы лучше подготовкой к строительству здания института «путем заготовки строительных материалов». Члены комиссии по учреждению института вняли советам, все хлопоты возложили на городского голову, предложив ему съездить в ближайшее время в столицу и там в учебном отделе министерства торговли договориться «о представлении в распоряжение хотя бы начальника уральских горных заводов П. И. Егорова специальных кредитов на заготовку строительных материалов».

Обывательская среда, раскипевшаяся как самовар, стала постепенно остывать, чтобы разгореться уже от другой новости о приезде в Екатеринбург Их Высочеств принцессы Виктории Баттенбергской (1863 – 1950) с дочерью Луизой. Накануне приезда, почти всю ночь и до самого утра 15 июля город чистили и украшали. Охочая до зрелищ публика с 6 часов утра стала занимать места на вокзале, терпеливо выстояв четыре часа до прихода поезда с венценосными особами.

С текстом закона о горном институте уральцы познакомились в 2-х номерах «Горных и золотопромышленных известий» в разделе «Узаконения и распоряжения». Читая и перечитывая документ, они впервые смогли увидеть «абрис» будущего «рассадника знаний».

Итак, в законе он звался «Екатеринбургским горным институтом» и наделялся статусом высшего учебного заведения; его прототипом был Петербургский горный институт Императрицы Екатерины II. Поэтому студентов, выполнивших «программу занятий и испытаний, установленных узаконениями о горном институте Императрицы Екатерины II, и защитивших установленные для получения диплома работы» удостоивали «звания и преимуществ, присвоенных лицам, окончившим горный институт Императрицы Екатерины II со званием горного инженера». Форменные сюртуки будущих уральских выпускников должны были украшать знаки «особого образца».

А пока министр торговли и промышленности должен был озаботиться, чтобы не позднее 1 июля 1916 года, были назначены ректор и пять профессоров из числа лиц, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к профессорам горного института Императрицы Екатерины II (1729 – 1796), с образованием «из означенных лиц совета горного института в городе Екатеринбурге».

Мозг вуза – ректор, профессора, совет. Им закон давал право определять структуру института, его факультеты, кафедры, специальности и численность студентов. Поэтому закон молчал об этом, но зато он был многословен, но точен до рубля, когда речь шла о финансах. Расходы по сооружению и устройству института были определены « в сумме не свыше двух миллионов девятисот сорока двух тысяч рублей». В 1914 г. из этих денег Государственное Казначейство должно было «отпустить... на приступ к постройке и устройству... института» не более 300 тыс. рублей, и на содержание

личного состава, учебной части и хозяйственные расходы 78515 рублей «с отнесением сего расхода на счет ожидаемых сбережений от назначений по государственной росписи расходов на 1914 год».

Из каких источников должны были черпаться средства на создание вуза? Для этого в доход казны обращались пособия Государственному Казначейству: «от Пермского губернского земства – в размере пятьсот тысяч рублей, от Екатеринбургского городского управления – трехсот тысяч рублей, Екатеринбургского уездного земства – двухсот тысяч рублей и Оханского уездного земства – пяти тысяч рублей со внесением означенных сумм в Государственное казначейство в течение 1914 и 1915 годов равными долями».

Эти деньги в миллион с небольшим рублей уральские земства и власти Екатеринбурга собрали загодя. Государственное казначейство только с 1918 года обязано было отпускать средства на содержание личного состава института, учебную часть и стипендии по 236630 рублей в год, а до этого «размер потребных на те же надобности кредитов (необходимо было. – В. Ф.) определять в сметном порядке в пределах исчисленного по штату кредита».

Государство, дав уральцам право на создание института, выступало не в качестве спонсора, а как требовательный кредитор, предоставляя, правда, и некоторые льготы в виде беспроцентной покупки за границей учебных пособий и различных машин, а также бесцензурного приобретения книг, рукописей и «повременных», т. е. периодических изданий «ученого содержания».

Над законом о Екатеринбургском горном институте работало множество чиновников из различных ведомств, его просеивали через сито дискуссий, споров и обсуждений в комиссиях и комитетах, в Государственной Думе и Государственном Совете и на удивление, бюрократический наждак придал первоначальному аморфному замыслу неплохую огранку, особенно той части закона, в которой речь шла о пенсиях и окладах содержания. Чиновники, вероятно, представили себя на месте профессоров и преподавателей в маленьком уездном городке. Представили и поняли, как нелегко будет им, рафинированным жителям столицы, интеллектуалам, эстетам и, возможно, снобам жить среди семидесяти тысяч мещан, крестьян, мастеровых, рабочих и купцов; ходить по немощеным улицам, на которых ветер в жару поднимает минеральную пыль, а

ненастье делает их непроходимыми от грязи; жить в домах, где есть электричество и телефон, но нет канализации и водопровода; пить, привозимую в бочках ключевую воду, правда, «замечательно вкусную и чистую»; посещать два театра, читать три газеты, да «Записки» УОАЕ и медицинского общества. Местные достопримечательности? Их можно пересчитать по пальцам и обойти за неделю: Кафедральный и Екатерининский соборы, Ново-Тихвинский девичий монастырь; чугунные бюсты царствующим супругам Петру I (1672 – 1725) и Екатерине I (1684 – 1727) на плотине городского пруда и памятник Александру II-Освободителю (1818 – 1881) на Главной площади; старейшую в России магнитную и метеорологическую обсерваторию, сейсмическую станцию, Императорскую гранильную фабрику – вот, пожалуй, и все.

По мнению всезнающего «Брокгауза и Ефрона», Екатеринбург был одним из лучших и многолюднейших городов в Европейской части России, красиво обустроенный, с садами, бульварами, парками, прудом в центре, оправленном в гранитную набережную и... железнодорожными мастерскими в самом его центре. Мне кажется, составители «Энциклопедического словаря» польстились полувосточному, полуазиатскому городу, доверившись автору справки о нем.

Здравомыслящие составители закона решили, что скудность и неустроенность жизни в провинции должна быть оплачена не энтузиазмом профессоров, а окладами содержания, которые состояли из жалованья, столовых и квартирных денег. В 1914 г. российский ординарный профессор получал в год 4500 рублей, не 300 рублей больше, чем депутат Государственной Думы и в пять раз больше, чем самый квалифицированный рабочий, каковым тогда был машинист паровоза.

По закону штат горного института должен был состоять из ректора, декана, секретаря совета, 19 ординарных и экстраординарных профессоров, преподавателя богословия, 15 штатных преподавателей, 19 старших и младших лаборантов, препаратора, хранителя музея, шести лекторов, библиотекаря и его помощника, семи служащих канцелярии, смотрителя здания, архитектора, врача и фельдшера. Квартиры предоставлялись только ректору, двум делопроизводителям, смотрителю здания института, да фельдшеру, который имел самый малый оклад содержания в 480

рублей в год; самый большой – ректор, ему к содержанию по должности ординарного профессора за вычетом 750 рублей квартирных, добавлялось 2500 рублей, т. е. он получал 6250 рублей и ни рубля больше.

Раздел закона об окладах и пенсиях обширен. Приведу из него только три пункта: «Пенсия по выслуге двадцати пяти лет и более до тридцати лет и половинная пенсия по выслуге двадцати лет и более до двадцати пяти лет назначается из окладов в три тысячи рублей для ординарного профессора и в две тысячи рублей для экстраординарного профессора, а по выслуге тридцати и более лет означенные лица получают пенсию в следующих размерах: ординарный профессор четыре тысячи пятьсот рублей и экстраординарный профессор – три тысячи рублей (т. е. пенсия равнялась окладам содержания. – В. Ф.). Оклады сих пенсий не увеличиваются последующего, сверх тридцати лет, службою».

Очень гуманен закон был и к профессорам «одержимым тяжелыми и неизлечимыми болезнями, которые лишали их не только возможности продолжать службу, но и обходиться без постоянного постороннего ухода». Такие «при отставке в пенсию: прослужившие от пяти до десяти лет – одну треть оклада; прослужившие от десяти до двадцати лет – две трети оклада, а прослужившие двадцать лет и более – полный оклад».

В русской высшей школе профессорам присваивалось звание заслуженного профессора, которое давало право сохранять пенсию, сверх жалованья, при службе вне института.

При таком бережном отношении государства к своей интеллектуальной элите «утечки мозгов» из страны практически не было. За границу уезжали те, кто был не в ладу с законом или по политическим мотивам, но это были единицы. Так, что был резон ехать на службу в провинциальный вуз.

Если телеграмма начальника учебного отдела Лагорио успокоила уральцев, то телеграмма губернатора Ивана Францевича Кошко (1859 – 1927), присланная 20 июля полицмейстеру Г. И. Рупинскому (? – 1918), ой как встревожила. Губернатор телеграфировал: «Объявите населению: Германия объявила войну России. Призываю население в такую трудную минуту объединиться и поддерживать строгий порядок, помня, что всякое возмущение и буйство на руку нашему врагу, который будет им

радоваться, так как беспорядки уменьшают силу. Да поможет Бог, одолеть нам дерзкого и страшного врага».

Началась война, которую впоследствии назовут первой мировой. Губернатор, призывая население к порядку, лучше многих понимал, какой страшный враг покусился на Россию и какой трагически тяжелой будет с ним борьба, в которой упование только на Бога не более, чем ритуальная формула. Бог то Бог, да и сам не будь плох. Твердость и уверенность губернатора были его позицией, а не публичным актом, которой, кажется, не было у императора.

19 июля император записал в дневнике: «Утром были обычные доклады. После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию. Поехал с Аликс в Дивеевскую обитель. Погулял с детьми. В 6 ½ поехали ко всеобщей. По возвращении оттуда узнали, что Германия объявила нам войну. Обедали: Ольга А(лександровна), Дмитрий и Иоанн (деж.). Вечером приехал английский посол Buchanan с телеграммой от Georgie. Долго составлял с ним вместе ответ. Потом видел еще Николашу и Фридерикса. Пил чай в 12 ¼ ».

Поразительно инфантильная реакция, ни тени тревоги, беспокойства, деятельности, будто не России Германия объявила войну, а император правит страной не имеющей отношения к войне. Подданные вели себя иначе. 21 июля в половине четвертого в Екатеринбурге в Кафедральном соборе Преосвященный Серафим отслужил торжественный молебен о даровании победы русского оружия; газеты стали публиковать сообщения с театров военных действий; в городе появились первые раненые, а через Урал на восток пошли эшелоны с пленными, настроенными миролюбиво – война для них закончилась и, дивившиеся огромными просторами России.

Война была далеко, сознание людей еще не напиталось ее трагизмом и, вероятно, никто не мог предсказать ее последствий, даже мистики и религиозные фанатики, видевшие в любом аномальном природном явлении грозный перст судьбы или Бога. Такие явления подобно сейсмическим форшокам почему-то сопровождают войны, эпидемии, революции.

4 августа в 9 часов утра дрогнули недра уральских гор – произошло редчайшее для нашего края событие – землетрясение. Продолжалось оно не более полутора минут, напугав людей, выбежавших из домов, громовым гулом, треском стен, звоном оконных стекол, падением посуды и ветхих печных труб. Местные сейсмологи объяснили его движением земной коры. «Через четыре дня горожане наблюдали солнечное «затмение», а вечером, около 6 часов, над Михайловским кладбищем в сторону Московского тракта пролетел «таинственный аппарат. Сотнями опросов и заявлений (было. – Авт.) установлено, что за последние дни летательный аппарат ежедневно видят пролетающим на недосыгаемой... высоте над Екатеринбургом».

Для кого-то эти явления были забавой, но многих, особенно, верующих и слабодушных, они растревожили и напугали и пошли разговоры о пророчествах из святого Писания, как «восстанет народ на народ и царство на царство, и будут глад и трусь по всей земли».

Чувства надежды и тревоги для уральцев слились в унисон. Радость от того, что в городе будет высшее учебное заведение, пресеклась сомнением. А будет ли оно? Не помешает ли война? Война по хозяйски, твердо и уверенно, положила руку на, пока еще пустую, колыбель, приготовленную для Горного института, как когда-то, почти двести лет назад, другая война – Северная, стояла у колыбели уральских горно-заводских школ – предтечей будущего Горного института.

ГОРНЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

26 мая 1720 г. Москва. В голубом высоком небе Белокаменной торжественно плыл малиновый колокольный перезвон её сорока-сороков. Он словно был напутствием, пожеланием удачи путешественникам, плывшим на стругах вдоль изумрудно-зелёных берегов. Попутный ветер круглил холстины парусов, под форштевнями шумела, искрясь на солнце, вода. Путь предстоял не близкий: по Москве-реке до Оки, далее по Оке до Волги, потом от Казани посуху на лошадях на Урал.

Кто были эти отважные путешественники, пустившиеся в такой дальний и опасный путь? И зачем? И по чьей воле?

Путешественниками, а правильнее государевыми людьми, отправленными по служебной надобности, были капитан-поручик артиллерии Василий Никитич Татищев (1686 – 1750) да саксонский берг-мейстер, состоявший на русской службе с 1699 г., Иоганн Фридрих Блюер (1674 – ?), «со товарищи». Воля же была царской. Ещё в конце марта царь Пётр I (1672 – 1725) издал указ, в котором определил, что они должны будут делать на Урале: организовывать поиски месторождений медных, серебряных, железных и иных руд; проверять заявки о находках полезных ископаемых; заниматься строительством заводов и приводить в порядок уже существовавшие казённые горно-заводские предприятия, обеспечивая их рабочей силой за счёт государственных и монастырских крестьян и пленных шведов.

Потомки спустя десятилетия по-разному оценивали этот указ Петра I. Одни превозносили его, другие, напротив, принижали, сводя до утилитарного распоряжения. В 1911 г. в историко-статистическом очерке «Екатеринбург в прошлом и настоящем», опубликованном в торгово-промышленном справочнике «Весь Екатеринбург и Горно-Промышленный Урал», его авторы ничтоже сумняшеся написали, что в начале восемнадцатого века три казённых завода – Уктусский, Алапаевский и Каменский – работали много хуже четырёх демидовских, «почему Пётр Великий, по совету известного Брюса, указом от 9 марта 1720 г. командировал на Урал артиллерийского капитана ... Татищева ... Ему было

поручено привести казённые заводы в лучшее состояние». И только-то?

Конечно, нет. Замысел царя был грандиознее, глубже и дальновиднее. Он был не тактическим, как полагали некоторые, а стратегическим или, пользуясь современной терминологией, – геополитическим. И время для его воплощения было определено абсолютно точно.

1720 год – это финальный год в Северной войне со Швецией. На следующий год – соседи, воевавшие два десятилетия, заключили Ништадтский мирный договор. К этому времени природные ресурсы Олонецкого края, служившие в значительной мере промышленно-экономическим потенциалом для ведения войны, были практически исчерпаны. На них уже нельзя было опираться, а стране нужен был надёжный упор, отталкиваясь от которого, она могла бы развиваться, становясь вровень и даже превосходя европейские державы.

Таким упором, по замыслу царя, и должен был стать Урал, колоссальные природные ресурсы которого зияли на «трёх китах»: рудах, лесе и воде. Из руд выплавляли чугун, железо, сталь, медь, золото, извлекали платину и другие металлы. Лес давал древесный уголь. Именно на нём, не имевшем вредных минеральных примесей, работали домны на протяжении двухсот лет, позволяя получать металлы высокой чистоты и качества. Сила падающей воды, накопленной в прудах, приводила в движение машины и механизмы на заводах, фабриках, рудниках и шахтах и не только – реки служили транспортными артериями, по которым продукция уральских заводов перевозилась в центральные районы страны и далее за рубеж. Не будь хотя бы одного из этих «китов», история Урала как центра горнозаводской промышленности страны была бы иной, а может быть она бы и не состоялась вовсе.

Чтобы осуществить царский замысел, нужны были специалисты в области горного дела. В экспедиции Татищева они были: Блюер, Патрушев и другие. Но их количество не соответствовало масштабности проблем, которые им предстояло решать. Значит, их следовало готовить на месте, на Урале. Трудность решения этой важной задачи заключалась в том, что в это время в России вообще не было горнозаводских учебных заведений.

Небольшая горная школа, открытая Георгом Вильгельмом де Геннином (1676 – 1750) в 1716 г. на Петровском заводе, была не в счёт. В ней училось около десятка детей нижних чинов, присланных по просьбе де Геннина президентом Артиллерийской коллегии Ф. М. Апраксиным (1661 – 1728) из московской Математико-навигационной школы, да два десятка дворянских недорослей из Петербурга. История школы съедена временем и потому неясна. Как долго она работала, неизвестно. Кажется, новых учеников в неё не принимали, а лишь доучивали тех, которые были присланы из столиц. Учителем в ней был какой-то пленный шведский поручик, обучавший своих воспитанников арифметике, геометрии, рисованию, доменному, пушечному и другим заводским делам.

Первая уральская горнозаводская школа могла бы быть открыта раньше Олонецкой на Петровском заводе, если бы не чванливое высокомерие выбившихся из мастеров в «князи» отца и сына Демидовых. Ещё в 1702 г. Петр 1 «указал» подарить Никите Демидову (1656 – 1725) только что построенный Невьянский железоделательный завод, но с уплатой той суммы денег, которая была затрачена на его строительство. А в «Памяти Никите Демидову», посланной новому владельцу с думным дьяком, главой Сибирского приказа Андреем Виниусом (1641 – 1717), царь среди большого перечня указаний потребовал построить «деткам школы» и «работников добрых и смышленных тому делу у домен и у молотов и руд и угольного жжения учить, чтоб и впредь за оскудением людей остановки и никаких вредительских причин не учинялось».

Но ни в 1702 г., ни много позже школа на Невьянском заводе так и не была открыта. Более того, Демидовы, Строгановы и другие крупные уральские заводо- и землевладельцы были не заинтересованы в просвещении населения в своих вотчинах и активно противились Татищеву в открытии школ и даже писали об этом жалобы в Сенат на него. В сентябре 1735 г. Татищев по дороге на Кушвинский завод, куда он спешил для оформления документов на право пользования казной железорудного месторождения горы Благодать, завернул на Невьянский завод и спросил его надзирателя Булгакова о школе: «Оная по силе данного ему наказу, построена, ль?». В ответ он услышал, что здание для школы построено, но «токмо учебных книг нет, которых послано от прикащиков в

Москву в июне месяце, не получено», т. е. школа и спустя тридцать с лишним лет после царского указа ещё не начала работать.

Таким образом, Татищев начал писать историю образования на Урале с чистого листа. Первыми документами, по которым историки начали спустя столетия изучать уральское образование, были его донесения в Берг-коллегию. Татищев через два месяца после приезда на Урал, оценив состояние горных заводов, сообщил в столицу «о малости мастеров и ... о присылке оных», а также просил оставить в его распоряжении три десятка молодых дворян для обучения горному делу вопреки царского указа об отправке их в Морскую академию. В будущем же он рассчитывал на то, что ему позволять обучать горному делу и детей подьячих.

Возможности Берг-коллегии, созданной в 1719 г., были скудными. Но государственник Татищев был убедительно-требователен, и Берг-коллегия уступила его натиску, разрешив создавать школы при заводах и слободах, которыми она управляла, позволив учиться в них детям заводских рабочих, мастеровых, служащих, подьячих и священнослужителей и не только. В школы стали принимать детей, живших в селах и деревнях и не приписанных к горному ведомству.

Настойчивость Татищева скоро дала плоды. В 1721 г. на Урале было открыто четыре школы. Зимой – арифметическая в Кунгуре, где в съезжей избе шестнадцать учеников застучали мелками по доскам под руководством выпускника Артиллерийской школы Дмитрия Одинцова. На Уктусском заводе было открыто две школы – арифметическая и словесная. В словесной – дьячок Пётр Грамматиков обучал три десятка мальчишек только чтению, поскольку в письме был «не горазд». Письмо его ученики постигали у другого учителя, у шихтмейстера Степана Братцева – однокашника Одинцова по Артиллерийской школе, преподававшего в арифметической школе. Четвёртая школа, тоже словесная, стала работать на Алапаевском заводе.

К концу года в школах, открытых Василием Никитичем, училось около пятидесяти учеников, и это в краю, где школ отродясь не было, а население было немногочисленным. Деревни и сёла, в которых оно жило в окрестностях будущего Екатеринбурга, можно было буквально пересчитать по пальцам: Шарташ, Исток,

Косулино, нынешний Горный Щит, а тогда Верхний Уктус, Щелкун, Бобровка – вот, пожалуй, и всё.

Хотя семьи в то время были многодетными, учеников набрать было не просто. В Кунгурской школе учились в основном дети священников, в Уктусской и Алапаевской – дети мастеровых. Татищев очень хотел, чтобы учениками становились дети дворян, поскольку от них он «весьма лутшее желание и услугу ... нежели от подлости (подлостью, подлыми людьми именовали простолюдинов. – В. Ф.) получить мог». Но дворян на Урале было немного, и они были нарасхват. А вот крестьян было много, но он из-за сословных амбиций был категорически против обучения крестьянских детей, обязывая это делать священников и не за государственный счёт, а на мирские, т. е. общественные, деньги.

В заводских школах отношение к ученикам было доброжелательнее. Сиротам и детям бедных родителей обязательно выдавали полтора пуда ржаной муки в месяц и раз в год один рубль на одежду. Остальные ученики имели право получать жалованье (именно жалованье, а не стипендию) только тогда, когда начинали изучать заключительную часть арифметики, так называемое тройное правило, его ещё называли «золотым» или «ключом купцов». С помощью этого правила решали задачи на прямую и обратную пропорции.

Хорошо зная психологию русского человека, для которого первая указка, слышко, – кулак, а не ласка, Татищев очень жёстко требовал с комиссаров заводов, чтобы «за школами надзирать накрепко, чтоб прилежно обучались», тех же, кто прилежен будет в учёбе, «обнадёживать ... что письмоумеющий никогда в солдаты, матросы и другие невольные службы отдан не будет, но сверх того всегда им большее пред другими жалованье даётся», а «которые ученики от лености учиться не похотят и в школу ходить не будут, а родители потая их посылать (в школу. – В. Ф.) и принуждать (к учёбе. – В. Ф.) не будут, и со оных брать по копейке в день».

Так, где кнутом, а где пряником, на Урале стало насаждаться, культивироваться, развиваться образование. Конфликт с Демидовыми вскоре пресёк деятельность Татищева. В марте 1722 г. Пётр I назначил начальником Сибирского Обер-берг-амта генерал-майора де Геннина. И хотя генерал недолго любил своего предшественника и за многое его критиковал, но к Татищевскому

«наказу» о школах отнёсся здраво, понимая лучше многих, что «при заводах, для размножения их и доброго во искусствах основания, потребно обучать арифметике, геометрии и знаменования (т. е. технического рисования. – В. Ф.) детей мастеровых». И поэтому, развивая начатое Татищевым дело, распорядился открыть при конторе Екатеринбургских заводов школу повышенного типа – первое такого ранга учебное заведение не только на Урале, но и в России. «Оная учинена и содержитца, – писал Геннин, – и ученики обучаютца для того, чтоб возможно было, когда понадобится, из оных комплектовать ко всем горным и заводским делам и мастеровые люди и протчие чины».

Что из себя представляла эта школа, он описал в донесении, посланном в Берг-коллегию в январе 1724 г.: «... школа – две светлицы учебные, камеры (комнаты. – В. Ф.) для учителей и хранения книг и инструментов и протчего, в которой будет до 100 человек обучаться младенцев». Набрать такое количество «младенцев» было непросто. Геннин приказал привезти со всех заводов детей мастеров и подмастерьев, священно- и церковнослужителей, сохранив при заводах только словесные школы. В штате новой школы было четыре учителя, которые и должны были обучать детей знаменованию, черчению, арифметике и геометрии, чтению и письму. Содержание школы и учеников обходилось казне в немалые по тем временам деньги – 120 рублей в год.

Повышая статус и укрепляя Екатеринбургскую школу, де Геннин перевел в Екатеринбург сначала школу из Кунгура, потом, осенью 1723 г., – Уктусскую арифметическую, а в мае 1725 г. и Уктусскую словесную «со учениками и со всем прибором». Почему он в отличие от Татищева стал сокращать ареал школ при том, что потребность в грамотных людях на заводах не уменьшалась, а, наоборот, возрастала с каждым годом. От нужды. От того, что постоянно находился в жёстких финансовых тисках. На строительство Екатеринбургского железоделательного завода казна выделила только половину требуемых по смете средств, и де Геннину пришлось в течение нескольких лет оплачивать расходы местными деньгами – медными платами. Этим, в частности, объяснялось постоянное привлечение учеников, изучавших арифметику, для выполнения срочных работ в заводской

канцелярии или непосредственно на заводах. Положение учеников словесников было ещё тяжелее. Их наряжали для того, чтобы они переплетали конторские книги, заготавливали дров, грузили чугунные и медные отливки, ремонтировали школу, да мало ли что их заставляли делать.

Бедствовали школы, бедствовали учителя и ученики. На прошения де Геннина помочь школам Берг-коллегия скупой откликалась посылками с книгами, логарифмическими таблицами и чертёжными инструментами. Первый учитель Екатеринбургской школы, выпускник Московской артиллерийской школы Пётр Рыбаков, умерший в 1725 г., оставил наследникам два кафтана, суконный, да китайский, один стоимостью в гривну, второй – в 33 алтына, да старую шубу ценою в полтину, да трёхкопеечные суконные штаны. Бедный учитель – зависимый человек. Разве такой сможет воспитать в учениках свободу, смелость мысли, поступка, действия. Нет. Ум, говорил П. А. Вяземский (1792 – 1878), любит простор, а не ранжир. Случайно ли, что среди выпускников Екатеринбургской горной школы в анналах истории сохранилось имя только Ивана Ползунова (1729 – 1766).

Принуждение расхолаживало учеников. Они с неохотой учились, несмотря на все обещанные им «коврижки». Смелее в такой ситуации вели себя и родители. Не страшась наказаний, они не отпускали своих чад в школу, штаты которой так и не были заполнены. К началу 1734 г., когда многочисленные прошения де Геннина об освобождении его от службы на Урале были, наконец, удовлетворены правительством и 17 марта главой горной администрации был вновь назначен Татищев, в Екатеринбургской школе за партами сидело не 100, как планировал де Геннин, а всего 57 учеников.

За четырнадцать лет, прошедших со времени первого приезда Татищева на Урал, в стране произошло немало событий: смерть Петра Великого, недолгое царствование его супруги Екатерины I (1684 – 1727), опала и ссылка в Берёзово могущественного Меншикова (1673 – 1729), правление Анны Иоанновны (1693 – 1740) и многие другие. Эти события влияли на жизнь Василия Никитича, но не на судьбу, которая как данность у всякого человека определена свыше и составляет основу ментальности. «Птенец гнезда Петрова», став орлом, «до дней последних донца», был

искренне верен орлу двуглавному – России, кто бы ни сидел на троне под этим орлом, облачённый в горностаевую мантию, сжимая правой рукой жезл – скипетр самовластья, а левой – шар – державу.

За три года Татищев сделал много полезного для горного образования. Широкий взгляд и глубина понимания сути, решаемых им проблем, «полная мочь» данных ему Императрицей и Кабинетом министров полномочий, позволяли Василию Никитичу рассматривать вопросы просвещения, как органичную часть задач развития горной промышленности Урала. В конце 1734 г. по его инициативе в Екатеринбург приехали представители частных горнозаводских предприятий для обсуждения вопросов о составлении новых горных законов. Через год были готовы проекты трёх важнейших документов: «Заводского устава», «Наказа шихтмейстеру» и «Горного устава».

В первой главе «Заводского устава» был параграф «О школах и учениках», в котором указывалось, что школы создаются «для всеяния слова божия и умножения к пользе заводов принадлежащих наук», и потому ученики должны изучать не только грамоту и арифметику с геометрией, но также немецкий и латинский языки, гражданское право, математику и различные «высшие науки». Руководить школами согласно «Наказа шихтмейстера» должен был обер-маркшейдер и его младшие коллеги шихтмейстеры на каждом частном заводе.

Но, несмотря на большие полномочия, Татищев не смог осуществить планы развития образования на частных заводах из-за противодействия всесильного временщика герцога Э. И. Бирона (1690 – 1772), называвшего его главным злодеем немцев, и сопротивление заводовладельцев, которые стали открывать школы только тогда, когда их «припёрла» к тому жесткая необходимость. А пока они с высокомерием полуобразованных людей относились к его наставлению о том, что «понеже при заводах умеющие читать и писать не только в правлении и надзирании, но и во всех ремеслах весьма нужны, наипаче же арифметика и геометрия лучшие к рассуждению способы подают ... так и в сочинение чертежей весьма полезны». На Нижне-Тагильском заводе, например, школа была открыта внуком Никиты Демидова лишь в 1750 г.

По-иному обстояло дело на казённых заводах, где Татищев смог создать систему школ (!), состоящую из учебных заведений

четырёх типов. Низшими или начальными были словесные школы. Они были наиболее распространёнными и открывали их почти на всех заводах. Ученик, окончивший словесную школу, мог поступать (если хотел) в школу повышенного типа – арифметическую. Эта школа давала не только знания по арифметике, геометрии и тригонометрии, но и некоторую профессиональную подготовку, особенно, когда в программу обучения стали включать физику, химию, основы металлургии и горного дела. Для детей горных чиновников и выпускников арифметической школы были созданы латинская и немецкая школы, где они изучали соответственно латинский и немецкий языки и занимались переводами документов и книг, написанных на этих языках, а также проходили ученичество на горных предприятиях.

Среди всех горных школ выделялась, конечно, Екатеринбургская. Это была уже не школа, а учебное заведение во главе с ректором Штермером, получавшим 500 рублей жалованья в год. Она состояла из трёх школ – латинской, немецкой и русской; русская школа, в свою очередь, включала в себя словесную, арифметическую и знаменования. Выпускники этого учебного заведения, по завершении образования, совершенствовались под руководством главных специалистов и служащих Канцелярии Главного Правления Сибирских и Казанских заводов (так Татищев, «чтобы слова и честь отечества, и его труд ... именем немецким утеснены не были», переименовал Обер-берг-амт). Возможно, у Татищева было намерение создать на основе Екатеринбургской школы высшее горное учебное заведение по представлениям того времени.

Своеобразный итог его просветительской деятельности отражён в «Ведомости о состоянии школ ведомства Канцелярии Главного Правления Сибирских и Казанских заводов 1737 года», составленной 22 февраля 1738 г., в которой перечислена 21 русская, латинская и немецкая школы с 669 учениками, около трёхсот из которых училось в Екатеринбурге.

Горнозаводские школы были только низшей ступенью в иерархической системе горного образования, начало которой, по крайней мере на Урале, положил, возможно, не осознавая этого, де Геннин. Более основательное образование в то время, да и много позже, в Екатеринбурге получить было нельзя. Для этого

необходимо было ехать либо в Петербург в Академию Наук, либо за границу. Василий Никитич использовал обе эти возможности.

В 1724 г. он возил в Швецию несколько учеников Морской академии для изучения горного дела, но эта командировка оказалась малоуспешной из-за сопротивления шведских правительственных чиновников и боязни мастеров знакомить вчерашних врагов с горными технологиями. В начале 1735 г. он попытался послать с плавильным мастером Улихом трёх учеников екатеринбургской школы – Александра Тереева, Петра Стефанова и Григория Клеопина в Германию, «чтобы в Лейпциге или другом городе, где ближе к заводам в школе определить и доброму содержанию вручить, чтоб в науках математики, физики, механике, рисовать, металей и минералий, в которых наибольшая польза заводов состоит». Но поездка не состоялась. Её не разрешил Берг-директориум. Вместо Германии этих учеников, добавив к ним Александра Степанова, Фёдора Сикорского, Богдана Арефьева и Афанасия Кичигина, определили на учёбу в Академию Наук.

В начале 1739 г. некоторые из них были отозваны в Екатеринбург. Трое стали переводчиками при саксонских мастерах; Клеопин, как самый способный, получил назначение в Красноярск, а с 1750 г. он в чине берггешворена работал под руководством отца Никифора Герасимовича (1700 – ?) в канцелярии Главного Правления заводов.

Как мудро в своё время поступал Пётр I, отводя иностранцам второстепенные роли. Если бы все правители России помнили об этом. В десятилетие царствования инфантильной, любившей только развлечения, Анны Иоанновны с 1730 по 1740 гг. произошло «онемечивание» страны стараниями её фаворита Бирона. Берг-коллегия – коллективный орган управления горной промышленностью в 1736 г. был заменён Берг-директориумом во главе со ставленником Бирона Куртом Александром фон Шенбергом, который инициировал принятие указа о передаче казенных заводов в частное владение. Сам он получил на Урале Гороблагодатские заводы, ставшие для него источником личного обогащения. Татищев, препятствовавший временщикам «великий государственный доход похитить», впал в немилость, и его постепенно отстранили от управления уральскими заводами. Это нанесло вред и развитию горной промышленности, и горному

образованию: закрывались школы, сокращались средства на их содержание, уменьшались расходы на жалованье учителям и ученикам. Правление заводов принимало меры к упрочению положения школ и добилось их улучшения, особенно екатеринбургской. В ней, как и прежде, был высокий уровень подготовки и большое число учащихся: в 1755 г. её посещало 354 ученика, в 1763 – 308.

В 1750 г. друг за другом ушли из жизни Георг Вильгельм де Геннин и Василий Никитич Татищев. Геннин был похоронен в Петербурге, Татищев – в своём имении Большое Болдино под Москвой. Оба истово служили России. Безмерны заслуги обоих перед ней. Среди множества великих деяний, которые они совершили, самым значимым, пожалуй, является создание на Урале школ. Академик В. П. Безобразов (1828 – 1889), характеризуя деятельность Татищева, написал, что только за горнозаводские школы «без всяких других великих его услуг Россия могла бы прославить его имя в нашей гражданской истории». В полной мере такой же оценки достоин и Георг Вильгельм де Геннин. Они оба – суть первые просветители Урала, *горные просветители*.

Разъединённые в жизни, хотя и делавшие одно дело, они теперь стоят бронзовыми фигурами на гранитном постаменте в центре основанного ими Екатеринбурга.

«ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ...»

Спустя почти четверть века после смерти Татищева и де Геннина в столице было открыто Горное училище – будущий Горный институт. Непосредственными «виновниками» этого события ни тот, ни другой не были. Но вот косвенными безусловно были. Ведь это они «насаждали» горное дело и способствовали его «размножению», они открыли первые горнозаводские школы «для распространения полезных знаний, особенно относящихся до горного дела, между всеми, стоящими при горном деле людьми». Поэтому инициаторами прошения в Берг-коллегию об открытии училища были именно «стоящие при горном деле люди» – башкирские горнопромышленники во главе с Исмаилом Тасимовым, обещавшие отчислять на его содержание по полушке (четверть копейки) с каждого пуда добытой медной руды.

Ходатайство, одобренное президентом Берг-коллегии М. Ф. Соймоновым, с его комментарием о том, что теперь развитие горного дела «без обученных людей и сведущих заводских правителей никак произвести не может», было направлено в Сенат, который, рассмотрев его, согласился с необходимостью создания училища и отметил, что «от таковой же школы, какова ныне в Екатеринбурге есть, людей таковых ожидать нельзя». Этим мнением Сената было закрещено существовавшее как будто бы намерение открыть высшее горное учебное заведение на Урале. Проект указа о Горном училище был разработан Соймоновым, а сам указ Екатерина II (1729 – 1796) подписала 21 октября 1773 г. Но к занятиям в нём первые 23 студента, среди которых были не только дворяне, но и разночинцы, приступили только 28 июня следующего года.

Вклад уральцев в становление училища был не только идейным, но и материальным: в его библиотеке было несколько сотен книг, отобранных по требованию Берг-коллегии в библиотеке Екатеринбургской школы, а первым преподавателем металлургии и химии был назначен выпускник этой школы А. М. Карамышев (1744 – 1791), удостоенный впоследствии звания члена-корреспондента Российской и Шведской Академий Наук.

Хорошим ли было решение Сената об открытии училища в столице? И да, и нет. Нет, из-за его удалённости от Урала. Этот недостаток выявился почти сразу же. Историк М. М. Щербатов (1733

– 1790), посетивший училище в 1778 г., отметил: «И потому неуповательно, чтоб сие училище могло толикую пользу произвести, какую бы можно было от него ожидать, если бы оно было учреждено в Екатеринбурге, где бы теория немедленно с практикой соединялась». Ровно сто лет спустя профессор Горного института Иван Августович Тиме (1838 – 1920), вторя князю Щербатову, он также с сожалением писал в статье «О причинах технической отсталости уральских заводов», что Петербургский горный институт совершенно удалён от горных центров, в особенности от главного из них – Уральского, чем и объясняется слабое его воздействие на промышленность. История института была бы более блестящей, если бы он был основан в Екатеринбурге – городе, который Пётр I указал своим гением как центр горной промышленности империи. И в качестве достойного примера Тиме привёл Фрайбергскую горную академию, всемирной блистательной славе которой она обязана тому, что была открыта в 1765 г. в центре горнорудного края.

Да, потому, что в Екатеринбурге ни тогда, ни много позже не было такой научно-педагогической среды, в которой могло бы существовать и развиваться высшее учебное заведение.

Открытие Горного училища, которое в 1804 г. было преобразовано в Горный кадетский корпус, в 1833 г. – в Институт корпуса горных инженеров, а с 1866 г. – в Горный институт, никак не повлияло на развитие горного образования на Урале. Большее влияние на него оказали преобразования административных и правительственных учреждений. В 1781 г. на Урале было создано два наместничества: Пермское и Уфимское; в 1797 г. была образована Пермская губерния и Екатеринбург получил статус уездного города, хотя по численности населения он превосходил Пермь. В 1784 г. была ликвидирована Берг-коллегия и, соответственно, Екатеринбургская канцелярия горных заводов. Управление горной промышленностью края перешло в ведение сначала Горной экспедиции при Пермской казённой палате, а затем к Канцелярии главного заводов правления.

Вскоре стала очевидной пагубность такой реорганизации. Поэтому в 1801 г. в столице восстановили Берг-коллегию, а на Урале три горных правления – Екатеринбургское, Гороблагодатское и Пермское. Через шесть лет произошло очередное изменение.

Петровские коллегии были заменены на министерства, и горное ведомство под названием Департамента горных и соляных дел стало сначала частью Министерства коммерции, а с 1810 г. – Министерства финансов.

К этому времени на Урале работали екатеринбургское и богословское горные училища и горнозаводские школы при Берёзовском, Нижне-Тагильском, Невьянском, Кыштымском, Каслинском, Полевском, Нязепетровском, Нытвенском, Кушвинском и Юговском заводах. И если школы при казённых заводах развивались удовлетворительно, то на частных заводах их нередко закрывали. Начавшиеся ещё при Екатерине II попытки создать в стране систему народного образования, затронули и горное образование. Первый министр финансов граф А. И. Васильев (1742 – 1807), вступив в должность, представил Александру I (1777 – 1825) доклад «О новом образовании Горного Начальства и управлении горных заводов», в котором раздел «О горных школах».

В историческом отношении в этом разделе доклада наибольший интерес представляет оценка роли и значения екатеринбургской горной школы. «С самого начала заведения заводов Сибирских в начале истекшего столетия, – писал министр, – в то время, когда ещё правительство весьма мало думало о заведении школ по прочим местам в государстве, была уже учреждена горная школа в Екатеринбурге, которая в своё время снабдила не только Екатеринбургские, но даже Колыванские и Нерчинские заводы наилучшими горными людьми. Пермская губерния при самом открытии оной заместила большую часть мест по гражданской части людьми, воспитанными в сей школе, и была всегда против тамошних губерний с сей стороны в самом лучшем состоянии.

Но со времени открытия губернии и поступления заводов в ведение гражданское школа сия упала; и хотя после восстановления Берг-коллегии она возобновлена и ныне существует, но судя по обширности заводов, по умножению их числа, увеличенному действию, по разделению на разные начальства, таковая школа весьма недостаточна не только для всех заводов хребта Уральского, но и для заводов, зависящих от одного Екатеринбургского горного начальства. При том не заключает в себе тех предметов, кои

необходимо нужно преподавать, как для пользы заводов и государственной, так и для блага жителей, населяющих оные».

Так на государственном уровне была признана необходимость развития горного образования. Ссылаясь на «Предварительные правила народного просвещения», министр ратовал за организацию сети горных школ, построенных по единому типу: малые школы для детей одного завода, приравненные к уездным или приходским училищам и главные – при главных заводах, со статусом гимназий. К докладу он приложил штаты, указав в них перечень учебных дисциплин, число учителей и размер их жалованья. Император утвердил штаты в июне 1806 г.

В первые годы правления Александр I вознамерился провести в стране либеральные реформы, в том числе и в народном образовании. По замыслу императора оно должно было быть всесословным и преемственным или непрерывным, а система учебных заведений состоять из одногодичных приходских училищ, двухгодичных уездных училищ, четырёхгодичных гимназий и университетов. С этой системы была скалькирована в принципе и система горного образования, описанная в 1806 г. в «Проекте горного положения».

Но реформы в России редко доводятся до конца: то денег не хватает, то воли и настойчивости у верховных правителей, то слишком сильным оказывается сопротивление ретроградов. Вот и реформа народного образования, а значит и горного, стала половинчатой. Вместо главных заводских школ при Горном кадетском корпусе был открыт пансионат для полусотни воспитанников, родители которых были горными чиновниками, а Екатеринбургскую школу понизили до малой заводской школы. Школы при заводах, но не при всех, удалось сохранить. В них (а их было 16) под руководством 71 учителя училось 2161 ученик.

Почивший в Бозе в 1824 г. Александр I оставил много нерешённых проблем своему сыну. В горном деле тот начал их решать с его военизирования; в 1826 г. была введена должность Главного начальника горных заводов Уральского хребта; через два года было утверждено новое положение о штатах уральских заводов, а в 1831 г. в Екатеринбург перевели канцелярию Горного управления, назвав его Уральским. Повышение статуса Екатеринбурга предполагало как будто бы повышенное внимание к

местной горной школе, которую и чиновники Министерства народного просвещения намерены были преобразовать в средне-техническое учебное заведение. Но Горное правление почему-то превратило его в уездное училище, хотя потребность в специалистах горного дела была большая. Директор училищ губернии В. И. Антропов, например, добивался и добился в 1835 г. открытия в одном из них дополнительного класса, в котором стали преподавать геологию и минералогию, а для детей горных чиновников ещё и иностранные языки, чтобы имели право поступать в столичный университет.

Существенные перемены в уральском горном образовании начали происходить с 1837 г., когда 27 марта на должность Главного начальника заводов хребта Уральского «Всемиловейше» был назначен боевой генерал-майор артиллерии Владимир Андреевич Глинка (1790 – 1862). Ему, выросшему и воспитанному в культурной и просвещённой семье, и суждено было создать на Урале многоступенчатую систему низшего и среднего горного образования.

Двадцать семь горных школ – вот и всё, что было на Урале в 1837 г., и те «на всех заводах, кроме Пермских и Златоустовских, находятся в дурном виде, как относительно помещений, так и ... обучения», – доносил Глинка министру финансов Егору Францевичу Канкрину (1774 – 1845). Положение со школами начальнику заводов не понравилось, и он стал решительно и последовательно, как военный, и взвешенно и вдумчиво, как просвещённый человек, осуществлять свой проект создания системы горного образования, который он изложил в «Уставе учебных заведений Уральских горных заводов», представленном им в 1839 г. в Штаб Корпуса горных инженеров.

По мнению Глинки, система горнозаводского образования должна была быть трёхступенчатой: заводская школа – окружное училище – гимназия. Но Канкрин, ознакомившись с проектом, наотрез отказался финансировать устройство гимназии и вовсе не потому, что по должности был скуп, а потому, что к этому времени коренным образом изменилось отношение власти к народному образованию. Николай I (1796 – 1855), переживший потрясение от восстания декабристов, стал бояться образованных людей. И

министр финансов, вторя императору, говорил, что простому человеку не следует быть чрез меру образованным.

Но Глинка был настойчив и напорист. Сначала ему удалось закрепить законодательно свою идею о многоступенчатости образования. Потом он добился признания необходимости введения всеобщего начального образования. Наконец, в 1848 г. генерал сломил сопротивление министра финансов, но не Канкрин, а его преемника, более уступчивого Ф. П. Вронченко (1779 – 1852), и тот утвердил смету на строительство трёхэтажного здания Горного училища вместо гимназии.

Что же из себя представляла система учебных заведений после всех её изменений? Она была изложена в 1847 г. в «Штатах горных казённых заводов Уральского хребта».

Итак, нижний уровень иерархической системы образования составляли «первоначальные», или заводские, школы. Их наметили открыть при всех казённых заводах и в больших заводских посёлках. В 17 таких школах должно было учиться 3925 учеников. И самой большой из них на 600 учеников должна была стать школа на Берёзовских золотых промыслах. Предполагалось, что при шести окружных управлениях горных заводов: Екатеринбургском, Златоустовском, Гороблагодатском, Богословском, Пермском и Воткинском – будет по одному окружному училищу и по одной женской школе для дочерей «нижних чинов и рабочих людей горного ведомства». В училища первых трёх округов предполагалось набирать по 60 учеников, в училища трёх других – по 50. Венчало эту систему Уральское горное училище «для всех уральских заводов».

По-военному чётким и однозначным было организовано и «движение» учеников по ступеням системы образования. Только лучшие выпускники заводских школ отбирались в окружные училища «единственно по их успехам и поведению, а отнюдь не по уважению к их родственникам», и за этим на экзаменах следили и представители окружных училищ, и управители заводов. Также только лучшие выпускники окружных училищ направлялись либо в Уральское горное училище, либо назначались помощниками учителей и учениками лекарей. Окончившие Уральское горное училище направлялись на работу; отличникам присваивалось

звание урядника 2-й статьи, а все остальные были урядниками 3-й статьи.

Осенью 1848 г. Горное правление купило у купца Ивана Рязанова участок земли, расположенный между кафедральным собором и прудом, на котором весной следующего года полторы сотни рабочих начали строить здание Горного училища. Когда-то на этом месте, напротив здания Обер-берг-амта, были командирские дворы, изба первой школы и дворы подьячих. Владимир Андреевич в течение четырёх лет ездил на службу мимо стройки и наблюдал из окон своего кабинета, как поднимались стены училища.

Занятия в нём начались весной 1853 г. Программа обучения была богатой по количеству и разнообразию изучаемых дисциплин: математика, физика, химия, всеобщая история, иностранные языки, геодезия, основы минералогии и геогнозии, практическая и горная механика, пробирное и маркшейдерское искусство, черчение и рисование. Теоретическое обучение чередовалось с практическими занятиями «в технических производствах». В училище были хорошие мастерские, практический музей, библиотека, первые книги в фонд которой подарил Глинка. Позже для училища была построена электростанция.

Абитуриенты поступали в училище по конкурсу, учились за плату четыре года. Только малая часть учащихся, 14-17-летних выпускников окружных училищ, в основном детей чиновников низких рангов да горнозаводских служащих и рабочих, учились за счёт казны либо на стипендии частных лиц или каких-либо учреждений и обществ. Горные инженеры и важные чиновники из высокомерия не отдавали детей в училище, предпочитая, чтобы их избалованные чадо, получив домашнее образование, затем становились студентами либо столичных, либо заграничных вузов.

И напрасно так поступали, непатриотично, демонстрируя спесь, амбициозность и корпоративный снобизм. Уровень обучения в училище был самым высоким в стране среди таких учебных заведений. Один из управляющих училищем Н. Е. Китаев, характеризуя своих питомцев, говорил, что все они за два года до выпуска расписаны по заводам и рудникам. Благодаря хорошей подготовке уральцы пользовались преимуществом при поступлении в Петербургский технологический институт в качестве казённых стипендиатов. Их принимали без экзаменов в старейшее

горнотехническое учебное заведение Европы, во Фрайбергскую горную академию.

Жизнь постоянно искушает человека выбором. Нередко это выбор между мгновением и вечностью. Глинка, создав систему горного образования, неосознанно, а может быть и сознательно, сделал выбор в пользу вечности. Те люди, которые, по выражению выпускника училища Евгения Никитича Короткова (1850 – 1919), «более всего обязывались пекчись о нём (об училище. – В. Ф.) с отеческой любовью», предпочли вечности мгновение. «Ушёл Глинка ..., и над... училищем навис домоклов меч ... неприязни к нему». Дальше – больше.

Первое серьёзное испытание на прочность уральская система образования прошла в начале 60-х годов. 8 марта 1861 г. был обнародован манифест и особое положение об «освобождении от обязательного труда» горнозаводского населения, которое очень болезненно переживало последствия реформы. К началу реформы 70 % горнозаводских рабочих были крепостными. После реформы производство на Урале сократилось на четверть. Тяжёлое материальное положение заставляло родителей забирать детей из школ, над которыми нависала угроза их закрытия. И тогда преемник Глинка генерал-лейтенант Фёдор Иванович Фелькнер (1802 – 1877) воспротивился этому, распорядившись по-прежнему выдавать учащимся причитающееся им жалованье. Школы были спасены. Генерала Фелькнера в Екатеринбурге называли «первейшим ревнителем» образования. Это благодаря его настойчивости в 1861 г. в Екатеринбурге была открыта мужская гимназия, а спустя два года и женская.

Драма системы образования началась позже, в 1871 г., когда при обсуждении сметы Департамента горных дел какой-то умник поставил вопрос о целесообразности её существования. Министерство народного просвещения тут же изъявило желание прибрать себе горные школы и училища, переустроив их по своему образцу. Обсуждение этого вопроса затянулось. Финал наступил 22 мая 1879 г., когда было опубликовано решение о передаче окружных училищ и заводских школ Министерству просвещения. Так была разрушена «стройная, вполне законченная система обучения, созданная Глинкой». От неё осталось лишь Уральское горное училище. Из заводских школ сделали двухклассные начальные

училища, а из окружных училищ – городские. Как отнеслось к нововведению население заводских посёлков? Выпускник златоустовского окружного училища В. Е. Боков вспоминал, что «населению жалко было расставаться с окружным училищем, приноровленным для заводской службы самой программой, уже зарекомендовавшим себя с полезной стороны и давшим большой контингент полезных деятелей на заводские службы».

Интересы Министерства народного просвещения и горнопромышленников напоминали концы расходящихся ножниц. Уральской промышленности с каждым годом требовалось всё больше «лиц с научной подготовкой для нововведений и усовершенствований техники горного дела». Где брать такие «лица»? Рассчитывать на то, что их кто-то подготовит для уральских предприятий? Конечно, нет. Уральцам надо было самим решать эту проблему. И они начали ею заниматься в самом конце XIX века одновременно с двух сторон.

27 сентября 1896 г. Екатеринбургская городская дума по докладу местной управы обратилась в правительство с ходатайством об открытии в городе высшего горного училища. Но это было дело далёкой перспективы с непредсказуемым результатом, как журавль в небе. Синицей в руках было Уральское горное училище и горнозаводские школы. Обсуждение их положения и стало на многие годы актуальным вопросом на съездах уральских горнопромышленников и горнозаводчиков.

В июне 1897 г. на одном из заседаний V Съезда выступил управляющий Горным училищем Н. Е. Китаев с проектом его преобразования путём совершенствования программы обучения, сделав её более универсальной и сложной. Что тут началось! Разве возможно за четыре года учёбы «юноше, получившему ничтожную образовательную подготовку ... освоить обширный круг специальных наук, – многоголосо возражали оппоненты, – увеличение же его до шести лет невозможно потому, что контингент учащихся состоит из детей горнозаводских служащих и старших рабочих, людей трудовых и бедных, для которых важно, чтобы сыновья как можно скорее оканчивали ученье и вступали на практическое дело, служа опорой их благосостояния». Что же в таком случае делать? Первый и почти единодушный порыв был таким: программу обучения следует не расширять и усложнять, а,

напротив, сокращать и упрощать и на те же средства увеличить подготовку дельных штейгеров. Иными словами, было предложено превратить училище в низшую горную школу.

Этого ни в коем случае нельзя делать, – возмутился директор Пермского реального училища М. М. Дмитриев. «На Горное училище, – убеждал он делегатов, – следует смотреть как на среднее учебное заведение для подготовки помощников горных инженеров, так же как и на Пермское реальное с горным отделением. Уничтожить или деградировать училище, существующее с 40-х годов, имеющее прошлое и послужившее Уралу, непозволительно».

Аргументация Дмитриева, подобно барьерному рифу, разбила волну возмущённых возражений, и делегаты, успокоившись, решили, что обучение низших техников: штейгеров, плотничных мастеров и лесных смотрителей – надо осуществлять в низших горных школах, открывая их в каждом горном округе или при заводах; на худой конец, краткий курс первоначальных технических знаний можно изучать в двухклассных сельских училищах. Этот вариант многим показался приемлемым, поскольку выпускники училищ заканчивали учёбу к 12 годам, а на завод их брали с 15 лет, следовательно, «непроизводителью теряющиеся годы они с пользой бы провели (в таких школах. – В. Ф.), изучая техническое производство своего завода и подготовляясь к более видному роду деятельности».

«Сухим остатком» завершившейся дискуссии стал документ – предложение Совету Съезда разработать проект низших горнотехнических школ и представить его для обсуждения на следующем Съезде.

Совет исполнил данное ему поручение, и на следующий год на заседании Съезда, проходившем накануне дня Святого Макария Египетского, небесного покровителя российских горняков, делегаты обсудили два проекта низших горных училищ. Один – был представлен Советом Съезда, второй, составленный по поручению главного начальника Уральского горного правления П. П. Боклевского (1851 – ?), – Китаевым.

Проект, разработанный членами Совета Съезда, не отличался ни оригинальностью, ни новациями. Китаев же предложил восстановить существовавшую ранее систему специальных учебных

заведений, но в более широком виде, приняв во внимание изменившиеся условия жизни, распределив затраты на их содержание поровну между государством и горнопромышленниками, городами и земствами.

К обоим проектам было сделано немало поправок; ни один из них не получил одобрения. Только через год, на VIII Съезде, был рассмотрен устав низших горнотехнических школ I и II разрядов, устроивший всех. Его и сочли возможным представить на рассмотрение и утверждение в правительство.

Хотя и на съездах уральских горнопромышленников, и на съездах горнопромышленников Юга России постоянно обсуждались вопросы горного образования, оно не улучшалось. В 1910 г. в стране было всего два средних горнотехнических учебных заведения: Уральское и горнозаводское отделения при Пермском реальном училище; ученики горных школ составляли всего 0,3 % от всех учившихся в профессионально-технических учебных заведениях – 716 против 213860.

Здесь на рубеже XIX и XX веков следует поставить точку в истории уральского низшего и среднего горнотехнического образования. В XX веке развитие горного образования пошло по другому пути, приведшему к открытию в Екатеринбурге первого на Урале высшего учебного заведения – Уральского горного института.

ЕКАТЕРИНБУРГ ИЛИ ПЕРМЬ?

«Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества», – говорил Александр Сергеевич Пушкин (1799 – 1837).

Уральский горный университет существует сто лет. За этот век в стране произошло немало трагических социально-политических событий. Были моменты, когда Горный институт находился в гибельном состоянии, но уцелел. Значит, он есть «суть прочнейшее и лучшее» или одно из лучших изменений, произошедших в уральской истории, а люди, его создавшие, обладали высочайшей нравственностью.

Почему в 1773 г. Горное училище было открыто в столице, а не в Екатеринбурге «как главном городе главной горной области» страны? Это объяснялось «исключительно диким состоянием Урала». Сказано непатриотично, но верно. В то время, да и много позже, на Урале не было соответствующей среды, на которой можно было бы выращивать такое экзотическое и нежное растение, как высшее учебное заведение. Интеллектуально-культурная среда необходимого качества и общественно-экономическая мотивация сформировались здесь лишь на рубеже XIX и XX веков. А до этого времени горный инженер для уральских горных заводов и промыслов готовил Петербургский горный институт.

Может быть, в такой ситуации следовало бы перенести Горный институт из столицы в Екатеринбург? Эта идея родилась после отмены крепостного права. Она обсуждалась много лет, но не получила развития потому что, как рассказывал В. Е. Грум-Гржимайло (1864 – 1928) в январе 1921 г. на открытии Уральского университета, «промышленники встретили самую непримиримую оппозицию со стороны профессорской коллегии Горного института в Петербурге. Возник вопрос, вызывающий всегда самые оживлённые дебаты между промышленниками и профессорами. Где должно быть основано техническое учебное заведение? В фабрично-заводском районе или в умственном центре страны...? ... Правы ли были профессора Петербургского горного института,

воспротивившиеся переводу его в Екатеринбург 50 лет тому назад?»

Но горное дело развивалось, и в стране появились другие горнопромышленные районы. В связи с этим изменились и задачи Горного института. Обучение в нём стало более общим, теоретизированным, не связанным с проблемами изучения Урала или какого-то другого региона. И это нормально. Хотя горные науки прикладные, но их основой являются результаты исследований, полученных в науках фундаментальных – физике, химии, математике. Поэтому даже прикладные науки нельзя втискивать в узкие рамки практицизма. В противном случае они потеряют живительную силу, которую им дают науки фундаментальные, и захиреют. Сугубо утилитарный подход к горному делу породил мнение о том, что горных инженеров следует обучать целенаправленно для работы в конкретном горнопромышленном районе. И эта точка зрения получила своё развитие.

«... в силу особого характера прикладных наук, – говорилось в одном из докладов УОЛЕ в 1909 г. по вопросу о создании на Урале ВТУЗа, – преподавание которых может быть целесообразно только тогда, когда оно не ограничивается лишь сообщением одних научных отвлечённых знаний, но и сообщает приёмы их приложения к делу. Поэтому на местах скоро стала ощущаться потребность в специалистах для каждого данного района. Поэтому для Западного края был создан Варшавский политехникум, для Юга России два горнозаводских политехникума в Екатеринославе и Новочеркасске, в Томске для Сибири Технологический институт (с горным факультетом. – В. Ф.). Тем более оснований для такого учебного заведения на Урале».

Такое «горное» местничество, вероятно, было необходимо сто с лишним лет тому назад. На Урале развитию горнозаводской промышленности препятствовали ещё и реликты крепостного права. Его отмена привела к её упадку. Урал уступил и существенно лидерство Югу России. В 1767 г. на уральских заводах было выплавлено 9622130 пудов чугуна, а в 1894 – 33129000, т. е. за 127 лет производство увеличилось в 3,5 раза. На южнорусских заводах в 1875 г. было произведено 999000 пудов чугуна, а в 1894 уже

27157000. Таким образом, только за 19 лет выплавка чугуна на Юге России возросла в 27 раз.

Окончание XIX века стало кризисным для уральской железной промышленности. Для выяснения его причин Министерство финансов в 1899 г. направило на Урал экспедицию во главе с Д. И. Менделеевым (1834 - 1907). Результаты изучения этой отрасли промышленности он изложил в книге «Уральская железная промышленность в 1899 г.». Главными причинами кризиса он определил: убогое техническое состояние предприятий чёрной металлургии, незаинтересованность владельцев в их развитии, сохранение остатков крепостнических отношений между хозяевами и рабочими.

А прогресс в развитии горнозаводской промышленности он видел, в частности, в создании высшего технического учебного заведения. «Уральским жителям, – писал он, – так привычна металлургическая деятельность, что можно надеяться на скорые практические результаты (будущего втуза. – В. Ф.), если первые профессора будут настоящими учеными-металлургами» и не только, но и специалистами во многих других областях горного дела.

Так из множества проблем, задач и трудностей разной важности и масштаба, как из пряжи, было соткано 27 сентября 1896 г. на основе справки Екатеринбургской городской управы ходатайство Екатеринбургской городской думы в Правительство об учреждении в Екатеринбурге «учебного заведения упрощённого типа – горной школы с ограниченным числом преподаваемых дисциплин». Ходатайство поддержали Екатеринбургское уездное земское собрание, Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) и Пермская комиссия этого общества.

Члены УОЛЕ особенно ревностно отнеслись к инициативе городской думы. 12 октября УОЛЕ была избрана особая комиссия по составлению доклада об открытии высшего горного училища и его структуре. Однако 26 ноября на заседании УОЛЕ было рассмотрено не один, а два доклада. Первый – от имени большинства членов комиссии прочитал его председатель П. Е. Китаев, изложив в нём, по сути, думскую точку зрения, которую поддерживало и Правление Общества. Второй доклад сделал И. С. Сигов (1862 – 1942), представляя уральский вуз по-другому. По его мнению, на

Урале «желательно иметь университет с факультетами естественных наук и горным отделением при нём».

Двигателем прогресса является не единомыслие, а разномыслие. И благотворной средой, бродильными дрожжами для рождения истины служат дискуссии, полемики, споры. Выступления обоих докладчиков и породили такую обстановку. Наговорившись досыта, члены УОЛЕ постановили избрать новую комиссию, чтобы она всесторонне проанализировала предложение Сигова.

Какова же была его аргументация? Во-первых, Сигов напомнил собравшимся, что на Урале, с десяти миллионным населением, создание высшего учебного заведения «является желанием далеко не чрезмерным» по сравнению, например, с Европой: в Швейцарии на один университет приходится 430 тысяч жителей, а в «наименее культурной Европейской Турции – 5,5 миллионов».

Во-вторых, Урал, недра которого должным образом не исследованы, представляет огромный интерес и для учёных, и для промышленников. А отсталая горная промышленность края, не имея экономических стимулов для развития, держится на плаву только благодаря охранительным мерам государства.

В-третьих, университетский статус уральского вуза, обуславливается большим разнообразием хозяйственной деятельности населения, которое занято не только в горной промышленности, но и в сельском и лесном хозяйстве и на кустарном производстве, а техническое улучшение на любом производстве находится «в прямой зависимости от степени образования и технической подготовленности рабочих».

Поэтому, считал Сигов, надо ходатайствовать об учреждении на Урале такого вуза, который совмещал бы в себе университетский курс естественных наук и курсы высших прикладных знаний по сельскому хозяйству, горному и лесному делу; чтобы доступ в него был открыт «всем ищущим знаний»; чтобы в нём были вечерние курсы для рабочих, которые «могли бы держать экзамен по окончании курса наравне со студентами».

Таковыми были самые первые идеи и взгляды на будущий вуз.

Ходатайство думы и все необходимые к нему документы были направлены в Министерство финансов, Министерство

земледелия и государственных имуществ и бывшему товарищу (заместителю) министра просвещения Н. М. Аничкову (1844 – 1916). Министерство земледелия ответило отказом, мотивируя его несвоевременностью поднятого вопроса. В Екатеринбурге с этим решением не согласились. Началась длительная осада министерских бастионов. Пройдёт немало лет, прежде чем их бомбардировка ходатайствами, прошениями, докладами, но не взятками (Боже, упаси!), заставит чиновников выбросить белый флаг согласия.

В России длительная процедура открытия вузов была правилом. Саратовцы, например, полвека этого добивались. Поэтому резонным был прогноз екатеринбургского журналиста, опубликовавшего в газете «Урал» накануне нового 1899 года заметку «Новогодние мечтания», в которой пророчествовал, что в Екатеринбурге через сто лет, в 1998 г., будет четыре вуза.

Но и на Урале идею создания горного вуза одобряли не все. В 1899 г. в Екатеринбурге состоялся VII Съезд горнопромышленников. Более чем за месяц до начала его работы городской голова Г. Г. Казанцев обратился в Совет съезда с прошением «о материальном участии съезда в учреждении и содержании политехникума». Так многие годы называли будущий вуз. Обращение было по адресу, поскольку, писал в нем Гаврила Гаврилович, «учреждение политехникума принесёт существенную пользу во всех родах промышленности края и прилегающих к нему местностей, особенно же горнопромышленной и золотопромышленной».

Накануне съезда, 13 января, Казанцев напомнил о своём прошении, написав письмо председательствующему, главному начальнику Уральского горного правления П. П. Боклевскому, в котором сообщал о пожертвованиях и подчёркивал, что идея уральского вуза «вызывает горячее сочувствие» у жителей Екатеринбурга и что сам городской голова подписался на тысячу рублей.

Реакция делегатов съезда на прошение была сдержанно-дипломатичной. Они разделили вопрос на две части: уполномоченным съезда в Петербурге поручили выяснить у владельцев заводов возможности материальной поддержки, а Совету съезда дали задание разработать проект о типе и порядке организации будущего вуза.

Выступавший на одном из заседаний управляющий Уральским горным училищем Н. А. Китаев напомнил о когда-то высказанной идее создания на Урале вполне законченной системы специального горного образования. И заметил, что если «установить тесную связь между проектируемым политехникумом и существующим горным училищем», то такая система вполне может состояться.

К началу работы следующего съезда в январе 1900 г. «уполномоченные, обсудив предложенный вопрос и соображаясь с взглядами заводовладельцев, признали невозможным оказать материальное содействие учреждению проектируемого училища, о чём и известили ... Екатеринбургское городское управление ...». Отказ был мотивирован несколькими причинами: во-первых, было высказано сомнение, что не все выпускники будущего вуза найдут работу на Урале; во-вторых, бытовало мнение, что на Урале и так избыток инженеров, и поэтому надо развивать не высшее, а среднее и низшее горнотехническое образование; в-третьих, институт будет трудно укомплектовать преподавателями, тем более профессорами.

Сомнения по поводу трудностей приглашения в будущий вуз преподавателей были резонными. Российские вузы, особенно молодые, провинциальные, с большими трудностями набирали штаты. Только на третьем году существования, например, удалось создать педагогическую коллегия в Екатеринославском высшем горном училище. Ещё хуже обстояло дело на горном факультете в Томском технологическом институте. Первое было открыто в 1899 г., второй – в 1900 г. (основан в 1896).

Но главная причина отказа была финансовой – кризис железной промышленности, повлекший разорение и закрытие многих заводов, например, первенца уральской металлургической промышленности Невьянского завода.

Получив отказ, Казанцев не опустил рук. Он направил в Совет Съезда новое прошение, прибегнув в нём к мерам психолого-патриотического давления: «Нельзя думать, – писал он, – чтобы гг. уральские горнопромышленники, более двухсот лет работающие на пользу края и его населения, отнеслись бы несочувственно к важнейшему для развития уральской промышленности и умножению достатка населения вопросу об учреждении... политехникума..., даже купцы и промышленники оказали существенную поддержку этому делу..., наконец, из газетных

сообщений известно, что г. Министр Земледелия и Государственных Имуществ в докладе Государю Императору высказался о необходимости учреждения высшего технического учебного заведения на Урале и при этом обратил внимание Его Императорского Величества на г. Екатеринбург, как наиболее соответствующий сему пункт».

Прочитав в прошении о поддержке проекта политехникума купцами, о внимании к нему господина министра и Его Императорского Высочества, делегаты съезда уступили напору Казанцева и посвятили заседание 13 января обсуждению вопроса о политехникуме.

Единодушие среди делегатов по-прежнему не было. Но скептиков стало гораздо меньше, чем на предыдущем съезде. Их лидер Боклевский ничего нового против проекта не сказал, но в его выступлении заслуживали внимания некоторые статистические данные, имеющие сейчас лишь историческое значение: за десять лет, с 1890 по 1900 гг., количество горных инженеров, состоявших на государственной службе, увеличилось с 575 до 774, а на частной – с 261 до 386. Немного на одну шестую часть земного шара. При этом «каждый оканчивающий курс в Горном институте обходился государству в 7377 руб., а с прибавлением по 500 руб. в течение пяти лет на содержание студента – около 10000 руб. По штатам Екатеринославского училища, каждый окончивший курс в училище обойдётся в 4000 руб., а с содержанием – до 5000 руб. Наконец, окончивший курс Уральского горного училища обходится ... с содержанием около 1500 руб.». Эти суммы стали ориентирами для разработчиков проекта политехникума.

Точку зрения сторонников проекта наиболее полно высказал лесовладелец из Красноуфимска Евстафий Фомич Бобянский. По его мнению, «каждого нового высшего учебного заведения следует желать, потому что огромный процент желающих получить высшее специальное образование остаётся за дверями, например, Горного института. И если открывать новый институт, то именно на Урале, который расположен на границе Сибири. Институт мог бы снабжать инженерами горную промышленность Урала и Сибири, размеры будущего развития которой трудно даже предвидеть. Получившие специальное образование в новом заведении инженеры оказали бы огромную услугу развитию промышленности. У нас есть капиталы,

которые не находят применение только по отсутствию знания у людей, которым можно было бы их доверить. Поэтому следует высказаться в пользу учреждения на Урале высшего горного училища».

Делегаты съезда так и поступили, а кроме этого, они постановили открыть подписку по сбору денежных средств. И всё. Этим они и ограничились. Помощь горнопромышленников и впоследствии была скупой и не соответствовала ни значимости проекта, ни финансовым и материальным возможностям, которыми они располагали. Энтузиазм отдельных людей, а не деньги, особенно в первые годы, пестовали идею политехникума.

Одним из таких энтузиастов и был Гаврила Гаврилович Казанцев – потомок богатейших уральских золотопромышленников и сам золотопромышленник. Ему принадлежал Екатеринбургский прииск, на котором он впервые на Урале применил химическую обработку золотосодержащих руд цианистым калием и построил завод по извлечению золота химическим способом. В молодости он окончил химическое отделение физико-математического факультета в Петербургском университете. Но немного поработав в альма-матер сверхштатным лаборантом, вернулся в конце 70-х годов домой и увлёкся общественной работой; был гласным уездного земства; в 1898 г. его избрали городским головой Екатеринбурга; он был делегатом первых трёх съездов уральских золотопромышленников. Умер он неожиданно и рано после непродолжительной болезни 19 апреля 1902 г., а за три месяца до этого вел энергично переговоры в Челябинске с министром путей сообщения князем М. И. Хилковым (1834 – 1909) о строительстве железной дороги Тюмень – Омск и о проекте железнодорожной линии Пермь – Кунгур – Екатеринбург.

Екатеринбург был городом уездным и административно подчинялся губернской Перми. Как она отнеслась к инициативе екатеринбуржцев? С сочувствием. Губернское земское собрание на XXX чрезвычайной сессии, проходившей 19 марта 1898 г., согласилось с выводами своей комиссии о том, «что причиной слабости уральской промышленности является недостаток инженеров и вообще образованных и сведущих специалистов... теперь, когда так легко поддавшиеся открытию верха месторождений уже выработаны, когда для поисков и разведки

месторождений нужны часто глубокие работы (подземные. – В. Ф.), то нужны уже специальные познания, а развитие вновь нарождающейся на Урале минерально-химической промышленности может сыграть немаловажную роль в возрождении Урала. Для этого есть основания. Руды Урала дают сырьё для всех химических предприятий центральной и восточной России».

Из этих рассуждений можно было сделать только один вывод и он был сделан: «открытие вуза на Урале есть общегосударственная, а не частная потребность». В постановлении сессии об этом было написано, как о «первейшей необходимости». Сам же вуз должен быть политехнического типа с тремя отделениями: «горным, отвечающим в полном объёме горнопромышленной потребности; машиностроительным, как для заводских промыслов, так и для сельского хозяйства; другим, какое окажется нужным».

На этой же сессии впервые задались вопросом, а на какие средства устраивать политехникум? В «зачеке» у пермяков, кстати, оказался капитал в 120 тысяч рублей. Откуда он взялся? Ещё 8 декабря 1894 г. Губернское земское собрание на XXV сессии постановило образовать «в память в Бозе почившего Императора Александра III (1845 – 1894) капитал отчислением по сметам в 1895 – 1898 гг.», предполагая потратить его «на общепольные для населения губернии учреждения». А политехникум – чем не «общепольное учреждение».

Через пять лет, когда ходатайства уральцев блуждали в чиновничьих кабинетах и было не видно конца и края этому блужданию, на XXXIV сессии в 1903 г. Губернское собрание постановило передать капитал «для содействия внешкольному образованию народа, главным образом для устройства народных библиотек». Так и не удалось воспользоваться этими 120-ю тысячами, а вопрос о финансировании оставался самым тяжёлым и трудным на протяжении всей истории создания первого уральского вуза.

Спустя месяц, в апреле 1898 г., решение XXX сессии было доложено Екатеринбургской городской думе, которая поддержала постановление Губернского собрания, но твёрдо и однозначно заявила, что политехникум должен быть открыт именно в

Екатеринбурге и нигде более. Эта неуступчивая позиция екатеринбуржцев стала причиной многолетнего конфликта между Екатеринбургом и Пермью.

Министерский отказ уральцам на скорое удовлетворение их ходатайства, испортивший надолго им настроение, следует все же оценивать как благо. Хотя у чиновников на этот счёт было совершенно иное мнение. Уральцы тогда не имели опыта создания вуза и поэтому пользовались чужим. Чужой опыт, безусловно, надо использовать, чтобы, не повторяя чужих ошибок, легче и быстрее достичь возделенной цели. Но существует соблазн сделать всё по-своему, иначе, лелея честолюбивую надежду, а вдруг получится лучше. Легко писать по прописям, но девственно-белый лист бумаги, как дьявол, подзуживает написать что-то своё, такое, от чего все ахнут.

И уральская научно-техническая общественность с наслаждением и на многие годы погрузилась, как в радоновую ванну, в академическую проблему, чему следует учить в будущем политехникуме. Её обсуждали и в Екатеринбурге, и в Перми, на различных сессиях и собраниях научных обществ, кулуарно и приватно. Она стала притчей во языцех, предметом досуга и развлечений, скрашивая небогатую событиями жизнь провинциалов. Поэтому предмету было высказано много точек зрения; были среди них и прямо противоположные. Но в результате споров и дискуссий родилась ИСТИНА – УРАЛЬСКИЙ ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ.

Идеологом точки зрения екатеринбуржцев стал Гаврила Александрович Марков. Он коренной уралец. Родился в 1866 г. в посёлке Верх-Исетского завода в мещанской семье, которая была небедной, и Гаврила, окончив в Екатеринбурге мужскую классическую гимназию, мог бы стать студентом университета, но поступил в столице в Горный институт. Учился пять лет. В 1890 г. он вернулся домой и стал работать на заводах Верх-Исетского горного округа. Потом был смотрителем на золотых приисках на Режевском заводе, исполнял такую же должность на Нейво-Рудянском чугунно-плавильном заводе, был управителем Верхне-Тагильского завода и десять лет – Верх-Нейвинского. Работу на казённых предприятиях он почему-то прервал в 1907 г., перейдя служить управляющим Нижне-Тагильскими заводами наследников

Демидова. Но, проработав всего три года, был откомандирован в распоряжение Пермского губернского управления «для технических занятий».

С 1909 г., работая в Перми, но являясь гласным Екатеринбургской городской думы, Гаврила Александрович много сделал для формирования у екатеринбуржцев представления о том, каким должен быть политехникум. К сожалению, через год он вынужден был из-за слабого здоровья детей увезти семью в Красноярск. В Сибири он работал на ангарских золотых приисках. В 1916 г. семья переехала в столицу, а через год вернулась на Урал и нашла приют у родственников в селе Макарове. Чтобы пережить лихолетье гражданской войны, Марков увёз семью опять в Сибирь. Жили в Томске, Красноярске, Канске. Но в 1922 г., в связи с реэвакуацией инженерно-технических работников из Сибири, его вызвали в Москву в ВСНХ.

Ему, как и многим в те годы, не удалось избежать репрессий. В 1923 г. он был арестован и полтора года находился под следствием. Закончилось оно для него оправдательным приговором, и до конца жизни он благополучно проработал в ВСНХ. Умер он рано, в 66 лет. В газете «Уральский рабочий» об этом была напечатана всего одна строка: «20 сентября 1933 г. в Москве скончался Гаврила Александрович Марков». Похоронили Гаврилу Александровича на Новодевичьем кладбище. Были такие времена, когда там хоронили и простых людей.

Каким представлял Марков уральский вуз? Об этом он сделал большой доклад 7 ноября 1909 г. на заседании пермской комиссии об открытии на Урале вуза. Такая же комиссия под председательством городского головы Александра Евлампиевича Обухова была создана и в Екатеринбурге. Её первое заседание состоялось 30 октября 1909 г. в 8 часов вечера в Доме городского общества.

По мнению Маркова, «намечаемое высшее учебное заведение должно, прежде всего, отвечать насущным нуждам Урала и в то же время не должно вызывать слишком больших расходов по возведению здания, так и по содержанию его, так как только при этих условиях можно рассчитывать на удовлетворение возбуждаемого ходатайства».

О типе вуза в Екатеринбурге и в Перми разногласий не было. Это должен был быть политехникум с тремя отделениями, по поводу которых были разночтения. Марков считал, что в политехникуме необходимо открыть горнозаводское, лесное и сельскохозяйственное отделения. А программу обучения следует приспособить к потребностям Урала, поскольку только в этом случае, полагал он, можно рассчитывать на всестороннее изучение особенностей уральской промышленности и в этом заключался залог будущего всестороннего развития производительных сил края.

К программе преподавания горных наук он подходил прагматично, предлагая ограничиться только теми, которые имеют практическое приложение в рудничном и приисковом деле, «а не являются лишь потребностью для людей, посвятивших себя научной деятельности, каковы, например, палеонтология, кристаллография и прочие». Но рекомендовал ввести в программу горняков курс лесного хозяйства и цикл экономических дисциплин. Он полагал, что экономику должны изучать все, обосновывая это тем, что одной из причин «переживаемого в настоящее время промышленного кризиса следует считать недостаточное знакомство промышленников с экономическими науками и усвоением основных положений этих наук, опять-таки мимоходом, когда на это натолкнет тот или иной случай», например кризис.

Необходимость лесного отделения Марков видел в том, что «несмотря на неправильное ведение лесного хозяйства, запас лесов на Урале можно считать достаточным, а в некоторых районах даже нетронутым, поэтому на их эксплуатацию следует обратить серьёзное внимание; эта отрасль промышленности при правильной постановке дела может, с одной стороны, много способствовать развитию горного дела..., с другой... – может дать заработать массам населения».

Агрономия была вне компетенции Гаврилы Александровича. Поэтому его рассуждения о сельскохозяйственном отделении были тривиальными, а вот о необходимости механико-строительного отделения он высказался отрицательно, полагая, что «те 5-6 машиностроительных заводов, которые могут возникнуть на Урале и удовлетворить потребность всего Урала и Сибири, могут пригласить к себе специалистов механиков уже из существующих в

России высших учебных заведений этого типа». Какой провидец мог тогда сказать, что всего через 20 лет в стране начнётся индустриальная революция и на Урале будут построены машиностроительные заводы-гиганты мирового масштаба.

Заключительную часть доклада Марков посвятил обоснованию города, в котором должен быть открыт политехникум. По его мнению, этим городом должен был стать Екатеринбург. Вопрос об этом был вопросом престижа. В то время высшие учебные заведения находились в основном в столичных городах – Петербурге, Москве и Киеве. Немногие губернские города удостоивались такой чести, а уж об уездных и говорить было нечего. Университет или институт придавали особый статус городу, и это было безразлично ни властям, ни обывателям.

Чем же Марков обосновал исключительное право Екатеринбурга, признанного центра горнозаводского дела империи, на роль институтского города? В начале века к Екатеринбургу «тяготело» 2396 крупных, средних и мелких горнопромышленных предприятий стоимостью 8396715 рублей, а к Перми только 132, стоивших 3073265 рублей. На восточном склоне Урала добывалось более 62 млн. пудов железной руды, выплавлялось более 17 млн пудов чугуна и около 11 млн пудов железа, на западном – соответственно около 9 млн. пудов железной руды, 5 млн пудов чугуна и столько же железа. В районах, примыкающих к Екатеринбургу, производилось в 4 раза больше стали, проката, изделий из чугуна и железа, чем у соседей.

Потенциал обоих городов для развития лесного и сельскохозяйственного отделений политехникума оценивался примерно одинаково: площадь екатеринбургского района составляла 14515476 десятин, в том числе 5729272 десятины пахотных земель; площадь пермского – соответственно 13856949 и 3396060 десятин.

Екатеринбург был богаче Перми и в научно-техническом отношении: в городе было Уральское горное управление, химическая и золотосплавочная лаборатории, магнитная и метеорологическая обсерватории и сейсмическая станция II класса, Уральское общество любителей естествознания, располагавшее хорошей библиотекой и музеем, Уральское горное училище, Императорская гранильная фабрика; в окрестностях города было

много разнообразных месторождений и рудников, на которых можно было проводить для будущих студентов различные практики. Наконец, Екатеринбург был носителем и хранителем традиций горных инженеров, имена которых вписаны золотыми буквами в историю горного дела не только России, но и мира.

Скрупулёзнейший Гаврила Александрович подсчитал, что в Екатеринбурге и стоимость строительных материалов много меньше, чем в Перми: если в Перми кубическая сажень здания стоила 19 рублей, то в Екатеринбурге – всего 11. Кроме этого, Екатеринбург располагал большим участком свободной земли, который мог быть выделен для сельскохозяйственного отделения политехникума, а в Перми такой ещё надо было изымать из казённых дач.

Казалось бы, всё складывалось в пользу Екатеринбурга, кроме одного: у Екатеринбурга не было власти, перед которой многие и многое пасует, даже при прочих равных условиях. С 1898 г. пермяки прочно удерживали инициативу в открытии политехникума в своих руках и настаивали, чтобы он был открыт у них в городе. Но екатеринбуржцы были настроены решительно и не собирались уступать. Соперничество между городами, подогреваемое эмоциями обывателей, особенно пермских, сделало историю создания вуза драматичной и, как следствие, интересной.

В 1910 г. в Перми была издана брошюра с броским интригующим названием «Борьба за Уральский Политехникум», как ответ на опубликованные в газете «Уральский край» выдержки из ходатайства екатеринбуржцев Председателю Совета Министров П. А. Столыпину (1862 – 1911) об открытии политехникума. Пермяки считали, что у Екатеринбурга нет оснований для этого, а постановка дела «доведена до виртуозной американской рекламы в расчёте на простоту и доверчивость публики».

Пермские обыватели утверждали, что золотым веком деятельности Урала в экономическом отношении были 60-е годы XIX века, когда листовое матовое железо продавалось по цене шинного, которым «обували» тележные колёса, а в горной промышленности, не считая казённых заводов, работало всего три инженера. Цена разных сортов железа была обусловлена не «экономикой», а кризисом, причиной которого стала отмена крепостного права. По подсчётам пермяков, в 1909 г. на Урале

работало 175 инженеров, а производство сортового железа составляло 25 млн пудов; на заводах Юга России было 223 инженера и выплавлялось 50 млн пудов железа. Отсюда они наивно делали вывод об избытке на Урале горных инженеров и восклицали: «Ещё удивительнее, что кризис уральской железной промышленности как бы совпадает с их (инженеров. – В. Ф.) приливом».

Если Марков как горный инженер обосновал местом политехникума Екатеринбург, то Обухов – как лесничий и аграрий. В докладе Сельскохозяйственному Совету Правительства он показал, что и в этом отношении Пермь проигрывает Екатеринбургу. В районах тяготевшей к столице губернии выращивали в основном «серые» хлеба, которые из-за их низкого качества не вывозились за границу, а потреблялись на месте. Поэтому здесь не было и крупных мукомольных предприятий – мельниц.

К Екатеринбургу же тяготели хлебородные уезды: Екатеринбургский, Верхотурский, Камышловский, Ирбитский, Шадринский, Челябинский, Троицкий, Курганский, Петропавловский, Акмолинский и Тургайский, на землях которых сеяли пшеницу, рожь, ядрицу, ячмень, горох, гречу и высших сорт пшеницы – перерод. Из этих уездов в западные морские порты страны на экспорт ежегодно вывозилось от 20 до 30 миллионов пудов зерна, а в урожайные годы более 50 миллионов. Да на месте, по данным Екатеринбургской торговой биржи, перемалывалось более 30 миллионов пудов хлеба. И какого хлеба! Агрономическое образование, по мнению Обухова, должно было способствовать улучшению земледелия в связи с наделением землёй горнозаводского населения и, как следствие, укреплению горной промышленности, переживавшей тяжёлые времена.

«Связь (же. – В. Ф.) лесного дела с горным, – писал Обухов, – является столь прочной и тесной, что одно горное дело на Урале без лесного существовать не может». Почему? Потому, что в то время на Урале были не известны месторождения коксующегося угля. А «местный уголь Луньёвского месторождения не коксуется, и использовать его для выплавки чугуна нельзя. Потребность Урала в древесном угле составляла 40 млн. пудов. Для получения угля использовали в основном примитивные способы – костровой и

кучный. Более совершенные способы переугливания древесины в печах были редки. Объясняется это нехваткой специалистов... Лесные институты выпускают (их. – В. Ф.) мало..., чтобы они могли служить ... на частных заводах, да и на казённых их нет. В течение 200 лет крупные ... горнозаводские округа площадью 0,5 – 1,0 млн десятин не имели и не имеют лесничих специалистов. Поэтому лесное хозяйство ведётся неправильно, не экономично и ведёт к лесоистреблению».

Вывод Александра Евлампиевича немногим отличался от вывода Маркова: Уралу нужен политехникум в Екатеринбурге, состоящий, в первую очередь, из «горного и горнозаводского отделов с обязательным открытием лесного отдела с агрономическим».

Члены Уральского общества любителей естествознания хоть и были только любителями естествознания, но проблему политехникума трактовали вполне академически, то есть широко и всесторонне: «Крупной горной промышленности, несомненно, нужны образованные техники, – говорилось в одном из докладов УОЛЕ, – но в интересах науки и общественной пользы не менее нужны и вообще образованные люди с широкой теоретической подготовкой. Кроме улучшения горного дела необходимо и улучшение народного хозяйства, и народной промышленности, и повышение общей культуры, и распространение знаний в массах населения, и всестороннее изучение края как в естественном, историческом, так и в других отношениях».

Такая идейная позиция более соответствовала не техническому вузу, а классическому университету. И если бы она была осуществлена, то университет в Екатеринбурге был открыт не в 1920 г., а значительно раньше. Пока же речь шла о техническом вузе, потребность в котором, по мнению членов УОЛЕ, «настолько очевидна, что не нуждается в доказательствах. Напротив, удивительно, что такого заведения до сих пор нет».

Очевидное удивление или удивительная очевидность – только всплеск эмоций, уместный на театральной сцене, но не при обосновании проекта политехникума. Поэтому члены УОЛЕ прибегли для убеждения оппонентов в своей правоте другими мерами – логическими, очевидными для них, но не очевидными для соперников. Иначе не было бы противоборства.

«Сложность и разнообразие горных богатств на Урале, – писали члены УОЛЕ, – настолько велики, что только систематическое и настойчивое, постоянное исследование может вывести Урал на путь разумной их эксплуатации, которая при современных условиях неосуществима, потому что за 200 лет Урал мало был изучен. Поэтому Урал нуждается в вузе прежде всего горно-разведочного профиля».

Это очевидно и очевидность эта объективная, но только для тех, кто жил и работал на Урале, кто ежедневно видел рудники и шахты, разрезы и отвалы пустой породы, покупал в камнерезных мастерских шкатулки, бусы, броши, печатки. В Пермском Приуралье всё это было экзотикой, редкостью. Месторождения медистых песчаников там были исчерпаны ещё в конце XVII века, месторождения калийных солей, нефти и газа будут открыты только в первой трети XX века, уголь Луньёвских копей давал больше золы, чем тепла, гипс-селенит был забавой кунгурских камнерезов, а карстующийся известняк не использовался даже при строительстве. Пермяки были далеки от горного дела.

«Но для переработки руд и действия заводов, – продолжали члены УОЛЕ, – необходимо топливо. На Урале таковым является лес. Поэтому издавна правительство разделило лесные площади на участки-дачи, которые были приписаны к заводам. Отсюда ... тесная связь горного и лесного хозяйства. Связь эта закреплена и горнолесным законодательством. Поэтому из особенностей уральской промышленности ... следует два основных требования к уральскому вузу – это должен быть горнолесной политехникум».

Для жителя горной части Урала это тоже объективная очевидность, но не для человека, живущего в богатом лесами Пермском Приуралье. Для него богатствами были лес, поля и луга, а не руда. И если члены УОЛЕ утверждали, что в политехникуме должно быть три таких самостоятельных отделения, как горное, горнозаводское и лесное, то пермяки считали главной отраслью экономики губернии сельское хозяйство и потому настаивали на открытии в политехникуме сельскохозяйственного отделения в первую очередь, затем лесного и при возможности горнозаводского и механического.

В отличие от Маркова члены УОЛЕ более подробно изложили программы обучения. По их мнению, на горном отделении следует

изучать курсы: по исследованию и разведке рудных месторождений и других полезных ископаемых, горного искусства, оборудования рудников, ведения горных работ и механического обогащения, на заводском – курсы горнозаводской механики, металлургии чугуна, железа, стали, меди, серебра, золота и платины, а также электротехники и электрометаллургии. Менее отчётливо они формулировали программу лесного отделения с подотделом сельского хозяйства, написав, что на нём должны быть курсы по организации и эксплуатации лесных богатств, применительно к уральским условиям.

В Перми почти на каждой сессии Губернского Земского собрания обсуждали вопросы об открытии политехникума. У пермяков тоже не всё было в ажуре, иначе они вели бы себя более напористо.

На XXXVI сессии было доложено ходатайство Осинского уездного земства об открытии вуза. Но документ был плохо подготовлен, и комиссии народного образования поручили разобраться в его содержании. Комиссия, поработав основательно и долго, обнародовала своё мнение в середине следующего 1906 г. Изучая ходатайство, члены комиссии приняли к сведению содержание записки педагогического коллектива горного отделения Пермского реального училища и его директора, составленной ещё в конце 1905 г. Педагоги, отмечая ненормальное положение горного отделения, были за открытие политехникума. Члены школьной комиссии почти единогласно были солидарны с ними, но дипломатично предложили воздержаться от ходатайства в Правительство, пока не будет образован подготовительный фонд в 150 тыс. рублей.

А спустя два месяца, 16 сентября, в Перми под председательством попечителя Оренбургского учебного округа состоялось совещание об открытии вуза, тон на котором задал доклад директора Реального училища Дмитриевского. Напомнив собравшимся, что идея создания в Прикамье вуза не нова, он обратил их внимание как педагог на «затруднении с завершением образования ... учащейся молодёжи, особенно теми, кто оканчивал реальные училища. Иным приходилось ждать возможности поступления в вуз два и более года, некоторые поступали в заграничные вузы».

Состояние горного отделения он оценивал невысоко, но, ссылаясь на мнения коллег, предлагал открыть скромный вуз с единовременными затратами в 400 тыс. рублей и содержанием в 100 тысяч на базе именно своего училища. Предложение было не самым хорошим. Если уж выбирать в качестве базы вуза училище, то предпочтение в этом отношении следовало бы отдать Уральскому горному училищу – лучшему в стране. Но Дмитриевский был пермяком и, как положено патристичному кулику, он хвалил своё болото.

Любое совещание интересно и продуктивно, если на нем бывает дискуссия, спор оппонентов, дебаты. После доклада Дмитриевского они состоялись. Среди выступавших были и сторонники, и противники открытия политехникума. Управляющий Верх-Исетскими заводами Филиппов считал, что сейчас выгоднее открывать не вуз, а низшие и средние технические училища; что идея вуза хороша, но «местным силам учреждение вуза не доступно. Казённые же деньги (собранные главным образом с народа, утопающего в грязи и темноте невежества) прежде всего должны быть расходуемы на подъём нравственного и умственного развития наиболее в том нуждающейся части населения».

У него нашлись сторонники, заявлявшие, что в техниках с высшим образованием перепроизводство, что рудное и металлургическое дело на Урале убыточно и что преступно допустить, чтобы народные деньги были употреблены на вузы, в которых будут учиться богатые слои населения. Такой же точки зрения придерживался, как это ни странно, и директор Департамента горных и соляных дел Николай Александрович Иосса (1845 – 1916) – сын главного начальника Уральского горного правления Александра Андреевича Иосса (1810 – 1894), профессор Горного института и председатель Горного Учёного комитета. Он считал, что горную промышленность необходимо сначала обеспечить средними техниками, и только потом уж «озаботиться расширением средств высшего образования».

Совершенно иной была позиция педагога и инспектора горного отделения училища Тихомирова и инженера Агрова. По их мнению, минеральные богатства Урала совершенно не исследованы. И они были правы, потому что на территорию края ещё не была составлена даже мелкомасштабная геологическая карта

как основа для целенаправленного, а не случайного поиска месторождений. Промышленность была технически отсталой. На её предприятиях работало мало специалистов «с широким умственным кругозором, с правильным и ясным пониманием своих задач, способных поднять промышленность ... на должную высоту». Уралу нужен был научный центр. Агров провидчески заметил в связи с этим: «Со временем, конечно, Урал будет обладать несколькими рассадниками высшего научного просвещения, но это счастливое время ещё очень далеко».

Но в этом прогнозе он ошибся. То, о чём он мечтал, произошло в течение всего одного поколения. Но чтобы мечта осуществилась, потребовались две войны – мировая и гражданская – и две революции – Февральская и Октябрьская.

Чем закончилось совещание? Несколькими постановлениями. Первое угадать несложно: на Урале необходимо открывать политехникум. Второе, учитывая противостояние двух городов, было мудрым – не предрешать пока исход конфликтного вопроса о месте открытия политехникума. Поэтому Губернская управа дипломатично «высказалась за внесение ежегодно в смету Губернского земства по 25000 руб. ежегодно, начиная с 1907 г. для образования фонда на постройку здания и оборудование политехникума».

На декабрьской XXXVII сессии в 1906 г. чиновник Губернской управы сообщил, что из-за трудного финансового положения и необходимости поддерживать начальное и среднее образование «возможности принести какую-либо материальную помощь в открытии вуза» нет. Вот она трудность. Не первая и не последняя. Но все они имеют срок годности. И уже на следующей XXXVIII сессии Губернское собрание рассматривало ходатайство Пермского уездного земства об учреждении политехникума в Перми, а 27 мая 1907 г. XXXIX сессия поддержала прошение Пермского городского общества об открытии вуза на первый раз с машиностроительным и инженерно-строительным отделениями с «ежегодным расходом на содержание в 93950 руб. при единовременной затрате на постройку здания в 400000 руб.». О таких же суммах год назад говорил и директор Пермского реального училища.

Административно-амбициозные пермяки и самодостаточные екатеринбуржцы внимательно следили друг за другом, не прибегая

к помощи доносителей, поскольку обсуждения проекта политехникума были публичными, а протоколы и доклады собраний и сессий посылались из Перми в Екатеринбург и из Екатеринбурга в Пермь, становясь изюминками местных новостей в газетах. Осень 1909 г. в Екатеринбурге была тревожной. Только в ноябре Обухов трижды собирал в Доме городского общества комиссию об открытии вуза.

На одном из заседаний 30 октября член этой комиссии, председатель биржевого комитета Павел Васильевич Иванов, сообщил, что в «предстоящее Пермское Губернское Земское собрание Губернская управа предполагает внести доклад, чтобы открыть политехникум в Перми. Есть основания полагать, что Губернское Земство, совместно с Пермью перетянет политехникум в Пермь, так как инициатива его открытия в данный момент принадлежит губернатору, а Губернское Земство имеет в своём составе людей, которые окажут ему поддержку», а политехникум между тем должен обслуживать не одну только Пермскую губернию и Пермь, рядом с которой расположена Казань, где уже есть университет.

Если в Перми сложилась такая сильная оппозиция, значит, рассуждали в Екатеринбурге, надо поддержку искать в «массах» - среди уездов губернии. И Екатеринбургская городская управа обратилась с письмом к городским управам Верхне-Уральского, Петропавловского, Уфимского, Троицкого, Кунгурского, Тобольского, Красноуфимского, Оренбургского, Челябинского, Тюменского, Ирбитского, Камышловского, Шадринского и Златоустовского уездов, примыкающих территориально к Екатеринбургу.

«Есть надежда, – говорилось в нём, – что на этот раз давнишнее желание населения Уральского края об учреждении высшего учебного заведения осуществится, так как в этом деле принял горячее участие господин пермский губернатор, а также ... губернское земство, предлагающее дать солидные денежные средства. Ему же в данном случае будет принадлежать право разрешить вопрос о том, где ... желательно открыть политехникум».

Спорить с таким доводом было трудно. Ведь кто платит, тот и заказывает музыку. Спорить трудно, но можно. Это не запрещено.

«При прежних ходатайствах, – говорилось далее, – местом расположения вуза всегда назначался Екатеринбург. Местная городская управа и сейчас предлагает этот же вариант и готовит подробное ходатайство в предстоящее Губернское Земское собрание и в связи с этим обращается к городским управам с поддержкой ходатайства».

И она была оказана «колыбели русской горной промышленности». Всеми ли управами, неизвестно. Но в конце 1909 г. в Екатеринбурге получили постановления «о присоединении к ходатайству» из Уфы, Шадринска, Тобольска, Оренбурга и Ирбита, а в сентябре следующего – из Златоуста, Верхне-Уральска и Петропавловска.

В Перми действительно смогли собрать деньги на открытие политехникума: полмиллиона рублей ассигновало Губернское земство и 200 тысяч городская дума. В Екатеринбурге в это время плохо обстояло дело и с торговлей, и с промышленностью. Поэтому собрать нужную сумму (а какой она должна быть, никто не знал) путём подписки не было никакой возможности. Марков предложил (как вариант) получить ссуду в каком-нибудь банке под залог городского пруда, годовую арендную плату от которого он оценил в 45-50 тысяч рублей.

Велики ли были ассигнования в 700 тысяч рублей? В начале апреля 1910 г. в Пермскую городскую управу вернулось из учебного отдела Министерства торговли и промышленности ходатайство об открытии политехникума. В сопроводительном письме было написано, что политехникум открывать необходимо, но расходы на его строительство и оборудование будут велики, и они лишь в малой доле могут окупиться пожертвованиями Губернского Земства и городской думы. Положение получалось патовым: открывать вуз надо, но не на что. Его следовало разрешать. В учебном отделе предложили начать переговоры, прислав в министерство депутатов и от Перми, и от Екатеринбурга.

Но прежде надо было попытаться договориться на месте. 9 апреля Губернская управа обратилась в Екатеринбургскую городскую думу с предложением: не «пожелает ли она через своих делегатов принять участие в разработке ходатайства об открытии ... вуза». Заседание особой комиссии было назначено на 7 мая. Дума ещё в конце 1909 г. избрала на это заседание делегатами

Маркова, геолога Уральского горного управления Фёдора Ивановича Кандыкина (1866 – 1942) и горного инженера Николая Степановича Михеева.

Марков, живший в Перми, загодя прислал Кандыкину и Михееву свой доклад, в котором излагал преимущества открытия политехникума в Екатеринбурге. Перед дорожкой делегатов напутствовали и в земской управе, члены которой после долгих и трудных дебатов постановили ассигновать на политехникум 200 тысяч рублей, но при условии, если он будет открыт в Екатеринбурге, обещав вносить деньги в сметы с рассрочкой на 20 лет.

Совещание закончило работу 9 мая. Кандыкин вернулся из Перми 10-го, 12-го он выступил на заседании городской думы, а 13-го в газете «Уральская жизнь» была опубликована маленькая заметка, в которой сообщалось, что «В Перми ... образована особая подкомиссия для составления доклада по вопросу о политехническом институте .... Вопрос о выборе места политехнического института будет решать земское собрание. Предугадать решение вопроса невозможно».

Между строк заметки легко читалось, что достичь согласованного мнения в Перми не удалось. Но, хотя право выбора места вуза оставило за собой Губернское земское собрание, сделать ему это одному будет сложно из-за ограниченных финансовых возможностей, которыми располагала Пермь. Екатеринбургу тем более. Напрашивалось естественное решение – объединить финансы двух городов. Но какому городу их следует отдать? Ни Пермь, ни Екатеринбург делиться с соседом не хотели. Вот такой завязался гордиев узел и нужен был Александр Македонский, чтобы его разрубить.

ЕКАТЕРИНБУРГ!!!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Вероятно, так истолковали екатеринбургские обыватели содержание заметки, опубликованной в газете «Уральская жизнь» 16 июля 1910 г. В ней речь шла об ассигнованиях, которые могли предоставить общественные учреждения Перми и Екатеринбурга на устройство политехникума. В Перми на это полмиллиона рублей обещало Губернское Земство без указания города, в котором будет открыт политехникум; по 200 тысяч – Пермское уездное земство и Пермская городская дума и 500 рублей – Оханское уездное земство. Кроме этого, Пермская дума обязалась отвести под строительство института участок земли стоимостью 120 тысяч рублей. Материальная поддержка политехникума в Екатеринбурге была богаче: полмиллиона рублей выделяло Губернское земство, 400 тысяч – Екатеринбургское уездное земство, 300 тысяч – Екатеринбургская городская дума, обещавшая ещё предоставить под застройку лесную дачу стоимостью 200 тысяч. Екатеринбургу также намеревались оказать финансовую поддержку и зауральские уезды.

Откуда так неожиданно и в таком большом количестве взялись деньги? Это были не «живые» деньги, это были деньги-обещания, деньги-намерения, деньги-пропаганда, пока ничем не обеспеченные и не более того. Декларируя эти средства пока на бумаге, уральцы хотели убедить Правительство в серьёзности принятого ими решения открыть вуз, чтобы получить на это разрешение. Они были не авантюристами и понимали, что когда получат разрешение, то заявленные деньги надо будет предъявлять, а не объявлять себя банкротами на позор всему Уралу и стране. Они рассчитывали, что за то время, пока в Правительстве будет решаться вопрос об открытии политехникума, они смогут найти, получить, добыть, занять необходимые средства.

К концу года заявленные в июле суммы изменились. Пермская городская управа объявила, что городская дума ассигновала 500 тысяч рублей « в помощь Правительству на учреждение в Перми Политехнического института имени Императора Александра II (1818 – 1881) для увековечения Царя Освободителя и в ознаменование истекающего 50-летия освобождения крестьян». В дополнение к этому дума постановила

отвести под строительство участок земли, кирпич по себестоимости, а песок и глину бесплатно. Пермяки оценили свой склад в «учреждение» института в 1230500 рублей.

В начале октября губернатор «препроводил» Главноуправляющему землеустройства и земледелия записку Екатеринбургской городской думы о том, что дума выделяет на учреждение политехникума только один миллион рублей, но жертвует под строительство до 15 десятин земли в городе или до 50 на его окраине стоимостью 360 тысяч рублей и бесплатно предоставляет строительные материалы.

Суммы, заявленные городами, были примерно одинаковыми. Чаша весов колебалась около положения равновесия. Но все понимали, что выбран будет только один город. Как и в чью пользу разрешится интрига, за которой следил весь Урал и даже соседи? В конце июля уфимский городской голова прислал Обухову письмо и, ссылаясь на газетные публикации, спрашивал, намерен ли Екатеринбург отстаивать своё ходатайство или присоединиться к ходатайству пермяков. Александр Евлампиевич ответил коллеге, что Пермское губернское земство «высказывается лишь за открытие политехникума вообще на Урале», а позиция Екатеринбурга остаётся прежней.

В обоих городах готовились к переговорам в столице. В конце июля Обухов послал в Министерство торговли телеграмму с запросом, когда там смогут принять депутацию екатеринбуржцев. В ответ ему сообщили, что не ранее сентября, когда вернется из отпуска управляющий учебным отделом А. Е. Лагорио (1852 – 1917).

Вероятно, отпуск Александр Евгеньевич проводил в какой-нибудь геологической экспедиции. Ведь по образованию он был петрографом. Свою научно-педагогическую и полевую геологическую деятельность он начал в Дерптском (Юрьевском) университете; проводил исследования в Туркестане, где в массиве Кара-Даг в честь него была названа отвесная северо-восточная оконечность хребта Хоба Тепе. Потом он был профессором кафедры минералогии в Варшавском университете, директором-основателем Варшавского русского политехникума и директором Варшавского политехнического института. В Министерство торговли его пригласили в 1904 г. Поэтому настойчивое

стремление уральцев открыть институт в Екатеринбурге ему – доктору минералогии и геогнозии и члену-корреспонденту Российской академии Наук, было понятно и он не по-чиновничьи делал всё, чтобы Урал обрёл высшую горную школу.

Итак, время ещё есть. Оно было использовано для подготовки проекта доклада с обоснованием: открыть политехникум в Екатеринбурге. Доклад писал Михеев. 18 августа он прочитал его членам комиссии. В проект внесли поправки и работа продолжилась. В конце октября этот доклад, называвшийся «Докладная записка Екатеринбургской городской думы об открытии высшего технического учебного заведения на Урале» был опубликован. Он состоял из 36 большеформатных листов текста, проиллюстрированного диаграммами, схемами, таблицами с данными о производительности заводов и рудников, картами расположения горнопромышленных предприятий и схематической геологической картой Урала.

Откуда взялась эта карта? Она представляла собой выкопировку из геологической карты Европейской России, изданной Геологическим Комитетом в 1897 г. к началу VII сессии Международного геологического конгресса, проходившего в Петербурге. В середине августа Екатеринбургская городская управа специально заказала 100 экземпляров этой карты в картографическом заведении А. Ильина в Петербурге. Её-то и использовал Михеев для составления схематической геологической карты Урала.

Специалисты оценили «Докладную записку» как солидный научный труд. Молодец Николай Степанович! Уральцы ещё не раз будут его благодарить и за «записку», и за многое другое, что он сделал для того, чтобы в Екатеринбурге был открыт вуз.

В русской народной песне поётся, как «горе-горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело». Заменим «горе-горькое» на премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина, «свет» – на Западную Сибирь, «шлялося» и «невзначай набрело» – на плановую поездку премьер-министра, «нас» – на Екатеринбург и получим совершенно другую картину.

6 сентября 1910 г. в 7 часов утра в Екатеринбург специальным служебным поездом из Челябинска прибыли премьер-министр П. А. Столыпин и главноуправляющий (министр) землеустройством

и земледелием А. В. Кривошеин (1857 – 1921), возвращавшиеся из поездки по Западной Сибири, где они познакомились с условиями жизни крестьянских семей, переселившихся из западных губерний страны. Столыпина и Кривошеина встречали губернатор В. А. Лопухин (1868 – 1933), чины министерства внутренних дел, юстиции, торговли и промышленности, гласные городской думы во главе с Обуховым и представители земств. Губернатор поднялся в вагон к премьер-министру с почетным рапортом. Через несколько минут все прошли в парадные комнаты вокзала, где городской голова приветствовал гостей с благополучным прибытием и преподнёс Столыпину хлеб-соль.

После приветствий Обухов обратился к премьер-министру с ходатайством об открытии политехникума в Екатеринбурге. Выслушав доклад, Столыпин заявил, что открытие политехникума весьма желательно и самым удобным местом для него он считает Екатеринбург, но пока следует открывать только два отделения – горное и лесное, поскольку Сибирь ходатайствует об открытии высшего сельскохозяйственного учебного заведения, и он опасается, что на всех и на всё не хватит научных сил.

Разрешив ещё ряд вопросов, Столыпин, сопровождаемый губернатором, поехал в Кафедральный собор. Там их встретил ключарь собора Иоанн Уфимцев, а преосвященный Митрофан (1861 – 1920) отслужил короткий молебен с провозглашением многолетия «болярину Петру». Из собора Столыпина повезли на гранильную фабрику, потом в земскую управу и в архиерейский дом на аудиенцию к епископу Митрофану. Через четыре с четвертью часа министерский поезд отправился из Екатеринбурга в Пермь.

В Перми Столыпин тоже сделал короткую остановку, во время которой к нему обратился городской голова Рябинин с таким же вопросом, как и Обухов. Столыпин ему ответил, что всё преимущество на открытие политехникума у Екатеринбурга. Преимущество Перми только в том, что она является губернским городом, но это преимущество косвенное, так как существует проект разделения губернии, и в новую Екатеринбургскую губернию войдут Екатеринбургский, Верхотурский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды, а также три уезда Тобольской и один уезд Оренбургской губерний.

Вернувшись в Петербург, Столыпин почти сразу же, а точнее 21 сентября, высказал своё мнение о ходатайствах пермяков и екатеринбуржцев директору горного департамента и товарищу министра торговли и промышленности Д. П. Коновалову (1856 – 1919): «Во время пребывания моего в Сибири ... я получил ряд прошений от различных общественных организаций об оказании содействия к учреждению на местах новых высших учебных заведений.... Так, Екатеринбургская городская дума и Пермская городская управа просят меня оказать поддержку их ходатайству об учреждении на Урале политехнического института с сельскохозяйственным, механическим и горным отделениями, причём Екатеринбургская дума и Пермская управа указывают свой город, как наиболее удобное место нахождения политехникума... Я полагаю, подвергнуть вопрос об открытии ... высших учебных заведений подробному обсуждению в Совете Министров».

Гребень волны успеха поднимал Екатеринбург все выше и выше. В конце октября министр торговли и промышленности внёс в Совет Министров доклад, обосновав в нём открытие четырёх политехнических институтов: в Перми, Екатеринбурге, Самаре и Нижнем Новгороде, подчеркнув особо своё мнение на открытие вуза в столице Урала как центре горной промышленности. И хотя в этом перечне были названы оба уральских города-соперника, министр, возможно, уже имел в виду, что скоро эти города будут административно независимыми. Они со временем и стали независимыми, но не по воле императора, а по декрету Совета Народных Комиссаров, когда в январе 1918 г. была образована Екатеринбургская губерния.

Убеждение премьер-министра о том, что невозможно «откладывать долее разрешение вопроса об учреждении на Урале высшего технического учебного заведения» газеты, как сороки на хвостах, быстро разнесли по всему Уралу. Реакцией на него следует считать докладную записку, обнародованную в октябре Комитетом Екатеринбургской товарной и горнопромышленной биржи, представлявшей интересы торговцев и промышленников восточных районов Пермской губернии. Биржевики, скупившиеся до этого и на деньги, и на слова, наконец, разомкнули уста, но не кошельки, написав, что назрела настоятельная необходимость открытия вуза в Екатеринбурге вблизи большой группы промышленных

предприятий, которые нужно обеспечивать квалифицированными специалистами.

Обухов, воодушевлённый успехом и помня, что железо надо ковать, пока оно горячо, послал 30 октября Председателю Совета Министров и почётному гражданину г. Екатеринбурга П. А. Столыпину следующий рапорт: «В дополнение к ходатайству моему, представленному Вашему Превосходительству в г. Екатеринбурге 6 сентября сего года, приемлю смелость представить докладную записку и вновь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством об учреждении в г. Екатеринбурге политехникума».

Ходатайства и докладная записка были им посланы также министрам торговли и промышленности, финансов, народного просвещения, главноуправляющему землеустройством и земледелием государственному контролёру, пермскому губернатору и начальнику главного управления по делам местного хозяйства – всем, кто прямо или косвенно мог повлиять на решение о политехникуме.

А в городской думе и управе продолжили готовить депутацию для поездки в столицу. Её возглавил Обухов, а членами были с разрешения «его превосходительства господина Главного начальника Уральских горных заводов П. П. Боклевского» Н. С. Михеев, врач Уральского горного управления Н. А. Арнольдов и П. А. Кронеберг. Депутация намерена была отправиться в Петербург между 15 и 20 октября, но, вероятно, выехала позже. Кронеберг вернулся из столицы 19 ноября. Он первым и сообщил журналисту газеты «Уральская жизнь», что отношение в министерстве к ходатайству Екатеринбурга о политехникуме благоприятное.

Мнение Председателя Совета Министров о том, где на Урале открывать политехникум и в каком составе, было очень важным, но не окончательным. Столыпин был главой исполнительной власти страны, а решение об открытии вуза принимает власть законодательная – Государственная Дума – и утверждается оно первым лицом государства – Императором. Только начертанное им «Быть по сему!» на листе бумаги с законопроектом превращало его в закон, обязательный для исполнения. Чтобы получить этот рескрипт Государя Императора, предстояло ещё немало сделать. Но

Новый 1911 год в Екатеринбурге, несмотря ни на что, встречали в приподнятом настроении.

Сразу после Рождества, 8 января, Обухов собрал комиссию для «обсуждения записки Пермской городской думы по вопросу открытия в Перми политехникума имени Императора Александра II». Записку раскритиковали и стали писать развёрнутое дополнение к своей записке и пояснение к пермской. Автором обоих документов опять был Михеев. В пояснение к пермской записке он приложил карту действующих заводов, на которой было видно, что Екатеринбург является центром горной промышленности Урала. Факт и без этой карты бесспорный.

Несмотря на то, что екатеринбургской депутации в Петербурге были даны категорические обещания открыть политехникум в Екатеринбурге, пермяки не только не оставили надежду иметь у себя вуз, но стали принимать самые энергичные меры, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. В начале января «Пермские Губернские Ведомости» сообщили, что губернская дума рассмотрела и одобрила докладную записку с ходатайством об открытии вуза именно в Перми и что городской голова Рябинин выезжает 15 января в столицу с этим ходатайством.

По слухам, дошедшим в Екатеринбург, пермская записка была составлена солидно и обоснованно и акцент в ней сделан на критику екатеринбургского доклада. В Екатеринбурге предположили, что, видимо, пермяки располагают какими-то вескими основаниями, коль не щадят времени и средств на достижение, казалось бы, проигранного дела. Каковы были эти основания, узнать не удалось, поскольку в Перми «дело с составлением записки вели чрезвычайно тонко и осторожно».

Что в этой ситуации необходимо было делать? Не убаюкивать себя обещаниями. Обещания – не обязательства. «Нет ручательства, – писала газета «Уральский край», – что они под влиянием ... более сильного впечатления не будут взяты обратно и что счастье не склонится на сторону» Перми. Необходимо быть начеку и немедленно командировать в Министерство торговли наиболее осведомлённого по этому вопросу человека, чтобы он парировал удары, направленные против Екатеринбурга. Перед затратами на его командировку нельзя скупиться. «Момент критический и, несомненно, последний... Всякий лишний день промедления может

грозить полной потерей позиции», – восклицала газета. А самым подходящим человеком, который сможет отстоять интересы города, является Михеев. Его и надо командировать.

Но Обухов и дума не поддались паническому настроению газеты и слухам. К началу апреля документы были готовы и разосланы в министерства и ведомства и в особую комиссию под председательством министра народного просвещения Л. А. Кассо (1865 – 1914). В документах Обухов сделал акцент, возможно, специально для членов этой комиссии на то, «что в Уральский горный институт (так стали именовать неофициально политехникум. – В. Ф.) войдёт, главным образом местный элемент, отцы, деды и прадеды которого всю жизнь прожили в обстановке горного дела, и от этих новых будущих инженеров следует ожидать не стремления к занятию должностей управителей, окружных инженеров и других высоких рангов, а инженеров-разведчиков, которые вернут былую славу Уралу и Уральский институт займёт место наряду с Фрайбергским».

Потянулись дни ожидания. Из Петербурга сообщили, что комиссия начнёт рассматривать документы после Пасхальной недели. Неопределённость положения, сомнения в собственной правоте, тревоги за судьбу проекта – всё это нервировало. Масла в огонь щедро подливали газеты. «Россия» напечатала, что в ближайшее время в Совет Министров будут представлены ходатайства городских общественных управлений Перми, Екатеринбурга и Самары об открытии учебных заведений. Местный ядовитый «Уральский край», непатриотично щетинясь иголками, сообщил о слухе, дошедшем из Петербурга, будто бы пермская депутация в числе аргументов в пользу открытия политехникума в Перми ссылается на то, что Екатеринбургская дума отклонила полномочия городской управы на заём в 300 тысяч рублей в качестве взноса на политехникум. Мол, дума только обещала этот заём, но платить и не собиралась. Думе после такой публикации пришлось заявлять, что заём будет сделан, как только в этом возникнет надобность.

Спустя некоторое время «Уральский край» стал рекомендовать думе послать в Петербург представителя, чтобы он участвовал в работе комиссии Кассо на случай, если пермяки пошлют туда своего, который будет стараться дискредитировать Екатеринбург. В

этом случае екатеринбуржец мог бы парировать «все удары и измышления пермяков».

Ожидание затягивалось. Свербила мысль: «Ведь соседи не дремлют». 26 апреля городская управа представила в думу доклад, решительно настаивая «на посылку в Петербург своего депутата». Кого послать? Дума решила, что послать надо Обухова, оплатив ему расходы в сумме 500 рублей. Но поездка почему-то не состоялась, а в конце мая Обухов получил телеграмму от помощника заведующего учебным отделом министерства народного образования о том, что вопрос о политехникуме находится «в самой важной стадии» и будет рассмотрен на заседании комиссии 31 мая при участии представителей Екатеринбурга и Перми.

Времени на сборы было мало. Дума постановила послать Обухова, дав ему в помощь человека, находящегося «в курсе дела, обладающего солидными знаниями и эрудицией и умеющего ... выступить сильным оппонентом ... Перми». Такими достоинствами в Екатеринбурге обладал только один человек – Николай Степанович Михеев. 25 мая Обухов и Михеев уехали в Петербург. Уезжали они со щитом – для сражения, не зная его исхода, вернулись на щите – победителями. Обухов вернулся в ночь на 14 июня, когда вернулся Михеев, неизвестно, но позже городского головы, а 22 июня он подробно рассказал о результатах поездки сотруднику «Уральского края»:

«Прибыли мы с городским головой как раз вовремя. День-два опоздания, и, пожалуй, могли бы выйти очень плохие для ... города последствия. С нашей докладной запиской ... члены комиссии... ознакомлены не были. В первый же день прибытия нам удалось, при добром содействии некоторых лиц, разослать докладную записку и только благодаря этому вопрос о политехникуме пред членами комиссии предстал во всей его полноте и ясности.

Само заседание ... проходило 31 мая, то есть на пятый день по нашем прибытии, в здании Министерства народного просвещения».

Комиссия, председателем которой был Лев Аристидович Кассо, была большой, но сейчас, по прошествии ста с лишним лет, фамилии её членов никому не известны. А вот их должности интересны, поскольку они дают представление о том, какие министерства и ведомства в то время участвовали в обсуждении

вопросов об открытии высших учебных заведений. Это заместитель главноуправляющего землеустройства и земледелия, директор департамента земледелия, управляющий учебным отделом Министерства торговли и промышленности, директор департамента полиции, главный врачебный инспектор, начальник ветеринарного управления, член технического комитета, помощник начальника главного управления почт и телеграфов, заместитель министра путей сообщения, заместитель министра финансов, генерал-контролёр государственного контроля, член Государственного Совета от кавказского наместничества и член Совета наместника, а также член Совета министра Министерства народного просвещения.

В министерстве Обухов и Михеев встретились с пермским представителем князем Г. Е. Львовым (1861 – 1925), земским деятелем из Тулы. И были удивлены, почему это пермяки «в среде своей не нашли депутата и сочли за лучшее занять его в Тульской губернии». Странного в этом ничего не было. В Перми жил брат Георгия Евгеньевича Львова Сергей Евгеньевич (1859 – 1937) – владелец Пожевского горного округа и ста тысяч десятин земли. За амбициозность и деловую хватку он получил прозвище Львов-делец. Он и подбил брата, прозванного Львов-политик, выступить ходатаем в комиссии Кассо, рассчитывая на княжеский титул и его опыт общественного деятеля. Карьера Львова-политика достигла вершины 2 марта 1917 г., когда Николай II (1868 – 1918) назначил его премьер-министром Временного правительства.

Заседание началось с неожиданности для екатеринбуржцев. Их пригласили первыми, и председатель сразу предложил им изложить суть ходатайства. «К такому общему вопросу, – вспоминал Михеев, – мы подготовлены не были. Мы полагали, что нам предложен будет ряд детальных разъяснительных вопросов. Но так как мы всё же условились между собой, что я возьму на себя общую часть, а А. Е. Обухов – вопрос о средствах на политехникум, то я и приступил к изложению оснований для открытия политехникума... Говорил я приблизительно около 45 минут. Во время речи по тому вниманию, с которым ея слушали, и по тем сплошь и рядом неуловимых признаках, которыми определяется тесная связь между оратором и аудиторией, я постепенно приходил к выводу, что наша докладная записка сослужила уже нам крупную службу и что речь

производит впечатление. Это ободрило меня и дало возможность сосредоточиться на аргументации и быть убедительным. Всё время я старался быть объективным, никакой полемики с пермской докладной запиской не допускал. Даже упомянул-то я о Перми чуть ли не один раз всего в то время, когда предъявлял членам комиссии новую, составленную мною карту заводов, рудников, промыслов и проч., расположенных около Екатеринбурга. Кстати, сказать, эта карта была здесь всеми рассмотрена и, видимо, всем понравилась».

Выступление Обухова было коротким. Он дал объяснения о средствах на постройку здания политехникума, о необходимости открытия лесного и связанного с ним сельскохозяйственного отделений и ответил на единственный заданный ему вопрос: на что претендует Екатеринбург, на открытие сразу всех отделений «высшей горной школы» или ничего не имеет «против постепенного открытия таковых». Обухов по тактическим соображениям ответил, что в первую очередь следует открыть горное отделение, а далее жизнь покажет, какие и в какой последовательности открывать отделения.

На этом миссия екатеринбуржцев завершилась. Их попросили подождать в приемной комнате, а в зал заседания пригласили князя Львова. Ждать его пришлось долго, около полутора часов. Вышел он раскрасневшийся и взволнованный и произнёс: «Не знаю, как вас, а меня экзаменовали, точно студента». Фраза эта и княжеский вид свидетельствовали о многом: Пермь проиграла. Поэтому Обухов и Михеев ушли из министерства, окрылённые надеждами и уверенные в успехе.

Последнее заседание комиссии было назначено на 6 июня. Ожидая её решения, Обухов и Михеев посетили некоторых её членов. Все они дали самые благоприятные отзывы и о докладной записке, и о выступлениях. Все были расположены в пользу Екатеринбурга. Комиссия подтвердила это, высказавшись за открытие Горного института в Екатеринбурге. 8 июня Михеев отправил в Екатеринбург телеграмму: *«междуведомственное совещание своим заключением высказалось открытие горного института в Екатеринбурге Михеев»*.

Прежде чем ехать домой, Обухов попытался узнать «в заинтересованных сферах» о том, когда институт может быть открыт. Ему ответили, что средства «на этот предмет могут быть

ассигнованы по смете 1913 года. Но если Екатеринбург разовьёт усиленную деятельность, то дело может быть ускорено и средства могут быть ассигнованы и в 1912 году».

Надо ли задаваться вопросом о том, что чувствовали оба. «Возвращался я из Петербурга, – вспоминал Михеев со скромной пафосностью, – в самом радостном настроении. Упорный труд, борьба, сомнения – всё это отошло. Лучшей награды не требуется, Успех, обеспечивающий Екатеринбургу высшую школу, ... давал право ... до некоторой степени успокоиться и сказать уму и совести, что всё ими сделано, что польза, о которой мечталось, принесена».

Ум и совесть, интеллект и порядочность, компетентность и патриотизм – стали залогом достигнутого успеха. Результаты поездки в Петербург городской депутации были обсуждены 21 июня на очередном заседании городской думы. Началось оно в половине восьмого вечера. Обухов предложил Михееву занять почётное место среди 31 гласного (депутата) думы. Николай Степанович поблагодарил гласных «за то ценное поручение, которое ему к благополучию города и к собственному его глубокому удовольствию удалось так удачно закончить», и сделал футуристической прогноз о том, что Екатеринбург благодаря вузу займёт выдающееся положение и сыграет огромную роль в будущих судьбах Урала и страны.

Его прогноз оправдался вполне, а пока думцы занялись обсуждением сложившейся ситуации, значение которой, по словам Фадеева, для города пока и оценить трудно. Все были солидарны с ним, что город теперь «безусловно выдвинется и займёт лучшее положение, чем большинство губернских городов. Успех тем более отраден, что со стороны никакой поддержки не было».

Тут он допустил ошибку, сказав, что в основе успеха лежит записка Уральского общества любителей естествознания. Обухов его немедленно поправил. «Докладная записка о политехникуме, – сказал он, – ничего общего с запиской, выработанной когда-то УОЛЕ, не имеет. Она составлена исключительно Михеевым... Город, безусловно обязан Михееву. Услуга, оказанная им городу, на вечные времена впишет имя его в городские скрижали». И предложил собравшимся выразить глубокую благодарность Николаю Степановичу вставанием. А потом рассказал о

«подводном камне», который может грозить неприятностями, но который пока удалось обойти.

Оказывается, некоторые влиятельные члены Совета Съезда уральских горнопромышленников недоброжелательно относятся к учреждению политехникума. Если бы в комиссии спросили их мнение, то оно было бы отрицательным. «Узнав об этом, мы с Николаем Степановичем обратились в правление Съезда ... и убедили их не давать такого ответа, так как последнее могло, не созывая съезда и зная настроение съезда, дать неблагоприятный для нас ответ. В настоящее время этот вопрос находится в таком состоянии: если Правительство спросит Съезд..., то прежде ответа будет созван Совет Съезда, на который мы будем приглашены для того, чтобы убедить Съезд и в зависимости от их нового решения, будет дан ответ». К счастью, горнопромышленники не стали упорствовать, проявили здравомыслие и позволили без препонов продолжить работу по организации вуза.

Неожиданно доброжелательной была реакция на решение комиссии Кассо и у недавних соперников. Павел Васильевич Иванов, вернувшийся накануне с заседания Губернского земства, рассказал, что записка Михеева там «буквально вызвала восторг». В ней он сумел не только сосредоточить и развить всю аргументацию, но и примирить различные интересы и всех умиротворить. На записке его сошлись буквально все, в том числе и губернатор Иван Францевич Кошко.

Виновник, спровоцировавший поток искреннего славословия и благодарностей, вернул собравшихся к прозе жизни. «Мы достигли цели, – сказал он, – но теперь нужно вырешить, каким путём добиться наискорейшего открытия вуза... В комиссии г. Кассо уже приступлено к заготовке доклада в Совет Министров. И в Совете вопрос скоро будет рассмотрен, а затем он перейдёт в законодательные учреждения. Вся суть теперь в том, когда будет разработан проект. Наиболее заинтересованным министерством в открытии ... вуза является Министерства торговли и промышленности. Городу необходимо вступить в непосредственные сношения с этим министерством, а также с комиссией Кассо, предложив свои услуги по доставлению с места всех сведений, необходимых для составления проекта».

После этого началось обсуждение предложения Михеева, которое Обухов счёл целесообразным, заявив, что в первую очередь комиссией Кассо предложено открыть горное отделение, а вслед затем лесное. Присяжный поверенный Н. Ф. Магницкий сказал, что «для города важно немедленно открыть хотя бы одно отделение. Потом учебное заведение само собой будет развиваться. Войти бы с ходатайством о таком открытии». Эту мысль стали развивать. Кому поручить разработку этого вопроса? Городской управе? Она одна, пожалуй, не справится? Для тщательной разработки всех деталей нужна специальная комиссия. Обухов предложил поручить это строительной и финансовой комиссиям города, на заседания которых приглашались бы специалисты и представители окружающих город заводов и промыслов. Но после вопроса Фадеева, когда нужно начать «разработку вопроса» и ответа на него городского головы, что «безотлагательно», чтобы к осени «ходатайство возбудить», пришли к выводу: «И строительная, и финансовые комиссии слишком заняты. Вопрос важный, требующий большой затраты труда и времени. Необходимо избрать особую комиссию. Пусть она работает совместно с управой».

На том и порешили, избрав в комиссию П. В. Иванова, Н. Ф. Магницкого, А. М. Симанова (1858 – ?), Н. А. Арнольдова, Н. И. Беленкова и А. И. Фадеева. Комиссия начала свою работу не под торжественный перезвон колоколов, а под траурные звуки панихиды, которую отслужил в Кафедральном соборе 6 сентября в 12 часов дня епископ Митрофан в связи с трагической гибелью в Киеве Петра Аркадьевича Столыпина. Ровно год назад он в этом же соборе епископ провозгласил «многая лета болярину Петру». Выходит, не дошла до Бога его молитва. Услышал ли Он теперь поминальные слова преосвященного о вечном покое, вечной памяти, царствие небесном и земле пухом для усопшего раба божия Петра.

Итак, екатеринбуржцы определили план работы на ближайшее время. Особая комиссия заседала, Михеев составлял по поручению городской управы очередное ходатайство в виде докладной записки, а местные журналисты, как клопы, кусали своими заметками городские власти, обвиняя их в бездействии и промедлении. Каждый занимался своим делом. Узнав, что докладная записка и ходатайство будут готовы к 20 сентября, газета

«Уральский край» подпустила шпильку: «Дай Бог, чтобы не было поздно». О времени открытия политехникума она же ехидно сообщила, что его ни в 1912, ни в 1913 году «нам не видать». К городскому голове газета относилась уничижительно: «Давно уже обещано, – говорилось в одной из её заметок, – что в комиссию Кассо и в Министерство торговли и промышленности будут отправлены проект и смета на кубатуру (объём здания будущего политехникума. – В. Ф.). Но по отношению к обещаниям нашего городского головы ... применима хохлацкая поговорка – казав пан, жупан дам, да слово его обман».

Нет, Александр Евлампиевич был человеком чести, а вот сотрудники газеты не гнушались пользоваться слухами. В начале декабря один из них сообщил, что, по слухам, вопрос об открытии политехникума обстоит неблагоприятно, что энергичные меры пермяков якобы имеют успех и, возможно, Екатеринбург «останется при печальном интересе». Чтобы этого не произошло, доброхот-журналист посоветовал городской думе уполномочить Михеева, собиравшегося ехать в столицу в декабре, отвезти туда ходатайство «на поддержку политехникума». И это при том, что в редакции газеты знали о полученном городской управой ещё в конце сентября сообщении из Справочного отдела при Совете по делам местного хозяйства, о внесении в ближайшее время вопроса об открытии политехникума на рассмотрение Совета Министров.

Что бы ни писали и ни говорили журналисты – это были мелочи, неприятные, досадные, глупые, но мелочи. 1911 г. был для Екатеринбурга годом несомненного успеха. Этот успех был достигнут трудом, настойчивостью, волей и верой многих людей, объединённых единой целью, к которой их вели и привели два человека: Александр Евлампиевич Обухов и Николай Степанович Михеев.

Обухов родился на Воткинском заводе 8 августа 1864 г. в семье канцелярского служащего. В 20 лет он окончил Миасское лесное училище и по ведомству Министерства государственных имуществ был направлен в распоряжение Главного начальника Уральских горных заводов; в 1885 г. поступил вольноопределяющимся в армию, учился в Казанском юнкерском училище, был произведен в прапорщики, но в 1887 г. его зачислили в запас, и он вернулся на Урал. Работал подлесничим, помощником

лесничего, лесничим и главным лесничим в дачах казённых и частных заводов, был главным лесничим Кыштымского и Сергино-Уфалейского горных округов, а с 1908 по 1917 гг. избирался городским головой Екатеринбурга. Гражданская война вынудила его с женой Александрой Николаевной, которая была на одиннадцать лет моложе мужа, эмигрировать. Их последним пристанищем стал Гонконг. Там на православном кладбище они и похоронены: она 12 декабря 1943 г., он – 30 января 1948 г.

Семья Обуховых была большой: четыре дочери и сын. В Советской России осталась только дочь Вера – Вера Александровна Белоусова, которая жила в Ленинграде и там же трагически погибла в 1979 г. Остальные дети разъехались по разным странам. В 1993 г. мне удалось заочно познакомиться с дочерью Веры Александровны – Вероникой Семёновной Блиновой – тоже ленинградкой. Я получил от неё два письма, но о дедушке и бабушке, дяде и тётях она почти ничего не знала. «Мне мама, конечно, рассказывала о своих родителях, – написала она, – но никаких записей нет, а я забыла всё... У них было четыре дочери (вместе с моей мамой) и один сын. Но их уже нет в живых. Дети были только у дяди. Связи с ними нет, так как они жили врозь (в разных государствах)».

Второй раз случай, который отнюдь не слеп, как принято считать, посмотрел на меня и улыбнулся через 16 лет. В номере втором журнала «Восточная коллекция» за 2009 г. я прочитал небольшую статью «Будни далёкого прихода» о православном приходе в Гонконге. Её автор Дмитрий Капустин поместил в конце статьи электронный адрес настоятеля прихода отца Дионисия и я, зная, что в этом городе похоронена чета Обуховых, написал ему письмо с просьбой прислать мне фотографию надгробья на их могиле, если оно сохранилось. Ответ ждал долго. Наконец, он пришёл в виде четырех фотографий ухоженного надгробья. Я поблагодарил отца Дионисия за труды и послал ему свою книгу «Тайны Каменного Пояса».

Впервые фотографическое изображение Николая Степановича Михеева мне довелось увидеть в январе 1993 г., когда я был в гостях у его московских племянниц. На фото в три четверти оборота сидел, одетый в мундир горного инженера, ... испанский гранд, рыцарь печального образа. Такие лица я видел на картинах Веласкеса. Фотография была сделана в 1911 г. Михееву в это время

было 32 года. Кто бы мог подумать, что отцом этого молодого человека, эстета, интеллектуала и романтика, писавшего неплохие стихи, которые он опубликовал в сборнике «Песни души», был отставной унтер-офицер.

В 1904 г. Михеев окончил Петербургский горный институт и по рекомендации председателя Геологического комитета А. П. Карпинского (1846/47 – 1936) был приглашён управляющим Алапаевским горным округом В. Е. Грум-Гржимайло на должность заведующего рудничным хозяйством. Нелёгкая ему досталась доля. Не как инженеру. В этом отношении он был на высоте: им была высказана гипотеза о генезисе железорудных месторождений округа; Карпинский признал её обоснованной, а практика эксплуатации месторождений подтвердила михеевский прогноз и его высокую квалификацию геолога, которую он упрочил ещё открытием в 1906 г. месторождения асбеста.

Трудность, которую Николай Степанович не смог преодолеть, была иной – социально-политической. 1905 год – это год первой русской революции. Она полыхала по всей стране. Особенно острыми противоречия между властью и рабочими были на Урале. 8 марта 1905 г. в России был создан первый Совет рабочих депутатов и нигде-нибудь, а в Алапаевске. Конфликт с рабочими довёл Михеева до нервного расстройства, и он бежал из Алапаевска, заявив Грум-Гржимайло, что вернётся не ранее «чем туда не будут поставлены войска и под их охраною не будут проведены соответственные законоположения для урегулирования рабочего движения».

В феврале 1915 г. коллежского асессора Михеева Горное правление направило в распоряжение Невьянского горнопромышленного акционерного общества, которое строило первый на Урале цементный завод. К этому времени он уже стал гласным Екатеринбургской городской думы, но по какой-то неизвестной мне причине перестал заниматься вопросами создания Горного института. В начале марта он выступил на очередном съезде горнопромышленников Урала по вопросу составляемой им по поручению совета съезда геологической карты Урала. Рассказал о плане работы, показал отдельные образцы планшетов карты и делегаты съезда поручили ему подготовить эту карту к следующему съезду.

Как геолог он был очень востребованным. В начале июня городская управа обратилась к нему с просьбой организовать работы по изысканию золота в черте города, выделив на эти работы две тысячи рублей. Он согласился и через несколько дней, приехав из Невьянска, представил план бурения скважин ручными бурами. А в начале июля газета «Зауральский край» сообщила, что управляющий Невьянскими заводами Михеев оставил службу. В конце сентября последовало новое газетное сообщение о сложении Михеевым полномочий гласного думы в связи с отъездом его на одно из южных предприятий России.

Он переехал в Новороссийск, видимо, по состоянию здоровья; работал там на цементных заводах и через два года стал ими управлять. Когда совершилась Февральская революция и на заводах начались волнения и беспорядки, он сделал так же, как в Алапаевске: оставил службу и в сентябре уехал в родной Петроград, получив место члена правления на заводе Лангензинен. В 1919 г. голод «заставил его подчиниться существующему положению» и поступить на советскую работу сначала на сланцевые разработки, потом он служил в различных центральных правительственных органах: в Главсланце, в Центропромразведке, в Госбанке, в НТО ВСНХ и в Горном отделе Госплана.

Казалось, что алапаевская драма 1905 года забылась, стёрлась в памяти и от неё не осталось и следа; что судьба, жестоко поиграв с ним, успокоилась. Оказалось, что нет. Она так развернула его жизненную стезю, что в конце 20-х годов он вернулся туда, где начинал работать. Получился замкнутый круг, из которого он уже не вышел.

В октябре 1925 г., будучи в НТО ВСНХ руководителем научно-исследовательскими работами по асбесту, Михеев был командирован в Германию, Италию, Францию, Англию и Бельгию для изучения предприятий и рудников асбестовой промышленности. Во время командировки он познакомился с представителем англо-бельгийской фирмы «Этернит», которая была заинтересована в получении концессии на разработку месторождений асбеста в Алапаевском районе, где уже на концессионной основе занималась разработкой открытого им месторождения асбеста фирма «Гаммер». Николай Степанович с разрешения начальства стал с лета 1925 г. консультантом обеих

фирм, а затем и совсем переехал в Алапаевск, возглавив АЛГЕ – Алапаевскую геологическую службу, занимавшуюся разведками на каменный уголь, асбест и железные руды.

4 января 1930 г. он был арестован сотрудником ОГПУ. В доме произвели обыск, описали и конфисковали имущество, передав его на хранение жене Екатерине Гавриловне, а самого Николая Степановича отправили в Нижний Тагил в тюрьму. Его обвинили в связи с руководителями московского контрреволюционного центра Клуба горных деятелей. С этого момента его жизнь стала похожа на летящий под откос паровоз.

На первом допросе 5 января он с возмущением заявил, что обыск и арест он расценивает как очередную гадость, а наиболее приемлемой политической властью считает демократическую республику. Ему дали время подумать. Через пять дней он высказался ещё крамольнее: «С точки зрения моих политических убеждений я против Соввласти, диктатуры пролетариата и социалистического строительства, я за демократическую республику, за политическую власть, основанную на широком всенародном представительстве всех социальных прослоёв и классов, за капиталистическую систему производства».

Следующие два дня .... Чем они для него были? Что с ним сделали в эти дни? Если он сказал на допросе 12 января: «Безоговорочно признаю себя виновным ...». Допросы продолжались до середины марта. Но они уже для него не имели никакого значения. Он это понял. 16 марта между 5 и 8 часами утра круг смертельно сжался вокруг его шеи удавкой тюремного полотенца.

На следующий день следственное дело было прекращено, 22 марта снят арест с имущества, в тот же день вдова получила у коменданта Нижнетагильского окружного отдела ОГПУ два чемодана мужа, а ... спустя 59 лет сыну Николаю сообщили, что его отец полностью реабилитирован и что место его захоронения неизвестно.

Единственным местом, куда теперь можно прийти и поклониться этому замечательному человеку, является Уральский государственный горный университет.

ХАРИТОНОВСКИЙ ДОМ

21 июня во время обсуждения результатов поездки в Петербург Магницкий спросил Михеева: «Что подразумевается под открытием учебного заведения – обязательная постройка помещения для него, или же возможно использование временного помещения»? Но на этот вопрос ответил ему не Михеев, а Обухов: «Можно и в существующих зданиях. Например, в Харитоновском доме».

Для екатеринбуржцев будущий Горный институт был дорогим и долгожданным гостем. Устами членов междуведомственной комиссии он объявил им о своём приезде, не сообщив только год, когда это произойдёт. Но в том, что он приедет, они уже не сомневались и будучи хлебосольными хозяевами, стали заранее думать, как его принять и где разместить, чтобы ему было удобно, тепло и уютно.

Впервые об этом заговорили 30 октября 1909 г. на первом заседании комиссии об открытии на Урале вуза. Тогда было предложено либо построить здание института на территории бывшего Монетного двора и железнодорожных мастерских, либо купить для этой цели на льготных условиях Харитоновский дом. Спустя месяц городская дума приняла решение о постройке политехникума на самой большой в городе Сенной площади (сейчас территория бывшей площади застроена), размеры которой в 10 десятин (1 десятина = 1,45 га) позволяли это сделать.

Год спустя было высказано другое пожелание: если вопрос о политехникуме решится в пользу Екатеринбурга, то в качестве места строительства здания института будет отведён участок при выходе Главного проспекта на восток от города, где планировалось построить новый железнодорожный вокзал. Спустя шесть лет так и произошло. Но пока были другие планы и проекты.

Очень ревностным сторонником строительства здания политехникума на территории, занятой Императорской гранильной фабрикой и железнодорожными мастерскими, был Марков. Он планировал расположить главный корпус вуза таким образом, чтобы его парадный фасад был обращён в сторону здания Окружного суда (ныне в этом здании находится резиденция

Президента РФ) и Екатерининского собора (снесён в 30-х годах). Остальные здания он предлагал построить на местах занимаемых мастерскими. По его мнению, это должно было украсить город. В чём не приходилось сомневаться. Разве украшали центр города закопченные строения мастерских, рельсы, проложенные по Покровскому проспекту (ныне улица Малышева), двигавшиеся по ним паровозы, свистя, шипя и выбрасывая клубы дыма и пара. Как терпели это подобие ада жители близлежащих домов. Выгоды от такого расположения политехникума Марков видел также в возможности использования силы падающей воды городского пруда для приведения в движение машин будущих институтских мастерских и учебно-показательной фабрики, в близости Уральской химической и золотосплавочной лабораторий, музея и библиотеки УОЛЕ.

Идея Маркова нравилась некоторым членам городской думы, начальнику Пермской железной дороги С. В. Машкову и начальнику мастерских С. Ю. Шиманскому. Оба обещали поддержать проект, рассчитывая, что в случае его реализации мастерские, которым стало тесно в центре города, будут перенесены в район строящегося вокзала за счёт городского бюджета, и Управление дороги от этого только выиграет.

Площадь территории, занятой мастерскими и фабрикой, составляла около 8 десятин, т. е. была достаточна для свободного размещения всех институтских построек. А опытные поля и лесные участки Марков рекомендовал создать за городской чертой, например, между Екатеринбургом и Верх-Исетским заводом там, где позже проложили Верх-Исетский бульвар.

В конце июля 1911 г. в Екатеринбурге был министр путей сообщения С. В. Рухлов (1852 – 1918). Будучи осведомлённым об открытии в городе вуза, он тоже высказал своё мнение о том, где его лучше построить. Инспектируя железнодорожное хозяйство, Рухлов предложил отвести под два отделения института участок земли в 15 десятин за городом по дороге на Шарташ, оценив стоимость строительства в 1 млн рублей. Именно такую сумму тогда гарантировали общественные учреждения города и губернии.

Но огонь желания как можно скорее открыть институт, поддерживаемый трудным финансовым положением города и настойчивостью городского головы всё ярче высвечивал идею о

приобретении Харитоновского дома. В начале века и дом, и усадьба принадлежали Акционерному обществу Кыштымских горных заводов. Обухов, когда-то работавший главным лесничим Кыштымского горного округа, имея в заводууправлении немало добрых знакомых, взялся узнать условия, на которых дом мог быть продан или сдан в аренду. В том, что заводууправление согласится на тот или иной вариант, сомнения у него не было. В начале августа 1911 г. управляющий заводов прислал Обухову два экземпляра плана дома и усадьбы, сообщил их стоимость и условия аренды.

6 сентября члены комиссии об открытии вуза и служащие городской управы рассмотрели эти материалы. Что же они узнали нового об этом уникальном архитектурном ансамбле? Они знали, что часть помещений в нём сдавалась под жильё, типографию и дрожжевое заведение, но большая часть дома пустовала из-за непригодности, а в саду было кафе-шантан. Узнали же они самое главное, что площадь, занятая домом и другими постройками, составляла около 1000 кв. саженей, площадь незастроенной земли – около 8 десятин; что усадьбу можно купить за 150 тыс. рублей, а за аренду помещений владельцы получают ежегодно 14,5 тысяч. Эти данные и послужили отправным моментом для дискуссии: покупать дом – не покупать, арендовать – не арендовать.

Павел Васильевич Иванов сначала решительно сказал: не покупать, поскольку дом мало приспособлен для вуза и в нём придется многое переделывать. Магницкий и Беленков были согласны на аренду дома на 2-3 года, чтобы поскорее открыть политехникум. Это «скорее» довлело над всеми. Доктор Арнольдov заявил: «Если мы сможем открыть политехникум в 1912 г., то из 300000 рублей, ассигнованных на него, мы Кыштымский дом купим и отделаем, и приспособим». Нет, возразил ему Михеев: «Поскольку условием открытия политехникума является место площадью до 30 десятин, то институт надо строить за городом, а Кыштымский дом не покупать». Резонно. Чаша весов стала склоняться в сторону «не покупать». Но Обухов восстановил равновесие – покупать. Арнольдov его упрочил, предложив паллиатив: «Место следует купить, что за беда, если оно окажется малым, отведём другое за городом. А дом достанется городскому управлению». После того, как Михеев сообщил, что он получил из

столицы известие об окончательном решении вопроса об открытии политехникума в Екатеринбурге и о том, что уже начали «приискивать директора», Иванов сдался, заявив: «Харитоновский дом на первое время подходит. Если Министерство признает его подходящим, оно и купит его, если нет – отведём место за городом».

Реплики Магницкого: в этом духе и надо сообщить в Министерство и Обухова: важно, чтобы ассигнование на политехникум попало в министерскую смету на 1912 г., завершили обсуждение, по результатам которого приняли решение: «Сделать письменный запрос в Осведомительное бюро о состоянии вопроса об открытии вуза и послать ходатайство о скорейшем его открытии, хотя бы в наёмном помещении .... Послать планы, фотографии, размеры Харитоновского дома и ходатайство об открытии в первую очередь одного горного отделения».

Городской голова был неплохим лоббистом. Спустя две недели, 19 сентября, он убедил в покупке Харитоновского дома и членов объединённых финансовой, строительной и санитарной комиссий города, обосновав это тем, что земельные участки в городе невероятно поднимаются в цене; что у городской управы уже нет свободных усадебных мест для будущих городских построек; что представители завода, идя навстречу городу, продадут дом под политехникум уже не за 150, а только за 100 тысяч. Для того чтобы добиться такого снижения стоимости дома, Обухов специально съездил в середине сентября в Кыштым. В то же время частным лицам цена за дом и усадьбу была назначена в 250 тысяч и даже дороже. Когда коммерческое собрание города изъявило желание купить дом, то, по словам его председателя И. А. Мосунова, с него запросили уже 300 тысяч. Это ли не выгода. Да и комиссия о политехникуме высказалась за приобретение дома, и «мы не должны идти вразрез с комиссией».

Убедил. Он умел убеждать и потому получил полномочия и на совершение купчей и поручение купить дом не дороже 100 тысяч рублей. Осталась последняя препона. Чтобы решения комиссий обрели юридическую силу, они должны были быть утверждены городской думой. Её заседание состоялось через два дня. Доклад сделал Обухов. И опять он нашёл новые аргументы в пользу покупки дома. Молодец!

Выступая перед гласными, он сказал, что если даже в доме не будет открыт политехникум, то его «можно утилизировать для помещения в нём целого ряда других учебных заведений». Более того, если бы дом был предназначен только «для извлечения из него выгод, то и тогда он являлся бы для города важным приобретением, так как если принять цену земли даже в 5 рублей за квадратную сажень, то и тогда расценка имущества выходит 100000 рублей. Всем известно, что на усадьбе находится хороший большой сад, который мог бы быть и городским садом..., а нужда в городском общественном саде ощутима. Наконец, если бы ни под политехникум, ни для городских нужд этот дом и усадьба не понадобились бы, то во всякое время их можно продать не дешевле покупной цены».

Ну, разве можно было устоять против такой аргументации, в которой не было ни грана лукавства, тем более лжи и корыстного интереса. Гласные 29-ю голосами «за» против пяти постановили выдать городскому голове полномочия на покупку дома.

На этом же заседании был рассмотрен проект очередной докладной записки, составленной Михеевым, содержащий ходатайство «перед государственными учреждениями и господами министрами о скорейшем открытии в Екатеринбурге политехникума, хотя бы во временном помещении».

Жизнь была бы скучной и неинтересной, а романисты лишились бы заработка и славы, если бы в ней не было тайн, интриг, «коварства и любви». Через неделю после заседания городской думы наметилась интрига и в истории с покупкой дома. Присяжный поверенный Магницкий, сомневающийся во всём, дотошный до вьедливости, как и должно быть адвокату, попросил городскую управу воздержаться от переговоров с кыштымцами. Почему? Николай Флегонтович разузнал, что фактический доход, приносимый домом, в три с половиной раза меньше, а расход по платежам процентов больше дохода, что дом стар и ветх. О последнем можно было и не разузнавать. Дом был построен более ста лет назад.

Обухов был обескуражен таким демаршем и заявил на заседании финансовой комиссии и комиссии по займам, что «дело испорчено» и он вынужден отказаться от переговоров о приобретении дома, потому что владельцы обижены возбуждённой

полемикой и если раньше дом можно было купить за 100 тысяч, то теперь его не отдадут и под квартиры. В конце октября заявление Магницкого обсуждалось думой. Обсуждалось бурно. Острота ситуации определялась ещё тем, что в полемику ввязались газетчики и пошли разговоры о том, что дом никуда не годен, что городу с ним делают западню. В ответ владельцы с возмущением сказали, что прекращают всякие разговоры о продаже дома.

И полемика, и жёсткое заявление владельцев дома поставили думу в трудное положение. Ведь о приобретении дома в собственность или в аренду было уже доложено губернатору Кошко, и решение вопроса теперь всецело зависело от того, удовлетворит ли правительство ходатайство о скорейшем открытии политехникума и от мнения Министерства торговли о пригодности дома под вуз. В конце года Обухов намеревался ехать для этого в Петербург и, сообщая об этом губернатору, писал: «Если ... мне удастся получить определённые положительные сведения относительно политехникума, то немедленно будет заключён договор (аренды. – В. Ф.) или дом куплен за ... 100000 рублей».

И вдруг дело получило такой оборот. «Нас несколько удивляет, – писал Обухову управляющий Кыштымскими заводами, – разговор о покупке этого дома городом без получения на то согласия Правления общества заводов, как фактического владельца». Что делать? Кто виноват в этом – известно. В такой ситуации есть только два средства добиться нужного результата. Набраться терпения и подождать, когда страсти утихнут. Ведь время - великий лекарь. И одновременно вести переговоры. Худой мир всё же лучше доброй ссоры. Так большинством голосов решили гласные думы.

Эта тактика оправдала себя вполне. Уже 1 декабря Правление общества Кыштымских заводов «имело честь» сообщить городскому голове, что оно «принципиально ничего не имеет против продажи ... или к отдаче этой недвижимости в долгосрочную аренду». Но при этом необходимо выполнить одну формальность – получить согласие Общего собрания акционеров, которое собирается очень редко, поскольку некоторые его члены живут в Англии. Это уж не принципиальные, а организационно-технические трудности. Вполне разрешимые.

Так об этом и сказал городской голова на заседании думы 22 февраля 1912 г. Как быстро бежит время! Сказал и для убедительности, словно сомневаясь в решении гласных, добавил, что приобретение дома выгодно. Почему? Во-первых, по подсчёту податного инспектора Балашёва, дом даёт доход в 11 тысяч рублей в год. Во-вторых, «при посещении мною в Петербурге председателя Совета Министров, он серьёзно заинтересовался эти домом».

Городской голова напрасно волновался. Гласные его поддержали, поручив городской управе «войти в переговоры о покупке ... дома, а кроме этого, предложили обратиться с ходатайствами к членам Государственной Думы от Зауральских уездов «об оказании ими влияния по предмету ассигнования от казны в 1913 г. средств на открытие в Екатеринбурге Горного института».

В начале марта Обухов отправил письмо управляющему Кыштымским горным округом с просьбой возбудить ходатайство перед Правлением общества о продаже Харитоновского дома; в конце месяца письма-ходатайства были посланы членам Государственной Думы от Пермской губернии Ф. Ф. Кондратьеву, К. М. Петрову (1877 – ?) и М. А. Васильеву, а из столицы пришло сообщение, что при вторичном пересмотре вопроса о месте строительства политехникума, Совет Министров «категорически высказался за Екатеринбург».

Итак, интрига исчерпала себя с благоприятным исходом. Наступило затишье. Нет, это было затишье не перед грозой. В конце июня оно расцвело, как и положено в это благодатное время года, вполне ожидаемым и совсем неожиданным событиями.

Ещё 2 апреля Совет Министров утвердил важнейший документ – Постановление об открытии в Екатеринбурге Горного института, во исполнение которого Министерству торговли и промышленности надлежало «озаботиться выработкой законопроекта об учреждении названного учебного заведения – по окончательном выяснении достаточного участия местных средств в расходах» по его оборудованию и устройству.

Наконец-то, достигнута точка невозврата. Наступил конец всяким домыслам, слухам, предположениям. Решение вопроса перешло к исполнительной власти, и она, соблюдая властную иерархию, запросила через губернатора у екатеринбургского самоуправления подтверждения пожертвования в 300 тысяч рублей и

15 десятин земли «для нужд открываемого в Екатеринбурге Горного института».

К этому времени в Министерстве было заявлено 500 тысяч рублей от Губернского земства, 5 тысяч – от Оханского, 200 тысяч – от Екатеринбургского и 300 тысяч – от городской думы. Сверх того город отводил «под постройку учебного заведения 15 десятин ... земли и ... для практики студентов ... до 6000 десятин лесного пространства». Министерству было очень важно, чтобы все заявленные средства были обеспечены. Только в этом случае оно могло начать реализацию «высочайшего» постановления Совета Министров.

Об этом постановлении в Екатеринбурге, вероятно, догадывались и, возможно, даже знали. Ведь двери министерских кабинетов – не люки на подводных лодках. Слухи по каплям могли просачиваться сквозь них. Но те, до кого они доходили, молчали до времени, боясь их спугнуть. Поэтому решение Правительства было, в какой-то мере ожидаемым. А вот второе событие, упало как манна небесная.

26 июня газета «Уральская жизнь» сообщила о приезде в Екатеринбург тремя днями ранее начальника изысканий железнодорожной магистрали Казань-Екатеринбург инженера путей сообщения Александра Александровича Бубликова. Заметка была проиллюстрирована портретом гостя. Такой чести газета удостоивала немногих. За что Бубликову было оказано такое внимание? За то, что он пожертвовал 100 тысяч рублей на устройство в будущем Горном институте лаборатории по изучению каменного угля, нефти, торфа и строительных материалов. Сумма огромная даже в сравнении с теми, что собирались ассигновать земства.

Бубликов был богат, но именно богатые наиболее скупые и жадные. Неслучайно говорят, богатый, что чёрт рогатый. Какой интерес заставил его раскошелиться на ещё не открытый вуз? Публично он говорил, что пожертвовал капитал в «память своего отца» чиновника Министерства путей сообщения. Истинный мотив заключался в другом. Он хотел сделать карьеру в политике. Через месяц после его триумфальной поездки по Уралу началась кампания по выборам в IV Государственную Думу. Бубликов выставил свою кандидатуру от Пермской губернии и победил.

После этого в Екатеринбурге его называли не иначе, как «наш депутат».

В день публикации заметки в честь дорогого гостя был дан обед в зале Общественного собрания. Встреченный «тушем», Бубликов занял центральное место за большим, убраным зеленью столом, поставленным «покоем». Его приветствовали городской голова, председатель биржевого комитета, председатель земской управы и другие именитые люди города. Александр Александрович всех покориł энергией, уверенностью и напором, конструктивным прагматизмом, обещаниями и планами развития на Урале железных дорог. Интерес к нему был так велик, что затмил отставку Главного начальника Уральского горного управления П. П. Боклевского, в честь которого и в проводах на вокзале 26 июня участвовали только служащие горного ведомства.

Бубликов пробыл на Урале около десяти дней; в начале июля он совершил рекогносцировочную поездку на линию будущей железной дороги Мишкино – Шадринск. Вернулся в Екатеринбург и через Красноуфимск уехал в Петербург, дав обывателям обильную пищу для пересудов о себе.

Он родился в столице в 1875 г. В 24 года окончил Институт путей сообщения, год стажировался за границей, а с 1901 г. не без помощи отца начал строить очень успешно свою карьеру, став скоро одним из авторитетнейших инженеров-путейцев: он работал на постройке 2-й Екатерининской железной дороги, на изысканиях железных дорог Уфа – Миньяр, Ченцы – Кыштым, Уральск – Акмолинск, Олонец – Петрозаводск, Вологда – Вятка, Домброво – Донецк, произвёл концессии на сооружение дорог Армавир – Туапсе, Гербы – Кельцы, был членом комиссии по выработке плана и сети новых железных дорог в масштабах страны и членом правления Ачинско – Минусинской железной дороги.

Но профессиональная деятельность не исчерпывала всю его неуёмную энергию и честолюбие, и он занялся политикой. В IV Государственной Думе он входил во фракцию прогрессистов и, будучи прагматиком, старался не связывать себя обязательствами с Правительством, но при этом умел находить язык с чиновниками в вопросах, представлявших для него интерес; он был в Думе одним из лидеров неформальной уральской фракции.

Звёздный час, именно час, в его политической карьере наступил во время Февральской революции.

В связи с беспорядками в столице Император издал указ о роспуске Государственной Думы. Этот указ был доставлен в Думу 27 февраля 1917 г. в 2 часа дня. Депутаты ему не подчинились и образовали Временный комитет. В ночь с 27 на 28 февраля Бубликов с мандатом председателя Государственной Думы и отрядом солдат был направлен в Министерство путей сообщения в качестве комиссара. В ту же ночь, используя железнодорожный телеграф, он послал всем начальникам станций телеграмму: «Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти», хотя на самом деле этого ещё не было. Но телеграмма ускорила революционные события и переход власти к Временному Правительству.

Бубликов, установив контроль над железными дорогами, блокировал движение поездов в районе столицы, чтобы к ней не могли подойти верные Императору войска, а сам Император не смог выехать из Ставки. 8 марта Бубликов в составе делегации комиссаров Государственной Думы прибыл в Ставку для ареста Императора и препровождения его в Царское Село.

Амбиции Бубликова были удовлетворены вполне. О таком взлёте политической карьеры, чтобы решать судьбу Императора, судьбу великой страны, даже он вряд ли мечтал. Он хотел быть только министром путей сообщения. Его обошли. Во Временном Правительстве министром стал другой человек, а ему предложили быть его товарищем (заместителем). Это было обидно. Но пока революционная эйфория несла его на своём гребне. Он был в фаворе, с ним считались.

В конце марта его и комиссара И. В. Титова (1879 – ?), депутата Государственной Думы и бывшего священника г. Кунгура Временное Правительство командировало на Урал для того, чтобы удержать рабочих от введения контроля над производством и распределением продуктов. Оба комиссара прибыли в Екатеринбург 28 марта. Задолго до прихода поезда весь перрон и крыша нового здания вокзала были переполнены людьми. Всем хотелось поприветствовать народного министра путей сообщения. Когда Бубликов вышел из вагона, раздались крики «Ура!» и пение «Марсельезы».

Последний раз Бубликов ярко заявил о себе как публичном политике 13 августа на Всероссийском государственном совещании. И всё. В сентябре он уехал в США и там остался. Умер Александр Александрович 29 января 1941 г. в Нью-Йорке.

Но всем этим событиям ещё предстояло произойти через пять лет. Пока же на повестке дня стояли более прозаичные вопросы. 16 августа на экстренном заседании городской думы Бубликов был избран почётным гражданином Екатеринбурга, о чём Обухов послал ему телеграмму в Петербург, написав, что он гордится таким гражданином. В ответной телеграмме Бубликов попросил «передать любезным согражданам сердечную признательность за незаслуженно высокую честь» и обещание в «будущем в меру сил отслужить городу». Правда, «Государь Император, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел», только 8 января 1915 г. «Всемиловитейше соизволил на присвоение ... надворному советнику ... Бубликову звание почётного гражданина городов Екатеринбурга и Красноуфимска, согласно ходатайствам о том ... городских дум».

Обещанием Бубликова «отслужить городу» воспользовались уже в конце августа. 25 числа на заседании думы Магницкий, из-за которого разгорелся сыр-бор с покупкой Харитоновского дома, предложил поторопиться с ходатайством в Государственную Думу об открытии вуза в 1913 г. Для этого, по его мнению, необходимо было отправить ходатайство с ехавшими в столицу по другой надобности, гласными Ивановым и Олесовым, а в столице попросить принять участие в его продвижении «Почётного Гражданина инженера Бубликова». Так и поступили. А в Перми в это же время решали более трудный вопрос, о реализации ценных бумаг для обеспечения заявленных губернским земством 500 тысяч рублей для Горного института.

Шаг за шагом, то отступая, то наступая, уральцы двигались к намеченной цели. В середине сентября Обухов послал в Петербург две телеграммы: одну управляющему учебным отделом Министерства торговли Лагорио, почтительнейше прося его сообщить необходимые размеры помещения Горного института для составления сметы; вторую для страховки члену Государственного Совета Филиппу Антоновичу Иванову (1871 – 1957), чтобы тот

побывал у Лагорио и узнал, что ещё нужно сделать для продвижения вопроса о Горном институте.

Телеграммы и ходатайства возымели своё действие и через месяц управляющий учебным отделом прислал в городскую управу необходимые для составления сметы материалы. За основу для определения размеров Горного института он предложил взять данные о Екатеринославском горном институте, а для лесного отделения – данные по Донскому политехникуму, в котором было агрономическое отделение: стоимость оборудования Екатеринославского института составила без пяти рублей 470 тысяч, стоимость агрономического кабинета – 4 тысячи. Лагорио считал, что площадь всех помещений в Екатеринбургском горном институте должна быть не менее 2680 кв. саженей.

Городская дума, получив эти данные, предложила архитектору И. К. Янковскому составить смету на постройку четырех зданий института: одного 3-этажного и трёх меньших размеров для химического, горного и механического отделений. Стоимость зданий и оборудования в них он оценил в 2,5 млн рублей.

28 ноября комиссия об открытии вуза, обсудив и материалы, присланные учебным отделом, и смету Янковского, пришла к выводу, что стоимость сооружения и оборудования Горного института с лесным отделением должна быть не менее 3 миллионов 289 тысяч рублей. А чтобы ускорить открытие института, решено было возбудить очередное ходатайство (сколько их уже было и сколько ещё будет) перед Министерством торговли о командировании в Екатеринбург «сведующего лица для осмотра места предполагаемого к постройке института, городской лесной дачи, карьеров для добычи камня, глины, песка, а также для осмотра временных помещений». Через два дня дума утвердила эти решения.

А через месяц закончился високосный 1912 г. К таким годам почему-то мистически-боязливое отношение. Считают, что они являются сосредоточием несчастий. Особенно их окончание. Каждый високосный год провожают с облегчением, мысленно говоря, кажется, «пронесло». И с особенным удовольствием и надеждой встречают следующий, невисокосный год.

Для екатеринбуржцев 1912 г. сложился благополучно и тем не менее, следующий, 1913-й, они встретили с радостным нетерпением

и потому, что это был юбилейный год – год 300-летия царствующего Дома Романовых, но самое главное, они были полны ожиданием открытия первого на Урале вуза и нигде-нибудь, а в их городе. Они связывали оба этих события, полагая, что Император по случаю такого юбилея не может не вознаградить горнопромышленный Урал, который на протяжении двух столетий был «опорным краем державы», – Его Императора державы.

«ЗАКОНОПРОЕКТ РАССМОТРЕН!»

В наступившем году самым главным для открытия вуза стал вопрос о финансах. 30 января в городской управе получили письмо из канцелярии губернатора о данном когда-то городу разрешении заключить заём на 300 тысяч рублей. Финансовое положение Екатеринбурга в то время было трудным, и поэтому Министерство внутренних дел постановило разрешить заём только в том случае, если городские власти ответят на вопросы: какие меры они примут для урегулирования своих финансов, где и на каких условиях предполагается заключить заём, какую сумму придётся ежегодно расходовать на уплату процентов и из каких источников. Для обсуждения этих вопросов Обухов собрал 13 февраля гласных на экстренное заседание. Только для обсуждения. Чтобы решить их, потребовалась работа многих людей в течение нескольких недель.

В это же время учебный отдел Министерства торговли внёс на рассмотрение Совета Министров предложение об учреждении Горного института с двумя отделениями: разведочным и лесного дела. Министры должны были дать только принципиальное согласие на открытие вуза и не более, поскольку заявленная местными органами самоуправления сумма, хоть и была значительной, но недостаточной. Учебный отдел, занятый этим вопросом, не торопился посылать в Екатеринбург «сведующее лицо» для осмотра места постройки здания института. Ходатай по этому делу «наш депутат» Бубликов сообщил телеграммой Обухову, что «министр обещал прислать Лагорио», но боится его отвлекать, пока не закончится представление в Государственный Совет и в Думу документов по Горному и другим намечаемым к открытию вузам.

В Екатеринбурге разговоры о скором открытии вуза будоражили обывателей, которые усматривали в этом событии «чисто экономическую подоплёку». Так, сельское общество Верх-Исетского поселка подало 12 февраля докладную записку директору-распорядителю правления акционерного общества Верх-Исетских заводов г. Оцко о безвозмездной передаче под здание Горного института территории на берегу Исети за ипподромом и глазной больницей Миславского. Селяне желали приурочить удовлетворение своего ходатайства к юбилею Дома

Романовых и готовы были пойти на компенсацию стоимости земли, если бы акционеры не согласились её уступить.

Но не успели. Да никто к их предложению и не отнёсся всерьёз. Юбилей же был отмечен с размахом 21 февраля. Накануне город украсили флагами и зеленью. На казённых и общественных зданиях развесили транспаранты с инициалами Их Величеств. В каждом приходском храме отслужили литургию и паства крестным ходом отправилась к переполненному верующими кафедральному собору. Преосвященный Митрофан с восемью священниками отслужил божественную литургию, после которой состоялся парад-манифест с чтением особой молитвы. Не все горожане смогли принять участие в богослужении. Поэтому для 1600 учащихся гимназий, реальных училищ, женских школ и других учебных заведений в новом городском театре был дан бесплатный оперный спектакль. Вечером город был иллюминирован, особенно памятник Александру II, а на льду городского пруда устроили фейерверк.

Юбилей никак не повлиял на открытие института. Документопоток совершался своим чиновничье-бюрократическим порядком. Клубок финансовых проблем начал понемногу разматываться. В конце марта Министерство внутренних дел утвердило постановление Губернского земства о разрешении ему сделать заём из своего страхового капитала на полмиллиона рублей «на учреждение в Екатеринбурге высшего технического училища», определив срок погашения займа в десять лет.

2 апреля городской голова напомнил членам финансовой комиссии города о трёхлетнем постановлении думы назначить 300 тысяч рублей из городских средств на устройство вуза. Теперь, сказал он, наступило время подтвердить гарантии этого взноса и поручить городской управе обратиться в МВД с ходатайством об их утверждении.

Через два дня управа доложила думе о её же собственном постановлении, принятом ещё в июне 1912 г. о том, что как только из Министерства торговли будет получено требование о перечислении в его депозит 300 тысяч, так город «внесёт эту сумму немедленно». Это постановление было послано губернатору и в МВД на утверждение. Но министерство его не утвердило, потребовав более обоснованного постановления. Тогда веских гарантий город дать не смог. Спустя полтора года ситуация была

уже иной и дума заявила, что отныне «данная гарантия о взносе 300000 рублей ... сполна обеспечивается ожидаемым доходом от продолженных построек доходных домов, гостиного двора, бойни и прочего».

На заседании думы 4 апреля был рассмотрен вопрос о названии будущего вуза. До этого момента во всех официальных и неофициальных документах, начиная с первоначального ходатайства 1896 г., вуз именовался политехникумом. Но поскольку 2 апреля 1912 г. было высочайше утверждено положение о Горном институте, то думе было указано сделать в документах соответствующие исправления.

Чтобы надежда на открытие Горного института в 1914 г. не стала иллюзией, предстояло добиться утверждения МВД обязательства города о выплате ассигнованных им средств. Сделать это было не просто, но у городской думы другого выбора не было. 5 апреля она заслушала и утвердила подготовленный для Министерства торговли доклад об источниках 300-тысячного взноса и направила его в Петербург. Ходатайство города об утверждении гарантии Министерства торговли в этом взносе было послано в Пермское губернское присутствие, которое дало о нём в конце апреля благоприятное заключение и отослало в МВД. Наступило время тягостного ожидания, когда МВД утвердит (и утвердит ли?) обязательство города и представит его в Министерство торговли.

Екатеринбуржцы сделали всё, что от них зависело. Теперь следовало рассчитывать только на поддержку губернатора Кошко и петербургских доброжелателей, главную роль среди которых играл Бубликов. В середине апреля он прислал Обухову телеграмму, сообщив, что уезжает за границу и подробно сообщит о деле Горного института позже, вернувшись. Пока же, обнадеживая, написал: «Лагорио говорит, что всё улажено».

Холод ожидания растопило весеннее солнце. В начале мая касса городского и земского кредита при Министерстве финансов уведомила Екатеринбургскую земскую управу о том, что ей разрешён заём до 200 тысяч рублей для выполнения обязательств по Горному институту; 18 июня МВД утвердило городу гарантию на 300 тысяч рублей. Итак, Министерство торговли получило в своё распоряжение один миллион рублей. Это дало основание

Александр Евлампиевичу Обухову с ещё большей настойчивостью просить Его Превосходительство Александра Евгеньевича Лагорио либо самому приехать в Екатеринбург, либо, обращаясь к министру, прислать компетентное лицо «для обсуждения вопроса о выборе места постройки здания Горного института или о временном здании для этой цели». О необходимости командировать кого-нибудь для ознакомления с местными условиями Министерство настойчиво просила и городская управа.

В начале июля в газете «Зауральский край» была опубликована заметка «Вопрос об открытии Горного института задерживается из-за отсутствия помещения». Инициатором её публикации был Обухов. Он познакомил сотрудника газеты с письмом, присланным ему из Петербурга председателем земской управы Симоновым, который встречался с Лагорио по поводу открытия Горного института.

По мнению Лагорио, институт можно открыть во временном помещении теперь же и приступить к постройке собственного здания. Или найти временное помещение, чтобы в дальнейшем его перестроить. Но отсрочка с открытием института не желательна. Лагорио был не против покупки Харитоновского дома, хотя и не видел его и просил Симанова сообщить ему, можно ли открыть институт во временном помещении, на сколько лет, какими будут затраты на ремонт и капитальную перестройку. Только после этого он обещал приехать в Екатеринбург. Из разговора с Лагорио Симанов сделал вывод, что открытие института откладывается до 1914 г.

Относительная определённости с финансированием и полная неопределённость с помещением как ножницы концы, которых не сходились, а расходились. Это стало особенно тревожно, когда Бубликов прислал в середине августа телеграмму: *«трехмиллионный кредит политехника прошел муждудведомственном совещании остается уже формальная инстанция совет министров поздравляю но советую попросить неотлагательно тимашева прислать лагорио»*. Тимашев Сергей Иванович (1858 – 1920), которого упоминает Бубликов, – это тоглашний министр торговли и промышленности.

Вопрос о помещении для института в преддверии его открытия стал важнейшим, своеобразным камнем преткновения. Решать его

надо было немедленно. Из частного разговора Симанова с одним из чиновников Министерства торговли стало известно, что учебный отдел уже составил проект организации института «во всей полноте, имеется учебный план и определено количество профессоров и прочих лиц учебного персонала. Дело стоит за помещением».

20 августа состоялось заседание комиссии об открытии института, рассмотревшей три варианта размещения института. Построить новое здание и открыть институт, когда всё будет готово. Этот вариант поддерживал Лагорио, но он неприемлем был для уральцев, поскольку отдалял время открытия института. Второму варианту – открыть институт во временном помещении и строить новое здание – отдавал предпочтение министр Тимашев. Третий вариант – открыть институт во временном помещении и использовать его как постоянное перестроив – кажется, никого не устраивал.

Члены комиссии высказались за второй вариант и обратились к члену Государственного Совета, директору-распорядителю акционерного общества Кыштымских заводов Ф. А. Иванову с просьбой принять участие в обсуждении вопроса об аренде Харитоновского дома, а его однофамильцу Павлу Васильевичу, ехавшему в столицу, наказали побывать в Министерстве торговли и поспособствовать в ускорении получения ассигнований.

Через пять дней члены комиссии снова собрались и продолжили разговор уже с участием Иванова, который сказал, что сам он не вправе дать согласие на аренду дома, но готов ходатайствовать об этом перед Главным Правлением акционерного общества и не видит препятствий для заключения арендного договора на 3-5 лет. Но при обсуждении достоинств и недостатков дома пришли к выводу, что последних все же больше: потребуются большие затраты на его перестройку, конструкция дома и общая его ветхость не соответствуют требованиям, предъявляемым к институтским постройкам, для аудиторий можно использовать лишь просторные, светлые и высокие комнаты на первом этаже.

Поэтому естественно задались вопросом, а чем можно компенсировать недостатки Харитоновского дома. Симанов предложил воспользоваться епархиальным домом, который принадлежал Совету братства святого Праведного Симеона.

Согласие на это духовенства и Совета братства городская управа уже получила. Постройка дома должна была закончиться в октябре. Другие члены комиссии настаивали на том, чтобы Министерство торговли уступило верхний этаж Центральной Уральской и золотосплавочной лабораторий для химических кабинетов института и гимнастический зал мужской гимназии. Были предложения воспользоваться лабораториями Уральского горного училища, помещениями Уральского горного управления и свободными комнатами Екатеринбургской художественной школы.

Вариантов много, но все с изъёмом. От аренды Харитоновского дома пока решили не отказываться и для успешности её оформления Ф. А. Иванов посоветовал заручиться поддержкой двух влиятельных членов Главного Правления – Романова и Меллер-Зако-мельского, а вернувшись в Петербург, сообщил телеграммой, что Правление принципиально согласно сдать дом в аренду.

Окончательно (окончательно ли?) этот трудный вопрос мог разрешить только приезд в Екатеринбург представителя министерства. Но он, несмотря на настойчивые и многочисленные приглашения всё не ехал и не ехал. Наконец, 17 сентября заместитель управляющего учебным отделом Аглаимов сообщил, что Лагорио приедет в Екатеринбург на следующей неделе. В ожидании высокого гостя Обухов устроил заседание двух комиссий: юридической и строительной, на котором ещё раз были рассмотрены объекты для временного размещения института и определён участок земли под его строительство на оси Главного проспекта (ныне проспект Ленина) на восток от города за линией железной дороги, а И. Ф. Круковского попросили сделать топографическую разбивку участка и обозначить его вехами.

Долготерпение вознаграждалось. Ещё немного, и вопрос о помещениях будет как-то разрешен. Значит, можно задаться или, как тогда говорили, возбудить следующий вопрос – вопрос о будущем директоре-устроителе института. Его «возбудил» доктор Арнольд. Присутствовавший на этом заседании Ф. А. Иванов порекомендовал «остановиться на профессорах Грум-Гржимайло и А. А. Бай-кове (1870 – 1946) и профессоре Технологического института М. А. Павлове (1863 – 1958)». По мнению Иванова, Байков – металлург, более кабинетный учёный, Грум-Гржимайло –

хороший администратор и организатор. Детально эти кандидатуры обсуждать пока не стали, поручив Ф. А. Иванову, ведь инициатива всегда наказуема, переговорить со всеми о директорстве.

Тайный советник Лагорио приехал в Екатеринбург вечером 27 сентября поездом № 8. На вокзале его встретили Симанов, исполняющий обязанности городского головы Г. И. Михайлов и представители городского самоуправления. Поселили Александра Евгеньевича в парадных комнатах в особняке Поклевского-Козелл.

Весь следующий день Михайлов и гласный думы Круковский показывали ему все здания, намеченные для временного размещения Горного института и отведённый под застройку участок земли. Свои впечатления от увиденного и услышанного он поведал на следующий день утром сотруднику газеты «Зауральский край».

Лагорио понравился участок земли: хорошее место, если подвести к нему из города дорогу; близость лесной дачи, которая будет базой для развертывания лесной кафедры, а лес «сыграет учебно-показательную роль»; большая площадь участка даст полный простор для строительства и постепенного развития института. Недостаток у него один – он находится далеко от города.

Из других зданий он обратил внимание на Харитоновский дом, сказав, что пока трудно решить, подойдет ли он на первое время для размещения в нём Горного института или нет, пока не будет произведён точный подсчёт всех необходимых помещений. По мнению Лагорио, достоинство у дома только в том, что он расположен в центре города; недостаток – место его расположения, «везде уклоны, затрудняющие возведение новых построек ... нет простора, некуда двигаться». Да и вряд ли в доме можно будет разместить все кабинеты, аудитории и лаборатории. Если будет принято решение открыть институт во временных помещениях, то это не менее чем на три года. Так как за более короткий срок невозможно построить большое и хорошее здание.

На вопрос, когда приблизительно институт может быть открыт, Лагорио сказал: «Это зависит от хода дела на месте и ... от движения законопроекта ... в законодательных палатах. Но с этой стороны задержки не будет: соответствующий законопроект, вполне уже выработанный, будет внесён в Государственную Думу и в Государственный Совет в эту сессию; к благоприятному

разрешению вопроса не встретиться препятствий и со стороны заинтересованных министерств».

Последним вопросом, заданным Лагорио, был вопрос о размере помощи со стороны казны на учреждение института. Не назвав точную сумму, Лагорио сказал, что «правительственная ассигновка будет более чем вдвое превышать ту сумму, которая получится от общественных учреждений и частных пожертвований», которую он оценивал в 1050000 рублей, т. е. правительство готово было субсидировать на Горный институт более двух миллионов рублей. Неплохо!

В этот же день Лагорио навестил преосвященного Митрофана, в беседе с которым сказал, что в епархиальном доме Братства Святого Симеона Верхотурского под аудиторией можно использовать только две большие и просторные комнаты. А вечером в честь высокого гостя общественность города дала обед. Он был многолюдным и оживлённым. Вступительное слово за отсутствием Обухова сказал Симанов. Он сделал краткий исторический обзор ходатайств уральцев о вузе и, естественно, подчеркнул роль тайного советника Лагорио в «проведение этих ходатайств в высшие сферы и в жизнь».

В ответной речи Лагорио говорил о том, какое благоприятное впечатление на него произвели екатеринбуржцы своим «страстным исканием высшего учебного заведения», о будущем расцвете уральской промышленности, о будущем Фрайберге на Урале, в который должен превратиться Екатеринбург. Потом был поднят тост за Бубликова. Несколько раз выступал самый сановитый из присутствующих – Ф. А. Иванов. Он дал обет быть, если не «коренником», то «пристяжной» в той тройке, которая понесёт вопрос о вузе. Кому он отводил в тройке роль других «лошадей», Филипп Антонович не сказал. Главное, определил место себе. За городского голову говорил Михайлов, потом снова Лагорио; подняли тост за министра Тимашева; красивую речь сказал С. Ф. Злоказов. В общем все были в ударе, выступив по три – четыре раза. Забыли только поднять бокалы за Императора.

Проводили Лагорио 29-го в 11 часов вечера. Он уехал через Челябинск в Самару, где намечался к открытию политехнический институт. А исполняющий обязанности городского головы Михайлов в тот же день послал министру Тимашеву

приветственно-благодарственную телеграмму, ответ на которую министр прислал в начале ноября уже Обухову с искренней благодарностью за выраженные пожелания.

Надежда никогда не оставляла екатеринбуржцев, даже в самые трудные, драматичные моменты. Уходивший 1913 г. вполне оправдал многие их ожидания. Ещё большего они ожидали от будущего и не без основания. В середине ноября Лагорио сообщил Обухову, что «законопроект об учреждении ... Горного института окончательно рассмотрен и одобрен междуведомственным совещанием и на днях выносится в Совет Министров. Прошу сообщить ..., обеспечено ли поступление обещанных пожертвований 1050 тысяч рублей в 1914 г., но не позже 1915 г. ..., и оформлена ли передача городом земли под постройку».

13 ноября Обухов телеграммой ответил, что МВД утвердило все финансовые обязательства губернии, города и земства; что капиталы поступят в министерство своевременно и без задержки, а место под постройку института будет передано немедленно, как только будет указано «лицо или учреждение, с которым надлежит совершить крепостные документы».

Оптимистичную точку, но не как знак окончания, а как знак ещё более оптимистичного продолжения в истории создания Горного института, поставил приезжавший в конце ноября в Екатеринбург заместитель Тимашева Д. П. Коновалов. От него Обухов узнал, что с началом учебного 1914 г. Горный институт будет открыт во временных помещениях, и к этому есть полное основание.

Его бы слова, да Богу в уши.

ФИНИШНАЯ ЛЕНТОЧКА

«Бег» за Горный институт продолжался уже 18-й год. Те, кто его начал в сентябре 1896 г., вряд ли, думали, что пройдёт столько лет, вырастет новое поколение желающих учиться, прежде чем напряженная грудь бегуна коснётся финишной ленточки.

Александр Максимович Симанов, вернувшийся из Петербурга, сделал 17 января заявление на экстренном заседании думы о результатах разговора с Лагорио, который сказал ему, что законопроект как об открытии, так и о сооружении Горного института прошёл благополучно все инстанции, считая и Совет Министров, где прохождение его можно считать обеспеченным.

Следующая инстанция – Государственная Дума. И хотя, видимых препятствий для прохождения законопроекта в Думе не было, могли быть невидимые. Поэтому городская дума, решив подстраховаться, разослала 12 февраля 12 депутатам Думы (как 12 апостолам) докладную записку, «почтительно ходатайствуя перед ними выступить в защиту интересов Урала». Среди тех, кому её послали, был Иван Васильевич Титов – депутат от Пермской губернии, входивший в Думе в группу прогрессистов. В думской комиссии ему было поручено сделать доклад об учреждении Горного института. Готовя его, он обратился к городскому голове с просьбой прислать некоторые документы.

Обухов послал ему и документы, и личное письмо, написав в нём, что «колоссальные шаги в добывающей и обрабатывающей промышленности в XVIII веке и первой половине XIX века объяснялись не приложениями усовершенствованных технических приёмов, а, главным образом, даровым, почти рабским трудом. Не стало его и затормозилась промышленность этого поистине богатого края. Будь на Урале достаточный контингент высокообразованных горных техников, которые умели бы компенсировать предпринимателю потерянный для промышленности рабский труд введением технических усовершенствований в добычу ископаемых и обработку их – не могло бы быть и речи о кризисе уральской промышленности. Ещё Екатерина II проектировала учреждение Горного института в Екатеринбурге, но по каким-то, совершенно не отмеченным в

истории причинам таковой был открыт в Санкт-Петербурге. Правительство ограничилось открытием в 1853 г. Уральского горного училища, но оно не выпускало людей, могущих самостоятельно, с научно обоснованной инициативой вести Уральское горнозаводское дело».

Но Ивану Васильевичу всё это было известно, и его, много прожившего на Урале, не надо было убеждать в том, какое значение и для Урала, и для страны будет иметь открытие Горного института.

А 20 февраля Обухову ответил ещё один депутат Думы, которому была послана докладная записка – князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861 – 1939), председатель думской комиссии по народному образованию. Он заверил городского голову, что члены его комиссии поддержат законопроект. Так это и произошло. 14 мая Шаховской передал в бюджетную комиссию Думы доклад с предложением не задерживать открытие института из-за отсутствия собственного здания, а начать занятия во временных помещениях. Более того, члены комиссии высказали пожелание, чтобы профессора были приглашены заранее и смогли принять участие в организации учебного процесса и в постройке здания. Местным же властям они рекомендовали активно участвовать в решении этих вопросов, поскольку «создание Горного института на Урале является делом первейшей важности».

Создание института становилось важным и для жителей города. В марте троицкая мещанка Раиса Ивановна Кормильцева обратилась в управу с заявлением о намерении сдать в аренду для помещений института принадлежавший ей дом, расположенный на углу Покровского проспекта и Тихвинской улицы (на месте этого дома было построено здание управления Тюмено-Омской железной дороги), и спрашивала, когда бы служащие управы могли осмотреть её дом, а самое главное, какую бы годовичную плату она могла получить за него. Дом осмотрели. Он требовал серьёзного ремонта, и от услуг Раисы Ивановны отказались.

Событие незначительное, но и оно, «как лыко», попало в строку истории Горного института, которая в это время вершилась в основном в столице. Июнь и июль затопили Екатеринбург не только потоками солнечного света, но и телеграммами с радостными сообщениями. 4 июня пришла телеграмма от Бубликова: «После долгих трений политехникум (Бубликов ещё не привык к названию

Горный институт. – В. Ф.) завтра рассматривается бюджетной комиссией, следовательно, пройдет». Через десять дней в Думе получили ещё две депеши: эйфорическую и прозаически-спокойную: «Сейчас прошел общем собрании горный институт сердечно поздравляю бубликов», «законопроект открытия Екатеринбургe горного института принят сегодня Государственной Думой председатель Государственной Думы Родзянко».

Всё? Успех? Да? Пожалуй. До финишной ленточки осталось два этапа с названиями «Государственный Совет» и «Император». Из Екатеринбурга электромагнитные волны понесли в столицу благодарственные телеграммы:

Лагорио: «Получив радостное известие с решением Государственной Думой вопроса об открытии Горного института и вполне надеясь на благополучное разрешение вопроса Государственным Советом, от лица екатеринбургских граждан приношу искреннюю, глубокую благодарность за все Ваши труды, увенчавшиеся таким блестящим успехом, и от учащейся молодежи Урала, ждущей горного образования на родине...»;

Бубликову: «Искренне благодарю Вас за радостную весть решения Государственной Думой открытия здесь Горного института. Граждане Екатеринбурга не забудут Ваш щедрый дар, послуживший первым камнем основания института, и Ваши труды к достижению благополучного разрешения давножданного для Уральского края вопроса»;

Родзянко (1859 – 1924): «Искренне благодарю Ваше Превосходительство от себя и от всего екатеринбургского общества за радостную весть решения Государственной Думой открытия здесь Горного института, выражаю Вам глубокую признательность граждан за Ваше содействие благополучному решению дорогого всему Уральскому краю вопроса».

Последнюю телеграмму, не благодарственную, а сдержанно-просительную, Обухов послал временно исполняющему обязанности Председателя Государственного Совета Ивану Яковлевичу Голубеву (1841 – 1918): «Открытие Горного института в 1914 г. в Екатеринбурге решено Государственной Думой в положительном смысле; теперь судьба Урала ... всей его промышленной и культурной жизни в руках Государственного Совета. Сотни молодежи ждут с нетерпением института. Управа

завалена массой запросов о времени открытия института. Почтительнейше ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством оказать своё авторитетное влияние на благоприятное Уралу решение вопроса об открытии института в Екатеринбурге осенью текущего года, для чего всё, начиная с квартир, будет подготовлено».

Грустной мелодией в этой восторженно-благодарственной симфонии прозвучало прощальное обращение губернатора Кошко к екатеринбуржцам в связи с его отставкой, которое опубликовала газета «Зауральский край». «Ваш покорный слуга» Иван Францевич поблагодарил всех за всегда доброе к нему отношение, пожелал каждому всего лучшего в жизни, а «городу Екатеринбургу того блестящего расцвета, на который он по своему счастливому географическому положению и удивительной творческой энергии своих обывателей имеет ... бесспорное право».

Узнав об отставке губернатора, в Екатеринбурге собрали экстренное заседание думы, на котором постановили: «поднести от имени города оставляющему службу губернатору И. Ф. Кошко адрес» и «учредить в будущем Горном институте городскую стипендию имени И. Ф. Кошко». Уже из Петрограда бывший губернатор прислал телеграмму: «Сердечно благодарю Думу за оказанную мне честь; уношу светлые воспоминания о сотрудничестве с городом и шлю горячие пожелания благоденствия. Кошко».

Какие обстоятельства вынудили Кошко уйти в отставку? Из-за, ездившего через Пермь в Тобольск царского фаворита Г. Е. Распутина (1872 – 1916) Кошко стали называть «презренным лакеем» Распутина. Кошко по этому поводу публично заявил, что Распутин он «никогда в жизни не видел, никогда с ним отношений не имел, не имею и, надеюсь, не буду иметь». Это высказывание запомнили и не простили. Жизнь Ивана Францевича закончилась в эмиграции. Он умер в Париже в 1927 г. от рака печени в возрасте 68 лет.

Стипендия его имени так и не была учреждена. Имя его забыто. Благими намерениями выстлают дорогу не только в ад, но и в небытие. Создателей Горного института в 1915 г. захватил такой водоворот финансовых, организационных, кадровых и

строительных проблем, от которых можно было забыть не только Кошко, но и самих себя.

«ПРИМЕМСЯ ЗА РАБОТУ, ГОСПОДА!»

Война, война! Что ты, подлая, сделала? Как ты осложнила работу по открытию Горного института. А ведь ещё и полгода не прошло после её начала. Что же дальше-то будет?

В пятницу 9 января 1915 г. на первом заседании думы служащий управы, сославшись на сообщение из Петрограда, доложил, что по случаю войны все уже разрешённые правительством кредиты на открытие и содержание Горного института, его директора и канцелярии, закрыты. Между тем, назначение директора имело бы весьма важное значение, так как при нём могла бы быть организована строительная комиссия, на первое время хотя бы на средства, ассигнованные городом и земствами. Что делать? Этим вопросом и задалась дума.

Пословицы и поговорки, являющиеся квинтэссенцией жизненного опыта народа и выраженные им в образно-афористичной форме, дают ответы почти на все случаи жизни. Что они рекомендуют в трудных ситуациях? На чью помощь они рекомендуют рассчитывать и на кого надеяться? На Бога? Но православно-атеистичный русский человек в таких случаях иронично замечает: Бог-то Бог, да и сам не будь плох; на Бога надейся, но сам не плошай. Или дают более практичный совет: спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Так гласные думы и поступили, постановив, во-первых, принять участие в расходах на содержание директора института и канцелярии при нём, ассигнован на это из средств уездного земства 8250 рублей, при условии, что такая же сумма будет ассигнована и городским общественным управлением; во-вторых, разрешить управе позаимствовать эти деньги из запасного капитала; в-третьих, выдать управе кредитив на право позаимствовать в течение года 170 тысяч рублей для внесения таковых (если такая необходимость возникнет) в депозит казны на устройство Горного института.

Сказано, сделано. Своё решение дума через четыре дня сообщила управляющему учебным отделом Министерства торговли. Там к нему отнеслись с удовлетворением. Министр Тимашев попросил Ф. А. Иванова передать в Екатеринбург, что он, в ответ на такую инициативу общественных организаций, обещает

ускорить открытие института. Так, что инициатива не всегда бывает наказуемой. Иногда она может и поощряться.

К активности, проявлению инициативы, самостоятельности действий и решительности думу и управу подвигали и будущие студенты. В начале января Обухов получил письмо от ученика 7 класса Пермского реального училища Михаила Ваева, который спрашивал, когда откроется институт. Обухов ответил ему, что «городское управление принимает всё зависящие от него меры к тому, чтобы в текущем году был открыт приём ... в институт. В февра- ле ... я предполагаю быть в Петрограде и лично буду настаивать ... на открытии института. Но ввиду общего сокращения расходов по государственной росписи ввиду военного времени мало рассчитывать на успех. Вряд ли институт будет открыт в 1915 г. ... Во всяком случае, если моя миссия увенчается успехом ... об открытии института и приеме слушателей будет своевременно объявлено в наших местных и пермских газетах».

В конце января Филипп Антонович в телеграмме подтвердил обещание министра, сообщив, что на днях состоится назначение ректора Горного института. Среди кандидатур, обсуждавшихся в министерстве был и протеже городской думы, постоянно проживавший в Екатеринбурге Грум-Гржимайло. Но Владимир Ефимович отказался от этого поста. И на вопрос Иванову, кто же ещё министерством намечен в ректоры, он ответил, что профессора Томского технологического института Обручев и В. Л. Малеев. Малеев на Урале был известен плохо, поэтому дума решила представить на усмотрение министерства кандидатуру Владимира Афанасьевича Обручева (1863 – 1956).

Финансы, ректор и строительство здания института – эта триада проблем стала доминирующей в деятельности городского самоуправления Екатеринбурга. От мудрости Обухова и его сподвижников зависело, чтобы она не трансформировалась в крыловскую триаду – лебедя, рака и щуку.

Вопрос о назначении ректора в министерстве решался долго. На запросы, когда это произойдет, в Екатеринбурге слышали – это дело ближайших дней. Дни превращались в месяцы. Вернувшийся из столицы в середине апреля член городской управы Н. И. Чечеткин сказал, что из двух кандидатур предпочтение отдается Обручеву. В конце мая Ф. А. Иванов сообщил, что задержка с

назначением обусловлена отсутствием кандидатов, поскольку кандидатуры, намеченные городом либо отказались сами, либо не могут занять пост ректора. Почему? Неизвестно. Поэтому Екатеринбург продолжал представлять кандидатами на пост ректора обоих томичей.

Наконец, в министерстве определились с кандидатурой ректора. 3 июля на заседании комиссии об открытии института гласный думы Злоказов, ездивший в Петроград и встречавшийся с Лагорио, рассказал, что на пост ректора предполагается назначить инспектора по студенческим делам Петроградского горного института, известного учёного в области химии, профессора Веймарн. Членам комиссии эта фамилия мало что сказала, а поскольку речь шла только о предполагаемом назначении Веймарна, то они решили спросить у Лагорио, а нельзя ли надеяться на утверждение ректором кандидата города профессора Малеева.

У этой надежды были основания. Предложение стать ректором «вновь создаваемой высшей школы» Веймарн получил от министерства ещё весной: «Данное сначала согласие я, однако, после оценки всей трудности возлагаемой на меня задачи взял обратно», – писал он в 1920 г. После отказа Веймарна у министерства осталась только одна кандидатура Малеева. К концу июля из Петрограда сообщили, что назначение Малеева не состоится, что министерство окончательно с согласия Веймарна назначает его ректором. Обухов ответил, что не имеет никаких возражений против этого решения, лишь бы утверждение ректора произошло как можно скорее.

В воспоминаниях Веймарн так описал эту ситуацию: «Осенью 1915 г. то же предложение мне было сделано повторно с двух сторон: представителями городского самоуправления Екатеринбурга и Пермского губернского земства, с одной стороны, и Министерства торговли – с другой. Городской голова ... Обухов, приехавший ко мне в Петроград по этому вопросу, убедил меня принять предложение, заверив, что моя работа ... встретит дружную поддержку уральских общественных деятелей, которые войдут в состав Строительной комиссии ... я согласился и с 1 сентября 1915 г. был откомандирован в качестве председателя Строительной комиссии и исполняющего обязанности ректора Уральского горного института в г. Екатеринбург».

Так был решён вопрос с первым ректором, ставшим мозгом и душой всего дела создания первого уральского вуза. Сейчас, спустя сто с лишним лет, анализируя минувшие события, оценивая деятельность, причастных к ним, людей, я пришёл к выводу, что судьба сделала уральцам несказанный подарок. Как американцы называют основоположника телевидения В. К. Зворыкина «русским счастьем Америки», так Веймарна следует назвать «петроградским счастьем Урала».

Время до назначения ректора, а это девять месяцев – срок созревания плода в чреве матери, было потрачено продуктивно на решение финансовых и строительных проблем и в Петрограде, и в Екатеринбурге.

19 февраля ушёл в отставку министр Сергей Иванович Тимашев. Министром царь назначил князя В. Н. Шаховского (1874 – 1954). Оба министра очень доброжелательно и конструктивно относились к проекту создания Горного института. Примером тому может служить не только тщательная работа, с которой министерство подбирало ректора.

По закону от 3 июля 1914 г. из средств казны должны были выделить 300 тысяч рублей на «приступ к постройке и устройству института и 78515 рублей на его содержание». Но в Екатеринбурге не получили этих денег ни в 1914, ни в 1915 г. Однако, ввиду важности открытия института, учебный отдел министерства посчитал «возможным ... приступить к подготовительным работам по организации института, образовав для этой цели особую Строительную комиссию». И в качестве её образца «препроводил» в городскую управу инструкцию по достройке Екатеринославского горного института.

Но такая комиссия могла начать работу «не ранее приглашения для исполнения обязанностей ректора института особого лица, на которое возложено будет председательствование в комиссии». В Екатеринбурге, торопясь, предлагали открыть вуз во временных помещениях. Учебный отдел был против. «Что же касается возбуждённого городским управлением ходатайства об открытии учебных занятий во временных помещениях – писал Лагорио, – то министр ..., приняв во внимание отсутствие штатных ассигнований на содержание личного состава института по смете

текущего года, признал при таких условиях открытие Горного института ... в ближайшее время не осуществимым».

Как отнеслись к этому сообщению в Екатеринбурге? Двойственно. 27 февраля дума избрала в состав Строительной комиссии гласных Бибикова, Щипанова, Ипатьева, Круковского, С. Злоказова, Чечеткина и Питерских и одновременно приняла решение, невзирая на отказ министерства в выделении средств, ходатайствовать перед новым министром Шаховским об открытии первых курсов во временных помещениях. Упрямство уральцев в данном случае было обусловлено тем, что они на себя приняли расходы по Горному институту и поэтому резонно считали, кто платит деньги, тот и заказывает музыку.

Кроме трудностей внешних, было немало и местных. 17 февраля на заседании комиссии об институте Фадеев сообщил, что в связи с расширением железнодорожной станции «Екатеринбург II» (ныне станция «Шарташ») некоторые пути будут пересекать территорию, отведенную под здание Горного института. И, следовательно, надо загодя принять меры, что пути прошли в стороне, иначе близкое соседство дороги будет негативно влиять на работу точных аппаратов институтских лабораторий от колебаний, создаваемых движением составов.

Станционное хозяйство находилось в ведении Пермского управления дороги. Поэтому решили командировать в Пермь Чечеткина, чтобы он попросил управление дороги изменить план развития путей. 2 марта этот вопрос был разрешен на совместном заседании двух комиссий: институтской и железнодорожной в присутствии начальника дороги, но пока только в принципе. Для того, чтобы схема развития путей была изменена, управе необходимо было ходатайствовать в Министерство путей сообщения.

Полномочия местных органов власти были очень ограниченными и все решения, которые они принимали, требовалось утверждать путём ходатайств в верховных ведомствах. В Министерстве торговли подлежали, например, утверждению кандидаты в члены Строительной комиссии, в которую управа просила назначить архитектором городского архитектора А. А. Фёдорова.

Так же обстояло дело и с заведующим Талицкой лесной школы, учёным лесоводом В. Ф. Овсянниковым, которого Обухов представил на утверждение в должности профессора по будущей кафедре лесоводства. Городской голова хотел, чтобы утверждение его креатуры состоялось немедленно, т. к. при содействии Овсянникова предполагалось заблаговременно разбить опытный лесной питомник и для Горного института, и для города. В штате будущей академической коллегии Горного института было зарезервировано первое место.

О втором кандидате в начале мая сообщила газета «Зауральский край», не предполагая, что этот человек сыграет большую роль в истории института. В небольшой заметке было сказано, что 7 мая в Екатеринбурге прибыл товарищ министра торговли и промышленности Коновалов, а с 15 мая по 1 сентября Академия Наук командировывает в Пермскую губернию магистранта Петроградского университета К.К. Матвеева в составе радиевой экспедиции. Ещё сам не зная этого, Матвеев уже был определён судьбой в профессора Горного института.

Хотя Горный институт ещё был не открыт, но в городе работало Общество вспомоществования недостаточным учащимся в вузах. Это Общество в середине марта обратилось в управу с просьбой отвести ему бесплатно участок земли в пол десятины вблизи будущего здания института. Для чего? Для постройки Обществом общежития с дешёвыми или даже бесплатными квартирами для будущих «недостаточных» студентов. Управа посчитала такое начинание желательным и пообещала отвести и участок земли и обеспечить строительство так же бесплатно глиной, песком и камнем, а дума 31 марта решение управы утвердила.

Обухов не мог не воспользоваться приездом Коновалова, чтобы не обратиться к нему с вопросом об открытии института. Коновалов обещал ускорить дело и предложил Обухову поехать с ним в Петроград после его возвращения из поездки в Восточную Сибирь и лично ходатайствовать там об этом и о скорейшем назначении ректора. Пока Коновалов ездил в Бодайбо, Обухов, став кавалером ордена Св. Анны III-й степени за заслуги в оказании им помощи военному ведомству, подготовил необходимые ходатайства: об ускорении дел с назначением ректора и открытием института, о кандидатуре ректора, об учреждении стипендии имени

пермского вице-губернатора В. И. Европеуса. 13 июня в 11 часов дня эти ходатайства были переданы Коновалову в зале I класса Екатеринбургского вокзала.

После возвращения товарища министра в Петроград и обсуждения в учебном отделе его впечатлений о посещении Екатеринбурга, Лагорио отправил Обухову официальное письмо. В нём он изложил, какой должна быть Строительная комиссия.

Поскольку в строительстве института были заинтересованы не только Екатеринбург, но и губернское и уездные земства, вложившие крупные суммы денег, то в комиссии должны быть представители земств, а её состав для оперативности работы согласно особой инструкции, утверждённой министром, должен состоять из десяти человек. Архитектор мог назначаться по усмотрению комиссии, но утверждается министерством. Чтобы ни у кого не возникло соблазна злоупотребить деньгами предназначенными на содержание ректора и его канцелярии, их надлежало незамедлительно перевести в министерство. А уж оно станет их частями переводить в распоряжение председателя Строительной комиссии.

Члены институтской комиссии, изучив письмо и, приложенную к нему инструкцию, предложили думе определить способ избрания членов Строительной комиссии. Дума ещё в феврале решила, что в составе комиссии должно быть 12 человек и чтобы не обидеть кого-нибудь из них отказом, решила, пусть городской голова лично ходатайствует перед министерством о составе комиссии не из 10, а из 12 человек, в число которых входили и гласные земств.

«Инструкция Строительной комиссии по постройке здания Екатеринбургского горного института» была утверждена министром Шаховским по соглашению с Государственным Контролёром 11 июня. В этом четырёхстраничном документе наиболее интересен первый пункт о составе комиссии под председательством ректора института: декан института, Екатеринбургский городской голова, председатель Екатеринбургской уездной земской управы, главный начальник Уральских горных заводов, десять представителей Екатеринбургского общественного управления и Пермского и Екатеринбургского уездных земств, представителя

Государственного Контроля и другие «лица, участие коих будет признано Министерством торговли и промышленности желательным».

В конце августа Обухов уехал в Петроград и оттуда сообщил, что ректором назначен Веймарн временно на один год, поскольку кредиты на содержание института всё ещё неоткрыты. Во время встречи с городским головой Веймарн сказал, что немедленно после своего официального утверждения приедет в Екатеринбург и коротко изложил программу действий на ближайшее время: выбор архитектора и разработка эскизного проекта институтского здания. По его мнению, если работа будет выполняться по плану, то к осени следующего года можно будет выстроить одно здание и открыть в нём занятия. Обухов посчитал, что нечего ждать, и предложил начать занятия на год раньше, но в наёмных помещениях. Веймарн, как будто бы, с этим согласился.

Вдогонку, уехавшему из столицы Обухову, Ф. А. Иванов послал телеграмму, сообщив, что Веймарн приедет 20 сентября.

Официальное уведомление о назначении ректором Веймарна в Екатеринбурге получили первого октября. А в середине месяца из учебного отдела сообщили, что ходатайство городской администрации о количественном составе Строительной комиссии министерство удовлетворило. В её составе было четыре человека от Екатеринбурга и по столько же от губернского и уездного земств: Н. А. Арнольдов, С. А. Бибииков, Н. И. Беленков, С. Ф. Злоказов, П. В. Иванов, Н. Н. Ипатьев, И. Ф. Круковский, Н. Ф. Магницкий, Я. М. Питерский, А. И. Фадеев, А. Н. Щипанов и член Государственного Совета Ф. А. Иванов. Но министр утвердил их только в апреле следующего, 1916 г.

Веймарн приехал в Екатеринбург во вторник первого ноября и в этот же день сделал визиты членам Строительной комиссии. Перед отъездом на Урал его проинтервьюировал сотрудник газеты «Биржевые Ведомости», которому он сказал, что выбор Екатеринбурга в качестве места для Горного института чрезвычайно удачен потому, что «По богатству и разнообразию месторождений, по количеству заводов и рудников екатеринбургский район является центром не только уральской, но всей вообще горнозаводской промышленности России. Создание здесь Горного института даёт возможность с самого начала

поставить преподавание горного дела на практическую почву. С Екатеринбургским Горным институтом смогут конкурировать во всём мире только два вуза: Фрайбергский институт и Горная школа в Колорадо. Мы оборудуем новый институт по последнему слову науки».

Поселился Веймарн не в гостинице, а на квартире у своего «старого товарища по Петроградскому Горному Институту», управляющего платино-аффинажным заводом Николая Николаевича Барабошкина по адресу: Главный проспект, дом № 8. Там же временно была размещена и канцелярия Строительной комиссии, делопроизводителем которой назначили А. А. Ляпустина. После осмотра участка земли, отведенного под застройку и расположенного на оси Главного проспекта возле Михайловского кладбища, который Веймарну понравился, он назначил на седьмое ноября первое заседание Строительной комиссии.

На этом историческом заседании присутствовали Главный начальник Уральских горных заводов П. И. Егоров, городской голова, председатель земской управы и почти все члены комиссии. Председательствовал на нём Веймарн. Его программная речь, в которой он, умудрённый опытом работы в Петроградском горном институте, изложил принципы построения высшей школы, не утратили своего значения и ценности до сих пор.

«Мне очень приятно, милостливые государи, – сказал он, – объявить первое заседание Строительной комиссии Екатеринбургского Горного Института открытым.

Г. министром торговли и промышленности возложена на нас почетная, но в то же время весьма ответственная задача создания ... Горного Института.

Строительная комиссия ... должна соорудить здание для нового института, но нельзя забывать, что в созидании высшей школы первенствующее значение играют не здания, а рациональная постановка преподавания, рациональное устройство и оборудование библиотеки и лабораторий.

В рациональной же организации преподавания главенствующее значение имеют научно-педагогические достоинства личного состава профессорской коллегии и целесообразно составленные программы преподавания.

История науки и техники показывает, что нередко плохо обставленные тесные лаборатории дарили человечеству величайшие открытия и изобретения, в то время как лаборатории-дворцы ... были бесплодными. Этот ... факт, конечно, является результатом неудачного сочетания научно-технических сил с обстановкой лабораторий.

Мы имеем возможность создать такие обширные и прекрасно оборудованные лаборатории, которых нет ещё в других высших школах России и, было бы преступлением допустить, чтобы в этих лабораториях руководили работами неталантливые люди.

Надо твердо помнить..., что первые годы существования высшей школы особенно важным для её дальнейшей жизни: эти годы определяют её характер и традиции.

Если первый состав профессорской коллегии не будет на должной высоте, если первый состав студентов не будет образцовым, если программы преподавания будут не целесообразны, если в библиотеке будет не хватать нужных книг и лаборатории будут оборудованы приборами на спех, – то можно вперёд сказать, что при таких условиях высшая школа будет прозябать, несмотря на обширность помещений и красоту зданий.

Ответственность за рациональность и экономичность постройки зданий... Института падает столько же на вас, господа, сколько и на меня, но ответственность за научно-педагогическую постановку новой высшей школы ложится всецело на мою совесть.

Сознавая всю тяжесть этой ответственности, я считаю абсолютно невозможным открытие занятий ... в ближайший учебный сезон в каких либо временно-приспособленных помещениях, ибо такие занятия принесли бы новой школе трудно поправимый вред...

Могу вас уверить господа, что ... Урал обогатится образцовым Горным Институтом, научно-техническая деятельность которого очень скоро создаст ему почетное место не только среди высших технических школ России, но и всего мира.

Я глубоко убеждён, милостливые государи, что дружно и интенсивно работая, мы откроем занятия в собственном здании ... осенью 1917 г.

И так, примемся за работу, господа!».

Какое впечатление произвела речь ректора, неизвестно. Никто из, слушавших её, воспоминаний не оставил. Она, безусловно, была плодом не импровизации. Каждое слово и каждая фраза в ней выверены и продуманы, а потому убедительны и вызывают доверие к тому, кто её произнес. Это самое главное.

Закончив выступление, ректор пригласил собравшихся познакомиться с эскизными проектами зданий института, которые были составлены архитекторами Александром Александровичем и Евгением Александровичем Бернардацци. Проекты единогласно одобрили и постановили пригласить обоих и для разработки детальных проектов и для наблюдения за строительством институтских зданий. Канцелярию решили открыть пока во временном помещении, с тем чтобы весной выстроить для неё тоже временное помещение на месте постройки института, а текущую работу Строительной комиссии договорились организовать после приезда архитекторов Бернардацци, которых уже Веймарн вызвал в Екатеринбург.

«ВЕРНОСТЬ И ТЕРПЕНИЕ»

Русский человек – великий выдумщик пословиц и поговорок, с гениальной ироничностью ответил на мудрёный философский вопрос о роли личности в истории: каков поп, таков и приход. Сказано, как отрезано. История творится людьми. Она их детище. Не было бы людей, не было бы ни истории, ни её исследователей, ни интерпретаторов, ни толкователей, ни ... фальсификаторов. Роль людей в истории абсолютна, но различна, как в театре, где на подмостки выходят и премьеры и статисты.

Жизнь вообще и каждого человека в отдельности сама по себе ничего не значит. Значение и цену имеет в ней лишь то, на достижение какой цели она была употреблена и, какими средствами это было сделано. В зависимости от этого современники и потомки и оценивают содеянное. Но даваемые ими оценки могут быть различными до противоположных потому, что не существует объективных критериев, которые позволяли бы однозначно сказать, благом стала достигнутая цель или она принесла только вред. Ибо мнение людей, выносящих вердикт, слишком уязвимо от влияния большого числа второстепенных конъюктурно-конформистских причин, в которых истина часто сознательно обесценивается, низводится до пустяка, вызывающего раздражение и предаётся забвению или, напротив, гипертрофированно возвеличивается и превозносится.

Вот и память о Петре Петровиче фон Веймарне – первом ректоре Уральского горного института была предана уничижительному забвению на долгие десятилетия. Впервые его фамилия была упомянута в книге «50 лет Свердловскому горному институту», изданной в 1967 г. Авторы написали о нём, что он был реакционер, проповедовавший «идею отрыва науки от политики», провозглашая, что «наука и высшая школа – вне политики». Якобы, Веймарну и его сторонникам, противостояла группа, прогрессивно и революционно настроенных, преподавателей во главе с профессорами Н. Г. Келлем и К. К. Матвеевым и что это противостояние было настолько серьёзным, «что на Совете института 23 февраля 1918 г. был поставлен вопрос о доверии ... Веймарну. Однако он остался на посту ректора ... и 14 июля 1919 г. ... с группой своих

сторонников эвакуировался с отступающими белыми войсками на восток, захватив часть имущества ... института», как воришка.

Это не единственный случай с мифологизацией жизни Веймарна. Когда я в 1989 г. опубликовал в газете «Наука Урала» очерк к 110-летию со дня его рождения, то секретарь парткома института мне с укоризной сказал, что этого не следовало делать. Ведь Веймарн не «наш человек, он встречал Колчака хлебом-солью». А если бы я спросил у партийного вожака, что он знает о Веймарне, он бы мне ничего путного не ответил, а наговорил бы какой-нибудь пропагандистский вздор.

Кто же он, Пётр Петрович фон Веймарн?

Жизнь человека начинается задолго до рождения. Она является продолжением жизней его родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек – всех тех, кого называют предками. Если кровные связи между поколениями прочны, то образуется родовое сообщество или попросту род, который крепят испытания, горе и трудности, а счастье, напротив, лепит, преумножает, роднит с другими родами, делая родословное древо ветвистым.

Род, родословие, зов крови – эти понятия давно уже стали для нас неведомо-безликими. Мы не знаем, что это такое; как можно умирать, защищая честь рода; восхищаться и почитать предков в каком-нибудь седьмом колене; находить в них опору в тяжёлые моменты жизни; быть счастливо обременённым любовью к родному пепелищу и к отеческим гробам; чувствовать, что ты не пылинка на ветру жизни, а прочное звено в длинной родовой цепи. Генетика рода по крупицам отбирает ценнейшие качества его представителей, чтобы, собрав их воедино, вдруг проявиться в ком-то одном, да так, будто бы он никакого отношения не имеет к своим предкам, подобно тому, как у тёмнокожих родителей рождается светлокожий ребёнок.

Род

По семейным преданиям род фон Веймарн будто бы происходил от древнего дворянского рода Веймер или Ваймарн, члены которого были или ганзейскими купцами, жившими в Средней Франции в округе Анебах, или викингами. А фамилия Веймарн, якобы, происходит от испорченного немецкого прозвища

«горе морей». Но предания это только интригующий блеск красок, да кракелюрная паутина на потемневших от времени портретах предков, висящих на стенах родового гнезда. Предания без документальных доказательств многозначны, спорны и годны лишь в качестве интриги в авантюрных рыцарских романах. При разрешении династических вопросов лучше всего пользоваться антиподом преданий – хрониками. Они сухи, но точны, если их не успели фальсифицировать.

В «Генеалогическом словаре балтийских рыцарей» написано, что основателем рода Ваймар был некто по имени Антон, коммерсант, домовладелец в Любеке и управляющий Курляндского герцога Вильгельма. После падения патрона Антон бежал из Курляндии, сначала в Хапель, а затем в Пернау, где стал братом Большой Гильдии – привилегированного сословного объединения богатых купцов и владельцев недвижимости, продолжив свою купеческую деятельность.

Вынужденная охота к перемене мест привела Антона в 1650 г. в г. Аренсбург, расположенный на южной оконечности острова Эзеля в Финском заливе. До 1645 г. остров и город находились во владении датчан, а затем по Бразембскому мирному договору отошли к Швеции. Здесь под защитой крепостных стен, усиленных по приказу короля Карла XI (1655 – 1697) артиллерией, он и осел основательно, представив членам ландсгерихта – суда второй инстанции, гербовое письмо, якобы дававшее право на дворянство. История с письмом темна. Возможно, его и не было вообще или оно было утеряно. Потому что внуки Антона Йобст (1641 – 1697) и Антон (? – 1703) были возведены в дворянское достоинство королём Карлом XI 21 декабря 1693 г. и в, выданной им грамоте их благородное происхождение упоминается только по линии матери (Mutter wegen).

Кто были дети Антона, неизвестно. Оба же его внука стали купцами; Йобст кроме этого состоял членом аренсбургского муниципалитета и был предводителем граждан города, а его брат был владельцем Gutes Arrust. В Весельской «Книге благородных родов» о братьях написано уважительно велеречиво: «...наши верные подданные, наши возлюбленные Йобст и Антон фон Ваймер, которые смиренно предложили свои услуги и которые благодаря личной добродетели и степенной жизни добились

всеобщей похвалы, что всегда подтверждало их преданность нам, которые также во всех случавшихся оказиях использовали своё имущество для служения общему благу в соответствии с традициями и правилами Эзельской провинции. В частности, старший из братьев при своём возвращении с чужбины, где он находился в горькие годы и получил те или иные необходимые знания, служил знаменосцем, а затем в звании лейтенанта гражданам Аренсбурга. Так же и в последней войне с королём Дании от тогдашнего губернатора города и генерала, нашего возлюбленного благородного барона Карла Йоханеса Сёбладта» он удостоился благодарности.

Так стала формироваться одна из традиций рода Веймарн, которая называется «доброе имя». Эта традиция, впрочем, была присуща лучшей части российского дворянства, являвшегося, по мнению Пушкина, «необходимым и естественным сословием великого образованного народа».

Что такое «доброе имя»? «Доброе имя, – говорил Александр Васильевич Суворов (1730 – 1800), – есть принадлежность каждого честного человека, но я заключал доброе имя в славе моего Отечества, и все успехи относил к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто производимое мгновенным порывом, не управляло моими деяниями. Я забывал о себе там, где надлежало мыслить о пользе общей».

Образным символом дворянского рода является герб. В его форме, рисунке, сочетании цветов отражается слава, гордость, амбиции, спесь, история рода. На гербе рода Веймарн «в щите, разделённом горизонтально на две части, имеющем верхнюю половину черного цвета, нижнюю – золотого, изображён лев, переменяющий цвет в чёрном на золотой, а в золотой на чёрный, держит в правой лапе секиру. Щит увенчан дворянским шлемом и короной, над которой изображён до половины золотой лев с секирой в правой лапе. Намёт на щит золотой, подложен чёрным».

Почему потомственные купцы избрали такой воинственный герб? Что это? Намёк на то, что их предками были викинги? Возможно. Тяжёлая двуручная секира и облегчённая секира на укороченном древке были на вооружении и у викингов, и у шведских рыцарей.

Герб рода Веймарн в 1899 г. был внесён в 10-ю часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».

Внуки Антона были шведскими подданными, а вот их дети стали подданными русского царя. 13 сентября 1710 г. Аренбургский замок и город со всем гарнизоном был после осады взят штурмом русскими войсками. На следующий год остров Эзель окончательно был завоёван Россией. Спустя десять лет завершилась победой России над Швецией Северная война и 10 сентября в финском городе Ништадте состоялась «Ратификация Королевского Величества Свейского на трактат вечного мира с Его Царским Величеством», т.е. с Петром I. По Ништадтскому мирному договору Россия получила в «неотрицаемое вечное владение и собственность» прибалтийские земли: Ингерманландию, часть Карелии, всю Эстляндию и Лифляндию, острова Эзель и Даго, города Ригу, Ревель, Дерпт, Нарву, Выборг, Аренбург и Кексгольм.

Дворянство завоёванных территорий, немецкое и шведское, имея на них земельные владения, не желало покидать свои поместья, мызы и деревни. А царю Петру I очень нужны были грамотные, образованные, честные и исполнительные чиновники и военные. Прибалтийские дворяне с большой неохотой меняли свою независимость и самостоятельность на государственную службу. Служить в армии и на флоте солдатами и матросами они не хотели, как и русские дворяне. Их следовало чем-то привлечь. Изменить отношение к военной службе удалось лишь после 1731 г., когда по инициативе сподвижника Петра I, генерал-прокурора, графа П. И. Ягужинского (1683 – 1736) был учреждён Сухопутный шляхетский кадетский корпус – дворянская офицерская школа, выпускники которой получали младший офицерский чин или звание гардемарина. Шефом корпуса стал граф Б. Х. Миних (1683 – 1767).

Первыми в корпус стали отдавать детей малоимущие родители, такие, как Веймарны. Со временем от поколения к поколению служба в армии и на флоте из обузы превратилась в святой долг служения России. Среди Веймарнов не было полководцев, но все они были отважными и надёжными воинами. В реляциях, с которыми мне пришлось познакомиться, они аттестовывались как «лучшие» и «отличнейшие» офицеры. Из рода Веймарн вышло два генерала от инфантерии, три генерал-адъютанта, пять генерал-

лейтенантов, семь генерал-майоров, два полковника и ... два капитана.

Род Веймарн множился, ветвился, роднясь с известными прибалтийскими и русскими дворянскими родами: Пушкиными, Безобразовыми, Блоками, Оболенскими, Барклай-де-Толлями, Тизенгаузами, Людерсами и другими. Не будучи богатыми, представители рода, благодаря родственным связям и личным заслугам на государственной службе, принадлежали к верхнему слою дворянства. Поэтому они упоминаются очень часто в воспоминаниях военных и государственных деятелей России. Род Веймарн был внесён в 6-ю часть дворянской родословной книги Петербургской губернии, в Эзельский в 1741 г., Эстляндский в 1839 г. и в Лифляндский в 1863 г. дворянские матрикулы.

При Екатерине II ко двору был близок внук Йобста Иван Иванович (Ганс Генрих), считавшийся одним из образованнейших генералов своего времени. В 1740 г. он в возрасте 18 лет окончил Сухопутный шляхетский корпус; в 39 лет стал генерал-майором; участвовал в Семилетней войне 1756-1763 гг. в качестве генерал-квартирмейстера в армии генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина (1702 – 1758). Но попал в опалу, был вызван в Петербург для дачи показаний по делу Апраксина, обвинённого в государственной измене, и отправлен командовать войсками в Сибирь. Там по указу императрицы он обследовал казённые Колывано-Воскресенские заводы, написав о них «Гисторическое, критическое и наставительное изъяснение ...», в котором указал, что причиной упадка горно-заводского производства на Алтае является хищническое истребление лесов.

Опала генерала закончилась в 1764 г. Он вернулся в столицу и Екатерина II направила его послом к последнему польскому королю Станиславу Августу Понятовскому (1732 – 1798), назначив командующим всеми русскими войсками, расквартированными в Польше. В это время в стране началось политическое брожение, вылившееся в войну с Россией. Генерал Веймарн успешно боролся с повстанцами – сторонниками Барской конфедерации, внося единство в действия разбросанных войск, покрыв страну сетью подвижных колонн, одной из которых с выдающимся успехом командовал будущий генералиссимус Суворов.

Какими были отношения между просто образованным генералом и военным гением? Спустя полтора века в «Военной энциклопедии» они так были охарактеризованы: «... опытный в военном деле, умный и ловкий по дипломатической части, Веймарн был педант, мелочно-самолюбивый человек и омрачил свою репутацию придирчивым отношением к Суворову, которого не оценил и не понял, будучи, военным другого склада ума и характера». Из-за конфликта с Суворовым, который постоянно критиковал действия и советы Веймарна, а тот грубо на них отвечал, его отозвали в Петербург, заменив генералом А. И. Бибиковым (1729 – 1774), и назначили на почётную должность члена военной коллегии.

В 1780 г. генерал вышел в отставку и был пожалован императрицей за 40-летнюю службу небольшим имением Вольфмарсгоф, в котором и умер 12 лет спустя.

Наибольших отличий на гражданской службе достиг правнук Йобста Александр Фёдорович (Герман Александр) – сенатор, обер-прокурор Сената, действительный тайный советник, Андреевский кавалер и кавалер десяти других российских орденов, «павлон» – воспитанник Павловского кадетского корпуса и вольнослушатель Казанского университета.

Прежде, чем стать сенатором и кавалером ордена Святого Андрея Первозванного, быть пожалованным табакеркою с вензелем Его Императорского Величества Николая I и перстнем с бриллиантами от императрицы Марии Фёдоровны, ему пришлось немало потрудиться. Он, имея чин обер-гиттен-фервальтера, состоял в штате Уральского горного правления, управлял горными заводами в Вятской губернии, осуществлял гласный надзор за производством артиллерийских снарядов на заводах в Оренбургской губернии.

Александр Фёдорович умер в 1882 г., прожив долгую, полную трудов жизнь, длиной в 91 год. Он был дважды женат на сёстрах Шемиот, сначала на старшей Софье (1798 – 1827), потом после её смерти – на младшей Ольге (1801 – 1879). Обе сестры доводились правнучками деду А. С. Пушкина Абраму Петровичу Ганнибалу (1697 – 1781) и были троюродными сёстрами Александра Сергеевича.

Мерой духовно-нравственного состояния человека является его отношение к тем, кто от него зависит. Чем больше он

сосредоточивает в своих руках власти, какой бы она не была по форме, тем сильнее становится его желание руководить, командовать, править, тиранствовать. Сенатор был человеком высоконравственным. Владея восемью деревнями, в которых жило около трёх тысяч крестьян, он устроил для них богадельню, детский сиротский приют, больницу, ссудно-сберегательную кассу, образцовую 2-х классную школу, посещавшуюся членами императорской семьи; в его деревнях не было нищих. В Петербурге он был попечителем больницы Святой Марии Магдалины и сначала раскольничьих, а с 1868 г. и до конца жизни – Волковских городских богаделен. Будь его менталитет другим, он бы не был назначен императором членом смешанной Военно-судной комиссии, в которой в 1849 г. слушалось дело петрашевцев.

Из 15 братьев и сестёр Александра Фёдоровича в истории сохранились имена двух его братьев – Ивана (Густава Иоганна Фердинанда) и Петра (Вильгельма Петера Йобста). Оба родились в родовом имении Резарсгоф – Иван в 1800 г., а Пётр в 1793. В судьбе братьев много общего: оба воспитывались в Военно-сиротском доме, оба начали военную службу в 18 лет и для обоих она была очень успешной. Свои многочисленные ордена и звания они получали за боевые заслуги. Оба стали генералами, Иван Фёдорович генерал-майором в 39 лет, а Пётр Фёдорович генерал-лейтенантом – в 47; оба состояли в Свите Его Императорского Величества и оба создавали Императорскую Военную академию – Николаевскую Академию Генерального Штаба, в которой Иван Фёдорович был адъюнктом и профессором по тактике, автором сочинений: «Руководство для преподавания тактики» и «Высшая тактика», а Пётр Фёдорович непременным членом её Совета. Братья были женаты на сёстрах, графинях фон Людере, которые приходились племянницами фельдмаршалу Барклай-де-Толли (1761 – 1818). Они и умерли почти в одно время – старший 10 мая, младший 27 апреля 1846 г.

Пётр Фёдорович начал служить в 1811 г. подпоручиком в Елецком пехотном полку; сражался под Бородино, был ранен и награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость»; во время заграничного похода, опять был ранен в Бауценском сражении и под Горкирхеном, штурмовал Реймс и брал Париж.

Атрибутами война служат шрамы, награды, звания, должности и новые сражения. После окончания Отечественной войны в карьере Петра Фёдоровича не было заминок: адъютант генерала И. И. Дибича (1785 – 1831), капитан, затем перевод в лейб-гвардейские полки, сначала в Семёновский, потом в Финляндский; подполковник, полковник, командир морского и корабельного учебных полков. В русско-турецкую войну 1828 – 1829 гг. он исполнял должности начальника штаба частей гвардейского корпуса оставшихся в столице и состоял флигель-адъютантом при императоре.

Эта война стала первой для его брата Ивана Фёдоровича, который начал службу в 1819 г. прапорщиком в артиллерийской бригаде. Против турок он воевал и как солдат, участвуя в осаде Браилова, Шумлы и Силистрии, и как дипломат, будучи полномочным представителем диванов Молдавии и Валахии.

Склонность к штабной и педагогической работе определили дальнейшую службу Веймарна-старшего: начальник штаба 2-го пехотного корпуса, помощник начальника штаба гвардейского корпуса, начальник штаба гвардейского класса, руководитель школы гвардейских прапорщиков и юнкеров, дежурный генерал Главного штаба и куратор Медико-хирургической академии. Штабистом стал и его брат, занимавший должность начальника штаба гвардейской гренадёрской дивизии.

Ещё раз в боевых действиях Петру Фёдоровичу пришлось быть в 1830-1831 гг. при подавлении восстания в Польше, где он участвовать в сражениях при Остроленке, Яцаке, Варшаве и других городах и местечках. Он пользовался доверием императора и потому в 1834 г. был лично им избран в генерал-адъютанты, которые имели право словесно объявлять Высочайшую волю. Иван Фёдорович удостоился такой же чести в 1845 г. Это звание «жаловалось» за воинские заслуги и за государственную деятельность и было одним из высочайших в России. Оно было учреждено Воинским уставом в 1716 г. Генерал-адъютанты, состоявшие при царе, генерал-фельдмаршалах и при полных генералах, исполняли адъютантские обязанности и вели делопроизводство при штабах. По поручению монарха такие люди исполняли особо деликатные дела.

Одно из них было связано с расследованием обстоятельств дуэли и трагической гибели Александра Сергеевича Пушкина,

следствием которой стало, написанное Михаилом Юрьевичем Лермонтовым (1814 – 1841), стихотворение «Смерть поэта». Авторство этого крамольного сочинения было установлено быстро и шеф жандармского корпуса, граф А. Х. Бенкендорф (1783 – 1844) доложил Николаю I, что он (граф) «послал стихотворение гусарского офицера Лермонтова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-либо извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи, и о взятии его бумаг как здесь, так и на квартире его в Царском Селе». Император на донесение графа ответил запиской: «Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся ещё другие подозрительные, наложить на них арест».

Живейшее участие генерал принял и в устройстве судьбы талантливого рисовальщика и художника Павла Андреевича Федотова (1815 – 1852), картины которого «Вдовушка», «Свежий кавалер», «Сватовство майора» и другие стали классикой русской жанровой живописи. Павел Андреевич славился в полку как превосходный портретист. Им заинтересовались полковой командир Офросимов и начальник штаба гвардейского корпуса Веймарн. Однажды после удачных учений, которыми остался доволен Великий князь Михаил Павлович, Веймарн устроил Федотову встречу с князем в Михайловском замке. Федотов показал князю неоконченную картину «Освещение знамён в обновлённом Зимнем дворце». Она ему понравилась и он приказал ему: «Напиши мне записку, сколько тебе нужно; ты получишь; только отставку не затевай, рассорюсь». Потом «много, много насказал ласк и отпустил домой».

В роду Веймарн семьи были многодетные. Александр Фёдорович, например, был отцом четырёх сыновей и пяти дочерей. Поэтому родственные связи роды были обширнейшие. Сын сенатора Александр, рождение которого стоило жизни его матери, и племянник – сын Петра Фёдоровича, тоже Александр (1827 – 1888) стали продолжателями двух известных дворянских фамилий – Барклай-де-Толли и Людерс.

Как известно, до правления императора Павла I (1754 – 1801) передачи «родового по женскому колену прозвания – фамилии,

титула и герба, не было. Род, если он пресекался по мужской линии, формально переставал существовать. Павел I приказал начать составление «Общего гербовника дворянских родов России» и, как писал Е. П. Карнович (1824 – 1885), «повелел одному из своих любимцев, генералу Ладыженскому, ... потомку по женскому колену князей Ромодановских, принять потомственно эту знаменитую фамилию ... с княжеским титулом ... и гербом ... С этого времени в каждое царствование случалась передача пресекавшихся в мужских представителях титулованных фамилий».

Так, в 1863 г. Александру Александровичу (1827 – 1888), женатому на единственной дочери генерала от инфантерии и члена Государственного Совета, графа фон А. Н. Людерс (1790 – 1874), Надежде Александровне (1835 - 1895), был высочайше пожалован графский титул с правом носить двойную фамилию Людерс – Веймарн. Александр Петрович (1827 – 1905), женатый на дочери единственного сына фельдмаршала М. Б. Барклай-де-Толли, унаследовал княжеский титул и также двойную фамилию Барклай-де-Толли – Веймарн. В 1880 г. Сенат выдал ему по указу императора Александра II соединённый герб обоих родов, на котором был начертан девиз фельдмаршала «Верность и терпение».

Верность присяге императору и долгу Отчезства, терпение и мужество, чтобы преодолеть все препоны и трудности для достижения поставленной цели, даже если это сопряжено с гибелью.

Одним из трагичнейших дней в истории Крымской войны стало 4 августа 1855 г., когда главнокомандующий князь М. Д. Горчаков (1793 – 1861) приказал генералу Н. А. Реаду (1793 – 1855), командовавшему двумя дивизиями штурмовать в лоб хорошо укреплённые Федюхины высоты на Чёрной речке под Севастополем. Генерал передал этот приказ начальнику штаба генералу Петру Владимировичу Веймарну (1812 – 1855), который недоумеая, ответил, что войска ещё не готовы. В ответ Реад сказал: «Я не могу ждать. Я имею приказ от князя». И штурм начался. Очевидец атаки высот вспоминал: «Огонь был так силён, что над нами стоял как бы сплошной слой картечи и пуль». Движение батальонов замедлилось, но Веймарн крикнул слова одобрения солдатам. Атака продолжилась, но спустя мгновение пуля французского стрелка пробила голову генерала.

Высоты так и не были взяты. Во время штурма погибло 260 офицеров, около восьми тысяч нижних чинов и генерал Реад. Потери французско-сардинской армии были ничтожны: около двухсот погибших и полторы тысячи раненых. Горчаков свалил вину за гибель дивизий на Реада и Веймарна.

Через несколько дней Николай I получил депешу о роковых последствиях бессмысленного и безнадежного штурма и фрейлина императрицы, дочь Ф. И. Тютчева (1829 – 1889), написала своей знакомой мадмуазель Гранси: «Наши, значительно уступая неприятелю числом, были отброшены. Говорят, у нас очень большие потери .... Среди убитых офицеров ... называются ... Реад, Веймарн».

Хива. Окружённая со всех сторон безводными пустынями, самыми страшными на земле, она считала себя недоступной для завоевателей. Две безуспешные попытки русских, в 1717 и в 1839 гг., покорить это маленькое ханство с населением в 400 тысяч человек, как будто бы убеждали всех, и прежде всего хивинцев, в его недосыгаемости. «Не трудно себе представить, – писал историограф Хивинского похода, полковник Ф. И. Лобысевич, – какое потрясающее действие произвёл поход русских в 1873 году.... С трёх различных сторон русские войска достигли этого заколдованного царства и, совершив один из труднейших походов, известных в военной истории, преодолев все ужасы пути по безводным песчаным пустыням, не имеющим ни малейших следов дорог, в тропической жаре, доходящей до 45 градусов ... 29 мая 1873 года в 201 годовщину рождения Петра Великого, водрузили свои победоносные знамёна на стенах ... Хивы». А накануне, 23 мая, после взятия крепости Хазар-Асп был смертельно ранен один из лучших офицеров Туркестанского военного округа, командир 2-го стрелкового батальона, 50-летний полковник Леонард Густавович (Леонард Фридрих) фон Веймарн.

В этот день вечером полковник выехал из лагеря, расположенного возле кишлака Каравак к Аму-Дарье, что проследить за переправой одной из своих рот. На улице кишлака лошадь, которую Веймарн сильно гнал, чего-то испугавшись, бросилась в сторону и упала. Упал и Веймарн, ударившись левой стороной груди об угол сакли. От этого удара сломалось три ребра, которые проткнули лёгкое. Врачи помочь ему ничем не могли. Веймарн скончался в страшных мучениях в 4 часа утра на следующий день.

«Грустны, угрюмы были лица офицеров и солдат..., большинство которых плакали, отдавая последний долг и провожая в иную жизнь своего лихого отца-командира, – вспоминал Лобысевич. – Ни памятника, ни креста нельзя было поставить над прахом Веймарна; могила его в селении Каравак сровнена с землёй ... чтобы и следа её не было, из опасения, чтобы изуверные фанатики-мусульмане не вырыли бы труп и не предали его на поругание».

Могилы Веймарнов и память о них сохранились в других местах. На железнодорожной линии Петербург – Таллин в двух с половиною часах езды от Петербурга есть узловая станция Веймарн, названная так в честь сенатора Александра Фёдоровича, принимавшего участие в строительстве этой линии. Недалеко от станции маленькое село Ястребино, которым владел сенатор. Здесь на кладбище под сенью теперь уже полуразрушенной церкви Святителя Николая стоят пять чудом сохранившихся мраморных надгробий. Под ними покоится прах сенатора, его второй жены Ольги Павловны, двух сыновей – Павла (1823 – 1897) и Платона (1834 – 1898) и дочери Ольги (1831 – 1833). Не уцелело только надгробье князя В. В. Оболенского – мужа ещё одной дочери сенатора, Лидии (1849 – 1918). Я посетил это кладбище. Постоял, вслушиваясь его тишину и, прикоснулся к чёрному, холодному мрамору senatorского надгробья, как будто бы прикоснулся к вечности.

Окрестности Ястребино полны памяти о Веймарнах. Пустомержа – главное имение сенатора, в котором гостил Игорь Северянин (1887 – 1941), навещая любимую женщину. Кайбола – имение Павла Платоновича Людерс – Веймарна (1857 – 1905), внука сенатора, известного петербургского музыковеда, музыкального критика и композитора, редактора и издателя журнала «Баян», автора романсов, биографических очерков и монографий о русских композиторах, энергично отстаивавшим самобытность русской музыкальной культуры от враждебной критики ретроградов. В Смердовицах было имение Тизенгаузов. Баронесса Леонтина Богдановна Тизенгауз, урождённая Дибич, приходилась бабушкой первому уральскому ректору. Гостя у Тизенгаузов композитор Н. А. Римский-Корсаков (1844 – 1908) сочинял оперу «Садко».

От станции Веймарна рукой подать до посёлка Беседа – бывшей мызы сенатора, подаренной им старшему сыну от первого брака, генерал-лейтенанту Павлу Александровичу (1823 – 1897). Выйдя в

отставку, тот поселился на мызе, завёл образцовое хозяйство, которое славилось в Ямбургском уезде, применял удобрения, восьмипольный оборот, участвовал в сельскохозяйственных выставках, получая награды. Всё своё имущество он завещал уездному земству, чтобы оно открыло в Беседе низшую сельскохозяйственную школу. Его воля была исполнена в 1901 г., через четыре года после смерти генерала. Первым попечителем школы стал его племянник Ф. И. Блок (1848 – 1917) – дальний родственник поэта А. А. Блока (1880 – 1921). В советское время на базе школы был открыт, существующий и по ныне, сельскохозяйственный техникум.

Сохранилось огромное, трёхэтажное, краснокирпичное здание школы с большими овальными окнами в стиле модерн, а рядом стоит бывший барский дом. Сейчас он пуст и заброшен. Его облик – это пример абсолютного отсутствия вкуса. Так ли он выглядел раньше при хозяине или это постаралось над ним время и люди. Если он был таким и раньше, то генерала следует считать аскетом и, тогда понятно, почему генеральша Надежда Ивановна Железнова жила в Петербурге одна, командуя несколькими доходными домами – железная женщина.

Отец

Внук Антона Йобст назвал своего второго сына тоже Йобстом и женил его на Еве Фитингоф, урождённой Штакельберг. От этой пары и стала развиваться та ветвь рода Веймарн, одним из побегов на которой суждено было стать уральскому ректору. Дальше всё было как в Библии. У Йобста в 1717 г. родился сын Герман Густав или, по-русски, Евстафий Иванович (1717 – 1771), младшим братом которого и был Иван Иванович – командир А. В. Суворова. Евстафий Иванович известен тем, что в 1767 г. был избран от Лифляндской губернии депутатом в Комиссию по составлению Уложения. В 1749 г. у него и его жены Катарины Гульденштуббе родился сын, наречённый Петером Генрихом – Петром Евстафьевичем (1749 – 1805). Пётр Евстафьевич дослужился до чина генерал-майора, был близок к императору Павлу I, которому он помогал создать в Гатчине, когда тот был ещё престолонаследником, пансион для детей-сирот, отцы которых погибли на войне. Из Гатчины пансион был переведён в столицу, получив название Дома

военного воспитания; с 1798 г. его стали именовать Императорским Военно-сиротским домом и Пётр Евстафьевич был назначен его первым директором. Позже, в 1829 г. этот дом был преобразован в Павловский кадетский корпус, а затем в Павловское военное училище. Жена Петра Евстафьевича Маргарете Катарине фон Пец была верной спутницей и помощницей мужа по работе в Военно-сиротском доме, в котором она состояла директрисой девичьего отделения. В 1790 г. у супругов родился сын Пётр. Он ничем себя не проявил, дослужившись лишь до VIII классного чина – чина коллежского асессора. Он был женат на некоей Варваре Насакиной, родившей ему в 1822 г. сына Ивана. Иван Петрович и его жена баронесса Леонтина Богдановна Тизенгаузен – это бабушка и бабушка Петра Петровича. Таким образом, он приходится *прапрапрапрапраправнуком* основателю рода Антону Веймару.

Сын Ивана Петровича и баронессы Пётр родился 17 апреля 1848 г. в городе Гродно. Отцу в это время было 26 лет, матери – 25. Год смерти отца неизвестен, а вот Леонтина Богдановна не дожила пяти лет до рождения своего гениального внука. Она умерла в 1874 году.

Жизненную стезю Пётр не выбирал. Она была определена для него двухсотлетней историей рода. Делом его жизни стала военная служба, в которую он «вступил юнкером в 1-е Военное Павловское училище» 19 июня 1864 г. Через полгода он был переведён в Николаевское училище Гвардейских юнкеров. Пётр окончил его в чине прапорщика в начале августа 1866 г. и был определён в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк – один из самых старых в русской армии.

Этот полк вёл своё старшинство с 16 мая 1651 г. от слободских казачьих полков, положивших начало формированию гусарских полков, ставших основателями других конных частей российской армии. 16 мая 1803 г. из эскадронов Сумского, Изюмского, Ахтырского и Мариупольского гусарских полков был сформирован Одесский гусарский полк. Через семь месяцев его переименовали в Уланский Его Императорского Высочества Цесаревича Великого Князя Константина Павловича полк. В начале декабря 1809 г. из 2-го батальона и половины запасного эскадрона был создан лейб-гвардии Драгунский полк, который участвовал в Отечественной войне 1812 – 1814 гг., в русско-турецких войнах 1828 – 1829 и 1877 –

1879 гг. и в подавлении польского восстания 1830 – 1831 гг. Боевые заслуги полка были отмечены Георгиевским штандартом, 22-мя георгиевскими трубами за сражение при Фер-Шампенуазе и знаками на шапках с надписью «За взятие Враца», а за успешные действия против польских повстанцев полк 6 декабря 1831 г. переименовали в лейб-гвардии Конно-гренадерский. Его шефом с 1832 по 1909 год был Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич. Все командиры полка – генерал-майоры состояли в Свите Его Императорского Величества.

Полки русской гвардии отличались не только названиями, боевой историей и формой, но и обликом солдат, экстерьером коней, полковыми знаками отличия и многими другими атрибутами, служившими предметами гордости тех, кто в них служил. В конно-гренадерском полку нижние чины были усатые безбородые брюнеты, кони вороной масти с «изюминками» в каждом из шести эскадронов: в третьем с отметинами на головах, в четвёртом – с подпалинами и слегка караковые. Этими эскадронами довелось командовать Петру Ивановичу. В 1903 г. к 250-летию полка был отчеканен знак – чёрный эмалевый кульмский крест с серебряным ободком, золотой гренадой (гранатой) в центре и золотыми вензелями царя Алексея Михайловича, императоров Александра I, Николая I и Николая II между лучами.

Полк дислоцировался в Старом Петергофе в квартале между улицами Дворцовой и Эйхенской, разделённой Конно-гренадерской улицей. Полковым праздником был День Всех Святых, отмечаемый в 9-е воскресенье после Пасхи в полковой церкви Знамения Пресвятой Богородицы.

Конно-гренадеры были умелыми и лихими воинами. Эти их достоинства навеки запечатлены в солдатском фольклоре:

Лучше всех берут барьеры –
Это конно-гренадеры.
Кто без меры пьют мадеры?
Это конно-гренадеры.

В вопросах чести, особенно когда речь шла о женщинах, лейб-гренадеры были очень щепетильны. Великая балерина Анна Павлова (1881 – 1931) стала причиной дуэли между лейб-гренадером Дерожинским и лейб-гусаром Маркозовым. Противники обменялись выстрелами без ущерба друг для друга, но балерина перешла к

лейб-гусару. Дерожинский вынужден был покинуть полк. Утешился он не в монастыре, а ... в учёбе, поступив в Горный институт. Его счастливый соперник в 1920 г. был зарублен большевиками в бою под Новороссийском.

В какой мере Пётр Иванович отдал долг гвардейским традициям? В его «Полном послужном списке» об этом нет ни слова. Конечно, отдал положенное. Ходить возле воды, да не замочиться. Для этого надо было быть «белой вороной». Но такого в полку не потерпели бы.

Прослужив два года, он был прикомандирован к учебному пехотному батальону, откуда вернулся в полк в октябре 1870 г. поручиком, пройдя в нём великолепную выучку, освоив в совершенстве приёмы владения холодным и стрелковым оружием.

Поэтому в полку его назначили заведывать оружейной частью; в мае следующего года он получил приз «при состязании г. г. офицеров в фехтовальном бою»; в феврале 1872 г. он был «Всемилоостивейши награждён орденом Св. Станислава 3 ст. за успешное окончание курса при Учебном пехотном баталионе»; в январе 1873 г. он вновь отличился на этот раз в соревнованиях по стрельбе и наградой ему стал первый приз – двухствольный штуцер Барелло с вензелем Его Императорского Величества.

Призы, не ниже второго, на стрелковых соревнованиях, он завоёвывало, а вот звания, должности, ордена Пётр Иванович получал, как говорил А.С. Пушкин, «спокойно в очередь»: штабс-капитан, капитан, ротмистр, полковник в 37 лет; орден Св. Анны 3-й степени в 1878 г., Св. Станислава 2-й степени в 1882 г., Св. Анны 2-й степени в 1885 г., Св. Владимира 4-й степени в 1888 г.; временно исправляющий должность командира 3-го эскадрона, командир запасного эскадрона, командир 4-го эскадрона, помощник командира полка по хозяйственной и строевой частям.

Он мог бы, наверное, дослужиться и до командира полка. Для этого у него были все основания. Он не раз замещал командира полка Константина Клавдиевича Максимовича (1849 – 1917), когда тот убывал в командировку. Препятствием к этому, а так же причиной его ранней отставки, стал драматичный случай, произошедший во время учений в конце мая 1877 г. Тогда лошадь шипом подковы разбила ему затылочную часть головы. В связи с этим военный министр разрешил ему носить «во всех случаях» вместо каски фуражку и он Высочайше

получил право на покровительство Александровского Комитета о раненых и, по-видимому, из-за этой травмы ему не пришлось участвовать в русско-турецкой войне.

После несчастного случая он прослужил в полку ещё 14 лет; был членом и председателем полкового суда, а в молодости, в 1875 г., более полугода состоял временным членом Санкт-Петербургского Окружного Военного суда. Благодаря хорошему знанию стрелкового дела Пётр Иванович был назначен в конце 1888 г. членом Высочайше учреждённой комиссии для пересмотра «Наставления для обучения стрельбе». Несколько поездок в Старую Руссу для лечения минеральными водами не способствовали выздоровлению. И в мае 1891 г. после очередной поездки в санаторий Военно-Медицинский Учёный Комитет постановил причислить его к III классу раненых, но если он оставит службу, то будет иметь право «на причисление к I или II классу раненых».

Пётр Иванович решил оставить службу. 28 сентября 1891 г. он был «Высочайшим приказом произведён в генерал-майоры, с увольнением, за болезнью, от службы, с мундиром и пенсией» и пожалован специальным знаком за «беспорочную службу».

Каково было семейное и материальное положение отставного генерала? Он был женат вторым браком, у него было двое детей – дочь и сын. Никакого родового или благоприобретённого недвижимого имущества ни за ним, ни за его родителями, ни за женой не было, только служебная квартира, которую он, уходя из полка, должен был освободить.

Первым браком он был женат на Александре Николаевне Даниловой. Кто она, неизвестно. Но поскольку гвардейским офицерам не дозволялось жениться абы на ком, иначе их отчисляли из гвардии, то была она высокого происхождения. После расторжения брака с Петром Ивановичем 30 сентября 1876 г. она вышла замуж за его младшего брата Ивана Ивановича (1852 – 1917), тоже военного, дослужившегося до звания генерала от инфантерии. Что послужило причиной развода? Возможно, отсутствие у супругов детей. После расторжения брака Петербургское Епархиальное Начальство дозволило «ему, как первобрачному, вступить в новое супружество с другим лицом». Этим «лицом» стала дочь санкт-петербургского первой гильдии купца Зайцева, девица Юлия Фёдоровна, которая

была на девять лет моложе мужа. У супругов 31 августа 1877 г. родилась дочь Юлия, а спустя два года – сын Пётр.

Содержание, получаемое тогда гвардейскими офицерами было невелико. Полковник Веймарн перед увольнением получал в год жалованья, столовых, квартирных и добавочных всего 1786 рублей. Пенсия русского генерал-майора вместе с эмеритурой в начале XX века составляла 2150 рублей, французского – 2997, германского – 4153. Содержать достойно семью на такие деньги было непросто. Поэтому в начале XX века армию и флот стали покидать молодые и честолюбивые офицеры. Так, в сентябре 1909 г. уволился в запас офицер флота Павел Петрович фон Веймарн (1882 – 1975) – ровесник сына Петра Ивановича, чтобы заняться предпринимательством. Перед началом первой мировой войны он с партнерами создал угледобывающее предприятие «Русское Шпицбергенское акционерное общество» для разработки угольных месторождений на острове Шпицберге.

Пётр Иванович, выйдя в отставку, приобрёл на Валдае небольшую усадьбу Заречье в два жилых дома. Располагалась она в живописном месте на реке Березайке при её впадении в озеро Пирос. Местный краевед из села Рютино Николай Александрович Ласточкин сообщил мне, что будто бы Пётр Иванович купил её у родственников выдающегося учёного-этнографа Ивана Петровича Сахарова (1807 – 1863) – автора «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков», «Песен русского народа» и других сочинений.

Оба владельца усадьбы, и Иван Петрович, и Пётр Иванович, были похоронены в селе Рютине на погосте церкви Успенья Божьей Матери. Но, ни погоста, ни усадьбы давно уже нет. Так давно, что о них не помнят даже старожилы.

Эти места и прежде, при владельцах усадьбы, были уединёнными: до ближайшего села Рютино 8 вёрст, до ближайшей железнодорожной станции – 23. Коллективизация обрекла их на запустение. Сейчас вокруг лишь пожни, болота, заросли ольхи и кустарников, скрывающих остатки фундаментов усадебных домов. Только аллея дубов в два обхвата толщиной напоминает о том, что здесь когда-то жили люди. Дубы, по-видимому, были посажены при Иване Петровиче Сахарове, а, может быть, им самим, чтобы укрыть усадьбу от назойливых юго-западных ветров.

Исходив окрестности бывшей усадьбы вдоль и поперёк, Ласточкин мысленно реконструировал не только её облик, но и попытался угадать психологическое состояние, живших в ней людей, их мировоззрение и мироощущение, то, что сейчас называют менталитетом. «Место усадьбы, – поведал он мне, – было выбрано с таким расчётом, чтобы рядом с ней не было ничего лишнего, даже традиционных для русских усадеб кустов акации и сирени. Усадьба вся была открыта свету и солнцу. Дубы не закрывали барский дом. Над незатейливым пейзажем возвышался только мезонин большого дома. Лишь совершенно неотложное дело могло заставить приехать кого-нибудь в Заречье. В столь скромном захолустье комфортно себя мог чувствовать человек с философским складом ума, много потрудившийся на своём веку, уставший от суеты столичной жизни, но не сдавшийся – этакий крепкий орешек».

«Крепкого орешка» ценили и уважали крестьяне окрестных сёл и деревень за добропорядочность, несуетность и твёрдое слово, а его супругу – за добросердечность. Поэтому обоих охотно приглашали на свои семейные праздники.

В июне 1898 г. Пётр Иванович овдовел. Юлия Фёдоровна умерла от воспаления почек и на рютинском погосте одним крестом стало больше. Пережив горе, он спустя год женился на сестре Юлии Фёдоровны – Ольге. Через год молодая жена родила ему дочь, которую по семейной традиции – мальчика называть в честь отца, а девочку в честь матери – нарекли Олечкой.

Жизнь Петра Ивановича, сделав трагическую заминку, продолжалась заведённым порядком ещё 14 лет, радуя семейным счастьем. Он умер, когда в России, как и в его семье, царили мир и благополучие и страна готовилась отпраздновать 300-летие Дома Романовых. Умирал он, вероятно, с покоем в душе, убеждённый в том, что будущее его детей и внуков будет безоблачным. Тогда многие так считали. В те годы в сердцах людей, почему, неизвестно, как написал М. А. Булгаков (1891 – 1940), «родилась уверенность, что вся жизнь пройдёт в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, ..., солнечные улицы летом, а зимой нехолодный, нежёсткий, крупный, ласковый снег... И вышло совершенно наоборот».

Петру Ивановичу не суждено было узнать о начале первой мировой войны и о том ужасе, который последовал за ней; он не видел, как на последнем мирном параде проходили во главе 2-й

кавалерийской дивизии мрачные конно-гренадеры в касках с гардами из чёрного конского волоса; он не переживал расформирование полка в 1918 г. и гибель однополчан; ему было неизвестно, что уцелевшие в гражданскую войну офицеры создадут в Париже «Общество старых офицеров лейб-гвардии Конно-гренадерского полка», которых к 1951 г. осталось от всего полка 41 душа. Ему и в страшном сне не могло присниться, как будет «блажен» его сын Пётр, которому предстояло посетить «сей мир в его минуты роковые».

СЫН

Самым значительным сооружением в Старом Петергофе была церковь Знамения Пресвятой Богородицы или просто Знаменская церковь, которая была построена в 1775 г. на месте деревянной. Спустя сто девятнадцать лет храм был перестроен по проекту архитектора А.А. Парланда (1842 – 1919) – автора храма Воскресения Христова «на крови», построенного на месте гибели императора Александра II. В 1902 г. при Знаменской церкви был освящён предел во имя Всех Святых. В 20-е годы XX столетия бывшая полковая церковь была закрыта, а во время Великой Отечественной войны разрушена, поскольку оказалась на линии фронта.

Сюда в Знаменскую церковь 19 июля счастливые родители Пётр Иванович и Юлия Фёдоровна принесли в пене белоснежных кружевных пелёнок и одеял своё чадо для крещения, а на следующий день отец получил от лейб-гвардии Конно-гренадерского полка протоирея Михаила Зиновьевского самый первый и самый главный в жизни каждого человека документ «Свидетельство» о рождении, в коем каллиграфическим почерком было написано:

«В метрической книге Знаменской церкви, что при Л-Гв. Конно-Гренадерском полку, в первой части о родившихся за 1879 год под № 8 мужского пола значится записанным так: тысяча восемь сот семьдесят девятого года, Июля пятого числа Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка у капитана Петра Ивановича ВЕЙМАРНА и законной жены его Юлии Фёдоровны, оба православного вероисповедания, родился сын Петр. Таинство крещения совершал того же месяца Июля девятнадцатого числа Л-Гв. Конно-Гренадерского полка протоирей Михаил Зиновьевский. Восприемниками от Св. Купели были Петербургский 2 гильдии купец

Андреян Иванович Еремеев и, полковника Генерального штаба Александра Александровича Зейфарта, жена Екатерина Петровна.

В чем подписом моим с приложением церковной печати свидетельствую 20 Июля 1879 г. Петергоф.»

И так, на одной из ветвей родословного древа Веймарн появился новый росточек. Что о нём было известно? Пол, рост, вес, цвет глаз. К купели его бережно поднесли, передав священнику, безымянным. Из купели, трижды опущенным в освящённую воду под чтение молитвы, он был вынут в сиянии свечей и передан родителям с именем Пётр в честь отца и с отчеством Петрович. Такого сочетания имени и отчества у Веймарнов ещё не было. Случайно ли?

Если браки заключаются на небесах, то и судьба плодов брака определяется там же и никто повлиять на неё не властен. Пётр – это имя в переводе с греческого обозначает камень. Пётр Петрович – камень каменный. Тавтология? Отнюдь нет. Глубокий смысл. О своём ученике апостоле Петре Иисус говорил: «Ты Пётр камень и на тебе будет сооружён храм». Камень – сиречь прочность, твёрдость, надёжность. Камень каменный – тем паче.

Силы небесные распорядились – быть сыну Петра Ивановича не военным, а горным инженером и вменили ему в обязательство сооружение храма – храма просвещения и науки в горно-промышленном районе страны, на Урале.

Попытки изменить судьбоносное предначертание, поскольку оно никому не ведомо, были, но не состоялись, не могли состояться. Первую сделал отец. Повинуясь инерции родовой традиции, он отдал сына в Александровский кадетский корпус, который был основан в 1873 г. как 3-я Петербургская военная гимназия. Через девять лет она была преобразована в кадетский корпус исключительно для экстернов, потом в интернат на 300 кадет. Пётр окончил корпус и 15 июня 1899 г. получил аттестат, в котором кроме оценок было написано, что «означенный кадет как успешно окончивший курс среднего учебного заведения может пользоваться вообще служебными преимуществами, сопряжёнными с получением им образования, а при поступлении в военную службу – правами 1-го разряда вольноопределяющихся или 1-й степени поступающих по жребию». Пребывание в корпусе на всю жизнь запечатлелось в облике Веймарна во вскинутой по военному голове, короткой «ёжиком» причёске, пышных усах и

бородке клинышком; на нём ладно сидел не только профессорский виц-мундир, но и смокинг.

Каковы были успехи Петра? Хорошие, но не блестящие: самый большой балл 12 он получил по словесности и закону Божьему, 11 – по законоведению, 10 – по физике, истории и естественной истории, 9 – по арифметике, 8 – по аналитической геометрии и 7 – по алгебре, немецкому и французскому языкам.

Оценки пестры и свидетельствовали они на первый поверхностный взгляд скорее о гуманитарном складе ума Петра. И потому поразительно, как в течение считанных лет аморфный в общем интеллект трансформировался в мощнейших аналитический ум способный решать сложнейшие теоретические и экспериментальные проблемы в нарождавшейся научной дисциплине – коллоидной химии. Ум как будто бы ещё спал, был заторможен и знания, которые он усваивал в корпусе не проникали в его глубину, чтобы раскрепостить скрытую там креативную энергию. Для этого ещё не наступил благоприятный момент и не было необходимых условий.

Этот момент мог быть упущен и возможно навсегда, если бы сын уступил настояниям отца и поступил бы в военное училище. Но он в силу каких-то неизвестных причин взял аттестат. Причины, заставившие его взять аттестат, вероятно, и им самим осозновались не очень отчётливо, интуитивно, как позыв. Поэтому после окончания корпуса Пётр подал прошение в столичный Технологи-ческий институт, сделав, таким образом, уже сам попытку поступить вопреки неизвестному предначертанию своей судьбы.

Вторая попытка оказалась много короче первой. Уже в 1900 г. он окончательно пришёл к уготованному ему выбору. Этим выбором стал Горный Институт Императрицы Екатерины II, который он окончил 9 апреля 1908 г. с отличием «по заводскому разряду» и с правом на чин коллежского секретаря; 2 мая ему выдали расписку, что «по учебной библиотеке» за ним ничего не числится и что чертёжные доски он сдал. А в июне он держал в руках диплом. Как он отличался, от полученного девять лет назад, кадетского аттестата! Конечно, не перечнем изученных предметов. Оценками. По девятнадцати дисциплинам математики, физики и химии он получил только пятёрки. На тройку его знания были оценены лишь по петрографии, строительному искусству, технологии металлов, да горной статистике. Дипломную работу он написал по химии.

Он поздно окончил институт, почти в 29 лет. Чем было вызвана такая долгая учёба, неизвестно. Возможно, материальными трудностями. Ведь учиться ему пришлось в основном на ежемесячное пособие в 15 рублей, которое выдавалось отцу, находившемуся под покровительством Александровского Комитета о раненых, на содержание сына студента, при условии, что тот не получал казённую стипендию, которая была меньше пособия. Об этом пособии Пётр Петрович вспоминал, что оно было «хотя и небольшое, но для меня крайне существенное». А чтобы его получить, нужно было почти ежегодно брать в канцелярии института соответствующую справку и представлять её в Комитет.

Жизнь людей в то время была очень регламентированной. Для проживания в Петербурге и в его окрестностях требовалось каждый год получать разрешение – паспортную книжку. Впервые Пётру её выдали 15 июня 1899 г. на год и четыре месяца в Валдайском уездном полицейском управлении. Для вступления в брак студент третьего курса Пётр Веймарн обратился 30 октября 1903 г. к «Его Превосходительству Господину Директору Горного Института Императрицы Екатерины II» с прошением: «Имею честь покорнейше просить, Ваше Превосходительство, распорядиться о выдаче мне в возможно скорейшее время разрешения, а также необходимых документов, для вступления в законный брак».

Препятствий со стороны института для вступления в брак не было, поэтому Пётр получил просимые документы в тот же день. Его избранницей стала уроженка Кронштадта Надежда Николаевна Львова. Девушка Львова как и жених была православного вероисповедания и моложе его на девять лет. Вскоре у супругов родился сын, которому дали царственное имя Лев, но прожил он недолго и в 1911 г. умер. Больше детей Бог им не дал или они сами не захотели их иметь.

После этой трагедии мир семьи Веймарн и до того не очень широко распахнутый во внешнюю жизнь, почти совсем закрылся, как створки раковины, одной из которых был Петенька, другой – Наденька. Так они называли друг друга в домашней обстановке. Вне семьи оба жили одним интересом – его научной работой. Он творил, она переводила его статьи и книги иностранных учёных, которые он редактировал. Надежда Николаевна была для Петра Петровича до самой его смерти верным и терпеливым хранителем его семейной

свободы, без которой, по мнению А. С. Пушкина, в России прожить труднее, чем без свободы политической.

Судьба, доведя Веймарна до ступенек Горного института, не бросила его, а взяв за руку, провела мимо каменных скульптур, борющихся древнегреческих героев, и через дорический портик, длинными коридорами подвела к физико-химической лаборатории. Почему именно к ней? Она так решила – быть ему химиком. И поручила ввести его в мир науки будущему академику Петербургской Академии Наук и академику Академии Наук СССР Николаю Семёновичу Курнакову 1941 (1860 – ?).

Первую небольшую работу всего на одну страничку Веймарн в соавторстве с Курнаковым опубликовал уже в 1902 г. в «Журнале Русского физико-химического общества». Вторую – в два раза больше, там же и тоже в соавторстве с Курнаковым в 1905 г. Говорят, одна ласточка погоды не делает. Это так. Но с другой стороны – нет правил без исключения. Веймарн – пример такого исключения во многих отношениях.

Во время учёбы в институте он был не просто студентом, но студентом-исследователем. Редчайшее явление, на которое обратили внимание, а обратив, отметили в 1905 г. специальной стипендией из благотворительного капитала имени заслуженного профессора химии генерал-майора Н.А. Иванова. Успех? Несомненный и его следовало развивать, но идя своим путём. Возможно, поэтому сотрудничество Веймарна и Курнакова не получило продолжения. Больше они не опубликовали ни одной совместной работы. Научные проблемы, которыми продолжил заниматься Курнаков и начал Веймарн – были различными, хотя Веймарн остался работать в лаборатории Курнакова.

Своим учителем Веймарн считал профессора Ивана Фёдоровича Шредера (1857 – 1918). На подаренном ему экземпляре своей книги «Основы дисперсоидологической теории истинных растворов», опубликованной в 1913 г., он написал: «Глубокоуважаемому и дорогому учителю Ивану Фёдоровичу Шредер в знак сердечной благодарности от автора». Шредер, в свою очередь, после окончания Горного института в 1884 г. начал научную работу по изучению растворов под руководством Д. И. Менделеева в лаборатории Петербургского университета.

Инициатором же фундаментальных исследований в области физической химии не только в Горном институте, но и в значительной мере в России был профессор Владимир Фёдорович Алексеев (1852 – 1919), о деятельности которого Курнаков сказал, что «все химики, вышедшие из лаборатории Горного института..., получили интерес к изучению обширной области растворов и сплавов благодаря Владимиру Фёдоровичу в этом направлении. Так, например, продолжением его трудов нужно считать замечательные исследования И. Ф. Шредера над растворимостью твёрдых тел». Результаты этих исследований советский историк физической химии Ю. И. Соловьёв в 1955 г. оценил, как не потерявшими «своего значения и до сих пор».

Вот в какую благотворную в научном отношении обстановку судьба поместила Веймарна, избравшего областью своих научных исследований коллоидную химию или, по его определению, дисперсоидологию.

Наука

Процесс познание мира, как известно, начинается с «живого созерцания» действительности, от которого затем происходит переход к «абстрактному мышлению» и завершается он практическим применением полученных знаний для потребностей человека.

Тысячелетиями человечество использовало растворы различных веществ растительного и животного происхождения с клееподобными свойствами, живо взирая на них: желатин, мёд, молоко, белок яиц, а также растворы золота в стекле, золь металлической ртути и многие другие. Они интересовали М. В. Ломоносова (1711 – 1765), которых разработал рецептуру получения цветных стёкол, М. Фарадея (1791 – 1867), И. Р. Глаубера (1604 – 1670), И. Я. Берцелиуса (1779 – 1848), Ф. Сельми, А. А. Мусина-Пушкина (1760 – 1805). Русским учёным принадлежит приоритет в исследовании многие явления происходящие в таких растворах: Т. Е. Ловиц (1757 – 1804) изучал явление адсорбции растворённый веществ углем, Ф. Ф. Рейс –

электроосмос и катафорез, Ю. А. Давидов и И. С. Громека (1851 – 1889) – капиллярные явления, А. И. Ходнев рассмотрел роль студенистых веществ в жизнедеятельности организмов.

Основоположником науки о «клееподобных веществах» является английский учёный Томас Грэм (1805 – 1869). В 1861 – 1864 гг. он выделил коллоиды в самостоятельную группу веществ, описал присущие им особенности, положив начало систематическому изучению коллоидов. Он предложил и термины коллоид, гель, коагуляция и другие. О работах Грэма очень высоко отзывался Менделеев. В различных изданиях своей книги «Основы химии» он писал: «... можно надеяться, что дальнейшее изучение растворимых коллоидных соединений ... внесёт новое освещение в сложный вопрос о растворах, составляющих одну из задач современной эпохи химических сведений», а «вопросы, связанные с полимеризацией и коллоидным состоянием вещества ... относятся к числу таких передовых, от решения которых много подвинется правильное понимание механизма множества химических реакций».

Важнейшей проблемой при изучении коллоидов была проблема природы, строения и размеров коллоидных частиц. Грэм и многие его последователи считали, что аморфность или отсутствие упорядоченного взаимного расположения этих частиц является характерной особенностью коллоидного вещества и отрицали кристаллическое строение коллоидных частиц. В начале XX века произошёл революционный переворот в представлениях о коллоидах. В 1902 г. Менделеев высказал предположение об универсальности их состояния: «... переход из жидкого раствора в состояние твёрдых веществ, т.е. новое образование твёрдого вещества начинается, по-видимому, всегда с коллоидного состояния, которое в остальных условиях превращается в нерастворимое кристаллическое». Это предположение через несколько лет получило экспериментальное обоснование в работах Веймарна.

Веймарн начал свои исследования с изучения реакции двойного обмена между солями и определения условий выделения различных веществ из растворов и установил, что в зависимости от этих условий все вещества можно получить в коллоидном состоянии. Ему удалось приготовить около 200 коллоидных растворов различных веществ, в том числе таких экзотических, как коллоидный лёд, коллоидный сахар, коллоидную серу различных цветов, коллоидный раствор

поваренной соли и другие, которые немецкий химик Вольфганг Оствальд (1883 – 1943), сын лауреата Нобелевской премии Вильгельма Оствальда, назвал коллоидно-химическими «деликатесами», поскольку уровень экспериментальных исследований, проводимых Веймарном был очень высок.

Лаборатория физической химии Горного института была оборудована самыми современными приборами, позволявшими проводить ультрамикроскопические исследования при высоких и низких температурах, изучать влияние центробежной, электрической и других сил на дисперсные системы. Веймарн был одним из первых русских учёных, начавших ультрамикроскопическое изучение коллоидов. Он и в Японии продолжил тонкие экспериментальные исследования, сконструировав агатовую шаровую мельницу, и получил с её помощью хорошие результаты при размалывании целлюлозы при температуре жидкого воздуха.

Какое значение имели результаты исследований Веймарна? Огромное и теоретико-методологическое и практическое. Его творчество – это пример закономерной связи, преемственности между различными поколениями учёных. Из догадок и предположений предшественников он выкристаллизовал закономерность, опровергнув господствовавшую более полувека догму Грэма о противопоставлении коллоидного состояния вещества кристаллоидному. Веймарн показал, что нет ни коллоидов, ни кристаллоидов как самостоятельных групп веществ, что коллоид представляет собой вещество высокой степени раздробленности (дисперсности) и что причиной для получения вещества в коллоидном состоянии является главным образом направление, которое принимает процесс кристаллизации, и частицы золь имеют не аморфное, а кристаллическое строение. Эти результаты позволили сделать процессы образования коллоидов управляемыми и целенаправленными, а, следовательно, их можно было реализовывать в виде технологий в промышленных масштабах.

«Великая заслуга создания плодотворной теории кристаллизационного процесса», как охарактеризовал её ученик Веймарна Янек, была сразу высоко оценена химиками, включившими её изложение в учебники. «Многие содействовали этой идеи, - писал английский химик В. Тейлор (), – но она только недавно доведена до своего логического завершения П. П. фон Веймарном, которому удалось

математически формулировать главные факторы, управляющие появлением вещества в коллоидном и кристаллоидном состоянии. Эти выводы он подтвердил в ряде тщательных экспериментальных исследований. Как результат этих исследований, мы не только имеем средства для классификации различных методов, употреблявшихся до сих пор для приготовления отдельных коллоидов, но мы можем указать в каждом данном случае необходимые изменения условий для получения веществ в коллоидном состоянии».

В 1918 г. итальянский химик Кассуто опубликовал в учебнике коллоидной химии веймарновские методы получения коллоидно-аморфных образований. В том же году Тейлор во второй части своего учебника рассмотрел классификацию различных методов приготовления коллоидных растворов, положив в её основу кристаллизационную теорию Веймарна.

Фундаментальное значение результатов, полученных Веймарном к 1910 г., не могло не привести его к некоторой естественной односторонности их интерпретации, к преувеличению роли кристаллизационных процессов, к полному отрицанию аморфного состояния вещества, к трактовке учения об аморфном состоянии вещества как к заблуждению. И в этом не было ничего удивительного. Результаты действительно были значимыми. В то время разграничение между аморфным и кристаллическим состояниями имело принципиальное значение. Это уже значительно позднее было показано, что вещество может находиться и в том, и в другом состояниях.

Вот как оценивал свои результаты Веймарн в 1913 г.: «После падения стен, которыми отделил основатель коллоидной химии Томас Грэм коллоидные вещества от кристаллизованной материи, учение о коллоидах развилось в течение семи лет в обширную науку о дисперсных (измельчённых) состояниях материи – дисперсоидологию. И пишущий эти строки, в продолжение упомянутых семи лет, по мере сил, неустанно старался расширить область приложения дисперсоидологии».

Ещё как старался! Недаром коллега Веймарна, организатор первой в России лаборатории коллоидной химии и будущий академик Академии Наук Украинской ССР А. В. Думанский (1880 – 1967) назвал его «ярким проводником учения о дисперсности у нас» в лучшем смысле этого слова.

Не перехваливал ли себя Веймарн? Не преувеличивал ли он свои научные заслуги? Нисколько. Он никогда не терял чувства меры при оценке своих работ. Поэтому все исследователи, занимавшиеся изучением истории развития химии в России и в СССР, давали высокую солидарную оценку деятельности Веймарна, начиная с академика П. И. Вальдена.

Павел Иванович Вальден (1863 – 1958) написал в 1914 г. «Очерк истории химии в России» как дополнение к русскому изданию книги профессора А. Ладенбурга «Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени». В этом очерке, который по объёму превосходит саму книгу, Вальден так охарактеризовал деятельность Веймарна: «Когда в начале XX века из общей химии выделилась «химия коллоидов», как специальный отдел, с собственным журналом, специальными учебниками и кафедрами, русские учёные своими теоретическими и экспериментальными работами способствовали ... (её) развитию. Назовём здесь С. Я. Левитеса (1868 – 1911), А. В. Думанского (с 1904) и П. П. фон Веймарна (с 1907). В особенности последний учёный зарекомендовал себя, как самостоятельный и смелый теоретик, плодотворный исследователь и писатель. Он первый формулировал (1906) положение, что каждое твёрдое кристаллическое или жидкое вещество может являться в коллоидном состоянии и ... каждый коллоид может быть превращён в кристалл ... Веймарн дал общие методы и способы превращения тел в дисперсное или коллоидное состояние в зависимости от природы растворителя ... и концентрации; он предложил новую номенклатуру ... и новую систематику агрегатных состояний и т. д.».

Ученик Веймарна Янек в 1918 г. в лирико-философской форме, пусть и тяжеловесной, выразил своё сдержанно-восторженное отношение к учителю, написав, что «когда нарождается новая научная дисциплина на почве уже известных фактов, но недостаточно оттенённых или неправильно истолкованных, то обычно с данной дисциплиной связаны имена нескольких учёных, правильно осветивших старые данные, открывших новые и проложивших жизненный путь молодой науке. При этом каждый из учёных определяет своими работами одну или несколько из многочисленных областей, в совокупности дающих одно целое.

Лишь в редких случаях зарождения какой-нибудь научной дисциплины знаменуется появлением на горизонте эволюции

человеческой мысли одной центральной фигуры, схватывающей лишённый кажущейся связи научный материал прежних поколений учёных, формирующий новый и создающий, на основании всего этого, теоретический фундамент, наличие которого является необходимым условием возможности существования данной дисциплины, со всеми её многочисленными отделами, как единого целого. Мало того, такой учёный интуитивно намечает целый ряд путей, ведущих не только в отдельные, лишённые, казалось бы, всякой связи, области зарождающейся науки, но и в соседние уже зрелые научные дисциплины; вследствие чего, с одной стороны, данные этих определившихся наук представляются в новом плодотворном свете, а с другой – устанавливается гармоничная связь между отдельными соответствующими науками.

Такова наука – дисперсоидология.

Такова центральная фигура П. П. Веймарна».

Оставшиеся в Советской России коллеги Веймарна внимательно следили за результатами его исследований, которые он публиковал главным образом в журнале «Kolloid-Zeitschrift» и делали развёрнутые ссылки на его работы, в особенности Антон Владимирович Думанский в своих монографиях и учебниках: «Дисперсность и коллоидное состояние вещества» (1932), «Учение о коллоидах, дисперсность и коллоидное состояние вещества» (1935), «Библиографический очерк развития отечественной коллоидной химии» (1952) и других.

В 1949 г. И. И. Жуков в монографии «Коллоидная химия», описывая историю решения проблемы природы коллоидов отметил, что она сопровождалась «оживлённой и длительной дискуссией». В результате возникло два направления, которые были оформлены в двух теориях коллоидных растворов – суспензионной и растворной. Согласно первой теории – коллоидный раствор – это суспензия мельчайших частиц. Вторая утверждала, что принципиальной разницы между коллоидом и истинным раствором нет... Существенный вклад в изменение этих представлений внёс П. П. Веймарн. Исходя из теоретических соображений и обобщая большой экспериментальный материал, он сформулировал ряд фундаментальных положений», развитие которых «привело к ещё более широким обобщениям, а именно к представлению о дисперсных истемах» и об

общих закономерностях, определяющих «условия получения вещества в дисперсном состоянии».

Сам Веймарн ещё в 1913 г. по поводу этих «дискуссий» провидчески заявил, что развиваемая им «теория окончательно примирит сторонников чисто физического и чисто химического толкования явления растворения, ибо в этой физико-химической теории уделяется постольку места физическим и химическим явлениям, поскольку они действительно участвуют в процессах истинного и дисперсионного растворения».

Большое, как известно, видится на расстоянии. В 1959 г. историк Ю.И. Соловьёв в очередной раз отдав должное таланту Веймарна, написал в книге «История учения о растворах», что «физико-химические представления о природе растворов развивались П. Веймарном», что он одним из первых отказался от одностороннего «увлечения физическими теориями растворов», сторонником которых был Во. Оствальд, придя к убеждению о том, что «раствор является весьма сложной системой, где переплетается целый ряд явлений».

Не одна страница посвящена анализу исследований Веймарна в статье Р. В. Гарковенко, опубликованной в 1963 г. в монографии «Очерки по истории химии».

А в 1967 г. академик Академии Наук СССР П.А. Ребиндер (1898 – 1972) в книге «Развитие физической химии в СССР» написал, что «всеобщность коллоидного состояния особенно ясно продемонстрировал П. П. Веймарн (1904 – 1911) ..., экспериментально установив условия перехода любого кристаллического тела в самом процессе его образования в предельно дисперсное состояние в соответствующей среде».

Доживи Веймарн до этого времени, он был бы обрадован такой оценкой его работы, выполненной более полувека тому назад.

На работы Веймарна, ставшие классическими, постоянно ссылались и зарубежные исследователи. Последнюю по времени такую ссылку я обнаружил в монографии М. Фольмера «Кинетика образования новой фазы», переведённой и изданной в СССР в 1986 г. Автор упоминает две работы Веймарна: «Grundzuge der Dispersoidchemie» и «Die Allgemeinheit d. Kolloidzustandes». Обе работы были опубликованы в Дрездене, первая в 1911, вторая – в 1925 г.

По мнению Веймарна, кристаллическое состояние представляло собою единственное внутреннее состояние вещества и коллоиды он

рассматривал как твёрдую кристаллическую фазу на субмикроскопической стадии формирования. В связи с этим он попытался изменить и предложенную Грэмом терминологию, заменив понятие «коллоид» понятием «дисперсоид», коллоидная химия – на дисперсоидология. Но эта тяжеловесная терминология не прижилась, хотя первое руководство по коллоидной химии в России, изданное в 1915 г. учеником Веймарна А. М. Янеком, и имевшее большое значение для её изучения, называлось «Краткий учебник дисперсоидологии».

В 1907 г. для студента Веймарна произошло два очень важных события. В Лейпциге Вольфгангом Оствальдом был основан специальный журнал по коллоидной химии «Zeitschrift für Chemie und Industrie der Kolloide», более известный под коротким названием «Kolloid-Zeitschrift». К этому времени Веймарном в «Журнале Русского Физико-Химического общества» было опубликовано четыре статьи, которые заинтересовали европейских «коллоидников», и редакция «Kolloid-Zeitschrift» пригласила его в число постоянных сотрудников этого международного журнала и, учитывая важность его работ, взяла на себя труд по их переводу в виду плохого знания Веймарном немецкого языка. Так Веймарн вышел в «свет» европейской химической науки. Только в 1907 г. журнал опубликовал четыре его работы, а кроме этого у Веймарна установились дружеские творческие связи с Оствальдом, которые продолжались до самой смерти Веймарна.

Второе событие было тоже значимым. С 20 по 30 декабря в Петербурге проходил I-й Менделеевский съезд, в работе шести отделений которого приняло участие 1008 человек. Среди 147 выступивших на нём был и Веймарн, прочитавший свой доклад на заседании биохимического отделения, о котором Иван Фёдорович Шредер сказал, что «работы фон Веймарна представляют не только значительный интерес для физиков и химиков, но и первостепенный для биологов, ибо вне коллоидов нет жизни, что и проявилось в энтузиазме, которым был встречен доклад фон Веймарна».

Сотрудничество с «KolloidZeitschrift» Веймарн использовал не только для того, чтобы знакомить коллоидно-химическую общественность мира с результатами своих исследований, но будучи патриотом, он стремился преодолеть малую известность русского языка в мире и рассказать о достижениях русской науки. Две свои статьи из четырёх, опубликованных в 1907 г., он посвятил именно

этому вопросу. Одна статья называлась: «Д. И. Менделеев и его взгляд на значение коллоидной химии», вторая – «Русские работы по коллоидной химии за 1889 – 1907 гг.».

Одним из поводов для ознакомления европейских учёных с достижениями их русских коллег, Веймарну, возможно, послужила драматическая ситуация с работами итальянского химика Франческо Сельми, который выполнил в 1845 – 1876 гг. важные экспериментальные исследования о физико-химической природе растворов вообще и коллоидных в частности. Но результаты своих исследований он публиковал в малоизвестном журнале. Поэтому они оказались почти неизвестными его современникам, в том числе, и Грэму и не сыграли никакой роли в развитии коллоидной химии. Сельми был «открыт» только в 1911 г. Веймарн не хотел такого запоздалого признания ни себе, ни другим русским учёным.

Веймарн и Во. Оствальд являются основоположниками коллоидной химии. Может быть, чуть преувеличенно, но в основном верно о роли обоих написал рецензент книги Веймарна «Основы дисперсоидологической теории истинных растворов»: «Автору настоящей книжки, профессору П. П. фон Веймарну и приват-доценту Лейпцигского университета Вольфгангу Оствальду, обязана, главным образом, дисперсионная химия своими успехами». Сотрудничая через журнал, они обогащали друг друга и способствовали развитию той науки, которой служили. Наиболее плодотворно это сказалось на решении двух фундаментальных проблем.

Высокодисперсный характер коллоидных систем, большое их разнообразие от истинных растворов до грубых взвесей, сложные и не всегда отчётливые связи между ними диктовали необходимость разработки их классификации и систематики. Решением этой непростой проблемы занимались изобретатель ультрамикроскопа и ультрафильтра будущий лауреат Нобелевской премии Р. А. Зигмонди (1865 – 1929), Во. Оствальд и другие. Зигмонди строил свою систематику дисперсных систем только по степени дисперсности, а Оствальд – по степени дисперсности и агрегатного состояния. Веймарн, исходя из общетеоретических соображений, считал, что этих двух принципов недостаточно, что «дисперсность и агрегатное состояние ещё не определяют однозначно дисперсных систем». И в связи с этим он опубликовал в 1908 г. в «Kolloid-Zeitschrift» статью «Модификация Оствальдовской систематики коллоидов».

Свет критики, говорил французский историк Ж. Фавр (), должен озарять, а не жечь. По такому принципу строились взаимоотношения Веймарна и Во. Оствальда, когда оба занимались проблемой природы коллоидов, при решении которой Веймарн показал преимущество диалектического подхода к их изучению в противовес одностороннему взгляду Оствальда.

Совместно они не написали ни одной статьи или книги. Поскольку были творческими индивидуалистами и их интеллектуальные потенциалы не нуждались в суперпозиции. Оствальд был немного младше Веймарна и относился к нему с большим уважением с первого момента их заочного знакомства, как к старшему коллеге. В 1911 г. он дал Веймарну блестящую характеристику, написав: «Действительно исключено, чтобы исследователь коллоидов, который хочет сотрудничать в расширении границ нашего современного познания коллоидов, беспрестанно не привлекал бы к разъяснению, сравнению и разбору поистине гениальные исследования русского учёного. Равным образом никто из интересующихся коллоидами не может сколь-нибудь полно ориентироваться в общих результатах нашей науки, если он не усвоил, по меньшей мере, главные результаты исследований П. П. Веймарна».

А в декабре 1918 г. во время чествования Веймарна в связи с десятилетием его профессорской деятельности, профессор Я. А. Шохат привёл ещё один пример благоговейного отношения Оствальда к Веймарну: «Мне пришлось видеть книгу того же профессора Оствальда, написанную им в окопах; враг держа в одной руке винтовку, другой пишет *«о блестящих исследованиях русского учёного Веймарна»* (курсив Шохата). Такова сила таланта, не знающая преград».

О каких окопах говорил Шохат? О самых настоящих. Во время первой мировой войны Оствальд был мобилизован и с 1914 по 1916 год воевал на Западном фронте в Шампни, дослужился до звания обер-лейтенанта, но по болезни был демобилизован. По-видимому, военная служба была не очень обременительной и опасной, если он смог «в окопах» писать книгу. Этой книгой была монография «Die Welt der vernachlässigten Dimensionen» («Мир пренебрежённых величин»). В России она не была переведена и издана. Но Веймарн написал на неё рецензию, в которой дал подробную характеристику и

книге и её автору, руководствуясь при этом истиной, а не принципом – кукушка хвали петуха за то, что хвалит он кукушку:

«Наследственная передача таланта научного творчества представляется явлением чрезвычайно редким. Но в лице Вольфганга Оствальда, старшем сыне знаменитого естествоиспытателя Вильгельма Оствальда, мы имеем несомненный пример такой наследственности, причём примером тем более интересным, что, при наследственной передаче, унаследованный талант научного творчества сохранил все основные характерные черты таланта наследователя.

Поэтому роль Вольфганга Оствальда в истории развития коллоидной химии ... совершенно подобна той роли, которую сыграл Вильгельм Оствальд в развитии физической химии.

Как в своё время Вильгельм Оствальд собрал всех работников мира в области ... физической химии вокруг издаваемого им журнала ... «Zeitschrift für physikalische Chemie», точно также поступил Вольфганг Оствальд в 1907 г., когда встал во главе издания «Zeitschrift für Chemie und Industrie der Kolloide».

Подобно тому, как Вильгельму Оствальду принадлежит первый полный учебник физической химии, совершенно также Вольфгангу Оствальду – первый полный учебник коллоидной химии».

Прервя цитату, добавлю, что в России оба учебника «Основы физической химии» и «Основы коллоидной химии» были изданы, соответственно, в 1911 и 1912 годах под редакцией Веймарна. Перевод второго учебника сделала его жена Надежда Николаевна. Кроме этого, под редакцией Веймарна были переведены и изданы такие работы Во. Оствальда, как «Важнейшие свойства коллоидного состояния материи» в 1910 г. и «Новейшие успехи коллоидной химии» в 1917 г.

«Пример Вольфганга Оствальда, – продолжал Веймарн, – ясно показывает, что дети выдающихся естествоиспытателей могут унаследовать талант отца, если они родятся в период времени, когда отцовский организм не истощён ещё научным творчеством и если последующим ... воспитанием и образованием унаследованный талант укрепляется и развивается ...

В заключение этой рецензии, не могу не отметить одного места из предисловия Вольфганга Оствальда ... (о том. – Авт.), что он не может перестать удивляться и цитировать выдающиеся работы

иностранных учёных только потому, что по своей национальности они принадлежат к враждующим с его родиной нациям».

Этим, по мнению Веймарна, Оствальд выражал мировую солидарность настоящих учёных, показывая с прекрасной стороны свой нравственный облик, тот облик, который был естественным и для Веймарна.

Предсказание Менделеева о колоссальном значении изучения коллоидных соединений для «правильного понимания механизма множества химических реакций», происходящих в природе, сбылось вполне и границы прикладной коллоидной химии стремительно раздвигались. Уже в начале XX века коллоидные системы стали изучаться не только химиками, физиками и биологами, но также почвоведом, гидрометеорологами и минералогами. Основателем в области коллоидно-дисперсной минералогии в России стал А. Е. Ферсман, начавший свои исследования в 1913 г., в Европе – Феликс Корну.

Корну, на которого исследования Веймарна оказали огромное влияние, швейцарец, родился 26 декабря 1882 г. в Праге в семье профессора римского права Юлиуса Корну, но воспитывался у деда по материнской линии. Дед и привил ему интерес к естествознанию, в особенности к минералогии, которая после окончания им Венского университета стала областью его профессиональной деятельности, настолько интенсивной, почти фанатичной, что он надорвал своё здоровье и скоропостижно скончался 23 сентября 1909 г., будучи к этому времени профессором Высшей Горной школы в Леобене. В 1923 г. мать Феликса, так и не смирившаяся с утратой сына, опубликовала о нём книгу.

Одним из открытий Корну стал коллоидный минерал, названный им в честь Веймарна – веймарнитом. Образец этого минерала, ставший своеобразным непредумышленным подарком Веймарну к окончанию института, Корну передал в 1908 г. в музей Горного института.

В России признание заслуг Веймарна произошло чуть раньше, чем за границей. В 1906 г. он был удостоен Русским химическим обществом премии основателя русской физико-химической школы академика Н. Н. Бекетова (1827 – 1911). В год окончания института ему, ещё студенту, присудили премию в 150 рублей имени профессора института К. И. Лисенко. В 1912 г. он получил сразу две

престижные премии за работу «К учению о состоянии материи». 27 декабря премией имени тайного советника Н. М. Ахматова его наградила Императорская Академия Наук. По поводу этой работы в годовом академическом отчёте было написано, что «Исследования Веймарна являются первыми в своём роде на русском языке. Отличаясь самостоятельностью и смелостью мысли и последовательностью практического приложения её, он ввёл в молодую науку химии коллоидов целый ряд новых понятий и оборотов и, пользуясь созданными им теориями, открыл ряд новых истин». А в начале декабря физико-математический факультет Императорского Московского университета оценил этот его труд премией имени В. И. Щукина.

Первою и единственною государственною награду – орден Св. Анны 3-й степени он получил в середине апреля 1913 г. приказом по горному ведомству. Её девиз – «Любящему правду, благочестие и верность», как нельзя более соответствовал менталитету Веймарна.

Среди русских учёных, работавших в области коллоидной химии в начале XX века, Веймарн был одним из самых плодовитых и цитируемых. Согласно библиографическому списку, составленному Думанским, русскими химиками-коллоидниками с 1901 по 1916 год было опубликовано 331 работа. Автором и соавтором 93-х был Веймарн. Особенно плодотворным для него стал 1910 год, когда он опубликовал 24 работы. Соавторами Веймарна были его ученики, которых он отнюдь не эксплуатировал, как это делают многие маститые учёные, особенно на закате творческой жизни. Из 93 работ только в пяти фигурирует его фамилия вместе с фамилиями учеников.

Но это не свидетельствовало и о том, что у Веймарна было мало учеников. Напротив, «... он создал вокруг себя школу талантливых учеников, развивающих с успехом идеи своего учителя. – Говорил профессор Шохат. – У русских учёных это встречается довольно редко, и это составляет один из серьёзных недостатков нашей высшей школы. За границей, в особенности в Германии, выработалась весьма совершенная «национальная» организация науки: вокруг каждого крупного научного авторитета группируется ряд молодых сил, улавливаются таланты, кипит научная работа. В России мы этого почти не видим. П. П. и здесь выделился. Многие из его учеников, работавшие под его руководством в Петрограде, перешли вместе со своим учителем в Екатеринбург, в Уральский Горный Институт, и здесь формируется кадр учёных и будущих профессоров».

К созданию научной школы Веймарна побудили не только его внутренние потребности – педагогический зуд, но и внешние обстоятельства – «молодая наука дисперсоидология». «... поистине испытываешь величайшую трагедию, – писал он, – несоответствия сил и времени у единичного исследователя с многочисленностью проблем, которые дисперсоидология даёт возможность разрешать с исчерпывающей полнотой.

И приходится сожалеть, что у исследователя только две руки для экспериментирования, что сутки имеют только 24 часа и жизнь коротка.

Но там, где не хватает сил единичного исследователя, там хватит совокупности сил коллектива исследователей.

Этот коллектив молодых энергичных работников науки должен дать и Уральский Горный Институт, и я убеждён, что он их даст».

Самобытность Веймарна была присуща всему, чем бы он не занимался. В частности, его метода работы, который так оценивал один из его учеников Янек: «Чрезвычайно характерно для творчества и метода работы Петра Петровича сочетание в его природе двух начал – славянского и западно-европейского... Характерные славянские особенности – смелость в схватывании проблемы и широта творчества, наряду с отсутствием упорства в разработке проблемы. Эти особенности, будучи смешанными с типичными немецкими – упорством и строгой последовательностью разработки материала – дают в результате всесторонний плод творчества.

Что же касается метода работы Петра Петровича, то я, сам, будучи одним из учеников Петра Петровича, хочу особенно подчеркнуть ту удивительную настойчивость, последовательность и отвагу, с которой Петр Петрович ставит опыт и ту систематичность и логичность мышления при толковании результатов опыта, при создании теории».

Создавая научную школу, Веймарн сознавал, что без «отцов и детей» не возможна преемственность поколений, которая служит основой для развития и прогресса, особенно, если речь идёт о новой науке.

Сознавал он и другое – сколь иссушающее пагубен научный фанатизм. Поэтому ему была присуща широта мысли и многосторонность творчества. Он вёл исследования не только в области коллоидной химии, но разрабатывал новую теорию растворов, изучал

соотношения между металлическим и металлоидным состояниями, занимался вопросами о критической точке «жидкость-твёрдое тело», валентности, периодической системы и другими.

Благодаря гениальной интуиции «Пётр Петрович, – по словам Янека, – в некоторых своих работах мог только дать пророческое предвосхищение теоретического направления мышления ... и пройдут многие десятилетия упорной научной работы, прежде чем ... смелые очертания теоретических сторон, которые столь метко набросаны мыслью Петра Петровича, будут исчерпывающе разработаны последующими поколениями учёных».

Результаты своих теоретических и экспериментальных исследований он доводил до изобретений – технологий. 30 июня 1914 г., например, за две недели до вступления России в войну с Германией он получил германский патент на общий способ превращения клетчатки в пластически-студенистое и коллоидно-растворённое состояние.

Свой первый учебный 1908 – 1909 год в alma mater Веймарн начал с чтения пробных лекций. Таков был тогда порядок, хотя сомнения в его профессионально-педагогической квалификации вряд ли у кого-нибудь были. И, тем не менее, сначала по предложению Совета института он прочитал лекцию: «О скоростях химических реакций», а затем по своему выбору – лекцию: «Переход тел из твёрдого состояния в жидкое». Потом на заседании Совета он защитил диссертацию: «О влиянии концентрации на вид и строение осадков» и только после таких испытаний занял должность адъюнкта по кафедре физической химии.

Его педагогическая карьера, если правомерно употребить это слово к деятельности людей подобных Веймарну, который не стремился к занятию должностей, была такой же успешной, как и научная. С 1910 г. он в качестве приват-доцента стал впервые в России читать курс «Дисперсоидологии» в Петербургском университете. Думанский, начавший это делать в 1912 г. в Киевском университете, почему-то самонадеянно присвоил себе этот приоритет. В 1911 г. он был избран экстраординарным профессором за исследование, удостоенное премий Ахматова и Щукина. В Горном институте он читал лекции по физической химии для студентов «заводского разряда» и проводил практические занятия со своими ассистентами-учениками: И. Б. Коганом, А. Л. Штейном и А. В. Алек-

сандровым. К 1915 г. Веймарн был уже ординарным профессором и действительным статским советником, а в девятом томе «Нового энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона о нём была помещена статья с перечнем его заслуг и библиографическим списком важнейших работ, опубликованных в Германии. Он стал классиком.

Изучая жизнь и деятельность Веймарна, следует признать его утверждение о том, что пик творческой активности учёного приходится на промежуток от 20 до 35 лет, но чаще всего от 25 до 28 лет, пожалуй, верно. Два фундаментальных положения коллоидной химии о том, что коллоидное состояние есть общее состояние вещества и что кристаллическое состояние есть единственное внутреннее состояние вещества, им были установлены, соответственно, в 1905 и в 1907 годах, когда ему было 26 и 28 лет. После этих открытий он работал ещё очень много и плодотворно, но выдающихся, фундаментальных результатов уже не получил.

Возможно, это и стало одной из причин, заставивших его осенью 1915 г. принять после долгих и мучительных раздумий, предложение городского головы Екатеринбургa А. Е. Обухова и дать ему согласие стать председателем Строительной комиссии и ректором Уральского горного института. Уверовав в истинность своей энергетической теории творчества, в то, что максимум его креативной деятельности им уже пройден, он и сделал осознанно этот шаг – шаг-жертву. В 1919 г. в статье «Новый мир химических соединений» он написал, что «с 1917 года моя научная деятельность была приостановлена, потому что, начиная с этого времени, Уральский Горный Институт стал поглощать всю мою энергию». Но фактически это началось раньше. Уже в 1916 г. он опубликовал только две работы.

Веймарн, несомненно, пережил тяжёлую драму, причиной которой он был сам и его теоретизирования об энергетической природе творческой деятельности. Будучи максималистом, он стал заложником собственной идеи. Уехав на Урал, он полагал, что создав Горный институт, сумеет, руководя работой учеников, получить значительные результаты мирового уровня, компенсировав, таким образом, спад своей креативности.

В течение десятилетия с 1905 по 1915 год его творческий потенциал достиг высочайшего уровня. Казалось, что он неисчерпаем:

интенсивная научно-исследовательская работа, руководство учениками, публикация статей, редактирование переводов книг и статей, преподавание в институте и в университете, разработка основ рациональной системы образования. И всё ему блестяще удавалось.

В эти годы проявился ещё один его дар. Дар организационно-административный. В 1913 г. Совет института избрал Веймарна инспектором по студенческим делам. Министр торговли и промышленности С. И. Тимашев утвердил его сначала в должности исполняющего обязанности, а потом - инспектором. По современной вузовской номенклатуре эта должность соответствует проректору по учебной работе. На дипломах об окончании Горного института инспектор по студенческим делам расписывался после директора института. Результатом деятельности Веймарна в качестве инспектора стали, составленные им «Правила прохождения курса в Горном институте Императрицы Екатерины II». Чуть позже Веймарн был назначен Советом членом хозяйственного комитета института вместе с другим инспектором – будущим академиком АН СССР, Героем Социалистического Труда, специалистом в области рудничной аэрологии и техники безопасности А. А. Скочинским (1874 – 1960). Останься Веймарн в России, вероятно, и он бы мог стать академиком, при условии, если бы ему повезло и он бы избежал репрессий.

Вот в такую форму, в такие свойства и качества в седьмом поколении трансформировалась генетика рода Веймарн. Тайнство целенаправленного (или случайного?) отбора лучших достоинств представителей рода природа выкристаллизовала в удивительное их сочетание, давшее выдающегося человека: гениального учёного, талантливого педагога-новатора, организатора и создателя первого уральского высшего учебного заведения – Уральского горного института.

ЛИХОРАДКА БУДЕН

Кто или что заставило Веймарна задержаться в Петрограде и приехать в Екатеринбург только 1 ноября, несмотря на то, что там его ждали с огромным нетерпением. Именно поэтому, что ждали с нетерпением, он и задержался, потому что не хотел потерять строительный сезон 1916 г. и занялся поисками архитекторов, которые «могли бы в краткий срок, какой оставался до весны 1916 г., исполнить детальный проект столь сложного сооружения, каким является здание современной Высшей Школы».

«В лице архитектора-художника А. А. Бернардацци и его брата архитектора – строителя ... мне удалось, – вспоминал Веймарн, – найти тех энергичных людей, которые взялись выполнить и блестяще выполнили детальный проект в указанный короткий срок, хотя почти все кругом утверждали, что это невысказано и что строительный сезон будет неминуемо потерян.

По данным мною заданиям площадей различных помещений ... меньше чем в 2 месяца, организовав мастерскую из молодых талантливых сотрудников, по большей части из студентов последних курсов Академии Художеств ... Бернардацци выполнили эскизный проект ... и подготовили всё необходимое, в случае его утверждения, для быстрого выполнения детального проекта».

Одновременно, в эти же два месяца Веймарн составил планы устройства ряда лабораторий. В детальной разработке планов лабораторий по естественным наукам ему помогал Барабошкин. Вместе с ним и с профессором Варшавского политехникума В. А. Ванюковым были разработаны планы металлургических и обогатительных лабораторий, а горный инженер А. И. Кенк, откомандированный в распоряжение Веймарна, занимался планированием механических лабораторий. Так что месяцы ожидания для екатеринбуржцев, для Веймарна стали временем очень напряжённой и плодотворной работы.

А братьев Бернардацци ему, кажется, послало само providение. Они представляли третье поколение известной в России семьи архитекторов. Дед братьев Иосиф Карлович (1788 – 1840) и его брат Иоганн (1782 – 1842) – уроженцы местечка Памбио в Швейцарии переселились в Россию в 1820 г. Оба участвовали в строительстве Исаакиевского собора и перестройке Аничкова

дворца. Но самостоятельно проявили свой талант как авторы оригинальных проектов застройки Пятигорска и Кисловодска, приглашенные для этого в 1822 г. командующим Кавказским корпусом генералом А. П. Ермоловым (1777 – 1861). Делали они это в течение 20 лет и делали отменно. Планировкой и застройкой обоих городов восхищался А. С. Пушкин, с которым они встречались в 1829 г. Похоронены братья на старом пятигорском кладбище.

Сын Иосифа Карловича Александр Осипович (1830 – 1907) был главным архитектором Кишинёва и Одессы. У него было пять сыновей, двое из которых Александр и Евгений тоже стали архитекторами.

Александр, вероисповедания евангелически-лютеранского, родился 2 мая 1871 г. Учился в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств и «за отличные познания в искусстве и науках, доказанные им во время пребывания в архитектурном отделении училища, удостоен, определением названной академии 7 мая 1903 г., звания художника – архитектора, с присвоением права на чин X класса при поступлении на государственную службу и с предоставлением права производить постройки». В конце июля 1911 г. он был приглашен на службу архитектором департамента народного просвещения, как «лицо лично известное г-ну министру народного просвещения своими выдающимися познаниями и способностями..., а также высокими нравственными качествами».

Самым значительным его творением стал знаменитый «Дом сказка», построенный в Петербурге в 1910 г. и разрушенный, к сожалению, во время блокады Ленинграда в 1942 г. В 1913 г. Александр Александрович победил в конкурсе на реконструкцию здания Министерства народного просвещения и строительство нового здания VI-й гимназии. Это были не единственные проекты, которыми он занимался. В 1912 г. он вместе с братом Евгением перестроил здание Екатеринославского высшего горного училища в связи с преобразованием его в Горный институт. Так что братья, взявшись за разработку проекта здания Горного института в Екатеринбурге, уже имели опыт «сооружений зданий современной Высшей Школы».

В середине июня 1917 г. Бернардацци обратился с прошением к председателю Строительной комиссии Министерства просвещения о предоставлении ему «ввиду желательности периодических наездов в Пермь, для оказания технической помощи по сооружению Пермского университета ... и возможности совместить наезды с осуществлением технического надзора по постройке Горного института в Екатеринбурге ... командировки без сохранения содержания на срок до 4-х месяцев».

Окончание командировки произошло накануне Октябрьской революции, которая помешала его возвращению в Петроград и он, как и многие в то время, стал беженцем. В 1921 г. он оказался в Харбине, где преподавал в художественной студии «Лотос» вместе с бывшим директором Екатеринбургского художественного училища В. М. Анастасьевым. Там он читал лекции по истории искусства. Как сложилась его жизнь потом, неизвестно. Евгений Александрович был моложе брата на двенадцать лет. Известен он как один из авторов монумента Стефану Великому в Кишинёве. Умер он предположительно после 1927 г., но где и при каких обстоятельствах, тоже неизвестно.

Что же из себя представлял проект Горного института, разработанный Бернардацци? Веймарн рассказал о нём сотруднику газеты «Зауральский край» 2 ноября, рассказал очень подробно, чтобы уральцы могли представить и оценить масштаб и значительность будущего сооружения. Ни в Екатеринбурге, ни на Урале таковых ещё не создавали.

В начале беседы он сказал, что назначение на пост ректора было для него неожиданным, учитывая то громадное значение, которое будет иметь институт не только для Урала, но и для России; что назначен он пока временно, а его задержка с приездом в Екатеринбург была обусловлена причинами, связанными с задержкой в утверждении Строительной комиссии. По мнению Веймарна, выбор Екатеринбурга в качестве места для Горного института очень удачен и потому институт должен быть образцовым. За это он ручается.

Проект институтского здания был разработан, согласно заданий на основе закона о Горном институте и дополнений самого Веймарна, полезной площадью 3410 кв. сажен (15345 кв. м) при высоте потолков не менее 3 сажен (6,5 м). Здание в плане

представляло половину дуги окружности, концы которой по диаметру соединял главный корпус. Его центральную часть украшал восьми колонный портик и громадная лестница, ведущая на второй этаж в конференц-зал. В лестнице были предусмотрены три входа, через которые можно было пройти в помещения нижнего этажа. Над центральным входом планировалось поставить статую бога подземного царства Вулкана-Плутона. В главном корпусе, кроме конференц-зал, должны были быть размещены все аудитории, чертёжная, канцелярия, кабинет ректора, «кабинеты второстепенных предметов», ботанический, гигиены и т. д. В левом крыле здания, идущим по окружности за главным корпусом, планировалось расположить горнозаводскую лабораторию, а в правом – химическую. Отдельно во дворе намечено было построить здания для механического павильона и дом для служащих. Во всех зданиях была предусмотрена экономичная и удобная коридорная система, освещение и отопление.

Стоимость постройки была оценена в 1565190 рублей. Общая же стоимость всего института с необходимым оборудованием, собственной электростанцией и газовым заводом составляла 2940000 рублей. Пока, сказал ректор, ассигнований от казны нет и строительство начнётся на средства, ассигнованные местными общественными организациями. Сколько продлится строительство? Не менее четырёх строительных сезонов; в первые два – будет построено главное здание для первого курса, чтобы начать занятия осенью 1917 г. в составе двух отделений: разведочно-рудничного и заводского. Вопрос об открытии лесного отделения пока не рассматривается «до разрешения вопроса об открытии сельскохозяйственного института в Перми».

Веймарн был против открытия института во временных помещениях. Вопрос же о допуске в него выпускников Уральского горного училища он решил «в положительном смысле». На вопрос сотрудника газеты, когда начнутся работы, он ответил, тогда, когда в состав Строительной комиссии будет введён представитель Государственного Контроля.

Слова Веймарна о том, что Екатеринбургский горный институт будет иметь громадное значение не только для Урала, но и для России, были не лукавством. В воскресенье 22 ноября в приложении к газете «Русское Слово» – иллюстрированном

художественно-литературном журнале с карикатурами – «Искре» была опубликована заметка «Екатеринбургский горный институт» с рисунком фасада его главного здания. Так об уральском вузе узнала вся страна.

В Екатеринбурге с приездом Веймарна началась интенсивнейшая работа. Члены Строительной комиссии погрузились «в сплошную лихорадку буден». 4 ноября ректор и его коллеги ещё раз осмотрели место, где должно было строиться здание института и он предложил думе и земствам принять меры к реализации обещанных ими сумм в размере 1105 тысяч рублей. Министерство торговли своё слово уже сдержало и перечислило на расходы по институту на конец 1915 г. 97500 рублей. Но этого было мало. И Веймарн обратился к председателю Губернской земской управы с просьбой срочно внести в смету Министерства торговли 500 тысяч рублей на 1916 г. поскольку государственная роспись уже находится на рассмотрении в бюджетной комиссии Государственной Думы. Председатель без проволочек ответил, что управа может немедленно внести в депозит Министерства около 340 тысяч процентными бумагами и 38 тысяч наличными деньгами. «Вопрос об остальных деньгах будет рассмотрен» позже. Уже неплохо.

С такой же просьбой он обратился и к Обухову, написав, что «Работа по сооружению ... Института ... находится в таком состоянии, что вполне можно надеяться приступить к постройке здания в ближайший строительный сезон и открыть занятия ... осенью 1917 г.». Но для этого необходимо иметь около одного миллиона рублей, а в смету Министерства на 1916 г. внесено только 97500 рублей. «Было бы нежелательным ... затягивать создание Горного Института и потому я позволяю себе обратиться к Вам, Милостливый Государь, с покорнейшей просьбой сделать все зависящее ... дабы пожертвованные ... деньги ... были внесены в смету Министерства ... Моя просьба имеет весьма спешный характер ...».

Городская управа 18 ноября рассмотрела вопрос о порядке и способе реализации займа в 300 тысяч рублей, о котором просил Веймарн. Кредитив на эти деньги управа уже получила от думы. Трудность состояла в том, где эти деньги взять. В конце-концов их

нашли к концу года. Как нашла и уездная земская управа, перечислив в начале декабря 200 тысяч в депозит Министерства.

Бернардацци приехали в Екатеринбург 17 ноября. Вместе с Веймарном и членами Строительной комиссии они осмотрели место постройки и пришли к выводу, что его следует перенести на 350 сажен дальше от полотна Омской железной дороги. Иначе из города будет видна только крыша институтского здания. С ними согласились и через два дня была произведена новая планировка участка в четыре квартала величиной на новом месте у «Сухой речки» тоже на продолжении Главного проспекта.

Второе заседание Строительной комиссии состоялось 18 ноября почти в полном составе. Веймарн представил её членам братьев Бернардацци и сказал, что они утверждены Министерством архитекторами по постройке. Программа заседания была обширной: члены комиссии обсудили и утвердили место постройки, контракт с Бернардацци, проект «правил счетоводства и отчетности по материальной части» института, проект строительной конторы, составленный архитекторами, правила по доставке и хранению строительных материалов и смету на них; постановили сделать первый этаж здания бетонным, второй – кирпичным с железобетонными перекрытиями; выяснили, что необходимые для кладки стен 5 миллионов штук кирпича у местных владельцев кирпичных заводов были; нехватку квалифицированных строительных рабочих решили восполнить военнопленными; обратились за помощью к Совету съездов горнопромышленников о выделении на льготных условиях листового и круглого железа и эфеля.

Согласно контракту, с которым Бернардацци уехали в Петроград 18 ноября, «работы по выполнению всего сооружения могут быть закончены вчерне в строительный сезон 1916 г., в окончательной отделке к середине строительного сезона 1918 г. при условии отсутствия задержек в доставке материалов, достаточной наличности рабочих рук ... и возможности приступить к выемке котлованов и рвов не позже 1 мая 1916 г.», т.е., когда оттает грунт. Вознаграждение архитекторов за эскиз, проект, смету и рабочие чертежи было определено в 2,65 % от сметной суммы, а вознаграждение за наблюдение и ревизию строительных работ – в размере 1,35 % от действительной сметной стоимости сооружения.

Веймарн торопился в Петроград, чтобы утвердить в Министерстве контракт с архитекторами. Поэтому проводил заседания Строительной комиссии каждые три дня, чтобы в его отсутствие работа не останавливалась. Субботний день 21 ноября был посвящён вопросу своевременной заготовке строительных материалов в течение зимы. Её предполагалось вести хозяйственным способом и в связи с этим Веймарн считал необходимым ходатайствовать в Министерстве о разрешении внести в свой депозит председателя 200 тысяч рублей для расчётов с подрядчиками и рабочими. Кроме этого, необходимо было разрешение Министерства на предоставление председателю права передачи своих полномочий кому-либо из членов комиссии на время его отъезда из Екатеринбурга. Заглядывая вперед, Веймарн уже думал о будущих профессорах и служащих. Где они будут жить? Комиссия решила, что для их расквартирования нужно строить дом рядом с институтом. Значит надо просить думу об отводе дополнительного участка земли.

Через три дня во вторник члены комиссии обсудили цены на строительные материалы, заготовку которых решили начать не позднее декабря, как только в депозит председателя поступят деньги. Приёмку материалов поручили Беленкову и Питерских, дав им в заместители Круковского и Фадеева; определились с окладами жалованья двух десятников и порядком сдачи подрядов на доставку материалов, для оценки качества которых их образцы постановили отправлять в петроградскую лабораторию. На этом же заседании Веймарн сообщил, что Пермская казенная палата назначила в комиссию представителем Государственного Контроля младшего контролера Суворова. Теперь не было ни каких препятствия для начала работы. Да она, собственно говоря, уже шла и сторонний наблюдатель с удовлетворением отметил: «Работа комиссии идёт дружно и все постановления выносятся единогласно. При таком отношении к делу можно надеяться закончить постройку ... к зиме 1917 г.».

Веймарн уехал в Петроград 26 ноября в четверг, обещав вернуться 17 декабря. Потому, что именно по четвергам через Екатеринбург проходил курьерский поезд № 1 Владивосток-Петроград, в котором были вагоны I и II классов. Из Екатеринбурга поезд отправлялся в 7 часов 33 минуты вечера и

прибывал в столицу в субботу. Для Веймарна он был очень удобен. Приезжая домой в субботу, Пётр Петрович в воскресенье мог отдохнуть перед многотрудными хождениями по министерским кабинетам. С 1916 г. ему для командировок из средств казны стали ежегодно выплачивать три тысячи рублей.

В его отсутствие в городе проездом из Шадринска в Пермь был губернатор М. А. Лозина-Лозинский. Поинтересовавшись, как идут дела по Горному институту, он обещал возбудить ходатайство перед Министерством торговли о том, чтобы в смету института было внесено полмиллиона рублей, ассигнованных городским и земским самоуправлением.

Механизм Строительной комиссии был отлажен Веймарном и работал как швейцарских хронометр. 4 декабря состоялось её заседание под председательством Магницкого, которого Министерство утвердило заместителем Веймарна. К этому заседания он прислал телеграмму, сообщая, что все постановления и сметы Строительной комиссии Министерство утвердило и надо немедленно внести все пожертвований в депозит Министерства и прислать квитанции казначейства в учебный отдел. Если бы это можно было легко и быстро сделать. Легче было договориться с управлениями Пермской и Омской железных дорог о строительстве железнодорожной ветки к месту постройки здания института, ведь ожидалось получение около 6 миллионов пудов различных грузов. На чём их возить от железнодорожных станций? Не гужевым же транспортом.

Веймарн вернулся не 17, как обещал, а 18 декабря и в этот же день устроил заседание комиссии, на котором выступил, приехавший днём раньше Е. А. Бернардацци. Он представил генеральный план застройки институтской территории и план постройки строительной конторы и сразу же уехал, оставив вместо себя художника-архитектора Оржешко, которого в связи с отъездом в Петроград в январе 1916 г. сменил инженер-архитектор Н. Ю. Норд.

Второй план утвердили, а по поводу первого плана решили, что в настоящем виде территория, отведённая под институт мала и надо просить думу об отводе ещё около 24 десятин земли. Как новогодний подарок все восприняли перечисление Министерством в депозит председателя комиссии 12 тысяч рублей на содержание

канцелярии и личного состава института. Теперь можно было платить не только оклады жалованья, но и аренду за помещение, снятое для канцелярии в доме кондитерского фабриканта Х. П. Полякова на Покровском проспекте. Штат канцелярии пока был не большой: делопроизводитель, бухгалтер, смотритель по материальной части и машинистка.

В канцелярию уже стали присылать запросы по поводу поступления в институт, просьбы выслать учебные программы, проспекты, условия приема. Всем просителям отвечали одинаково: раньше осени 1917 г. приема не будет.

В 20-х числах декабря институтская строительная площадка ожила: рабочие на ней начали корчевать лес и складывать в стопы первые 200 тысяч штук кирпича. Рост цен на вся и всё заставил Строительную комиссию обратиться в Уральское горное правление с просьбой возить лес, щебень и песок из Березовской и Монетной дачь без оплаты попенного сбора, а через Министерство торговли – к военному министру, чтобы он разрешил на льготных условиях использовать военнопленных на строительных работах.

Страницы истории Горного института, на которых она была написана в последний день 1915 г. и в первый день 1916 г., ничем не отличались, как будто бы это были страницы одного листа. Новый год в Екатеринбурге встретили без Веймарна. Он ещё 22 декабря уехал домой. Первым напоминанием екатеринбуржцам о Горном институте стал рисунок фасада его главного корпуса, помещенный на третьей полосе газеты «Зауральский край», да комментарий члена управы П. П. Вязельщикова к проекту сети городских трамвайных путей. Их предполагалось построить три линии; вторая, протяжённостью 3,5 версты, должна была идти от Горного института, обвивая его здание кольцом, по Главному проспекту до Государственного Банка.

Первое в новом году заседание Строительной комиссии состоялось 4 января под председательством Магницкого. Николай Флегонтович сообщил о том, что сделано на стройплощадке: топографами проведена планировка и разбивка местности, подвозится кирпич и другие материалы, заканчивается постройка караульной избы, земляные работы начнутся в марте, а закладка фундамента в апреле. Не рано ли? К этому времени земля ещё не оттаёт. На вопрос, а кто будет рыть и траншеи? Он ответил:

военнопленные. Им эта работа привычна. Веймарн в столице занимался «пробиванием» вопроса об их получении. В марте-апреле из Казанского и Омского военных округов ожидалось прибытие 300 землекопов, 300 каменщиков, 600-700 чернорабочих и 100-150 человек других специальностей. К их приезду в марте необходимо было построить два теплых барака на 300 человек каждый и в апреле летний – на 700 человек.

Война напоминала о себе и военнопленными и оскудением жизни. В январе в Екатеринбурге ввели ограничение на продажу сухих дрожжей – не более четверти фунта; 10 января почти не было в продаже мяса и некоторые мясные лавки не открылись. На попечение местного отдела по устройству беженцев уже числилось около 3 тысяч человек и они всё прибывали и прибывали. Даже маленькие радости жизни были окрашены в цвет хаки: в городской управе была устроена лотерея в пользу пострадавших от военных бедствий – розыгрыш фарфорового медальона, пожалованного Е. И. В. Великой Княжной Татьяной Николаевной. Счастливым стал гимназист VII класса Борис Нечаев.

Дела и болезнь задержали Веймарна в Петрограде почти на месяц, а надо было обсуждать важные вопросы о финансировании стройки и об отводе городской думой участка земли под институт. Поэтому Магницкий до приезда Веймарна занимался решением менее существенных задач: ходатайством в управление Омской железной дороги о строительстве двух подъездных веток к карьере, где будет производиться заготовка камня для строительства институтского здания.

Веймарн вернулся 21 января. Работа Строительной комиссии под его председательством началась с обращения в Губернскую земскую управу немедленно внести в депозит Министерства 500 тысяч рублей, чтобы «возможно шире использовать строительный сезон 1916 г.». Председатель управы обещал это сделать ещё в минувшем году. Но не сделал. После напоминания управа определила внести в казначейство около 400 тысяч. Остальные деньги – позже.

Благодаря энергии городского головы, председателя биржевого комитета и других членов Строительной комиссии «деньги, – по воспоминаниям Веймарна, – были собраны меньше чем в месяц и немедленно было приступлено к заготовке

строительных материалов» и решению других вопросов. В конце января состоялась приёмка кирпича, которого привезли на место стройки около полутора миллионов штук, сорок тысяч из них забраковали; в газете дали объявление для поставщиков бутового камня, щебня шарташского песка и для подрядчиков – на вырубку леса. Строительный сезон нельзя было упустить. И работа закипела.

В думу на рассмотрение и утверждение был внесен генеральный план участка площадью в 24 десятины. На нём по замыслу архитекторов вокруг здания института предполагалось разбить парк и устроить прудом перед его главным корпусом. В связи с генеральным планом Строительной комиссии пришлось возбудить несколько ходатайств. Первое – перед военным ведомством о необходимости устройства в Екатеринбурге лагеря для военнопленных на 6-8 тысяч человек ввиду большого объёма строительных и земляных работ. Городская управа поддержала его, но предложила ограничиться 4-6 тысячами. Второе – перед Министерством торговли о разрешении построить дом для преподавателей и обслуживающего персонала на средства, заимствованные у «местных капиталистов». Министерство не возражало и Строительная комиссия приступила к осуществлению этого плана, организовав работы по разведочному бурению для определения качества грунтов и под здание института и под преподавательский дом.

Дума почти во всём шла навстречу ходатайствам, просьбам и пожеланиям Веймарна и Строительной комиссии. 9 февраля она рассмотрела вопрос «об отводе городских земельных участков в собственность института». Обухов, предваряя его обсуждение, сказал, что одновременно с вопросом об отводе земли, придётся хлопотать об изменении Высочайше утверждённого плана Екатеринбурга в связи с новыми сооружениями. Гласные пошли даже на это и 30-ю голосами против одного решили уступить землю институту бесплатно, оговорив, что лес, вырубленный на участке под зданием института, идет в пользу города, а лес на территории будущего парка может использовать институт по своему разумению.

Как будто бы дорога к успешному началу строительного сезона расчищена? Как бы, не так. Для того, чтобы начать строительство нужен был подрядчик. «Что явилось делом весьма

нелегким, – вспоминал Веймарн, – если принять во внимание начавшееся, вследствие войны, поднятие цен, прогрессивное уменьшение числа рабочих рук и весьма низкую цену за куб (кубическая сажень, равная 9,67 куб. м – Авт.) постройки, установленную Министерством торговли. Местные подрядчики заявили цены, настолько превышающие установленные Министерством, что от них пришлось отказаться».

Что же делать? Положение казалось безвыходным. И «только благодаря архитекторам... Бернардацци, был найден, наконец, подрядчик, итальянец, по профессии скульптор, Я. Я. Эспозито, который после долгих и томительных уговариваний об уступках, подписал договор ... по цене, на которую могло согласиться Министерство».

Веймарн писал воспоминания в 1920 г., за давностью лет, вероятно, запаматовал, что был ещё один подрядчик, некто Бари. Первоначально в конце апреля подряд был сдан именно ему и Бари предложил заложить фундаменты институтских зданий без щебня. Поэтому городская управа приостановила его производство, а пленные, занятые этой работой, были отправлены на возку камня для мощения Александровского проспекта (ныне улица Декабристов).

Веймарн приехал в Екатеринбург 6 мая вместе с братьями Бернардацци и обоими подрядчиками, между которыми состоялся конкурс. Его выиграл итальянец, предложив за «куб» на 40 рублей меньше, чем Бари. После конкурса 23 мая Веймарн и подписал с Эспозито договор на постройку здания института с условием, что подрядчик закончит строительство с полной отделкой к 1 сентября 1917 г. Если же он нарушит условие договора, то заплатит неустойку в 50 тысяч рублей. И они ударили по рукам.

Пока Веймарн искал в столице подрядчика, в Екатеринбурге шла плановая работа к началу строительного сезона. Единственная трудность в ней возникла только в начале апреля, когда выяснилось, что в отведённом городом карьере камень не качественный. Строительная комиссия нашла залежь подходящего камня в десяти сажнях от Шарташских Каменных Палаток, предложив думе заложить карьер именно здесь. Но против этого возразило УОЛЕ, по ходатайству которого ещё в 1896 г. дума постановила признать Палатки научно-геологической ценностью и с целью сохранения

запретила ломку камня на расстоянии не менее 75 сажен от них. Члены Строительной комиссии заявили, что в другом месте подходящего камня для ломки нет, а его ломка вблизи Палаток должна начаться немедленно, иначе строительство Горного института задержится, чего допустить никак нельзя. Как быть?

Для разрешения коллизии дума избрала специальную комиссию во главе со своим гласным, геологом Уральского горного управления Кандыкиным. К началу мая вопрос этот был разрешён. Дума отвела для нужд Строительной комиссии новый участок для заложения карьера и недалеко, всего в 120 саженях от Каменных Палаток сразу же за Шарташским железнодорожным разъездом.

«Поднятие цен», о котором вспоминал Веймарн, стало и для него и для членов Строительной комиссии надолго плохо переносимой головной болью. За два года войны цены на продукты питания и предметы первой необходимости поднялись от 40 до 100 % и даже выше. «Я не буду останавливаться на целом ряде затруднений, – вспоминал он в 1920 г., – которые пришлось преодолеть ... вследствие прогрессивно возрастающих цен, неисправности поставщиков материалов, необходимости хлопотать в Министерстве о прибавках подрядчику ... сверх цен, оговоренных в первоначальном договоре ... – можно сказать коротко, чем дольше затягивалась война, тем больше появлялось совершенно необычных препятствий в работе. Этих препятствий бывало так много, что менее энергичные члены Строительной комиссии несколько раз подымали голос о приостановке работы, но сами же скоро отказывались от подобных предложений под единодушным порывом всех остальных .... Не только, конечно, члены Строительной комиссии ..., но и делегировавшие их общественные учреждения, ... как и ... общественные деятели Урала, всемерно содействовали, как могли, скорейшему сооружению здания института».

К середине мая строительные материалы и «рабочие руки» сильно вздорожали, а смета, утверждённая Министерством, осталась неизменной, и Министерство не собиралось её увеличивать. Чтобы уложиться в смету оно «разрешило израсходовать суммы так, чтобы расходы не превышали более чем вдвое размер, определённый по смете». На эти деньги можно было построить институтское здание только до второго этажа. Поэтому, для постройки обеих этажей, решили первый этаж возвести не из бетона, как планировалось

первоначально, и не из бутового камня, а из кирпича. Благо, что заготовлен он был в достаточном количестве, и ему теперь не грозила порча от длительного хранения.

И так, как будто бы всё было подготовлено для начала строительства. Торопили и соседи пермяки. Осенью они планировали открыть у себя отделение Императорского Петроградского университета. 19 июля в газете «Зауральский край» за подписью исполняющего обязанности ректора отделения профессора Юрьевского университета К. Д. Покровского (1868 – 1944) было дано объявление о приёме в него студентов.

«БОЛЬШОЙ ДЕНЬ»

Наконец, строительство началось. Этот день, воскресенье 17 июля, газета «Зауральский край» назвала «Большим днём».

Такие дни, писала газета «бывают не только в больших общественных и государственных учреждениях – их переживают народы, государства, области и города.

Сегодня в жизни Екатеринбурга, несомненно, один из таких «больших дней»: столица Урала празднует закладку своего Горного Института.

О нём мечтали, потом говорили с надеждой:

– Хорошо-бы ... Где – же и быть Горному институту, как не в горнозаводском центре? ...

Уверенность явилась только совсем недавно, вместе с новыми симпатичными веяниями в министерстве народного просвещения. Мы, наконец, сказали со вздохом облегчения:

– Горный Институт будет у нас, наверное.

17 июля – эта дата займёт почетное место в летописи нового Урала – будет заложен первый камень в фундамент того молодого рассадника науки, которому несомненно суждено сыграть огромную роль в будущем развитии нашего, до сих пор ещё не совсем стряхнувшего с себя сонную одурь общерусской «обломовщины», неисчерпаемо богатого края.

Горный Институт создаст новые, стойкие дружины мирных героев труда, выдвинет новые силы и таланты, поможет найти и отдать народу заколдованные невежеством и боязнью всяких «новшеств» тысячелетиями скрытые среди гор и лесов, заветные клады природы.

Как в сказке, откроются пред ним земные недра и целый мир изумиться тем богатствам, которые передаст старый, отживающий Урал, своему наследнику, молодому, полному сил и веры в эти силы Уралу.

...Пожелаем, чтобы прочнее уральских скал были стены будущих высших учебных заведений Урала, крепче стали – воля и сила их воспитанников, а их профессора, как пифагорейцы, поклонялись бы только солнцу, служили бы только истине».

Эти слова, сравнения и сопоставления, складывались в образы, образы в предложения, предложения в очерк, когда сотрудник

газеты с жадным любопытством и интересом всматривался в лица людей, вслушивался в их разговоры, наблюдал за их поведением на том действе, которое называлось закладкой здания Горного института. Чтобы не упустить и не пропустить ничего из увиденного и услышанного, а сохранить и не как мгновение текущего дня, но как факт истории.

Торжество происходило в лесу на очищенной от него территории, украшенной флагами и мачтами, перевитыми гирляндами зелени. Зелень, гербы Перми и Екатеринбурга, орифламмы были повсюду. Ими декорировали временные рабочие сооружения перед входом на стройплощадку, помост для молебствия под сенью колыхавшегося на шнурах золотого полога, кафедру для произнесения речей, деревянный щит, на котором укрепили вычерченный и раскрашенный план будущих построек и фасад главного институтского корпуса.

В глазах горожан, которые теснились на насыпи, окружавшей помост, рябило от парадных одежд хоругвеносцев, стоявших на помосте с хоругвями и иконами. А сколько они увидели именитых господ, многих впервые, одетых в парадные, шитые золотом, мундиры и угольно чёрные фраки с белоснежными пластронами, украшенные лентами и орденами. «Свежий» орден Св. Станислава II-й степени сверкал на груди Обухова, которым его наградили в начале июня.

Из Перми приехал с супругой губернатор М. А. Лозина-Лозинский (1865 – ?) и председатель Губернской Земской управы Е. Д. Калугин, из Петрограда член Государственного Совета Ф. А. Иванов и архитектор А. А. Бернардацци. Местный истеблишмент был в полном составе: городской голова Обухов, председатель уездной земской управы Симанов, Главный начальник горного управления Егоров, председатель УОЛЕ О. Е. Клер, В. А. Поклевский-Козелл, члены Строительной комиссии в полном составе во главе с Веймарном, представители уральских земств и городов, правительственных и общественных учреждений и организаций.

За десять дней до торжества газета «Зауральский край» сообщила, что в нём примет участие управляющий учебным отделом Министерства торговли Лагорио. Он действительно приехал в Екатеринбург 9 июля утром вместе с министром князем

Шаховским. Но оба пробыли в городе только день, в течение которого министр посетил золотосплавочную лабораторию, горное училище, гранильную фабрику, музей УОЛЕ, торговую школу, преосвященного Серафима, Березовский завод, позавтракал у Поклевских-Козелл, пообедал в Общественном собрании вместе с Лагорио и на следующий день уехал в столицу. Лагорио почему-то не стал дожидаться закладки здания института, а укатил в Саратов и Нижний Новгород для инспектирования учебных заведений в этих городах и торжество прошло без его участия.

Протокол подобных мероприятий имел столетние традиции и начинался с молебствия. Он был отслужен «преосвященным екатеринбургским и ирбитским Серафимом соборие при пении хора певчих». Сотворив молебен, епископ обратился к собравшимся, со словами, что «в тяжёлую годину войны великим утешением является основание в Екатеринбурге высшей горной школы, которая оживит ... край, наделённый неисчерпаемыми ... богатствами».

В след за водосвятием и произошла закладка здания. Камни возлагали на медную доску, на которой была выгравирована дата закладки. Первый камень положил преосвященный Серафим, видимо, в память слов Христа, сказанных им апостолу Петру о том, что он камень и на нём будет водружён храм. Теперь тоже строился храм – храм Науки. После преосвященного камень положил губернатор, за ним Обухов, Веймарн и другие участники торжества.

Потом пошла черед выступлений и зазвучал многоголосый хор, в котором каждый выступавший был солистом. Начал их Веймарн. Слушавшие его, хорошо знали, что «большой день» не наступил бы ещё долго, если бы не Веймарн. Но он благодарил за энергичные хлопоты «общественные силы Урала», министра Шаховского, Лагорио и ещё многих, чья помощь позволила после 8-ми месячной подготовительной работы приступить к строительству. Он уже думал о будущем института и говорил, что одним из важнейших условий его развития и процветания является приглашение талантливых и энергичных профессоров, потому что каков поп, таков и приход, каков учитель, таковы и его ученики. По его мнению, привлечь на Урал «видные научно-технические силы» можно, если сам край создаст для них необходимые условия в виде хорошо оборудованных кабинетов и лабораторий, чтобы перенести в них центр тяжести преподавания из аудиторий. И тогда Горный

институт «в короткое время завоюет творческой деятельностью своих профессоров и питомцев почётное положение среди высших школ Империи».

Выступивших после ректора Обухов, услышал его и заверил в том, что «край создаст необходимые условия» институту. «... глубоко сочувственное отношение к учреждению ... Горного института, установившееся ... во всех общественных слоях ... служит залогом того, что средства на ... институт не иссякнут», – сказал он. Его поддержал Симанов, заявив, что «общественные учреждения ... сознают свою обязанность обставить жизнь профессоров и студентов такими ... жизненными условиями, при которых работа их будет легка и продуктивна».

Очень эмоционален был заместитель Веймарна Магницкий, по мнению которого: «Тем-то и должен быть особенно дорог каждому из нас будущий Горный институт, что он – дитя общественной инициативы, что создание института является близким, родным для нас делом» и поэтому он просто счастлив «быть в числе работников для создания высшей школы, призванной пересоздать и обновить жизнь нашего Урала».

Прагматичными по сути, но лирико-идеалистическими по форме были выступления тех, кто управлял экономикой, промышленностью, финансами, горным делом – теми, кто знал, от чего зависит материальное благосостояние и отдельного человека и государства.

«Горная промышленность, – сказал Главный начальник горных заводов, – это основа для обогащения страны и народа и всякая другая промышленность развивается на почве успехов промышленности горной ... Главную часть металлов мы получаем до настоящего времени из-за границы, между тем, как Урал ... остаётся далеко не использованным .... Но для этого нужно раскрыть недра Урала, необходимы ... знающие работники и ... Горный институт даст их ... и всё у этого института должно быть лучшим – и здания, и профессора ..., и лаборатории, и библиотека».

Да, «к Уралу нужен ключ, – вторил ему председатель биржевого комитета П. В. Иванов, – ключ этот – знания, умения и исследования. И вот этот-то ключ к богатствам Урала даёт нам Горный институт... Великое будущее ждёт Урал – и это будущее

заложено сегодня .... Как нам не любить наш родной Горный институт, залог наших надежд и упований». Ведь высшая горная школа даст Уралу знания, без которых капитал мёртв, а при таком капитале, уверял всех председатель Губернской Земской управы Егор Данилович Калугин, громадные богатства края останутся втуне в его недрах.

Праздничная эйфория вознесла в эмпиреи даже члена Государственного Совета Ф. А. Иванова, для которого «сегодняшний день» стал ни много ни мало, «днем ликования для всей России. Из храма науки, что вырастет здесь, – сказал он, – хлынет свет благотворного знания и откроет могучие потоки, под напором которых оживится Россия». А служащие Кыштымских заводов, которых представлял главный лесничий, собрали около семи тысяч рублей на учреждение стипендии имени своего директора-распорядителя и как, кстати, получилось, что он приехал на торжество закладки институтского здания.

Последним выступил губернатор. Когда он закончил говорить, Обухов предложил отправить через губернатора благодарственную телеграмму Его Императорскому Величеству Николаю II. Содержание телеграммы, видимо, было продумано заранее, потому что в её тексте, написанном крупным разборчивым подчерком, было всего одно исправление:

«Его Императорскому Величеству

Д(ействующая) армия

Собравшиеся на торжество закладки здания Екатеринбургского Горного Института, вознеся за молебном совершенным Преосвященным Серафимом горячая молитвы Господу Богу о драгоценном здравии Вашего Императорского Величества и даровании полной победы над упорным и дерзким врагом, повергаем к стопам Вашим Всемилоостивейший Государь верноподданническими чувствами и беспредельную благодарностью за дарованную Уралу Монаршую милость осуществлением давних чаяний Екатеринбургского городского объединенного управления и Пермского земства точка. Высшая горная школа учреждаемая Вашим Императорским Величеством в годину всенародной борьбы с немецким засильем даст новья силы мощному расцвету молодой русской промышленности во славу Вашу Возлюбленный Государь и дорогой нашей родины точка.

Вашего Императорского Величества верноподданный Пермский Губернатор /подпись/ Михаил Лозина Лозинский».

Смолкли восторженные речи и началось чтение тоже восторженных поздравительных телеграмм. Веймарн получил их более трёх десятков: от Председателя Государственной Думы Родзянко, от министра торговли князя Шаховского, от министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева (1870 – 1945), от командующего войсками Казанского военного округа генерала А. Г. Сандецкого, от Петроградского горного института, Совет которого избрал Веймарна ещё в декабре 1915 г. ординарным профессором, от Императорской Академии Наук, от Управления казённых горных заводов и от ректора Императорской Академии художеств, от Петроградских институтов: Технологического, Путей сообщения, Лесного и Политехнического, от Горного Ученого Комитета и Геологического Комитета, от Екатеринославского Горного института и от депутата Государственной Думы Бубликова.

Александр Александрович «к великому горю» был лишён возможности присутствовать на закладке столь дорогого ему института, поэтому телеграфировал: «Институт, стоя на узле семи железных дорог и в самом близком будущем в центре крупного паровозо- и вагоностроения и металлообрабатывающей промышленности, сможет дать родине ... работников в горном и железнодорожном деле, ибо предложенная мною мысль о ... железнодорожном факультете встречает сочувствие и ждёт лишь энергичных выступлений с мест ...».

Торжество закончилось фотографированием и только чаепитием для почётных гостей. Продажа спиртных напитков в губернии была губернатором запрещена ещё в январе 1915 г.

На следующий день прошедшие торжества, как эхом, откликнулись ответной телеграммой Императора: *«Поручаю Вам (т. е. губернатору. – Авт.) передать Преосвященному Серафиму и всем собравшимся на торжество закладки здания Екатеринбургского горного института мою сердечную благодарность за молитвы и осуществляющие их чувства. Надеюсь, что учреждаемый новый рассадник знаний по горному делу даст родине полезных тружеников на поприще этой важной отрасли промышленности. Николай II».*

Начались будни. Долгие, серые, нудные, как осенняя непогода; трудные, порой мучительно трудные. Заверения, которые Веймарну дал Обухов в 1915 г. о том, что «работа по созданию Высшей Горной Школы ... встретит дружную поддержку уральских общественных деятелей ... в последствие оправдалась». Но кто мог предвидеть, какие препятствия «создаст делу сооружения института затяжная война», а самое главное две революции и гражданская «распря». «Только искренней преданностью делу, – вспоминал Веймарн, – я могу объяснить отсутствие трений и разногласий в заседаниях Строительной комиссии и тот удивительный факт, что подавляющее большинство постановлений были единогласными» за всё время её функционирования с 7 ноября 1915 г. по 9 октября 1917 г.

Очень конструктивной была и деятельность управляющего учебным отделом Министерства Лагорио, который делал всё, что было в его возможностях, чтобы ходатайства уральцев не клались под сукно и «добрая половина, если не больше, вопросов разрешалась путём обмена телеграммами».

Самым трудным и злободневным оставался финансовый вопрос. В начале августа, например, учебный отдел Министерства уведомил Губернскую Земскую управу о том, что все пожертвования на Горный институт надо внести в доходную смету не процентными бумагами, стоимость которых постоянно падала, а наличными деньгами. А где их взять? Вопросы, вопросы, вопросы! Экономить приходилось на всём, даже на освобождении от пошудного сбора груза цемента, поступавшего на стройку.

Хотя до начала занятий был ещё год, но ректор счёл необходимым задуматься о материальной поддержке будущих «недостаточных» студентов и 3 августа предложил членам Строительной комиссии обсудить вопрос об организации для них кассы взаимопомощи.

Из своего студенческого опыта, но ещё больше из опыта работы инспектором по студенческим делам Веймарн хорошо знал, что большинство студентов экономически не обеспечено и стоят перед дилеммой: или бросить учёбу и пойти на службу, или растянуть учёбу на длительный срок. И тот, и другой варианты, по его мнению, были тяжелы и невыгодны русскому обществу, нуждавшемуся в интеллигентных работниках. Поэтому, считал он,

общество должно помочь студенту пробиться сквозь нужду, чтобы тот, не растрачивая впустую силы и энергию, возможно скорее начинал работать на благо страны.

Вузы всегда старались помочь студентам: путём кооперирования их деятельности или с помощью благотворительных организаций, или прибегали к временной помощи различных учреждений с последующим возвращением им долга. В Петроградском Горном институте для этой цели была создана касса взаимопомощи, членами которой были совершеннолетние русские граждане, но только не студенты. У кассы было правление и экспертная комиссия. Она определяла степень нуждаемости просителя ссуды. В состав правления входил один из членов Совета института для координации действий, поскольку Совет всегда имел средства для вспомоществования недостающим студентам. Денежные средства кассы состояли из членских взносов, пожертвований и поступлений от публичных концертов, лекций и других мероприятий.

Такую же кассу Веймарн предложил создать и в Екатеринбургском Горном институте, чтобы заблаговременно собрать средства для помощи студентам, поскольку город совершенно был не приспособлен для жизни студентов, и им пришлось бы столкнуться с нуждой уже с первых дней учёбы. Что для этого следовало сделать? Как можно скорее выработать устав кассы, чтобы в сентябре, когда ректор будет в Петрограде, он смог утвердить его и в Министерстве торговли и в МВД. Членам комиссии предложение это понравилось и они изъявили согласие стать учредителями кассы.

Другим неотложным вопросом было устройство мостовой или, по крайней мере, шоссейной дороги как продолжение Главного проспекта к территории строящегося здания института, из-за отсутствия которой трудно было до неё добраться. От железнодорожного полотна почти до самой стройки тянулся заболоченный участок леса. Временно через него проложили деревянный настил. Но нужно было думать о будущем.

Дума рассмотрела это ходатайство Строительной комиссии десятого августа. Городской голова заявил, что город не располагает средствами для строительства мостовой и может выделить только 12 тысяч рублей, вырученных за лес, срубленный

на участке строительства института. Но этих денег хватит лишь на устройство сносного шоссе. Городской управе было поручено составить смету на строительство шоссе от полосы отчуждения до границы городской земли, а перед управлением Омской железной дороги решено было возбудить ходатайство о сооружении через полотно дороги двух виадуков пролётом не менее 4-х сажен. Значительно позже было предложено более приемлимое инженерное решение о пресечении железнодорожной линии: в её насыпи было прорезано два тоннеля.

Предложение Бубликова о железнодорожном факультете понравилось многим. Городская управа сочла его важным и уже в середине августа предложила предпринять меры к его осуществлению. В городской думе единогласно решили передать этот вопрос на рассмотрение Строительной комиссии, чтобы она вместе с управой обратилась с соответствующим ходатайством в «высшие сферы», а Бубликова за это предложение поблагодарили и попросили его «принять участие в направлении ходатайства в Думу».

В сентябре он приехал в Екатеринбург и сделал доклад на экстренном заседании думы о проектах новых железных дорог, которые разрабатывала в Министерстве путей сообщения особая комиссия. Гласным понравились проекты линий Пермь – Котлас – Сорока и Екатеринбург – Синарская – Шадринск – Звериноголовск. Особенно первая. Если бы она была построена, то Екатеринбург получил бы выход к незамерзающему порту Мурманска.

С началом строительства проблемы, которыми занимался Веймарн, только множились. В столице уверовали в его выдающиеся организаторские способности и в конце августа он по телеграфу, без предварительного запроса о согласии, был назначен лично министром Шаховским уполномоченным председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (ОСТОП) по Уральскому региону, включавшем Пермскую, Вятскую и Уфимскую губернии. Председателем ОСТОПа был министр Шаховской.

Должность уполномоченного по топливу была создана только для Урала. Почему? Потому что на Урале было много заводов, работавших на оборону и мало минерального топлива, дефицит которого усугублялся хаотичность его распределения между

потребителями и неэкономичностью потребления. Этими проблемами и стал заниматься Веймарн, обеспечивая ещё и заготовку топлива для населения региона.

При уполномоченном планировалось создать управление, состоящее из трёх отделов: инструкторско-технического с лабораторией для физико-химического изучения топлива и способов его утилизации, дровяного и отдела распределения. Работой первого отдела должен был руководить сам уполномоченный с горным инженером П. А. Голубевым, вторым и третьим – учёный-лесовод В. А. Кегель с инженером путей сообщения С. В. Кенель. Позже Веймарна назначили ещё председателем совещания по топливу, в январе 1917 г. представителем по Уральскому региону от Министерства торговли в комиссию, образованную Особым совещанием по обороне страны для обследования металлургических заводов Урала.

Как он отнёсся к своим назначениям? Во-первых, с высочайшим чувством долга и ответственности, как высоконравственный человек и патриот; во-вторых, как исследователь-естествоиспытатель с широким кругозором и эрудицией.

«Я лично, – говорил он, – считаю, что эта организация, созданная для Урала в лице уполномоченного, должна принести краю двоякую пользу: во-первых, в годы войны ... будет рационально урегулировано снабжение топливом, а, во-вторых, техническая и экономическая поставка промышленных предприятий тщательно обследуется и всесторонне изучиться..., как со стороны экономической, так и технической, а главным образом с точки зрения наиболее рационального использования всех заводских силовых установок.

Я надеюсь, что в результате коллективной работы персонала ... куда много приглашено ... инженеров всех специальностей (в распоряжении Веймарна была партия горных инженеров, которая занималась обследованием каменноугольных копей. – Авт.) и кандидаты экономических наук ... появиться ... труд, который правильно будет назвать: «Промышленность Урала в его настоящем и в возможной перспективе развития в будущем». ... Уверен, что коллективная работа таких совещаний будет плодотворна и послужит на пользу Уральского края».

Всякие аналогии сомнительны. Исторические в особенности. И, тем не менее, я возьму на себя смелость сопоставить деятельность учёного Веймарна по изучению производительных сил Урала во время первой мировой войны с деятельностью группы советских учёных во главе с Президентом Академии Наук СССР В.Л. Комаровым (1869 – 1945) тоже по изучению производительных сил края для нужд обороны во время второй войны – Великой Отечественной. Работа, за которую они были удостоены Сталинской премии I степени называлась: «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны».

Труд Веймарна государственной наградой отмечен не был. В конце марта 1917 г. он отказался от должности председателя Уральского совещания по топливу, мотивируя его тем, что эту должность должен занимать человек выборный. Министр согласился с ним и назначил уполномоченным Европеуса, но против этого назначения выступили уральские общественные организации и Европеус подал в отставку. Веймарн вынужден был вновь занять должность уполномоченного по необходимости и обратиться к министру с заявлением: «22 марта в Петрограде, объясняя вам причины моей просьбы об освобождении с 10 апреля ... меня от обязанностей уполномоченного..., я предупреждал, что назначение Европеуса вызовет протесты ... и что это назначение придаст комитету односторонний классовый характер ... не возможный в свободной России ... мои предупреждения были основательны ... Долг перед родиной заставляет меня господин министр, вновь подтвердить, что только при выборных главноуполномоченных и уполномоченных ... может создасться надлежащий авторитетный комитет .... До вашего решения ... считаю долгом продолжить нести обязанности уполномоченного».

22 апреля 1917 г. министр удовлетворил его прошение его. Это вызвало у служащих, возглавлявшегося им управления, «чувство искреннего душевного сожаления». В адресе, который они ему преподнесли было написано: «Вы отличались тактичностью и чуждым надменности обращением ... подавали пример добросовестного обращения к ... обязанностям ... были внимательны к нашим нуждам и запросам ... наши интересы всегда находили ... сочувственный отклик ... Вы совершенно не считались

с различиями в вероисповедании, национальных и сословных перегородках».

Такое поведение и отношение к окружающим для Веймарна было естественным потому, что внутренне он был свободным человеком. И понимал эту свободу так же, как великий анархист М. А. Бакунин (1814 – 1876), который говорил: «Я могу быть свободным только среди людей, пользующихся одинаковой со мной свободой. Утверждение моего права за счёт другого, менее свободного, чем я, может и должно внушить мне сознание моей привилегии, а не сознание моей свободы .... Но ничто так не противоречит свободе, как привилегия».

Институтские дела в столице и обязанности уполномоченного вынудили Веймарна надолго уехать. В Екатеринбург он вернулся 4 ноября. Поэтому первого октября не он, а Симанов присутствовал на торжестве открытия университета в Перми. Ему представители всех 12 уральских уездных земств поручили произнести речь, в которой он прочувствованно сказал: «Дождался, наконец, и наш богатый край университета!».

В отсутствие председателя деятельностью Строительной комиссии руководил Магницкий. В середине октября городская управа напомнила ему о ходатайстве в связи с рассмотрением вопроса об открытии железнодорожного факультета и химико-металлурги-ческого отделения. Магницкий прислал членам управы приглашение, прося их пожаловать на совместное заседание в институтскую канцелярию. Заседание состоялось 13 октября в четверг. Собравшиеся решили не торопиться, а предварительно организовать особую комиссию из «сведующих лиц», поручив ей заняться этим вопросом, но выразили пожелание, «чтобы новый железнодорожный факультет был машиностроительным ..., приноровленным к усилению подвижного состава, ибо таковой больше всего отвечает интересам Урала».

Днём раньше в думе состоялось более важное заседание, рассмотревшее заявление Строительной комиссии, предложившей думе поторопить Министерство торговли с кредитами по смете на следующий год, потому, что занятия будут возможны лишь в том случае, если будут средства на строительство следующей части здания для второго курса. Губернское Земское собрание, по словам Магницкого, решило уже возбудить такое ходатайства, и было бы

неплохо, если бы оба документа и от города, и от губернии поступили бы в Министерстве одновременно.

Строительство здания института изменяло, утверждённый Императором, план города и пока эти изменения имели незаконную силу. Поэтому и начавшееся строительство было как бы незаконным. Разговоры об изменении генерального плана велись, но кулуарно. И вот, 28 октября в канцелярии института, наконец, состоялось совместное совещание Строительной комиссии при участии членов управы и комиссии по благоустройству города по вопросу «об изменении Высочайше утверждённого плана» города.

Сложность решения этого вопроса заключалась в том, что в будущем по плану расположения улиц возле института не должно было нарушаться расположение городских улиц, т.е. все улицы, которые будут прокладываться около института, должны были быть продолжением уже существующих улиц в городе. Чтобы район застройки восточнее железной дороги не стал пригородом, а был продолжением города. Это с одной стороны.

С другой – здание института имело в плане подковообразную форму, а участок, отведённый под застройку, имел форму круга. При таких конфигурациях здания и участка целесообразна была радиальная планировка улиц, чтобы они расходились от здания института в разные стороны как от некоего центра.

Круковский, выезжавший несколько раз на место застройки и внимательно его изучивший, усложнил задачу, выяснив, что между полотном железной дороги и институтом по обе стороны от Главного проспекта управления Казань-Екатеринбургской и Северо-Восточной Уральской дорог намерены построить два товарных двора.

Выслушав всё это, совещание сформулировало пожелание, чтобы дворы были перенесены на квартал, т. е. чтобы один находился в створе улицы Клубной (ныне улица Первомайская), а второй – на продолжении Дровяной (ныне улица Решетникова). Все были за радиальное расположение улиц в районе института и попросили Е.А. Бернардацци составить смету на новую сетку улиц к 5 ноября. Архитектор предложил иную, оригинальную планировку улиц. Их было пять. В плане они образовывали пятиконечную звезду, вписанную в круг участка застройки. Пересечение улиц в центральной части круга образовывало

площадь в форме пентагона, на которой и должно было стоять здание института.

На заседании думы 8 ноября во вторник уже в присутствии Веймарна были рассмотрены изменения, внесённые в план города, и решён вопрос об освобождении грузов поступающих в адрес Строительной комиссии от обложения попудным сбором. Во второй половине ноября Министерство торговли утвердило без изменений план строящегося института.

Что же он из себя представлял? Веймарн с помощниками и архитекторами заранее продумал и определил назначение каждого помещения вплоть до кладовок и «тёмных» комнатушек, руководствуясь идеей о том, что в вузе должно быть всё благоприятствовать плодотворному занятию учёбой и научной деятельностью. Он, как архитектор, строивший Великую Китайскую стену, рассчитал всё до «кирпичика».

Для административных нужд были предусмотрены только кабинет ректора, зал заседания Совета, канцелярия, да кабинет и приёмная врача, на которые он отвёл всего 430 кв. м или 2,5 % от всей площади здания института.

Общие институтские помещения площадью более 2700 кв. м состояли из шести больших лекционных аудиторий площадью от 90 до 150 кв. м, шести чертёжных – площадью от 100 до 260 кв. м, кабинетов двух руководителей чертёжных, профессорской читальни, книгохранилища, студенческой библиотеки и рисовального класса.

Площадь учебно-вспомогательных помещений для кафедр и предметов составляла чуть более 920 кв. м. На ней должны были быть расположены кабинеты математики и теоретической механики, геодезии и маркшейдерского искусства, метеорологии, ботаники, зоологии и лесоводства, политэкономии и статистики, кабинет и музей профессора гигиены, кабинет профессора строительной механики, модельная и при ней музей.

Огромная площадь почти в 1500 кв. м была отведена под лаборатории цикла геологических наук. Здесь планировалось разместить геолого-минералогический музей, лекционную аудиторию, лаборатории для занятий по минералогии, кристаллографии, палеонтологии, для практикума с паяльной трубкой, палеонтологический кабинет, препараторскую,

разборочную, библиотеку, кабинеты профессоров исторической геологии и палеонтологии, петрографии, рудных месторождений, комнаты для ассистентов, препараторов и лаборантов.

Втрое меньше должны были занимать кабинеты и лаборатории горного искусства: три кабинета профессоров, кабинет ассистентов, музей и модельная, лаборатория газового анализа и испытания вентиляей и две комнаты спасательной станции: одна для хранения горноспасательных приборов, а вторая – для проведения упражнений с ними.

Самая большая площадь была отведена под химические лаборатории: органической и неорганической химии, физической и технической химии. В них, кроме обязательного зала для практикумов, кабинетов профессоров, ассистентов и лаборантов, весовых и материальных комнат и фотографических лабораторий, было много специальных кабинетов: для качественного и количественного анализов, фотохимии, спектроскопии, низких температур, газового и объёмного анализа, электролиза, сухой перегонки, в которой должен был стоять термостат.

На деньги, подаренные Бубликовым, планировалось создать лабораторию для испытания ископаемых горючих. Более 800 кв. м отводилось под физическую лабораторию с аудиторией для чтения лекций по физике и электротехнике и залом для проведения практикумов.

Самостоятельной была запланирована большая электротехническая лаборатория с кабинетами для изучения трансформаторов высокого напряжения, электроизмерительных приборов постоянного и переменного тока, магнитных и фотометрических исследования, кабинета эталонов; эта лаборатория должна была располагать своим машинным залом.

Более 1300 кв. м отдавалось лабораториям металлургического отделения: лаборатории металлургии и пробирного анализа, лаборатории чугуна, железа и стали, и лаборатории гидрометаллургии. В этих лабораториях намечалось проводить металлографические, физические, аналитические, термические, пирометрические, калориметрические и другие исследования.

Очень интересной по замыслу должна была стать лаборатория механического обогащения полезных ископаемых. В ней планировалось проводить исследования по крупному и тонкому

дроблению и приготовлению различных проб, по методам обогащения углей, мокрому обогащению, амальгамированию, мокрому дроблению и выщелачиванию, обработке осадков, масляному и магнитному обогащению. В лаборатории было предусмотрено создание плавильного зала и машинного отделения.

Более двух тысяч квадратных метров должны были занимать лаборатории цикла механических наук: инструментальная, машинная, горнозаводская, гидравлическая, сопротивления материалов, технологии металлов с электрической станцией, котельной, чертёжной, расчётной, модельной, цементным отделом и библиотекой.

Небольшой по сравнению с другими планировалась лаборатория пробирного анализа с пробирной печью и пробирными столами.

Если добавить к перечисленным лабораториям и кабинетам главный вестибюль, швейцарскую, вестибюли химического и механического корпусов и конференц-зал, то площадь будущего института должна была составить 16,5 тысяч квадратных метров. Но суть дела заключается, конечно, не в размерах институтских площадей, а в идейном замысле Веймарна, в том, каким он хотел создать Горный институт и начал его создавать. Он мечтал, что его студенты будут проводить время не в аудиториях, пассивно слушающими лекции, а в лабораториях, занимающимися научными исследованиями. Он мечтал воспитывать из них творцов, идееносителей, таких как он сам, а не квалифицированных технических исполнителей чьих-то заданий и распоряжений.

Осуществить свои научно-педагогические идеи в родном Петроградском горном институте в полной мере он не мог. Слишком консервативной была его структура. Это можно было сделать только в новом вузе, начав писать его историю с чистого листа. Этим обстоятельством, вероятно, и было обусловлено согласие Веймарна стать исполняющим обязанности ректора и председателя Строительной комиссии «вновь создаваемой Высшей Горной Школы», данное им после долгих и непростых размышлений. Дав согласие, он принёс огромную жертву на «алтарь Отечества», как бы высокопарно это не звучало.

Спустя четыре года, вспоминая об этом, он написал: «Когда я вспоминаю всё пережитое за это время, у меня невольно

зарождается сомнение, правильно ли я поступил, пожертвовав несколькими годами своей научной работы на выполнение задачи, которая оказалась в действительности столь тяжёлой, что на ней, я это прекрасно сознаю, надорвались мои силы...».

Но пока он стоял в начале пути. Каким он будет, не знал ни он, ни его сподвижники. Пока на повестке дня стояли другие вопросы.

Пока ... район строительства института становился привлекательным для предприимчивых людей города и в городскую управу пошли ходатайства об отводе участков земли. Правление Екатеринбургского общества потребителей, например, вознамерилось открыть там хлебопекарню и магазин. Прошений было так много, что, как говорили в управе, если их все удовлетворить, то возле института «возникнет целая слобода».

В конце трудного, но, несомненно, продуктивного года, Строительная комиссия получила два огорчительных сообщения. Невьянский цементный завод отказался поставлять цемент по ранее установленной цене и предложил заключить с нового года договор по более высокой цене. А из Министерства торговли сообщили о том, что нет возможности приравнять рабочих, занятых постройкой институтского здания к работающим на оборонных предприятиях. Поэтому им отказано в отсрочке от воинской службы.

Вторая новость была особенно неприятной. Веймарн вспоминал, что «если бы подрядчику... Эспозито не удалось выписать артель итальянских каменщиков, отличавшуюся необычайной производительностью, то при недостатке опытных русских рабочих, да и ... даже неопытных ... нельзя было бы сделать больше половины того, что удалось сделать».

«ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?»

Кто и когда придумал давать учебным заведениям имена людей, неизвестно. Но идея эта понравилась и получила всеобщее распространение. Учебные заведения считали за честь, если в их названии фигурировало имя монарха, выдающегося учёного или своего именитого выпускника. В России вузам давали имена императоров. Альма-матер Веймарна – Петербургский горный институт – носил имя Императрицы Екатерины II. Веймарн первым задумался и об имени Екатеринбургского горного института. Что послужило для этого поводом, об этом он нигде не упоминал.

В архиве сохранилось только письмо, написанное им 5 декабря 1915 г. в Петрограде на именном бланке «И. о. ректора и ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ Екатеринбургского Горного Института» Александру Евлампиевичу Обухову:

«Многоуважаемый
Александр Евлампиевич!

На стр. 7 Научно-историч. сборника, изданного Горным Институтом ко дню его 100 л. юбилея (1873), напечатано:

«... недостаток горных техников ощущался все сильнее и сильнее, и в 1753 году Берг-Коллегия просила Сенат прислать ей для обучения горному делу дворянских детей из школ артиллерийской и инженерной, которые знали бы арифметику, геометрию, тригонометрию и планиметрию; подобные ученики, по мнению Берг-Коллегии, могли скорее ознакомиться с горными науками. Сенат разрешил посылать ежегодно 20 человек, которых Берг-Коллегия отправляла для изучения горно-заводского дела на Уральские заводы и тем из них, которые оказывали удовлетворительные успехи, выдавали дипломы на звание горных офицеров».

Из этой цитаты ясно, что первые дипломы на высшее горное образование выдавались в царствовании Императрицы Елизаветы Петровны (1741 – 1761), и это образование получалось на заводах Урала.

На стр. 8 указанной книги напечатано: «В конце царствования Елизаветы Петровны появилась мысль основать высшее горное

училище в С.-Петербурге, но мысль эта была приведена в исполнение только в царствование Екатерины Великой».

Петербург выбран был только потому, что в то время нельзя было найти преподавателей, согласных ехать в Екатеринбург; так, например, в 1746 году (опять при Елизавете Петровне) президент Берг-Коллегии Томилов, который значительно расширил преподавание в Екатеринбургском училище, всё-таки не мог достать учителей для многих предметов.

Из приведённого следует, что высшее горное образование получилось впервые на Урале и при Елизавете Петровне и, даже идея о высшем горно-учебном заведении впервые зародилась в царствование дочери Великого Петра.

Поэтому название «Уральский Горный Институт Императрицы Елизаветы Петровны в городе Екатеринбурге» вполне соответствует создаемому теперь нами Институту»...

Искренне уважающий Вас, П. П. ф. Веймарн».

Через две недели, 18 декабря, городской голова сделал на заседании думы доклад о предложении «уважаемого профессора». Доклад интересен тем, что в нём Обухов изложил генезис Екатеринбурга, который развивался не эволюционно, не снизу, движимый инициативой обывателей, не случайно, не повелением слепой фортуны, а сверху, по указу коронованных особ. Поэтому в нём всё не так, как везде. Судьба Екатеринбурга была определена заранее, «не только благодаря географическому положению ..., но в виду неисчерпаемых богатств в недрах, как центр будущей заводской и фабричной промышленности и специального горнозаводского образования». И это образование, почему-то охарактеризованное обоими как высшее, Обухов вслед за Веймарном тоже связал с Императрицей Елизаветой Петровной.

О наименовании вуза в честь Императрицы Обухов сказал, что оно не имеет непосредственного практического значения. Но как благодарное поколение «мы должны запечатлеть на долгие времена светлую память об Императрице ... в широких массах уральского населения, как инициатора высшего горного образования..., от развития которого в такой громадной зависимости стоит ... родной нам город Екатеринбург». И покорнейше попросил господ гласных обсудить предложение Веймарна, которое лично он поддерживает.

Почти год члены Строительной комиссии и гласные думы обсуждали политически деликатный вопрос о том, как и в честь какого Императора назвать Горный институт. Наконец, 6 ноября 1916 г. Строительная комиссия по инициативе Веймарна вынесла верноподданническое ходатайство, о принятии института под «Его Императорского Величества Покровительство и о даровании ему названия «Уральский Горный Институт Императора Николая II» и препроводила это ходатайство на Высочайшее благоволение через министра торговли и промышленности. В велеречиво составленном документе говорилось:

«Ваше Императорское Величество! Обширный Урал долгие годы не имел разсадника высшего образования. Только в царствование Вашего Императорского Величества, Вашими Царственными заботами о просвещении России и Урал обогащается двумя высшими школами: университетом в Перми и, что особенно важно для горнозаводского прогресса Урала, Горным институтом в городе Екатеринбурге. Таким образом, высшее образование Уральского края исторически естественно навеки связано с Вашим Державным Именем. Глубоко чувствуя это, строительная комиссия, осчастливленная Высокомилостивейшей телеграммой Вашего Величества от 18 июля по случаю закладки Института, приемлет смелость всеподданнейше просить Вас, Государь, принять вновь создаваемый в городе Екатеринбурге Горный Институт под Своё Высочайшее покровительство и всемилостивейше повелеть соизволить именовать его впредь Уральским Горным Институтом Императора Николая II. Находясь в центре горнозаводской жизни, окружённый землями, таящими богатейшия и разнообразнейшия полезныя ископаемыя, Горный Институт Вашего Августейшего Имени, несомненно должен достигнуть быстрого и высокого научнаго процветания. Верьте, Государь, что организаторы, строители, учащие и учащиеся новой горной школы положат все силы, чтобы она вполне отвечала испрашиваемой ныне милости носить Имя Вашего Императорского Величества. Повергаем к стопам Вашим, Государь, чувства верноподданнической преданности, и, преклоняясь перед доблестью сражающагося под Верховным водительством Вашего Императорского Величества Российскаго

воинства, строительная комиссия молит Бога о даровании окончательного сокрушения врага».

Высочайшего повеления пришлось ждать почти два месяца. В пятницу 20 января 1917 г. в 12 часов дня в канцелярии Горного института состоялось чрезвычайное заседание Строительной комиссии, на котором Веймарн огласил присланное на его имя, сообщение министра Шаховского от 5 января за № 71:

«Государь Император, по всеподданнейшему моему докладу, Высочайше соизволил, в 3-й день января сего года, на принятие Екатеринбургского Горного Института под Высочайшее Его Императорского Величества покровительство и на даровании сему учебному заведению наименования: «Уральский Горный Институт Императора Николая II».

Поздравляя строительную комиссию с высокой Монаршей милостью, выражаю уверенность, что Уральский Горный Институт, в предстоящей ему деятельности, оправдает высочайшее доверие и окажется достойным присвоенного ему имени. Министр торговли и промышленности кн. Шаховской. Управляющий учебным отделом А. Е. Лагорио».

Закончив чтение документа и выждав неминуемую в такой момент паузу, Веймарн взволнованно воскликнул: «Да здравствует Державный Шеф Уральского Горного Института Государь Император Николай II, Ура!»

Его здравица откликнулась эхом троекратного «ура» присутствовавших в канцелярии, которые единодушно и единогласно постановили просить господина министра «препроводить Его Императорскому Величеству телеграмму нижеследующего содержания:

Строительная комиссия Уральского Горного Института Имени Вашего Императорского Величества приемлет смелость повергнуть к стопам Вашим Государь верноподданническая чувства глубочайшей благодарности за оказанную Институту Высокую милость и молить Бога о даровании Державному Шефу Уральского Горного Института благоденствия и здравия на многия лета. Верьте, Государь, будут приложены все силы, дабы Уральский Горный Институт Имени Вашего Величества работал во славу Державного Шефа и на пользу родины и был достоин оказанной ему Высокой милости».

За поздравление с монаршей милостью решено было телеграфно поблагодарить министра Шаховского и управляющего учебным отделом заслуженного профессора Лагорио и дружными аплодисментами, пока ещё не заслуженного, профессора Веймарна за его плодотворную идею обратиться к Государю Императору.

Спустя ровно неделю, 27 января, в отделе первом № 28 «Собрания узаконений и распоряжений правительства», издаваемых Правительствующим Сенатом, в статье 152 было напечатано, что Горный институт в Екатеринбурге находится под покровительством Императора и что отныне он именуется «Уральский горный институт Императора Николая II».

Горный институт назывался так только 35 дней. 2 марта после акта отречения Императора Россия перестала быть монархией, превратившись в одночасье в буржуазную республику. Как просто произошла смена социально-политического статуса государства, но к каким трагическим последствиям это привело.

В России множество учебных заведений, научных обществ, учреждений, воинских частей и общественных организаций носили имена членов Дома Романовых. Законодательная власть не сочла нужным оформить юридическими актами перемены в их названиях. Всё, что недавно носило императорский статус, чему поклонялись и чем восхищённо гордились, было предано сначала поруганию, а потом забвению. Первый вуз Урала со 2 марта стал называться просто «Уральский горный институт». Это новое название было выгравировано по окружности на диске институтской печати, в центре которой были изображены два перекрещивающихся горняцких молоточка.

С этого времени прошло 24 года, прежде чем кому-то в голову пришла идея сделать институт именованным. На публичное обсуждение она была вынесена 27 марта 1941 г. директором института Николаем Сергеевичем Завьяловым (? - 1942) во время заседании партийного бюро института. Выступая перед членами партии, он сказал, путая даты, старый и новый стили, что «3-го июня 1914 г. был издан указ об учреждении Горного института. Архивные документы показывают, что первый учебный год начался 22/XII – 1917 г., таким образом, деятельность института началась в 1917 г. По этому вопросу велись предварительные переговоры в Обкоме

ВКП (б). Склонны считать 25-летием института октябрь 1941 г. и праздновать юбилей 1-9 ноября 1941 г.»

Член партбюро Н. Полубарьев, назвав это предложение целесообразным, заявил, что юбилей действительно следует провести в дни, намеченные Обкомом, «потому что 1-я дата связана с моментом решения царя, ничем нас не обязывает», продемонстрировав, таким образом, истинно большевистское отношение к прошлому. Но следует отдать должное самокритичности Полубарьева. Он напомнил собравшимся о чрезвычайно тяжёлом положении института, сказав, что институт «доведён до самого низкого уровня», что он никогда не работал так плохо, как сейчас, занимая по всем показателям последние места. Поэтому «нам сейчас не к лицу было бы ставить вопрос о том, что наш юбилей надо отметить. Нужно развернуть подготовку..., чтобы ... к дате юбилея институт вышел в число передовых».

Полубарьева выслушали и постановили, несмотря ни на что, «считать целесообразным проведение юбилея в начале ноября месяца 1941 г.» и «ходатайствовать о присвоении институту имени В. М. Молотова».

На следующий день Завьялов и секретарь партбюро В. Д. Шамшурин отправили в секретариат Обкома партии докладную записку о том, что «Дирекция, парторганизация и общественные организации Свердловского Горного Института просят Бюро Свердловского Обкома ВКП (б) санкционировать проведение 25-летнего юбилея С.Г.И., утвердить юбилейную комиссию и план мероприятий по ознаменованию 25-летия высшей горной школы Урала».

В записке её авторы дали мотивированное обоснование юбилейной даты, сославшись на текст «Закона об учреждении Горного Института в городе Екатеринбургу» и на некие архивные документы (?), в которых, якобы, было сказано, что «летом 1916 г. в г. Екатеринбург прибыл назначенный ректор Горного института проф. П. П. Веймарн с группой работников и приступил к организации института и подготовке к приему студентов. Поэтому достоверной (?) датой начала деятельности Горного института ... надо признать 1916 г.».

Самой ценной в записке была фраза: *«Юбилей 25-летия высшей школы на Урале имеет право праздновать только Горный*

институт» (курсив авт.). Это истина. Историческая ценность этой фразы в том, что историки Уральского государственного университета до 1992 г. активно оспаривали первенствующую роль Горного института в истории высшего образования Урала. Они приписывали её университету на том основании, что он был учреждён по декрету, утверждённому В. И. Лениным, а Горный институт – по закону, утверждённому Николаем II. И этот факт, как говорил Полубарьев, их ничем не обязывал. Такова уж объективность исторической науки.

Докладная записка породила проекты трёх документов, составленных в Бюро Обкома ВКП (б). Первый документ представлял решение Бюро о праздновании юбилея. Члены Бюро сочли необходимым провести юбилей, приурочив его к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, и постановили поддержать ходатайство коллектива института о присвоении институту имени В. М. Молотова (1890 – 1986). Одобрив они также представленный институтом план мероприятий и состав юбилейной комиссии во главе с председателем Исполкома Облсовета И. Л. Митраковым (1905 – после 1969) в недавнем прошлом директором института.

Проектом второго документа был Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О награждении Свердловского горного института орденом Трудового Красного Знамени и присвоении ему имени В. М. Молотова». Проект третьего документа также представлял Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР, но только речь в нём шла «О награждении орденами и медалями профессорско-преподавательского персонала и сотрудников Свердловского горного института». К награждению орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями «За доблестный труд» и «За трудовое отличие» было предложено представить 23 человека.

Все документы были отосланы в Москву, а перед Наркоматом угольной промышленности СССР, в чьём подчинении находился институт, был поставлен вопрос «об отпуске средств на проведение 25-летнего юбилея».

Юбилей не состоялся. Началась война. Стало не до юбилеев. Наступили времена, о которых в народе говорят: не до жиру, быть бы живу. Но в конце 1943 г. кто-то напомнил наркому угольной

промышленности СССР Василию Васильевичу Вахрушеву об отложенном юбилее. Вероятнее всего это был директор института Дмитрий Николаевич Оглоблин (1905 – 1968). И в начале января 1944 г. нарком распорядился передать Председателю Совнаркома СССР И. В. Сталину (1879 – 1953) своё ходатайство:

«В 1944 г. исполняется 25-летие Свердловского горного института, возродившегося по указанию В. И. Ленина и развивавшегося в тесной связи с развитием промышленности Урала.

Институт был первым высшим учебным заведением на Урале и выпустил 3282 горных инженера, подавляющее большинство которых работает на производстве.

Институтом выполнены крупные геологические исследования, послужившие основой к развитию Урала, и разработано 50 крупных проектов новостроек.

В период Великой Отечественной войны институтом открыто более 200 месторождений бокситов, разведано месторождение кобальта и других полезных ископаемых, а также оказана большая помощь в развитии каменноугольной промышленности Урала.

В ознаменование 25-летия Свердловского горного института Наркомуголь представляет на Ваше усмотрение проекты Указов Президиума Верховного Совета Союза ССР:

- 1. О награждении Свердловского горного института орденом Трудового Красного Знамени и присвоении ему имени В. М. Молотова.*
- 2. О награждении орденами и медалями профессорско-преподавательского персонала и сотрудников Свердловского горного института».*

Ходатайство Вахрушева Сталин не удовлетворил. Почему? Возможно, он счёл, что достижения коллектива института не столь уж весомы и значимы. А может быть по какой-то другой причине.

Уже после войны 23 ноября 1945 г. была предпринята попытка изменить статус института. Её инициатором был заведующий кафедрой прикладной механики Василий Михайлович Шлыгин. На заседании Ученого совета он предложил переименовать вуз. Его мотивировка была очень патриотичной: «Мы, – сказал он, – называемся Свердловским горным институтом. Это создаёт оттенок некоторой захудалости, местного значения, между тем как наш

институт имеет всеуральское значение. Одним из мероприятий, которое могло бы повысить нашу солидарность, было бы переименование нашего института в Уральский горный институт, каким он был одно время».

Его не поддержали. Осторожный Василий Николаевич Головцын (1905 – 1968), заведующий кафедрой геофизических методов разведки, заявил: «Я думаю, что такое решение Совета было бы несерьёзным. Три года тому назад мы хлопотали о переименовании института, но это не было утверждено. Не стоит этот вопрос сегодня поднимать, надо его поднимать действительно на собрании научных работников, подготовить для этого материал, ходатайствовать перед областными организациями, чтобы они поддержали...».

То, что руководители Горного института хотели получить для вуза за один раз: юбилей, орден, имя, растянулось на десятилетия.

Осенью 1947 г. институту Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено имя министра угольной промышленности восточных районов страны В. В. Вахрушева. К этому времени, правда, прах министра покоился в урне, замурованной в кремлёвской стене.

Кто такой Вахрушев, именем которого был назван вуз? Он родился в Туле в последний день февраля 1902 г. Его отец был рабочим, мать домохозяйкой. Василий рано стал сиротой и воспитывался в семье подруги матери. Окончив три класса церковно-приходской школы, он уже с восьми лет начал работать учеником в слесарно-токарной мастерской, потом подручным слесаря на самоварной фабрике. Учиться больше не пришлось. Учителем для него стала жизнь. Кем бы он стал, если бы не революция? Скорее всего, хорошим мастером на одном из тульских заводов. Революция вознесла его, именно вознесла, к вершинам государственной власти, но могла и уничтожить.

В нём был природный талант организатора, руководителя, вожака, который он развил до совершенства. Им, полуграмотным сиротой, двигало по жизни немалое честолюбие, амбиции, расчётливая осторожность и благосклонность судьбы. Свою карьеру он начал с организации ячейки союза рабочей молодёжи, потом стал комендантом и помощником директора завода «Социалист». Это в 16-то лет. Когда летом 1919 г. к Туле подошли

части Добровольческой армии, он записался в Красную Армию и был принят в члены РКП (б). Всю гражданскую войну он прослужил в политуправлении Западного фронта. Но политработником не стал. Почему? Неизвестно.

Его, вернувшегося в 1921 г. в родную Тулу, «бросили» на хозяйственный фронт. Должности, которые он занимал, менялись чаще чем раз в году и каждая последующая была важнее и ответственнее предыдущей: секретарь губернской контрольной комиссии РКП (б), член Губкома РКП (б) и Губисполкома, начальник губернского уголовного розыска, директор промкомбината «Тулашвейвата», директор Косогорского металлургического и Тверского вагоностроительного заводов. Но это был пока губернский уровень деятельности, который, конечно, не соответствовал его возможностям.

На всесоюзный уровень он поднялся через десять лет, когда в 1931 г. его назначили на пять лет директором крупнейшей в то время в стране Каширской тепловой электростанции. Потом он был начальником треста «Мосэнергострой», заместителем начальника Всесоюзного треста «Главэнерго» и управляющим трестом «Мосэнерго». К началу трагичнейшего 1937 года он стал советским управленцем такого уровня, который мог руководить, чем угодно, и ему это было всё равно. В этот год Вахрушева назначили наркомом местной промышленности РСФСР, на следующий – заместителем председателя СНК; с 1939 по 1940 гг. он был его председателем, т. е. главой правительства России. В 1939 г. И. В. Сталин оценил партийную преданность и работоспособность Вахрушева избранием его в члены ЦК ВКП (б) и назначением первым в истории СССР наркомом угольной промышленности.

Колоссальный опыт управленческой работы, который Вахрушев приобрёл, накопил и осмыслил за 20-летнюю деятельность на различных руководящих постах, спас его и десятки миллионов советских людей в годы войны. Под его руководством была выполнена в тяжелейших условиях гигантская работа по эвакуации оборудования донецких горнодобывающих предприятий в восточные районы страны. А в этих районах: на Урале, в Караганде и Кузбассе, в Коми АССР, на Северном Казахстане и на Дальнем Востоке была в кратчайшие сроки в разы интенсифицирована добыча угля. На уральских шахтах и разрезах,

например, добыча угля возросла в 2,5 раза. Это стало одним из важнейших залогов Победы, а Вахрушев – героем во всех отношениях. 30 сентября 1943 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

После войны наркоматы стали называться министерствами. В январе 1946 г. Министерство угольной промышленности было разделено на два самостоятельных ведомства по территориальному принципу – на Министерства угольной промышленности западных и восточных районов страны. Главой второго министерства был назначен Вахрушев. Его жизнь закончилась неожиданно. 8 января 1947 г. в служебном кабинете с ним случился инфаркт и через пять дней он скончался.

Более 40 лет Горный институт носил имя этого, безусловно, незаурядного человека. Оно исчезло из названия вуза, также без законного юридического основания, как в 1917 г. имя Императора Николая II. Время идёт, но не меняется отношение к событиям прошлого. Если они чем-то не нравятся, если они не вписываются в новую парадигму, то о них бесцеремонно забывают. Так было во все времена, во всех странах, при любых социально-политических режимах. Было, есть и будет.

Первый юбилей института, его 50-летие, был отмечен 1 декабря 1967 г. Это был вообще первый юбилей в истории высшей школы Урала. На торжество и приуроченную к нему научную конференцию приехало тогда со всей страны около полутора тысяч выпускников института и гостей и среди них член Государственного Комитета по науке и технике академик АН СССР Н. В. Мельников (1909 – 1980), заместитель министра геологии РСФСР Л. А. Потемкин, главный геолог Министерства угольной промышленности УССР Г. В. Шарманова, заместитель министра топливной промышленности РСФСР В. М. Пешков, начальник Главного управления открытых горных работ Министерства угольной промышленности СССР В. Н. Иванов, заместитель министра высшего и среднего специального образования РСФСР А. И. Попов.

Ленинградский горный институт представлял его ректор Л. Н. Кель (1912 – 1978). Выступая, он сказал: «Учёные и студенты, провожая меня, просили передать, что высоко ценят своего собрата за то, что его дух созвучен нашему. Вам – 50, а нам

скоро 200, но мы учимся друг у друга... Я очень волнуюсь. Детство моё прошло здесь в Свердловске. Волнуюсь я и от того, что вы так тепло отметили ... моего отца» Николая Георгиевича, который был ректором после Веймарна. О Веймарне, конечно, не было сказано ни слова. Для этого ещё не наступило время.

Орденом Трудового Красного Знамени институт был награждён в связи с 50-летием в мае 1969 г. В этот раз торжество прошло скромнее, по-семейному. В переполненном актовом зале собрались только преподаватели, сотрудники, студенты и выпускники, а в президиуме сидели представители всех уровней местной партийной власти. Ректор Глеб Павлович Саковцев (1912 – 1985), прочитав Указ Президиума Верховного Совета СССР, призвал всех ответить хорошей учёбой и успешной работой на заботу Партии и Правительства. В ответ ему раздались бурные аплодисменты.

Награда была заслуженной. Первый уральский вуз стал и первым орденоносным вузом. «Эта высокая награда, – сказал заведующий кафедрой экономики К. В. Зебзиев (1909 – 1973), – дана тем, кто начинал строить наш институт, и тем, кто учит и учится здесь сегодня, и тем, кто придёт к нам... Орден прикрепят к нашему знамени. Но пусть его носит каждый из нас и в своём сердце». Или, перефразируя Э. Хэмингуэя (1899 – 1961), пусть это будет праздник, который всегда с нами и на все времена.

Имя вуза и его название историчны. Они несут на себе отпечатки событий, которые случились на веку учебного заведения и потому являются предметами изучения, исследования и анализа, в такой же мере, как новгородские берестяные грамоты или шумерская клинопись.

«VIVAT, ACCADEMIA!»

Милость монарха укрепила веру Веймарна и членов Строительной комиссии в то, что осенью в институте начнутся занятия. В январе, когда Совет Министров постановил предоставить Министерству торговли право назначить 1 июля ректора и пять профессоров для того, чтобы они образовали Совет Горного института, к вере добавилась надежда. Любовью же к первому уральскому вузу была пропитана вся атмосфера, в которой он создавался с самого начала.

Но, чтобы возвести на этих вечных опорах жизни институтское здание, их необходимо было скрепить деньгами, которых катастрофически не хватало. Финансовые ресурсы местных органов общественного самоуправления были уже исчерпаны. В начале февраля Шадринская уездная земская управа сообщила в канцелярию УГИ о единовременном ассигновании на его нужды 10 тысяч рублей. Это было маковой росинкой, каплей, капелькой, а нужен был грибной, обломный ливень средств. Почему их нет и как их получить? Об этом состоялся драматичный разговор на заседании Думы 17 февраля.

Представитель Строительной комиссии и гласный Думы Круковский рассказал, что смета на 1917 г., увеличенная против первоначальной, не прошла через бюджетную комиссию Государственной Думы и потому не может быть Думой рассмотрена. Это и задерживает ассигнования на продолжение строительных работ, которые нельзя останавливать из-за решения открыть институт осенью. Нужно предпринять энергичные меры, чтобы смета поступила на утверждение Думы. Какие? Ф. А. Иванов, прислав телеграмму, предложил воспользоваться испытанным способом: возбудить ходатайство в Министерстве торговли о том, чтобы смета была проведена через бюджетную комиссию, а членов комиссии просить внести её на рассмотрение Думы. Сам Филипп Антонович пообещал лично поговорить об этом с министром торговли.

Круковский, зная о предстоящей поездке Веймарна в Петроград, порекомендовал гласным просить его лично ходатайствовать о проведении через Думу ассигновки в счёт общей суммы 2942000

рублей; если нельзя по смете 1917 г., то авансом в счёт сметы 1918 года.

Городской голова сообщил и о своих личных хлопотах в Петрограде. В беседе с министром он выяснил, что в смету на постройку института было внесено всего 5 тысяч рублей. Почему так мало? Потому, что Правительством был утверждён циркуляр, запрещающий во время войны представлять сметы на какие-либо сооружения, требующие больших ассигнований. Как в таком случае поступить? Министр сказал, что всё зависит от инициативы депутатов. Значит, надо бить им челом, чтобы добиться благополучного разрешения вопроса. Кому следует взять на себя эти хлопоты? Веймарну, как посоветовал Круковский, а также «имеющего выехать в Петроград П. В. Иванову». На том и порешили.

Институт ещё строился, а в Екатеринбурге уже обсуждали планы его расширения. 21 февраля на заседании Строительной комиссии Обухов доложил постановление городской думы по вопросу «об открытии в Екатеринбурге Института Путей Сообщения или соответствующего факультета при УГИ». Веймарн ему заметил, что этот вопрос не входит в компетенцию Строительной комиссии и предложил обсудить другое предложение о том, желательно ли открыть при УГИ инженерно-строительное отделение. Сам он считал, что Уралу нужны инженеры-строители. Его поддержал Питерский, заявив о необходимости учреждения такого факультета-отделения по типу уже существующих в политехнических вузах страны.

Члены комиссии вполне разделили соображения обоих и попросили Веймарна возбудить перед Министерством торговли соответствующее ходатайство. Через два дня Веймарн уехал в столицу для участия в совещаниях съезда начальников высших технических учебных заведений, увезя с собой два ходатайства: об ассигнованиях на 1917 г. и об открытии в УГИ инженерно-строительного факультета.

А вслед ему, как и было решено на заседании городской думы, городская управа послала телеграммы членам законодательных палат Государственной Думы Д. И. Шаховскому, А. А. Бубликову, А. Ф. Иванову и А. В. Иванову о выделении на постройку первых двух корпусов УГИ 1942000 рублей. Тексты телеграмм были

обстоятельными. Уральцы писали, что в 1916 г. общественные организации края полностью и своевременно внесли на строительство 1 миллион рублей, который всецело израсходуется на постройку помещений для первого курса. Но вот в 1917 г., «вопреки всеобщей уверенности», Министерство торговли не внесло в смету средства на постройку помещений для второго курса, несмотря на ходатайство Строительной комиссии и, этим поставило её в тяжёлое положение. Часть помещений для первого и второго курсов по проекту являются общими. Поэтому без их постройки невозможно будет начать занятия осенью на первом курсе. А между тем кредиты на личный состав профессоров, оборудование и содержание института в смету уже внесены. Чтобы обеспечить нормальные условия для учебы и не обречь Уральский горный институт Императора Николая II с самого начала на прозябание, министр и депутаты были просто обязаны обеспечить требуемые ассигнования.

Веймарн приехал в Петроград 25 февраля и не узнал город. Город бурлил. В этот день был обнародован манифест Николая II о роспуске Государственной Думы; командующий столичным военным округом отдал приказ открывать огонь по демонстрантам; в ответ при разгоне демонстрации был сброшен с коня и зарублен собственной шашкой полицейский пристав; на улицах начали строить баррикады. На следующий день была расстреляна демонстрация на Знаменской площади; часть депутатов Думы не подчинилась манифесту и сформировала Временный комитет Государственной Думы. 27 февраля восстал Волынский резервный полк; к нему присоединились солдаты других частей; рабочие Выборгской стороны вместе с солдатами освободили всех заключённых из тюрьмы «Кресты»; были разгромлены Окружной суд и Охранное отделение, а находившиеся в них дела сожжены. Свобода пьянила и кружила головы. По улицам двигались колонны демонстрантов с красными флагами и транспарантами; у каждого, от великого князя до сопливого мальчишки, на груди были приколоты красные банты. 2 марта царь отрёкся от престола и в этот же день было образовано Временное Правительство. Его главой стал князь Г. Е. Львов, а министром торговли – А. Н. Коновалов. Империя пала в одночасье. Что ждать от новой власти?

Давно у Веймарна не было такой тяжёлой поездки, хотя в министерских и думских кабинетах сидели пока ещё знакомые чиновники и депутаты. Спустя месяц он прислал в Екатеринбург телеграмму, сообщив, что «об ассигнованиях на постройку института хлопотал во всех инстанциях. Только сегодня получил уверенность, что добьюсь успеха, именно ассигнования 3 миллионов на этот год из общего ассигнования на постройку 7 миллионов 200 тысяч рублей. Окончательное решение будет принято на этой неделе. Прошу срочной телеграммой от имени городской думы поддержать моё ходатайство». Из телеграммы следовало, что война, обусловившая политическую нестабильность и революцию, более чем в два раза удорожила строительство, и это был не предел.

Веймарн вернулся в субботу 8 апреля, а через несколько дней телеграммой ему сообщили о решении междуведомственного совещания при Министерстве финансов ассигновать на достройку здания института 3 миллиона рублей из наличных средств казначейства. В текущем году предусматривалось выделить 1,5 миллиона при условии, что деньги будут выделяться по мере надобности. Итак, новая власть продемонстрировала свою способность выполнять обещания, а значит, можно было надеяться, что строительство будет закончено к осени и занятия начнутся в собственном здании. Штат профессоров уже был составлен.

В Екатеринбурге Веймарн ещё раз пережил то, что он уже видел в столице, только в провинциальном варианте. До города давно уже докатился разрушительный вал революции; 19 марта во всех храмах были приведены к присяге Временному Правительству граждане-служащие различных учреждений; под домашний арест был заточен бывший губернатор Лозина-Лозинский; по желанию «граждан-солдат и других граждан» был закрыт досками памятник Александру II у кафедрального собора; попечительский совет Алексеевского реального училища, названного так в 1873 г. в память посещения города великим князем Алексеем Александровичем, обратился в городскую управу с просьбой обсудить вопрос об изменении его названия; бывший начальник Уральских горных заводов Егоров был исключен из членов уральского областного военно-промышленного комитета, якобы «за его доносы о деятельности комитета старому правительству»; член

Строительной комиссии, управляющий Сергинско-Уфалейским горным округом Питерский ушел со службы, и рабочие приветствовали эту отставку, поскольку он, по их мнению, много лет держал в «железных тисках как интересы рабочих, так и развитие промышленности», а три сестры-сиделки подали прошение о зачислении их в «Батальон смерти», который в Петрограде формировала Мария Бочкарёва (1889 – 1920).

«Революционная» ржа стала разъедать и городскую думу. Гласный Беленьков вдруг заявил, что Обухов, получая слишком большое жалованье, гуляет по Петрограду и ничего не делает для города. 16 мая на заседании думы Александр Евлампиевич, оскорблённый наветом, отказался от должности городского головы. Его уговорили взять заявление об отставке назад. Он обещал подумать. Подумал и взял.

Февральская революция породила не только Временное правительство, но и такой представительный орган власти как Советы рабочих и солдатских депутатов, с мнением которых приходилось считаться. 30 мая на заседании думы Обухов сообщил гласным, что Веймарн обратился к товарищу министра торговли с просьбой утвердить новые условия оплаты работы, на которых настаивает подрядчик Эспозито в связи с дороговизной строительных материалов, прося повысить стоимость одной кубической сажени до 420 – 450 рублей. Министерство телеграммно ответило согласием на новые расценки, но при условии выполнения только тех работ, которые необходимы лишь для того, чтобы открыть занятия, и не больше.

И вот тут возникло затруднение. С 10 марта в России был введён 8-часовой рабочий день. При этом ограничении и при постоянном количестве рабочих, занятых на стройке, завершить её в срок было невозможно. Как быть? На стройке сдельно трудилось много итальянских каменщиков, военнопленных и китайцев. Магницкий предложил просить Совет рабочих и солдатских депутатов, чтобы он не применял к ним этот закон ввиду спешности работ.

Да, следовало спешить. До обещанного начала учебного года оставалось совсем немного времени. Городская управа ежедневно получала запросы о времени открытия института и прошения об отводе участков земли возле него. Рекламу институту создавали

зрелищные мероприятия. В субботу 10 июня учащаяся молодёжь города представила в Новом городском театре (ныне оперный театр) пьесу Л. Андреева (1871 – 1919) «Дни нашей жизни»; десятая часть сборов от спектакля была передана обществу помощи Горного института. Через сорок дней ансамбль кружка сценических деятелей под «режиссёрством» В. А. Тебелёва поставил, находившуюся под запретом царской цензуры пьесу Вяч. Артемьева «Предатель». Билеты на спектакль продавались в магазине Зиминной и в канцелярии Горного института. Теперь уже половина чистого сбора предназначалась институту.

В начале лета в Петрограде состоялось заседание особого Совещания начальников вузов двух ведомств: Министерства народного просвещения и Министерства торговли и промышленности с участием выборных представителей Советов вузов и младших преподавателей «для обсуждения вопросов, касающихся высшей школы, выдвигаемых условиями современной жизни». Участники Совещания решили не поднимать вопросов о коренной реформе высшего образования, пока идёт война, а «все внимание направить на выработку тех предварительных мер, принятие которых представляется неотложным».

Результатом работы Совещания стал законопроект, представленный «на благоусмотрение Временного правительства», в котором предлагалось образовать в составе российских горных институтов факультеты: в Петроградском – горный, разведочный и заводской, в Екатеринославском – горный и металлургический, в Уральском – горный и заводской. В связи с этим предусматривалось учредить в штатах вузов должности деканов и секретарей факультетов. На этом основании штат УГИ дополнялся одной должностью декана и двумя должностями секретарей, которые должны были избираться на общем собрании сотрудников факультетов.

Должности были оплачиваемые: деканам должно было выдаваться добавочное вознаграждение в 900 рублей в год, секретарям – по 300. В 1917 г. эти расходы относились на остаток от содержания личного состава учебного заведения, а с 1918 г. соответствующие кредиты должны были испрашиваться в сметном порядке.

Решение, принятое на Совещании и оформленное в виде законопроекта, было разумным. С его реализацией вузы должны были обрести структуру, т. е. устойчивость, поскольку между Советом вуза и его подразделениями: кабинетами, кафедрами и лабораториями – создавался важнейший элемент вузовского управления – факультет.

В каком же состоянии к началу августа находилось здание института? За два строительных сезона 1916 и 1917 годов было сделано многое, но не всё, что было запланировано. По оценке Веймарна была «выстроена и закрыта крышей часть здания, несколько меньшая $\frac{1}{3}$ всего здания института, равная приблизительно 9000 куб. сажень (объём здания института около 30000 куб. сажень, считая от обреза фундамента до верха карниза, полезная площадь около 4000 кв. саж.). Что касается внутренней отделки, то она должна была быть закончена к концу строительного сезона 1918 г. ... Кроме постройки указанной части здания были произведены все главные земляные работы и вырыты рвы для фундаментов почти под все здания». По мнению Веймарна, в «выстроенной части здания, несколько потеснившись..., институт сможет функционировать в ближайшие годы лучше, чем во ... временных помещениях».

Как будто бы неплохо? Как будто бы. Препятствием для использования строящегося здания стала дорога, точнее её отсутствие, между городом и институтом. Будущим студентам, образно говоря, не по чьему было двигаться к вершинам знаний. Строительство дороги и виадука через полотно железной дороги было запланировано, но построить, ни то, ни другое к началу занятий не удалось. И Веймарн, как это ему и не хотелось, вынужден был согласиться на открытие института во временных помещениях.

В середине августа второе каолиционное Временное правительство, названное «правительством спасения революции», под председательством уже Керенского, объявило приём в Уральский горный институт, утвердило профессоров и назначило ректором Веймарна.

В канцелярию института поступило 610 прошений о приёме. Кем были первые уральские абитуриенты? По происхождению – это были в основном уральские уроженцы; по образованию –

выпускники высших учебных заведений, учительских институтов, реальных, технических и коммерческих училищ, классических и женских гимназий, кадетских корпусов и духовных семинарий. Больше всех было реалистов. Возрастной диапазон абитуриентов был очень широк: от 16 до 52 лет, но в основном (более 80 %) это были молодые люди от 16 до 23 лет.

Не все поступавшие могли оплатить подготовку к вступительным экзаменам. Около двух десятков екатеринбуржцев, и среди них будущий известный уральский минералог А. Н. Игумнов (1899 – 1976), обратились к ректору с просьбой зачислить их без испытательных экзаменов; просьба была поддержана городской думой, и Совет УГИ удовлетворил её.

25 августа состоялось первое заседание Совета института (в этот же день начался корниловский мятеж как предтеча будущей трагедии России), на котором Веймарн заявил, что хотя он и назначен правительством, но для легитимности «желал бы подвергнуться избранию членов Совета». Совет сначала единогласно избрал его, а затем через эту процедуру прошли и все остальные: профессора, преподаватели и обслуживающий персонал. Формальность, но тактично-щепетильный Веймарн счёл её обязательной и для себя, и для своих коллег.

О том, что Екатеринбург мало приспособлен для проживания студентов, Веймарн предупреждал ещё в 1916 г., когда начал создавать кассу взаимопомощи. Иногородние студенты почувствовали это первыми. Почти каждый из них нуждался в жилье. Для разрешения этого и других вопросов они, и местные и приезжие, объединились в студенческую организацию, которая стала защищать их права и обеспечивать нормальные условия жизни.

28 сентября правление студенческой организации обратилось к гражданину городскому голове. Почему к гражданину, а не к господину? Да потому, что с первого сентября Россия была провозглашена республикой и все в ней стали гражданами. Обращаясь к Обухову, студенты просили его оказать им содействие в предоставлении для общежития и канцелярии правления «помещения по Покровскому проспекту (ныне улица Малышева) в доме № 52 ... с соответствующей обстановкой, электрическим

освещением, отоплением, прислугой, а также с отнесением на счёт городского самоуправления расходов по содержанию квартир».

Ректор «всемерно» поддержал ходатайство и просил «не отказать затронутый в нём вопрос вынести на обсуждение в ближайшем заседании» думы. Заседание в экстренном порядке состоялось через два дня. На нём были рассмотрены оба ходатайства – и студенческое, и ректорское. Дума постановила отдать помещения на Покровском проспекте студенческой организации безвозмездно в аренду на год под общежитие, ассигновав на его содержание 1200 рублей. Городской управе было разрешено дать студентам мебель и обстановку, «если таковая имеется свободной у города», а стоимость произведенного в помещениях ремонта предложено было отнести за счёт средств, полученных за содержание в них военнопленных.

Движение документов происходит по каким-то неведомым законам, но неспешно. Только 16 октября в канцелярии УГИ получили выписку из решения думы о предоставлении помещений студенческой организации. В правление этой организации решение городской управы поступило только 30 ноября. Правление, почему-то усомнившись в нём, переспросило, «все ли и с какого числа, заарендованные помещения находятся в распоряжении студенческой организации».

Жилищные проблемы студентов дали повод газете «Зауральский край» саркастически оценить местное общество вспомоществования нуждающимся студентам. «Екатеринбург не особенно дружелюбно встретил студентов-горняков, – написала газета. – Квартирный кризис обострился в городе настолько сильно, что учащейся молодежи приходится ютиться чуть не «в углах». В связи с этим вспоминается, что когда-то Екатеринбургское общество вспомоществования нуждающимся студентам получило в дар от города участок земли для постройки здания студенческого общежития, собрало для этого средства, но филантропические проекты общества остались лишь на бумаге.

Мечты, мечты, где ваша сладость!

В нужный момент Екатеринбургское общество вспомоществования оказалось в «нетях».

Итак, первым общежитием студентов УГИ стал дом № 52 на Покровском проспекте. Первоначально он принадлежал мещанину

Г. Н. Александрову. Дом был двухэтажный, полукаменный, с мезонином. Его фасад был оштукатурен и побелен. Владелец держал в нём гостиницу на 12 номеров, одну из самых дешёвых в городе. При гостинице работали кондитерская и булочная, а во дворе была голубятня. Потом владельцем и дома, и гостиницы стал сын Александрова Василий Григорьевич Мормоненко. К началу мировой войны дом обветшал, гостиница спросом не пользовалась и Василий Григорьевич сдал его в аренду городской управе за 1200 рублей. Дом этот, снесённый в 20-х годах, памятен ещё и тем, что в нём прошли детство и юность сына Василия Григорьевича – Григория (1903 – 1983), выдающегося советского кинорежиссёра, создателя музыкальных комедий «Весёлые ребята», «Волга-Волга» и других.

После испытаний в число студентов было зачислено 306 человек. В течение первого учебного года к сдаче экзаменов было допущено ещё 62 студента других высших учебных заведений. Таким образом, студенческий контингент составил почти четыреста человек. Не так уж плохо, хотя Веймарн планировал, что в УГИ будет учиться от 500 до 1000 студентов. Помещения для занятий были расположены в центральной части города, поэтому переходы из здания в здания не должны были отнимать у студентов много времени и быть для них не обременительными.

Для чтения лекций был предоставлен читальный зал библиотеки им. В. Г. Белинского на Вознесенском проспекте (ныне улица Карла Либкнехта и библиотека им. Ф. М. Решетникова). Для проведения практических занятий по черчению были отданы гимнастический зал мужской гимназии и помещение, которое занимала канцелярия института в доме Полякова. А под канцелярию, библиотеку и мастерские по ремонту физических и геодезических приборов городская управа передала институту Вознесенскую школу. Базой для лабораторного практикума стала золотосплавочная лаборатория.

Вот и всё, чем располагал институт к началу занятий, не считая строящегося здания, возведение которого было временно приостановлено из-за неполучения стекла для остекления окон. Стекло в необходимом количестве обязалась поставить московская фирма Ю. С. Нечаева-Мальцева, известная в России, да и в Европе с 1756 г. своим заводом в г. Гусь-Хрустальном, на котором

производилась посуда и художественные изделия из стекла и хрусталя. Чтобы начать выполнение заказа, фирма потребовала задаток, а получив его, сообщила через три недели, что он мал и его надо увеличить. В ответ на шантаж Веймарн пригрозил возбудить против фирмы судебное преследование. Нерешённым оставался и вопрос об устройстве отопления и вентиляции, которые бралась сделать фирма Корсака за три миллиона рублей. Но, ни то, ни другое ни этими фирмами, ни другими так и не было сделано никогда.

К началу октября многие препятствия к открытию института были устранены и Веймарн счёл, что можно объявить, наконец, когда это произойдёт.

6 октября состоялось очередное, 8-е по счёту, заседание Совета института. На нём профессора и преподаватели доложили свои учебные программы по математике, начертательной геометрии, кристаллографии, сферической тригонометрии и геодезии, теоретической физике, черчению, зоологии, ботанике и дендрологии; была зачитана телеграмма от профессора Антонова о том, что он задерживается в Лондоне и просит его временно заменить. Келль сообщил о приобретении геодезических приборов, которые частично были куплены в Томске у Н. Л. Пигалевского, частично в Екатеринбургских магазинах; много приборов передало во временное пользование управление Северо-Восточной Уральской железной дороги. Овсянников предложил ещё обратиться за помощью в Пермскую землеустроительную комиссию. Потом был рассмотрен проект расписания лекций и практических занятий и было решено, что в первой половине дня будут читаться только лекции, но не более трёх с короткими перерывами между ними, а во второй половине – после длительного перерыва – проводиться практические занятия. Для оценки успеваемости студентов постановили отказаться от балльной системы, а придерживаться «системы зачета знаний». Ну, что ж, поэкспериментировать можно.

Некоторые члены Строительной комиссии решили попробовать себя в роли студентов и обратились к ректору с просьбой разрешить им посещать некоторые лекции, а городской голова даже изъявил желание стать полноправным студентом. Его

просьба была удовлетворена. Разве можно было отказать солидным людям в таком истовом стремлении к знаниям?

Только в самом конце заседания, когда были рассмотрены и обсуждены все текущие вопросы, педантично-рациональный, не любивший суеты и праздности Веймарн предложил назначить открытое заседание Совета института и Строительной комиссии, т. е. открытие института, в понедельник 9 октября, в 11 часов утра, в читальном зале библиотеки Белинского, а на следующий день после молебствия начать в 10 часов чтение первой лекции.

Через два дня, 8 октября, Веймарн получил из Петрограда телеграмму с приглашением прибыть в столицу 10-го для защиты кредитов, отпускаемых институту на 1918 г. Ехать не ехать? Веймарн таким вопросом не стал задаваться. Конечно, не ехать, ведь уже назначена дата открытия института. К началу министерского совещания он всё равно не успевал, поэтому послал телеграмму с просьбой ассигновать на строительство на следующий год столько денег, сколько было указано в докладной записке Строительной комиссии. Телеграммы такого же содержания в столицу были отправлены городским головой и председателем земской управы с группой граждан.

Городская управа, желая ознаменовать открытие института, немного запоздав, внесла в думу предложение отметить званием «почётный гражданин Екатеринбурга» тех, кто более всего потрудился для создания вуза. Дума, одобрив инициативу управы, избрала для разрешения этого приятного вопроса особую комиссию.

Со времени «Большого дня» газета «Зауральский край» не была так щедра на публикацию материалов, посвященных открытию института. Номер газеты с ними, занимавшими почти целую полосу под общим заголовком «VIVAT, ACCADEMIA!», вышел в день открытия – 9 октября. Материалы для полосы готовились, видимо, в спешке, в последний момент, поэтому экспромт получился не очень удачным.

Первой поздравила с праздником господ профессоров и господ студентов, посвящающих себя Уралу и несущих ему свет знаний, редакция газеты на правах хозяйки (ведь своя рука владыка) от имени всей свободной прессы.

Потом было помещено длинное стихотворение «Наш Горный Институт» какого-то местного поэта, скрывавшегося под нелепым псевдонимом «Никто-не». Готовый взорваться от распиравших его восторженных чувств и потому плохо управлявший рифмами, он, оптимистически восклицая, пророчествовал:

Да! Что бы ни было в запасе у судьбы –
Дни рабства новаго иль путь прямой свободы,
Нас будет ободрять в дни мира и борьбы
Наш Горный Институт, как маяк путеводный.

Авторы других материалов: об исторических предшественниках Горного института, о профессиональном и горном образовании в России, словно соревнуясь в образности сравнений и пожеланий, называли УГИ и свободным храмом науки, и новым храмом науки и знаний; желали, чтобы он высился гордо, чтобы научил верить людей в науку и правду и воскресил «имена тех забытых, что бросили здесь первые зерна науки и знаний и отдали родному Уралу свою жизнь»; славили «образованных научно техников и мастеров из тех,

чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусство, науки,
Предаваться мечтам и страстям ...».

В самом конце полосы был напечатан короткий репортаж «На открытии Уральского Горного Института». Написавшему его сотруднику газеты очень понравилась придуманная им фраза: «Нет помпы, нет красивых декораций», и он повторил её рефреном несколько раз.

«Нет помпы, нет красивых декораций, пульс общественной жизни не бьётся в унисон с теми широкими перспективами, которые рисуются воображению в этот исторический для Урала день ... День открытия Уральского горного института.

Кругом волнуется народная стихия, высоко вздымается гребень ея волн ...

Словно в какой-то оазис среди бушующего самума собрались 9 октября в публичной библиотеке В. Г. Белинского совет

профессоров и студенчество Уральского горного института, немногочисленные делегации от различных учреждений и учебных заведений и немногие общественные деятели. Такая необычная, скромная обстановка».

Даже очень скромная по сравнению с торжеством закладки институтского здания в июле 1916 г. Под стать выдалась и погода. День был прохладный, серый, слегка согретый осенним солнцем. День, каких много в году, но очень немного в истории Урала. В читальном зале собралось около трёхсот человек; город и уезд представляли городской голова Обухов и председатель земской управы П. Е. Патрушев, сменивший на этом посту Симанова. После объявления об открытии института на кафедру поднялся его ректор Веймарн.

«Он говорит, – написал репортёр, – о рациональной постановке технического образования с точки зрения современного энергетического мирозерцания. Его речь слушают с большим вниманием. Это кормчий того корабля, который снимается сейчас в дальнее, трудное плавание. Методически, логично, содержательно говорит П. П. Веймарн. Он слишком академичен. Быть может менее содержательная, но более красивая, яркая слова, ждала от него юная аудитория, которая пришла оттуда, где всё бурлит и кипит, и нет сил остановить пламень стихии».

Этим пламенем уже были охвачены студенты и некоторые преподаватели: в городском комитете партии народной свободы (партия конституционных демократов) была создана студенческая фракция, активными членами партии эсэров были Келль и приглашённый на должность ассистента по кафедре математики, прапорщик Горин. Социально-политическую стихию действительно невозможно было остановить, ещё сложнее понять её суть и найти в ней своё место, чтобы она тебя не уничтожила.

После Веймарна выступили: Надежда Васильевна Галли с очень трудным для понимания слушавших её докладом «Новые взгляды на строение вещества», рассказав о результатах последних теоретических и экспериментальных исследований выдающихся европейских физиков, и Александр Александрович Бернардацци с речью «Здание Уральского Горного Института», показав собравшимся великолепно выполненные планы строящегося здания института. Потом были выступления представителей города,

земства, различных учреждений, студентов, подносились красиво оформленные адреса, «умную и содержательную, по мнению репортёра, речь произнёс профессор Шохат». Да, Яков Александрович был не только одарённым математиком, но и неплохим оратором, умным и в какой-то мере прозорливым:

«В Екатеринбурге сегодня культурный праздник. – Такими словами он начал свою речь. – Открывается Уральский горный институт. Урал получил, наконец, долгожданное высшее учебное заведение. На общем фоне разрушения материальных и культурных ценностей, совершающегося ежедневно чуть не на всём пространстве нашей родины, тем отраднее приветствовать созидательный акт – открытие нового культурного центра. В трудный момент появляется новый институт. Его старшие собраты в большинстве закрыты; кругом бушует взволнованное до самых глубин море нашей действительности. Многие рушится, исчезает бесследно в волнах. Будем же беречь молодой институт, защищать его от суровых воздействий извне от ударов волн.

Никогда ещё не чувствовалось так ясно, как теперь, насколько мы бедны культурными творческими силами, насколько мы плохие создатели, неумелые творцы, но зато, увы, смелые разрушители .... Раскинувшись от моря, обладая неисчерпаемыми богатствами – лесом, металлами, углем и т. д., мы, тем не менее, оказались в полной зависимости от наших соседей с востока и с запада. Война вскрыла нашу чудовищную отсталость, неумение брать то, что, казалось бы, лежит под руками. Мы бедны среди всех наших богатств и вынуждены с большими жертвами для национального достоинства и национального блага доставать у других то, что нетрудно было достать самим. Слишком много у нас людей слова, но мало людей дела, мало творческой энергии, созидающей воли.

Пожелаем же новому институту дать нашей родине и, в частности, Уралу людей, богатых не только знаниями, но и могучей волей к творчеству. Ведь им, питомцам института, придётся принять деятельное участие в создании новой России, в залечивании её ран, да и чем мы их залечим, как не широким творческим размахом в деле использования наших естественных богатств,

Велика задача наша, первых руководителей, велика и ответственность перед краем и родиной. Институт – это новое насаждение на уральской почве.

Будет ли он хилым и бесплодным, или расцветёт и даст пышные плоды? Это зависит от всех нас – учащих, учащихся и всего общества.

Только в атмосфере тёплого сочувствия и участия, в атмосфере спокойного труда и согласованной деятельности всех элементов Уральский институт сделается лучшим украшением Урала и его столицы – Екатеринбурга».

Наконец, иссякли речи и поздравления, стихли аплодисменты и торжество закончилось. Возбуждённая публика, расходясь, делилась впечатлениями. Членов Совета института и Строительной комиссии ждал товарищеский обед в зале Общественного собрания. Дописана и перевёрнута ещё одна страница истории. Что-то будет завтра? Что? Неизвестно. Эта неизвестность тревожит. Поэтому «Нет помпы, нет красивых декораций. Не слышно победно-радостного «Гаудеамуса» – песни верящей в себя молодёжи .... Нет помпы, нет красивых декораций. Уральский горный институт открыт».

РОЖДЕНИЕ ALMA-MATER

Девятое и десятое октября по времени разделяют сутки, но по сути – эпоха, потому что за эти сутки и произошло рождение института. Он начал жить: застучало его сердце сердцами сотен студентов и преподавателей; забился молодой пульс, напрягся мыслями коллективный мозг, задышали лёгкие, наполняя кровь кислородом знаний, зазвучал его голос, сотканный из басов, теноров и баритонов лекторских и студенческих, заискрился смех, он стал жестикулировать, двигаться, чувствовать, надеяться и любить.

«10 октября 1917 года совершается одно из величайших событий горного Урала. – Воскликнул некто Михаил Борисов на странице газеты «Зауральский край». – Этот день – его культурный праздник.

Открываются занятия в Екатеринбургском горном институте. Открываются не в глухую пору безвременья и неудержного произвола... А в тот момент, когда многогранная победоносная революция сметает остатки этого безвременья и произвола ... Екатеринбургский горный институт будет первым свободным, истинно демократическим высшим учебным заведением...

Глава седого, старого Урала увенчана первым свободным вузом. Он имеет свою alma mater и из неё выйдут те свежие, культурные силы, которые поднимут Урал, оздоровят его и, наконец, заставят смотреть на него как на неизсякаемую сокровищницу народного богатства, а не как на объект непрерывных хищений.

И придёт время, когда 10 октября 1917 года будут праздновать в каждом, даже глухом уголке Урала».

10 октября, когда начались занятия в УГИ, а его ректор должен был быть в Петрограде, там, в столице, на квартире меньшевика Н. Н. Суханова (Гиммера) (1882 – 1940), состоялось заседание ЦК РСДРП (б) под председательством В. И. Ленина, и было принято решение о вооружённом восстании. Оно произошло через две недели, а 26 октября в 2 часа 30 минут ночи красногвардейцы бескровно заняли Зимний дворец, арестовали членов Временного правительства и под охраной отправили их в Петропавловскую

крепость. Был среди них и заместитель министра-председателя А. Ф. Керенского (1881 – 1970) министр торговли и промышленности А. И. Коновалов (1875 – 1949), на встречу с которым был приглашён Веймарн.

Жизнь обладает удивительным свойством – непредсказуемой мудростью или мудрой непредсказуемостью. Назначь Веймарн дату открытия института на неделю раньше или на неделю позже, и его история была бы совершенно другой. Какой? Более драматичной. Судьба позволила Веймарну вовремя открыть институт и не позволила ему покинуть его, когда, пользуясь определением журналиста М. Борисова, наступила «многогранная победоносная революция, которая многое и многих безжалостно «смела».

Пока же было затишье, но никто об этом не догадывался и, тем более, не ведал, что за ним произойдёт. Уклад жизни не изменился, а в институте он только начал складываться. 15 октября в час дня в аудитории библиотеки Белинского под председательством Веймарна состоялось учредительное собрание общества вспомоществования нуждающихся студентов, на которое были приглашены пока ещё состоятельные граждане Урала. А днём раньше состоялся концерт-бал, организованный студентами, положивший, таким образом, начало институтской художественной самодеятельности.

«Несмотря на небольшой запас времени, – информировала горожан газета «Уральская жизнь», – имевшийся для устройства этого традиционного праздника учащейся молодёжи, сделано было много и, притом, хорошо. Уже сам выбор здания 2-й женской гимназии (ныне это главный корпус Горного университета), как нельзя больше соответствовал широкому масштабу этого вечера: огромная толпа гостей, разлившись по обширным залам, коридорам, классным – не испытывала ни тесноты, ни ... духоты.

Концертное отделение, начавшееся выступлениями г. Форкача, прошло под знаком отличного внешнего успеха. Много и хорошо пел г. Бузаковский; особый успех сопровождал игру на скрипке г. Форкач; много и хорошо рассказывал артист драмы г. Казарский. Пение г. Кенигсен, декламация гг. Барскаго и Гордеева, стихотворения г. Макеева, прочитанные автором, пение и декламация г. Шебуева и другие номера – всё это вызывало дружные аплодисменты и требования неизбежных повторений.

По окончании концертной программы пользовался большим ... успехом отлично организованный буфет, представляющий собою в наше время явление весьма немаловажное.

Танцы начались около 12 ½ часов. Среди увеселительных затей гостеприимного студенчества обращали на себя внимание зимний сад и, главным образом, «музей редкостей». Последний изобиловал всевозможными «униками», свидетельствовавшими о неистощимом остроумии его устроителей. Были и неизбежные в наше время американские аукционы...».

Первый концертный опыт удался, и Правление студенческой организации объявило, что в начале января будущего года оно устроит вечер в пользу недостающих студентов и выделяет на его проведение 4 тысячи рублей.

Праздники – изюминки в хлебе буден, тесто для которого замешивали члены Совета института во главе с ректором, разрабатывая регламент институтской жизни. В ней, в этой жизни, всё было внове, всё впервые, всё основывалось пока на опыте их работы в других вузах и на здравом смысле: студентов решили экзаменовывать не два раза в год, а в течение всего академического года; отказались от введения для них минимального количества зачетов для сдачи теоретических предметов, но договорились требовать, безусловно, обязательного выполнения ими в срок всех практических работ; ограничили и срок пребывания студентов в институте шестью годами, чтобы временные рамки их дисциплинировали; первый семестр – осенний, постановили закончить 16 декабря, а весенний начать 8 января 1918 г.

Одно из заседаний Совета было посвящено вопросу преподавания так называемых новых языков: английского, немецкого и французского (в отличие от древних – латыни и греческого). Изучать все три языка было бы трудно. Поэтому решили ограничиться только одним по выбору студентов. Для тех, кто не изучал языки в школе, предусмотрели двухлетние подготовительные курсы, чтобы по их окончании студенты уже могли заниматься переводами технических текстов.

В Екатеринбурге в то время жило немало иностранцев и недостатка среди них в желании преподавать языки не было. В середине ноября в канцелярию поступили прошения занять должности лекторов (так тогда назывались вузовские

преподаватели иностранных языков) от Г. Хоупа, Э. Э. Келлера и Н. Ф. Бернера. Выпускник Эдинбургского университета Келлер, избранный Советом в конце ноября, изъявил желание преподавать английский и французский языки. Он получил возможность заниматься со студентами 10 часов в неделю английским языком и 4 часа французским. Преподавателю немецкого языка выделили 8 часов. Так были заложены предпосылки для создания в институте в недалёком будущем кафедры иностранных языков.

Молодой вуз привлекал к себе внимание, как только что отчеканенная монета. Ректор почти на каждом заседании Совета зачитывал приглашения то на организационное собрание аэроклуба, то на заседание Оргбюро съездов горно- и золотопромышленников Оренбургского края, то ещё куда-нибудь; 30 октября во 2-й женской гимназии были открыты классы, в которых стали совместно учиться девочки и мальчики (пока 100 человек) – смелый по тем временам эксперимент, высоко-оценённый Советом УГИ, командировавшим на торжество профессора Шохата, попросив его выступить с приветственной речью.

Горожане пока ещё не утратили желания что-либо подарить институту. Подарки были небогатыми, но и небесполезными: горный инженер Александров сообщил о намерении передать в музей образцы золота и платины; С. В. Дудин жертвовал модель горы Благодать; В. К. Бревнов – 25 тысяч рублей капитала на стипендии; горный инженер П. А. Дрозжилов пожертвовал 4 тысячи рублей тоже на стипендию, только именную: «В память А. А. Дрозжилова от П. А. Дрозжилова». Подарки, особенно денежные, были кстати, поскольку в институтской смете к концу года оставалось всего 25 тысяч рублей на приобретение оборудования и содержание кабинетов.

Волна газетных сообщений об открытии института, достигнув Томска, отразилась, вернувшись в Екатеринбург в виде заявления лаборанта Технологического института В. Г. Карпенко о его желании защитить в УГИ диссертацию на звание адъюнкта на тему: «Влияние диаметра, хода и числа оборотов на потерю в машинах внутреннего сгорания». Совет принял работу к рассмотрению и предложил профессору Петрову дать о ней отзыв. Неизвестно, состоялась защита или нет, но этот факт следует считать предтечей

в истории деятельности диссертационных советов в уральских вузах.

26 октября в Екатеринбурге состоялось очередное заседание Совета УГИ, а в Петрограде в этот день было низложено Временное правительство. На следующий день на II Всероссийском съезде Советов были приняты первые советские декреты о мире, земле и власти и образовано большевистское правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК). Но если в обеих столицах этому событию предшествовали вооружённые восстания, то в столице Урала не было ни восстания, ни стрельбы, ни баррикад. Когда до Екатеринбурга дошли сообщения о смене власти, то все городские правительственные и общественные учреждения отказались признать правительство Ленина-Ульянова, а представители власти, поставленной Временным правительством, отреагировали абсолютным молчанием. Это вызвало много толков среди горожан. «О своём существовании все екатеринбургские власти совершенно не напоминают и метафизический вопрос о власти представляют решать гражданам, взирая на пустое место», – охарактеризовала ситуацию газета «Зауральский край».

Старая власть вела себя так потому, что осознала свою никчемность, свой крах. 5 ноября состоялись выборы в городскую думу, в гласные которой было избрано 85 человек и среди них 39 большевиков. Остальные 46 мандатов поделили меньшевики, эсэры, кадеты. От партии эсэров депутатами стали два члена академической коллегии УГИ: Келль и Горин. Никто из гласных старого состава в новую думу избран не был.

Последний раз дума старого созыва собралась в среду 11 ноября в час дня при наличии 25 гласных. Из 16 вопросов, которые они рассмотрели, самым важным в историческом отношении был вопрос, предложенный городской управой, – вопрос об избрании почетных граждан города в ознаменование их заслуг по открытию Горного института. После краткого обмена мнениями в частном совещании дума закрытою баллотировкой большинством голосов избрала почётными гражданами Филиппа Антоновича Иванова и Петра Петровича фон Веймарна. Заседание закончилось около 4-х часов дня после заключительного слова Обухова. Гласные выслушали его холодно и молча и торопливо покинули зал заседания. Их время ушло, ушло навсегда.

Как стали складываться отношения новой городской власти, во главе которых были большевики (городским головой избрали С. Е. Чуцкаева (1876 – 1944), председателем – П. Л. Войкова (1888 – 1927), положив обоим немалые оклады жалованья в 7200 и 6000 рублей соответственно), с Советом института? Складываться они стали так же, как и по всей стране. «Старая жизнь и молодой порядок ещё не совпадали. – Написал об этом Б. Л. Пастернак (1890 – 1960) в романе «Доктор Живаго». – Между ними не было яркой вражды, как через год, во время гражданской войны, но недоставало и связи. Это были стороны, расставленные отдельно, одна против другой, и не покрывавшие друг друга».

Нет, немного они всё же «покрывали друг друга». В институте начала действовать так называемая советская комиссия, рассмотревшая на первом заседании 6 ноября вопросы, «связанные с материальной нуждой студентов». Благодаря дальновидности Веймарна в институте был собран стипендиальный капитал в акциях на сумму 300 тысяч рублей. Проценты с этого капитала позволили обеспечить 25 студентам стипендию по 600 рублей в год с выплатой её ежемесячно, но только на время учёбы; 14 студентов советская комиссия совсем освободили от платы. Конечно, это была капля в море нужды. Поэтому студенты и сами не сидели, сложа руки, понимая, что под лежащий камень вода не потечёт. Они делали попытки помочь себе своими силами. В начале декабря ими был создан Союз учащихся в вузах для поддержки своих членов. До конца года Союз выдал нуждающимся студентам ссуд на 2,5 тысячи рублей. Но в начале следующего года, в результате проведённой большевиками национализации предприятий и банков, студенческий капитал был ими аннулирован и студенты остались ни с чем.

Выборы в думу, в уездное и губернское земства должны были привести к изменению в составе и Строительной комиссии, и её деятельности. Будет ли среди её членов такое же согласие, как прежде? Неизвестно. Всё сильнее стало меняться и умонастроение студентов. Общественно-политическая обстановка будировала их, втягивая в обсуждение «текущего момента», политизировала, выводила на митинги и собрания, распределяла по разным партиям и кружкам. В конце 1917 г. три десятка студентов разных политических убеждений (большевики, левые эсэры, анархисты)

организовали лево-социалистический кружок. Вот то небольшое, что связывало на первых порах «старую жизнь и молодой порядок». Но это было только начало неизвестности.

Раскрываться она стала сразу после Рождества, когда областной комиссар производства А. А. Кузьмин распорядился передать УГИ в ведение отдела труда комиссариата, но не в статусе вуза, а в качестве средне-технического учебного заведения с тем, чтобы особая культурно-просветительская комиссия с участием общественности пересмотрела правила, программы и распорядок занятий в институте с целью развития бесплатного и обязательного образования рабочих Урала. Цель благая, но зачем для её достижения надо уничтожать институт, в создании которого не участвовал ни один член РСДРП (б). Полуграмотный комиссар, объясняя принятое им решение, самоуверенно и безапелляционно заявил, что эти меры «должны решительно повести к уничтожению влияния на образование той хозяйственной руки, которая создаёт касту дипломированных инженеров и техников – слуг капитала, оторванных от интересов рабочих и беднейших крестьян, стесняющих свободное развитие производительных сил, сбросившей экономическое рабство страны».

Но ведь институт как раз и был создан для развития производительных сил Урала и страны и для её освобождения от «экономического рабства». Без института эту задачу решить было трудно. Именно поэтому в конце апреля 1918 г. Совет УГИ получил приглашение от Правления Союза профессиональных и технических организаций Урала на совещание по разработке проекта металлургической промышленности Урала и Кузбасса – будущего Урало-Кузнецкого металлургического комплекса. Совет делегировал на совещание Келля и Кутырина. Так, цель у вождей «молодого порядка» и у профессоров УГИ была как будто бы одна, но методы её достижения разные: революционный и эволюционный.

Для Веймарна и Совета института важнейшей по-прежнему оставалась задача достройки институтского здания. В связи с выборами в различные органы власти Строительная комиссия старого состава была ликвидирована. В её новый состав Совет института избрал Кутырина и Шохата, предложив расширить строительные работы за счёт постройки профессорского дома и

общежития. Полномочия Веймарна, остававшегося пока председателем Строительной комиссии, теперь были ограничены. Он должен был согласовывать условия ведения строительства с профсоюзом архитектурно-строительных рабочих, а расценки на материалы – с областным Советом рабочих и солдатских депутатов, компетентность которых вряд ли была высокой.

Чтобы вести строительство, нужно финансирование, нужно просить кредиты у Совета народных комиссаров, а для этого надо вступить с ним в деловые отношения. На каких условиях? Совет постановил, что вступить в сношения с Советской властью можно, но при условии сохранения полной автономии вуза. Это решение было поддержано и общеинститутским студенческим собранием.

Власти отреагировали на постановление Совета и резолюцию собрания отрицательно. В конце февраля в «Известиях областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», № 23, была опубликована заметка с обвинением ректора в контрреволюционности. Общеинститутское собрание для изыскания средств существования УГИ, в котором участвовал Веймарн, газета назвала сходкой. «В виду кадетского настроения большинства студентов, – негодовала газета, – этот вопрос перешёл в другой – признает ли сходка власть СНК. Большинство дало отрицательный ответ, но, тем не менее, соображения о необходимости получить от правительства деньги взяло верх над непримиримостью студентов .... После выступления Шохата и Веймарна, предлагавшего выявить определённо положительное отношение к Советской власти, была принята согласительная резолюция: просить СНК о субсидии при условии, если СНК признает автономию высшей школы и свободу преподавания».

А куда было деваться в такой ситуации: и в ножки чёрту поклонись, лишь бы он яйца нёс, ради сохранения института и его автономии.

Обвинение в контрреволюции! Это уж слишком! Веймарн вынужден был защищаться, обратившись с письмом к гражданам Екатеринбурга (а к кому же ещё), чтобы объяснить им, что он только представитель науки, которая аполитична. Коллеги встали на его защиту. Совет института единогласно выразил ему доверие как выборному представителю Совета, давая понять: если контрреволюционен ректор, то, следовательно, контрреволюционен

и Совет. Но для власти такой аргумент вряд ли имел значение; скорее наоборот, она его могла использовать и против ректора, и против Совета, объединив их в контрреволюционную организацию.

УГИ недолго находился в ведении отдела труда. Эта очевидная нелепость была исправлена. Институт был переподчинён центральным органам власти, а при областном комиссариате просвещения был создан «отдел автономной высшей школы». Теперь при нарушении прав института местными организациями и особенно областным комиссариатом финансов Совет УГИ обращался за помощью к комиссару просвещения и тот её оказывал, удостоиваясь за это благодарности.

Это вовсе не означало, что власть переменяла своё отношение к ректору и Совету института. Она помнила, что во главе института стоят бывшие «слуги капитала, оторванные от интересов рабочих и беднейших крестьян». 10 мая (**с 14 февраля 1918 г. в России был введён григорианский календарь – новый стиль; различие между старым и новым стилями в XX веке составило 13 суток; поэтому далее все даты даются по новому стилю**) Веймарна вызвали в конфликтный отдел областного комиссариата труда и там ему заявили, что Строительная комиссия и её канцелярия упраздняются, что он теперь не председатель, а Эспозито не подрядчик; что строительством будет ведать Деловой совет, состоящий из четырех представителей от рабочих и двух членов Совета УГИ; Деловой совет выберет председателя, которому надо будет передать детальный проект институтского здания, рабочие чертежи и всё делопроизводство, а контролировать Деловой совет будет контрольная комиссия, членами которой будут «исключительно выборные рабочие».

Когда на следующий день Веймарн рассказал членам Совета института об этой новости, то они стали возмущаться. Как же так! Веймарн вложил столько энергии в строительство! В интересах дела он не должен быть отстранен от руководства строительством. Надо протестовать против постановления конфликтного отдела. Ведь без участия Совета института здание может быть выстроено с нарушением проекта. Надо принять какие-то реальные меры, надо направить в областное правительство делегацию, чтобы она доказала, что строительство нельзя поручить Деловому совету, так

как «рабочий элемент временный и их интересы не связаны с будущим института».

Веймарн поблагодарил коллег и заявил, что вынужден всё же сложить с себя полномочия председателя, что в создавшихся условиях он не может быть руководителем и что он очень беспокоится за целостность детального проекта и рабочих чертежей, которые рабочие, возможно, даже не умеют читать.

Члены Совета морально поддержали его, выразив ему благодарность за всё, что он сделал, и высказали пожелание, чтобы он и впредь руководил строительством, а для защиты интересов института избрали делегацию ходоков в правительство: Шохата, Елиашевича и Келля.

Не откладывая дело в долгий ящик, делегаты на другой день побывали в правительстве и, вернувшись, рассказали о результатах переговоров. Их нельзя было назвать удачными. Делегатам повторили, что Строительная комиссия прежней «конструкции» упраздняется, а вот функции научно-технического характера по управлению строительством могут быть переданы особой комиссии. Шохат составил её проект. Члены Совета его переработали, и он был передан на рассмотрение правительства. Успех, но очень небольшой. В связи с ликвидацией Строительной комиссии пострадали сторожа, охранявшие строительство. Их штат пришлось существенно сократить.

В конце мая из правительства было прислано положение о конструкции Научно-технической комиссии и Деловом совете. По содержанию оно значительно отличалось от того варианта, который был предложен Советом института. Но Совет вынужден был принять его, «дабы не оставить постройку на произвол совершенно не отвечающих интересам дела организаций».

Недостроенное здание института было национализировано. Поэтому «Положение об управлении постройкой УГИ» подлежало утверждению в Областном управлении национальных предприятий. Окончательный вариант «Положения» был рассмотрен Советом института 7 июня. В нём было написано, что в состав Научно-технической комиссии должно входить пять представителей института. Совет избрал в неё Веймарна, Петрова, Усенко, Морозова и Барабошкина, поставив при этом правительству условие, чтобы председателем комиссии был обязательно назначен

Веймарн. В правительстве приняли это условие и Веймарн был назначен председателем.

Через пять дней Веймарн сообщил членам Совета о публикации в очередном номере «Известий» статьи «Положения об управлении постройкой УГИ», в которой было указано, что оно выработано целиком Советом УГИ, хотя это было не так. В «Положении», в частности, было опущено примечание о замещении ректора на время его отсутствия деканом. Совет принял это сообщение к сведению, подтвердил своё майское решение и не стал добиваться от властей опровержения публикации, понимая, что плетью обуха не перешибёшь, а только навредишь себе. Строительство надо было продолжать, несмотря ни на что. К концу мая архитекторы выполнили 27 чертежей той части здания, которую предстояло построить. Совет их принял. Подписанные ректором и деканом, они стали официальными документами.

Власть с трудом терпела и «кадетское настроение» студентов, выплёскивая свою неприязнь к ним и угрозы на страницах «Известий». Одним из поводов стало отношение студентов к празднованию 1 Мая. Накануне, 30 апреля, в УГИ состоялось собрание в связи с этим праздником. Большинство студентов к этому времени уже уехало за город и на собрание явилось только 18 человек, подавляющее большинство из которых высказалось против празднования Дня международной солидарности пролетариев. С какой бранью за это обрушились на них «Известия»! «Это ли не позор, это ли не стыд для студенчества, которое считает себя идейным и приписывает себе подвиги истинно-революционных студентов 1905 – 1906 годов, бывших авангардом революционного движения в России... Им ли, ублюдкам капитала, место в доме науки трудящихся? Не пора ли пролетарским организациям и власти обратить на этот элемент внимание и произвести окончательную чистку вновь открытого института и преобразовать его для пролетарских масс..., выбросив за борт весь паразитический элемент местного студенчества».

Угроза была нешуточной. Большевики, захватив власть, сразу же показали, что они не будут церемониться с теми, кто станет им чинить препятствия. Если у кого-то и были на этот счёт иллюзии, то они были похоронены после разгона в Петрограде 6 января 1918 г.

Учредительного собрания и расстрела демонстрантов, выступивших в его поддержку.

«Чистка» института пока была отложена, но обстановка, в которой работали преподаватели и учились студенты, складывалась тревожной. Несмотря на это, внутренняя жизнь вуза, регулируемая и направляемая Советом, шла своим порядком. Совет разрешил Келлю принять в качестве руководителей практических занятий по геодезии троих студентов: А. М. Купреева, В. П. Трифонова и Е. В. Зворыкина с оплатой по 2,5 рубля в час. По предложению ректор решили начать чтение необязательных, или, как сейчас говорят факультативных, курсов в следующем академическом году. Хотя были сомнения, состоится ли он.

Пока же Совет мог уверенно определиться только с ближайшим будущим – с пасхальными каникулами и датой окончания первого учебного года: лекции и обязательные практические занятия постановили закончить 27 апреля, каникулы провести с 27 апреля по 12 мая, с 12 мая по 1 июня разрешить желающим сдавать экзамены и выполнять практические работы; учебный год завершить 31 мая и со 2 июня прекратить любые занятия до начала нового учебного года, который мог начаться и без Веймарна. Почему без него?

Потому что Веймарн, являясь ректором УГИ, оставался в штате Петроградского горного института (ПГИ) и был откомандирован на Урал только на один год, по истечении которого, наладив работу в УГИ, он обязан был вернуться назад или сложить с себя полномочия ординарного профессора ПГИ. Таково было решение Совета ПГИ. Но в Екатеринбурге был ещё непечатый край работы, и без Веймарна она вряд ли была бы закончена. Да и Веймарн не хотел порывать связь с родным вузом, надеясь вернуться в него. Поэтому Совет УГИ обратился загодя, 10 апреля, к Совету ПГИ с просьбой оставить Веймарна в должности ординарного профессора, но без оклада содержания ещё на год, до 15 октября 1919 г. Ответ из Петрограда пришёл в начале июля. Совет ПГИ удовлетворил просьбу екатеринбуржцев, разрешив Веймарну, вероятно с его согласия, остаться на Урале ещё на год, но не дольше.

Отсутствие собственного здания делало положение УГИ неопределённым. По этой причине откладывалось на

неопределённый срок объявление конкурсов по кафедрам, а заявления желающих в них участвовать «принимались к сведению». В таком положении, например, оказались будущий организатор и первый заведующий кафедрой техники разведки горный инженер Василий Павлович Любимов, претендовавший на должность доцента по горному искусству и кандидат естественных наук К. Павлинов, заявивший о предоставлении ему должности лаборанта по химии. Отложено было до лучших времён и прошение студента V курса Рижского политехнического института Л. К. Чертополохова о предоставлении ему возможности завершить высшее образование. Студенту сообщили, что Совет «пойдёт ему навстречу, если представится возможность, что будет ясно осенью, поскольку сейчас УГИ не располагает техническими лабораториями, необходимыми ему». Такой же ответ был дан и группе студентов горного факультета упразднённого Нижегородского политехнического института на их прошение о приёме: студентов примут, если к осени будет готово здание института.

Напоминали о себе и владельцы зданий, арендованных институтом. В конце апреля родительский комитет Вознесенской школы запросил: не встретит ли Совет препятствий для предоставления помещения школы с осени 1918 г. Нет, не встретит, ответил Совет, если для канцелярии найдётся другое помещение. Если найдётся? Не нашлось, и канцелярию летом пришлось разместить в золотосплавочной лаборатории. С этого времени все письма в институт стали посылать на адрес: Екатеринбург, угол Клубной улицы и Тарасовской набережной (ныне северо-восточный угол улиц Первомайской и Горького).

Город был перенаселён. На 15 мая в нем было 14379 квартир, в которых жило 81155 человек, т. е. в среднем по 5-6 человек в квартире; жили тесно, скудно и бедно. Богатые уже не кичились своим богатством. Боялись, поэтому и пожертвования институту стали скромнее. Наследники К. К. Лемке (18-19) передали огромные напольные часы, которые до сих пор идут: «идут часы походкою столетий». В 1992 г. их отремонтировали и установили в приёмной ректората. Служащие Северо-Заозёрской железной дороги пожертвовали через контору газеты «Уральская жизнь» обществу вспомоществования недостающих студентов 215 рублей, а рабочие

Покровского рудника Богословского горного округа – только 38. Но дарёному коню в зубы не смотрят.

Первый учебный год закончился, как и было запланировано, 31 мая. Студенты разъехались кто куда, а Совет института стал подводить его итоги и готовиться к следующему академическому году, руководствуясь поговоркой: умирать собирайся, а жито сей: 4 июня обсудили успеваемость студентов и приняли к сведению сообщение областного правления национальных предприятий о том, что правление на совещании по организации летних краткосрочных курсов для рабочих будет представлять его член, бывший комиссар промышленности Кузьмин, который оказался калифом на час; 7-го – говорили о командировании Кутырина на заводы Урала для выяснения, какое и где можно достать оборудование для институтских лабораторий; два дня – 14 и 17-го обсуждали учебные планы механико-металлургического, химико-металлургического, геологоразведочного и первых 4-х семестров рудничного факультетов, хотя факультеты ещё не были созданы.

К этому времени Веймарн, получив от ректора Петроградского горного института телеграфное сообщение о новых окладах для профессоров и преподавателей, предложил Совету воспользоваться ими и в УГИ. Поскольку сведения эти были неполными, в частности, не было данных о почасовой оплате доцентов, то Веймарн счёл разумным приравнять доцентов к адъюнктам – помощникам профессоров, получавшим в ПГИ 550 рублей в месяц. Члены Совета с ним согласились. Велики ли были эти оклады? Всё познаётся в сравнении: областные комиссары получали от 600 до 500 рублей, в месяц в зависимости от того, были они женаты или нет, а их замы соответственно 550 и 450 рублей. Новые должностные ставки утвердил областной Совет профсоюзов, предусмотрев повышение окладов для профессоров с выдающейся научной деятельностью. Таковым, по мнению декана, в УГИ был Веймарн, и Совет единогласно постановил увеличить ему на этом основании оклад содержания.

Пока это были планы. 8 июля ректор сообщил членам Совета о телеграмме комиссара Штенберга командировать в Москву представителя института для участия в заседании административно-хозяйственной комиссии по высшей школе, которая должна была рассматривать сметы вузов на 1918/19 учебный год. Неделей ранее

было решено командировать в обе столицы Барабошкина для приобретения лабораторного оборудования, книг для библиотеки и клише для печатания «Известий УГИ». Вот ему и поручили заодно отвезти в Москву смету и доложить её на совещании. Барабошкин уехал и вернулся в Екатеринбург ... только через год.

Началась гражданская война.

«К КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЕ Я ПРИЗЫВАЮ ВАС»

Её могло бы и не быть. «Союз большевиков с эсэрами сделал бы гражданскую войну в России невозможной», – признавал председатель СНК В. И. Ленин. Но две главные политические партии, эсэры и большевики, получившие на выборах в Учредительное собрание, соответственно 58,5 и 25 % голосов, не захотели заключить такой нужный для обессиленной мировой войной, страны союз. Большевики узурпировали власть, разогнали Учредительное собрание, спровоцировали выступление 25 мая в Челябинске Чехословацкого корпуса, инициировав, таким образом, гражданскую войну.

Через четыре дня, 29 мая, в Екатеринбурге было введено военное положение и комендантский час с 11 часов вечера до 5 часов утра; началась пока мобилизация лошадей, мотоциклетов и велосипедов. Многие последующие события происходили, следуя поговорке: утро вечера мудренее. С 3 на 4 июня, согласно декрету СНК, часовая стрелка была переведена на 2 часа вперёд; в ночь с 12 на 13 июня был создан военно-революционный комитет с неограниченными полномочиями, объявивший через день о всеобщей мобилизации членов РКП (б); в ночь с 16 на 17 июля в подвале Ипатьевского дома совершился расстрел царской семьи; утром 25 июля город был занят авангардом чехословацких войск, о чём дошёл до сведения горожан комендант города подполковник Николай Григорьевич Сабельников (1886 – 1919).

А на следующий день газета «Горный край» опубликовала сведения о жертвах первой мировой войны, почёрпнутые из сообщений Главного штаба армии США: Россия потеряла убитыми 1,7 млн человек, умершими от болезней и пропавшими без вести – 1,3 млн, 4,96 млн человек было ранено, 2,5 млн попало в плен. Страна ещё не пережила утраты одной войны, а уже началась другая, более страшная – гражданская. С какими жертвами закончится она и когда?

За тот небольшой промежуток время, в течение которого в городе была советская власть, взаимоотношения между нею и населением не сложились. Да власть сама не стремилась к сближению, ведя себя агрессивно. Сразу же после вступления в

город чехословаков и частей Народной армии в газете «Зауральский край» стали публиковаться материалы о бесчинствах большевиков. «Было бы непосильной задачей, – писала газета, – ... исчерпать море убийств, насилия, грабежей, которое оставило после себя девятимесячное большевистское владычество... Будут долгое время находить в лесах, шахтах и глухих углах Урала безвестные трупы, костры с останками сожжённых людей, зарытое, награбленное большевиками чужое добро...».

Поэтому напуганное до смерти население, желавшее смены власти, относилось индифферентно к её военным мероприятиям, занимаясь своими делами. В полдень 16 июня, например, в музее УОЛЕ прошло общее собрание, на котором обсуждали не вопросы обороны города. Говорили о другом: В. И. Крыжановский (1881 – 1947) доложил о месторождении розового топаза на Южном Урале по р. Каменке, братья М. О. и В. О. Клер рассказали, откуда взять воду для Екатеринбургского водопровода и каковы новые данные о росте костей, а В. Я. Толмачёв посвятил своё выступление очередным вопросам доисторической археологии Пермского Зауралья. По-иному нервная неопределенность военного положения действовала на студентов. «Летом 1918 г., – вспоминала Нина Ивановна Кудрина, – мы переживали крайне тяжёлое время. Так что никакие занятия, несомненно, не шли на ум».

В недолгой истории Горного института очередная смена власти стала уже четвёртой. Теперь надо было уповать на Временное областное правительство Урала и на Временное всероссийское правительство, находившееся в Омске. Опять временные. Надолго ли? И каким будет их нрав?

Первое заседание Совета института после смены власти состоялось 30 июля. Приближалось время очередного академического года. К нему уже надо было готовиться, рассчитывая, прежде всего, на себя: о поисках жилья для студентов доложил председатель квартирной комиссии доцент Крылов, о подготовке к началу занятий электрической станции профессор Галя и доцент Титов.

Самым же трудным и злободневным оставался вопрос о строительстве институтского здания. 2 августа Совет поручил ректору принять у Делового совета имущество и дела Строительной комиссии, а подрядчику предложил сделать то же самое в

отношении находящегося на стройплощадке его собственного имущества.

Принимая дела Делового совета, ректор убедился в том, насколько он был прав, возражая против того, чтобы стройкой руководили рабочие. Деловой совет оказался совсем не деловым. «Все сметные назначения, – написала газета «Зауральский край», – поглощены уже произведёнными работами, которые характеризуются не столько качеством сработанного, сколько количеством рабочих дней и высокими расценками». Поэтому 12 августа Совет посвятил всё заседание составлению «смет по капитальному оборудованию лабораторий и других учреждений института».

Строительство в 1918 г. шло очень тяжело. В середине июля, как вспоминал Веймарн, все работы были «прерваны немедленно после занятия Екатеринбурга чехами, кроме того, этот сезон, в силу совершившихся тогда политических событий, был мало продуктивен». Чтобы продолжать строительство, нужны были деньги. Некоторую сумму Веймарну обещало дать Горное управление. И он рассчитывал, получив их, организовать с разрешения Совета некоторые работы хозяйственным способом.

Но это обещание было журавлём в небе, а нужна была ручная синица. Поэтому в поисках «синицы» Совет постановил командировать Веймарна в Омск по делам УГИ и, кроме этого, делегировать его вместе с Усенко в Самару на торгово-промышленный съезд по приглашению Комитета членов Учредительного Собрания (Комуч).

Накануне поездки в Самару Веймарн по поручению Совета сообщил городской думе, что институт находится в критическом положении. Если ему не будет оказана помощь, то он может быть закрыт, потому что у института нет ни средств, ни помещений для занятий. Советом Народных Комиссаров институт был обеспечен только до 1 сентября 1918 г. На следующий год до 1 сентября 1919 г. на содержание института необходимо 336450 рублей. На строительные работы уже потрачено 3 млн рублей. Для завершения работ в уже построенной части здания необходимо полмиллиона рублей, а для того чтобы возвести всё здание, – ещё 3 млн рублей. Строительство необходимо закончить к осени 1919 г. или консервировать здание. Иначе оно будет разрушаться. Веймарн

просил думу помочь институту и с помещениями, и со средствами. Наиболее подходящими, по его мнению, помещениями могли бы быть дом бывшего Главного начальника Уральских заводов или Харитоновский дом при условии, что институту ещё предоставят золотосплавочную и химическую лаборатории.

Пока Веймарн один без Усенко ездил в Самару, Совет института обратился к Главному управляющему торговли и промышленности с соответствующим ходатайством. Сделала попытку привлечь внимание общественности к бедственному положению института и газета «Зауральский край», написавшая, что для Урала «важно продолжить занятия в институте, с таким трудом открытым в прошлом году. Мы верим, что общество немедленно придёт на помощь нашему единственному рассаднику высших знаний...».

Ничего подобного. Общество осталось глухим к призыву газеты. Целебной каплей бальзама для института стали только 29470 рублей капитала, пожертвованных на стипендии ликвидационной комиссией Общества екатеринбургских приказчиков. Именно каплей. У областного правительства деньги были. Но вместо того, чтобы поддержать институт, оно предпочло, блюдя чиновничий интерес, назначить большие оклады министрам и их заместителям: с начала сентября министры стали получать по 18 тысяч рублей в месяц, а их замы – по 15.

В конце августа в Самаре открылся университет и Советы обоих вузов обменялись телеграммами: в Самару ушла поздравительная, а в Екатеринбург была прислана благодарственная. Веймарн в это время был в Самаре, и там ему каким-то образом удалось заручиться поддержкой местного Временного правительства, которое согласилось ассигновать необходимые средства на содержание и достройку институтского здания. Веймарн прислал в Екатеринбург телеграмму, прося Совет срочно направить в Самару инструкции Строительной комиссии и смету на содержание УГИ на 1919 г., а также выяснить в областном правительстве, на каких условиях оно примет помощь самарцев.

У председателя правительства побывали Петров и Усенко. Через некоторое время им сообщили, что со стороны правительства «нет препятствий для принятия помощи самарцев, если они не поставят никаких политических условий; если поставят, то согласия

Уральского Правительства не будет». Вот так. Эфемерные политические амбиции оказались важнее института.

Из Самары Веймарн прямиком проехал в Омск. В Екатеринбург он вернулся 12 или 13 октября. Во время его отсутствия в Совете института председательствовал декан. Ему и членам Совета нелегко бы пришлось без Веймарна, если бы они были не едины, готовя вуз к началу занятий, представлятельствуя по просьбе городской управы в комиссии по народному образованию, договариваясь с библиотекой Белинского о предоставлении ею зала для чтения лекций, а с уполномоченным Общества Кыштымских горных заводов об условиях пользования Харитоновским домом и, участвуя в обязательных светских мероприятиях.

3 октября Совет института занимался выборами делегатов для встречи членов Временного всероссийского правительства (Директории). Ввиду важности этого события постановили, что в делегацию могут войти все желающие, а декана попросили «обратиться от лица Совета с приветствием». Это было в четверг. На следующий день в 3 часа дня на Монастырской площади состоялся парад войск Екатеринбургского гарнизона в честь уполномоченного Британского правительства сэра Чарльза Эллиота. Площадь позволяла разместить несколько тысяч человек. Парад, которым командовал полковник С. М. Торейкин (1880 – ?), был интернациональным. В нём участвовали не только русские, но также чехословацкие и сербские соединения. Сэр Элиот обошёл фронт парадных колонн, здороваясь с солдатами; сводный оркестр исполнил английский гимн «Боже, храни Короля!» и начался торжественный марш войск, который англичанин наблюдал с помоста, сооружённого напротив входа в здание Епархиального училищ. Через двери этого входа вот уже почти сто лет проходят студенты и преподаватели во второй учебный корпус Горного университета.

Областные и городские власти не скупились на проведение парадов и многолюдных банкетов, следовавших один за другим. В середине октября в город прибыли авангардные части англо-французских войск. Высшим офицерам показали город, они посетили магазины каменных изделий, а вечером в кафе «Лоранж» для «дорогих гостей» был устроен банкет с исполнением национальных гимнов.

Теперь в фокусе жизни были военные. Власти освобождали для них лучшие здания, или они занимали их сами, не церемонясь с владельцами. В начале октября было снято ограждение дома Ипатьева и печати с дверей и дом был передан чехам. Хозяин Николай Николаевич (1869 – 1938) отказался в него возвращаться.

Полуторамесячная поездка Веймарна в Самару и Омск мало что дала институту. В конце октября из Омска из учебного отдела Министерства торговли и промышленности пришла телеграмма о высылке сметы текущего года. И этим пока всё ограничилось. О результатах поездок Веймарн рассказал членам Совета 14 октября. Тогда же было решено уполномочить ректора сообщить о положении вуза областному правительству и городским властям и объявить в газетах о том, что в связи с незавершённостью оборудования институтских помещений (в частности, институту ещё была не передана во временное пользование Уральская химическая лаборатория) занятия начнутся 5 ноября.

А материальное положение института к концу октября стало критическим: на его счету было семь с половиною тысяч рублей, в депозите председателя Строительной комиссии – 22, «которые должны быть употреблены на неотложное покрытие здания». 24 октября состоялось заседание I-го Совета Уральских Съездов Торговли и Промышленности, посвящённое развитию технико-профес-сионального образования на Урале. Инженер А. В. Ольшванг выступил за сохранение УГИ и предложил создать фонд в его поддержку. Но никаких действий после этого заявления не последовало.

В конце октября ректор отправил в областное правительство, составленную Советом смету по содержанию института и к ней пояснительную записку с просьбой рассмотреть документы в кратчайшие сроки. В пояснительной записке было ходатайство о повышении класса должностей обслуживающего персонала и о присвоении звания «Заслуженный профессор» профессорам чьи научные заслуги признавались как выдающиеся.

Через несколько дней в правительство была представлена жалоба на незаконные действия городской управы, разрешившей занять военным строящееся здание института, и ходатайство об освобождении институтских помещений от реквизиции. Кроме этого Совет института постановил, чтобы Главное управление

горных дел приняло меры к освобождению недостроенного здания от постоя войск. Как отреагировало правительство? Бюрократически чёрство. Совет Министров поручил Министерству горных дел сделать всё, чтобы здание УГИ не было занято войсками (а оно уже было ими занято), что же касается выделения средств на его достройку и содержание, «то обсуждение вопроса отложено до представления подробных данных». Каких? Ведь смета давала исчерпывающую информацию о том, что нужно институту для нормальной работы. Поведение областного правительства в какой-то мере можно было объяснить тем, что оно доживало последние дни и 26 октября самоликвидировалось, передав власть на Урале Временному всероссийскому правительству.

Не лучше вели себя и городские власти. 3 ноября Веймарн заявил в городской думе протест на действия городской управы, которая без уведомления Совета института и Строительной комиссии занялась приспособлением институтского здания под постоя войск. Член управы И.А. Вибке неуклюже разъяснил, что управа тут не причём, что она лишь исполняет распоряжения некоего комитета, который ведает размещением войск. Что это за комитет, кто его уполномочил распоряжаться имуществом города и узурпировать легитимные органы власти – думу и управу?

Оценив несостоятельность объяснения Вибке, Дума постановила ходатайствовать либо об освобождении здания института от реквизиции, либо о том, чтобы военные власти обеспечили институту минимум необходимых ему помещений. Военные и не подумали исполнять постановление Думы. А дальнейшее поведение городской управы, которая через несколько дней сообщила Веймарну, что она командирует в Строительную комиссию городского архитектора Т. И. Реммелета для совместной выработки мер к предохранению здания УГИ от порчи ввиду предполагаемого расквартирования в нём войск, было совсем необъяснимо. Совет института на это ответил не без горького сарказма, что мера эта запоздалая, поскольку здание с ведома той же городской управы уже занято войсками и подверглось ими значительной порче.

Безысходность. Но рук никто не опускал и «весь академический персонал работал настолько продуктивно, насколько это позволяла индивидуальная сила воли каждого». 21 сентября

Совет института дал объявление об условиях приёма. 4 октября, рассматривая вопрос о приёме на 2-й курс, постановили, кого принимать: принимать всех, независимо от сословной принадлежности, кто удовлетворяет по образовательному цензу условиям приёма; принимать, не подвергая конкурсным испытаниям студентов, прослушавших предметы первого курса в других вузах; принимать даже тех, кто «по условиям переживаемого момента» не может предоставить необходимые документы, обязав их сделать это, когда будет возможность.

Веймарн и члены руководимого им Совета не делили желающих учиться по классовому признаку на «слуг капитала» и на рабочих и крестьян, как это стали делать большевики. Для них каждый человек был личностью, вкусы, желания, интересы и права которой нужно было уважать.

Через неделю в канцелярии института были готовы списки явившихся на учёбу и получивших билеты на поверочные испытания. Рассмотрев их, Совет постановил принять всех, а поскольку желающих учиться было много, то было решено продлить срок приёма документов до 22 октября. А как быть с теми, кто мобилизован или поступил в армию добровольцем и, подав прошения, не может явиться за билетом для поверочных испытаний, потому что находятся на фронте, или не могли подать заявление вовремя, находясь в германском плену, в Народной армии, на фронте? Тоже принять (!) и освободить от платы за слушание лекций.

Две революции, мировая и начавшаяся гражданская войны нарушили сложившийся жизненный уклад тысяч людей, особенно молодых, сорвав их с насиженных мест и превратив в беженцев. Среди пожелавших учиться в Горном институте было много именно таких. Фамилии этих молодых людей и барышень давно уже ничего не говорят, но вот география учебных заведений, в которых они учились, – это ярчайшее свидетельство того, как была взвихрена страна, сотрясаемая проходившими в ней военными и социально-политическими событиями.

Среди зачисленных в институт студентами, вольноопределяющимися или зачётчиками (претендовали только на сдачу зачётов), были выпускники Ярославского низшего технического, Уральского горного, Нижне-Тагильского горно-

заводского, Бирского, Мензелинского, Челябинского, Казанского реальных, Кунгурского технического, Уфимского и Сибирского землемерных и Московского коммерческого училищ и училища имени принца Ольденбургского, слушатели Петроградских и Саратовских сельскохозяйственных, Петроградских Стебутовских сельскохозяйственных, Петроградских Высших женских курсов и курсов новых языков Лохвицкой – Скалон, студенты Рижского и Петроградского политехнических институтов, Омского сельскохозяйственного института, Института гражданских инженеров, Екатеринбургского учительского института, Пермского и Цюрихского университетов, учащиеся Ирбитской, Пермской, Казанской и Екатеринбургской мужских и женских гимназий. Граждан Германии, Австрии и Швейцарии зачисляли с условием, что они примут российское подданство. Если образовательный ценз просителя не соответствовал условиям приёма, то таких зачисляли условно до предоставления аттестата о среднем образовании. Совет института отклонял прошения очень редко, а они всё поступали и поступали. Им, кажется, не было конца. Поэтому 19 ноября Совет решил прекратить их приём, постановив рассматривать только те, которые были поданы до 22 октября.

Несмотря на колоссальные трудности занятия на первом курсе начались, как и было объявлено в газетах, 5 ноября. Совет лишь накануне утвердил расписание лекций на осенний семестр, а студенты провели в воскресенье 3 ноября общее собрание в Уральском горном училище, чтобы познакомиться друг с другом и обсудить свои насущные проблемы.

Обстановка, в которой под звуки молебствия открылись занятия в гимнастическом зале мужской гимназии, была ещё скромнее, чем год назад. Её участниками были студенты-первокурсники, члены Совета института во главе с Веймарном, да выступивший с приветственным словом представитель Главного Управления Горных дел Урала, бывший городской голова А. Е. Обухов. Руководители города сочли это событие незначительным, не стоящим их вельможного внимания, забывая, что всякая власть временна: сегодня одна, завтра друга. Ещё быстрее, как в калейдоскопе, тубус которого вертит судьба, сменяют друг друга честолюбивые «вожди» разных рангов, распуская павлиньи хвосты амбиций. Кто их помнит теперь? Что они оставили после себя?

Создавая Уральский горный институт, Веймарн истово служил не капризам переменчивой власти, а своей великой стране и её народу. К этому он призывал коллег и студентов. Вчитайтесь в его речь, лишённую ложной пафосности и суесловия, с которой он выступил перед первокурсниками, призвав правительство выпустить принудительный заём – «Заём народного образования, заём свободы». Как всё в высшей степени разумное, она актуальна и сейчас, хотя с тех пор прошло почти сто лет. Сто лет ещё не вечность, но уже почтенная история, и Веймарн оказался прав в выборе между историей и мгновением – Уральский горный институт здравствует и поныне.

«В ужасное, небывало тяжёлое время пришлось первой высшей школе Урала начать своё существование, – говорил Веймарн, – но, несмотря на все невзгоды, молодой институт ни на один день не прервал своей работы и нормально закончил свой учебный год.

Такая прочность Уральского горного института обусловлена тем, что в нём преподавательская коллегия и студенчество представляют одну дружную семью.

Совет Уральского горного института первыми же своими постановлениями уничтожил те перегородки, которые существовали в старой высшей школе между профессорами и преподавателями и между преподавательской коллегией и студенчеством, – перегородки, которые мешали слиться всем трём элементам высшей школы в тесную и крепкую семью.

Совет института в течение протекшего года приложил немало труда для устранения язвы старой высшей школы – многопредметности и несогласованности программ, разработав рациональный план преподавания, не давивший индивидуальных способностей и дающий широкий простор проявления творческих сил учащихся.

... наступает второй (учебный год. – В. Ф.), быть может, не менее трудный, чем первый ... мы и теперь переживаем ужасно тяжёлое время.

Интеллигенция, разбитая на разные партии, до сих пор не может найти цемента, который спаял бы её в мощную культурную силу.

Вам должно быть понятно, что помимо физического освобождения от врагов, нам не менее важно освобождение от препятствий нашего духовного развития.

Образование, образование и образование – вот девиз, около которого должны сплотиться все интеллигентные силы страны.

Образование снизу доверху, ибо, если хотят видеть Россию не порабощённой в культурном отношении соседями, необходимо развитие высшего образования несколько не менее, чем среднего и низшего.

Нередко приходится слышать, что на образование нет средств, что все деньги пожирает война.

Но, повторяю ещё раз, если хотят видеть Россию не только внешне физически свободной, но и культурно-свободной, то средства и большие средства должны быть немедленно даны на образование.

Нет сомнения, что только культурный народ может быть действительно свободным.

Работайте изо всех сил и будьте уверены, что своей культурной работой Вы куёте настоящую свободу России.

Поднимая культуру своей родины, Вы поднимаете и общую культуру всего человечества и приближаете истинное братство народов, которое, конечно, недостижимо путём насилия, как думают некоторые, и может явиться только результатом высшей человеческой культуры.

К культурной работе я призываю Вас и ещё раз приветствую».

Собравшиеся, солидарные с речью ректора от её первой и до последней буквы, откликнулись на его призыв единодушием аплодисментов, а потом, когда декан познакомил студентов с планами работы, началось чтение лекций, началась учебная страда.

Какие бы трудности не испытывал институт, они не исчерпывали всей его деятельности. Он был открыт для сотрудничества и о нём знали не только на Урале. В Совет института приходили приглашения делегировать представителей на заседания Общества охраны труда, Правления Профессионально – педагогического общества, Организационного бюро по учреждению в Иркутске Института по изучению Сибири, на открытие Иркутского университета; 26 июля преподаватели УГИ присутствовали на совещании Союза инженеров и техников по

вопросам организации промышленности и роли инженерно-технических работников, участниками которого были его будущие сотрудники А. А. Гапеев и Я. Н. Чупраков. Совет института поощрял научно-просветительскую работу своих членов, да они и сами много и охотно выступали с докладами в различных обществах города. В середине октября доцент Морозов прочитал лекцию «Некоторые современные течения в химии» на заседании химической секции Союза профессиональных организаций. Институт поделился мебелью с хозяйственно-распорядительной комиссией для проведения съезда членов Учредительного собрания и отозвался на воззвание Совета Культурно-Экономического союза, представителем УГИ в котором был Веймарн, о пожертвовании 8 % месячных окладов преподавателей на лазареты на время военных действий.

Утверждение о том, что всякая власть временна, аксиоматично. 3 ноября самоликвидировалось Временное сибирское правительство; на следующий день при Временном всероссийском Правительстве был образован Всероссийский Совет Министров, в котором А. В. Колчак стал военным и морским министром; 18 ноября в результате военного переворота большинство членов Всероссийского Совета Министров вынужденно согласилось на ликвидацию Временного всероссийского правительства и передачу власти Верховному правителю Колчаку. Уральский горный институт в связи с этими событиями перешёл в ведение Министерства торговли и промышленности нового правительства, которое вошло в историю под названием Омского правительства

Ликвидация всех бывших учреждений Временного областного правительства Урала закончилась 1 декабря. На пост начальника Уральского края был назначен бывший управляющий Богословским горным округом, горный инженер С. С. Постников. При большевиках он скрывался, как и Обухов, в Сибири, откуда вернулся уполномоченным Временного сибирского правительства при Областном правительстве Урала.

Политические события, произошедшие в Омске, как будто бы благоприятствовали институту. На докладную записку ректора, в которой он просил ассигновать 2 миллиона рублей на достройку институтского здания и ещё полмиллиона на его содержание,

посланную в конце октября, из Министерства торговли нового правительства ответили, что УГИ будет отпущено 100 тысяч рублей в счёт будущих кредитов. Очень мало! Но достаточно, чтобы открыть занятия на втором курсе, и Веймарн в связи с этим предложил Совету рассмотреть заявления на вакантные должности, лежавшие «под сукном», объявить конкурс на вакантное место доцента по горному искусству и произвести выборы: руководителями черчения были избраны академик архитектуры Г. И. Котов и инженер-технолог Г. Г. Абельс, приват-доцентами по математике М. Н. Хитрин, В. Я. Шнейдер, по геодезии – К. Н. Петров, лектором по английскому языку – секретарь Британского консульства Г. Г. Хоун, вместо подавшего в отставку Э. Э. Келлера.

Занятия на втором курсе начались во вторник 10 декабря, а неделей раньше Совет УГИ избрал его почетными членами П. П. Веймарна, А. Е. Обухова, А. М. Симанова, Е. Д. Калугина, Н. Ф. Магницкого, А. А. Бубликова и Ф. А. Иванова, кандидатуры которых были утверждены в своё время Министерством горных дел бывшего Временного областного правительства Урала. Это было, пожалуй, единственное доброе дело, сделанное правительством для института.

После непродолжительной деловой части церемония открытия занятий расцветилась для ректора приятной неожиданностью. Слово попросил профессор Шохат и, обратившись к Веймарну, сказал:

«Многоуважаемый Пётр Петрович. Два дня назад исполнилось 10 лет со дня избрания вас профессором Петроградского горного института. Уверен, что выражу чувства всех членов, принеся Вам поздравление с этой знаменательной датой. Ваша профессорская деятельность протекла особенно блестяще. Вы не только читали лекции – Вы двигали науку, создали новые ветви её. Вы принадлежите к числу тех сравнительно немногочисленных русских учёных, имя которых известно далеко за пределами родины. Совет УГИ гордится тем, что Вы состоите его членом-председателем и надеется, что Вы навсегда останетесь в нём. Но мы Вам обязаны не только этим. Мы все видим, какие тяжёлые выпали на Вашу долю заботы, сколько энергии Вам пришлось и приходится затрачивать, создавая и организуя УГИ в настоящих чрезвычайно трудных условиях. При этом Вы жертвуете самым дорогим – отрывая время от научных

занятий. Мы все желаем, чтобы скорее наступило нормальное время, чтобы в лабораториях..., устроенный вполне достойно Вашего таланта, Вы могли бы долгие-долгие годы продолжать свою научную деятельность, столь блестяще протекавшую в течение этих десяти лет».

Члены Совета приветствовали Веймарна долгими аплодисментами, а Шохат, сойдя с кафедры, уступил её студентам, которые от имени двухсот своих товарищей преподнесли Веймарну «в солидно и с большим вкусом, художественно сделанной папке из уральской яшмы» приветственный адрес:

«Глубокоуважаемый Пётр Петрович. В знаменательный день десятилетнего юбилея Вашей профессорской деятельности мы, студенты молодого Уральского горного института, считаем своим долгом принести Вам свои поздравления и выразить глубокую благодарность за те труды, которым Институт обязан своим существованием.

С первых дней практического осуществления мысли о создании высшей школы на Урале и до последнего момента пережив целый ряд тяжёлых испытаний, Вы стоите во главе этого в высшей степени большого и трудного дела и своими знаниями и энергией способствуете благоприятному его развитию. Мы видим, что, несмотря на всевозможные препятствия, создаваемые временем, несколько сот молодых людей, благодаря Вашим трудам, имеют возможность получить высшее образование.

Мы знаем, что эта работа заставила Вас прервать Ваше любимое дело – служение чистой науке, – и надеемся, что Вы вернётесь к научной деятельности, но уже в лабораториях, созданных Вами при нашем Институте.

В истории Института Ваши труды никогда не будут забыты и Урал всегда будет Вам благодарен за основание рассадника высших технических знаний.

В качестве ректора института Вы сумели с самых первых дней учебных занятий уничтожить преграду, всегда отделявшую профессоров от студентов, и создать одну семью, руководимую общим желанием, вооружившись знаниями, принести посильную помощь измученной Родине.

Внимательным отношением к запросам и нуждам студентов и защитой их интересов Вы заслужили уважение окружающих и нашу любовь.

Позвольте ещё раз выразить Вам нашу благодарность и просить Вас принять на память об этом дне наш скромный подарок».

Журналист газеты «Горный край», присутствовавший при этом, восхищённый дружескими, лишёнными панибратского высокомерия и угоднического чинопочитания, отношениями в «молодом рассаднике высших знаний», заразившись его здоровой жизнью, от души пожелал всем, чтобы «Дай Бог, ... и в будущем всегда было такое единодушие и искренность ... между профессорами и студенчеством».

А коллеги Веймарна Шохат и Янек сделали бесценный подарок, скорее не юбиляру, но будущим историкам, опубликовав в газете «Уральская жизнь» и единственном номере журнала «Молодая Русь» обстоятельные очерки о его жизни и творчестве, которые позже были перепечатаны в первом томе «Известий УГИ».

Горе крепит, – говорит первая часть поговорки. Трудности, в которые жизнь безжалостно, а порой и цинично погружала институт, пока мобилизовывали его внутренние силы к сопротивлению, не разрушали единства преподавателей и студентов, не ослабляли их волю и оптимизм; пока для них путеводной звездой на мрачном небосводе жизни сияла благая цель – получить высшее образование, чтобы «принести посильную помощь измученной Родине». Они надеялись, стремились и делали всё, что могли, для наступления того времени, когда осуществится вторая часть поговорки: счастье лепит. Институт не паниковал, не барахтался, не погружался в губительную топь трудностей, он их преодолевал с достойной уважения терпеливой настойчивостью, хотя они множились и множились.

К началу второго учебного года институт лишился зала в библиотеке Белинского, в котором военные власти разместили лазарет. Поэтому пришлось арендовать помещения в Уральском горном училище, а под лекционную аудиторию занять чертёжную в гимнастическом зале мужской гимназии. Хорошо (если такую ситуацию можно оценивать на «хорошо»), что от списочного состава студентов в 700 человек в аудиториях и лабораториях на

занятиях у 33 профессоров и преподавателей едва находилась десятая их часть. В основном это были барышни, так как юноши были, либо мобилизованы в Народную армию либо находились на территории, занятой красными.

По этой причине, вспоминала Нина Ивановна Кудрина, «зиму 1918/19 гг. занятия шли чрезвычайно ненормально. Прежде всего, студентов старого приёма почти не осталось. Так что первый курс работал, а второй с трудом был организован из нескольких человек... Читались предметы, по которым были преподаватели».

12 декабря в 8 часов вечера произошло ещё одно несчастье - загорелось деревянное помещение кучерской, находящейся в ста метрах от строящегося здания института. Пожар случился от неумеренной топки печи и неисправной дымовой трубы. Пламя быстро погасили brave пожарные II части. Но кучерская сгорела, сгорела и крыша примыкавшего к ней каретника. Строения были не застрахованы и убыток, в 4 тысячи рублей пришлось оплачивать из средств института.

Открытие первого курса увеличило число студентов и обострило потребность в общежитии для них. В середине декабря студенческая организация обратилась в городскую управу с просьбой об отводе квартир и, конечно же, получила отказ. Смена власти в городе существенно ослабила студенческую организацию, в которой до этого было около двухсот человек, так как многие её члены и члены Правления оказались по ту сторону фронта и к началу занятий ещё не вернулись. Новое Правление, проведя ревизию, выяснило, что в кассе организации денег нет, что у организации долг в 400 рублей. Чтобы пополнить кассу, пришлось прибегнуть к внутреннему займу. Этот заём и выручка от студенческого концерта-бала позволили собрать около 12 тысяч рублей, пять из которых были потрачены издательской комиссией на издание учебных пособий.

Зарабатыванием средств занималась хозяйственная комиссия. Но её деятельность оказалась малопродуктивной из-за малочисленности студентов. По этой причине пришлось отказываться от многих предложений, могущих дать хоть какой-то доход: от участия в работе по предстоящим выборам в органы городского самоуправления, от организации студенческой лавочки, от оказания услуг библиотеке Белинского и многих других.

Студенческая организация УГИ была не единственной в городе, объединявшей учащуюся молодежь, для того, чтобы сообща противостоять трудностям. В воскресенье 15 декабря в институтской аудитории в мужской гимназии на общем собрании студентов-евреев был создан «Союз евреев – учащихся в высших учебных заведениях», а спустя две недели там же один из организаторов Союза Я. Ганштак выступил с платным докладом «О задачах еврейской учащейся молодёжи и её организации». На Главном проспекте, в доме № 19, принадлежавшем В. Я. Атаманову, в квартире Аничковых размещался Союз учащихся в высших учебных заведениях. В марте 1919 г. студент-горняк А. Г. Файк создал общество по изучению эсперанто.

Несмотря на то, что занятия на обоих курсах начались поздно, Совет института не стал нарушать график учебного процесса и постановил назначить зимние каникулы с 31 декабря 1918 г. по 20 января 1919 г.

Небольшая учебная нагрузка тяготила преподавателей, поэтому те из них, кто был не обременён институтскими проблемами, такие как Крылов, которому было поручено решение квартирного вопроса, или Матвеев и Келль, начавший организационную работу по созданию геологического и маркшейдерско-геодезического факультетов, занимались научно-просветительской деятельностью, демонстрируя любознательным горожанам, а недостатка в таких не было, свой интеллект, энциклопедическую эрудицию и широкий кругозор. Темы их лекций были всеохватными от абстрактных проблем до прикладных вопросов, рассчитанные на слушателей самого разного уровня развития.

Интеллектуалы шли на лекции Скаредовой «Теософия и современность» или Елиашевича «Проблема четвёртого измерения в современной науке и искусстве», или Янека – «Что такое вещество?» Гимназисты и гимназистки хотели узнать на лекции Шохата всё «О народных университетах за границей и в России». Учащихся Уральского горного училища интересовали вопросы геологии, и они охотно слушали лекции Клера о «Месторождениях хромистого железняка в кристаллических сланцах» или Елиашевича «О происхождении колчеданов Верх-Исетского округа». Для будущих лесных инженеров ценной могло быть мнение

Овсянникова о «Ближайший задачах лесного хозяйства Урала», а для домохозяек откровениями были рассуждения Клера «О необходимости знания для человека» или Путнина «О смене дней и ночей на земном шаре».

Состояние института в начале 1919 г. было стабильно тяжёлым. Обещанный Министерством торговли кредит на 100 тысяч рублей был открыт в конце января. Канцелярия по-прежнему получала много прошений либо о приёме, либо о предоставлении права сдавать зачёты. Только в январе их было рассмотрено более трёх десятков. Совет никому не отказывал. Вероятно, по этой причине в Совет обратился заведующий Ирбитской учительской семинарии с вопросом, а не могут ли в УГИ поступить её выпускники и на каких условиях. Почти исчезли жертвователи. На скудные казённые деньги покупали самое необходимое, давая редкие объявления в газете: «Лаборатория аналитической химии УГИ покупает химическую посуду, приборы и реактивы. Тарасовская набережная, угол Клубной. Ежедневно с 12 до 2 ч.». Вдруг в конце июня учебный отдел Министерства торговли объявил, что он представит в Правительство в срочном порядке законопроект об ассигновании институту 10 миллионов рублей на достройку здания. Поздно! Годом бы раньше, да не законопроект, а живые деньги. Поезд, на котором поедут преподаватели института во Владивосток, уже стоял на главном пути. До эвакуации осталось две недели.

ЭНЕРГЕТИКА ТВОРЧЕСТВА

Век живи, век учись, – говорит поговорка. А зачем всю жизнь учиться? Чтобы не изобретать велосипед и не наступать много раз на одни и те же грабли. Ведь «науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни», которая так коротка. Вот и учится человек разумный, наполняя соты своей памяти янтарным медом знаний. Со временем этот мед, кристаллизуясь, приобретает качество абсолютной ценности, эквивалента которому нет. Говорят, Пифагор, когда доказал свою великую теорему, принес в жертву богам 100 быков.

А другой его соотечественник, живший якобы в бочке, втолковывал согражданам, что все свое он носит с собой. И это все есть знания. Ограниченные абразивом опыта, они становятся бриллиантами. Вожаденные драгоценности! Всякий не прочь ими владеть. Но очень труден и долог к ним путь. «В науке нет широкой столбовой дороги, – предупреждал Карл Маркс (1818 – 1883). – И только тот может достигнуть её сверкающих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по каменистым тропам». В России о том же говорят проще, не так витиевато – чтобы чего-то достичь в науке, надо грызть её гранит.

Как грызть гранит? Научат наставники, учителя, педагоги, опираясь на собственный опыт, опыт своих учителей, а наиболее креативные из них отваживаются создавать собственные оригинальные педагогические системы. Но таковых немного. В истории уральского высшего образования было всего два выдающихся педагога и оба были ректорами: первый ректор Уральского горного института Петр Петрович фон Веймарн (1879 – 1935) и первый ректор Уральского государственного университета Альберт Петрович Пинкевич (1883 – 1937). О Пинкевиче речь будет впереди, а прежде я расскажу о педагогической системе Веймарна.

Он к ней пришел через собственный опыт преподавания, через критическое осмысление опыта своих коллег, ведь Петр Петрович был инспектором по студенческим делам в Горном институте, через анализ сложившейся в высшей школе России методологии преподавания, оплодотворив всё это менделеевской идеей о том, что процветание страны в значительной мере зависит от уровня развития творческих сил народа и его просвещенности. Но строить

он её стал не как педагог-гуманитарий, а как естествоиспытатель, положив в основу системы образования идею лауреата Нобелевской премии Вильгельма Оствальда (1853 – 1932) о том, что единственной реальностью является энергия. Из этой теории следовало, что вся совокупность психических процессов человека управляется отдельным видом энергии – психической энергией, которая как любая другая энергия подчиняется соответствующим физическим законам.

Впервые свои представления о том, как можно приложить энергетические принципы к проблеме рациональной постановки образования, Веймарн изложил 18 апреля 1915 г. Общему собранию Постоянной комиссии по техническому образованию Русского технического общества, затронув в докладе пока только вопрос о рациональной постановке физико-химического образования для поднятия научной и технической продуктивности страны.

«... этот доклад, – вспоминал Веймарн, – встретил сочувствие, как среди моих коллег, так и в среде учащейся молодежи, которой приходится на себе испытывать всю тяжесть нерациональной постановки образования...». Поэтому Петр Петрович опубликовал его в том же году под названием «Этюды по энергетике восприятия и творчества». Позже идеи, сформулированные в докладе, он развил и изложил в речи, произнесенной 9 октября 1917 г. во время торжественного публичного заседания Совета и Строительной комиссии Уральского горного института при его открытии и опубликовал в мае 1919 г. в единственном номере литературного, публицистического и научного сборника «Молодая Русь» в статье уже под более общим названием «О рациональной постановке образования в целях поднятия творческой энергии страны». Эта статья, по замыслу автора, должна была иметь продолжение, в котором он намеревался изложить нормальную конструкцию высшей школы с рационально поставленной методикой обучения. Но второй номер сборника не вышел, и Веймарн подытожил свои исследования в «Очерках по энергетике культуры», напечатанном в первом томе «Известий УГИ».

Суть педагогических новаций Веймарна сводится к следующему.

Психическую энергию он делил на общую, полезную и побочную. Накопление знаний и творческая деятельность осуществляются за счет полезной энергии. Естественно, что

большая часть знаний накапливается во время обучения в школе и в институте, а творческие процессы происходят, главным образом, после завершения образования.

Деятельность многих великих ученых показывает, что действительно пик их творческой активности находится между 20 и 35 годами, чаще всего между 25 и 28 годами. Так, например, А. Эйнштейн (1879 – 1955) сформулировал специальную теорию относительности в 26 лет; В. Гейзенберг (1901 – 1976) предложил принцип неопределенности тоже в 26 лет; П. Дирак (1902 – 1984) высказал гипотезу об античастицах в 29 лет; В. Паули (1900 – 1958) выдвинул идею о нейтрино в 30 лет; Л. Де Бройль (1892 – 1987) опубликовал работы о корпускулярно-волновом дуализме природы в 31 год и т. д. Поэтому, по мнению Веймарна, оптимальная продолжительность среднего и высшего образования в совокупности не должна превышать 10 лет. Из них 6 лет необходимо посвятить школе и 4 года вузу и заканчивать, таким образом, образование в 19-20 лет.

Важен вопрос и о том, в каком соотношении должны находиться энергия, затрачиваемая на накопление знаний и на творчество. Английский физик и химик, Нобелевский лауреат У. Рамзай (1852 – 1916) говорил по этому поводу, что слишком большие знания являются препоной для творчества. Действительность убеждает, что ученые-энциклопедисты очень мало или совсем не способны к творчеству. Поэтому, сделал вывод Веймарн, в школах с рациональной системой образования необходимо соблюдать мудрый предел знаний. Только в этом случае продуктивность творческой деятельности будет достигать максимального для данного учащегося уровня. Ибо мозг, до предела насыщенный знаниями, особенно догматическими, с трудом совершает творческую работу.

Преподавание, по мнению Веймарна, должно заключаться не в детальном сообщении мельчайших подробностей опытов, не в запоминании сложных формул и их выводов, а в изложении общих идей и принципов, в объяснении основных доказательств, в выявлении связей между величинами, входящими в формулы и законы. Надо излагать обобщающие точки зрения, не замалчивать научных разногласий и споров и посвящать учащихся в состояние проблемных вопросов. С деталями же и частностями они могут и

должны самостоятельно знакомиться по учебникам, монографиям и справочникам.

Развивая энергетические представления, Веймарн полагал, что каждый человек может быть уподоблен трансформатору, преобразующему нетворческие виды энергии в творческие. Поэтому задача школы и педагогов состоит в том, чтобы способствовали повышению коэффициента полезного действия такого трансформатора, доводя его до максимальной величины. Нельзя требовать от школы, чтобы она формировала гениев, но она и не должна «давить» таланты.

Характеризуя русскую высшую школу, Веймарн отмечал, что в ней, к сожалению, нарушаются все законы восприятия и творчества. Учащийся со средними способностями, с громадными затратами энергии едва успевает закончить её за пять лет. Для сдачи экзаменов он запоминает сложнейшие доказательства и формулы, чтобы счастливо забыть их через несколько дней, забыть порой навсегда. Так понижаются (а может быть, и атрофируются) трансформационные функции мозга. Только очень одаренные люди с ярко выраженной индивидуальностью могут благополучно выйти из такой ситуации, не потеряв после окончания вуза оригинальности мышления, и стать настоящими творческими личностями.

Существует ли такой самостоятельный вид энергии, как психическая, неизвестно. Но, несмотря на это, рекомендации Веймарна о стратегии подготовки квалифицированных специалистов разумны и не девальвировали до сих пор. Интересно другое, как эта стратегия была воплощена при обучении студентов.

«О некоторых особенностях Уральского Горного Института как в постановке преподавания, так и в конструкции его академической коллегии» оставил воспоминания Веймарн.

Студенческая вольница, которой чужды и даже противны любые ограничительные рамки, приказы и распоряжения, – явление интернациональное и вневременное. Сто лет назад, как и сейчас, студентов непросто удержать в аудиториях. Но Уральский горный находился в приятном исключении. Посещаемость занятий в нем была выше, чем в столичном Горном. В чем дело? Оказывается, в системе организации учебного процесса.

«Малая посещаемость лекций в старых Высших Школах, – писал Веймарн, – помимо других причин, вызвана, несомненно, слишком большим числом лекций, читаемых в один день. В Уральском горном институте число лекций в день уменьшено до трех, причем в подавляющем большинстве случаев, две лекции посвящены одному и тому же предмету. При этих условиях лицо, способное вообще к усвоению (материала. – В. Ф.) по лекциям, не может переутомить своего внимания, и в его голове не может получиться мозаики из данных разнообразных научных дисциплин, которые получаются при 4-5 лекциях по разным предметам.

В Уральском горном институте центр тяжести преподавания из аудиторий перенесен в лаборатории. Рабочий день студента начинался с 9 ч. утра, причем от 9 до 12 читаются лекции, затем до 14 часов перерыв на обед, и с 14 до 18 ч. идут практические занятия.

В институте проведена и проводится строгая согласованность программ, и Советом института приняты все меры, чтобы достигнуть мудрого минимума знаний, действительно необходимого и не подавляющего способностей учащихся. Советом института затрачено немало времени и труда на проведение в жизнь высшей школы тех принципов, которые вытекают из энергетики восприятия и творчества.

Надо отметить, что почти все мероприятия вышеприведенного характера принимались Советом института единогласно. Я нисколько не сомневаюсь, что в дальнейшей своей эволюции преподавание в высшей школе дойдет до того, что вместо лекций по естественнонаучным дисциплинам будут вестись только соответственно поставленные групповые практические занятия, сопровождаемые собеседованием профессоров со студентами по тому отделу преподаваемой научной дисциплины, которая иллюстрируется производимыми группой экспериментами».

Эффективная система преподавания – это только полдела. Говорят: одна мучка, да не одни ручки. Даже самая совершенная методика преподавания может принести больше вреда, чем пользы, если её реализацией займутся неподготовленные и равнодушные педагоги. Хорошо, когда они талантливы и инициативны. И, еще лучше, если студенческая среда активна и заинтересована в том, чтобы разделить замыслы ректора и преподавателей. Именно такую обстановку дружелюбия и сотрудничества создал Веймарн.

20 ноября 1918 г. в институте было торжественно отмечено десятилетие профессорской деятельности Петра Петровича. В адресе, преподнесенном юбиляру студентами, было написано: «В качестве ректора института Вы сумели с самых первых дней учебных занятий уничтожить преграду, всегда отделявшую профессоров от студентов, и создать единую семью, руководимую общим желанием, вооружившись знаниями, принести посильную помощь измученной Родине. Внимательным отношением к запросам и нуждам студентов и защитой их интересов Вы заслужили уважение окружающих и нашу любовь».

«Окружающими» студенты, видимо, считали коллег Петра Петровича: преподавателей, доцентов, профессоров и служащих института, т. е. тех, кто составлял «академическую коллегия». Она была создана ректором из людей, приехавших на Урал из разных городов страны, окончивших различные учебные заведения, принадлежавших к разным научным и педагогическим школам. У каждого был свой нрав, менталитет, достоинства и недостатки, жизненные и иные цели и ценности. Все они были незаурядными личностями, самодостаточными и независимыми, европейски образованными и культурными, русскими интеллигентами. Веймарн сумел их объединить, сделав «сочленами», идейными сподвижниками и единомышленниками. Поэтому неудивительно, что большинство решений Совета института получало полную поддержку его членов.

Очень мудро и тактично решен был Веймарном и вопрос о вознаграждении труда преподавателей. «Что касается конструкции академической коллегии Уральского Горного Института, – писал он, – то она создавалась с целью устранить громоздкость старых конструкций и заключающуюся в них неправильность самого принципа оплаты труда деятелей высшей школы, неправильность, которая вызывает внутренние трения в академической среде, весьма вредно сказывающиеся как на научной, так и на педагогической деятельности ученых корпораций.

Ведь для всякого нормально развитого человека совершенно ясно, что представляется полной несообразностью и явной несправедливостью лицам с вполне одинаковым учебным цензом и научными достижениями присваивать различные наименования и

права и различно оплачивать их труд. Это вызывает справедливое неудовольствие и вносит рознь в академическую корпорацию.

Поэтому, – считал Веймарн, – целесообразно установить лишь три категории преподавателей высшей школы: 1) профессора, 2) доценты и 3) приват-доценты.

Приват-доценты избираются из числа лиц, получивших высшее образование и желающих посвятить себя работе в высшей школе, но ещё не выявивших своих способностей в научной деятельности.

Доценты – из лиц, уже проявивших себя на научном и педагогическом поприще, но не имеющих ещё таких научных работ, которые могли бы служить диссертацией на звание профессора.

Профессора – из лиц, защитивших диссертации.

Исполнение обязанностей профессоров может быть возлагаемо на наиболее подготовленных к этому доцентов, но на срок не более трёх лет, при условии в течение этого срока защитить диссертацию; в противном случае доцент должен оставить исполнение должности профессора...

Далее, так как научный труд является отличительным признаком преподавателя высшей школы от преподавателей низшей ступени, то само собой понятно, что особо выдающаяся научная деятельность должна особо высоко цениться и оплачиваться в культурном государстве. Поэтому не *выслуга лет* является главным фактором при оценке деятельности профессора, а *качество* его научной деятельности.

Основываясь на этом бесспорном положении, Совет Уральскаго Горнаго Института считает, что *заслуженным профессором*, по существу, является не тот, кто прослужил на одном месте 25 лет, но тот, кто проявил особо выдающуюся научную деятельность, кто пользуется почетной научной известностью, чьи работы отмечены почетными наградами ученых обществ и учреждений. Сообразно с этим Совет единогласно постановил влить новое содержание в старое звание заслуженного профессора (формулировка «заслуженный профессор» была предложена профессором С. Н. Петровым вместо длинного титула «профессор с особой выдающейся научной деятельностью». – В. Ф.) и присвоить таким профессорам повышенный оклад, по меньшей мере, на 50 % больший обычного профессорского оклада.

Всякое культурное государство, – подытоживал Веймарн, – должно особо высоко ценить своих выдающихся учёных и особенно высоко оплачивать их труд. Если никого не удивляют колоссальные оклады, выплачиваемые талантливым и гениальным представителям искусства, то совершенно на тех же основаниях не должно удивлять, если таковым же представителям науки будет особо высоко оплачиваться их замечательная работа на пользу человечества.

Вышеизложенная конструкция была принята Советом Уральского Горного Института единогласно и проведена в жизнь».

Этим решением Совета ректор воспользовался уже первого декабря 1917 г., предложив «ввиду незначительности окладов штатных ассистентов Титова и Горина, перевести их на должность штатных преподавателей».

Ректор и Совет института, освобожденные от мелочной опеки и жесткой регламентации, обладая широкими правами и полномочиями, могли вносить без волокиты и чиновничьего диктата любые разумные изменения в различные стороны институтской жизни, руководствуясь при этом не идеологическими или какими-то иными соображениями, а пользой дела и профессиональной этикой. Будучи свободными в принятии решений, преподаватели воспитывали и в студентах чувство собственного достоинства, внутренней свободы, раскрепощённости и самостоятельности, т. е. те качества, которые, по мнению, Веймарна, так благоприятствуют продуктивной творческой работе.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академическая коллегия Горного была невелика. На 1 июля 1919 г. в ней было 29 человек: ректор, декан, секретарь Совета, 14 исполняющих должности профессоров, четыре доцента, столько же приват-доцентов, два руководителя черчения и два лектора иностранных языков. Хозяйственной деятельностью института руководил Хозяйственный комитет под председательством ректора, а помощниками у него были профессор С. Н. Петров, исполняющий дела профессора Я. А. Шохата, и доцент А. М. Титов. Все студенческие дела рассматривал Комитет по студенческим делам тоже под председательством ректора, которому помогали Петров и два исполняющих дела профессора – Н. В. Галли и Н. Г. Келль. Библиотека была под присмотром М. Г. Гадд и её помощницы Ады Семеновны Бильдштейн.

Институтская канцелярия была разделена на две части: по общим и хозяйственным делам (канцелярия по делам правления) и по студенческим делам. В штате обеих состояли делопроизводители, их помощники и конторщицы-машинистки. Для связи же с общественностью (если перейти на современную терминологию) был предусмотрен журналист. Бухгалтерия была тоже скромной: бухгалтер, его помощник и две машинистки – две Веры – Вера Александровна Сапарова и Вера Фелициовна Козева. За здоровьем студентов и преподавателей наблюдал врач, а за строительством здания института – архитектор-строитель. Вот и весь штат. Он вполне справлялся с обслуживанием студентов, количество которых по списку равнялось зловеще магическому числу 666. Фактически их было много меньше. В 1918/19 учебном году несколько мобилизаций буквально опустошили институт до крайности. На двух курсах занятия посещало около ста человек, в основном барышни.

Иерархическая пирамида личного состава УГИ венчалась почетными членами – людьми, чьи заслуги по созданию института были неоспоримы и особенно велики. Кто они? Совет института определил их 26 ноября 1917 г. Первым в анналы истории был вписан Петр Петрович фон Веймарн. Он был единственным в этом перечне, сохранившим свой общественный статус и после смены власти. К фамилиям остальных пришлось добавить «суконное»

определение «бывший»: бывший Екатеринбургский городской голова Александр Евлампиевич Обухов, бывший председатель Екатеринбургской земской управы Александр Максимович Симанов, бывший председатель Пермской губернской земской управы Егор Данилович Калугин, бывший заместитель председателя Строительной комиссии Николай Флегонтович Магницкий, бывший член Государственной Думы 4-го созыва Александр Александрович Бубликов и бывший член Государственного Совета Филипп Антонович Иванов.

Вынося решение о почетных членах, Совет постановил, что они «приглашаются на все торжественные заседания Совета института, их фамилии заносятся на вечные времена в списки личного состава института впереди всех, по порядку их избрания, а их портреты помещаются в «Известиях УГИ». Они и были помещены в первом томе, но только Веймарна, Симанова, Магницкого и Калугина. Портретов других почетных членов у редактора на момент издания журнала просто не было.

Фраза «на вечные времена», вероятно, для всех почетных членов УГИ была наиболее значимой. Служение в выборных органах: управах, комиссиях, думах – всегда временно независимо от смены власти и обязательно влечет за собою неизбежную отставку с обидной добавкой «бывший». Звание «Почетный член УГИ» – это выбор судьбы, хоть его и сделали люди; выбор, который не подвластен капризам времени. Он действительно на вечные времена, даже если бы был ликвидирован Горный институт.

Каждый член академической коллегии достоин не сухого упоминания, а подробного жизнеописания. Но, вопреки утверждению о негорящих рукописях, рукописи очень хорошо горят, особенно архивные. Сколько их превратили в пепел или сделали недоступными. Отдельные документы, фрагментарные отрывки из них, найденные в различных архивах и публикациях, были использованы мною для рассказа о некоторых членах коллегии самого драматического периода в истории УГИ, который условно можно назвать веймарновским.

Следуя институтской табели о рангах, рассказ начну с жизнеописания Семёна Николаевича Петрова. Он коренной петербуржец, родился 2 февраля 1872 г.; в 19 лет окончил гимназию, в 26 – Горный институт со званием горного инженера.

Прослужив шесть лет в Перми на горных предприятиях и в горнозаводском училище, он вернулся в столицу в альма-матер и стал ассистентом на кафедре математики и одновременно начал преподавать теоретическую механику в гардемаринском классе в Морском училище. Его движение по служебной лестнице было неспешным: в 1915 г. Совет Горного института избрал его преподавателем по кафедре сопротивления материалов, а через два года он защитил диссертацию «Работа и давление при прокатке» и удостоился звания адъюнкт-профессора по прикладной механике. Веймарн хорошо знал Семёна Николаевича по многолетней работе в Горном, ценил его и как учёного, и как педагога с хорошими организаторскими задатками. Поэтому и предложил ему переехать на Урал в новый вуз. Советом УГИ он был избран ординарным профессором и деканом и стал надёжным помощником ректору, председательствуя на заседаниях Совета во время его командировок.

Семён Николаевич занимался не только организацией учебного процесса, курировал составление учебных планов факультетов, вел переговоры (в зависимости от того, какая власть была на «дворе») либо с Управлением национализированных предприятий Урала о представлении студентам мест учеников во время летних практик на заводах и рудниках, либо с Главным Управлением горных дел о проведении занятий на электрической станции при золотосплавочной лаборатории, но и сам составлял программы занятий по начертательной геометрии, теоретической механике, сидерургии (разновидность неорганической химической технологии), читал курс теоретической механики, написал учебное пособие «Начертательная геометрия» с «оригинальной, – по замечанию Веймарна, – дополнительной главой о приложении начертательной геометрии к кристаллографии, подготовил к печати статьи по сопротивлению материалов, являющиеся продолжением и развитием его диссертации».

В июле 1919 г. Семён Николаевич уехал во Владивосток. Почему он принял такое решение, неизвестно. Во Владивостокском политехническом институте он исполнял обязанности декана строительного факультета, был профессором кафедры горнозаводской механики, деканом механического факультета, а с ноября 1920 по май 1921 г. даже его ректором. В конце 1922 г. он

снова стал беженцем, эмигрировав в Харбин, где местом его работы стал политехнический институт, а он в нём - деканом электромеханического факультета.

Скитальческая жизнь беженца, эмигранта, человека без родины, его тяготила, и в начале 30-х годов он вернулся в СССР, получив место профессора в Томском электромеханическом институте. Ему было 60 лет, и, возможно, он думал, что все выпавшие на его долю лишения закончились. Но упования на спокойную старость не исполнились. 20 ноября 1937 г. он был арестован как «участник японской шпионско-диверсионной группы», допрошен с пристрастием и 28 января 1939 г. осуждён на десять лет лагерей с поражением в правах на пять лет. Лагерь его и убил. Он был реабилитирован в марте 1957 г.

К секретарю Совета Николаю Ивановичу Морозову судьба отнеслась благосклоннее. Он, как и Петров, тоже был коренным петербуржцем, но на 20 лет моложе его. Николай Иванович ученик Веймарна с «младых лет». После окончания Царскосельской гимназии он поступил в Горный институт, где и ступил на научную стезю на кафедре физической химии, которую возглавлял Веймарн. С ним он переехал в Екатеринбург; в 1917 г. был избран доцентом, потом исполняющим дела профессора, а 25 августа секретарём Совета сроком на три года и сложил с себя секретарские обязанности точно через три года уже во Владивостоке. В июле 1919 г. ученик последовал за учителем. В Екатеринбурге Морозов организовал лабораторию неорганической химии, продолжив заниматься изучением физико-химических свойств веществ в высокодисперсном состоянии; как преподаватель состоял по кафедре физической химии; как секретарь Совета редактировал отдел «Хроники академической жизни» в первом томе «Известий УГИ».

Во Владивостоке он исполнял должность профессора и в УГИ, и в Политехническом институте, и в Дальневосточном педагогическом институте им. К. Д. Ушинского (1824 – 1870/71). В конце ноября 1921 г. он неожиданно для многих уехал в Манчжурию, поселившись в Харбине. Чем занимался? Заведывал сельскохозяйственной лабораторией, принадлежавшей Китайской-Восточной железной дороге, разрабатывал технологию производства соевого масла, написал какие-то учебники для

служащих дороги, преподавал в различных учебных заведениях. Небогато для учёного с такими задатками, какие были у него. Не будь он одарен, Веймарн не пригласил бы его к себе на кафедру. «Благосклонная» судьба, сохранив Николаю Ивановичу жизнь, обрекла его на прозябание на чужбине. Но, может быть, я не прав. Ведь мне известна не вся его жизнь, как жизнь Максима Кондратьевича (Конрадовича) Елиашевича.

Елиашевич прожил почти век и, вероятно, мысленно похоронил всех своих коллег по Уральскому горному институту, если хранил в памяти их образы. Он родился в Минске 12 августа 1889 г. Через 28 лет окончил Горный институт по геологической специальности и, получив приглашение Веймарна, переехал в Екатеринбург, став исполняющим должность профессора по кафедре кристаллографии. Первая в Горном институте учебная программа по этой дисциплине была составлена им; он стал создавать музей цикла геолого-минералогических наук – предтечу всемирно известного Уральского геологического музея (одна из его статей в первом томе «Известий УГИ» была посвящена описанию «некоторых замечательных двойников» из музейной коллекции института). 17 ноября 1917 г. к нему обратился за поддержкой студент Петроградского горного института С. М. Бучельников и, получив её, был избран Советом на должность ассистента по кафедре кристаллографии. Елиашевич разработал первый учебный план для студентов геологоразведочного отделения; по его рекомендации, после осмотра, Совет института решил приобрести за 11000 рублей минералогическую коллекцию золотопромышленников Рязановых; ему же было поручено выяснить возможность приобретения минералогического собрания Верх-Исетского горного округа. А в июле 1919 г., не захотев остаться в Советской России, он с семьёй уехал во Владивосток.

Здесь на краю русской земли он не только преподавал, заведая кафедрой геологии, но и смог практически в одиночку в тяжелейших условиях, выполнить фундаментальные исследования по изучению угольных месторождений Приморья: Сучанского, Монгутайского – и на полуострове Муравьёва-Амурского. Эта работа, делавшаяся по заданиям Дальгеолкома и частных компаний: Николаевские угольные копи, Горнорудная компания Бринера (владельцем компании был Б. Ю. Бринер – отец известного

американского актера, главного персонажа в вестерне «Великолепная семёрка» Юла Бриннера) позволяла Максиму Кондратьевичу находиться в хорошей геологической «форме» и зарабатывать средства на содержание семьи. Результаты исследований он обобщил в 1922 г. в брошюре «Возраст и качество Южно-Уссурийских ископаемых углей», опубликовав её на свои средства на русском и английском языках.

Осень 1922 г. для него и его коллег стала моментом истины. После установления во Владивостоке в октябре советской власти, он с семьёй: женой Еленой и сыном Максимом эмигрировал в США. Немалое значение в выборе страны имело хорошее знание Максимом Кондратьевичем английского языка. Но места под солнцем в самой богатой стране мира пришлось добиваться долго. Пять лет Елиашевич работал чертежником. И только накануне Великой депрессии, в 1927 г., он получил место геолога в Геологической службе штата Канзас. Работая под руководством государственного геолога и директора службы Р. Моора, он занимался изучением ископаемой флоры третичного и пермского периодов на территории штатов Канзас и Колорадо; в 1930 г. в «Бюллетене Американской ассоциации практической геологии» была опубликована его первая работа. Тогда, по-видимому, редактор журнала посоветовал ему сократить имя и фамилию. Он внял совету (ведь в чужой монастырь со своим уставом не ходят) и впредь стал именовать себя Макс Элиас.

В конце 30-х годов что-то заставило его уехать из Канзаса на год в Южную Америку. Вернувшись в 1939 г., он защитил в Йельском университете диссертацию на степень доктора философии на тему «Травы третичного периода высокогорных равнин и их связь с геологией района». Успешная защита полезной для геологической практики работы послужила поводом для приглашения его в Геологическую службу штата Небраска. Он переехал в г. Линкольн, получив там ещё и должность профессора в местном университете, постепенно расширяя область научных исследований, занимаясь не только палеоботаникой, но и палеоэкологией.

В 1958 г. Макс Элиас вышел в отставку со статусом почетного профессора университета, но научную работу не оставил, а продолжил её в исследовательском институте Оклахомского

университета в должности адъюнкт-профессора, являя всем пример творческого долголетия. Коллеги геологи высоко ценили и ценят до сих пор результаты его исследований и оставляют за ним приоритет в развитие новых направлений в геологической науке. Он состоял членом Геологического и Палеонтологического обществ США и Американской ассоциации по продвижению науки; выступая с докладами на их заседаниях, хотя был малообщителен и замкнут, но надежен и ответственен в своих обещаниях.

После него остались не только научные труды, но и живое воплощение его деятельности: оба его сына – Макс и родившийся в США Грегор – геологи. Дочь Роксана геологом не стала. Его многолетняя, многотрудная, но и одарённая творческими успехами жизнь завершилась 6 мая 1982 г. в г. Эльянсе. Земля штата Небраска стала местом его упокоения.

Америка, отгороженная от мира крепостным рвом двух океанов, спасла от возможной гибели не только Елиашевича, но ещё и супругов Н. В. Галли и Я. А. Шохата. Оба, ещё не будучи семейной парой, приехали в Екатеринбург в 1917 г. Она была избрана Советом института исполняющей должность профессора по кафедре физики, он – на ту же должность по кафедре высшей математики.

Надежда Васильевна – тетя великого советского композитора Д. Д. Шостаковича, была ровесницей Веймарна. Она родилась 23 сентября 1879 г. в Бодайбо; её отец Василий Кокоулин был управляющим золотого рудника. Окончив в 1903 г. в Петербурге Высшие женские курсы, она несколько лет работала в Физических институтах обеих столиц, а с 1909 по 1914 гг. стажировалась в Физическом институте Гёттингенского университета; защитила там докторскую диссертацию и была удостоена степени доктора философии. Поэтому она была в курсе всех физических идей и теорий, развивавшихся в то время выдающимися европейскими физиками и математиками. Начавшаяся первая мировая война вынудила её вернуться на родину. Два года она проработала в Петрограде на оптико-механическом заводе, пока не получила приглашение Веймарна. Областью её научных интересов была теоретическая физика; в более узком плане – теория относительности. Вместе со своим коллегой, выпускником Петроградского университета, доцентом А. М. Титовым она

создала физическую лабораторию, составила учебную программу по физике и опубликовала несколько статей, а проводимые ею занятия очень ценили студенты. Известный уральский геолог, первооткрыватель месторождения бокситов «Красная шапочка» Н. А. Каржавин (1899 – 1974) вспоминал: «Физику читала у нас профессор Галли. Она умела показать самые сложные ... эксперименты. Так она демонстрировала нам опыт, с помощью которого Лебедев доказал ... давление света».

Кажется, она была легка на ногу, поэтому Совет института делегировал её то в Комиссию по выработке тарифов для научно-педагогических работников, то как курьера для представления институтской сметы в Министерство торговли и промышленности Сибирского правительства; 4 августа 1918 г. она была в составе делегации УГИ вместе с Веймарном, Елиашевичем и Луговкиным на чествовании чехословаков, казаков и войск Сибирского правительства, которое проходило в Екатеринбурге, а в сентябре уже в Омске и Томске, где по поручению ректора выясняла, какие зарплаты получают преподаватели в вузах этих городов и будет ли Правительство ассигновать средства на постройку здания УГИ.

Яков Александрович Шохат был старше её на 13 лет (если не «врут календари»). Он родился 5 августа 1866 г. в местечке Рагузина Гродненской губернии и очень поздно только в 1910 г. окончил Петербургский университет. Его учителем был выдающийся математик академик В. А. Стеклов (1863/64 – 1926), а однокурсником – не менее именитый в будущем физик и геофизик А. А. Фридман (1888 – 1925). После окончания университета Стеклов оставил его на кафедре для подготовки к профессорскому званию, а на жизнь он зарабатывал преподаванием в коммерческом училище, в Политехническом и в Горном институтах. В Горном он и познакомился с Веймарном.

«Догоняя» свою будущую супругу в научном отношении, Шохат уже в Екатеринбурге завершил работу над магистерской диссертацией, посвященной «Исследованию одного класса многочленов, наименее отклоняющихся от нуля в данном промежутке», которая была им издана на средства института в июле 1918 г. В педагогическом и социально-общественном отношениях он был активнее Надежды Васильевны. Он первым из преподавателей Горного составил курс лекций по математике, а

институтская Студенческая организация издала его; он был инициатором организации научно-технического кружка студентов ещё в начале декабря 1917 г. Но самое главное, он создал в Екатеринбурге Народный университет.

В июле 1919 г. ни он, ни Галли не поехали во Владивосток. В 1921 г. оба вернулись в Петроград; до 1922 г. Яков Александрович работал профессором в Педагогическом институте, устроившись туда, вероятно, по рекомендации ректора Уральского университета А. П. Пинкевича. Условия жизни в Советской России супругов пугали, и в 1922 г. они уехали в Польшу к его родственникам, а на следующий год в США. В отличие от Елиашевича им не пришлось «американизировать» свои фамилии и годами ждать работы по специальности. По приезде в США, Шохат получил место ассистента на кафедре математики в Чикагском университете, а с 1924 по 1929 г. оба работали внештатными (экстраординарными) профессорами в Мичиганском университете. Когда началась Великая депрессия они были уже американскими гражданами. С этого времени научная карьера Якова Александровича пошла вверх. 1929-й и следующий 30-й год он провел во Франции, стажирясь в Институте А. Пуанкаре (1854 – 1912). Вернувшись, он получил место в Пенсильванском университете: сначала лектора, потом внештатного профессора, адъюнкт-профессора, а с 1936 г. он уже до конца дней был профессором математики.

Американский период в жизни Шохата – это период его творческой активности вопреки теории Веймарна об энергетике творчества. Но, как говорил Гёте, суха теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет. В Пенсильванском университете он продолжил исследования по теории ортогональных многочленов, написал несколько книг, в том числе одну в соавторстве со своим однокурсником Я. Д. Тамаркиным (1888 – 1942); увлёкся исследованиями по дифференциальным уравнениям математической физики; стал членом Американского математического общества, Математической ассоциации Америки, Института математической статистики, Американской ассоциации развития наук, Научного исследовательского общества, одним из издателей Бюллетеня Американского математического общества. В общем американская математическая элита приняла его в свои

ряды, а следом и военная, когда он с 1944 г. стал консультантом военно-морского ведомства. В этом же году 8 октября он умер и за заслуги перед Америкой был похоронен на национальном Арлингтонском кладбище.

Повезло? Безусловно. Но это везение было оплачено трудом, талантом и терпением.

Горное и лесное дело с начала промышленного освоения природных ресурсов Урала были теснейшим образом связаны и регулировались горнолесным законодательством, потому что топливом для металлургических заводов был древесный уголь. И в Горном институте в связи с этим была создана кафедра дендрологии, на которую сначала штатным преподавателем, потом доцентом и, наконец, исполняющим дела профессора был избран учёный лесовод Владимир Фёдорович Овсянников. Его, как и многих других членов академической коллегии, Веймарн «присмотрел» в Петербурге и не ошибся в выборе. Овсянников уралец, родился 11 июня 1876 г. в селе Курта Челябинского уезда. В Кунгуре он окончил техническое училище, а в столице Лесной институт. У него были задатки и склонности к научным исследованиям, которые он стал развивать и совершенствовать, работая в Петербургском университете под наставничеством профессоров – климатологов А. И. Воейкова (1842 – 1916) и Любославского и не без успеха. В 1912 г. Академия наук удостоила его звания члена-корреспондента Главной физической (Геофизической) обсерватории.

Он был молод, энергичен, полон идей и планов и, вероятно, не пожалел, переехав из столицы в Екатеринбург. Уже в первые месяцы работы в УГИ Овсянников занялся разработкой не только учебных программ по зоологии, ботанике и дендрологии, но, что было особенно актуально для Урала, плана организации инженерно-лесного отделения (факультета).

Впервые о необходимости открыть это отделение Веймарн сказал членам Совета института 1 декабря 1917 г. в форме пожелания, мотивируя его тем, что на Урале давно назрела потребность в инженерах, знакомых с технологиями механической и химической обработки древесины. Загодя разработка плана обучения по новой специальности была поручена Овсянникову. Рассказывая о плане, он сообщил, что за открытие инженерно-

лесного отделения высказалась вся уральская лесная общественность: 14-15 февраля участники Совецания при уральском уполномоченном по топливу, 2-10 июля делегаты Съезда лесоводов и лесных техников, а 15-17 июля делегаты Уральского лесного съезда.

Члены Совета приняли план Овсянникова и обратились с ходатайством к министру торговли и промышленности о том, чтобы в УГИ было учреждено инженерно-лесное отделение. Так, благодаря горнякам, на Урале было положено начало высшему лесному образованию.

Исполнить намеченное, к сожалению, удалось много позже. И делал это уже не Владимир Фёдорович, а другие люди. Сам же он, уехав во Владивосток, работал там и профессором в УГИ, и в Политехническом и не только профессором, но и проректором и даже исполнял обязанности ректора, возглавлял кафедру ботаники в Педагогическом институте им. К. Д. Ушинского, был профессором в Дальневосточном государственном университете, заведовал отделом по народному просвещению при ведомстве внутренних дел Временного Дальневосточного правительства. Но даже при такой сумятице административных обязанностей он был способен творить, занимаясь исследованиями по прикладному лесоводству, климатологии, метеорологии и публикуя книги: «Основы учения о жизни», «Лекции по дендрологии», «Искусственное разведение и акклиматизация древесных пород Дальнего Востока», «Леса русского Сахалина», «Лиственные породы», «Леса Японии» и другие.

Суета жизни дала ему передышку в начале 30-х годов, когда он с 1930 по 1934 гг. возглавлял Дальневосточный лесной институт. Но она закончилась драмой – арестом; более года длилось следствие; 22 октября 1935 г. наступила развязка – оправдательный приговор и реабилитация. Остаток его жизни был, кажется, спокойным: он работал научным сотрудником в Мосгорзеленстрое, а во время войны был эвакуирован в Новосибирск; там и умер 1 мая 1943 г.

Константин Дмитриевич Луговкин – крестьянский сын, петербуржец, выпускник двух высших учебных заведений – Петербургского университета и Петроградского горного института. Приехав 32-летним в Екатеринбург в 1917 г., он прошел в УГИ все

ступени научно-педагогической лестницы – штатный преподаватель, доцент, исполняющий должность профессора. Его вместе с другими горными инженерами: Н. Н. Барабошкиным, А. Л. Штейном, А. М. Янеком и кандидатом естественных наук Е. И. Любарским – ректор «выставил в качестве кандидатов на доцентуру по химии» 4 июня 1918 г., а через три дня они были избраны «закрытою баллотировкой» в доценты.

В Екатеринбурге он сделал немного: создал лабораторию аналитической химии да продолжил начатые Веймарном ещё в 1906 г. детальные исследования о влиянии концентрации реагирующих растворов на строение осадка силиката бария. Во Владивостоке его научно-педагогическая деятельность была активнее и разнообразнее: он был профессором в Политехническом и Дальневосточном горном институтах, заведовал кафедрами в Политехническом институте, Дальневосточном университете, Дальрыбвтузе, написал учебник «Аналитическая химия». Последний достоверный год его жизни – 1936-й. Что с ним было потом, неизвестно.

После Октябрьской революции быть дворянином стало опасно. Среди преподавателей УГИ, кому пришлось скрывать своё происхождение, был сын военного врача Евгений Иванович Любарский. Он родился 12 февраля 1870 г. в Варшаве. Семья, вероятно, была обеспеченной, поэтому Евгений, учась на физико-математическом факультете в Казанском университете, не нуждался и смог закончить его в 24 года, получить диплом 1-й степени и место лаборанта на кафедре неорганической и органической химии. За шесть лет работы в университете он нашел свою нишу в науке, «широко распростирающей руки свои в дела человеческие». Этой нишей стала технология химического производства, а местом работы – химические предприятия. Соединение науки с практикой дало великолепный результат. В 1909 г. на Международной выставке, проходившей в Казани, одна из технологий, разработанных Любарским, была отмечена золотой медалью. Он публиковал свои работы в «Учёных записках Императорского Казанского университета», в «Журнале Русского физико-химического общества» и был членом этого общества.

К началу первой мировой войны он переехал на Урал, на химических предприятиях которого для него был широчайший

простор для деятельности. Но ненадолго. Национализация предприятий, варварски осуществлённая большевиками, привела к развалу многих отраслей промышленности, в том числе и химической. Это и заставило его подать в конце мая 1918 г. прошение в Совет УГИ о предоставлении должности доцента по органической химии.

Работая в Горном, Любарский подготовил к печати и опубликовал в I томе «Известий УГИ» первую часть диссертации «Живой и мёртвый терпентин» (терпентин – смолистый сок хвойных деревьев, из которого при различных способах перегонки получают скипидар, смолу и канифоль. – В. Ф.). Он первым из учёных УГИ выполнил актуальную для промышленности Екатеринбурга работу, проведя, по предложению Главноуправляющего Горных дел Урала исследование ила озера Шувакиш. Результаты изучения ила он описал в брошюре «Исследование органического ила озера Шувакиш» и рассказал о них в докладе на заседании Уральского общества любителей естествознания. По мнению Любарского, шувакишский ил был бесценным. В озере его было около 40 миллионов пудов; из него можно было получить около 800 тысяч пудов сернокислого аммония и 15 миллионов пудов кокса, а кроме этого, лёгкий и тяжёлый бензин, смазочные масла, парафин и креозот.

Участвовал Евгений Иванович и в оценке первой в истории Горного института заявки на изобретение. 17 июня 1918 г. студент С. С. Дарьинцев обратился в Совет института с просьбой дать отзыв на, изобретённый им осветительный состав для рудничных ламп, который он назвал «эспителеном», и поддержать (если потребуется) в защите его прав. Через два месяца Любарский изложил Совету своё заключение об этом составе. Вероятно, оно было отрицательным, потому что решение Совета было дипломатичным. В заключении было написано, что «Совет УГИ не является учреждением, защищающим права на изобретение, но может ... выдать удостоверение, что указанный состав был ... представлен в Совет 17.06.1918, и приложить копии результатов его исследования».

Во Владивостоке он, как и его коллеги, работал в Политехническом институте профессором и научным руководителем организованной им, лаборатории органической

химии. На техническом факультете в Дальневосточном университете он создал на кафедре органической и технической химии лабораторию сельскохозяйственной и лесной технологии; был научным сотрудником химической секции Краевого НИИ при университете. Некто О. Б. Максимов, знавший Евгения Ивановича, вспоминая его, писал, что он был «широко, на европейском уровне образованный химик», что «беседы с ним, его рассказы о казанской школе химиков были очень поучительны и способствовали нашему увлечению исследовательской работой».

В январе 1930 г. Любарский перевелся в Нижегородский университет, в анналах которого, к сожалению, о нём нет никаких упоминаний.

Об ученике Веймарна Александре Михайловиче Янке почти ничего не известно. Звёздочкой мелькнул он в истории Горного и в 1920 г. исчез, померкнув где-то в Латвии. Всё, что известно о нём, – это горстка фактов, из которых не выложишь даже реденького пунктира: в Екатеринбурге он был избран доцентом по кафедре физической химии, во Владивостоке – исполняющим дела профессора и секретарем горного факультета в Политехническом институте; он плодотворно работал вместе с учителем, о чём свидетельствуют их совместные публикации; его самостоятельные исследования были посвящены изучению коагуляции дисперсных растворов на поверхности раздела соприкасающихся фаз. Этой проблеме он посвятил большую статью, опубликовав её в I томе «Известий УГУ». Но для истории и для историка более ценной является не эта, не другие его работы по дисперсоидологии, а опубликованный им в том же томе превосходный очерк «Характеристика научной деятельности П. П. Веймарна» – своеобразное выражение признательности и благодарности ученика учителю.

Первый академический год в Горном институте закончился в последний месяц мая, а 4 июня ректор на заседании Совета «возбудил вопрос о приглашении новых профессоров и доцентов для занятий на 2-м курсе», предложив кафедры замещать по конкурсу, а «доцентуру» не только по конкурсу, но и по рекомендациям членов Совета. Почему по рекомендациям? Да потому, что в этом случае кооптированные в академическую коллегия доценты останутся в ней надолго. А при конкурсе «это

едва ли удастся осуществить, ввиду того, что в связи с переживаемым временем многие охотно пойдут в УГИ, но при первой же возможности вернуться в свои вузы или на прежнее место службы».

Веймарн был не уверен в том, что результаты конкурса станут благоприятными. Поэтому предложил временно возложить обязанности профессоров на доцентов, с тем чтобы они в течение трех лет защитили диссертации. Если же кто-то из них не сможет выполнить это условие, то тогда кафедры будут замещаться по конкурсу. И Совет института согласился с ректором.

Велика ли была потребность в преподавателях для 2-го курса? Велика. Нужно было четыре профессора по металлургии, геологии, горному искусству, палеонтологии и исторической геологии и 14 доцентов: четыре по химии, три по прикладной механике, по одному по физике, геодезии и геологии и четыре по черчению. При этом штаты и для первого курса ещё были не заполнены: вместо семи профессоров работало пять, вместо 16 доцентов – семь. В первый учебный год коллегия УГИ понесла и первую потерю. Из командировки в Англию к 1 июня, когда истекал её срок, не вернулся профессор Антонов, не представив мотивов своей неявки (не смог или не захотел, зная, какие драматические события происходят в России), и Совет института постановил, считать его выбывшим из штата.

Заявления и прошения от кандидатов на занятие преподавательских должностей стали поступать в канцелярию ещё до объявления конкурса. 18 мая прислал два заявления инженер-технолог Трофим Титович Усенко: одно – о том, чтобы ему позволили пользоваться книгами фундаментальной библиотеки, второе – «о желании выставить свою кандидатуру на доцентуру по прикладной механике». Первое заявление удовлетворили, а второе приняли к сведению. Спустя десять дней с прошением обратился тоже инженер-технолог, сын директора Екатеринбургской магнитной обсерватории Георгий Германович Абельс и старший ассистент по минералогии Пермского университета Михаил Алексеевич Павлов. Он просил место преподавателя по минералогии и геологии. Оба прошения тоже пока положили «под сукно».

Времени для формирования штатов было немного, и 4 июня ректор доложил о прошениях Усенко, Д. В. Кутырина и некоего Карпенко, а 7-го они были избраны в доценты. Карпенко проработал недолго. В конце августа он уволился, а вот Барабошкина и Горина «как не явившихся (из отпуска. – В. Ф.) без объяснения причин к исполнению своих обязанностей» решено было считать выбывшими из состава УГИ с 1 сентября. Вынося такое решение, члены Совета почему-то не учли неизбежные трудности «переживаемого» времени – начавшуюся гражданскую войну, ликвидацию Советской власти в Екатеринбурге и захват его белочехами. Эти обстоятельства и помешали обоим вовремя вернуться в институт. Возвращение произошло спустя год после вторичного установления на Урале власти большевиков.

А конкурс тем временем продолжался и академическая коллегия пополнялась всё новыми и новыми членами. 19 ноября на год был избран в приват-доценты по неорганической химии заведующий лабораторией Казанского политехнического училища, выпускник Казанского университета В. К. Малинин; 5 декабря в УГИ стали работать: доцентом по геологии доктор естественных наук Женевского университета М. О. Клер, доцентом по металлургии горный инженер Н. Е. Скаредов, приват-доцентами А. Н. Магницкий и Р. Я. Путнин – первый по химии, второй по физике (Путнин – инспектор Екатеринбургской магнитной обсерватории был принят в УГИ временно исполняющим обязанности старшего лаборанта ещё в начале марта 1918 г. одновременно с Магдой Робертовной Стромберг, только она исполняла обязанности старшего лаборанта по кафедре неорганической химии); 16 декабря был избран единогласно на должность исполняющего дела профессора по кафедре минералогии магистрант и выпускник Петербургского университета К. К. Матвеев.

Так завершился 1918 г. Новый год начался с новых выборов. 20 января тайною баллотировкой была избрана приват-доцентом по химии Екатерина Павловна Сысоева – третья женщина в штате УГИ, доцентом по горному искусству А.И. Крылов, доцентом по прикладной механике А.О. Рейн и доцентом по математике выпускник Петроградского университета С. В. Дудин.

Дольше всех дожидался очереди на избрание пермяк М. А. Павлов. Его жизнеописание при избрании на заседании Совета читал К. К. Матвеев, а избран он был, как и написал в прошении, доцентом по кафедре минералогии, только 1 февраля.

К памяти о каждом из них время отнеслось по-разному: кого-то забыло, кому-то посвятило несколько строк, о ком-то накопило богатые архивы.

О Николае Евгеньевиче Скаредове известно немного. Он родился в 1880 г., в 19 лет окончил в Петербурге реальное училище, в 27 – Петербургский горный институт. Потом одиннадцать лет он работал на сталелитейных заводах в столице, на Кавказе и на Урале, преподавал в Уральском горном училище, во Владивостоке был профессором в Политехническом институте и на техническом факультете в Дальневосточном университете. Вот и всё. Документально его жизнь закончилась в 1923 г., биологически – неизвестно когда.

Александр Ооскаровичу Рейну повезло больше: сохранилась фотография, известна точная дата рождения – 16 марта 1882 г. и статус семьи – отец был военным инженером, поэтому сын окончил сначала Морской кадетский корпус, а потом в один год со Скаредовым Горный институт (возможно, они были и знакомы ещё со студенчества). После окончания института он служил на артиллерийских заводах на Урале и в Петербурге. Его работа доцентом в разных вузах Владивостока растянулась почти на десять лет. Только в 1930 г. он стал профессором и заведующим кафедрой технической механики в Дальневосточном политехническом институте и в этом же году побывал в командировке в Германии для изучения техники и технологии обогащения углей. Вероятно, эта командировка стала поводом для его перехода в местный Горный институт. В 1933 г., уехав в очередную командировку, на этот раз в Новосибирск, он уже не вернулся во Владивосток без объяснения причин. Что было с ним дальше? Тайна.

Зато до последнего трагического дня известна жизнь Михаила Алексеевича Павлова, которая началась то ли в 1884, то ли в 1887 г. в селе Марьевка в Екатеринославской губернии. Его отец был горным инженером-геологом, а сам он окончил Царскосельскую гимназию и в 1916 г. геологическое отделение естественного факультета Петроградского университета. Выбором профессии он

был, конечно, обязан отцу. Гены и профессия сделали его активным, деятельным и независимым. Ещё студентом он совершил самостоятельно три экспедиции и во время одной из них в 1911 г. в Лапландии открыл месторождение апатита. В 1912 – 1914 гг. он участвовал в экспедиции к Северному полюсу, которую возглавлял известный полярный исследователь Г. Я. Седов (1877 – 1914), поручивший ему заниматься изучением геологического строения островов Новая Земля и архипелага Земля Франца-Иосифа. Лето следующего года он провел в Туркестане, а в конце 1916-го уехал в Пермь и начал работать, в только что открывшемся там университете старшим ассистентом на кафедре минералогии и в Пермском народном университете.

Гражданская война вынудила Павлова сначала к переезду в Екатеринбург, а затем и во Владивосток. Он вряд ли чувствовал себя беженцем. Для геолога Земля – единое целое, границы геологических структур объективны (от Бога), границы государственные, административные – от лукавого человека: он их устанавливает, он их меняет, он их и сторожит. А жить, какая разница где. Поэтому на Дальнем Востоке он был также активен и творчески деятелен, как и в Петрограде. В Политехническом институте и в Дальневосточном университете Михаил Алексеевич исполнял обязанности профессора; почти сразу же по приезде стал сотрудничать с Дальневосточным геологическим комитетом (Дальгеолкомом); в 1922 г. сумел организовать для студентов-геологов поездку в Японию, во время которой собрал хорошую коллекцию минералов и горных пород (позже она вместе с его личной коллекцией и библиотекой составили основу фондов геологического музея Владивостокского политехнического института). В течение десяти полевых сезонов (считай, десяти лет) он изучал геологическое строение каменноугольных месторождений и открыл на Сучанском месторождении, где в начале века работал его отец Алексей Михайлович, пять промышленных пластов. Один можно было бы назвать именем Павлова, как называли угольный пласт в Карагандинском бассейне в честь его первооткрывателя А. А. Гапеева.

С 1930 г. ареал экспедиционной деятельности Павлова существенно увеличился. По заданию Дальгеолкома он стал руководить геологическими исследованиями на Чукотке и

Камчатке. В 1931 г. в Петропавловске-Камчатском его арестовали, обвинив во вредительстве в угольной промышленности. Суд приговорил его к расстрелу, расстрел заменили десятью годами лагерей. Отбывая срок, он работал исполняющим обязанности главного геолога на изысканиях и строительстве железной дороги Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре. Работал истово, изучал геологию не только вдоль трассы, но и окрест. Потому и открыл осенью 1933 г. месторождение марганца, названное Ванданским, а для нормального водоснабжения Владивостока разработал проект плотины Седанкинского гидроузла.

Зачесть бы всё это. Не зачли. Арестовали якобы за саботаж и антисоветскую агитацию и расстреляли в Хабаровске 4 июня 1938 г., а реабилитировали через 19 лет. Бесчеловечная реабилитация с формулировкой «за отсутствием состава преступления».

Екатерину Петровну Сысоеву обнесли такой горькой чашей, но и её доля была нелёгкой, хотя начало жизни этого не обещало. В 1908 г. в 27 лет она стала доктором естественных наук Женевского университета. Потом десять лет плодотворно работала на химических и металлургических предприятиях Урала. У неё была собственная лаборатория, в которой она проводила химические и бактериологические исследования. Национализация лишила её всего. Во Владивостоке она работала во всех технических вузах, но должной оценки долго не могла получить, якобы «ввиду отсутствия научно-исследовательских работ». Доцентом она стала только в 1937 г., когда работала в Дальневосточном политехническом институте, заведывая объединённой лабораторией аналитической и физической химии, и как будто позже её избрали на должность профессора.

Из членов академической коллегии, уехавших во Владивосток, в Екатеринбург вернулись двое: Модест Онисимович Клер и Трофим Титович Усенко. О Клере я расскажу в отдельном очерке. Сведения об Усенко скудны и пока можно поведать лишь об одном эпизоде его деятельности в УГИ до эвакуации.

«... учебно-вспомогательные учреждения (за исключением некоторых отделов музея цикла геолого-минералогических наук) Уральского Горного Института по своему оборудованию были бедными по сравнению с таковыми же старых высших школ, –

вспоминал Веймарн, – но, несмотря на эту скромность ... в лабораториях ... Горнаго ... не только усердно учились студенты, но и работал академический персонал». Этому способствовал, в частности, Усенко, «который привел в образцовый порядок совершенно запущенную прежними владельцами и бездействующую электрическую станцию при химической лаборатории и начал организовывать при ней небольшую лабораторию для своих исследований по теплотехнике».

До революции химическая лаборатория была в ведении Уральского горного управления. После революции были созданы новые органы управления горной промышленностью: большевиками одни, Временным областным правительством – другие. После ликвидации Советской власти в июле 1918 г. горной промышленностью ведало Главное управление горных дел и его Общий отдел, в подчинение которого был переведен Горный институт. Это отдел разрешал и различные имущественные вопросы. В конце августа, после настойчивых просьб ректора, Общий отдел согласился передать помещение химической лаборатории институту, а также разрешил главномууправляющему (т. е. начальнику Главного управления горных дел) передать на один год и электрическую станцию, которая находилась в лаборатории. После этого у студентов появилась хорошая материальная база для проведения практических занятий.

Как оценивал Веймарн своих коллег и их работу? Он их искренне уважал и ценил. Об академической коллегии он всегда вспоминал с благодарностью и писал, что «...в условиях переживаемого тогда времени было очень нелегко работать, но ... весь академический персонал работал настолько продуктивно, насколько это позволяла индивидуальная сила воли каждого».

«НАШ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Человеческий дух неистребим, и надежда умирает последней. Люди мечтают даже в безнадёжных ситуациях, и как только судьба разжимает тиски, они стремятся превратить свои мечты в быль.

В середине декабря 1917 г. екатеринбургский обыватель, запуганный и закормленный до тошноты текстами советских декретов, приказов и распоряжений, открыв газету, был неожиданно и приятно удивлён необычным словосочетанием: «Народный университет». «С этого времени, – вспоминал один из слушателей университета, – газеты начинают говорить о Народном университете всё чаще и чаще. Всё чаще встречается на газетных страницах имя профессора Шохата, появляются его горячие речи в различных комиссиях. Появляется схема программы университета, разработанная Шохатом. Развёртывая ежедневно газету, ищешь имя Шохата или это чудное название «Народный университет».

Коль университет народный, то народу, следовательно, и решать, быть университету или не быть. Если быть, то каким. 30 декабря в зал заседания уездной земской управы собралось немало желающих послушать автора проекта, профессора математики Уральского горного института. Общественность на заседании была представлена членами городского самоуправления, уездного земства, окружного и городского Советов рабочих и солдатских депутатов, Союза кредитных и ссудно-сберегательных обществ, профсоюзов, Уральского общества любителей естествознания, Уральского союза потребительских обществ, журналистами и просто любопытными. Всем было интересно, что расскажет профессор.

Яков Александрович был возбуждён, взволнован, эмоционален, жестикулируя, он говорил о задачах и устройстве университета, приводил как пример известный Московский народный университет имени А. Л. Шанявского; подробно рассказывал о том, что обучение будет бесплатным, выбор специальностей ничем и никем не будет ограничиваться, а принимать станут всех, кто захочет и сможет учиться в течение нескольких лет. Слушатели не должны пугаться экзаменов и зачётов, потому что их просто не будет, но зато по окончании университета им не будут выдавать дипломы и удостоверения.

Шохата слушали внимательно люди разных политических убеждений, но предложенный им проект устроил, кажется, всех, ведь идеологически он был индифферентным. По-еврейски мудрый Шохат принял во внимание социально-политический экстремизм соотечественников и деликатно и осторожно, как опытный лоцман, провёл свой проект-корабль между ортодоксальной Сциллой правых и революционной Харибдой левых, не возбудив в них гневных амбиций. На том же собрании на едином дыхании и в едином порыве была избрана комиссия по организации университета, которая на треть состояла из наиболее просвещенных людей – профессоров и доцентов Горного института.

Энтузиазм сторонников университета был искренним, бескорыстным и огромным. Подготовительная работа сопровождалась широкой агитацией. 17 февраля в Екатеринбурге прошёл День Народного университета и митинг в Новом городском театре; были изданы однодневная газета и 15-тысячным тиражом брошюра Шохата «Екатеринбургский народный университет». Торжественное открытие университета состоялось через неделю, 25 февраля, в пять часов вечера в актовом зале 1-й женской гимназии. Накануне этого события Шохат предложил на заседании Совета УГИ послать приветствие «открывающемуся Народному университету», а Бюро университета, в свою очередь, попросило Совет «командировать» на открытие представителя института. Совет поручил выполнить почётную миссию Веймарну.

Кто были слушатели университета и чему их стали учить? Это была в основном молодёжь в возрасте от 16 до 25 лет с образованием от 2-классного училища до гимназии. Социальное положение слушателей было «пёстрым»: военные, ремесленники, крестьяне, рабочие, учителя и учащиеся, почти две трети из них составляли домохозяйки и служащие различных контор и учреждений.

Ежедневно, кроме субботы, они с 6 до 10 часов вечера постигали в гимназических классах начальную грамоту, физику и математику, историю и обществоведение, методику дошкольного воспитания и драматическое искусство. Слушатели драматического курса дали своё первое представление 8 сентября на открытой сцене в Харитоновском саду.

Основу лекторской коллегии университета составляли профессор и доценты Горного института: лекции по физике, математике, механике и астрономии читали Гадд, Галли, Шохат и Петров, лекции по химии – Морозов и Титов, по геологии – Клер, по ботанике – Овсянников. И какие это были лекторы – выпускники лучших отечественных и европейских университетов!

Внешняя и внутренняя жизнь университета определялась и регулировалась Советом, состоявшим из 20 человек, а порядок в классах поддерживал Совет старост курсов. В середине апреля слушатели получили входные билеты, которых было выдано 1173 штуки. Это значит, что в городе примерно с 70-тысячным населением каждый шестидесятый его житель был слушателем университета – явление уникальное для уездного городка, расположенного за тысячи верст от столицы. Слушатели гордились университетом, всячески его поддерживали и укрепляли. Благодаря их бескорыстию университет быстро обзавелся библиотекой в две тысячи томов.

Так, в столице Урала «в студёную пору» загорелся ещё один светильник знаний и культуры. «Пусть он светит по всему Уралу ослепительным светом, не боясь самых сильных порывов ветра», – восклицал в одной из публикаций Яков Александрович Шохат.

Екатеринбургские большевики относились на первых порах к университету лояльно. Но по мере укрепления своего властного положения стали всё энергичнее и бесцеремоннее вмешиваться в его деятельность, беря пример с московских партийных руководителей, которые закрыли в январе 1918 г. Народный университет Шанявского.

В Екатеринбурге, к счастью, до этого не дошло. Недовольство властей, как писал один из организаторов университета В. Ландсберг, выражалось в том, что они «сначала коренным образом преобразовали управление университета, затем университет стали обвинять в «буржуазности», потом решили его преобразовать, заменив комиссией лекторов, которые будут ездить по клубам и читать лекции по коммунистической программе». К чему это могло бы привести? Представить нетрудно. К разрушению университета. Позже так и произошло.

В чём состояло главное расхождение между новыми хозяевами России и организаторами университета? Первые устами своего вождя В. И. Ленина жёстко декларировали, что любая школа вне

политики – это ложь и лицемерие. Вторые говорили: «Школа не должна быть политическим средством для вербовки сторонников той или иной политической партии. Она должна быть свободной от политической конъюнктуры».

История Народного университета коротка. Она была бы ещё короче, если бы в конце июля в Екатеринбурге, а затем и на всём Урале не произошла смена власти. Противостояние большевиков и белочехов в окрестностях города продолжалось больше месяца. Перелом наступил к середине августа. 13 августа газета «Зауральский край» сообщила, ссылаясь на командование чехословаков, что «боевые действия против красных в районе д. Балтым развиваются с успехом для наших войск. Главные силы противника почти исключительно состоят из мадьяр, австрийцев и немцев. Попадают даже китайцы».

Возможное восстановление Советской власти порождало в людях неуверенность за своё будущее. Поэтому 10 августа общественность города собралась, чтобы обсудить вопрос о судьбе университета. Подискутировав, решили единогласно, что какова бы ни была военно-политическая обстановка, как бы ни развивались события, университет должен быть.

Правление университета хотело знать мнение не только граждан города, но и Совета Горного института, заранее обратившись к его членам с просьбой делегировать своих представителей на собрание по реорганизации университета. Члены Совета уважительно отнеслись к просьбе и делегировали на собрание Галли, Усенко и Елиашевича, уполномочив их высказать следующее пожелание: «Совет УГИ, стремясь к распространению знаний среди широких масс, всегда сочувствовал идее Народных университетов. Но организация Екатеринбургского Народного университета в существующем виде является неприемлемой для Совета, а потому не находила и не найдёт с его стороны поддержки. Народный университет, по мнению Совета, должен быть высшим учебным заведением для народа и, как таковой, должен быть сконструирован как высшее учебное заведение нормального типа (управление, лекторский состав и прочее). При такой организации Народный университет найдёт поддержку со стороны УГИ».

Итак, ещё одна точка зрения на университет. Она была выслушана и не принята. А участие членов Совета УГИ в его

деятельности было их личным делом, в которое Совет считал не вправе вмешиваться. Протокол собрания о реорганизации университета был оглашён на заседании Совета и без комментариев и обсуждения принят к сведению.

Вскоре после этих событий вышел из печати первый и, как оказалось, единственный номер журнала «Наш Народный университет». Его начали готовить ещё весной, но задержала советская цензура. Один номер журнала Шохат подарил Совету, принявшему его с благодарностью. Отношения Правления университета и Совета института остались сдержанно-уважительными и доброжелательными. Правление постоянно информировало Совет о своей деятельности и присылало приглашения на различные мероприятия, если считало, что участие горняков в них целесообразно. В мае Совет института делегировал доцента В. Д. Кутырина в университетскую комиссию для обсуждения вопроса об учреждении в Екатеринбурге техникума, а в октябре Совету был доложен текст Устава Общества Народных университетов, на учредительное собрание которого были делегированы Елиашевич и Усенко.

Пожелание Шохата: «Пусть он светит всему Уралу», - осуществилось вполне. Университетское образование быстро захватило людей и своей новизной, и целями, которое оно ставило. Примеру Екатеринбурга последовал Нижний Тагил. 13 октября земскими и городскими самоуправлениями, кооперативными и профсоюзными организациями, учебными заведениями и различными учреждениями было создано Общество Народных университетов с отделениями в Камышлове, в Долматове, Шадринске, на Полевском и Каменском заводах, в селе Катавском и других местах. Правление Общества возглавил И. А. Панин, а заместителем у него, или, как тогда говорили, товарищем, стал Модест Онисимович Клер.

Чем дальше от Екатеринбурга отодвигалась линия фронта, тем разнообразнее становилась деятельность университета. В начале декабря на его гуманитарном факультете были открыты курсы по изучению истории древней удельной Руси, религии и представительских организаций Западной Европы, а на дошкольном факультете начали читать курс лекций «Матерям о детях». Первого февраля 1919 г. Правление Общества обратилось в Совет УГИ с

просьбой прислать разработанные ещё в минувшем году программы краткосрочных курсов для рабочих. Весной начались занятия на платных курсах по изучению иностранных языков; была создана комиссия, которая занималась организацией экскурсий по городу и окрестностям для тех, кто интересовался геологией, минералогией и археологией; для любителей ботаники были открыты курсы по общей ботанике с практическими занятиями по культивированию и сбору лекарственных трав; Культурно-Экономический союз обещал приобрести для университета библиотеку покойной С. А. Тихоцкой. А какие планы строились на будущее! И это при том, что жизнь была не предсказуемой.

Екатеринбург был переполнен беженцами, военными, больными тифом и пугающими слухами. Жалованье платили небольшое и нерегулярно, а цены на всё остервенело ползли вверх; невозможно было снять жильё; газеты ежедневно писали о самоубийствах. По данным Министерства торговли и промышленности, прожиточный минимум в начале 1919 г. равнялся 362 рублям, а пуд муки стоил – 40, килограмм мяса – семь с полтиной, масла – 19, сахара – 60, пара сапог – 250, метр ситца – 14.

И тем не менее в городе кроме университета появилось много обществ, союзов, кружков, клубов: Филармоническое общество, Американский и Чешский клубы, Педагогическое общество, Союз сестёр милосердия, Общество борьбы с детской смертностью, Общество уральских областников, Юридический, Литературно-художественный и Дамский благотворительные кружки, Союз учащихся в высших учебных заведениях, Еврейское общество «Культура»; выходило около десятка газет и журналов; каждый вечер загорались огни рампы городского и нового городского театров, кинотеатров «Колизей» и «Лоранж», цирка и Музыкального училища.

Редкий номер газеты «Горный край» выходил без рецензий на очередной спектакль или бенефис, и всегда они заканчивались одной фразой: «Театр по обыкновению был полон». В декабре 1918 г. в залах Художественного училища и Торгово-промышленной школы была устроена выставка картин и рисунков московских и петроградских художников, которую представлял известный на всю страну футурист Давид Бурлюк (1882 – 1967). В пёстром жилете красного цвета с необычайным бантом, с деревянной ложкой на

шее, он, клоунски ёрничая, предлагал публике подискутировать с ним на пять рублей. Диспут прошел оживленно и весело.

Чего было больше в той жизни – трагедии, балагана, безысходности, нервной истерии? Иван Шадр (1887 – 1941) не мог найти в ней места себе и своему творчеству и собирался уехать в Америку, пока Советская власть не приземлила его, вложив в руку оружие пролетариата – булыжник. А Степан Эрьзя (1876 – 1959) рискнул и уехал. Было в тогдашней жизни, как и в любое другое время, всякое, были и мечты, которые пытались осуществить.

Например, мечтали о городе-саде. Не утопия ли это? Какой город-сад во время гражданской войны, исход которой непредсказуем? Оказывается, нет. 13 февраля 1919 г. в городской управе на заседании хозяйственно-строительной комиссии была избрана подкомиссия для разработки условий конкурса по составлению проекта «Города-сада». Среди её членов были городской архитектор Решельд и будущий организатор строительного факультета Уральского политехнического института К. Т. Бобыкин (1880 – 1960). «В непродолжительное время проект был составлен и 1 апреля представлен на суд общественности.

Что же он из себя представлял? Застройке подлежала территория, превышающая 800 гектаров в районе строящегося здания Горного института, которое должно было располагаться в центре города-сада на пересечении пяти его улиц, образующих пятиконечную звезду, вписанную в окружность. Город рассчитывался на проживание в нём 30 тысяч человек; он делился на две части – торговую и парадную с «условиями дачного спокойного проживания»; в нём должны были быть ресторан, театр, два парка и две торговые площади, пожарная каланча и водонапорная башня.

К концу июня для реализации проекта многое было готово: была образована комиссия для разработки проекта договора с застройщиками об условиях застройки территории города-сада. А в начале июня один из членов комиссии М. А. Малишевский, будируя общественность, выступил с большим докладом в Уральском обществе любителей естествознания: «Сады-города и жилищный вопрос в Англии и сад-город Екатеринбурга». Во время выступления он продемонстрировал окончательный проект города его будущим жителям, которые уже объединились в кооперативное

товарищество «Строитель» (членами-пайщиками товарищества были многие профессора и преподаватели УГИ). Не хватило малого – времени. Никто не предполагал, что наступательный порыв Красной Армии будет таким сильным. А мечты так и остались мечтами, прекрасными и вожденными.

БИФУРКАЦИЯ

Перед землетрясением наступает кратковременное затишье сейсмической активности, резко уменьшается количество форшоков, а затем ... происходит главный толчок.

Полосы екатеринбургских газет, сообщая о местных новостях летом 1919 г., источали покой и безмятежность. 29 июня на ипподроме был разыгран крупнейший приз сезона в честь адмирала Колчака, который оспаривали одиннадцать жокеев. Победитель получил 15000 рублей. Утром 1 июля в Екатеринбург приехал адмирал Колчак и в тот же день отбыл на фронт. Сад Общественного собрания за отъездом из города английского оркестра Гемпширского полка остался без музыки. Какая жалость, сетовали меломаны. Как теперь коротать вечера, ведь и оперные артисты отправляются в турне по Сибири. Утром в пятницу 4 июля с фронта прибыл Колчак и, не заезжая в город, отправился в Омск. И вдруг «форшок». Военный корреспондент газеты «Таймс» Р. А. Вильтон, вернувшийся с фронта, обратился с призывом помочь дерущимся армиям, пожертвовав 50 фунтов. Но его не услышали. В редакцию газеты пришёл только один человек. Не назвав себя, он «возложил на алтарь Отечества» 100 рублей. И всё.

8 июля состоялось заседание Совета УГИ, на котором ректор сообщил о необходимости командирования представителя Совета в Омск на совещание по объединению культурно-просветительской деятельности Правительства и общественных организаций и о желательности переезда института из Екатеринбурга «ввиду разгрузки» города в связи с осложнением военной обстановки. Куда и когда переезжать? О том, куда, Веймарн высказал своё мнение: «Желательно, чтобы УГИ переехал в места, где он мог бы развить свою научно-просветительскую работу в большем масштабе. Таким местом является Владивосток».

Совет счёл доводы Веймарна резонными, постановил командировать его в Омск, предоставив ему самые широкие полномочия по всем вопросам, касающимся института. В тот же день в Омск в учебный отдел Министерства торговли и промышленности была отправлена телеграмма об этом решении

Совета. Уезжая в командировку, ректор с согласия Совета назначил своим заместителем Матвеева.

С каждым днём становилось всё тревожнее и тревожнее. Из Омска не было никаких известий. 11 июля Матвеев созвал Совет, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и решить, что надо делать. Растерянности и паники не было. Каждый был собран и деятелен, пока они были вместе и полны надежды и веры в благоприятный для них исход. Никто из них не думал, что это последнее совместное заседание, что судьба их уже поделила на тех, кому ехать во Владивосток, и тех, кому суждено остаться в Екатеринбурге и что им уже больше не доведётся встретиться. Кто присутствовал на этом заседании? Сысоева, Кутырин, Луговкин, Шохат, Галли, Шнейдер, Абельс, Усенко, Матвеев, Дудин, Елиашевич, Скарёдов, Петров, Любарский, Титов, Павлов, Малинин и Томсон.

Поскольку Омск молчал, то решили послать туда вторую телеграмму. «В виде чрезвычайных обстоятельств» Матвеев предложил считать всех приват-доцентов избранными на следующий академический год, так как они были избраны только на один год. А потом стали обсуждать варианты эвакуации, предложенные неким транспортным чиновником В. М. Анастасьевым. В разговоре с Елиашевичем он обещал выхлопотать для перевозки имущества и людей по Тюмень-Омской железной дороге только 8 вагонов. Но до Тюмени ещё надо добраться на чём-то, перегрузить имущество, а это займёт несколько дней. Матвеев и Шохат, тоже ведущие переговоры с Анастасьевым, рассказали, что после совещания с ним начальник Северо-Восточной железной дороги С. И. Топорнин согласился предоставить УГИ и Художественной школе на 12 июля тоже 8 вагонов, но от Екатеринбурга до Тавды. Это уже лучше. В Тавде же в распоряжении Топорнина было три зафрахтованных казённых парохода, один из которых он мог отдать горнякам.

И так, маршрут следования в первом приближении определился: до Тавды поездом, потом до Тюмени пароходом, далее опять поездом. Но в план мог вмешаться своевольник случай. Бог-то Бог, да и сам не будь плох, советует поговорка. Поэтому Анастасьев рекомендовал оправить в Тавду двух делегатов, которые

бы на месте приняли надлежащие меры «для обеспечения следования УГИ водным путём».

Как будто бы всё предусмотрели. И тем не менее постановили, чтобы Елиашевич ещё раз выяснил у начальника дороги «вопрос об отъезде УГИ указанным путём», а Кутырина и Шохата попросили быть постоянно на связи с Анастасьевым, чтобы через него сообщить «начальнику штаба, представляющему высшую власть в городе, список оставляемого с городе имущества УГИ» и принять меры к его сохранению. Почему часть институтского имущества оставлялась под охраной военных? Видимо, в расчёте на то, что эвакуация продлится недолго.

И вдруг, когда уже всё было решено, Матвеев, чего-то испугавшись, заявил, что «он не имеет официального распоряжения об эвакуации УГИ, поэтому не может взять на себя ответственность за принимаемые меры». Тогда Совет его «выручил», единогласно постановив «принять на себя ответственность за эвакуацию». Константин Константинович был не прав, делая такое заявление. По распоряжению военных властей государственные учреждения Екатеринбурга подлежали эвакуации и в связи с этим Министерство торговли и промышленности «направило личный состав УГИ во Владивосток для обслуживания горного факультета местного частного политехникума».

Эвакуация была не паническим бегством, а законно запланированным мероприятием. Поэтому канцелярия выдавала студентам академические справки, а преподавателям экстренные отпуска и эвакуационные пособия, но чтобы получить их, они должны были подписать протокол заседания Совета, а заведующие лабораториями и кабинетами представить ведомости «с указанием количества укупоренных ящиков с кратким перечнем заделанного в ящички инвентаря».

Человек предполагает, а Бог располагает, гласит поговорка. Эвакуация прошла не по плану. Погрузку имущества в вагоны наметили начать в 3 часа дня и закончить к 10 вечера. Накануне, 11-го, Матвеев распорядился подготовить 30 подвод для перевозки на станцию Екатеринбург II имущества и багажа. Утром 12-го выяснилось, что все подводы реквизированы военными. С большим трудом в ночь с субботы 12-го на воскресенье 13-е всё же удалось погрузить в вагоны малую часть институтского имущества и

посадить пять преподавательских семей: Петрова, Скаредова, Луговкина, Павлова и Сысоевой. В Омске к ним присоединился Веймарн с женой.

А что делали оставшиеся? Матвеев собрал их на следующий день. Кого? Шохата, Галли, Крылова, Дудина, Титова, Абельса, Шнейдера, Гусарского и Гадд. О чём они говорили? О чём могут говорить люди, пережившие кошмар эвакуации, а точнее бегства из города побеждённых. Директор сейсмической станции Зинаида Григорьевна Вейс-Ксенофонтова (1888 – 1962) вспоминала, что «в ночь отступления белогвардейцев кольцо огня окружало город. Горели железнодорожные здания, облитые бензином железнодорожные составы, которые враг не успел захватить с собой. В городе была паника». Вот что они обсуждали, ожидая вступления в город победителей.

Своё совещание они назвали частным и, будучи людьми законопослушными, оформили его протоколом, написав в нём, что «в виду тревожного времени постановлено регулярно собираться лишь после наступления успокоения в городе. У входа во все помещения, занятые УГИ, должны быть вывешены объявления о том, что имущество УГИ находится под охраной личного состава института, адрес которого можно узнать у сторожа». Теперь их законным лидером стал Матвеев, и поэтому в протоколе было отмечено, что инициатива созыва совещаний (пока ни о каком Совете речи не могло идти) принадлежит ему.

Так, вопреки желанию членов «академической коллегии» произошла бифуркация Горного института. Уехавшие почти два месяца добирались до Владивостока, где не закончились для них мытарства и лишения, не было земли обетованной, напротив, ждали новые испытания. Трудно сказать, как бы сложилась их судьба, каким был бы Горный институт, если бы ректором был не Веймарн, а другой человек. Пётр Петрович стал для них духовной, нравственной и физической опорой. Единожды добровольно взвалив на себя пастырский крест, он мужественно и терпеливо пронёс его через все жизненные испытания.

Из Владивостока Веймарн отправил в Омск в Министерство торговли и промышленности горькую телеграмму: «Докладываю: институт прибыл четвёртого сентября. Переехать из теплушек не можем вследствие отсутствия средств для политехникума на ремонт

отведённых институту помещений. Положение личного состава тяжёлое, много больных. Убедительно прошу ускорить перевод политехникуму миллиона на ремонт казарм. Ректор Веймарн».

Две недели уральцы жили в теплушках. Потом институту выделили три комнаты в Коммерческом училище, а семьям преподавателей – зал в одной из гимназий. Перспективы на улучшения были некудышные. Веймарн обивал пороги различных учреждений. Обратился за помощью к председателю квартирной комиссии города. Отказ. Тиски трудностей немного разжались, когда ректор Политехникума В. М. Мендрин (1875 – 1920) предоставил институту постоянные помещения, и УГИ, наконец, получил почтовый адрес: ул. Светланская, дом 139.

Это была старейшая и главная улица города, любимая горожанами, которые называли её Светланкой. Первоначально она представляла собою просеку, прорубленную параллельно береговой линии бухты Золотой Рог. Просеку стали застраивать. Так начала формироваться улица, наречённая Американской по названию пароходокорвета «Америка», на котором генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв-Амурский (1809 – 1881), зайдя в пролив Гамелен (Босфор Восточный), принял решение заложить на берегу бухты, названной им Золотой Рог, порт Владивосток. В 1873 г. во Владивостокский порт зашла эскадра кораблей под флагом вице-адмирала К. Н. Посьета (1819 – 1889); фрегатом «Светлана» в ней командовал Великий князь Алексей Александрович. В память этого события улицу переименовали в Светланскую.

Светланкой восторгались не только владивостокцы, она покоряла и приезжих. Екатеринбургец Владимир Петрович Аничков, дети которого Наташа и Алексей учились в Горном институте, тоже бежавший с семьёй в 1919 г. во Владивосток, так описал в воспоминаниях эту улицу:

«Его (Владивостока. – В. Ф.) главные улицы Светланка и Алеутская были прекрасно мощёны квадратными булыжными камнями. По Светланке ходил трамвай, магазины с зеркальными окнами поражали обилием товаров, а универсальные магазины Кунста и Алберта и Чурина не уступали московскому «Мюр и Мерилизу». Были два хороших ресторана – «Золотой Рог» и «Версаль». По Светланке ... дома тянулись в один ряд ... широкий тротуар был переполнен нарядной гуляющей публикой». (Однажды.

– В. Ф.) «мы встретили на Светланке знакомую по Екатеринбургу Салию Султановну Агафурову... На другой день, гуляя по пляжу, я встретился с Овсянниковым. Он носил звание профессора Екатеринбургского горного института и здесь получил место попечителя Зелёной (?) женской гимназии». (Разговорились. – В. Ф.): «Мы живём на даче на девятнадцатой версте (сказал Овсянников. – В. Ф.) и дня через два перебираемся на казённую квартиру в город. Быть может, наша дача вам подойдёт? Я решил занять дачу самочинным порядком, условившись с Овсянниковым, что перед отъездом он передаст мне ключ».

Почему Горный институт оказался в критическом положении? Почему ректор Политехникума только в декабре предоставил Горному институту помещения? Ведь Министерство торговли и промышленности специально «направило личный состав УГИ во Владивосток для обслуживания горного факультета» этого самого Политехникума. Чтобы ответить на эти вопросы, надо коротко рассказать об истории Политехникума.

Он был учреждён под названием Высший политехникум 1 ноября 1918 г. и первоначально в систему государственных учебных заведений не входил, Правительством не финансировался и собственных средств не имел. В Политехникуме было два факультета: экономический и технический с механическим, горным и инженерно-строительным отделениями. В начале 1919 г. в нём училось 406 студентов, на его счету было только 200 тысяч рублей и перспектива ... не дожить до окончания академического года. В январе ректор Василий Мелентьевич Мендрин обратился в учебный отдел Министерства торговли и промышленности с ходатайством «ввести Политехникум в сеть правительственных учебных заведений». Ходатайство удовлетворили частично только 25 сентября. Политехникум стал именоваться Владивостокским политехническим институтом, оставаясь частным учебным заведением, финансируемым местными общественными организациями. К этому времени в нём училось всего 150 студентов (остальные были мобилизованы в армию), его выселили из Шефнеровской казармы, поэтому занятия проводились то в женской гимназии, то в арендованных помещениях. Мендрин не от скупости, а от скудности не мог помочь горнякам, хотя они для него были даром небес, вдохнувшим надежду в погибающий вуз.

К концу многострадального года во Владивосток различными путями добрались Морозов с женой Лидией Ивановной Кильчевской, Янек, Любарский, Клер, Елиашевич, Овсянников, Рейн и Малинин. С учётом приехавших в сентябре, на 17 эвакуированных студентов приходилось почти по одному преподавателю.

Горняки начали занятия почти вовремя – 20 сентября в стенах Политехникума полностью по всем предметам на первых двух курсах горного и механического факультетов и частично на инженерно-строительном, хотя финансовое положение было очень тяжёлым. О нём Веймарн постоянно сообщал в Омск: «Я, – писал он в одном из писем, – должен обратить самое серьёзное внимание на то, что ... без увеличения ассигнований на научно-учебные расходы совершенно невозможно поставить сколь-нибудь сносно жизнь высшей технической школы. Мой долг указать самым настойчивым образом, что если Правительство не увеличит бюджет высшей школе, то вместо высшей школы получится лишь суррогат её».

Сосуществование двух институтов, втиснутых в одни стены, было похоже на реку, образованную слиянием двух потоков, воды которых стали медленно перемешиваться.

Уральцы, сохраняя относительную самостоятельность, активно влияли на педагогическую и научную жизнь Политехнического института. Веймарн, оставаясь ректором УГИ, был избран Советом профессоров Политехнического его проректором. Петров стал деканом механического, а также исполняющим дела инженерно-строительного факультета. Янека избрали секретарём горного факультета (после его отъезда в Латвию секретарём стал Луговкин), Рейна – механического, а Малинина – экономического.

Несмотря на скудность ассигнований, выделяемых Министерством Горному институту, Веймарну в финансовом отношении было чуточку легче, чем ничего не получавшему Мендрину. У Веймарна в руках были «живые» деньги, которые он тратил очень экономно и на самое необходимое и только с согласия членов Хозяйственного комитета.

Первое заседание Комитета состоялось 18 ноября с обсуждения организационного вопроса. Из Екатеринбурга не

смогли (или не захотели) эвакуироваться два его члена Шохат и Титов, и Веймарн предложил «нести функции Хозяйственного комитета Президиуму института, а обязанности секретаря – секретарю Совета», т. е. Веймарну, Петрову и Морозову. А затем стали решать, как расходовать статьи кредита на учебную и хозяйственную части. Большая доля средств была запланирована на издание журнала «Известия УГИ», меньшая – на покупку книг и реактивов для химических лабораторий. Накануне заседания к ректору обратился профессор Томского технологического института В. Л. Малеев (тот самый, который был кандидатом в ректоры УГИ) с предложением купить у него комплекты немецких и русских технических журналов за 100000 рублей. Члены Комитета сочли покупку полезной, но только за половинную стоимость. Малеев поворчал, но согласился, понимая, что журналы у него никто больше не купит, а на одну профессорскую зарплату прожить было мудрено.

Неожиданно появились незапланированные расходы. Попечительский совет коммерческого училища, в котором горняки арендовали помещения, стал настаивать на их освобождении. Что делать? Сообща придумали. В училище несколько комнат под канцелярию занимали политехники. И тогда было решено «войти в соглашение» с Мендриным «о предоставлении половины канцелярии Политехникума канцелярии УГИ и одной комнаты в ней для квартиры ректора». В тесноте, как говорится, да не в обиде. За эту услугу Горный институт брал на себя половину расходов по ремонту и содержанию помещений. Мендрин согласился и Веймарн заплатил десятнику Молчкову 55658 рублей 65 копеек за ремонт комнат и 28682 рубля 10 копеек за их содержание. Зато канцелярия получила хорошие условия для работы, а ректор с женой рядом «жилплощадь».

Кроме книг у Малеева, для институтской библиотеки на 15000 рублей были куплены книги у некоего П. Ренгартена, а для лабораторных занятий студентов фирма Келера продала на 60000 рублей химических реактивов и посуды. Если добавить сюда расходы по двум канцеляриям – общехозяйственной и студенческой в 25000 рублей и затраты на издание «Известий», обошедшиеся в 386 тысяч, то получается, что с октября 1919 по март 1920 г. Министерство торговли и промышленности выдало УГИ кредит

более чем на 600 тысяч рублей. Мендрину такая сумма и не снилась. С весны 1920 г. из-за обесценивания бумажных денег расчёты стали вести в золотых рублях; по новому курсу 600 тысяч соответствовали приблизительно 5 тысячам золотых рублей. Но это были хоть и золотые, но «копейки», на которые институт не мог даже «сносно» существовать, но и быть заложниками сложившихся обстоятельств уральцы не собирались. Они жили надеждой на возвращение в Екатеринбург.

Поэтому была возобновлена деятельность Строительной комиссии. С подрядчиком Эспозито был заключен новый договор на достройку институтского здания, как только Екатеринбург будет освобождён от большевиков. А пока каждый член академической коллегии «работал настолько продуктивно, насколько ... позволяла ... сила воли каждого». Она «позволяла» им преподавать, вести научные исследования (Овсянников, например, стал собирать коллекцию древесных и кустарниковых пород, произрастающих в Приморье, для лесотехнического кабинета), писать статьи, издавать журнал, участвовать в работе съезда по учреждению Дальневосточного отделения Института по изучению Сибири, делать попытки приобрести оборудование и приборы для лабораторий в Японии и США и, пожалуй, самое главное, показать коллегам из Политехнического института, какой должна быть «нормальная конструкция» высшего учебного заведения. И в этом отношении деятельность Веймарна была бесценной.

Став проректором, он возложил на себя разрешение множества вопросов, задач, проблем, в которых, как в трясине, беспомощно барахтался Политехнический институт. Он занимался всем, направляя ежедневно прошения в различные учреждения и организации. И не бесплодно, потому что повторных прошений не было. Сколько прошений написал Пётр Петрович за свою жизнь? Привык? Вряд ли к такому можно привыкнуть. Привычка просить раздражает даже нищих. Каждое прошение унизительно, даже если просишь не за себя и не для себя, а во имя такого благого и благородного дела, как образование.

Чтобы нормально шли занятия в химической и физической лабораториях, нужен спирт. Веймарн пишет ходатайство управляющему Приморской областью о разрешении получить на таможне 5 ведер конфискованного спирта. Частые перебои с

электрическим освещением, нет керосина, чтобы заправить лампы – пишется прошение в продовольственную управу о выдаче 2 пудов свечей. 20 октября начались лекции по геологии и палеонтологии. Как их читать, если нет образцов горных пород и окаменелостей? Веймарн пишет письмо декану горного отделения Томского технологического института профессору Гудкову, прося Павла Павловича «не отказать, предоставить во временное пользование из дубликатов или материалов для практикума серию окаменелостей главнейших представителей всех групп беспозвоночных ... (и) коллекции типичных осадочных горных пород Сибири...».

В тот же день он отправляет прошения Педагогическому и Попечительному советам 1-й женской гимназии «не отказать предоставить право пользоваться коллекциями окаменелостей, геологическими профилями и коллекцией горных пород, имеющихся в естественно-историческом кабинете гимназии», потому что «Политехнический институт начал 2-й год своей деятельности в крайне затруднительных условиях». Руководители гимназии, в общем, благожелательно отнеслись к просьбе, отказав лишь в коллекции горных пород, «ибо таковыми в гимназии постоянно пользуются», а через месяц Веймарн по поручению ректора написал письмо господину председателю Педагогического совета гимназии, имея честь просить его принять и передать членам совета искреннюю благодарность.

Доценту Клеру нужны книги «для демонстрации лекций по геологии и палеонтологии» – очередное прошение теперь в Правление морской библиотеки о предоставлении ему возможности пользоваться её книгами. Такое же прошение в этот же день отправлено в Распорядительный комитет общества изучения Амурского края, дать Клеру возможность читать издания Геологического комитета и благодарность «за предоставление возможности временно пользоваться коллекцией заграничных окаменелостей».

Свечи – это хорошо, особенно если их два пуда. Но лучше, когда студенты читают и пишут при электрическом освещении. И Веймарн обращается к члену городской управы, господину Ольшевскому с просьбой присоединить коммерческое училище к портовой электростанции, ибо студенты во время вечерних занятий оказываются в тяжёлых условия «из-за постоянного перерыва

электрического освещения», а со стороны директора училища препятствий к этому нет. Ещё бы они были, ведь училищу это было выгодно.

Прошения писал не только Веймарн. Писали и ему. В начале декабря к нему обратились студенты с просьбой организовать для них преподавание немецкого языка, которое было предусмотрено учебной программой. Но язык не изучался из-за отсутствия преподавателя. Веймарн нашёл преподавателя в Коммерческом училище, заручился его согласием, выяснил, что он «известен как прекрасный педагог» и только после этого обратился со служебной запиской к ректору. Иерархическая деликатность и вежливость проректора и ректора, служебная этика, воспитанность и высокая культура обоих не позволили решить им этот вопрос в личной беседе. Мендрин написал Веймарну, что он согласен на преподавание немецкого языка и просит предложить Вагнеру, такой была фамилия преподавателя, подать заявление с приложением его *curriculum*.

Несмотря на небольшое число студентов, помещений всё равно не хватало. Хорошо, что в городе было много учебных заведений. Очередное прошение Веймарн написал в Попечительный совет уже 2-й женской гимназии о крайней нужде в аудиториях для лекционных и для чертёжных занятий. И опять не получил отказа. В гимназии политехникам выделили сначала 3, а потом 4 класса на вполне приемлемых сначала условиях: по 750 рублей в месяц за класс, причём за уборку классов, отопление и освещение гимназия платила сама. Но к концу года условия аренды ужесточились и Попечительский совет потребовал, что «если не будет в некоторых классах электрической проводки, то провести таковую институт должен за свой счёт и по оставлении гимназии всю проводку и арматуру должен оставить в пользу гимназии, а за освещение будет установлена особая плата, и она будет увеличиваться соответственно повышению цены на электричество».

Среди множества прошений, написанных Веймарном, только одно было его личным. В нём он просил ректора выдать ему и его жене Надежде Николаевне удостоверение личности. И всё.

Студенты Политехнического института были не инфантильными. Общественно-политические процессы, происходившие в стране и в Приморье, способствовали их

быстрому взрослению и мужанию, будировали, заставляли быть активными участниками жизни института, поскольку от этого зависело их будущее. Они не хотели, чтобы его за них определяли профессора. Для этого на своём общем собрании они избрали Совет старост, который, защищая их интересы, обратился 18 декабря к Веймарну с заявлением:

«Совет старост в заседании своём..., обсудив вопрос о положении дел в Институте о взаимоотношениях студенчества с профессурой, постановил: просить Вас сообщить, есть ли утверждённый Советом профессоров учебный план и если таковой имеется, то просьба ознакомить с ним Совет старост для ознакомления с ними студентов. Переходя к вопросу о взаимоотношении студенчества с профессурой, Совет старост просит Вас принять соответствующие шаги к созданию Комитета по студенческим делам. Вопрос этот выдвигался ... в прошедшем академическом году, была избрана комиссия в составе 4-х представителей от Совета профессоров и 4-х от Совета старост. К сожалению, ни одного заседания ... не состоялось ... Совет старост просит Вас внести этот вопрос в решение Совета профессоров в ближайшем заседании, чтобы комиссия могла за Рождественские каникулы выработать Устав Комитета и в начале второго семестра Комитет мог бы функционировать. Со стороны Совета старост избраны в эту комиссию: староста горного факультета Подляский, староста инженерно-строительного факультета Зейгель, староста экономического факультета Цыбасов, староста механического факультета Лененко».

Заявление красноречиво характеризует не только студенчество, но и ректора Мендрина, особенно, если обратиться ещё к одному заявлению Совета старост, переданному Веймарну накануне Нового года. Речь в заявлении шла о библиотеке. Совет «признал настоятельную необходимость открытия её в текущем академическом году, так как она совершенно бесплодно где-то лежит, а в городе достать какие-либо пособия почти невозможно». Из заявлений следовало, что политехники более года учились, не имея библиотеки, не зная, по каким учебным планам и чему их учат, они были не организованы, и у них не было взаимоотношения с профессорами. Веймарном внутренняя жизнь в Горном институте была построена иначе; профессора и студенты составляли в нём

«единую семью», а библиотеку он стал создавать задолго до открытия института.

Положение о Комитете по студенческим делам Веймарн получил в первый день 1920 г. В документе наиболее интересно, даже спустя девяносто с лишним лет, содержание 15 параграфа. В нём излагались вопросы, подлежащие ведению Комитета. Они были разделены на четыре группы: учебные, материального обеспечения, внутреннего распорядка и прочие.

По мнению членов Комитета, они должны были участвовать в составлении расписания занятий, испытаний и экзаменов; содействовать обеспечению сохранности и содержания в порядке аудиторий и лабораторий; изыскивать меры к повышению успеваемости; способствовать развитию научных обществ и кружков, читать публичные лекции, проводить научные экскурсии, развивать образовательные курсы и музеи.

Поскольку студент малоимущ, то Комитет должен был располагать сведениями об имеющихся в вузе средствах оказания материальной помощи, рассматривать заявления о предоставлении стипендий и других льгот и пособий, а в случае необходимости передавать, уже назначенные стипендии, другим студентам и, наконец, содействовать правильному функционированию студенческого сообщества, его материальному устройству и организации научных командировок.

Вопрос о внутреннем распорядке был сформулирован кратко: Комитет должен был улаживать недоразумения между студентами, профессорами и администрацией.

А вот решение вопроса по прочим делам, по существу, давало Комитету право привлекать общественное мнение и печать к оценке деятельности администрации института.

Был ли создан Комитет, и было ли принято к исполнению его Положение, неизвестно. Но его содержание даёт яркое представление о студенчестве того далёкого времени.

1920 г. стал годом существенных перемен в истории обоих вузов, и Горного, и Политехнического.

10 февраля Веймарн собрал коллег на первое заседание Совета УГИ, поставив перед ними «вопрос о лицах, избранных в и. д. профессоров в заседаниях Совета 31 мая – 1 июня 1919 года», то есть ещё в Екатеринбурге. Но тогда процедуру избрания довести до конца

не удалось из-за эвакуации. А в Омске во время пребывания там института управляющий учебным отделом Министерства торговли результаты выборов не утвердил, сославшись на то, что, поскольку УГИ предполагается эвакуировать во Владивосток, где якобы «привлечённым на утверждение лицам не придётся нести профессорских обязанностей». Фактически же в Политехникуме им пришлось исполнять должности профессоров. Поэтому, когда во Владивостоке был министр торговли и промышленности С. Н. Третьяков (1882 – 1944), внук основателя Третьяковской галереи, то Веймарн лично ходатайствовал об утверждении результатов выборов, и министр обещал ему это сделать, как только вернётся в Омск. Вернулся-то он вернулся, но «в связи с разыгравшимися затем событиями ответа не последовало и по сие время». Что же в этом случае следовало делать?

Веймарн предложил воспользоваться законом о расширении прав вузов, а именно, если утверждение выборов не последовало через два месяца после их проведения, то избранные вступают в должность автоматически. Опираясь на этот закон, Совет постановил считать Любарского, Луговкина, Янека, Морозова, Елиашевича, Овсянникова, Клера, Скаредова, Кутырина и Усенко вступившими в должности профессоров с первого февраля 1920 г. Модест Онисимович Клер был принят по вольному найму, поскольку он был тогда швейцарским подданным.

«Вырешив» этот важный вопрос, занялись не менее важным следующим: о кредитах институту на 20-й год. Избрали комиссию для составления сметы расходов, которую надлежало представить теперь на утверждение не в Омск, там уже давно была Советская власть, а местному Временному правительству, называвшемуся Областной земской управой. Оно было образовано 31 января, когда была свергнута власть очередного белогвардейского временщика Розанова.

Смена власти повлекла перемены в статусе Политехнического института. В апреле Временное правительство постановило считать его государственным, а расходы по содержанию оплачивать из казначейства. На роль ректора государственного вуза Мендрин не подходил и потому в конце апреля Правление Дальневосточного общества обратилось к Веймарну с предложением возглавить Государственный владивостокский политехнический институт.

Ответ Веймарна зависел от мнения членов Совета Горного. 22 апреля он попросил Совет «закрытою баллотировкой выразить своё мнение по поводу того, считает ли Совет необходимым и важным в интересах УГИ, чтобы он выставил свою кандидатуру на должность ректора ГВПИ». Все голосовавшие, за исключением одного воздержавшегося, сказали да.

На этом же заседании произошло и первое за истекший год пополнение академической коллегии УГИ. В Совет с просьбой обсудить его кандидатуру обратился профессор Томского технологического института Павел Павлович Гудков. Представил Гудкова коллегам Веймарн. Голосование было единогласным, и с 22 апреля Павел Павлович стал профессором УГИ по кафедре прикладной геологии.

Члены Совета избрали в свою коллегия достойнейшего. Гудков и Веймарн знали друг друга со времени учёбы в Петербургском горном институте. Они одноклассники. Гудков родился 20 декабря 1879 г. в семье управляющего золотыми приисками в Красноярском крае. Горный институт он закончил на год раньше Веймарна, в 1907 г. За годы учёбы он прошёл великолепную выучку, и экспедиционную и научно-исследовательскую, у великого Евграфа Степановича Фёдорова (1853 – 1919) и у профессора В. В. Никитина. Под руководством обоих ему пришлось заниматься обработкой минералогических коллекций, собранных на Урале в Богословском и Верх-Исетском горных округах. Лето 1903 г. он посвятил по поручению Никитина обследованию заявок и отводов на медные руды в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Через год, тоже под руководством Никитина, участвовал в геологических исследованиях опять на Урале в Мурзинском районе и на рудниках Поклевского-Козелл, а с осени 1906 и до конца учёбы руководил практическими занятиями студентов в Минералогическом кабинете в альма-матер.

Талантливый и работоспособный студент Гудков был замечен и после окончания института приглашён (точнее избран) старшим лаборантом на кафедру геологии в молодой Томский технологический институт. Его карьера учёного и педагога была скорой. Через два года ему, по представлению Совета горного факультета, поручили чтение курсов лекций по физической геологии и петрографии на инженерно-строительном факультете;

пять лет, с 1913 по 1918 гг., он преподавал те же дисциплины на Высших сибирских женских курсах. Всего шесть лет понадобилось ему, чтобы Советы горного факультета и института избрали его профессором по кафедре геологии на основании отзывов (а не защиты диссертации) крупнейших учёных-геологов, профессоров К. И. Богдановича (1864 – 1947), Никитина, Обручева и А. В. Лаврского. Будучи профессором, он преподавал петрографию, практическую геологию и геологию месторождений полезных ископаемых, заведовал геологическим кабинетом, а в 1919 г. был деканом горного факультета. Это к нему обращался Веймарн с просьбой выручить и прислать на время коллекции окаменелостей и осадочных пород.

И вот теперь Гудков сам нуждался в помощи и поддержке куда более серьёзной. И Веймарн ему не отказал.

7 мая Пётр Петрович стал ректором Политехнического института, оставаясь пока ректором УГИ. Это повлекло сразу много административных перемен. Ещё первого марта Веймарн отказался быть деканом горного факультета, и на его место был избран Овсянников. Когда Веймарна избрали ректором, то Овсянникова – проректором, а деканом горного – Гудкова. Петров, Морозов, Луговкин и Рейн остались на прежних должностях. Малинин же из-за передачи экономического факультета Государственному дальневосточному университету вынужден был оставить должность его секретаря.

Этим же днём члены Совета УГИ обсудили два важных вопроса, один из которых можно считать судьбоносным. Это вопрос «о вхождении личного состава» Горного института в «состав конструируемого» Политехнического. Возражений против «вхождения» было много меньше, чем за «вхождение». Оба вуза были техническими; деятельности Горного института и горного факультета Политехнического дублировались; из 28 штатных сотрудников Политехнического 15 были профессорами и доцентами Горного. Поэтому Совет единогласно постановил войти в состав Политехнического института, но не персонально, а корпоративно (*in corpore*). Уральцы хотели сохранить свою целостность, надеясь на возвращение в Екатеринбург. До поры до времени были сохранены должности ректора, декана и секретаря Совета по

Горному институту, но с прекращением выдачи содержания по этим должностям с 8 мая.

Второй вопрос из обсуждённых Советом был «кадровым». Ректор получил заявление от выпускника физико-математического факультета (по химическому отделению) Петербургского университета Бориса Петровича Пентегова баллотироваться на должность исполняющего дела профессора по кафедре физической химии. Ситуация была благоприятная, поскольку эта кафедра после отъезда Янека в Латвию, была вакантной. Веймарн зачитал жизнеописание соискателя, дал характеристику его научной деятельности, и началось обсуждение кандидата. Закончилось оно единогласным голосованием.

Пентегов – коренной уралец; родился 17 июня 1887 г. в Камышлове. Отец его был приписан к крестьянскому сословию, но занимался не хлебопашеством, а горным делом; был то ли старателем, то ли горщиком. Поэтому для сына выбор профессии был predetermined. Борис учился в Уральском горном училище. Как будто бы на 2-м курсе его за что-то арестовали и выслали в Челябинск (подумаешь ссылка!). Оттуда он якобы бежал в столицу и там, это уже достоверно известно с его слов, экстерном закончил обучение и получил аттестат зрелости и в 1906 г. поступил в Вольную школу при Петербургской биологической лаборатории, в которой изучал биологию и химию даже после официального закрытия школы. Проучившись, таким образом, три года, он поступил в Петербургский университет и окончил его в год 300-летия Дома Романовых с дипломом 1-й степени. Молодец! На жизнь зарабатывал, читая лекции по химии и физике на вечерних Лиговских технических курсах для взрослых, которые располагались в доме графини Паниной.

Дипломную работу Пентегов делал под руководством профессора Л. А. Чугаева (1873 – 1822) – основоположника отечественной школы по химии комплексных соединений. Работа была многообещающей, и он намеревался остаться в университете для научной работы. Но, как вспоминал Борис Петрович, «с одной стороны, невозможные условия, создавшиеся при Кассо, а с другой – предложение директора Кыштымского горного округа занять должность помощника управителя химическим заводом с условиями для научной работы и командировкой в Америку, заставили принять

эти условия. Тем более, что профессор Чугаев обещал содействие в научной работе.

А затем началась война и революция, которые «оставили мало времени для научной работы, и пришлось целиком уйти в решение вопросов производства, связанных с войной. В округе занимал должность помощника управителя химическим заводом, помощника управителя Карабашским медеплавильным заводом, заведующего серно-кислотного и азотно-кислотного завода, управителя Верхне-Кыштымским заводом и помощника уполномоченного по управлению округом по технической части».

В 1917 г. он снова очутился в столице и опять в доме Паниной, где было открыто реальное училище нового типа, в котором он некоторое время преподавал химию. В 1918 г. пришлось вернуться на Урал и поскольку промышленность края находилась в кризисном состоянии, а на жизнь нужно было как-то зарабатывать, то он стал читать лекции по химии в Челябинске на курсах, организованных Союзом кооператоров. И вот теперь судьба занесла его на край российской земли, позволив зацепиться за неё в Горном институте. Надолго ли?

Веймарн предполагал, что произойдёт объединение институтов. Потому заранее занялся разработкой нового устава Государственного политехнического института почти тождественного уставу УГИ. Делал он это не один, а вместе с Морозовым и профессором Политехнического института И. А.Преображенским (1878 – 1956). Устав был утверждён Правительством и «распубликован» 22 апреля в № 18 «Вестника Временного Правительства». Из 43 статей устава существенному изменению подверглись две. Согласно этим изменениям, в органы управления института вводились «с правом решающего голоса по всем вопросам» «представители от Правительства или высшей местной общественно-хозяйственной организации». Веймарн критиковал их, считая, что они нарушают один из основных элементов автономии высшей школы, когда в однородный коллегиальный организм вводятся чужеродные элементы, и называл эту «новацию» чисто провинциальным экспериментом. Возражал он и против предлагавшегося Правительством проекта слияния Политехнического института и Университета. Он считал, что «рационально установить два типа высших школ: 1) высшая школа

гуманитарных знаний; 2) высшая школа естественных и технических наук».

Пётр Петрович проработал ректором недолго. Борьба с невероятными трудностями, тяжелейшая ответственность за судьбу Горного института, коллег и студентов, житейская неустроенность, отсутствие возможностей проводить научные исследования – всё это обессилило его, и в ноябре он подал прошение об отставке. Ректором ГВПИ был избран его коллега Семён Николаевич Петров.

«Слившись» с Политехническим, Горный институт утратил свою самостоятельность, но не растворился в нём без остатка. Это произошло много позже, когда в штате Политехнического не осталось (по разным причинам) ни одного уральца. О судьбе многих из них было рассказано в очерке «Академическая коллегия», кроме Гудкова, Пентегова и Веймарна.

Павел Павлович Гудков в 1920 г. эмигрировал в США. Этому, вероятно, способствовало то, что он был главой делегации Владивостокской торговой палаты в Вашингтоне. Он уехал из страны, которая переживала нелучшие времена, «откуда беда, – по верному замечанию писателя Гектора Манро, – подобно перелётной птице со сломанным крылом, никак не может улететь». В США он работал в нефтяных компаниях, преподавал. Последние годы жил в Лос-Анджелесе; учредил Русский инженерный кружок; умер 24 мая 1955 г.; похоронен в Голливуде. Память о нем сохранена в названии Фонда помощи русским студентам, который носит его имя.

Волевой, напористый и деятельный, Борис Петрович Пентегов остался во Владивостоке. До 1923 г. работал в Политехническом институте, организовав в нём в 1922 г. лабораторию физической химии; потом в Дальневосточном университете, в котором не только преподавал, но был сотрудником Краевого научно-исследова-тельского института, руководителем отдела обрабатывающей промышленности, возглавлял исследования по изучению физико-химических свойств руд дальневосточных месторождений; в 1926 г. выступил с тремя докладами на 3-м Всетихоокеанском конгрессе в Токио; в 1928-1929 гг. был председателем Бюро химической секции научно-технического общества.

В 1930 г. он вернулся в Политехнический институт, где в течение двух лет был и деканом химического факультета, и

заведующим кафедрой общей химии, и профессором, и заведующим лабораторией технологии переработки угля и нефти, одновременно заведуюя ещё кафедрой неорганической химии в Дальрыбвтузе и руководя вместе с ленинградским геологом А. В. Шнитковым изысканиями территории для строительства солеваренного завода на озере Тальми в Хасанском районе. Его хватало на всё, и всё он делал отменно.

1932 г. стал звёздным в его научной карьере. В мае он был назначен директором Химического института Дальневосточного отделения Академии наук, а менее чем через год арестован за «вредительство в соляной промышленности» и осуждён на 10 лет лагерей. Срок отбывал на Колыме. Она его сломала, особенно, когда он работал под руководством Н. А. Шило (1913 – 2008) – будущего академика и председателя Президиума Дальневосточного научного центра АН СССР. Он умер в Магадане 8 августа 1953 г., не дожив до реабилитации четыре года.

Судьба отнеслась к Борису Петровичу капризно и привередливо: многое обещала, немало дала, но и жестоко поиздевалась.

ПРИВЕТ – ПРОЩАНИЕ

От Владивостока до Японии рукой подать. Соседи. Дружили, торговали, воевали, мирились. Состоятельные владивостокцы ездили отдыхать и лечиться на японские курорты минеральных вод. В Японии заказывалось и покупалось оборудование и приборы для лабораторий Политехникума и Политехнического института. Удобно. Проще и дешевле, чем везти из России. Поэтому японские химики знали о Веймарне; знали, что он выдающийся учёный, один из основоположников коллоидной химии и, вероятно, высказывали намерения о сотрудничестве с ним.

Первая поездка Петра Петровича в Японию в сопровождении Пентегова состоялась в апреле 1921 г. Инициатором её был профессор Токийского университета К. Икеда, по просьбе которого Веймарн прочитал несколько лекций по различным проблемам коллоидной химии. В этом же году он ещё дважды побывал в Японии, летом – по приглашению ректора Сендайского университета профессора К. Огавы и тоже для чтения лекций. Со временем между ними установились близкие отношения. Осенью благодаря профессору Ю. Оса-ка Веймарн посетил с дружески-лекционным визитом Киотский университет. Эта поездка определила дальнейшую жизнь Веймарна.

В апреле 1922 г. собрание киотских профессоров постановило пригласить Веймарна в университет и предоставить ему все условия для проведения научных исследований и преподавания. Веймарн с благодарностью принял приглашение, прекрасно понимая, что во Владивостоке у него таких комфортных условий для работы, да и для жизни, никогда не будет, что это, возможно, если бы он был фаталистом, его последний и единственный шанс и подарок судьбы, и переехал в Киото. А мог бы уехать в США, куда его приглашали, специально приезжая во Владивосток для переговоров, заведовать лабораторией в одном из университетов. Он выбрал Японию. Надеюсь, вероятно, вернуться на родину, когда в ней закончится гражданская смута. Ведь дорога домой из Японии ближе, чем из далёкой Америки.

В Японии, по словам Вольфганга Оствальда, «он работал с особенной радостью и удовлетворением с многочисленными молодыми коллегами и учениками, которые сегодня (Оствальд

написал это в 1935 г. – В. Ф.) занимают ведущее место в Японии в области коллоидной науки и техники. Здесь он написал книги: «Об общей сущности коллоидного состояния», «Коллоиды, кристаллоидное растворение и конденсация», в которых подвёл итоги своего научного творчества».

Ровно через год Веймарн был приглашён руководить созданной им же лабораторией (или отделом) коллоидной химии в Императорском Осацком индустриально-исследовательском институте, не прерывая сотрудничества с Киотским университетом. Из-за нового места работы Веймарны переехали в Кобе, из которого Пётр Петрович ездил в институт на электричке. В Осаке он проработал восемь лет, до 1931 г. Эти годы были для него очень плодотворными. Вместе с сотрудниками и аспирантами из Киотского университета он выполнил интереснейшие в теоретическом и практическом отношении исследования, результаты которых были изложены почти в полусотне статей, опубликованных в Германии, Франции и Японии. Последнюю статью, написанную совместно с Н. Сато, он опубликовал в 1934 году. И хотя с той поры миновало более семидесяти лет, имя Веймарна-учёного не потерялось. В анналах истории японской химической науки оно до сих пор сияет золотой крупницей: в 1983 г. в СССР была переведена и издана книга «Капиллярная химия», в которой сказано, что исследование коллоидных систем «в Японии связано с именем фон Веймарна».

1931 г. – предпоследняя веха в его жизни. В этом году он по состоянию здоровья вынужден был оставить работу в Осаке. Через год, поправившись, он принял приглашение владельца химической лаборатории в Кобе. Но проработал в ней только около года. Больше не позволила болезнь. Этот последний плодотворный в творческом отношении год стал для него памятен тем, что Германское коллоидное общество удостоило его своей высшей награды – премии Лаура – Р. – Леонард за высказанную им в 1906 г. гипотезу о том, что коллоидное состояние есть всеобщее состояние материи. О значении этой гипотезы В. Оствальд сказал, что «пока существует коллоидная химия, имя профессора фон Веймарна будет связано с этим высказыванием». Коллоидное общество было учреждено 15 сентября 1922 г. Вольфгангом Оствальдом и другими учёными. К числу основателей общества

принадлежал и Веймарн. Премия Лаура – Р. – Леонард стала вручаться тоже с 1922 г.

В связи с награждением японские друзья, коллеги и аспиранты почтили Петра Петровича торжественным банкетом, устроенным 15 ноября 1933 г. в осакском ресторане «Аляска». На фотографиях, сделанных во время чествования и подаренных ему, он написал фамилии тех, кто присутствовал на торжестве: академик Ю. Осака, профессор М. Миати, профессор А. Сато, профессор Учино, Отцука, Моришина, Н. Сато, Фуджичина, Жюна, Кавамото и ассистент Веймарна Ишина.

Последнюю скорбную вежу судьба поставила 2 июня 1935 г. в Шанхае.

Киото, Осака, Кобе, Шанхай долго были для меня только географическими пунктирами. О жизни Веймарна в этих городах я рас-полагал минимумом фактов, почерпнутых в изданном в Берлине в 1940 г. «J. C. Roggendorffs biographisch-literarisches Handwörterbuch». Если Веймарн умер в Шанхае, как написано в «Handwörterbuch», значит, он с женой переехал в Китай, – рассуждал я, – и потому в этой стране лучше всего должна сохраниться память о них. Когда в 1990 г. в Горный университет (тогда он ещё назывался Свердловским горным институтом), приехала его выпускница, как и я, геофизик, Чжан Юй Дзюнь, профессор Шанхайского центра аэрогеофизики и дистанционных исследований, то я попросил её помочь мне отыскать следы Веймарнов в Шанхае. Её поиски оказались безуспешными. Это меня не обескуражило. Всё равно, думал я, следы Веймарнов обнаружатся. И оказался прав.

Однажды, работая в Государственном архиве Свердловской области, я увидел на одном из стеллажей газету «Наши в Шанхае». А вдруг эта газета, как ниточка волшебного клубка, приведёт меня к цели? И позвонил редактору газеты. Он живо откликнулся на мою просьбу и пригласил на ближайшую встречу с «нашими шанхайцами» в Дом шахмат. Спустя полчаса он мне позвонил ещё раз и сказал (чтобы вы думали?), что он может познакомить меня с людьми, которые знали Веймарнов. Этот звонок стал для меня настоящим чудом!

Через несколько дней, в холоднящее декабрьское воскресенье, я подходил с бьющимся сердцем, не чувствуя мороза, к панельной

пятиэтажке на улице 8-е Марта. По узкой лестнице поднялся на пятый этаж. Постучал. Дверь открыла высокая, стройная женщина. На светлом овале её крупного лица влажно сияли огромные ореховые глаза и алые губы. Маленькая квартирка, тесно заставленная старинной мебелью, небольшая прихожая. Меня усадили за стол, сервированный фамильным серебром и фарфоровой посудой. Мы представились друг другу, а она представила меня ещё одной женщине, сидевшей тихо и незаметно в уголке дивана с каким-то отрешённым взглядом.

Встретившая меня в прихожей – Ольга Николаевна Фрëлих. Вторая женщина – Елизавета Николаевна Боброва. Первая – дочь, вторая мать. Елизавета Николаевна – это век жизни, воздушная серебристая седина волос, розовый пергамент кожи и опаловая голубизна невидящих глаз. Во время беседы она поворачивала голову на звук моего голоса.

Ольга Николаевна разлила чай, и мы стали, разговаривая, чаёвничать с яблочным пирогом и тортом, специально испечёнными к моему приходу. Я слушал обеих женщин, изумляясь их памяти и восхищаясь почти забытой чистотой и правильностью настоящего русского языка.

Во время беседы я узнал, что Бобровы приехали в Свердловск из Шанхая в ноябре 1947 г., как репатрианты. Родители противились переезду. Настояла дочь, очарованная советской пропагандой. Отец Николай Иосифович стал работать на «Скорой помощи», а Ольга Николаевна, сменив несколько мест службы, в 1949 г. была принята на работу в Свердловский горный институт, сначала секретарём Учёного совета, потом работала препаратом и лаборантом на кафедре иностранных языков. Она свободно владела английским языком, немного японским, французским, итальянским, но поскольку у неё не было высшего образования, то преподавать ей не позволили.

В 1961 г. Ольга Николаевна вышла замуж за харбинца Иосифа Иосифовича Фрëлих, а в августе 1973 г. уволилась из института, но на кафедре бывала часто. А я с 1 сентября 1973 г. начал работать в институте. Но тогда история альма-матер меня ещё не интересовала. Это произошло много позже, и тем не менее мы встретились, и наша встреча обогатила меня. В конце 90-х годов она переехала к племяннику в Москву. Мы переписывались. Она умерла в октябре

2003 г. от одиночества и безысходности. Ей шёл 89-й год. Елизавета Николаевна успела встретить свой столетний юбилей; Николай Иосифович умер от сердечного приступа дома, не дождавшись «Скорой помощи», на которой проработал 30 лет. Ему было 96 лет.

Судьба семьи Бобровых по драматизму схожа с судьбами многих тысяч русских семей того периода России, который писатель А. М. Ремизов (1877 – 1957) назвал «взвихренным». К началу первой мировой войны Бобровы жили в Николаевске-на-Амуре, где глава семьи Николай Иосифович, выпускник Томского университета, работал врачом. В 20-м году, рассказывала Ольга Николаевна, которой в это время было пять лет, «произошли Николаевские события в связи с занятием города отрядом партизан Тряпицына и выступлением против него небольшого японского гарнизона и местных японских жителей. В результате этого Николаевск перестал существовать и мои родители, потеряв всё своё имущество, вынуждены были уехать во Владивосток, а потом на северный Сахалин, где отец работал врачом на каменноугольных копях. В конце 1924 г. отец оставил эту службу и уехал в Японию, в Кобе, для отдыха и лечения, туда же уехала и я с ним. Весной 1925 г. мои родители совсем уехали в Японию, где мой отец через несколько месяцев устроился на службу врачом».

Когда Бобровы переселились в Кобе, Веймарны жили в этом городе уже около трёх лет. Чем привлек их этот город, почему они выбрали его, а не японскую Венецию Осако, куда Пётр Петрович должен был ездить на работу? Кобе был спокойнее и комфортнее Осако.

До 1892 г. Кобе был двойной город, состоявший из собственно, Кобе и древнего Хиого, расположенного на гористом мысу. Оба города разделяло русло высохшей реки и соединял каменный мост. Кобе, как и Осако, расположен на берегу Осацкого залива внутреннего Японского моря. Поэтому оба города имеют порты, но если осакский в начале XIX века посещался редко из-за мелководья гавани, то порт Кобе занимал второе место в стране по товарообороту. Но самая главная достопримечательность Кобе заключалась в том, что в нём был европейский квартал. В 1899 г. в квартале проживало около двух тысяч иностранцев, были английское, австро-венгерское, германское, русское, французское и другие консульства, конторы и отделения банков и пароходных

компаний, выходило две газеты на английском языке и несколько «туземных»; на широких, освещённых газовыми фонарями улицах стояли красивые особняки, а в небо упирались крестами две протестантские и одна римско-католическая церкви. Управлялась колония муниципальным советом. Окрестности города были курортными, с мягким морским климатом, горячими минеральными источниками и прекрасными пляжами. Такая обстановка благотворно действовала на Петра Петровича, способствуя улучшению его здоровья.

В начале 20-х годов в Японии было около тысячи беженцев из России. В административных документах они именовались «белые русские». Почему их было мало? Административные органы строго контролировали иммиграцию, введя в феврале 1920 г. «систему предъявления наличных денег» – денежный залог, обеспечивавший, временное пребывание в стране иностранца. Был он велик и не всем по карману, составляя 1500 иен.

В Кобе была самая крупная русская диаспора. Большинство эмигрантов занимались торговлей, разъезжая с товарами по Японии, Китаю и Корее. «Белый русский» с тюком за спиной, идущий по сельской дороге или едущий на велосипеде, стал на многие годы органичной частью японского пейзажа. Когда заканчивался торговый сезон, «белые русские» собирались в Кобе в большую, весёлую компанию и наступало время пикников, прогулок, поездок на морские купания.

Русские люди, лишённые родины, в общении пытались сохранить в себе и в своих детях её дух, традиции, быт. Многие пережив, пройдя через огонь, кровь, смерть, потеряв родных и близких, они понимали, что сила ностальгии по утраченному слишком слаба, чтобы удержать их всех вместе в Кобе, Париже или любом другом месте. Что русскими они могут быть только в России, что вне России они в лучшем случае только маргиналы. Потому что «Родина, – говорила Марина Цветаева (1892 – 1941), – не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет её лишь вместе с жизнью». В этом, прежде всего, заключалась трагедия эмигрантов, и каждая встреча с соотечественниками была для них

как божье благословение, память о которой они хранили до конца дней и в душе, и в сердце, и в семейных альбомах.

Я видел такие альбомы. Сначала у Бобровых. Потертые на сгибах, с пожелтевшими изумительного качества фотографиями: виды Кобе и его окрестностей, маленькая Олечка, которой Пётр Петрович дарил книги, молодые Елизавета Николаевна и Николай Иосифович, русский консул ВАС – Василий Алексеевич Скородумов – весельчак и превосходный мастер фотоколлажей (бывшим консулом он стал после 20 января 1925 г., когда между Японией и СССР были установлены дипломатические отношения, а консулам было велено передать консульское имущество местным властям, не вступая в контакты с советскими дипломатами), Надежда Николаевна Веймарн с суровым взглядом и сжатыми губами, их друзья и знакомые – жизнь, которая для проживших её кажется сном. Я спросил Елизавету Николаевну, прощаясь, где ей, много поездившей, жилось лучше всего? Она ответила: «В Японии».

В Кобе Веймарны жили уединённо, но не отчуждённо: участвовали в пикниках, ходили на сеансы «великого немого». В середине 20-х годов Кобе был кинематографическим центром страны. Одно время в его кинотеатрах занимался прокатом немецкого фильма, купленного в Шанхае, советский разведчик Василий Сергеевич Ощепков (1892 – 1937), выдающийся мастер дождё и создатель системы приёмов самозащиты и обезоруживания. Вместе со всеми жителями иностранной колонии Кобе Веймарны помогали русским беженцам, ставшим жертвами катастрофического землетрясения, произошедшего 1 сентября 1923 г., в результате которого на две трети было разрушено Токио, вся Иокогама и погибло более 100000 человек. Тогда в Кобе был создан Комитет по оказанию помощи, а при нём – Подкомитет по оказанию помощи русским беженцам.

В Кобе близкие отношения у Веймарнов были не только с Бобровыми, но и с екатеринбургской четой Злоказовых – Сергеем Фёдоровичем и Марией Степановной. В Екатеринбурге они и познакомились. Сергей Фёдорович был сыном известного уральского купца Фёдора Алексеевича Злоказова – одного из основателей Торгового дома «Братья Злоказовы» и товарищества «Ф. А. Злоказов и сыновья». Выпускник Петербургского

технологического института, Сергей Фёдорович был широко образованным человеком, знал около полутора десятков языков, состоял гласным уездного земства и городской думы, был членом Строительной комиссии и УОЛЕ, в правительстве Колчака возглавлял Комитет по экспорту и импорту. Живой, подвижный, общительный, он был полной противоположностью сдержанному, несколько замкнутому и погружённому в себя Веймарну. И, тем не менее, они сошлись, и их отношения выходили далеко за рамки тривиального знакомства. Вероятно, их можно назвать даже дружескими. В тяжёлое для Злоказова время Пётр Петрович помог ему получить место научного сотрудника в химической лаборатории Киотского университета. В архиве семьи Злоказовых, переехавшей в Буэнос-Айрес, бережно хранилось несколько десятков фотографий, подаренных Веймарном. Потомки Сергея Фёдоровича, умершего 6 мая 1936 г. (Мария Степановна умерла в 1945 г.), сберегли их и, когда появилась возможность, переправили на Урал.

Несмотря на то, что Веймарн оставил работу, здоровье его не улучшалось. В Японии врачи ему помочь ничем не могли и летом 1935 г. Надежда Николаевна увезла мужа в Шанхай – в этот «Азиатский Париж» или «Восточный Вавилон». Кроме лечения у Веймарнов был ещё один повод для поездки в Шанхай. В апреле Пётр Петрович получил приглашение из Высшего технического центра занять должность его директора. Приглашение было принято.

Центр был открыт в марте 1934 г. по инициативе инженера В. С. Котенева и при активной поддержке Генеральной комиссии по образованию, работавшей под патронатом французского Муниципального совета. Преподавание в центре велось на русском языке и это устраивало Веймарна, не знавшего ни одного иностранного языка. Выпускники этого учебного заведения дипломные проекты защищали на французском языке; выдававшиеся им дипломы признавались во Франции, а сами они пользовались всеми правами и льготами выпускников французских вузов. Центр был небольшим. В нём работало два десятка преподавателей и инженеров и училось около 40 студентов. Руководство центром было необременительным, и в то же время Веймарн мог проходить лечение в хорошей клинике.

Супругам Веймарнам было к кому ехать в Шанхай. Туда осенью 1933 г. переселились Бобровы. Николай Иосифович занимался лечебной практикой, Елизавета Николаевна хранила домашний очаг, а Оля, окончившая в Кобе французский колледж «Ecole Sante Marie» и английскую школу «Windsor House School», работала в датской фирме «Полифото».

Шанхай уже в то время был мегаполисом, состоявшим из отдельных районов: китайского с паутиной улиц и переулков, международного сеттльмента и концессии, во французской части которой и жили в основном русские эмигранты. Было их около 16 тысяч. Веймарны, имевшие средства, поселились в одной из гостиниц в международном сеттльменте. Пётр Петрович был слаб и Надежда Николаевна по совету Николая Иосифовича просила лечащего врача Розенцвейга повременить с операцией, но тот заверил, что больной её вынесет. Не вынес.

Сохранилось несколько фотографий скорбных проводов одетой во всё черное Надежды Николаевны, увозившей из Шанхая на корабле «NAGASAKI MARU» гроб с телом дорогого ей мужа. Она его похоронила в Кобе на Европейском кладбище, установив на могиле классически строгий памятник из светло-серого гранита с крестом и надписью по дореволюционной орфографии с «ятями»: «Петр Петрович фон Веймарн/Действительный Статский Советник/Горный Инженер/Профессор Химии/Род. 18-го июля 1879 г. в Петергофе/Скон. 2-го июня 1935 г. в Шанхае».

После смерти Петра Петровича она осталась совсем одна. Её горе было безмерным. Чтобы притупить боль утраты, она уехала в США. Но расстояние не обезболивает, и спустя год она вернулась в Кобе. Жила в маленькой квартирке, поддерживаемая немногими верными японскими и русскими друзьями, навещала могилу мужа, молилась за упокой его души и терпеливо ждала часа, когда Бог позволит ей, наконец, соединиться навечно там, на небесах, с дорогим ей Петенькой, с которым Он её так жестоко разлучил на земле.

Надежде Николаевне суждено было ещё долго прожить после смерти мужа. Она пережила вторую мировую войну, жесточайшие американские бомбардировки Кобе, пережила Хиросиму и Нагасаки и скончалась 21 января 1964 г. Её похоронили в могиле с прахом мужа, поставив скромное надгробье из такого же светло-серого гранита.

Смерть в Шанхае и похороны в Кобе откликнулись из Германии долгим и торжественным, как пароходные гудки, эхом некролога. Он был напечатан в январском номере «Kolloid-Zeitschrift» за 1936 г. Редакция этого авторитетнейшего журнала всегда благоволила Веймарну, опубликовав с 1907 по 1934 гг. 211 его статей и заметок. Автором некролога был главный редактор журнала Вольфганг Оствальд, биографические данные для которого ему предоставили профессора Янек и Сато.

«Из всех тяжёлых потерь, – писал он, – которые претерпела коллоидная наука за последние годы, одной из самых тяжёлых и болезненных стала смерть профессора фон Веймарна. С его смертью ушёл из жизни не только исследователь, который внёс решающий вклад в формирование нашей науки. С ним ушёл исследователь коллоидной химии, уровень научного видения которого в этой области был достигнут немногими учёными. И никто не превзошёл его в воодушевлении, страсти и даже фанатизме, с которым он всю свою жизнь посвятил коллоидной науке и только ей. Он никогда не уставал освещать коллоидные проблемы с разных точек зрения, он всегда был готов к дискуссии, и каждое предложение, способствовавшее внутренне или внешне развитию нашей науки, находило в нём ревностного последователя. Своей жизнью он подал нам пример настоящего апостола молодой, ещё неразвитой и поэтому иногда недооцениваемой и пренебрегаемой научной теории».

Дав аналитический обзор результатов исследований, выполненных Веймарном, Оствальд самокритично заметил, что «представленный набросок научного творчества Веймарна ещё не закончен. Прочтите, – обращался он к читателям, – заголовки его работ на следующих страницах (некролога. – *В. Ф.*). Какой поистине богатый дух! И какую научную пищу найдёт читатель, который углубится в его многочисленные рукописи. Не все работы профессора фон Веймарна можно легко прочитать. Иногда потребность представить результаты в самой общей форме и формулировке затрудняет их понимание. Однако истина не теряет своей ценности, даже если она изложена тяжёлым языком...».

Написанный Оствальдом некролог поражает искренностью чувств. Так проникновенно об усопшем мог написать только тот, кто с ним был связан высочайшей духовной общностью –

свойством, редчайшим во все времена, но особенно в жестокий и прагматичный до цинизма XX век.

Оствальд, благоговей перед гением русского учёного, написал в конце некролога: «Почти 30 лет автор этих строк имел счастье быть другом фон Веймарна. Мы не виделись никогда лично. Но, пожалуй, ни с кем из других учёных автор не имел такой оживлённой переписки о почти каждом внутреннем и внешнем деле, касавшемся коллоидной науки. Было естественно, что фон Веймарн принадлежал к её основателям. Было естественно, что он всеми силами поддерживал журнал «Kolloid», стремясь сделать его центром общения химиков. Но только с немногими учёными автор мог обсуждать проблемы коллоидной химии так легко, любезно и достойно, как с фон Веймарном».

Оствальд – немец по национальности и учёный по призванию, закончил некролог не традиционными русскими фразами: вечная ему память и пусть земля ему будет пухом. Он написал: «Мы выражаем благодарность ему, принимая его труд и продолжая его дело». И в знак того, что он действительно благодарен Веймарну за то, что тот сделал и что продолжит начатое им, он привёл в некрологе библиографию всех его работ, составленную профессором Сато, сделав, таким образом, неоценимый подарок будущим исследователям жизни и творчества Веймарна.

Прощания, расставания, как и встречи – неотъемлемая часть жизни. Читая и перечитывая «Известия УГИ», изданные в 1920 г., я с расстояния продолжительностью почти в сто лет, зная многое из того, что произошло после этого с самим Веймарном, с его коллегами и студентами, истолковал благодарственный привет, посланный Веймарном всем им со страниц журнала, как прощание. В нём он выразил чувство «искренней признательности ... всем коллегам и сотрудникам как Строительной комиссии, так и по Уральскому Горному Институту, за их поддержку и внимание, постоянно ... оказываемые.

Студенчеству Института, которое было так тесно слито с преподавательской коллегией и составлявшее вместе с нею одну дружную академическую семью, ныне рассеянному гражданской войной по различным местам России, я не могу не послать со страниц первого тома наших «Известий» своего привета».

Дошёл ли до них этот привет – прощание?

«IPSA SCIENTIA POTESTASEST»

С 2001 г. на титульном листе каждого выпуска журнала «Известия Уральского государственной горно-геологической академии» (с 2004 г. – Уральский государственный горный университет) стала помещаться ремарка: «Вып. 1 вышел в 1918 г.» - как знак преемственности между «Известиями Уральского горного института» и современным аналогом этого журнала. Именно как знак и не более того. Потому что самой преемственности в виде совокупности действия традиций, последовательности передачи научных ценностей от одного поколения ученых другому, смены старого и нового с сохранением наиболее ценных его черт не было. Между первым томом «Известий УГИ» и первым выпуском «Известий УГГГА» пролегла пространственно-временная пустота протяженностью, равной расстоянию от Владивостока до Екатеринбурга и продолжительностью в 73 года. Для основателей новых «Известий» во главе с их главным редактором, тогдашним ректором Иваном Васильевичем Дементьевым (1932 – 2009), старые «Известия» были только прототипом, но не предтечей. Начав в 1993 г. издание журнала, они руководствовались скорее эмоциями, пиететом к альма-матер, были более патриотами, чем издателями. Поэтому ни в оформлении, ни в структуре «Известий УГГГА» не было ничего заимствованного у «Известий УГИ». О какой уж тут преемственности могла идти речь.

Инициатором издания «Известий УГИ» был Петр Петрович фон Веймарн. И он, и члены Совета УГИ считали, что своевременная публикация результатов научных исследований является важнейшим элементом полноценной научной работы ученого. В УГИ был составлен обширный перспективный план издательской деятельности: аргументированный, глубоко и детально продуманный, широкий по замыслу, проникнутый заботой о сохранении престижа русской науки, о распространении её достижений за границей.

Излагая свои соображения по вопросу издания научных журналов вообще, Веймарн писал: «... пожалуй, ни в какой группе людей, объединенных общими целями, не чувствуется так сильно потребность самого тесного сближения, потребность создания

общего интернационального языка, как в группе людей, спаянных исканием научной правды. На этом-то интернациональном языке и должны бы происходить обмен мнений между членами одной семьи – семьи ученых всех стран и народов.

К сожалению, до сих пор (т. е. до 1919 г. – В. Ф.) ... между учеными различных национальностей не достигнуто по рассматриваемому вопросу никакого реального соглашения и по-прежнему затрачивается непроизводительно много материальных средств на опубликование одного и того же на различных языках, по-прежнему нередко научные издания, опубликованные на малодоступных языках, теряются для науки и когда, спустя много лет, эти исследования «открываются» по случаю опубликования такой же работы в другой стране, то про них пишут: «К сожалению, эти выдающиеся открытия не оказали никакого влияния на развитие науки».

Нельзя только утешаться мыслью, что в ходе развития культуры человечества, наконец, настанет такой момент, когда многоязычие уже не будет тормозить объединение людей и их дальнейшего дружного поступательного движения, – но надо и теперь принимать меры, чтобы работы национальностей, язык которых мало доступен для большинства культурных народов, не терял бы своего значения для развития общечеловеческой науки и делались бы известными своевременно».

Считая себя частицей всемирного сообщества и сознавая ответственность за развитие культуры и науки, Веймарн все же полагал себя русским (пусть и с немецко-шведско-польскими корнями). Поэтому особой его заботой был экспорт за границу научной продукции отечественных ученых. «Мы, русские, – писал он, – язык которых весьма мало известен иностранным нашим коллегам, очень мало делали для немедленного ознакомления научного мира с нашими работами, довольствуясь ... краткими, неясными и запоздалыми публикациями реферативного характера». И приводил пример практичных японцев, которые печатали работы своих ученых на английском или на немецком языках «в прекрасно и с технической стороны издаваемых журналах». То же Веймарн предлагал делать и для российских научных обществ, поскольку, по его мнению, «опубликование в русских научных журналах статей на русском и одном из иностранных языков не только

исчерпывающе решило бы ... проблему, но и сделало бы русские научные журналы значительно более распространенными за границей, причем часть средств, затрачиваемых на переводы, возвращалась бы путем бесплатного получения многочисленных иностранных журналов, которые в настоящее время приходится выписывать за плату».

Понимая, что такая издательская деятельность не под силу русским научным обществам, Веймарн уповал на помощь государства, «для которого (вроде бы. – В. Ф.) не должна быть безразлична степень участия в общей культурной работе человечества своих граждан». Будучи оптимистом, он восклицал: «Да будет позволено мне, отдавшему науке почти все свои силы..., высказать твердое убеждение, что скоро настанет время, когда русские ученые будут поставлены государством в такие условия опубликования своих научных трудов, при которых исторически сложившаяся малая доступность русского языка для иностранных ученых не будет уже влиять на степень непосредственного участия русских в общечеловеческой науке».

В отличие от других его прогнозов, этот, к великому сожалению, не сбылся. Доступность русского языка для иностранных ученых по-прежнему остается малой. Да они, кажется, и не замечают этого.

«Переходя к более частному вопросу, – размышлял Веймарн, – к вопросу о научных журналах, издаваемых высшими школами, – необходимо прежде всего отметить, что эти журналы, кроме функций чистого научного журнала, имеют и некоторые другие функции. А именно широкую пропаганду и популяризацию достижений науки и техники среди широких слоев населения».

В те годы таких журналов не было. Поэтому в Горном институте решили, что наряду с научным журналом, учебниками и монографиями необходимо издавать и популярный журнал по различным вопросам горного дела и геологии. Издать такой журнал не просто. Поскольку не каждый, даже талантливый исследователь, может ярко, образно и увлекательно, не искажая суть научной проблемы, рассказать о ней так, как это делали Владимир Афанасьевич Обручев, Анатолий Алексеевич Малахов (1907 – 1983) или Даниил Семенович Данин (1914 – 2000). По мнению Веймарна, «издание такого научно-популярного журнала возможно только в

высших школах с достаточно многочисленным и хорошо научно и педагогически работающим кадром преподавателей». Если в Горном брались издавать журнал для «широких слоев населения», значит, в его академическом персонале был соответствующий «кадр».

В первые же месяцы 1917 г., то есть ещё до официального открытия института, был составлен план издательской деятельности, которым предусматривалась публикация научных трудов монографического характера и оригинальных учебников, написанных членами Совета института под общей рубрикой «Научные труды Уральского горного института». 12 сентября члены Совета постановили, что начало издательской деятельности положит книга Веймарна «Дисперсоидологические исследования» и журнал «Известия Уральского горного института». Из обширного замысла реализовать удалось немного. Был издан только первый том «Известий», да и то не в Екатеринбурге, а во Владивостоке.

История издания журнала драматична, а началась она 26 ноября через месяц с небольшим после открытия института, когда ректор доложил на заседании Совета, «что получены бумага и шрифты для печатания «Известий» института, так, что в конце декабря ... возможно будет начать печатание первого выпуска «Известий» и предложил издать его значительно большим тиражом, чем последующие, в связи с тем, что первый номер, как первую ласточку, «придется рассылать не только по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям России, но и за границу». Члены Совета поддержали Петра Петровича, постановив «издать I номер ... в количестве 2000 и последующие в количестве 500 экземпляров».

Что же касается оригинальных сочинений, то Совет решил, что их первое издание будет собственностью УГИ. А поскольку в то время не было такого понятия, как копирайт, то его роль должна была играть надпись «Издание Уральского Горного Института», напечатанная на заглавных страницах книг. Кроме книги Веймарна в числе первых решили издать ещё и следующие сочинения: В. Оствальд. Новейшие успехи коллоидной химии, переведенной с немецкого Надеждой Николаевной Веймарн под редакцией Петра Петровича; В. В. Тейлор. «Коллоидная химия», перевод которой с английского сделал Н. И. Морозов, а предисловие к ней и

дополнительную статью написал Веймарн; С. Н. Петров. «Курс начертательной геометрии».

Из процитированной части протокола следует, что в череде организационных мероприятий по изданию журнала ноябрьское заседание Совета было последним. Когда-то ранее были уже обсуждены вопросы о редакторе и составе редколлегии, о структуре журнала и его оформлении, об источниках финансирования и о содержании первого номера. А в конце февраля следующего года был решен вопрос и о гонорарах: авторы оригинальных учебников должны были получать по 200 рублей за печатный лист, редакторы и переводчики – по 100.

Тогда в ноябре никто не видел препятствий для скорого издания первого уральского научного журнала. Нетерпеливые уже мысленно держали его в руках и перелистывали пахнущие типографской краской страницы, читая прежде всего, конечно, свои статьи. Для издания журнала не все можно было найти в Екатеринбурге, в частности, хорошие клише. В начале июля 1918 г., когда пламя гражданской войны ещё не захватило страну, в Москву и Петроград был командирован Барабошкин для приобретения лабораторного оборудования, книг и клише для журнала. С такой же целью ректор отправил в августе в Томск в Томский технологический институт Галли, а попутно она должна была познакомиться со сметой этого вуза (или наоборот).

Веймарн, будучи и ректором, и редактором, задумывался и об увековечивании тех, кто создавал институт. В начале августа УГИ понес первую жертву начавшейся гражданской войны: безрассудно был убит бывший член Строительной комиссии А. И. Фадеев и Петр Петрович предложил почтить его память, поместив в первом томе «Известий» его портрет, а вдове Лидии Ивановне члены Совета выразили искреннее соболезнование. Сколько ещё раз им придется совершать этот скорбный ритуал.

Тогда в ноябре мало кто мог предположить, что произошедшая в стране смена власти разорвет Горный институт на две части. Одна – во главе с ректором будет эвакуирована во Владивосток, вторая – останется в Екатеринбурге.

Покидая навсегда Урал в июле 1919 г., Веймарн взял с собою подготовленную к печати рукопись журнала, издать который он сумел только в 1920 г. В Екатеринбурге сделать это не удалось по

«техническим причинам». Каковы они были, он не рассказал. Во Владивостоке ему их удалось преодолеть.

Работа по изданию журнала началась сразу по приезде во Владивосток. 18 ноября на заседании Хозяйственного комитета при обсуждении статей кредита Веймарн напомнил о необходимости издания «Известий». К заседанию по его просьбе Морозов навел справки и установил, что наиболее дешевой оказалась типография Восточного института, в которой стоимость набора и печати одного печатного листа при тираже 2000 экземпляров обходилась в 7-8 тысяч рублей, а стопа бумаги – около 4 тысяч, принимая во внимание неизбежное вздорожание цены печатного листа в связи с инфляцией. Хотя при таких расценках на издание должна была пойти большая часть кредита, отпущенного на учебную часть, Комитет уполномочил Веймарна приступить к изданию журнала, купить необходимое количество бумаги и пишущую машинку с латинским шрифтом.

Тогда же был решен вопрос и о вознаграждении авторов. Оплатить гонорар деньгами Институт не мог. Поэтому было решено выдать авторам бесплатно по 200 отдельных оттисков их статей в обложке журнала, если они меньше печатного листа. Если же статья будет более печатного листа, то её должны заключать в специальную обложку с надписью «Известия УГИ». Когда же автору нужно было более 200 оттисков, то он должен был оплатить стоимость бумаги. Но в любом случае отдельные оттиски снабжались на титульном листе надписью, что издание является собственностью УГИ.

Типографию в Восточном институте арендовал некто В. А. Григорьев. С ним сначала Морозов, а потом и Веймарн договорились об издании «Известий» объемом не более 30 печатных листов с окончанием работы не позднее конца февраля следующего года, т. е. к моменту закрытия кредитов, отпущенных на 1919 год, поскольку было неизвестно, откроют или нет кредиты на издание в 1920 г. Арендатор типографии с такими условиями согласился, но к оговоренному сроку не выполнил и половины заказа. Что было делать? Отпечатать журнал в другой типографии было невозможно, а кредит на его издание в 1920 г. был все же получен и тогда было решено продолжить работу с Григорьевым, обязав его закончить работу к весне.

В начале апреля Григорьев прислал ректору письмо о повышении стоимости печатного листа «пропорционально введенным профсоюзом ставкам наборщиков и других служащих типографий». Члены Хозяйственного комитета «принципиально» согласились с повышением цены, за исключением цены печатного листа в апреле, считая, что нет основания её увеличивать по сравнению с мартовской. И кроме этого, попросили Григорьева, поскольку уже не верили ему, представить копии документов о жаловании наборщиков с декабря 1919 по март 1920 года. Печатание журнала дорого обходилось институту: с декабря по февраль только в типографию было перечислено 368 тыс. рублей, 38,5 тысяч было заплачено конторе Ланге за пишущую машинку с латинским шрифтом и 18,5 тысяч торговому дому Розе за машинку с русским шрифтом. И тем не менее и Совет УГИ, и его Хозяйственный комитет шли на такие траты, терпя необязательность арендатора типографии. Ведь журнал был лицом вуза.

Но и к весне работа была не закончена. Григорьев оказался мошенником и прохвостом. Вся его типография держалась на двух опытных наборщиках – Кернере и Рыбине. Обоим он платил неаккуратно. Первым от него ушел вскоре после начала работы над журналом Кернер, а в начале лета и Рыбин. Дело встало. Положение усугублялось тем, что 1 сентября заканчивался срок аренды типографии, а надо было набрать и отпечатать ещё около 10 печатных листов и Веймарн – ректор и заслуженный профессор – вынужден был упрашивать Кернера и Рыбина взять у Григорьева набор оставшихся листов сдельно. Оба согласились работать по цене 2 рубля 5 копеек золотом со страницы. Как будто бы можно перевести дух и успокоиться.

И 12 августа Веймарн сообщил коллегам, что печатание журнала заканчивается, но с капелькой «дегтя»: по недосмотру заведующего типографией было отпечатано 500 лишних экземпляров отдельных оттисков статей Елиашевича и 800 его, Веймарна. Что с ними делать, с оттисками? Решили передать их безвозмездно авторам, которым так неожиданно повезло.

Аппетит, как известно, приходит во время еды. Петр Петрович, воодушевленный успехом, предложил всем приступить к изданию второго тома «Известий», если на него будут ассигнованы средства,

а если нет или их будет недостаточно, то продать Владивостокскому политехническому институту книги, купленные для библиотеки УГИ у томского профессора Малеева. Никто против этого не возражал и тогда Веймарн попросил членов Совета представить в редакцию рукописи статей и свои *curricula vitae* для опубликования их в разделе «Хроника академической жизни». Одновременно со вторым томом «Известий» запланировали издать и книгу «Дисперсоидологические исследования».

Редакционный портфель наполнился быстро, поскольку каждый автор загодя определился, что он будет публиковать. Содержание второго тома структурировали на три части. В первой – должны были быть опубликованы продолжение «Очерков по энергетике культуры» Веймарна, «Оптические свойства металлических сплавов» Галли, три работы Любарского: «Живой и мертвый тентин», «К вопросу о химизме прогоркания коровьего масла» и «Учет сернокислотного производства по контактному способу», две статьи Пентегова: «Распределение меди в шламах и штейнах пиритной плавки» и «Применение печей Мак-Дугойля в сернокислотном производстве и очистке от пыли». Гудков представил работу «Некоторые результаты геологических исследований в Тельбесском железорудном районе», а Павлов – обобщение материалов своих ещё студенческих экспедиций: «О некоторых новых находках нефелиновых горных пород с Кольского полуострова», «Дислокации в ледниках Земли Франца-Иосифа» «Ледниковый покров и ледники Новой Земли». Первая часть должна была завершиться статьей Овсянникова «Деревья и кустарники Урала».

Во вторую часть, названную «Краткие сообщения», четыре работы представил Петров: «Построение политропы» (политропа – кривая на диаграммах состояния, изображающая термодинамический процесс с постоянной теплоемкостью. – В. Ф.), «Новое доказательство теоремы Кастильяно», «Графическое представление моментов инерции», «Графическое представление плоских напряжений»; одну Морозов: «Опыты с измельчением сернистой ртути» и Веймарн заметку «О законе распределения Генри».

В части третьей Веймарн решил поместить продолжение «Обзора классификаций дисперсных систем в связи с механизмом

«истинного» и «коллоидного» растворения» и «Рефераты некоторых докладов Русскому химическому обществу в 1913 – 1916 гг.». Здесь же заявил себя и некто А. С. Леонов сообщением «О ближайших задачах использования природных богатств Дальневосточной окраины».

Сейчас для историка безусловный интерес представляли бы биографические сведения из «Хроники академической жизни», чем статьи, заметки или краткие сообщения. Но второму тому «Известий» не суждено было выйти в свет. Да и первый том читатели увидели только через два с половиною месяца.

Нет, рано к Веймарну пришло успокоение. Впереди его ожидал кошмар. Григорьев стал его злым духом. Он снова перестал платить наборщикам. Кельнер ушел. Рыбина Веймарну удалось уговорить с трудом «путем личной гарантии уплаты ему денег Григорьевым». Но тот и не думал платить. Тогда Веймарн потребовал, чтобы он написал счет на заработок Рыбина с доверенностью на получение денег наборщиком. Григорьев был прижат к стене. Счет написал. Веймарн, заняв 271 иену, расплатился с Рыбиным, и, таким образом, набор «Известий» удалось закончить. Но набор – это еще не завершение работы над журналом.

С 1 сентября, когда кончался срок аренды и типография должна была закрыться, недобросовестность Григорьева превзошла все границы. Веймарн уговорил ректора Восточного института Подставина и тот разрешил ещё две недели пользоваться типографией при условии, что в ней будут работать только над журналом. Григорьев поклялся в этом. Но что стоит клятва такого прохиндея. Вместо журнала он вновь стал печатать и брошюровать домовые книги.

18 сентября правление института уведомило Веймарна, что через четыре дня типография будет закрыта и что к этому дню печатание и брошюровка «Известий» должны быть завершены. Об этом был поставлен в известность Григорьев, который, округлив глаза, сказал, что тираж журнала будет готов 1 октября. Он опять солгал. Через неделю, 7 октября, оба ректора спустились в типографию и увидели, что в ней по-прежнему печатаются домовые книги, а для завершения работы над журналом потребуется еще не менее месяца.

Недобросовестность и непорядочность Григорьева были его имманентным свойством. О таких говорят: горбатого только могила исправит. По договору с УГИ он получил почти все деньги, а работу над журналом затягивал, чтобы удержать за собой институтскую типографию для выполнения выгодных заказов, которые арендным договором категорически не допускались. И его совершенно не интересовал журнал, для печатания которого он принял не квалифицированного печатника, а неопытного китайца, испортившего немало бумаги. Но для Веймарна чем дольше журнал находился в типографии, тем дороже он становился, потому что деньги «прогрессивно» дешевели и за работу, которая должна была быть закончена в сентябре, в ноябре пришлось бы платить в несколько раз большую сумму. А Веймарн и помыслить не мог о нанесении «недопустимого ущерба казне». Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы брошюровку журнала сделал Григорьев.

Поведав обо всех этих злоключениях членам Хозяйственного комитета, Веймарн резюмировал, что «отпечатанные листы «Известий» оплачены казною свыше 90 % их стоимости, и надо их как-нибудь сброшюровать самим, ибо институт в своих интересах должен опечатать типографию. На опечатание типографии будет вызван Григорьев и ему необходимо сообщить то или иное решение ... так как Григорьев привык уже не считаться с угрозой закрытия типографии, то, возможно, что он и не явится по вызову ... и на этот случай (мы. – В. Ф.) должны вынести свое решение...».

Какое же решение было вынесено? «Сообщить институту, что УГИ не считает для себя возможным злоупотреблять (его. – В. Ф.) любезностью ... и быть ширмой для В. А. Григорьева... Поэтому УГИ не возражает уже больше против опечатания типографии, но просит ... не выдавать В. А. Григорьеву отпечатанных листов «Известий» ... и прочего ... имущества УГИ, находящегося в типографии. В связи с явной недобросовестностью Григорьева и нанесения им ... существенного ущерба казне, считать, что (он. – В. Ф.) ... нарушил условия заказа и потому брошюровку «Известий» ему ... не передавать. Поручить комиссии из ... Веймарна, Морозова и Пентегова присутствовать при опечатании в ... типографии и уполномочить эту комиссию сообщить вызываемому ... для присутствия при опечатании типографии Григорьеву, в присутствии представителя милиции и представителей института

постановление Хозяйственного комитета ... (о вывозении. – В. Ф.) сфальцованных листов «Известий», отдельных оттисков из них, клише и казенной бумаги. В случае, если Григорьев на вызов ... не явится, то Хозяйственный комитет должен сообщить представителям института о решении УГИ взять брошюровку «Известий» у Григорьева и просить их подписаться на акте о вывозе листов «Известий» и прочего ... из типографии. Выдать Хозяйственному комитету два удостоверения с полномочиями на вывоз «Известий» из типографии; одно для милиции, другое для представителя институтской администрации».

Кризис кое-как разрешился, и 26 октября ректор со смешанным чувством удовлетворения и огорчения рассказал членам Совета, «что I том «Известий» вышел в свет» и доложил «о затруднениях, которые возникли при его издании, особенно вследствие недопустимого отношения к этому заведующего типографией В. А. Григорьева», в результате которого институт получил вместо 2000 лишь 960 готовых экземпляров журнала. Тираж Веймарн предложил разделить так: 60 экземпляров ему «для распространения по его личному усмотрению; 400 экз. он предполагает разослать ученым и учебным учреждениям за границей; по 2 экз. следует дать каждому члену Совета и Строительной комиссии. Остальные ... можно пустить в продажу, причем ... определить ... стоимость одного экз. ... в 10 золотых рублей».

Коллеги согласились с таким раскладом тиража, одобрили действия Хозяйственного комитета, который занимался приемом и вывозом из типографии сфальцованных листов журнала, бумаги, клише и другого имущества и ... выступили на защиту чести и достоинства Петра Петровича.

Кто же покусился на его доброе имя? Некто «Петроний» – журналист газеты «Воля», который ничтоже сумняшеся поместил в библиографическом отделе газеты рецензию на «Известия» и «позволил себе ряд недопустимых выпадов по отношению к ... Веймарну, обвиняя его в стремлении себя рекламировать ...». Члены Совета «не могли пройти мимо этой рецензии, направленной против своего особо уважаемого сочлена и в очередном заседании своем ... единогласно постановили обратиться к редакциям

местных газет независимо от их политической окраски с просьбой опубликовать» свое заявление.

Его текст был составлен по поручению Совета Пентеговым и Любарским и заслуживает быть приведенным полностью:

«Содержание «Известий»..., как ясно напечатано на последней странице обложки..., определяется постановлением Совета. Ни ректор ..., на которого возложено общее редактирование ..., ни секретарь Совета, ... редактирующий «Хронику академической жизни», не могут без санкции Совета, помещать в «Известиях», те или другие статьи, заметки, объявления и пр. Когда, по условиям печатания «Известий» сделалось необходимым сократить том на 5 печатных листов, то заслуженный профессор П. П. фон Веймарн произвел это сокращение исключительно за счет своей статьи ...

Никакого согласия на празднование десятилетия профессорской деятельности ... Веймарн не давал и не мог давать попросту потому, что никто никакого согласия у него на это не спрашивал. Совет Института считает своим неотъемлемым правом отмечать выдающиеся заслуги своих членов тогда, когда он находит нужным ..., руководствуясь исключительно значимостью заслуг этого лица. Совет только может выразить сожаление, что вследствие оставления соответственных материалов в Екатеринбурге, он не имеет возможности поместить в «Хронике академической жизни» исчерпывающей статьи о научной, педагогической и административной деятельности ... Веймарна с приложением полного списка его работ и отзывов мировой научной литературы о них...

Качественная сторона *смелых* (курсив. – В. Ф.), если не сказать большего, попыток рецензента дать оценку по существу статей ... Веймарна такова, что Совет не считает возможным даже остановиться на рассмотрении этих попыток.

Совет убежден, что культурная часть общества оценит по достоинству выступление рецензента газеты «Воля».

Щелкопер «Петроний» был посрамлен, и его скрипучее перо больше не брызгало ядом чернил на Веймарна. Благородное поведение Веймарна, его порядочность, терпение и выдержанность бывший арендатор типографии не оценил. Ему ещё причиталась небольшая сумма денег, от которой он не захотел отказаться и в середине ноября прислал в УГИ огромный счёт аж на 2537 золотых

рублей, полагая, видимо, что и этот номер у него пройдет. Не прошел. Счет не был принят к оплате, с Григорьева потребовали составить в 10-дневный срок новый счет, отвечающий условиям договора. Так закончилась история с изданием первого тома «Известий».

Что он из себя представлял? В журнале четыре отдела. В первом названном «Оригинальные теоретические и экспериментальные исследования», опубликованы статьи Веймарна, Петрова, Янека, Любарского, Елиашевича и Скаредова. Второй отдел – «Краткие сообщения», состоит из трех заметок Веймарна по различным проблемам дисперсоидологии. В третьем отделе «Успехи науки и техники» даны обзоры, рефераты и библиография о коллоидной химии, авторами которых являются Веймарн и его ученики. Четвертый отдел «Хроника академической жизни», составленный секретарем Совета института Морозовым, предназначен «для будущего историка института». В нем помещены воспоминания Веймарна «Несколько слов об Уральском горном институте», его речь при открытии занятий в институте 5 ноября 1918 г.; дана характеристика личного состава УГИ на 1 июля 1919 г., краткий отчет канцелярии по студенческим делам и три заметки Морозова, Шохата и Янека о научно-педагогической деятельности Веймарна в связи с десятилетием присуждения ему звания профессора. В томе помещены фото главного фасада здания УГИ, портреты Веймарна и почетных членов УГИ Магницкого, Симонова и Калугина.

Полиграфические достоинства «Известий» делают честь многим современным научным изданиям, хотя редактор и извинялся перед читателями за целый ряд недочетов, оправдывая их трудностями военного времени и вынужденной эвакуацией института. Журнал был в мягком переплете; его тираж составил 1000 экземпляров и, кроме этого, третий и четвертый отделы были изданы отдельно тиражом 500 экземпляров. На титульном листе изображен издательский знак в форме круга: внутри лаврового венка показан фрагмент фасада главного здания института и надпись по кругу «IPSA SCITNTIA POTESTASEST», что в переводе с латыни значит – «ЗНАНИЯ – СИЛА».

По каким городам и весям, странам и государствам разошелся журнал, сейчас не установить. Два экземпляра «Известий» хранится

в архиве Музея истории Горного университета: один со штампом библиотеки Уральского лесотехнического института, второй – со штампом Свердловского областного музея. Как они там оказались и кто их передал в Горный, тоже неизвестно. А вот в Екатеринбург их, вероятно, привез или Модест Онисимович Клер, или Трофим Титович Усенко. Теперь это раритеты, страницы которых эманерируют ароматом истории.

Но ставить точку в истории журнала рано. Одновременно с изданием «Известий» во Владивостоке в Екатеринбурге тоже велась работа над публикацией журнала с таким же названием. Её инициаторами были оставшиеся на Урале преподаватели УГИ. Но они не обладали такой высокой редакционно-издательской культурой, какая была у Веймарна. Поэтому изданный ими в конце 1920 г. журнал был посредственным и по содержанию, и особенно по оформлению. Он представлял собою не отдельную книжку, а шесть самостоятельных оттисков-брошюр. Поскольку в это время Горный входил в состав Уралуниверситета, то на титульных листах оттисков сверху одной строчкой было напечатано «Уральский государственный университет», а ниже в две строчки: «Известия горного института». Тираж оттисков был всего 400 экземпляров и отпечатан он был на 1-й Уральской государственной типографии.

Все статьи были подготовлены к публикации в июне-августе-сентябре 1920 г. В первом номере-оттиске была помещена статья Горина «О некоторых свойствах кривых, полярных системе софокусных коник». Она представляла собою часть более общей работы автора «Теория фокусов конических сечений и поверхностей второго порядка», за которую он, учась в Казанском университете, получил золотую медаль. С пожеланием издать эту работу в «Известиях» он впервые обратился в Совет УГИ ещё 26 ноября 1917 г., попросив, в свою очередь, Совет «обратиться на физико-математический факультет Казанского университета с просьбой выслать оригинал работы». Автором второго оттиска был Л. М. Иольсон, посвятивший статью вопросу «Влияния времени и условий хранения портландцемента». Содержание третьей статьи «К вопросу о передаче тепла лучеиспусканием» было доложено её автором Усенко ещё в декабре 1918 г. на заседании кружка профессоров и преподавателей УГИ. Сам Трофим Титович к моменту публикации статьи был ещё во Владивостоке, работая там

профессором кафедры прикладной механики. Имя четвертого автора сейчас мало кому известно. Это некто Ю. М. Колосов. Его статья называлась «Наши современные знания о фауне насекомых Екатеринбургской и Пермской губерний». А вот авторами двух следующих статей являлись известные ученые: будущий выдающийся кристаллограф XX века Шубников и металлург и теплотехник Грум-Гржимайло. Статья Алексея Васильевича называется «Геометрическая теория роста кристаллов», статья Владимира Ефимовича – «Теория и конструкция сушил».

Екатеринбургский номер «Известий УГИ» тоже стал первым и последним в своем роде. В 1921 и 1922-1923 годах издательство Уралуниверситета выпустило II и III тома «Известий Уральского государственного университета», посчитав за I том «Известия УГИ». Авторами нескольких статей в этих томах были профессора и преподаватели и Уральского горного института, и Горного института. Некоторые из них позже работали в Свердловском горном институте.

Николай Порфирьевич Горин опубликовал в «Известиях УрГУ» две статьи: «Некоторые свойства фокальных кривых софокусных поверхностей второго порядка» и «О сложении сил в пространстве Лобачевского (статика на плоскости)». Научная деятельность Алексея Васильевича Шубникова в Екатеринбурге только-только начиналась. Количество работ, опубликованных им за уральское пятилетие с 1920 по 1925 годы, невелико и соавтором одной из них – «Кристаллы солола с кривыми гранями» – был известнейший в будущем ученый-химик Сергей Григорьевич Мокрушин. Очень плодовитыми на публикации были два физика – Надежда Васильевна Галли и Александр Михайлович Титов. Вместе и по отдельности они опубликовали в «Известиях» четыре статьи, тематику которых инициировала очень популярная и мало понятная в то время теория относительности: «Законы преломления света в движущейся среде», «Законы отражения света в движущейся среде», «Вывод закона отражения света от движущегося зеркала на основании теоремы сложения скоростей Эйнштейна», «The deviation of light in a moving medium». Галли не увидела своих публикаций, поскольку в 1921 г. уехала с мужем Шохатом за границу. Титов проработал на Урале до 1927 г.; потом преподавал в Узбекском университете и Краснодарском институте пищевой

промышленности. Он является основоположником советской научной школы гелиофизики, впервые показавшим на практике, как можно использовать солнечную энергию. Не увидел своей публикации «О функциях, наименее уклоняющихся от нуля в бесконечном промежутке», и Яков Александрович Шохат.

Любому автору особенно дорога его первая публикация, если она, конечно, как первый блин не вышла комом. Федор Федорович Павлов – будущий заведующий кафедрой геодезии в Свердловском горном институте, свою первую работу «Применение графостатики к определению вероятнейших координат геодезического уединенного пункта» опубликовал в III томе «Известий УрГУ». В этом же томе была напечатана статья Александра Ивановича Смирнова «Об определении наивыгоднейших размеров шахтных полей и выемочных участков при разработке пластовых месторождений», положившая начало его основополагающих исследований в области оптимизации работы шахт.

Со времени выхода в свет «Известий» прошло почти сто лет. То, что в них было напечатано: статьи, обзоры, заметки, рефераты – сейчас имеет только историческое значение как образец первых научно-академических публикаций тех, кто стоял у истоков высшей школы Урала. Это память о них и памятник их научно-педагогическому подвижничеству.

«ПУСТЬ НАША ЖИЗНЬ БУДЕТ ВСЕГДА ВОСКРЕСЕНЬЕМ!»

«Наше студенчество»

22 сентября 1918 г. начальник 7-й Уральской дивизии горных стрелков генерал-майор Владимир Васильевич Голицын (1878 – ?) издал приказ № 23, распорядившись прочесть его «во всех ротах, эскадронах, батареях и командах дивизии». Текст приказа писал, конечно, не он, а кто-то из штабных, может быть начальник штаба полковник Рудольф Карлович Бангерский (1878 – 1958) или старший адъютант поручик Родыгин. Скорее всего, поручик, основываясь на донесениях и на эмоциональных рассказах участников боевого эпизода, потому что стилистика документа более отражает душевное состояние и миропонимание адъютанта, хотя бы и старшего, чем прошедшего огонь и воду полковника, видевшего не раз гибель однополчан и ставшего сдержанным в проявлении чувств.

Спустя две недели приказ генерала, окантованный заголовком «Наше студенчество», был опубликован в газете «Зауральский край». Если бы не газета, то так бы и осталось неизвестным одно из многочисленных трагических событий гражданской войны на Урале. А сколько их ещё до сих пор запечатано черными печатями небытия?

«Наше студенчество». Кто оно? Прежде всего это студенчество Уральского горного института. Но не только. Первая мировая война, две революции и, как говорил Веймарн, гражданская распря вынудили студентов различных учебных заведений покидать, охваченные смутой города и уезжать туда, где можно было, не опасаясь за свою жизнь, пережить лихое время, не бросая учёбу. Урал, Екатеринбург и Горный институт им казался таким надёжным местом или, может быть, у них не было другого выбора. Но и здесь они попали из огня, да в полымя.

Наше студенчество! «В бою 17 сентября под с. Покровское участвовала батарея штабс-капитана Лоренца. Около 19 часов появился бронепоезд красных на близком расстоянии от батареи, которой командовал прапорщик Башков, и был прямой наводкой двух пушек разбит. Паровоз ушёл, но вернулся, чтобы увезти

подбитую часть поезда. Огнём той же батареи наводчиками Фридманом и Кожевниковым, паровоз принуждён был скрыться.

Огонь батареи был перенесён на колокольню, где находились пулемётчик и наблюдатели. Наблюдатели ретировались, так как купол несколькими выстрелами был разрушен. Около 20 часов красные открыли артиллерийский огонь по батарее из трёх орудий. Огонь накрыл батарею, но ни один человек не покинул позицию и только когда на батарее осталось четыре человека ... они под командой юнкера Фридмана покинули позицию.

Юнкер Фридман, Благин и Андреев вынесли на руках Башкова (у него была оторвана левая нога и ранена правая. – *В. Ф.*), который, несмотря на боль, успел отдать приказ об отступлении. Прапорщик Петров остался на батарее и после ухода номеров и погиб.

Студенты добровольцы-телефонисты Иванов и Астранцев ушли с батареи под адским огнём, унеся провода и аппараты.

Под огнём же, изнемогая под тяжестью прапорщика Башкова, раненый Благин потерял сознание и был вынесен ездовым и фейерверкером Дукклем. Первую помощь Башкову оказал фельдшер-студент Красовский, отрезав ногу.

Орудия из под огня вывезли фейерверкер Дуккель с ездовым под руководством Фридмана. Батарея с остатками номеров была приведена в боевое состояние и скоро была готова для ведения огня по противнику».

Герои! Несомненно, кто бы я ни был по политическим убеждениям или если бы даже у меня их не было совсем. Они были верны присяге и до конца исполнили свой солдатский долг. «Горжусь такими героями! – Воскликнул генерал Голицын.- Преклоняюсь перед их исключительной доблестью!»

Кто из названных в приказе был студентом-горняком, установить не удалось. Может быть, среди подчинённых штабс-капитана Лоренца их не было. Но они были в других частях дивизии. Её формирование началось 6 августа 1918 г. по приказу командующего Сибирской армии генерала А. Н. Гришина-Алмазова (1880 – 1920).

Уже в день объявления приказа только в Екатеринбурге к сборным пунктам явилось более семи тысяч добровольцем, при том, что в городе в это время проживало 83574 человека; 5633 из них были зачислены в строевые части. Первыми формированиями

дивизии стали 1-я офицерская и студенческая роты, участвовавшие в оборонительных боях за Екатеринбург, потом в наступательных операциях в районе Пышмы, Балтыма, Билимбая, Режевского завода и вдоль линии горно-заводской железной дороги.

Первые бои, первые потери. 9 сентября в братской могиле на Михайловском кладбище был погребён студент Василий Обухов – племянник Александра Евлампиевича Обухова. Один из братьев Василия был ранен, а двух Бог пока миловал. Члены Совета УГИ почтили его память вставанием и послали семье письмо-соболезнование.

Студенческой ротой командовал коренной уралец, участник первой мировой войны, капитан Борис Аполлинарьевич Герасимов (1896 – 1970) – старший брат выдающегося советского кинорежиссёра Сергея Аполлинарьевича Герасимова (1906 – 1985). В январе 1919 г. его, уже полковника, назначили командиром 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков, шефом которого был адмирал А. В. Колчак (1873 – 1920). Он был награждён Георгиевским крестом, участвовал в Сибирском ледяном походе. В 1920 г. его, больного тифом, пленили партизаны. Полгода он просидел в тюрьме в Екатеринбурге, потеряв надежду выйти из неё живым. Спасла его жена Инна Сергеевна Архипова, выкупившая мужа у чекистов в конце 1921 г. Каким образом? Тайна. Получив свободу, он стал ... оперным певцом. Выступал в театрах Иркутска, Екатеринбурга, Москвы, учился в художественной студии В. И. Немировича-Данченко, а с 1944 г. и до конца жизни работал хормейстером в Волгоградском театре оперетты.

Развал, а затем и ликвидация царской армии оставили не у дел десятки тысяч кадровых офицеров. Для капитана Герасимова Урал был родиной, в Екатеринбурге жили его родители, в гимназии учился брат Сергей, а вот что заставило приехать в уральскую столицу осенью 1917 г. 33-летнего полковника Александра Ивановича Лабунцова (1884 – 1963), неизвестно.

Его родина Владикавказ, он – Георгиевский кавалер, закончил Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Но выбор Урала явился для него судьбоносным. Увлечение естественными науками привело Лабунцова в Горный институт. Он

стал студентом, был принят в члены УОЛЕ, а чтобы прокормить себя (и, может, быть семью) пошёл служить помощником военрука Екатеринбургского военного комиссариата. С большевиками в июле 1918 г. он не ушёл, остался в городе и в августе был назначен командиром артдивизиона в 7-й Уральской дивизии. Вероятно, под его началом служил кто-то из однокурсников по Горному институту.

В гражданскую войну военная карьера делалась быстро, тем более для офицера с таким боевым опытом, какой был у Лабунцова. Дивизионом он командовал недели две, потом его откомандировали в штаб Сибирской армии, а в марте следующего года он уже был командиром 1-й Ударной Сибирской бригады, развёрнутой позже в дивизию. С этой частью он и отступал всё дальше и дальше на восток, пока в начале 1920 г. его не взяли в плен под Красноярском. Ему фантастически повезло. Он прошёл без репрессий чекистскую фильтрацию. Поработав немного в Череповце в краеведческом музее, он перебрался в Петроград, где в 1924 г. окончил университет по геологической специальности, завершив, таким образом, образование, начатое в Екатеринбурге.

Он прожил долгую, полную опасностей, лишений, трудов и открытий 79-летнюю жизнь, став выдающимся геологом – первооткрывателем уникальных месторождений апатита в Хибинах, нескольких месторождений радиоактивных руд и двух минералов; один из них он назвал ферсманитом в честь своего учителя академика А. Е. Ферсмана (1883 – 1945), второй был назван в честь него самого – лабунцевитом.

Война ненасытна на «пушечное мясо». Мобилизации студентов следовали одна за другой, сначала в красную, потом в белую армии. Они буквально опустошили институт. В 1918/19 учебном году число студентов, главным образом студенток, едва достигало ста человек. Оставшиеся в институте морально и материально поддерживали ушедших в армию. 12 января 1919 г. в здании первой женской гимназии был организован ставший уже традиционным концерт-бал в пользу Екатеринбургского союза учащихся в высших учебных заведениях.

На следующий день в газете «Горный край» было напечатано, что «Бал прошёл оживлённо, хотя в настроении публики чувствовалась какая-то новая ... нотка серьёзности. Бросалось в глаза почти полное отсутствие студенческих мундиров.

Большинство сменило их на военную форму и для многих ... студенческий бал являлся лишь кратким светлым отдыхом от тяжёлой боевой страды. Зал, буфет, коридоры переполнены молодёжью. Танцы затянулись до утра. Концерт-бал имел не только художественный, но, по-видимому, и материальный успех».

«Материальный успех» концерта-бала составил 10 тысяч рублей. Эти деньги студенческая организация УГИ отчасти использовала для покупки тёплых вещей мобилизованным, объявив через газету, что «в связи с мобилизацией от 18 до 25-летнего возраста всех окончивших не менее 4-х классов, студенческая организация УГИ возбудила ходатайство ... по изысканию средств для Народной Армии о снабжении призываемых студентов валенками и полушубками. Все расходы по приобретению ... студенческая организация берёт на себя, и призванные студенты будут снабжаться бесплатно. Кроме того, Американский Красный Крест предложил снабдить призванных тёплым бельём и чулками».

Весной 1919 г. началась агония Белого движения на Урале и в Сибири. Она продолжалась около года. 25 декабря 7-я Уральская дивизия, в которой служили студенты-горняки, почти полностью полегла у деревни Дмитриевской, прикрывая отход в Щегловскую тайгу 3-й армии. Те, кто тогда не погиб, через неделю сдались красным у деревни Алтайской.

Доля побеждённых всегда трагична. Особенно в гражданскую войну. Победители бывают великодушными только в романах. А героическая романтизация «комиссаров в пыльных шлемах», которых воспевал Б. Окуджава (1924 – 1997) – ложь. Пленные проходили через фильтрационные комиссии, которые устанавливали меру их вины и выносили им приговоры: виновен или невиновен. Виновных расстреливали, невинных отпускали, но не на все четыре стороны. Ещё 7 октября 1919 г. Совет народных комиссаров обнародовал декрет о мобилизации специалистов-горняков, а в апреле 1920 г. был издан приказ по 1-й Трудовой армии о возвращении всех инженерно-технических работников, в том числе и студентов Горного института, на Урал для возрождения промышленности, которая находилась в состоянии полной разрухи.

С отступавшей колчаковской армией в Сибирь уехало около 90 % инженеров; несколько десятков из них, особенно крупные специалисты, управляющие горными округами и региональными

органами промышленности, навсегда покинули страну, переселившись в США, Англию и Францию.

Резэвакуация проходила тяжело. Сибирские органы власти активно её саботировали. Им тоже нужны были специалисты. В декабре 1920 г. председатель Уралпромбюро К. Г. Максимов, оценивая результаты резэвакуации, писал: «Согласно последнего категоричного распоряжения А. И. Рыкова (1881 – 1938) (Рыков был председателем ВСНХ. – *В. Ф.*), все бывшие уральцы подлежат немедленному возвращению на Урал. Предлагаю срочно составить списки на известных, находящихся в Сибири уральцев, по возможности с указанием адресов или мест их теперешней службы и кем были раньше на Урале».

К концу года на Урал вернули 380 инженеров, которых сразу закабалили трудовой повинностью, не дав взамен почти никаких материальных благ. Если в 1914 г. зарплата высшего технического персонала в четырнадцать раз превышала зарплату рабочего, то в 1920 г. – только в 1,7 раза, при том, что зарплата самого рабочего в это время была в три раза меньше, чем в 1917 г. Но даже при чрезвычайных мерах инженерно-технический потенциал уральской промышленности всё же был ниже довоенного. А естественная и насильственная убыль специалистов не восполнялась выпускниками Горного института. Их ещё не было. Их ещё предстояло выпестовать, в том числе и из тех, кто был резэвакуирован из Сибири.

Если бы ... Коротка частица «бы». Впору её и не заметить. Но для многих студентов, возвращавшихся из ледяного ада сибирской тайги, она стала роковой. Сколько кругов ада они прошли? В Екатеринбурге им был уготован последний. Самый страшный. Это как будто бы о них в глухом окаменении тоски сказал Аркадий Несмелов: «Вспомяни старик историк. Вспомяни о нас...».

Исполнить завещание бывшего белого офицера выпало мне. Он дошёл до края России; в 1924 г. бежал из Владивостока в Харбин, но в августе 45-го был там арестован и этапирован туда, откуда бежал, чтобы через месяц умереть на родине узником пересыльной тюрьмы.

Третьего мая 1920 г. в Горном институте заседала Комиссия по проведению поверочного сбора студентов: председательствовал Б. Полудин, протокол писал Кирюхин, а Брагинский и Фофанов

исполняли при них роль членов. На повестке был один вопрос: «Заявления тов. Членов Комиссии о лицах, приехавших из Сибири, и о том, какие сообщения они сделали во время их опроса». Постановление, состоявшее из двух частей, было суровым. Под литерой «А» в протоколе было написано:

«Считать не принятыми в число студентов Уральского горного института следующих лиц: Трифанов, Фесенко И., Фесенко Ф., Лаврентьев, Кузнецов М., Нагаев Б.

Как активных участников в борьбе против Советской власти и, кроме того первых трёх ещё как добровольцев в Белую армию. О всех их довести до сведения Губернской Чрезвычайной комиссии».

Фамилии всех студентов кем-то в ГубЧК были объединены скобкой, выполненной красными чернилами, а рядом со скобкой сделана помета: «Срочно арестовать. 10/V(подпись)».

Список студентов под литерой «В» был длиннее: «Считать, что отношение следующих лиц: Зорина, Маркова-Яковлева М., Астраханцева С., Уржумцева А., Типикина, Иванова А., Янченко, Куклин Н., Баранский И., Бывальцев, Андреев А., Родионов И., Новиков Н., Диев Н., Цайц С. к советской власти не выясненным, о чём довести до сведения Коммунистической ячейки Уральского горного института». И к этому списку был тоже сделан красночернильный комментарий: «Взять на учёт. 10/V(подпись)».

Комиссия, вероятно, заседала не раз, передавая списки «неблагонадёжных» студентов в ГубЧК. Как сложилась их судьба? Достоверно можно сказать только о тех, чьи следственные дела, хранящиеся в архиве. Мне довелось изучить дела: Кобякова В. Г., Лаврентьева Ф. И., Ладыгина В. Ф., Маркова-Яковлева М. П., Султинского А. П., Фесенко И. А., Фесенко Ф. А. Вот о них я и расскажу – «вспомяну».

Чекистская репрессивная машина работала споро. Возвращавшихся домой встречали не только родные и близкие со слезами радости, но многим из них были приготовлены места в двух исправительных домах, двери которых открывались только в одну сторону. Один дом создали возле Ивановского кладбища, второй – в квартале улиц Декабристов – Тверитина и Обсерваторская – Кузнечная. Заместитель председателя ГубЧК, некая Штальберг, днём выносила смертные приговоры, а ночью спускалась в подвалы

и приводила их в исполнение. Победители сатанели от крови своих жертв.

29 мая 1922 г. в городе прошли массовые аресты. Среди арестованных был Эдуард Ромуальдович Гусарский. Он умер от сыпного тифа 14 августа в Доме заключённых № 2. Заключённые, люди образованные и интеллигентные, ожидая своей участи, издавали рукописный литературный сборник «Порыв» под редакцией заведующего учебно-воспитательной частью А. В. Лебедева. В нём они и почтили память умершего товарища, написав, что покойный окончил два факультета Киевского университета: медицинский и юридический; что в молодости много путешествовал по Америке, Индии, Африке, побывал почти во всех европейских странах; что на Урал приехал с Веймарном и был его ближайшим сотрудником по образованию канцелярии и лабораторий в Горном институте, потом и в Уральском университете. «Мир твоему праху, работник науки», – скорбно закончили некролог сидельцы камеры № 1, возможно, завидуя покойному. Ведь для него всё закончилось, а их ещё ждала зловещая неизвестность.

В 1924 г. в Екатеринбурге на гастролях была Айседора Дункан (1877 – 1927). В одном из писем она поделилась впечатлениями о городе с приёмной дочерью Ирмой: «Ты и представить себе не можешь, какой кошмарной может быть жизнь, пока не увидишь этот город. Возможно, что убийство здесь некой семьи в подвале (семьи Николая П. – В. Ф) ... причина того, что здесь всё так мрачно .... Когда идешь по улице, регулировщик вопит «права» или «лева» и наставляет на тебя наган». Её поразило, что в городе не было парикмахерских и ресторанов, не гуляли дамы, «будто их всех расстреляли».

Виталий

Виталий Кобяков был арестован 12 мая 1920 г. В этот же день на него завели следственное дело, и в этот же день оно было окончено. Таким было революционное правосудие. Фактически это был страшный произвол и беззаконие. Всю его жизнь втиснули в один день как в прокрустово ложе.

Он родился 24 апреля 1895 г. на Берёзовском заводе и был первенцем у родителей – Григория Ивановича и Марии Васильевны. После него они произвели на свет ещё трёх сыновей – Алексея, Сергея, Галактиона и пять дочерей – Евдокию, Марию, Зою, Маргариту и Антонину. В 1920 г. большая и дружная семья Кобяковых жила в доме на улице Розы Люксембург (бывшей Златоустовской) в квартире заведующего хозяйством Губернского отдела народного образования, каковую должность занимал Григорий Иванович. Отсюда, до особого отдела ГубЧК, который занимал бывшую усадьбу купца М. М. Скачкова, располагавшуюся на углу улицы Антона Валека (бывшая Большая Съезжая) и проспекта Льва Троцкого (бывшая Уктусская), было недалеко. Виталий шёл к чекистам, возможно, один, без конвоира. Шёл, конечно, не думая, что его жизнью уже кто-то распорядился и, что он в последний раз видит знакомые улицы, дома, людей и уже больше не увидит отца и мать, братьев и сестёр.

Придя в отдел, он положил на стол следователя все свои документы. Билет на право сдачи поверочных испытаний в УГИ, подписанный деканом Петровым, студенческое удостоверение, выданное 19 октября 1918 г., за подписью Веймарна. Ещё два удостоверения. Оба он получил в Томске. Одно было дано ему 6 апреля 1920 г. приёмной комиссией при Томском уездном комиссариате по военным делам о том, что он по результатам медосмотра «признан не годным и уволен вовсе от службы», а второе вручили девять дней спустя в лагере для военнопленных. Следственная комиссия лагеря, рассмотрев дело белого офицера Кобякова, постановила прекратить его, признав невиновным.

Из Томска, получив воинский билет для проезда по железной дороге (его он тоже принёс следователю), Виталий уехал 23 апреля по предписанию местного Совнархоза как горный техник и «по личной просьбе» в распоряжение Екатеринбургского совнархоза. Почему как горный техник? Да потому, он ещё в 1914 г. окончил Уральское горное училище и до мобилизации почти год, до 1 мая 1915 г., заведовал горными работами на Атбасарском медном руднике в Акмолинской области. А приехав домой, сразу же получил в Урало-Сибирском областном бюро учёта и распределения технических сил направление на работу в Райзолото.

Как будто бы документы безупречны и не дают повода обвинить в чём-то Кобякова. Но может быть, он не всё рассказал о своей воинской службе членам Чрезвычайной следственной комиссии в томском лагере? Что-то важное утаил, а екатеринбургские чекисты его «разговорили»? Таких как, он, уничижительно называли «беженцами, вернувшимися в Советскую Россию из стана Колчака».

Виталия мобилизовали в царскую армию 19 мая 1915 г. (опять месяц май) рядовым, а поскольку он был образован и горный техник, то его отправили до сентября в школу прапорщиков инженерных войск, после окончания которой он до конца войны служил на тыловом объекте под названием 12-е строительство на Северном фронте в Финляндии, сначала помощником прораба, потом младшим и старшим прорабом, поэтому в боевых действиях не участвовал. К апрелю 1918 г., когда 12-е строительство вместе с Северным фронтом было ликвидировано, Виталий был уже подпоручиком.

В офицерской форме только без погон он вернулся домой уже в советский Екатеринбург и, решив, что навоевался, устроился техником в квартирный отдел Уралвоенкома.

С красными не отступил. Остался в городе, полагая, что таким образом он из двух зол выбирает меньшее, а кроме этого, у него было намерение поступить в Горный институт. В институт он поступил, но ещё раньше, в августе, его мобилизовали в белую армию, назначив старшим офицером инженерной роты 7-й Уральской дивизии горных стрелков. Так меньшее зло стало оборачиваться большой трагедией. Из-за службы у красных ему не доверяли, поэтому вскоре понизили в должности до младшего офицера. Но этим всё и закончилось.

Его пленил разъезд красных 28 декабря 1919 г., когда он, отстав от своей части, ехал в Мариинск. Через несколько дней, в январе, он был допрошен следственной комиссией 5-й армии и без предъявления обвинений отправлен в лагерь в Томск. Война закончилась для него сыпным тифом и «правопаховой грыжей со значительным выпадением внутренностей в мошонку». Других наград и званий он не удостоился.

Защищая себя на первом и единственном допросе, он говорил, что беспартиен, что его инженерная рота никогда карательным отрядом не была и никого не расстреливала, и в контрразведке

знакомых у него нет, и никто обвинений ему не предъявлял, и что он даёт обещание «честно и добросовестно исполнять обязанности по службе» и уже имеет «предписание отправиться в Райзолото на ...техническую службу». А в конце назвал четырёх знакомых, которые могут за него поручиться.

Следователь, если этого сотрудника ЧК можно назвать следователем, из четверых «знакомых» выбрал соседа Виталия по дому – некоего Николая Старцева. Почему именно его и почему он был допрошен не 12, а 25 мая? Достоверно неизвестно. Возможно потому, что предъявить по существу Кобякову было нечего, но он должен был быть обязательно осуждён. И тогда следователь, обиняком узнав, кто из поручителей мог дать против Виталия нужные показания, остановился на Николае.

Кто он такой Николай? 30-летний уроженец Новгородской губернии, образование – начальное училище, токарь, женат, коммунист. Семья Старцевых поселилась в доме, где жили Кобяковы, в 15-м или 16-м году. Вероятно, они были беженцы. Поскольку на допросе Николай сказал, что «он (Виталий был в это время. – В. Ф.) на фронте германской войны и во время Керенского занимал командную должность. В 1918 г. после демобилизации ... он приехал в ... Екатеринбург, в каком чине точно не помню, но, кажется, прапорщиком. Меня с ним познакомили его родители, и я увидел, что он интеллигент до костей с привычками офицера царской армии. Убеждения его в 1918 г. были кадетские, так что он это (так в тексте протокола. – В. Ф.) время порицал даже социал-революционеров, а уж о коммунистах и говорить не хотел. Работал он в военном квартирном отделе только из-за того, чтобы быть на месте. Когда начинали говорить об отступлении из города ..., он явно насмеялся над удиравшими коммунистами (по его выражению), и когда узнал, что я тоже уезжаю, то говорил, что всё равно им никуда не удрать потому, что большевики все окружены, и им будет капут, а часто во время царствования Колчака говорил, что уже теперь Николаю (то есть мне) не вернуться при отступлении.

При отступлении советских войск он с первого же дня одел свой мундир с погонами и взял на себя охрану ... своего района как бывший офицер и в этом деле опытный. Его семья почти вся контрреволюционная, а также родственники. Брат его (отца. – В. Ф.)

Иван Иванович ... бывший торговец, учредилонец, недавно вернулся от белых, сын у которого служил в армии Колчака добровольцем, так же как и Виталий Кобяков. А потому, ввиду вышеизложенного, от поручительства отказываюсь и прошу его привлечь к ответственности как не эвакуировавшегося (так в тексте протокола. – В. Ф.), служившего в советском учреждении и при том добровольца Колчака».

Что заставило Николая дать такие показания против Кобякова? Мстительная зависть, тяжёлая, доводящая до умопомрачения: ты – горный техник, студент института, офицер, кичился передо мной, насмехался, считал меня ничтожеством; так получи же за это; я тебя уничтожу.

Вместе с Николаем был допрошен и его 57-летний неграмотный отец-пенсионер Василий Андреевич. Старик оказался мудрее и дипломатичнее. Ему, вероятно, было стыдно перед соседями за сына. Ведь с ними жить, им смотреть в глаза. Как? Поэтому на вопросы следователя он отвечал: нет, не знаю, а о привлечении граждан на дежурство по охране порядка сказал, что Кобяков был только старшим десятка; дежурных же назначал квартирный староста.

Следователь по кличке Работник составил сводку сведений о Кобякове только на основании показании Старцева, добавив от себя, что Кобяков при Керенском был командиром «какого-то полка», что «добровольно принял район по охране города до прихода чехословацких войск, а также организовывал облавы на красноармейцев и коммунистов». Содержание сводки стало основой для «Заключения», написанного 26 мая следователем особого отдела ВЧК при Совтударме I: «предлагаю Кобякова Виталия Григорьевича – расстрелять». В тот же день «Комиссия по фильтрации пленных офицеров колчаковской армии, утверждённая Наркомвнудел, Предвечека, Предсовтударм I в составе ..., рассмотрев дела о белогвардейских офицерах, поименованных в списке № 19 в числе 17... человек, постановила: ... расстрелять»

В числе этих семнадцати был и студент Уральского горного института Виталий Григорьевич Кобяков, реабилитированный спустя 72 года.

Фёдор

Среди семи смертных грехов на втором месте стоит зависть, перед ней гордость и уже после неё гнев, леность, алчность, чревоугодие и сладострастие. Зависть в какой-то мере и погубила Кобякова. Мечь и доносительство – грехи не смертные, хотя благодаря им немало людей было обречено на смерть, в том числе ещё один студент Горного института Фёдор Иванович Лаврентьев.

4 мая 1920 г. в Губернское отделение уголовного розыска явился письмоводитель Сергей Горбук, уроженец Витебской губернии, проживавший в это время в Екатеринбурге на Глуховской набережной в доме Богословской и донёс дежурному агенту, что в кинематографе «Художественном»... нечаянно видел бывшего офицера колчаковской армии гражданина Лаврентьева ..., который при белых принимал строгие репрессивные меры к тем, кто осмеливался не подчиняться его требованиям. Кроме того, его убеждения были контрреволюционными. В беседах с другими офицерами он отстаивал строй монархический. Поэтому, – просил доносчик, – применить к нему меры ... и расследование о его отношении к советской власти теперь». И пошла писать губерния, точнее ГубЧК.

На следующий день Фёдора арестовали. В уголовном розыске его допросил помощник начальника Д. Шпигельман и препроводил в ГубЧК «на распоряжение». Тяжёлым в доносе Горбука было обвинение в репрессиях, но Фёдор отвёл их, заявив: «Виновным себя в применении репрессий по отношению к оставшимся советским войскам во время пребывания моего в городе Екатеринбурге не признаю».

Чекисты Фёдора знали, поскольку в Особом отделе ВЧК при Совтрударме I находилось его дело. Оно было заведено, когда он, вернувшись из Сибири, пришёл к ним зарегистрироваться как бывший белогвардейский офицер. Тогда, 14 апреля, Особая комиссия признала его «годным на продолжение учения в Горном институте при условии строгого политического надзора» за ним и выдала ему соответствующее удостоверение.

Несмотря на это, чекисты его опять допросили и он их снова заверял в том, что «за время службы в Белой армии в карательных отрядах не состоял и репрессивных мер ни к кому не применял», что часть его «всегда отступала, поэтому расстреливать было

некогда. Перейти же (к красным. – В. Ф.) не мог потому, что всегда находился в тылу» и что теперь он только желает «окончить образование и быть полезным инженером». Своими поручителями он называл профессоров института, а «из них, – написал он в протоколе, – хорошо знает меня профессор Шубников».

Фёдор действительно очень много работал с Алексеем Васильевичем Шубниковым, занимаясь под его руководством изготовлением из дерева моделей кристаллов различных минералов. Некоторые из них сохранились и находятся в Музее истории Горного университета. Это мастерская работа, которую, зная высокую требовательность Шубникова, выполнить мог не всякий.

Отпустили его и в этот раз, взяв с него подписку о лояльном отношении к власти. В этом документе он написал: «...я обязуюсь все имеющие быть мне порученными работы исполнять честно и добросовестно, не проявляя ни в какой форме лени или саботажа. Я обещаю отнюдь не заниматься агитацией и пропагандой идей, имеющих целью свержение существующего правительства. За несоблюдение сего я готов отвечать перед Рабоче-крестьянским правительством по законам военно-революционного времени со всей тяжестью их наказаний до высшей меры их – расстрела – включительно».

Опять ему выдали удостоверение о благонадёжности, и он, успокоившись, уехал в командировку в Камышлов.

На допросах в уголовном розыске и в особом отделе ЧК Лаврентьев, как мог, защищал себя, ведь в системе революционного правосудия адвокатов не было. Отвечая на вопросы, рассказывая о себе, а делал он это охотно и многословно, поскольку был эмоционален и креативен: он что-то «забывал», что-то переиначивал, на чём-то важном, по его мнению, делал акцент, чтобы создать у следователя благоприятное впечатление о себе. Это естественное поведение человека, стремившегося спастись от наказания за проступки или преступления, которых он не совершал, помня поговорку: ложь во спасение не ложь. Протоколы допросов, как машина времени позволяют, если не узнать, то хотя бы увидеть минувшее.

Фёдор родился 1 марта 1897 г. в селе Сорочинском Самарской губернии. Семья Лаврентьевых была большой. На момент ареста

Фёдора у его родителей, 70-летнего отца Ивана Никифоровича, кустаря-мыловара и 65-летней матери Ольги Фёдоровны было ещё три сына и две дочери. Старшие сыновья Александр и Константин воевали; один за белых, второй за красных. Вот что такое гражданская война.

У отца до революции дела, видимо, шли неплохо, поэтому Фёдор окончил в Самаре реальное училище, а потом уехал в Саратов и поступил там в филиал Киевского коммерческого института. За юношескую браваду и максимализм он расплатился первым арестом, о котором рассказал на одном из допросов, поставив его себе в заслугу и защиту: «Мне теперь 23 года, а мобилизован я ещё царским правительством, когда мне минуло 18 лет. Тогда я был студентом Киевского коммерческого института. Незадолго до мобилизации, весной 1915 г. я в нашем сельском саду (в Сорочинском. – В. Ф.) ... высказался о монархических порядках и на другой день был арестован подслушавшим меня агентом охраны. Но благодаря связям мне удалось через день освободиться из-под ареста» и от греха подальше уехать в Самару, устроившись в земство руководителем сельскохозяйственной переписи».

Гражданская жизнь продолжалась недолго. Через месяц он был вызван телеграммой к Бузулукскому воинскому начальнику, мобилизован и отправлен в учебный батальон в Царицын, а из Царицына в Оренбургскую школу прапорщиков. Через пять месяцев Фёдор стал прапорщиком. Первый и единственный офицерский чин он получил в канун Февральской революции, 16 января 1917 г. На фронт его не отправили, а командировали служить в Екатеринбург в 16 роту 149 запасного пехотного полка.

«Так, – вспоминал Фёдор, – началось моё мытарство. На счастье произошла Февральская революция ... в октябре 1917 г. (Я. – В. Ф.) был уволен в первобытном состоянии полка (правильнее по общей мобилизации. – В. Ф.) и поступил в местный горный институт». Он учился на механическом факультете, учёба его увлекла. «Я успешно занимался наукой», – говорил он следователю, а поскольку у него были золотые руки, то он много работал, занимаясь оборудованием лабораторий и кабинетов. Всё, что было связано с институтом, было ему дорого и, может быть, свято. Он бережно пронёс в своём ранце по военным дорогам

потёртое, порванное на сгибах и подклеенное удостоверение о том, что 7 октября 1917 г. он был «зачислен в число студентов УГИ», его копию, заверенную 6 сентября 1918 г. в Самаре печатью штаба запасного огнеметно-химического батальона, зачетную книжку № 453, в которой так и не было сделано ни одной записи, членский билет студенческой организации, выданный ему 19 февраля 1918 г. – маленький прямоугольник картона, оформленный в стиле модерн. Вся гражданскую войну эти документы были для него пропуском в будущую, послевоенную жизнь, а стали вещдоками

В апреле 1918 г., выполнив практические работы, Фёдор по вызову родителей уехал в Самару, чтобы помочь семье. Поступил чертёжником в губернскую землеустроительную комиссию, рассчитывая поработать в ней до осени, а осенью вернуться в институт. Но для него, как для пастернаковского Гамлета, был рассчитан другой распорядок действий. Какой? Он не знал и уж, конечно, не задумывался о «неотвратимости конца пути».

9 июля, когда он был мобилизован, по его выражению «Учредилкой», стал для него первым днём второй в его жизни войны – гражданской. Фёдора направили в инженерную часть, в огнеметно-химический батальон, в котором он служил полгода до самой эвакуации белых из Самары в качестве заведующего литографией. Батальон прямиком отправили в Томск и там за ненадобностью расформировали, а Фёдора в марте 1919 г. вернули в Екатеринбург в распоряжение дежурного генерала, ведавшего комплектованием частей.

К победоносному весеннему наступлению Белой Армии, которое началось 4 марта, он не успел. На его долю выпало отступление. Командуя нестроевой ротой и обозом, он дошёл от реки Белой до села Кондинского, где, сдав командование, был направлен младшим офицером в действующую часть. Воевал, по его словам, мало: «Участвовал лишь два раза в боях под деревней Гнилой и под селом Макроусовым... Когда же мне полковник Белевич-Станкевич приказал идти в бой третий раз, я отказался и заявил себя больным. Комиссией я был уволен в отпуск на два месяца ... и уехал 15 октября ... в Омск. Сев на станции Лебяжьей под г. Петропавловском на тормоз первого поезда, я ехал в продолжение недели до Омска»

Почему он отправился в Омск? Потому что там, в Министерстве труда, служил его зять Борис Владимирович Грейбер, который и устроил родственника столоначальником в отдел статистики по деятельности профсоюзов. Пока удача сопутствовала ему, а на плече сидел его ангел-хранитель. Когда Красная Армия стала подходить к Омску, Министерство было эвакуировано в Иркутск, а вместе с ним и Фёдор. И здесь осторожность не изменила ему. Во время большевистского восстания он неделю скрывался от мобилизации в гостинице «Париж», а когда страсти улеглись, поступил на службу статистиком в городской коммунальный отдел по национализации недвижимого имущества и работал там до самого отъезда в Екатеринбург.

Части 5-й армии вступили в Иркутск 7 марта, и сразу заработала Особая комиссия её Особого отдела. Началась регистрация бывших колчаковских офицеров. «Я тоже пошёл на такую, – вспоминал Фёдор, – был задержан и направлен в особый отдел; когда выяснили мою личность, то я был освобождён; при мне имелось удостоверение, что я бывший студент Горного института и когда всех увольняли – специалистов для продолжения образования, я тоже приехал в Екатеринбург», защищённый несколькими удостоверениями.

Первое удостоверение, самое важное, ему было дано 22 марта в Губернском военном комиссариате о том, что он прошёл регистрацию в Особом отделе и «как студент УГИ командирится в распоряжение Екатеринбургского горного института с зачислением на учёт в горный отдел Екатеринбургского совнархоза». Второе – он получил через четыре дня. Это был своеобразный билет, выданный ему на основании приказа Председателя СНК РСФСР В. И. Ленина по распоряжению Особуполномоченного Наркомпутей товарища Рудого, дававший право проезда в «составе эшелона с реэвакуированными железнодорожными служащими из Иркутска на Урал». На документе стоит дата – 26 марта. В этот день он поехал в Екатеринбург. Этим поездом ехал с семьёй и его товарищ по Горному институту Валентин Ладыгин.

Днем раньше, 25-го, Фёдора проводили члены студенческой организации местного университета, с которыми он подружился, будучи человеком общительным. На дорожку они ему тоже дали

удостоверения о том, что «он является информационной связью организации, с одной стороны, и всяких студенческих иногородних объединений – с другой ... , а потому просит студенту Лаврентьеву в этой сфере оказывать возможное содействие».

С каким настроением ехал студент Лаврентьев, глядя по сторонам, вдыхая весенний воздух с угольной гарью, разминая ноги на остановках и бегая с чайником за кипятком? Догадаться нетрудно. Кончилась война, он уцелел, впереди учеба в институте, работа, женитьба – сколько планов, от которых шла кругом голова.

Он приехал в Екатеринбург в послепасхальную ночь, а Пасха в тот год была 11 апреля; 14 –го зарегистрировался в ГубЧК. В тот же день проректор Николай Порфирьевич Горин выдал ему удостоверение о том, «что он состоит студентом УГИ приема 1917 года», а спустя какое-то время жилотдел Горревкома вручил ему ордер «на право поселения в д. 3, кв. 3 по Вознесенскому переулку». И это студенту. Отдельную квартиру в Екатеринбурге, где с жильём всегда было очень тяжело! Что ещё нужно для счастья? Любимое дело? И оно есть в «своём учебном заведении», куда он вновь поступил, «заяв снова место модельщика - препаратора для выделки моделей, чертежей и учебных пособий для математического и кристаллографического кабинетов и рабфака». Вот если бы фортуна была не вероломной ветреницей. Опять это если бы...

В Екатеринбург из Камышлова он вернулся 17 июня и сразу был арестован и заключён под стражу «до выяснения дела». Решение о его аресте было вынесено ещё 10 мая. На следующий день комиссар Шабалин получил ордер на право обыска и ареста Фёдора. Но ни то, ни другое сделать ему не удалось, потому что «обвиняемый как активный участник против Советской власти» находился в это время в Камышлове. Об этом, сообщил заведующему оперативным отделом ГубЧК Глушкову сотрудник по особым поручениям В. С. Васильев, который для выяснения обстоятельств дела вынужден был сходить 11 мая в Горный институт на какое-то собрание и расспросить «регистраторшу» о том, где находится Лаврентьев.

Фёдор не поверил в серьёзность ареста и даже поиздевался над проводившим обыск и арест Шабалиным, когда прочитал в протоколе, что в квартире было обнаружено 300 рублей и 50 копеек

колчаковских денег (которые уже ничего не стоили), внося в текст добавление: «Прошу верить, что денег не триста рублей и пятьдесят копеек, а двести девяносто шесть рублей пятьдесят копеек. Правильность поправки протокола закрыл хозяин», т. е. Фёдор, и витиевато расписался. Деньги ещё раз пересчитали и в квитанцию об их приёме вписали правильную сумму.

На другой день он написал заявление в коллегия ГубЧК, недоумеая, за что же его арестовали: «... я ещё при царском режиме был однажды арестован за агитацию против власти и кроме того никогда не был противником социалистического строя, я считаю себя не виновным в этом. Служба моя в Белой армии была сплошным принуждением, и если бы мне не удалось под видом болезни бежать с фронта, то очевидно был бы давно расстрелян белыми за то, что я укрывал бежавших ... солдат. Кроме всего этого основания, на котором я теперь арестован, т. е. список определённый комиссией УГИ, в который моя фамилия попала в рубрику активных противников Советской власти. Мне непонятно, ибо сама комиссия приняла меня в институт, и, кроме этого, такое же следствие велось в Особом отделе ВЧК при 1-й Трудовой армии, и результатом следствия явилось моё освобождение. Считаю долгом добавить, что я единственный работник в институте по изготовлению учебных пособий, моделей и чертежей и в настоящее время работа, взятая от института, остаётся невыполненной, а в связи с этим тормозится дело обучения на рабочем ... и других факультетах... Прошу коллегия об ускорении моего дела или по представлении мне возможности исполнить работу хотя бы в заключении».

В этот же день он был допрошен, убеждая следователя в том, что никакой вины за собой не чувствует, что противником Советской власти никогда не был, за золотыми погонами не гнался и просил дать ему «возможность учиться, чтобы чем-нибудь принести пользу Советской власти».

Больше допросов не было. Фёдор был, вероятно, специально погружён в тревожное ожидание, состояние неопределённости, неизвестности, домыслов, догадок и фантазий, которые изматывают страшнее физических пыток. Его возможности освободить себя были ничтожными, но он попытался обратить в свою пользу даже то, в чём его обвиняли.

23 июня арестант Лаврентьев передал в коллегия ГубЧК заявление с просьбой откомандировать его «как принадлежавшего к командному составу в распоряжение Запфронта», которым командовал бывший царский генерал Алексей Алексеевич Брусилов. «... я, как сочувствующий и всемерно поддерживающий Российское Советское правительство, – писал Фёдор, – сознаю всю тяжесть настоящего момента и поэтому решил отдать все свои силы и знания на пользу родине, а если потребуется..., то и свою жизнь, дабы победой над польской военщиной поддержать родину и помочь возрождению любимой пролетарской страны».

В ответ молчание. Для него. Но, единожды запущенная, репрессивная машина продолжала работать без сбоев, перерыва и остановок. 30 июня ГубЧК постановило передать дело гражданина Лаврентьева «по обвинению в добровольной службе в армии Колчака как офицера» в Особый отдел I Трудармии. В первых числах июля и арестант, и его дело находились в Губревтрибунале. Но с вынесением приговора не торопились. Особисты запросили канцелярию по делам студентов выслать им анкету Лаврентьева и прислали повестки Брагинскому, Кирюхину и Полудину. Секретарь канцелярии ответила, что Брагинский и Кирюхин «откомандированы РКП на фронт», Полудин «как член Чрезвычайной делегации УГИ находится в Москве», а председатель Бюро комячейки Младов, у которого хранится анкета и другие документы, в отпуске. Тогда 7 июля к 9 часам утра в особый отдел на допрос был вызван проректор Горин. Пока Николай Порфирьевич был только свидетель. Через 18 лет он сполна хлебнёт из этой же горькой чаши.

Его показания были сдержанно-доброжелательными, а самое главное он в меру своей осведомлённости рассказал, не следователю, нам, потомкам, кто был повинен в гибели Лаврентьева. Вот его рассказ:

«Фёдор Иванович Лаврентьев состоял студентом УГИ в 1917 году, где я в то время состоял преподавателем. В то же время я был членом Исполкома Екатеринбургского Совета. Так как Лаврентьев много работал в Институте по устройству моделей..., то мне с ним приходилось встречаться ... по должности. Лаврентьев в разговорах производил впечатление несколько несдержанного юноши, который иногда позволял себе неуместные выражения по адресу

коммунистов... Такие разговоры совершенно не носили ... серьёзного характера и в то время, ещё в начале эвакуации и в первые дни Советской власти, этими же разговорами, может быть, занимались 60 % населения... Со слов Лаврентьева знаю, что перед эвакуацией (красных. – В. Ф.) ... он уехал из Екатеринбурга, но куда – не знаю. После моего возвращения в Екатеринбург (Горин эвакуировался с красными в Москву. – В. Ф.), я его снова увидел в Институте, как откомандированного из армии по постановлению Совета обороны от 30 января 1920 г. С этого же момента Лаврентьев для Института сделался чрезвычайно полезным в деле оборудования кабинетов и устройства моделей.

При поверочном сборе по политической проверке всех студентов комиссией было предъявлено Лаврентьеву обвинение в активной борьбе против Советской власти. Зная Лаврентьева..., я сомневаюсь в его действительной виновности и говорил об этом Полудину. Товарищ Полудин, в частности ... мне заявил ... следующее: «Я говорил с Лаврентьевым на допросе. Он производит впечатление сознательного человека. Ужасного ничего не представляет и деловые соображения в этом деле могут оказать перевес»...

Полудин, как человек новый в Институте, мне кажется, не знал раньше Лаврентьева. Товарищ Брагинский поступил в Институт в 1918 году, и я не знаю, застал ли он Лаврентьева в Екатеринбурге. Возможно, что он тоже раньше не знал Лаврентьева. Один Кирюхин знал Лаврентьева в 1917 году, так как и Кирюхин был студентом в то же время, состоя в партии левых социал-революционеров. Теперь товарищ Кирюхин коммунист, и он один мог настаивать на обвинении Лаврентьева. Какие данные имелись в его распоряжении ... мне неизвестно, но в частном разговоре, на мой вопрос о том, как комиссия по проверке смотрит на Лаврентьева, он сказал: «Его в Институте оставлять нельзя. Он доброволец и контрреволюционер». Подробно т. Кирюхин мне ничего не говорил...

Лаврентьев для Института является чрезвычайно ценным работником, числится модельщиком при кристаллографическом кабинете, конструирует модели и чертежи для математического кабинета, работает в тепловой лаборатории. Ввиду этого как проректор ... я должен возбудить ходатайство перед Особым отделом об освобождении Лаврентьева (так как, по-видимому,

серьёзного материала о нём у обвинения не имеется) хотя бы для работы в Институте. Об этом УГИ намерено послать официальное ходатайство».

«Должен», «намерен», – не зря говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Это ходатайство не было передано следователю. В материалах следствия его нет. Видимо, Горину «посоветовали» не делать этого. Победила настойчивость Кирюхина. Чем ему не угодил Лаврентьев? Я однажды встречался с дочерью Кирюхина, ещё не зная о его роли в судьбе Лаврентьева. Она, печалась, мне рассказала, что отец был репрессирован, но остался жив. Вспоминал ли он когда-нибудь, как отправил на смерть своего однокурсника? А может быть, и не одного.

Что было дальше? Конец этой истории предсказуем. В начале апреля 1923 г. некая Зинаида Фёдоровна Черногорова обратилась с заявлением в ГубЧК с просьбой сообщить ей о судьбе, арестованного 17 июня 1920 г. Фёдора Ивановича Лаврентьева. Что её сообщили, неизвестно. Но на обратной стороне заявления кто-то написал карандашом: «село Сорочинское Самарской губернии Ольга Фёдоровна Лаврентьева».

Зинаида Фёдоровна и Ольга Фёдоровна, видимо, родные сёстры. Мать Фёдора попросила сестру узнать о судьбе сына. Узнала ли? В 1923 г. из статистического отдела ПП ГПУ по Уралу в Самарский губернский отдел ГПУ секретной почтой был отправлен документ с просьбой «поставить в известность гражданку Лаврентьеву Ольгу в случае обращения последней к вам о судьбе сына Лаврентьева Фёдора Ивановича, каковой, согласно постановлению коллегии Екатеринбургского ГубЧК от 1921 года, приговорён к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение».

Догадалась ли она обратиться в Самарское ГПУ, подсказал ли ей это кто-нибудь или она так и не узнала, что стало с её сыном, мучаясь от неизвестности до последних дней жизни. Фёдора реабилитировали 26 мая 1992 г. В заключении по материалам его дела было написано, что данных о родственниках нет. Горькую радость реабилитации испытать было некому.

Валентин и Лидия

Они венчались 18 мая 1919 г. Их соединили Бог и Любовь. Стоя под венцами в Спасской церкви (разрушена в 1932 г.), они дали обет: она ему, он ей, что будут вместе в горе и в радости, пока смерть не разлучит их. Медового месяца не было. Через несколько дней он уехал на фронт под Бирск.

Он – Валентин Ладыгин, 20-летний коренной екатеринбуржец, сын лесопромышленника Фёдора Агафоновича Ладыгина, студент Горного института с 12 октября 1918 г., не проучившийся пока ни одного дня, потому что задолго до зачисления в институт, ещё 21 августа, стал добровольцем Народной армии, а на день венчания был младшим офицером 1-го дивизиона 6-й Уральской артбригады горных стрелков. Семья Ладыгиных была большой, только детей девять человек; жили в собственном, украшенном деревянной резьбой доме № 68 на Тихвинской улице (ныне улица Хохрякова). Дома этого давно уже нет. Его снесли в начале нынешнего века.

Она – Лидочка Сушкова, дочь священника Спасской церкви отца Михаила, была на три года старше мужа, окончила епархиальное училище со званием учительницы, жила с родителями в доме при церкви и служила в Управлении Уполномоченного Министерства продовольствия и снабжения Урала.

После венчания они сфотографировались. Его взгляд сквозь стёкла пенсне, из почти столетнего далёка, рассеянно меланхоличен, спокоен и умиротворён. Валентин был лириком и доверчивым идеалистом. Взгляд больших и выразительных глаз Лидии вопрошающе твёрд и собран. Она, словно, «ищет в далёком отголоске, что случится на её веку». Точнее, на их с Валентином веку.

То, что с ними случилось, началось в августе, когда Валентин был зачислен добровольцем в комендантскую команду, находившуюся в подчинении у командира 5 Екатеринбургского Горных стрелков полка (позже полку дали номер 25). Почти сразу же необученных и необстрелянных стрелков бросили в бой под село Мостовское в 40 верстах от Екатеринбурга. Там 25 августа он прошёл боевое крещение, о котором написал подробно отцу:

«Милый папа!

Я ... числюсь в 3-м взводе 1 отделения пулемётной команды, куда мы (т. е. Коля Иовлев, Петя Сушков (видимо, брат Лидии. – В. Ф.), я и ещё некто Ильин) перешли по прибытии сюда, так как нужны были к пулемёту люди. Живём мы в избе с чехами, от которых у нас почти отдельная комната. Офицер наш живёт ... и довольствуется с нами. Я назначен первым номером, что значит ... на моей обязанности лежит знание пулемёта как пять своих пальцев, чистка его, ходьба за ним, в бою наводка и стрельба. Теперь я уже приблизительно знаю все части пулемёта, сборку и разборку, осталось главное – изучить причины и устранения задержек стрельбы...

25 августа наш отряд выступил в деревню Мостовку, где были убиты две сестры милосердия... Она находится в девяти верстах от села Мостовского. Сперва мы её проехали до деревни Верхотурки ... из Верхотурки двинулись ещё дальше после получасового привала в Троицкий прииск..., но тут полковник Торейкин нашёл, что позиция очень невыгодная ... этот прииск находился весь в яме и удобен для обстрела со всех сторон. Пошли обратно в деревню Мостовку, как более подходящую по местоположению. Отряд наш состоит из чехов..., офицерской, студенческой (студенческой ротой командовал капитан Б. А. Герасимов. – В. Ф.), добровольческой рот ... и полусотни казаков при семи пулемётах и трёх трёхдюймовых орудий – приблизительно от 300 до 400 человек.

Пулемётная команда расположилась в ... начале деревни со стороны краснопёрых. ... Были выставлены на огороды посты. Я стоял с 8 часов вечера до 10 часов вечера... В лес на дороге в Верхотурку были высланы дозоры ... в Верхотурке стояла застава ... – добровольческая рота при одном пулемёте и несколько казаков...

В двенадцатом часу ночи (я спал) нас поднимают: тревога. Оказывается краснопёрые напали. Спали мы в полной боевой готовности. Выхожу на улицу – стрельба. Пули поют дззз... Сейчас же стали запрягать лошадей в телеги с пулемётами. Только что запрягли, как начали бухать ручные гранаты. Наша лошадь стояла первой к воротам и сразу ринулась полным ходом... У меня в голове промелькнуло, что ей надо задержать, а то унесёт

пулемёт. До этого момента было какое-то нервное состояние – зуб на зуб не попадал. Не трусость, а нервность какая-то.

Тут же совершенно спокойно бросился в телегу. Только дотронулся рукой до возжжей, как меня выбросило из телеги на воротный столб и сзади бежавшая лошадь ударила в спину запрягом. Возжжи у меня из рук выскользнули, так как я не успел их схватить как следует. Винтовка вылетела под колесо и ударила с силой по крупу лошади. Я же как мяч взлетел на воздух и упал. В голове мысль: «Чёрт возьми! Изуродуют меня лошади!». Колесо телеги точно надо мной пронеслось по воздуху. Я вскочил, а наша лошадь, задравши хвост и гриву, мчалась по дороге в Верхотурку. Вторую лошадь задержали. Пулемёт наш погиб для нас. Другие пулемёты моментально отправили на позиции.

Сейчас же цепи чехов, офицеров, студентов, добровольцев были двинуты в дело. Да, что интересно, казаки, услышав взрывы гранат..., кто как был (на одной ноге сапог, другая босая, чуть не без штанов) во главе со своим сотником хотели задать тёку, но командир пулемётной команды у нашего двора их задержал. Они забавно жмутся друг к другу. Трусы подлые! Никто не ожидал от них такой пакости.

Да, я не сказал, откуда наступали красные – они наступали со стороны Верхотурки и сделали обход с дороги на Мостовское. Первым делом они бросились на артиллерию, но её отстояли. Они хорошо были осведомлены, где что у нас находится через жителей этой паршивой деревни, которые сами повылезли с винтовками заодно с краснопёрыми. Со стороны дороги на Мостовское они вошли в деревню, но были выбиты. Странно одно, что они палят поверху. Пули здорово свистели.

Нас прикомандировали к другому пулемёту, и мы, после того как вышибли с конца деревни, заняли позицию за деревней. Это уже было под утро, часа в 3. Наша артиллерия встала на открытое место ... шагах в 100 или 150 от нас и открыла огонь по Верхотурке, занятой в начале дела красными. Забавно было смотреть на военного доктора, который кланялся при каждом выстреле из орудия. Первые два-три выстрела уши резали, а потом ничего, привыкли. Красные пробовали отвечать, но их стрельба ни к каким результатам не привела. Наши же снаряды ложились хорошо, а их куда-то в сторону, в лес. Наши потери: убит 1

чешский пулемётчик..., человека два-три раненых и пропавших без вести из нашей роты, 12 рядовых с двумя офицерами, в числе коих Борис Родионов.

Утром пулемёт наш нашли в Верхотурке ... всё в целости. Сегодня получили известие, что 3 рядовых и 1 офицер выбрались в город, а остальные 10 попали в лапы красных. Интересно, выбравшийся офицер, не Борис ли Родионов? Красные улетучились сей час же после орудийного огня. Мы отошли обратно в Мостовское, так как с такими маленькими силами в Мостовке оставаться было немислимо. Здесь в Мостовском у нас позиции великолепные... К нам сюда подходят подкрепления. Наверное, когда соберётся больше сил, двинемся вперёд. Вот в каком бою я был.

Сегодня отсюда уехал Коля Иовлев в город по болезни (воспаление тонкой кишки), так вы навестите его. Узнайте, когда он поедет назад и, быть может, пошлёте с ним чегонибудь. Хлеб уж больно здесь плохой. Чехов кормят хорошо, а нас плоховато. Чехи нас, т. е. меня, Колю, Петю, Ильина и нашего офицера, угощали своим национальным кушаньем – кнедли, которые нам очень понравились. Я спишу его рецепт и пошлю вам. Попробуйте сделать. Пальчики оближете. Папа, пошли мне, пожалуйста, мелких денег. Хорошо бы ещё одну смену белья.

Целую всех.

17 августа (ст. ст. – В. Ф.) 1918 г.

Ваш Валентин.».

За первым боем последовал второй, третий... Из-за слабого здоровья Валентин с трудом переносил тяготы военной страды. В середине сентября в связи с перебоями в сердце его направили на обследование в Екатеринбург. Но врачи сочли, что он ещё годен к военной службе и вернули в часть, воевавшую под Тагилом. Он снова заболел, уехал в Екатеринбург, был произведён в ефрейторы, назначен на должность командира отделения, стал обучать солдат пулемётному делу и в ноябре с пополнением был возвращён в полк, но теперь уже на кунгурский фронт к станции Шамары, где развивалось успешное наступление белых на Пермь. Провоевав месяц, он простудился во время боёв на речке Сылве, его положили сначала в кунгурский госпиталь, а потом увезли на амбулаторное лечение в Екатеринбург. В конце января он с пополнением опять

был отправлен на фронт южнее Кунгура, но не в действующую часть, а в обоз для обучения пулемётчиков.

Дорогу солдату определяет командир. В начале февраля Валентина откомандировали в Бирск, в Уральский отдельный артиллерийский дивизион. К месту назначения поехал не торопясь через Екатеринбург. Ведь там дом, родные, невеста. В часть прибыл только в конце марта, когда вовсю шло наступление на красных. За успехи в обучении пулемётчиков его произвели в младшие офицеры, а позже в старшие фейерверкеры и причислили к команде базы дивизиона, расположенной в стоящих на путях вагонах, чтобы легче было наступать и ... отступать. Но об этом тогда никто не думал, полагая, что такого не произойдёт. Поэтому Валентину в апреле дали отпуск и он отправился домой жениться.

Когда он в конце мая вернулся в дивизион, военное положение было уже иным: белые армии отступали по всему Западному фронту. Всё отступление от Бирска, через реку Белую, Челябинск и далее до станции Тайга, где его, больного сначала сыпным, а потом возвратным тифом, 5 октября положили в эвакуационный госпиталь, он был в обозе. Почти два месяца он находился между жизнью и смертью. Выжил и 29 ноября получил 2-месячный отпуск.

Что делать? Куда ехать? Туда, где «горячо любимая женщина». В Иркутск. Почему? После венчания Валентин и Лидия не виделись. Только переписывались. Из писем Валентин знал, что жена беременна, а роды должны быть в октябре или ноябре, что её эвакуируют вместе с другими служащими министерства в Иркутск и что её сопровождают отец и мать. Надежда его не обманула. Они действительно встретились в Иркутске и были счастливы; судьба уберегла их от гибели и подарила сына. Жизнь обрела смысл. Этим смыслом стала семья, которую надо было беречь.

В Иркутске наступило смутное время межвластья. Валентин никуда не пошел регистрироваться, да и не мог потому, что у него отнялись ноги. Только когда власть перешла от эсэровского Политцентра к Советам и в городе стало спокойнее, он сходил в военный комиссариат регистрироваться, а чтобы кормить семью, устроился на сводный склад рабочим-весовщиком. 4 марта, за несколько дней до окончания отпуска, он получил в уездном военкомате удостоверение, дававшее ему право как студенту УГИ вернуться в Екатеринбург вместе с женой, сыном, тестем и тещей.

Ладыгины и Сушковы приехали в Екатеринбург 12 апреля. Старики поселились в своём доме при церкви, а Валентин привёз жену и сына в отчий. Фёдор Агафонович, уезжая в эвакуацию, полагал, что она будет недолгой, попросил прислугу – Александру Ивановну и Георгия Дмитриевича Татауровых – последить за домом. Дом был в целости и сохранности, но принадлежал он уже городскому коммунальному хозяйству, и теперь, чтобы жить в бывшем собственном доме и пользоваться вещами, нужно было получить ордер в горкомхозе. Дом пока был не поделён на квартиры и не заселён. Татауровы устроили Ладыгиных в одной комнате, и Валентин, пройдя по дому, взял себе нужные и дорогие его памяти вещи.

К возвращению молодого Ладыгина знакомые и соседи отнеслись по-разному: кто-то порадовался за него, что остался жив, кому-то его возвращение было безразлично, а кто-то затаил злобу. Почему? Поди, разберись. И не только затаил, но и высказал её. Ведь на чужой роток не накинешь платок. А злые языки, как известно, страшнее пистолета.

И вот, 15 апреля один такой «роток», некто Александр Иванович Шухов, член партии большевиков, принёс в Особый отдел ВЧК заявление, в котором написал, что считает «крайне нужным установление надзора и наблюдения за гражданином ... Ладыгиным, являющимся, по сведениям, офицером колчаковских банд», что отец Ладыгина «буржуа сбежал из Екатеринбурга ещё до отступления колчаковских банд, но далее Барнаула уехать ему не удалось», и там в Барнауле он «ждёт от сына известий о политическом настроении ... и действий власти и в случае благоприятных условий ждёт сигнала к возвращению».

Оба «лакея бывших господ», т. е. супруги Татауровы, по мнению доносчика, настроены против Советской власти и помогают молодому Ладыгину: «Из случайно подслушанного разговора (случайно ли? – В. Ф.) бывших лакеев и барина ... удалось узнать, что последний у Колчака был офицером в тыловых частях и исполнял разные поручения большой важности, часто разъезжал по Сибири до Владивостока включительно. Вопрос о том, как этому господину удалось примазаться в Красную Армию и быть эвакуированным в отдельном вагоне ... в Екатеринбург, является загадкой, так как об этом они вслух не говорили».

Попытался Шухов выведать кое-что и у Ладыгина. Но тот был сдержан, не многословен, так что доносчик разговором с «барином» остался недоволен, однако постарался превратиться скупой рисунок разговора в яркую раскраску: «Мне он (Ладыгин. – В. Ф.) крайне туманно и неопределённо говорил, что как красноармеец прибыл в Екатеринбург в отпуск и заодно для поступления в Горный институт. 15 апреля выяснилось, что он в Горный институт в 1919/20 учебном году принят быть не может. Говоря об этом чете Татауровых, Ладыгин был огорчён, что существующая власть крайне строга к дезертирам и ободрился тем, что старые знакомые помогут ему выправить документы. Кстати, ... Ладыгин все свои документы оставил во Владивостоке или ещё в каком-то сибирском городе. Выступление японцев в Сибири вселило радость в сердца этих колчаковцев до такой степени, что они вслух себе позволили говорить, что японцы скоро сметут с лица земли эту сволочь. Эту радость разделяли как Ладыгин, так и бывшие их слуги».

Шухов не только подслушивал и расспрашивал, но и выслеживал свою жертву: «В ночь с 14 на 15 апреля около 12 часов откуда-то Ладыгин возил свои сундуки, более нужные вносил в комнату, а часть сложил в кладовую при содействии А. И. Татауровой. Татауровы, особенно жена..., больше Ладыгина несомненно враги Советской власти. Татаурова по неосознанности, как дурная баба, а Ладыгин как враг рабочему классу, интересы которого ему чужды». А почему они ему должны быть близки?

Старания доносчика были вознаграждены. На следующий день был выписан ордер на обыск квартиры и арест Валентина. Он был «арестован с взятыми вещами» 17-го; при обыске были изъяты письма, которые он писал жене, и она ему, дневник и «колчаковские кредитки».

Валентина допрашивали дважды, 18 и 21 апреля. Протокол второго допроса интересен тем, что в нём он искренне сформулировал своё отношение к власти: колчаковской и Советской. На вопрос следователя, что заставило его поступить добровольно в колчаковскую армию, хотя в августе 1918 г. он стал добровольцем не колчаковской, а Народной армии, он написал так: «... мой отец человек служащий, жил только своим трудом; вреда никому не причинял; работал только для того, чтобы прокормить,

воспитать, выучить нас детей и вот узнаю, что этого трудящегося человека притесняют, считают каким-то буржуем, врагом народа. Мне это показалось диким; я увидел в этом только то, что власть выставляет одни лозунги, а на деле их не выполняет, что власть только говорит, но не делает. О белых шли слухи, что они гуманны, что они не притесняют трудящихся, что они хотят дать всем гражданам России свободу, именно ту свободу, какой хотят крестьянин, рабочий, средний горожанин. И я, видя, вернее слыша это, решил, что это та власть, какая должна быть.

Но вот я солдат этой армии, встречаю на своём пути только опять те же слова власти и полнейшее безделье и даже хуже: говорилось одно, а делалось совершенно противоположное. Во всех отраслях правления государства замечен был разгул, пьянство и борьба за повышение в службе, интриги и никакого уважения к делу.

С другой стороны, слухи о тех завоеваниях дисциплины, труда и прилежности к делу в рядах работников Советской России, которые из каких-то обрывков, крох создали такую сильную армию, которая, обрекая себя на изнурение и голод, всё-таки продолжала бороться с врагом и боролась успешно, постепенно склоняли моё мнение в пользу Советской России».

Выслушав эту идеологическую исповедь, следовательно спросил Валентина, почему же в таком случае он не перешёл в Красную Армию. Валентин ответил: «Вопрос этот объясняется весьма просто: я не мог, не имел на то душевной силы, чтобы порвать связь с горячо любимой женщиной, а она в это время находилась в Иркутске. Добрался я в Иркутск и, как видите, не замедлил оттуда вернуться обратно... Я приехал сюда для того, чтобы закончить образование в Горном институте и быть более способным помочь в деле создания Советской России своими знаниями по механической части горного дела».

Допрос 21 апреля был излишним. Особист, ведший дело, уже 18-го предложил начальству «Ладыгина как злейшего и вредного сознательного врага Советской России наказать высшей мерой наказания – «разстрелом». Но, прочитав письма Лидии, он доложил начальнику Особого отдела, что в дополнение к аресту Ладыгина находил бы нужным арестовать и его жену ... ибо контрреволюционерка должна жить не на свободе, а в

концентрационном лагере. Контрреволюционеркой она зарекомендовала себя в письме, которое писала мужу». Но и этого следователю показалось мало. Он вошёл в раж. «Нахожу нужным арестовать и тестя Ладыгина... Необходимо допросить его о причинах бегства с белыми и расследовать о его деятельности при белых».

Что же крамольного вычитал следователь в письме Лидии? Её вызвали на допрос 23 апреля к 4 часам дня, пригрозив доставить под конвоем, если она не явится. Она пришла и рассказала: «Тогда, когда мой муж был у белых, я, совершенно не разбираясь в политике, написала несколько строк ... по отношению к красным. Будь мой муж у красных, я по отношению к белым написала бы тоже самое, так как мне безразлично, что красные, что белые. Лишь бы не было войны и лишь бы мой муж был со мной». Разве можно было такое писать и говорить, ставя на одну доску белых и красных. После этого признания Валентин прожил всего один день.

24 апреля следователь Мишланов составил заключение по делу супругов Ладыгиных, написав в нём: «Ладыгин, как человек сознательный, с высшим образованием, поступил в армию Колчака добровольно..., а потому является явным и сознательным врагом Рабоче-Крестьянского Правительства. Жена его ... как дочь попа ... является также контрреволюционно настроенным элементом, о чём характерно говорят об этом в письме её на имя мужа следующие строки: «Когда же, наконец, уничтожат всех красных. Надо просить Бога, чтобы Он помог Вам скорее стереть с лица земли их».

Приговор был приведён в исполнение в тот же день. Валентина расстреляли, а Лидочку с шестимесячным сыном отправили на год на принудительные работы. Все вместе они прожили в Екатеринбурге всего 12 дней.

Михаил

Двухэтажный кирпичный особняк под № 2 на Успенской улице (ныне улица Вайнера) был построен купцом В. Я. Атамановым в 1887 г. На обоих этажах у него были меблированные комнаты, а в большом подвале он устроил бакалейную лавку и ренсковый погребок. Разбогатев к началу XX века, Атаманов возвёл трёхэтажную гостиницу на углу Успенской и

Главного проспекта (ныне проспект Ленина); особняк же сдал в аренду А. Е. Румянцевой под её частную прогимназию. После революции вся недвижимость купца была реквизирована, и в 1920 г. особняк на Успенской занял пухший не по дням, а по часам. Особый отдел ВЧК I Революционной армии труда. Поэтому войти в него, но, самое главное, выйти мог не всякий. Это и случилось с Михаилом Петровичем Марковым-Яковлевым.

Такая фамилия для сына и внука крепостных крестьян, приписанных к Верхне-Уфалейскому железоделательному заводу, где и родился Михаил 23 мая 1893 г., необычна. Но каково её происхождение, неизвестно. Зато известна судьба Михаила, пусть и не так подробно, как хотелось бы.

До двадцати лет Михаил годился там, где родился, работая на станции Уфалей техническим конторщиком. Станция была хоть и небольшой, обслуживавшей в час около 30 пассажиров, но связанной с 1895 г. со старой столицей Москвой. Туда, на «ярмарку невест», его и увезли какие-то неизвестные мне обстоятельства в юбилейный для России год – год 300-летия Дома Романовых – для учёбы на вечерних электротехнических курсах. Учёбе не помешала и начавшаяся мировая война, поскольку у Михаила была отсрочка-бронь до июня 1917 г.

Каким ребёнком Михаил был в многодетной семье, старшим, младшим, тоже неизвестно. Но отец Пётр Игнатьевич, родившийся за десять лет до отмены крепостного права, почему-то его выбрал для учебы в Москве, оплачивая эту учебу. И сын старался и как старался! Учась на курсах, он одновременно готовился сдать экстерном экзамены за среднюю школу.

Отсрочка закончилась в июне, и Михаил был мобилизован, став солдатом 7-й роты Московского запасного телеграфно-прожекторного полка, а в августе, выдержав экзамен при кадетском корпусе, получил аттестат о среднем образовании и поступил в военное училище. Юнкером, правда, пробыл только около месяца. Вернулся в полк в команду вольноопределяющихся и поступил в Коммерческий институт; днём служил, а по вечерам слушал лекции. Жизнь в Москве закончилась в середине декабря, когда его по болезни демобилизовали. Новый 1918 г. он встретил дома.

Вопрос, что делать, перед ним не стоял. Конечно, продолжать учёбу. Где? В Уральском горном институте, в который он, являясь

студентом Коммерческого института, был принят в январе зачётчиком и получил право сдавать зачёты. Михаил не хотел терять времени, рассчитывая со временем вернуться в Москву, чтобы закончить образование.

В начале августа его как юнкера мобилизовали в Народную армию. Возвращение в Москву отодвигалось на неопределённый срок, и тогда он 11 октября подал прошение о зачислении его в студенты УГИ. Совет института удовлетворил просьбу Михаила. Но учёбу пока пришлось отложить. Для него началась вторая война. Как и во время первой мировой, ему не пришлось быть на фронте. После мобилизации его отправили сначала в сапёрную роту в Челябинск, а из Челябинска, как и всех бывших юнкеров, – в Иркутское военное училище. Там он пробыл с середины сентября 1918 г. до первых чисел июля 1919 г., выйдя из него в чине подпоручика.

И опять к фронту он приближался только на такое расстояние, на котором не слышны выстрелы: из Иркутска его направили в Омск, из Омска в Красноярск, из Красноярска в составе инженерного дивизиона 2-й Сибирской стрелковой бригады под Ялуторовск, откуда волна отступающей армии вернула его в Красноярск, где он, переименовав «цвет», стал солдатом 8-го инженерного дивизиона 5-й армии красных.

Судьба как будто бы благоволила ему, а небесный покровитель не оставлял его: он переболел тифом, вернулся в дивизион, прошёл в феврале две проверки – одну в военном городке, вторую в Особом отделе ВЧК при штабе 5-й армии и был назначен на должность взводного командира 3-й сапёрной роты 1-го запасного инженерного батальона, т. е. стал хоть и небольшим, но законным командиром Красной Армии, а 7 марта он на основании декрета СНК был откомандирован, как и другие студенты УГИ, в Екатеринбург для продолжения образования.

И в Екатеринбурге всё для него складывалось благополучно: 19 апреля он зарегистрировался в ГубЧК, прошёл (пусть и с сомнениями) в институте комиссию для вернувшихся из Сибири, в мае был зачислен, как он выразился, «действительным студентом», получил квартиру в бывшем Нуровском доме в Детском городке (бывшая Архиерейская улица) и в начале июня спокойно поехал на практику к себе на завод, где на его иждивении было 7 человек:

больной отец, 35-летняя жена старшего брата с тремя детьми и 22-летняя жена младшего брата с 8-месячной дочерью.

Всё лето до начала сентября он добросовестно проводил изыскания для строительства подъездных путей от Верхнего до Нижнего Уфалея, руководя разбивкой пикетажа и нивелировкой будущей 23-километровой линии железной дороги.

В Екатеринбург он вернулся 10 сентября. Занятия ещё не начинались. Студенты занимались обустройством кабинетов геологоразведочного факультета в здании бывшей 2-й женской гимназии, куда он был переведен из здания, которое когда-то занимало Уральское горное управление. В октябре была объявлена мобилизация на Польский фронт. Был ли Михаил мобилизован или нет, неизвестно. Но после неё он пошёл на очередную регистрацию в Особый отдел ВЧК и там 15 октября был арестован и отправлен в тюрьму.

Через четыре дня его допросил дежурный следователь К. Озоль. Больше допросов не было, а 10 ноября фильтрационная комиссия, рассмотрев его дело «по обвинению в службе офицером в чине подпоручика в армии Колчака, принимая во внимание, что получил производство (в подпоручики. – В. Ф.) у Колчака за боевые отличия», постановила расстрелять гражданина Маркова-Яковлева Михаила Петровича. Вот во что обошлось Михаилу сомнение членов комиссии по проведению поверочного сбора, высказанное ими 3 мая, о его отношении к Советской власти. Сомнение, трактуемое в нормальном правосудии, всегда в пользу обвиняемого, в революционном – использовалось против него. И какой был придуман иезуитский повод для расстрела – производство в подпоручики за боевые заслуги, которых не было, поскольку он не участвовал в боях.

Всякая власть преступно страшна бесконтрольностью. Понадобилось 72 года, чтобы в никому не нужной справке о реабилитации Маркова-Яковлева Михаила Петровича было констатировано очевидное 72 года тому назад: «Конкретных враждебных действий в деле не отражено».

Анатолий

«Нам всё разрешено». «ЧК – не следственная коллегия и не суд, она уничтожает без суда». «Не ищите в деле обвиняемых улики, восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым делом вы его должны спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого».

Эти цитаты взяты из статей члена коллегии ВЧК, руководителя, идеолога и теоретика отдела по борьбе с контрреволюцией Мартына Ивановича Лациса (Ян Фридрихович Судрабс) (1888 – 1938). Для подчинённых особистов-следователей его указания были как абсолютный категорический императив, абсолютная догма, кредо или попросту служебная инструкция, как вести себя с обвиняемыми, нарушение которой грозило им неминуемой расправой. Обвиняемые знали на горьком опыте своих сокамерников, что следует говорить следователю, понимая всю прозрачность такой защиты, но всё равно хватались за неё, как утопающий хватается за соломинку.

Вот и Анатолий Порфирович (или Порфирьевич) Султинской на допросе 8 мая 1920 г. повторял и повторял следователю как магическое заклинание, что он «беспартийный, сын крестьянина-середняка, в царское время не занимал никаких должностей, преследованиям при царе, Керенском и Колчаке не подвергался, близких родственников офицеров старой армии нет, родственников же офицеров красной армии не знает, есть или нет, так как долго не был дома; на государственной службе ни на какой не состоял, а служил на копиях и заводах частных предпринимателей; недвижимого имущества не имеет, так как не имел средств приобрести что-нибудь; выборные должности занимал только в Висимо-Шайтанс-ком старательском комитете по платиновой промышленности в июне 1917 г., когда была объявлена национализация предприятий; семья состоит из матери и четырёх братьев».

Но следователя мало интересовали все эти «не занимал», «не знаю», «не имею», «не состоял». На них обвинения не построишь даже при условии, что «нам всё разрешено». Ему нужны были факты военной службы Анатолия, и он о них рассказал.

Хотя Султинский родился в 1893 г. и к началу Первой мировой войны ему было около 21 года, его не призвали в армию. В это

время он учился в горно-техническом училище, вероятно, в Нижне-Тагильском, потому что оно было ближайшим к его родному Висимо-Шайтанскому заводу. А учащиеся технических учебных заведений имели освобождение от военной службы. Потом он работал на Невьянском артиллерийском заводе уже как военнообязанный; снова учился и вдруг (а может и не вдруг), поработав недолго членом старательского комитета, уехал почти на год, до марта 1918 г., на Кизеловские угольные копи помощником управителя заводской конторы.

Вернулся он домой, чтобы продолжить учёбу, а попал на фронт и под Таватуем был пленён белыми. Отбив в лагере около трёх месяцев, он получил свободу и поступил в Горный институт. Проучился лишь один семестр. В начале февраля 1919 г., почти сразу же после рождественских каникул, Анатолия мобилизовали. Сначала отправили в учебную команду, поскольку он был горным техником и студентом, а потом в 3-ю Сибирскую школу прапорщиков. В плен красным он якобы сдался в первых числах января 1920 г. в Красноярске. Как и Маркова-Яковлева, его содержали в военном городке. Там он прошел первую проверку в Особом отделе и получил разрешение уехать в Екатеринбург.

По дороге Анатолий заболел. Его сняли с поезда и в Омске положили в госпиталь. Поэтому в Екатеринбург он приехал не в апреле, как Лаврентьев и Ладыгин, а в начале мая. Но его и ещё нескольких бывших офицеров, тоже, как и он, заболевших по дороге, почему-то привезли в Особый отдел. Сопровождал их, а точнее конвоировал, старшина 1-го Омского выздоравливающего полка Георгий Георгиевич Новиков – человек с безупречной, с точки зрения чекиста, биографией: самоучка, чернорабочий, коммунист, один раз был, по его словам, арестован белыми за агитацию среди крестьян. Такому можно доверять.

Поэтому в Особом отделе 5 мая сначала допросили его. Он охотно указал «на крайне подозрительных офицеров белой армии, которые занимались расстрелами и руководили восстанием. Сведения о них получил от других больных бывших красноармейцах из них даже коммунисты некоторые, которые делали от себя заявления об известных им белогвардейских офицерах в ячейку 1-го Омского полка выздоравливающих».

Среди «подозрительных офицеров» он назвал и Султинского. «Он, – написал Новиков в протоколе, – житель Висимо-Шайтанского завода принимал участие в восстании против Советской власти в ноябре 1918 г. Был в боях, но попал к нам в плен. Я был тогда на бронепоезде № 2 ... и нашей командой был взят в плен. На второй день вечером этот Султинский бежал из-под ареста. Он должен был быть расстрелянным. Теперь я его узнал. Личность его мне хорошо знакома. Раньше не знал его».

Это показание решило судьбу Анатолия, а к тому, что он рассказывал о себе, о неучастии в боях, о том, что Сибирская школа прапорщиков на фронте не была, о желании помочь Советской России, об обещании русскому народу честно служить и исполнять обязанности по службе на любых должностях по горному делу, следователь отнёсся со злым раздражением. Этим злым раздражением он, как чернилами, и написал 17 мая заключение по делу:

«... Султинский, будучи в рядах Красной армии и спровоцировав массу несознательных красноармейцев, устроил против Советской власти восстание в Висимо-Шайтанке. С восставшими перешёл на сторону белых добровольно. Служа у белых, зарекомендовал себя активным борцом за восстановление монархии ... я предлагаю гражданина Султинского Анатолия ... расстрелять».

На титульном листе «ДЕЛА № 784», которое содержит всего 10 листочков, включая справку о реабилитации, в качестве резолюции был поставлен жирный крест синим карандашом и сделана надпись: «Как изменника сов. власти и руководителя восстания в Висиме высш. мера».

Иван и Феодосий

Братьев Фесенко арестовали 10 мая 1920 г. прямо в аудитории. У них отобрали учебник «Курс технической механики» Н. Б. Делоне и папку с конспектами. Позже, находясь в исправдоме № 1, они писали в ГубЧК, чтобы им вернули «сюда названные пособия, так как они к делу не относятся, а (им. – В. Ф.) ... они крайне необходимы для работы».

Арест сыновей, конечно же, напугал их отца Архипа Афанасьевича, но не до такой степени, чтобы у него опустились руки. Жизнь научила его держать удары. Он был родом из-под Канева, где похоронен идеолог украинской самостийности Тарас Шевченко (1814 – 1861). Там же родились и его старшие сыновья: Феодосий в 1897 г. и на два года позже Иван. Грамотен он был не дюже, но обладал красивым почерком, благодаря которому в армии служил писарем в штабе кавалерийской дивизии. Отслужив, он женился на калужанке Федоре свет Васильевне. У них родилось четверо сыновей: кроме Феодосия и Ивана ещё Пётр и Григорий.

Всю жизнь Архип Афанасьевич прослужил конторщиком на железных дорогах. Когда и по какой из них семья Фесенко приехала в Екатеринбург, неизвестно. Но накануне революции Архип Афанасьевич служил в Управлении Тюмено-Омской железной дороги, а при белых в Министерстве снабжения. Знал, где найти тихое хлебное место. В 1920 г. семья снимала квартиру в доме № 10 на Дубровинской улице (ныне улица Чернышевского).

Эта торговая улица начиналась у Покровского проспекта (ныне улица Малышева) и растворялась в Хлебном рынке. В шестнадцати её усадьбах жили небогатые купцы и мещане, державшие мелочные лавки, магазины, склады и постоянные дворы. Здесь все друг друга знали, знали, кто чем живёт. Советская власть многих из них ущемила, и они относились к ней с недоверием. О том, что произошло в семье Фесенко, сразу же стало известно всем жителям улицы, и они по просьбе Архипа Афанасьевича выступили в поддержку арестованных, направив 12 мая коллективное заявление в ГубЧК, под которым подписалось почти сорок человек. Жалея братьев, жители написали, что те «перенесли страдания от белых, а именно по донесению нечестивых людей были арестованы якобы за участие в убийстве Николая II ... и его семьи, а вместе с ними были арестованы их отец и два брата».

В тот же день чекисты получили и заявление от коммунистов братьев Георгия и Ивана Михайловичей Птухиных, считавших, будучи солидарными с жителями Дубровинской улицы, что Фесенко, которых они знают с малых лет, «по своему образовательному цензу могли быть в колчаковской армии офицерами, но по своим убеждениям ... не были таковыми, а

служили добровольцами, не занимая никаких ответственных мест службы».

Общественно-коммунистическое заступничество не породило в ответ ни звука, ни слова, будто оба заявления провалились в пустоту. Тогда, выдержав два дня этого молчания, не выдержал Архип Афанасьевич. Он написал чётким красивым почерком военного писаря и конторщика ещё одно заявление, взяв, как истинно чадолюбивый родитель, часть вины сыновей, «арестованных по донесению ячейки коммунистов при Горном институте», на себя: «Сыновья мои, – писал он, – политикой не занимаются..., так как постоянно заняты учением академического характера. Добровольцами ... записаны за три дня ранее объявленной мобилизации согласно моему настоянию с той целью, чтобы избрать такой род службы, где не пришлось бы принимать ... участия против Красной Армии, освобождающей ... трудящихся от колчаковского ига. Не записываясь добровольцами (они. – В. Ф.) всё равно были бы мобилизованы и назначены в любую часть. (Они. – В. Ф.)... первоначально поступили в инженерную роту, затем через 3-4 недели перешли в 12 дивизию один в качестве писаря, а другой – телефонистом и затем ... в военно-механические мастерские в качестве слесарей и заблаговременно эвакуированы в Мариинск. Таким образом, сыновья ... действовали под моим влиянием с ... расчётом, чтобы под прикрытием бумажного добровольца не принимать ... участия против Красной Армии».

Архип Афанасьевич поступил мудро, устроив сыновей в военно-механические мастерские. В этих же мастерских с ними работал студент Петроградского горного института Борис Михайлович Романов, ставший впоследствии выдающимся исследователем геологии Урала. Но он сумел избежать эвакуации в Мариинск, и его не тронула ЧК.

Вероятно, не единожды битый и видевший, как били других, Архип Афанасьевич, витийствуя пером, помнил поговорку: и в ножки чёрту поклонись, лишь бы яйца нёс. А тут шла речь о судьбе сыновей. Поэтому, не жалея красноречия, лжи и лести, он сочинял: «Очевидно, всё донесение ячейки Института ... обоснованно настолько, насколько было донесение белых против ... Фесенко якобы за участие в убийстве Николая II ... и его семьи, благодаря чему были сыновья арестованы и я. Правда, меня многие

считали и считают «старый большевик». Пожалуй, так это и будет, так как открыто записаться в партию коммунистов по старости и слабости здоровья, считаю, неловко... Я, где только возможно было, агитировал против Правительства Колчака, что подтвердит коммунист ... Харитонов Мартемьян Иванович».

Мартемьян Иванович подтвердил, написав совершенно неграмотное, но очень доброжелательное заявление в поддержку сыновей Фесенко. Сам же Архип Афанасьевич, чтобы разжалобить особистов, не зная, что разжалобить их нельзя, пустил, что называется, «слезу»: «я несчастный горемыка конторщик от сидячей жизни ... согнулся уже как дуга... Что может случиться с моей семьёй. Из четырех сыновей двое старших арестованы, не дают им учиться, а двух младших, наверное, скоро мобилизуют (16 и 17 лет)... Может быть, ... здесь сводятся личные счёты товарищей по Горному училищу», которое Иван и Феодосий закончили в марте 1918 г.

Оба брата были в училище на хорошем счету. Иван благодаря отличным успехам учился за казённый счёт. И тот, и другой состояли в профсоюзе служащих г. Екатеринбург и уезда и в профсоюзе технических организаций Урала. Вернувшись из Сибири, оба стали членами спортивного клуба «Сила и здоровье» при Всевобуче.

Братьев, не предъявив им никаких обвинений, 17 мая постановлением ГубЧК заключили в концентрационный лагерь сроком на три года каждого. За что? Предположение отца о возможном сведении с ними счётов как будто бы было не фантазией. У него, видимо, были на это основания.

В день ареста следователь допросил только Ивана, расспросив его лишь об истории ареста в 1918 г. в связи с расстрелом царской семьи. И всё. Иван рассказал следующее: «В 1918 г. по приходе белых ... я работал в Верх-Исетском округе в качестве маркшейдера. На квартиру нашу пришли офицеры и спросили, где я и мой брат, так как мы были на работе, то они не поверили и пришли через некоторое время ... и арестовали ... отца и брата. Потом ... выяснилось, (что. – В. Ф.) они были взяты заложниками. По приходе домой меня и брата арестовали якобы за то, что мы ... соучастники убийства Николая Романова. Под арестом я пробыл 2 дня, а потом был освобождён под подписку о невыезде» и под

надзор следственной комиссии по особо важным делам под председательством генерала М. К. Дитерихса (1874 – 1937), которая занималась расследованием убийства царской семьи.

Кто мог навести следователей на братьев? Только доброхот-аноним, которого они, возможно, обидели, и теперь он им мстил, воспользовавшись для этого более чем удачным поводом, хорошо зная, что к гибели царской семьи они не причастны. Он рассуждал просто: пусть их арестуют, авось дело на следствие повернётся так, что их посадят, а ещё лучше, если их расстреляют. Но вышло не по его.

Тот ли это был имярек или другой, но когда братья вернулись из Сибири 24 февраля, то уже 14 марта начальник Особого отдела I Революционной армии труда получил на них донос о том, что они «По собственному ихнему желанию были зачислены в инженерную роту 7-й Уральской дивизии, которая была сформирована исключительно из добровольцев-воспитанников Уральского училища и студентов местного университета (не университета, а Горного института. – *В. Ф.*)... Оба ... типа были пропитаны до мозга костей антибольшевистскими убеждениями и даже после апрельско-июньско-го ... отступления ... они уходили в Сибирь с прежним фанатизмом контрреволюционеров», а из Сибири вернулись «непонятным образом». Вернулись они вполне легально. Когда части Красной Армии заняли Мариинск, братья работали в мастерских, эвакуированных из Челябинска. Заведовал ими инженер Леонид Евдокимович Андрюков, назначенный в 1920 г. начальником одного из цехов завода «Сталькан» в Екатеринбурге. Через месяц у служащих мастерских появилась возможность уехать домой, и они ею воспользовались.

Было и ещё одно заявление-донос от какой-то женщины-информатора в то время, когда братья уже были осуждены. «Довожу до вашего сведения, – писала она, – что случайно узнала следующее: в одном доме с тов. Витте (кто такой или такая Витте, неизвестно. – *В. Ф.*) проживают родители братьев Фесенко, осуждённых нами за контрреволюции. Мать братьев говорила..., в том числе и Витте, что её сыновей будто бы освобождают ... досрочно, и она полагает, что сыновья в Екатеринбурге жить не останутся. Ибо для них здесь жить неудобно и компрометирующе. По словам матери, они, наверное, переедут в Томск. На слова Витте,

что это им не удастся, ибо для выезда ... нужен пропуск и распоряжение, она ответила: моим сыновьям в этом поможет какой-то комиссар, ибо за их освобождение очень многие хлопочут. Больше ничего я не узнала».

В игре по перетягиванию каната пока сильнее были недоброжелатели Фесенко. 20 мая братьев перевели в Исправдом № 1, а 29-го коммунисты Птухины, которых проверили на принадлежность к членству в РКП (б), подали в Ревтрибунал очередное заявление, прося выдать им «братьев Фесенко на поруки впредь до суда и следствия», заявляя, что «достаточного материала для их обвинения, кроме оправдания, вряд ли найдётся». Замолчать повторное заявление истинных коммунистов было нельзя, но и уважить их просьбу тоже. Поэтому коллегия ГубЧК приняла 7 июня по-больше-вистски соломоново решение: «в виду осуждения обвиняемых в настоящем ходатайстве отказать».

Так, пустыми хлопотами закончилась ещё одна попытка освобождения. Но тяжёлый маятник обвинений, исчерпав, кажется, силу их инерции, отклонился до предела и замер. В Исправдоме исправляться братьев направили в канцелярию. Оттуда их через месяц перевели в концлагерь № 1 и не для того, чтобы валить лес или дробить камень, а по рекомендации заведующего Исправдомом Калашникова определили в Управление лагеря: одного статистиком и заведующим столом заключенных, а второго – техническим руководителем по строительству лагеря и табельщиком. Работали братья и в Исправдоме, и в лагере безупречно.

Маятник, наконец, медленно сдвинулся. 10 августа комендант лагеря Есяев сообщил братьям, что он был на приёме у Штальберг, и она ему сказала, что по решению Президиума ГубЧК они освобождаются. Комендант попросил отсрочить освобождение на 3 дня, чтобы братья сдали свои дела начальнику канцелярии, и получил на это согласие. Иван и Феодосий и не заметили, как пролетели три дня. Но постановление об освобождении они не получили ни через день, ни через два, ни через неделю. Нить маятника за что-то зацепилась.

17 августа они написали заявление в Президиум ГубЧК, спрашивая, чем вызвана задержка, опять просили предоставить им возможность учиться или работать «на трудовом фронте и тем доказать свою солидарность с Советской Россией»; жаловались на

тяжёлое положение семьи, в которой престарелые родители бьются, чтобы дать образование младшим сыновьям, учившимся в Уральском политехническом училище и эмоционально заверяли чекистов: «Так неужели нам не дороги интересы пролетариата? Неужели же мы, дети крепостных крестьян, будем служить врагам трудящихся?».

Обеспокоены были задержкой с освобождением сыновей и родители. Архип Афанасьевич и Федора Васильевна сходили в канцелярию ГубЧК. Делопроизводитель показал им постановление и сказал, что оно уже почти готово и завтра будет отослано в концлагерь. Но нет. Опять чья-то рука крепко удерживала маятник.

Время для осуждённых, которых, словно издеваясь, поманили свободой, не дав её, превратилось в пытку. Неизвестность, неопределённость изматывали, но веру в свою правоту они не теряли и за свободу боролись. В таком настроении братья написали 10 октября очередное заявление, изложив в нём ещё раз о себе всё, не побоявшись в ироничной форме высказать недовольствие деятельностью ГубЧК: «Губчека была настолько любезна, что даже не прочитала протокола обвинения, ни разу не допросила ... нас, так и родителей...; в результате освещение получилось однобокое, одностороннее. До сих пор мы не знаем, в чём мы обвиняемся. Приходится только думать да гадать – вот поэтому мы вам и описали всю нашу жизнь».

Комендант лагеря через неделю передал это заявление в Президиум ГубЧК. 28 октября зампредгубчека Штальберг прислала коменданту резолюцию об освобождении Фесенко. Было бы наивным полагать, что резолюция была ответом на заявление братьев. Нет. Этот документ двигался по другой траектории. И опять он не открыл им ворота концлагеря. О чём они 17 ноября вынуждены были написать в Президиум. Такой оборот дела обескуражил даже коменданта, который приписал на листе их заявления, что Фесенко «весьма усердно и аккуратно относятся к делу, являясь ценными работниками. Поведение безупречное. Изложенное я с удовольствием свидетельствую и со своей стороны ходатайствую об освобождении». А в конце сентября лестную характеристику братьям дал заведующий Исправдомом Калашников, написав, что в Доме они «зарекомендовали себя с хорошей стороны».

Вертящая синица свободы, перепрыгивая с документа на документ, как с ветки на ветку, крутя головой и чирикающая, опять не далась. Что уж тут говорить о журавле в небе. Резолюцию Штальберг положили в папку входящих документов, а братьев – опять на нары.

Но рука, удерживавшая маятник, все-таки дрогнула. 15 ноября комиссия по проведению амнистии по случаю 3-й годовщины Великой Пролетарской Революции (которую позже стали именовать Великой Октябрьской социалистической революцией) на основании постановления ВЦИК сократила срок наказания братьям Фесенко «до 1 года, считая со дня осуждения». А в какой день они были осуждены? Суда-то не было. Есть только день ареста. Ну, да это не так важно, какой день считать днём осуждения. Это только день, пусть и не один, а не годы.

Амнистия вдохнула в братьев уверенность в том, что свобода их все-таки «примет радостно у входа» в концлагерь. В своём последнем заявлении в ГубЧК они сослались на положительную рекомендацию бывшего комиссара Томской железной дороги Н. Н. Сергеева, который уже работал в Москве в Главполитпути и смело написали о своих недоброжелателях: «Как мы уже присмотрелись к делу, нас держат лишь только по милости клеветников наших, которые ревностно следят за нашим положением».

Отец из братьев решил не дожидаться, когда истечёт год. 29 января нового 1921 г. он отправил заявление в коллегия ГубЧК, приложив к нему протокол комиссии по применению амнистии и восемь отзывов на сыновей от заведующего Исправдомом, комендантов концлагеря и знакомых коммунистов. Его мотивировка о досрочном освобождении сыновей юридически была безупречной. «Амнистия, – писал он, – ... сбавила им срок на два года, оставив 1 год..., но они отбыли около 9 месяцев ... осталось отбыть около 3-х месяцев. Согласно (параграфу) 14 «Инструкции о лагерях» ... лица административно осуждённые, могут рассчитывать на досрочное освобождение, отбыв 1/3 наказания. Мои же сыновья отбыли уже более 2/3 срока... Ходатайство может быть удовлетворено ... местным Исполкомом или ЧК ... или Главным управлением принудительных работ».

Сам Архип Афанасьевич, не закончивший и двухклассной сельской школы, такое заявление составить не мог. Ему помог опытный юрист, поэтому оно имело важные последствия.

7 февраля во Всероссийскую ЧК было направлено письмо за подписью начальника и комиссара Главного управления путей сообщения, в котором они просили «об освобождении ...Фесенко из заключения с откомандированием их в г. Москву в распоряжение технического управления Народного комиссариата путей сообщения или, в крайнем случае, использовать в правлении Пермской дороги».

Пятью днями позже в Екатеринбург в ГубЧК был отправлен пакет с документами из Главного управления общественных работ и повинностей Наркомвнудел. Что это были за документы? Заявление Архипа Афанасьевича, написанное им 29 января, и восемь отзывов о работе его сыновей. Документы были направлены «на рассмотрение» ГубЧК.

И, наконец, 21 февраля в следственном отделе ГубЧК получили пакет, присланный из ВЧК с сопроводительным документом: «Настоящая переписка по делу граждан Фесенко препровождается для расследования этого вопроса по существу и непосредственного ответа НКПС». Под «настоящей перепиской» следует понимать письмо, направленное в ВЧК начальником и комиссаром Главного управления путей сообщения.

Интрига трёх документов заключается в том, что во главе ВЧК, Наркомвнудел и Наркомата путей сообщения стоял один и тот же человек – Феликс Эдмундович Дзержинский (1877 – 1926).

Каким был результат сверхскоростного движения документов? Ведь надо иметь в виду, что почтовая связь между Екатеринбургом и Москвой осуществлялась только по железной дороге, которая тогда по всей стране находилась в состоянии, близком к параличу. 21 февраля помощник уполномоченного секретно-оперативного отдела ГубЧК Ярцев пересмотрел дело Фесенко. А велико ли оно? И пришёл к заключению, что «означенные граждане являются членами чисто мещанской семьи... В период заключения ... подавали пример прочим заключённым. На основании чего, полагал бы ... применить (к ним. – В. Ф.) приказ ВЧК за № 10 из-под стражи освободить, направив их в распоряжение Уезд(ного) военкомата...».

Покровители братьев Фесенко, на которых намекала их мать, были сильны, но не всеильны. ВЦИК отклонил ходатайство о реабилитации Ивана и Феодосия. В Екатеринбурге об этом решении верховного законодательного органа Советской России стало известно 5 апреля. Но в конце концов они всё же вышли на свободу. Когда и при каких обстоятельствах, неизвестно. Документов об этом в их деле, а оно было у них общим, нет.

Итак, справедливость восторжествовала? Как бы, не так. Только на время. Сотрудники ВЧК, а с 1922 г. ГПУ и ОГПУ так и не выпустили братьев из поля своего зрения. Особенный интерес они проявили к семье осенью 1925 г., когда Иван с женой подали заявление в миграционную службу на выезд за границу. В связи с этим Иностраный отдел ОГПУ несколько раз делал запросы в Полномочное представительство ОГПУ по Уралу, в Уральский областной суд, в Окружной административный отдел, в Окружной финансовый отдел и в Свердловский уголовный розыск о том, не располагают ли они какими-либо компрометирующими материалами на супругов. Жена Ивана Нина Александровна была в этом отношении чиста. На Ивана же в архиве лежало только следственное дело пятилетней давности. И всё.

Что же из себя представляла семья Фесенко к этому времени? 65-летний Архип Афанасьевич и 63-летняя Федора Васильевна бедствовали, жили на ВИЗе на улице Отдыха, но было им не до отдыха; он работал конторщиком, она торговала старыми вещами на барахолке. Правда, так было не всегда. В годы НЭПа Архип Афанасьевич занимался торговлей скота, по патенту как инвалид; торговал успешно, был богат. Но финансовые органы установили, что патент был получен неправильно и его отобрали. Торговлю пришлось свернуть.

Феодосий женился на дочери заведующего рудниками треста «Гормет» Александра Александровича Соловьёва; служил техником в Горкомхозе, а жена работала счетоводом в Уралоблсоюзе. В начале 1925 г. оба уехали на станцию Слюдянка, что под Иркутском. Оттуда переехали в Москву, где Феодосий получил место инженера в Институте по разработке месторождений слюды.

Иван, Григорий и Пётр учились в Екатеринбурге на рабфаке, но были отчислены за непролетарское происхождение. Иван с Петром переехали к старшему брату в Москву; Иван сначала

работал в ВСНХ, потом на каком-то заводе, а Петр сумел стать членом РКСМ и устроился на работу в клуб физкультурников. Григорий, тоже член РКСМ, поработав на Слюдянке, вернулся на Урал и нашёл место горного техника на Косьвинских приисках.

Агенты, следившие за Фесенко, доносили, что «вся семья ... настроена против Соввласти», что в разговоре с «матерью, последняя неестественно старается характеризовать (сыновей. – В. Ф.) ... ярыми комсомольцами и вообще людьми преданными Соввласти, но по ее стараниям видно, что это говорится для какой-то цели, т. е. пускается пыль в глаза».

А как должна себя вести мать в такой ситуации? Только так, защищая и оберегая своих детей. На то она и мать. Об Иване и Феодосии в рапортах агентов говорилось, как о колчаковских карателях, которые избежали расстрела только потому, что «были поздно выявлены, когда к белогвардейцам стали применять более мягкие меры наказания».

Каков конец этой непростой драматичной истории? Он наступил 26 ноября 1992 г. в виде заключений по материалам уголовных дел Ивана и Феодосия Фесенко. Эксперты не обнаружили в их прошлых деяниях состава преступлений, и они были реабилитированы как жертвы политических репрессий. Интересные формулировки: дела уголовные, а жертвы политические.

На обратной стороне одной из фотографий, сделанных в день венчания, Валентин Ладыгин написал синим карандашом: «Пусть наша жизнь будет всегда Воскресеньем!». О Воскресеньи – счастливой и радостной жизни, полной созидательного труда, мечтали для себя и своих детей не только Валентин и Лидочка, но и Виталий, и Михаил, и Фёдор, и Анатолий, и Феодосий с Иваном, и ещё многие тысячи их сверстников. Но им в этом естественном и простом желании было жестоко отказано. Воскресеньем для них стало Воскресение их добрых имен, о котором ни им, ни их близким не суждено было узнать.

«ЛИШЬ СЛОВУ ЖИЗНЬ ДАНА...»

Креститель Руси киевский князь Владимир Святославович – Владимир Красное Солнышко (? – 1015) – говаривал, что человеку нельзя отказать в двух вещах – хлебе и книге. Книга – духовный хлеб образованных и культурных людей – особенно нужна тем, кто стремится к знаниям, ученым и студентам. Поэтому во все времена одним из важнейших условий престижности учебного заведения была его библиотека.

Если высшее учебное заведение – это храм науки, то библиотека – его алтарь. Благоговейное отношение к книге неистребимо. Какого бы уровня развития ни достигла цивилизация, ей вряд ли удастся превзойти гениальное по простоте и притягательной силе изобретение Иоганна Гуттенберга (?– 1468). Человечество много потеряет, перенеся литературные тексты на бесстрастное поле дисплеев. Те, кто начинал создавать библиотеку в Горном институте, любили и ценили книгу.

История библиотеки Уральского горного института началась задолго до его открытия. Летом 1912 г. умер старший маркшейдер и заведующий чертёжным отделом Уральского горного управления горный инженер, статский советник Р. Г. фон Миквиц, и наследники, разбирая его библиотеку, сочли, что техническую литературу следует передать в библиотеку будущего Горного института, а пока суд да дело, отдали их на хранение в УОЛЕ. Прослышав об открытии в Екатеринбурге Горного института, откликнулась жившая в Петербурге дочь горного инженера Е. В. Гришина. Её отец много лет работал на Урале и в Сибири, и дочь в память об отце и годах, проведенных на Урале, решила передать его книги в будущую библиотеку будущего вуза. Написала об этом в городскую управу письмо, прося приехать кого-нибудь к ней и забрать книги. Ездил ли кто-то за книгами или не ездил, осталось неизвестным. Нигде никакого упоминания об этом я не встречал, но искреннее желание людей помочь первому уральскому вузу трогательно.

Ещё более ценное предложение было сделано год спустя. 10 декабря 1913 г. Главный начальник Уральского горного управления П. И. Егоров получил письмо от профессора «механической

технологии при Харьковском технологическом институте В. С. Кнаббе» с предложением купить у него для библиотеки будущего института техническую литературу, которую он собирал в течение 25 лет. Среди книг Владимира Сергеевича, насчитывавших 741 том, были справочники, книги по металлургии, технологии обработки металлов, древесины, волокнистых и питательных веществ, железнодорожному делу, паровым двигателям, котлам, топливу, вентиляции, электричеству и электротехнике, прикладной, теоретической и строительной механике, гидравлике, сопротивлению материалов и другим разделам науки и техники.

Предложение было заманчивым. Судя по описанию библиотеки, сделанному с немецкой пунктуальностью, её состав вполне соответствовал профилю будущего вуза. Да и просил профессор за все это богатство совсем немного, 500 рублей, хотя книги стоили вчетверо дороже. Владимир Сергеевич расставался с ними не от хорошей жизни: после продолжительной болезни у него умерла жена и он очень нуждался в деньгах.

Письмо Кнаббе Егоров передал городскому голове Обухову. Документов, подтверждающих покупку книг, найти не удалось. Но, сопоставляя рубрикатор библиотеки Кнаббе со старыми книгами, хранящимися в библиотеке Горного университета, можно предположить, что покупка состоялась. Если это так, то следует отдать должное дальновидности того, кто принял это решение. И вот почему.

В проекте уральского «рассадника науки» создание библиотеки на первых порах не предусматривалось. Неразумность такого решения очевидна. Многие это понимали. Веймарн, выступая на торжестве при закладке здания института, с озабоченностью говорил, что в молодом вузе «особенно важно для провинции создание фундаментальной библиотеки». Слова ректора были услышаны. Стали поступать пожертвования. Пример подал известный уральский промышленник и меценат Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл (1853 – 1929): «Выдающийся исторический момент в развитии ... Екатеринбурга, – писал он Веймарну, – заставляет меня принять ... участие в создании будущего рассадника процветания Урала, ввиду чего я позволил себе ... внести в Ваше распоряжение 5000 рублей на приобретение книг по химии в библиотечный фонд вверенного Вам института».

Благие порывы не должны оставаться безымянными (чтобы не оскудевала рука дающего и не отсыхала рука берущего). Поэтому ректор, приняв дар, обратился в Министерство торговли и промышленности за разрешением сделать на шкафах, в которых будут размещены книги, надписи «Пожертвовано семейством Поклевских-Козелл». «Лёд» тронулся.

В конце июля Веймарн обратился с ходатайством в Губернское земство о выделении на устройство библиотеки 200 тыс. рублей. Сумма немалая, но и обеспечение под неё было уже солидным: состоялась закладка главного корпуса института, были утверждены штаты профессоров и преподавателей, назначен ректор. И земство уступило, но только на половину просимой суммы, «ассигновав на основание фундаментальной библиотеки в горном ... 100000 руб.»

Из всех жертвователей более всего всех удивила екатеринбурженка Ольга Ивановна Дрозжилова. Она пожертвовала УГИ капитал в ценных бумагах на сумму 36650 рублей и ещё наличными 190095 руб. 48 коп. Проценты с капитала по её воле должны были пойти на стипендии, сам же капитал должен был оставаться неприкосновенным. Кроме этого, она жертвовала капитал в 65000 руб. и проценты с него с момента продажи имущества, за которое он получен. Две трети процентных денег предназначались на покупку книг и одна треть на премии за научные сочинения. «Духовное завещание Дрозжиловой, – писала газета «Зауральский край», – «является необычным для местных богатых людей, оставляющих после себя огромные состояния, но уходящих в мир иной без всякого следа для общественной жизни». Год завершился ещё одним даром: Шадринская уездная земская управа обещала ассигновать для библиотеки в 1917 г. 5000 рублей. Только вряд ли эти деньги были получены.

Новый 1917 г. начался для будущей библиотеки с богатого дара. Из Главной физической (геофизической) обсерватории в Екатеринбург была привезена ценная библиотека известного физика-оптика, выпускника Петербургского университета, профессора Кронштадтского артиллерийского офицерского класса и основоположника отечественного оптического военного приборостроения Александра Львовича Гершуна (1868 – 1915).

Таким образом, с миру по нитке, к моменту открытия института его библиотека уже насчитывала несколько тысяч томов.

Первым библиотекарем была назначена Мария Георгиевна Гадд, не профессионал в библиотечном деле. Уроженка Петербурга, она в 1903 г. окончила Высшие Женские Бестужевские курсы, несколько лет работала учительницей в провинциальной школе, два года стажировалась по физике и математике в Геттингенском университете. Поэтому работа библиотекарем для неё была временной и как только в 1920 г. освободилось место ассистента по кафедре физике, она ушла из библиотеки.

Библиотека открылась 26 ноября 1917 г., когда по решению Совета института в неё получили доступ студенты. Но книгами, разнесенными по двум фондам: учебному и фундаментальному – они могли пользоваться только в читальном зале и лишь по рекомендации профессора в исключительном случае студенту выдавали книгу на дом. Такие меры были разумными, поскольку библиотечный фонд был небольшой, бюджет библиотеки скудный, средств на приобретение книг ещё меньше, а среди них было немало ветхих, требующих ремонта, так что экономить приходилось на всем. Поэтому решение даже незначительных вопросов, касающихся библиотеки, выносилось на заседания Совета института. 17 ноября Совет, например, обсуждал вопрос о ремонте книг. Из-за отсутствия средств постановили: отремонтировать полностью только книги учебного фонда, а из фундаментального – лишь наиболее ценные, а в мае 1920 г. разгорелись дебаты о покупке Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона за 100 тыс. рублей. Не купили, не нашлось денег, и лишь благодаря какому-то счастливому случаю словарь все же оказался в библиотеке.

В декабре для руководства библиотекой создали библиотечный совет (позже он стал называться библиотечной комиссией), членами которого Совет института избрал Шохата, Галли, Петрова и Келля. В январе следующего года Советом института было установлено время работы и библиотеки, и читального зала. Мария Георгиевна сначала с одним помощником, а потом с двумя ежедневно обслуживали читателей с 10 часов утра до 8 часов вечера. В апреле, когда были утверждены составленные

Петровым правила пользования книгами фундаментального фонда, в библиотеку получили доступ и горожане.

Чем острее становилась борьба за власть между большевиками и их противниками, тем тяжелее приходилось студентам. Обе противоборствующие стороны они интересовали как «пушечное мясо». Поэтому и та, и другая мобилизовывали их в свои армии, и хотя оставшихся в институте было немного, но и им не хватало учебников. А «на рынке в настоящее время нет абсолютно никаких пособий, – писала в начале 1919 г. газета «Горный край». – Библиотека же института не настолько богата пособиями..., чтобы удовлетворять потребностям. На имеющиеся в библиотеке экземпляры установлены очереди, причем на некоторые учебники записалось до 40 и более студентов (с правом держать книгу до 2-х недель), так что последние из записавшихся имеют шансы получить книгу через 80 недель».

Чтобы обеспечить себя учебной литературой, студенческая организация создала издательскую комиссию: студенты ходили на лекции, писали конспекты, отдавали их профессорам на редактирование, а затем члены комиссии оформляли их должным образом и тиражировали на стеклографе. Таким способом в конце 1918 г. были изданы записки по аналитической геометрии под редакцией профессора Шохата, в 1920-м его же курс лекций по дифференциальному исчислению объёмом в 25 печатных листов. Стоили такие издания не дешево: по рублю за печатный лист. Но спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Так «спасали» себя студенты и в 20-е годы.

14 июля 1919 г. в Екатеринбурге была установлена Советская власть. Наступление Красной Армии было таким стремительным, что эвакуация превратилась в паническое бегство. Люди брали с собой только самое необходимое и ценное, бросая в домах и квартирах мебель, библиотеки, картины, коллекции. В хаосе, спутнике смены власти, неизбежно мародерство. Чтобы его не допустить, члены Уральского общества любителей естествознания создали 23 июля Комиссию по охране научных и художественных ценностей под председательством профессора Матвеева. Её членами избрали доцента Титова, библиотекаря Гадд и помощника библиотекаря УОЛЕ Е. П. Фридман.

Комиссия задалась целью собрать сведения о научных коллекциях, приборах, книгах, древностях, произведениях искусства, оставленных в городе без охраны частными лицами и учреждениями; оценить их научную и художественную ценность и сохранность и обеспечить охрану от воров и мародеров. Но главной заботой членов комиссии стали книги, особенно научного и технического содержания. 15 августа было решено собрать по городу все брошенные владельцами библиотеки и свезти их в удобные и надежно охраняемые склады, о которых должен был позаботиться Губернский отдел народного образования (ГубОНО). Научно-техническую литературу договорились везти в музей УОЛЕ и в Горный институт. Под книжный склад приспособили склад страхового общества «Саламандра» на Ломаевской улице (ныне улица Февральской революции). На этом складе под эгидой мифической саламандры, которая в воде не тонет и в огне не горит, за сохранность книг можно было не беспокоиться. А вот в городе у книг защиты не было. Случайно или специально было сожжено два воза книг, изъятых у екатеринбургского архирея, среди которых было первое издание полной славянской библии, вошедшей в историю под названием «Острожской библии». Об этом сознательном или бессознательном варварстве с горечью написал в 1923 г. в газете «Уральский рабочий» И. Э. Грабарь (1871 – 1960).

Книги собирали по всему городу и в телегах привозили на склад. Здесь их разбирали и классифицировали по десятичной системе, а потом передавали по заявкам в библиотеки различных учреждений. Учет был строгий. Списки затребованных книг Матвеев просматривал лично, и на многих из них есть сделанные им пометки: «Все означенные в списке книги передаются лишь во временное пользование. Отмеченные красным должны быть переданы во временное хранение в Горный институт. К. Матвеев». Он считал, что книгами должен распоряжаться тот, кто хочет и предполагает ими пользоваться. Поэтому особенно ревностно он относился к подбору книг для библиотеки Горного института.

Учитывая широкий кругозор горных инженеров, Матвеев передавал в библиотеку не только научно-техническую литературу по различным отраслям горного дела и геологии и по смежным с горным делом наукам, но также по экономике, философии, истории, политической экономии, статистике, социологии. Таким образом,

в библиотеку Горного института поступили: «Философия природы» В. Ф. Оствальда, «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра, «История Земли и жизни» И. Вальтера, «Краткий курс экономической науки» А. А. Богданова, сочинения Г. Спенсера, Ф. Лассаля, Ф. Меринга, В. Зомбарта, Ф. У. Тейлора и другие. Какими же просвещенными и широко образованными были екатеринбуржцы, если они читали эти книги!

В августе-сентябре 1919 г. в библиотеку привезли много книг из частных собраний: инженеров Фадеева, Л. А. Кроля, лесоведа Гольдберга. Фадеев был полиглот. Среди 57 его книг были сочинения не только на русском, но и на немецком, английском и французском языках по естественным наукам, металлургии и минералогии: «Металлургия золота» Л. Эйслера, «Химическая минералогия» Р. Браунса, «История Земли» М. Неймара, «Жизнь животных» А. Э. Брэма и другие. Великолепной была и подборка из 154 журналов, таких как «Русское экономическое обозрение», «Горный журнал», «Вестник золотопромышленности».

Неординарной, как и он сам, была библиотека Льва Афанасьевича Кроля – инженера-механика по образованию, владельца и директора центральной электростанции Екатеринбурга, очень пассионарного и социально активного человека. Он был лидером партии кадетов Урала, членом её ЦК, прекрасным оратором и непримиримым оппонентом на митингах большевиков, меньшевиков и эсэров. Октябрьскую революцию он не принял, как и приход к власти Колчака. Был членом Учредительного собрания и Временного областного правительства Урала. В 1922 г. эмигрировал из Владивостока и поселился в Париже, там и умер в 1931 г. в возрасте 60 лет.

В библиотеке Кроля помимо специальной электротехнической литературы было много книг по социально-политическим вопросам, в том числе стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, Полный Свод Законов Российской Империи (ПСЗРИ), постановления Временного правительства, Положение о выборах в Учредительное собрание, работы В. И. Ленина, Ю. М. Стеклова (Нахамкиса), Ф. Ф. Кокошкина, В. М. Чернова, А. В. Чаянова, уставы различных обществ, журналы: «Вестник партии народной свободы», «Городское дело», «Полярная Звезда».

В октябре библиотека получила со склада ГубОНО многотомную «Техническую энциклопедию», 33-томный «Энциклопедический словарь» Граната и ряд других ценных изданий. Подвижническая деятельность Комиссии и её председателя помогла увеличить библиотечный фонд почти на 3000 книг и каких книг. И хотя грешно так говорить, но всё же стоит вспомнить поговорку: не было бы счастья, да несчастье помогло. К концу 1919 г. в библиотеке Горного было 9080 книг.

Что же касается Комиссии по охране научных и культурных ценностей, то она просуществовала до февраля 1920 г. На годовом собрании УОЛЕ, состоявшемся 8 февраля, Матвеев, отчитываясь о проделанной работе, сказал, что главные задачи Комиссия выполнила, сохранив для города от расхищения, порчи и гибели кроме книг многие научно-художественные ценности, благодаря бескорыстной и самоотверженной работе её членов и добропорядочных горожан-волонтеров. Контроль общественности усмирил хаос.

Сделав благое дело, Комиссия уже больше была не нужна. Советская власть прочно стояла на ногах и могла выбирать или назначать себе помощников. Ещё в декабре 1919 г. при ГубОНО была создана секция научных и художественных ценностей, занимавшаяся регистрацией, распределением и хранением этих самых ценностей, а членов Комиссии стали привлекать только для экспертных оценок и определения того, как можно использовать тот или иной коллекционный предмет. На последнее заседание члены Комиссии собрались 17 февраля, чтобы обсудить перспективы создания в Екатеринбурге Центральной научно-технической библиотеки.

Рассказ о библиотеке – это, прежде всего, рассказ о редких и уникальных изданиях, кипсеках и раритетах, хранящихся в её фондах. В числе первых назову «Руководство к минералогии с присовокуплением статистических сведений о важнейших солях и металлах, сочиненное Дмитрием Соколовым, профессором Санкт-Петербургского университета, преподающим геогнозию и минералогию в горном корпусе. Часть 1, содержащая минералы. Печатано в С.-Петербурге в типографии Плюшара. 1832 г.»

Неторопливость и обстоятельность, присущая нашим предкам, проявлялась не только в поступках и трудах, но и в названиях

издававшихся ими книг. Они были длинными, все разъясняющими, поскольку автор не лукавил и не интриговал читателя, а сразу вводил его в курс дела.

Ординарный академик Петербургской академии наук, минералог и кристаллограф Николай Иванович Кокшаров (1818 – 1892/93) после окончания Института корпуса горных инженеров работал в Екатеринбурге на Монетном дворе, в 1840 – 1841 гг. путешествовал по Уралу с экспедицией английского геолога Р. И. Мурчисона (1792 – 1871); открыл минерал ильменорутит, образец которого выставлен в витрине Уральского геологического музея, а в библиотеке – его «Лекции по минералогии, читанные Николаем Кокшаровым». Они были изданы в Петербурге в 1863 г.

Уроженца Златоустовских заводов Ивана Августовича Тиме вряд ли надо представлять – выдающийся ученый, один из основателей науки о резании металла, автор классических работ по горной механике; с 1856 по 1866 гг. работал на уральских заводах, позже преподавал в Петербургском горном институте и оставил после себя большое литературное наследие. В библиотеке хранится его «Атлас к справочной книге для горных инженеров и техников по горной части. Т. 1. Горнозаводская механика», изданный в Петербурге в 1879 г.

Для маркшейдеров исторический интерес представляет прекрасно оформленный атлас О. Братчуга «Практическое руководство маркшейдерского искусства», а для геологов – опубликованное в 1904 г. «Минеральное царство» Г. Гюриха и в 1906 г. «Царство минералов» Р. Брунса.

В книге-отчете Менделеева «Уральская железная промышленность в 1899 г.» есть глава, посвященная описанию результатов первых магнитометрических исследований при изучении железорудных месторождений Каменного Пояса.

Любители географии получают истинное удовольствие, листая и читая 19-томное роскошное издание «Россия», вышедшее под редакцией В. П. Семенова в Петербурге с 1899 по 1913 гг.

Из библиотеки Екатеринбургского народного университета какими-то неизвестными путями в библиотеку Горного попала красочная «Всемирная география» и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1801 – 1872). Обе книги были изданы в конце позапрошлого века.

«Духовный хлеб» для библиотеки добывали отовсюду. Весной 1920 г. в Москву отправились «ходоки» – полномочная делегация во главе с Матвеевым для разрешения острейших институтских проблем, в том числе и за книгами. В обеих столицах на книжных вольных рынках и на складах различных учреждений: Академии наук, Геологического комитета, Геологического совета, Химико-технического издательства, издательства «Природа», Минералогического общества, Петроградского горного института, Комиссии по изучению природных сил России было куплено и получено несколько тысяч книг. Личные связи Константина Константиновича дали ему доступ в книжные собрания известных геологов И. В. Мушкетова (1850 – 1902), А. Н. Замятина (1879 – 1918), А. В. Нечаева (1864 – 1915), А. А. Краснопольского (1853 – 1920). Благожелательно отнеслись к его просьбам академики А. П. Павлов (1854 – 1929) и Ферсман, профессора С. Н. Никитин (1850 – 1909), Н. Н. Яковлев (1870 – 1966) и Я. С. Эдельштейн (1869 – 1952), подарив свои работы. Коллега Матвеева и член делегации Е. Е. Нольштейн купил в Ревеле на полмиллиона рублей новейшую научную литературу преимущественно на немецком языке. Помимо книг и журналов удалось получить более 100 геологических и топографических карт различных районов Урала и других регионов, а также настенные таблицы по физической геологии и горному делу.

Оценивая привезенное книжно-картографическое богатство, перечень наименований в котором приближался к 10000, Матвеев написал в отчете, что теперь геологоразведочный факультет, получив много ценных и редких журналов и монографий на русском и иностранных языках, труды сессий международных геологических конгрессов и конгрессов по близким к геологии наукам, а также основную учебную и справочную литературу, обеспечил нормальное преподавание многих дисциплин геологического цикла.

«Больше всего книг получено, – писал Матвеев, – по стратиграфии, региональной геологии и геологии России, по палеонтологии, прикладной геологии, хорошо представлен отдел доисторического человека. Общее впечатление от создаваемой библиотеки: большая, несколько разрозненная, разнохарактерная библиотека со многими редкими изданиями. Подбор книг дает

возможность широкой и глубокой трактовки геологических и сопредельных с ними вопросов».

Ну, что? Не так уж и плохо, если учесть, что до этого в инвентарной книге библиотеки геологоразведочного факультета числилось всего 300 наименований, а книжный фонд состоял из дублетов журналов, отобранных из фундаментальной университетской библиотеки и небольшого количества книг и брошюр.

Позже стараниями Шубникова и Н. К. Высоцкого (1864 – 1932) из библиотек Москвы и Ленинграда были получены почти все геологические издания Академии наук и Геологического комитета, книжные подарки выдающихся ученых Ф. Ю. Левинсон-Лессинга (1861 – 1939), В. И. Вернадского (1863 – 1945) и других. Есть книги с пометками. Пометки, сделанные выдающимся человеком на их полях, превращают даже малозначительную книгу в раритет. В библиотеке есть много томов, принадлежавших Францу Юльевичу Левинсон-Лессингу (кроме подаренных им). На всех дарственные надписи их авторов. Владелец книг умер в 1939 г. Как они попали в библиотеку Горного, неизвестно. Возможно, при эвакуации Ленинградского университета в Свердловск во время войны, ведь Левинсон-Лессинг с 1921 г. заведывал в нем кафедрой петрографии.

Среди старинных периодических изданий, а их в библиотеке немало: «Записки Императорского Санкт-Петербургского общества» (1870 – 1918 гг.), «Известия Императорской Академии Наук» (1899 – 1919 гг.), «Ежегодник по геологии и минералогии России» (1896 – 1917 гг.), «Записки Уральского Общества Любителей Естествознания» (1893 – 1917 гг.), «Известия Императорского Русского географического общества» (1884 – 1916 гг.), для горняков несомненно наибольший интерес представит «Горный журнал».

Сейчас уже не восстановить, кто и когда первым высказался о его издании. В начале 1825 г. с мотивированным проектом нового издания выступил директор Департамента горных и соляных дел и управляющий Горным корпусом Егор Васильевич Карнеев (1773 – 1849), получивший поддержку министра финансов Канкрин. Вероятно, немалое влияние на принятие окончательного решения оказали результаты поездки Государя Императора осенью предыдущего года на Урал. Сопровождавший Александра I лейб-

хирург Д. К. Тарасов отметил в дневнике: «Его Величество был доволен тем, что ознакомился с невиданными им до того краями России. Главное Его Величества внимание обратился на себя богатый сокровищами Урал, где он видел все богатства Урала, минеральную его производительность, и узнал хорошо особенно характер и быт народа».

3 марта 1825 г. министр финансов препроводил в Горный департамент «засвидетельствованный список с Высочайше подтвержденной докладной ... записки в 28-й день прошлого февраля об издании Горного Журнала». Записка гласила, что издателем учреждается специально созданный для этой цели Ученый комитет по горной и соляной части под председательством директора Горного департамента, а из казны единовременно выделяется 10 тыс. рублей на оборотный капитал и 5 тыс. ежегодно для того, чтобы все горные чины могли получать журнал за половинную цену.

Председатель Ученого комитета, выступая 21 марта на первом заседании, изложил «цели и пользы» журнала: он должен был знакомить читателей с новыми открытиями, возбуждать их творческую деятельность, быть пособием для преподавания в Горном кадетском корпусе, служить офицерам «библиотекою..., которая, знакомя их со всею ученою Европой, конечно, не допустит ревностнейших из них терять свои дарования и стремления к дальнейшему образованию ума и сердца». К сказанному Егором Васильевичем добавлю, что из журнала воспитанники Корпуса, а затем Института узнавали не только о новинках науки и техники, но и о служебной деятельности, трудах и наградах однокашников. Поэтому для них, разбросанных по медвежьим углам империи, журнал был связующей нитью, протянутой рукой товарища, дорогим воспоминанием об альма-матер, былом студенческом братстве, «неразделимом и вечном».

Журнал был ежемесячным. Его первый номер вышел 1 июля 1825 г. Публикуемые в нем материалы разносились по десяти отделам: минералогия, химия, горное, заводское, монетное и соляное дело, всеобщая горная и соляная библиография, горное и соляное законодательство, биографические известия, некрологи и смесь (разное). Каждый отдел возглавлял редактор, являвшийся членом Ученого комитета, роль которого не ограничивалась только

еженедельным обсуждением статей. Скоро Комитет стал ещё и научно-техническим центром, где рассматривались различные проекты, поступавшие в Горный департамент. А чтобы члены Комитета и редакторы не искушались корыстью, жалование им не полагалось.

Одной из причин, приводившей к закрытию периодических изданий, было отсутствие хорошей корреспондентской сети. Издатели «Горного журнала» учли это. Ученый комитет имел право избирать из «достойных горных чиновников по заводам» член-корреспондентов и корреспондентов, более того, в горно-заводских округах было намечено создание горных обществ. Первое из них было создано в мае 1825 г. на Урале, на Камско-Воткинских и в округах Екатеринбургских, Гороблагодатских и Златоустовских заводов. К концу года среди 43 член-корреспондентов и корреспондентов журнала было 18 уральцев.

Основательность, с которой был создан журнал, финансовая и организационная поддержка правительства, альтруизм редакторов и корреспондентов, тщательный отбор и строгие требования к точности сведений в публикуемых материалах, высокая квалификация авторов сделали скоро его авторитетнейшим у российских и зарубежных ученых и инженеров. С европейским опытом в горном деле журнал знакомил читателей, публикуя переводы оригинальных статей и книг, имея на то и право, и средства. Только за первые 25 лет среди авторов журнала были такие выдающиеся инженеры и ученые, как металлург и геолог П. П. Аносов (1799 – 1851); историк В. Н. Берх (1781 – 1834), составивший первое жизнеописание В. Г. де Геннина, знаменитые «Абрисы ...» которого были впервые частично опубликованы здесь же; химик и металлург И. И. Варвинский (1797 – 1838), первым установивший, что находка «белого металла» на Урале представляет минеральные соединения платины; геолог, академик Г. П. Гельмерсен (1803 – 1885), один из организаторов и первый директор Геологического комитета; путешественник и географ Э. К. Гофман (1801 – 1871), открывший на Северном Урале хребет Пай-Хой; шведский химик и минералог Берцелиус; великий Александр Гумбольдт (1769 – 1859); первооткрыватель пермской системы английский геолог Мурчисон и многие другие.

С тех пор минуло почти 200 лет. Сейчас провидчески звучат слова, сказанные Карнеевым: «Кто знает? Может быть, издание Горного Журнала, нами начатое, составит эпоху в Российской горной истории; может быть, он послужит к важным и благоуспешным по сей части переменам. Но если бы сего и не случилось, то награда наша в том, что мы не тщетно станем трудиться, что цель будем иметь священную: польза отечества, просвещение современников и благодарность потомства».

Время рассеяло все сомнения и отчеканило в сознании «благодарного потомства» представление о журнале как об уникальном явлении не только в истории отечественного горного дела, но и в истории всей научно-технической периодики России. Журнал не поколебали даже социально-политические потрясения 1917 г., хотя последующие события и наложили на него отпечаток. Он стал рациональнее и суше. Пытаясь отринуть все старое, новые издатели меняли его название: с 1918 г. он именовался «Известия горного отдела ВСНХ», в 1920 – 1921 – «Горное дело». Но в 1922 г. ему вернули привычное название «Горный журнал». В 1957 г. Министерство высшего образования СССР учредило 22 серии научных журналов под общим названием «Известия высших учебных заведений». Вот тогда появился ещё один «Горный журнал», вузом-издателем которого стал Свердловский горный институт. Новый журнал вышел в январе 1958 г. Он стал распространяться не только среди отечественных, но и среди зарубежных подписчиков почти в 40 странах. Таким образом, исполнилась мечта Веймарна об устранении, хотя бы частично, «исторически сложившейся малой доступности русского языка для иностранных ученых».

19 октября 1920 г. Председатель Совнаркома В. И. Ленин подписал декрет о создании Уральского государственного университета (УрГУ), в составе которого до 1925 г. был Уральский горный институт, сначала на правах института, а затем факультета. Библиотека УГИ стала основой для фундаментальной библиотеки УрГУ, существенно увеличившейся в 1921 г. за счет книг из библиотеки упраздненного в 1917 г. в связи с отменой сословных привилегий Императорского Александровского лицея. Это учебное заведение было открыто в 1843 г. в результате реорганизации Царскосельского лицея.

11 февраля в Екатеринбург прибыла первая партия лицейских книг. При их разборе выяснилось, что много книг не доехало до Урала, а ещё в Петрограде были распределены по различным учреждениям. Уралуниверситет получил около 35 тысяч томов. Позже книги были возвращены в Ленинград, но небольшую их часть удалось сохранить в библиотеке Горного. Что это за книги?

Невозможно без волнения держать в руках тома «Энциклопедии или толкового словаря наук, искусств и ремесел». Это та самая бесценная французская энциклопедия – выдающийся памятник просветительства XVIII века, редакторами которой были Д. Дидро (1713 – 1784) и Ж. Л. д'Аламбер (1717 – 1783). В истории человечества немного найдется книг, которые бы, подобно энциклопедии, оказали такое сильное влияние на умы людей: детище Дидро, д'Аламбера, М. Ф. А. Вольтера (1694 – 1778), Ж. Ж. Руссо (1712 – 1778) и других мыслителей идеологически подготовило Великую Французскую революцию. Энциклопедия издавалась в Париже Л. Бретоном с 1751 по 1780 гг., поэтому к началу открытия лицея в Царском Селе в 1811 г. она могла уже быть в его библиотеке. Следовательно, не исключено, что её тома, если не читал, то пролистывал Александр Пушкин.

Не менее уникальным является 15-томный «Ларусс XIX века». Так у библиофилов называется «Большой универсальный словарь XIX века», вышедший в 1865 – 1876 гг. в парижском издательстве Ларусса, основанном в 1852 г. педагогом и лексикографом П. Ларуссом (1817 – 1875). Энциклопедия Ларусса – это полиграфическое чудо и не только своего времени; за антиклерикальный и либеральный характер содержания она была удостоена «особой чести» Ватикана, идеологи которого внесли её в «Индекс запрещенных книг».

В ряду фолиантов с потемневшими от времени кожаными переплетами и тусклым блеском золотого тиснения стоят 9-е издание «Британской энциклопедии», «Горная энциклопедия» и много других редких книг.

К концу третьего года существования Уралуниверситета в его фундаментальной библиотеке удалось собрать около 130000 книг, пятая часть которых была распределена между факультетскими и кабинетными библиотеками. Самым крупным книжным собранием в 10000 томов располагал горный факультет. Ещё около 2000 книг

находилось в кабинетах кристаллографии, минералогии, петрографии, палеонтологии и исторической геологии, геодезии, динамической геологии и маркшейдерского искусства. Именно этим фондом располагал Горный в 1930 г., когда обрел, наконец, самостоятельность.

Судьбы книг похожи на судьбы людей, живущих в мире «в его минуты роковые»: многочисленные и драматические преобразования, происходившие в 20-е годы в высшей школе Урала, превращали книги в кочевников, пути которых были неисповедимы тогда. Сейчас их можно, но с трудом, восстановить по фиолетовым оттискам печатей и штампов на титульных страницах. Благодаря немецкой педантичности Марии Георгиевны Гадд книги Горного легко узнаваемы по круглым печатям с изображением двуглавого орла без символов императорской власти (скипетра, короны и державы) и надписи вдоль гурта «Библиотека Уральского Горного Института». Эти книги сейчас можно встретить во многих библиотеках Екатеринбурга. В библиотеке же Горного их всего несколько десятков – это все, что сохранилось от её первоначального собрания. Так что в 30-е годы библиотека стала создаваться почти заново, медленно, но зато стабильно.

В 1936 г. в её фонде было 123523 издания, она выписывала 194 журнала и 34 газеты и обслуживала 3041 читателя, каждый из которых «поглощал» в год в среднем около 90 книг и журналов. Скорость чтения завидная и, как оказалось, стабильная во времени: в 1946 г. читали со скоростью 98 книг в год, в 1957-м – 95, в 1989-м – 93.

В довоенные годы (да и много позже) книга была дефицитом в хорошем смысле. Студент тех лет И. П. Зорин вспоминал: «После лекций надо было сразу бежать в библиотеку, чтобы получить нужную книгу для вечерней работы с ней в читальном зале. Иногда приходилось записываться на ту или иную книгу в очередь. Хорошо, что читальный зал работал до 11 (!) вечера», а библиотека – с 8 до 21 часа.

Читальный зал был небольшим (в 1939 г. в нем могли работать только 30 человек), вентиляция отсутствовала, зимой отопление было неважным, но библиотекари старались утолить читательский голод с максимально возможным комфортом. В общежитии во Втузгородке был открыт ещё один читальный зал с 5,5 тысячами

книг. Когда началось издание многотиражной газеты «Горняк», то на её полосах стали публиковать аннотации книжных новинок. Позже установилась традиция проведения тематических, юбилейных и обзорных выставок новых поступлений и книг прошлых лет издания, а также творческих встреч с поэтами, писателями и журналистами.

Перед началом Великой Отечественной войны библиотека зажила побогаче. В 1939 г. на приобретение новой литературы ей выделили 130 тыс. рублей, из Ленинградского научного библиотечного коллектора она стала получать по одному экземпляру всех изданий горно-геологической тематики, установила книжный обмен со 110 библиотеками различных институтов и организаций и начала создавать алфавитный каталог и библиографические карточки. В Свердловске (а значит, и на Урале) она стала одной из крупнейших и авторитетнейших. В годы войны её услугами много и охотно пользовался академик Обручев. Этот факт позволяет дать высокую оценку книжному богатству библиотеки. Владимир Афанасьевич за долгую жизнь составил обширнейшую картотеку, за пределами которой находилось немного работ действительно редких и малоизвестных, и некоторые из них он обнаружил в библиотеке Горного.

За годы войны книжный фонд вырос не намного, до 167957 томов в 1946 г., а вот следующее десятилетие увеличило его вдвое, до 370 тыс. Увеличение фонда вылилось в его структуризацию: в 1937 г. началось формирование фонда художественной литературы и искусства, в 60-е годы – 40-тысячного фонда иностранной литературы и все, владевшие английским, немецким и французским языками, получили возможность читать в подлинниках Ч. Диккенса, Т. Драйзера (1871 – 1945), В. Шекспира (1564 – 1616), И. В. Гёте (1749 – 1832), Г. Гейне (1797 – 1856), В. Скотта (1771 – 1832), Г. Мопассана (1850 – 1893) и других классиков мировой литературы, а любители старины – поупражняться, например, в переводе «Мемуара по геологии Франции», изданного в Париже в 1879 г.

А в 50-годы сотрудники библиотеки немало сделали для приобщения уже иностранцев к русской и советской литературе. Этими иностранцами были студенты из Болгарии, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Кореи и Китая. Ещё не остывшие

от классовых битв в своих странах, они восхищались героями «Молодой гвардии», огромным авторитетом у них пользовался один из трех знаменитых Павлов – Павел Корчагин.

О фонде партийной и политической литературы я уж не говорю. В советское время он был основным в любой библиотеке с обязательными собраниями сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ле-нина, И. В. Сталина и других классиков марксизма-ленинизма. Правда, изменение партийно-политической конъюнктуры, смена партийных вождей приводили к его чистке и уничтожению многих, часто очень ценных книг и журналов.

История библиотеки, если её отсчет вести с 1912 г., приближается к столетию. Её создавало не одно поколение библиотекарей, библиофилов, любителей и ценителей книги – книжных альтруистов, среди которых не было ни одного библиотафа – «книжной жадины». О каждом можно рассказать что-то хорошее и составить из этих рассказов книгу. Возможно, со временем такая книга будет написана. Я же расскажу пока только о двоих – о Петре Петровиче Макарове и о Дарье Андреевне Бобылевой.

Пётр Петрович родился в Вятке 28 мая 1887 г. в чиновничьей семье. И хотя отец был только незначительным служащим в казенной палате, сын получил возможность закончить сначала гимназию, а потом естественное отделение физико-математического факультета Императорского Казанского университета. Отбыв в год 300-летия Дома Романовых воинскую повинность в Свияжском пехотном полку, он был допущен попечителем Оренбургского учебного округа к исполнению обязанностей преподавателя математики в Челябинской женской гимназии. Но преподавать пришлось недолго. Новый 1917 год он встретил не среди гимназисток, а среди курсантов Казанского военного училища. Отсюда его направили не на фронт, а на секретарскую должность в Военно-Технический комитет при штабе Минского военного округа. Как он встретил Февральскую и Октябрьскую революции, неизвестно. Вероятно, сдержанно. Потому что в начале 1918 г. он вернулся в Челябинск и опять стал преподавать в гимназии. И вновь его педагогическая деятельность была насильно прервана. На этот раз войной гражданской. Полтора года он прослужил в белой армии. К

счастью, снова не на фронте: сначала офицером для поручений при дивизионном интенданте, а потом делопроизводителем дивизионного обоза. Но и такая служба ему претила, и в конце 1919 года он сдался в плен красным. Служба в тыловых частях спасла его от репрессий, а может быть и от расстрела. Полугодовая проверка с пристрастием в ЧК закончилась благополучно. Он получил право жить и работать, а в 1921 г. его сняли с особого учета как бывшего белого офицера, восстановили в гражданских правах и больше уже не беспокоили. Поверили, что он не враг, или забыли.

В Челябинск он не поехал. С 1920 г. жил в Екатеринбурге – Свердловске. К педагогической работе вернулся не сразу, только в 1922 г. А до этого служил делопроизводителем в Штабе Приуральяского военного округа, был консультантом музея УОЛЕ, научным сотрудником фундаментальной библиотеки УПИ, заведовал педагогической библиотекой Музея просвещения. Четырехлетнее преподавание в школах, в педагогическом техникуме и на различных курсах снова сменил на работу в библиотеках: заведовал библиотекой Уралоблмузея, был опять научным сотрудником фундаментальной библиотеки УПИ, по заданию Уральского отделения Геологического комитета составил библиографию о месторождениях полезных ископаемых Урала, которая частично была опубликована.

Работая в библиотеке УПИ, он не мог не познакомиться с Соболевским, и тот, уже будучи профессором в Уральском геолого-разведочном институте, привлек его к преподаванию математики на Всесоюзных горно-геометрических курсах, потом на подготовительных курсах. Когда же на базе УГРИ и УГИ был образован Свердловский горный институт, Петр Петрович стал работать в нем ассистентом, а позже старшим преподавателем на кафедре высшей математики.

Но особенно много и плодотворно он трудился в библиотеке Горного. Он был прирожденный «книжник», талантливый библиотекарь и библиограф. Университетское образование, прекрасное владение немецким, французским, итальянским, греческим и латинским языками позволяли ему выполнять отличные библиографические обзоры по различным проблемам. Из-под его пера они выходили в ранге серьезных научных работ, например, библиографический реферат законодательных

документов по горному делу и горной промышленности Урала с 1649 по 1741 гг., хранящийся в рукописном фонде библиотеки.

Работе с книгами чужда суета. Более того, такая работа позволяет избегать мелочного диктата и суетности жизни. Пётр Петрович был деликатен и тактичен, доброжелателен и внимателен, поразительно скромнен и готов был прийти на помощь делом или советом любому, кто в таковых нуждался. Жизнь научила его быть терпимым и довольствоваться малым. С библиотекой он сотрудничал до самой смерти, до 1955 г., хотя его работа в её штате прекратилась в 1931 г., когда он продолжил трудиться по своей университетской специальности преподавателем, снискав у студентов уважение как незаурядный педагог и методист.

На входящих в библиотеку и выходящих из неё с мраморной доски смотрит спокойно и внимательно Дарья Андреевна Бобылева. Она родилась на Урале в маленьком поселке Рямово 15 марта 1921 г. Этот год вошел в историю под названием «военного коммунизма». В конце долгой жизни она стала свидетельницей распада великого государства, которому служила верой и правдой, гордилась своими многочисленными наградами «за доблестный труд», ставшими в одночасье утехой коллекционеров. Её жизнь делится на две части: меньшую – до Горного института и большую – в Горном институте.

«До» она была чертежницей, счетоводом, два года студенткой Коммунистического института журналистики, в годы войны – начальником картографического бюро оборонного завода; в институт, точнее на факультет журналистики уже в Уральский университет вернулась в конце войны. Закончила его, но диплом не защитила и поэтому в анкетах писала, что у неё незаконченное высшее образование. Журналистом не работала ни дня. Была начальником сектора контроля картографического бюро при горисполкоме, библиографом в библиотеке Окружного Дома офицеров. Это её жизнь до Горного института. Небогатая или большего она не захотела рассказать.

С 30 декабря 1950 г. началась её жизнь в Горном, растянувшаяся почти на полвека: сначала заведующей отделом библиотеки, потом заведующей библиотекой, а с 1972 г. – директором. Извилистым оказался путь к главному делу её жизни, но она его терпеливо прошла и с помощью коллег-библиотекарей

сделала библиотеку Горного одной из крупнейших и лучших в Свердловске-Екатеринбурге.

Выдающимся событием в истории библиотеки стал её переезд в новое 4-е учебное здание в 1980 г., в котором под неё отвели два первых этажа. Дарья Андреевна так организовала переезд, что интересы читателей почти не были ущемлены, а спустя непродолжительное время библиотека существенно расширила свои возможности. Для читателей ввели открытый доступ к фондам на абонементе учебной, иностранной и частично художественной литературы. Абитуриенты получили право работать в читальном зале; для них стали подбирать методическую, справочную и учебную литературу и устраивать выставки: «В помощь абитуриенту», «Поступающим в наш вуз» и другие. Первокурсников начали учить, как пользоваться каталогами, справочниками, указателями и картотеками; с 1974 г. их стали знакомить с основами библиотековедения и общей библиографии.

Для преподавателей и сотрудников была налажена оперативная информация о новой и поступившей в библиотеку отечественной и зарубежной литературе, стали организовываться ретроспективные тематические выставки книг и журналов, получило развитие информационное обеспечение по системе избирательного распространения информации, и читатели смогли пользоваться через междубиблиотечный абонемент услугами 55 библиотек Свердловска, Москвы, Ленинграда и других городов.

Мозгом любой библиотеки являются каталоги. В библиотеке Горного их создали много на все вкусы и случаи: генеральный алфавитный, систематический, алфавитный и систематический на диссертации и рукописные отчеты по НИР, продолжающихся изданий, топографический на весь книжный фонд, алфавитный на русскую и зарубежную литературу; с 1960 г. начали формировать главную справочную картотеку литературы по геологии, геофизике и горному делу, с 1962 – систематическую картотеку названий статей, а с 1980 – картотеку названий произведений художественной литературы.

Жизнь не застывает между стеллажами в тишине книжных хранилищ. События, происходящие вне библиотеки, будоражат книжный мир, порождая сложнейшую проблему формирования фондов, которые должны не только квалифицированно

комплектоваться, удовлетворяя меняющиеся вкусы читателей, но и деликатно и бережно освобождаться от устаревшей литературы. Такое состояние фондов называют динамическим равновесием. Достижение его, особенно в вузе, является непростой задачей, заключающейся в том, чтобы сделать фонд оптимальным по объёму, когда при минимуме затрат времени на поиск нужной книги максимально удовлетворяется читательский спрос. В библиотеке Горного института её сотрудники, ведомые Дарьей Андреевной, успешно решали и эту задачу.

«Мир – словарь», – записал в своем дневнике Алексей Михайлович Ремизов в 1956 г. А потому «лишь слову жизнь дана», – сказал Иван Алексеевич Бунин (1870 – 1953), опередив ремизовскую мысль на сорок с лишним лет. Книги, библиотеки, книжные хранилища – это наследственное вещество человечества, это его самое дорогое и ценное достояние. Мир возродится, если человечество сохранит книги.

ГЕОЛОГИ-ПЕРВОПРОХОДЦЫ!

Два года факультетская структура Горного института находилась в стадии декларирования. Причин тому было несколько: нестабильная социально-политическая обстановка и, как следствие, тяжёлое финансовое положение института, отсутствие собственного здания с хорошо оборудованными лабораториями и кабинетами, малочисленность академической коллегии, студенческого контингента, технического и обслуживающего персонала, необеспеченность учебного процесса программами, научной и учебной литературой, слабые связи с горными и горно-заводскими предприятиями, приблизительность представлений о том, какие специалисты и в каком количестве нужны Уралу. Кроме этих главных причин, было много и второстепенных.

К весне 1919 г., т. е. к завершению второго академического года, ни одна из этих проблем не была разрешена и никто не знал, будут ли они разрешены в ближайшее время. Но уже планировалось открытие третьего курса, на котором должна была начаться специализация студентов. Значит, нужно было создавать факультеты. Какие? Геологоразведочный, рудничный, механико-металлургический, химико-металлургический и инженерно-лесной. Все сразу или нет? Совет института не обсуждал эти вопросы. Инициаторами их решения стали преподаватели.

В академической коллегии УГИ было больше всего геологов, среди которых в начале 1919 г. определился безоговорочный лидер – Константин Константинович Матвеев. Вот он и стал идеологом, вдохновителем и организатором геологоразведочного факультета и не только.

В разное время на геологоразведочном факультете Горного института работали крупные и даже выдающиеся учёные. Их влияние на становление уральской геолого-минералогической школы несомненно, но назвать его решающим фактором вряд ли возможно. В творческой и жизненной судьбах этих людей Урал и Горный институт часто были только коротким эпизодом продолжительностью в несколько лет. За такое время почти никто из них не успевал пустить глубокие корни и воспитать учеников, не говоря уж о создании научной школы. Да и причины, по которым

они оказывались в Екатеринбурге, нередко не зависели от них и определялись не их желанием, а какими-то внешними обстоятельствами. Поэтому как только обстоятельства изменялись, приезжие покидали институт. А кропотливо-созидательную работу приходилось исполнять «аборигенам», выдающаяся роль среди которых принадлежала Матвееву.

Правда, и он «застрял» в Екатеринбурге не по своей воле и, как написал позже, «вместо намечавшейся для меня Академией наук продолжительной командировки в США и Бразилию я в конце 1918 г. прочно осел на Урале, заняв должность профессора в Уральском горном институте», предложив ему свои услуги «для прочтения: 1. Общего курса минералогии. 2. Специального курса минералогии редких металлов. 3. Курса определительной минералогии с введением в методы химического и физического исследования минералов».

Октябрьская революция разделила жизнь Матвеева, родившегося 5 марта 1875 г. в Камышлове в семье сельских учителей, на две почти равные части (он умер 21 декабря 1954 г.). В первой половине жизни были учёба в Екатеринбургском училище и в Оренбургском учительском институте, работа в двухклассном училище на Мотовилихинском заводе, женитьба. Потом он вдруг изменил свой сложившийся жизненный уклад и, сдав в 1900 г. экзамен на свидетельство зрелости, получил право на поступление в университет. Из-за политической неблагонадёжности учёбу ему пришлось начать в Киевском университете, и только через год он смог перевестись на естественно-научное отделение физико-математического факультета в столичный университет. Учился он на средства Пермского губернского земства в качестве его стипендиата.

Уральский провинциал не потерялся среди амбициозных столичных студентов. На него обратил внимание профессор А. А. Иностранцев (1843 – 1919), под благотворным влиянием которого и произошло его становление как самостоятельного исследователя и формирование его научных интересов, связанных с изучением экзогенных процессов и детальным микроскопическим анализом минералов.

Мир геологических явлений и процессов уникален. Поэтому до сих пор методы формального анализа в геологии не получили

широкого распространения. По-прежнему большое значение имеют личные наблюдения исследователя, описание объектов, их сравнение и сопоставление. Как нет двух одинаковых людей, так нет и двух одинаковых месторождений, и каждый геолог всегда стремится лично побывать на них, чтобы своими, а не чужими глазами посмотреть на интересующий его объект.

В творческой судьбе Матвеева таким экспедиционным поездкам принадлежит едва ли не решающая роль. В 1905 г. он отправился в «образовательное путешествие по красивой и геологически интересной р. Чусовой» и сразу же совершил своё первое открытие, обнаружив у деревни Верейно «смущающие», как он их охарактеризовал, шестоватые известняки. «Замечательные особенности верейнской *cone in cone*, – написал он спустя 37 лет в докторской диссертации, – приковали к себе моё внимание, которое ещё больше увеличилось, когда я узнал, что природа этих, уже давно известных образований не выяснена, и они всё ещё остаются загадочными и проблематичными. С этих пор мысль и желание разрешить вопрос о *cone in cone* не покидал меня и досуги своей дальнейшей жизни я часто посвящал исследованию различных, относящихся сюда вопросов».

На следующий год летом он по заданию отделения геологии и минералогии Петербургского общества естествоиспытателей был в экспедиции в Закаспийской области в «компании» казака и проводника-туркмена. Зимой он занимался описанием образцов пород из ледниковых отложений Западного Приуралья, а в 1907 г., защитив с отличием дипломную работу, посвящённую анализу фауны, собранной в обнажениях на реках Каме и Чусовой, был оставлен Иностранцевым на кафедре «для подготовки к профессорскому званию».

Самостоятельную научную работу он начал не как геолог и не как минералог, а как ... геофизик, хотя такого понятия в то время ещё не было. Два года он изучал сейсмичность в районе бакинских нефтяных промыслов Нобиле. Результаты исследований были опубликованы им в трёх статьях, одна из которых была посвящена проблеме техногенных землетрясений в связи с эксплуатацией нефтяных и газовых месторождений, проблеме, ставшей особенно актуальной в конце XX – начале XXI века.

Предвоенный 1913 г. встал на его жизненном пути очередной вехой. Удостоенный, звания магистра после сдачи экзамена, он получил приглашение от Академии наук на работу в Радиевой комиссии, основателем и идейным руководителем которой был Вернадский. По мнению профессора Э. Ф. Емлина, добросовестного и глубокого исследователя научной деятельности Матвеева, работа под руководством Вернадского представляет «самый значительный этап в научной жизни К. К. Матвеева: более ему уже никогда не доведётся сколь-нибудь продолжительно работать в коллективе, объединяющем учёных такого уровня. Многие в научной и педагогической деятельности К. К. Матвеева является отражением и развитием идей, методов и стиля работы школы Вернадского», по инициативе которого он успешно занимался изучением месторождений радиоактивных и редкоземельных элементов, в частности, монацита из золотоносных россыпей Борщёвочного кряжа в Забайкалье.

Летом 1918 г. Матвеев был с семьёй на Урале, работал в окрестностях Екатеринбурга. Захват города чехословаками и частями Народной армии воспрепятствовал его возвращению в Петроград. Чтобы пережить военное лихолетье, он вынужден был «предложить свои услуги» Горному институту. Думал, на время. Получилось навсегда. Для института он стал ценнейшим работником: сложившийся исследователь и педагог с фундаментальной и разносторонней теоретической подготовкой, богатым практическим опытом и высочайшей нравственностью.

Первое организационное совещание членов будущего факультета исполняющий дела профессора Матвеев созвал в канцелярии института в час дня 26 апреля 1919 г. Поскольку оно было первым, то резонно перечислить всех, кто на нём присутствовал: Бучельников, Елиашевич, Крылов, Морозов, Павлов, Петров и Янек. Председательствовал сам Матвеев, а секретарскую работу исполнял Павлов.

Хотя совещание было организационным, собравшиеся большую часть времени посвятили не вопросам организации факультета, а обсуждению результатов поездки Матвеева, Елиашевича, Павлова и Бучельникова в Мурзинку и на Благодатские рудники для осмотра и приёмки музея, пожертвованного владельцем рудников В. А. Поклевским-Козелл,

институту. Богатство увиденного за четыре дня, с 15 по 18 апреля, поразило выдавших виды геологов.

«... коллекция, – рассказывал Матвеев, – как и ожидалось, является в большей ... части материалами по топографической геологии, и только отсутствие на Урале местного Геологического комитета заставило УГИ как высшее научное учреждение края взять музей в своё ведение и под охрану ... штуфов всего принято 14000 – 16000, буровых колонок, вероятно, свыше 1000, ... карт, планов и других материалов по геологической и топографической съёмке около 126 и осталось в помещении ... конторы рудников около 1500 различных других планов и чертежей преимущественно технических... В принятой части архива имеются ... документы по истории горного дела в данном районе, включая и Берёзовский и по геологической съёмке общей и специальной... В качестве учебного материала институт приобрёл почти неиссякаемый источник ... рудных минералов, нередко в виде превосходных штуфов... Из нерудных минералов обращает на себя внимание большой материал по глинам... Интересными и ценными ... являются материалы по петрографии. Хотя горные породы и не представляют большого разнообразия, но по метаморфическим породам материал весьма обширный».

Елиашевич добавил к сказанному Матвеевым, что приобретённые коллекции по хорошо изученному району, на котором разведочные работы были «поставлены научно, широко», с применением алмазного бурения, ценны, прежде всего полнотой и обширностью разнообразного геологического материала. А Матвеев обратил внимание Крылова, которому предстояло заниматься организацией рудничного факультета, на то, что в музее хранится более 1200 технических чертежей, могущих представлять большую ценность для курса горного искусства, и Александр Иванович согласился съездить на рудники и ознакомиться с чертежами.

«Нечаянное» богатство решили частично передать в специальные кабинеты будущего геолого-минералогического института, который предполагалось создать при будущем геологоразведочном факультете, и частично в библиотеку. Некоторые строения, расположенные на территории рудников, с разрешения владельца пожелали перевезти в Екатеринбург, чтобы приспособить их под квартиры для сотрудников геолого-

минералогического института. Заботясь в будущем о качестве научных исследований, постановили открыть в институте химическую лабораторию под руководством доцента-химика и рентгенометрический кабинет при кристаллографической или физической лабораториях.

По словам Матвеева, управление Берёзовскими золотыми промыслами намерено было передать в ближайшее время в геологический музей УГИ большую минералогическую коллекцию. И это было только начало. Наступило время собирать камни.

Собравшись покупать корову, говорят в народе, купи прежде подойник. Подарки Поклевского-Козелл и стали этим самым фольклорным «подойником». Они ещё были не перевезены в институт, но уже считались его собственностью. Дело оставалось за малым.

И только потом в самом конце совещания среди текущих дел председателем был скромно задан вопрос декану Петрову о том, какими правилами и положениями следует руководствоваться при создании факультета. Декан ответил, что пока утверждённого Устава и Правил для решения такого вопроса Совет института не выработал. Руководствоваться же Уставом Петроградского горного института затруднительно, поскольку имеются значительные отличия в устройстве ПГИ и УГИ, а Устав горного факультета Томского технологического института вообще неприемлем. При отсутствии образца предстояло создавать что-то своё. Непростая задача – стать первопроходцем, но зато интересная и почётная.

Чтобы процесс выработки коллегиального решения был непрерывным и динамичным, решили устраивать рабочие совещания с интервалом в две недели, по субботам в половине седьмого вечера. Но нетерпение собрало всех раньше, через неделю. К этому времени Совет института определился с предварительными штатами факультета и по примеру всё же Петроградского горного института порекомендовал открыть в УГИ шесть кафедр.

Выслушав мнение членов Совета института, изложенное деканом, Матвеев высказался за то, чтобы в составе факультета было семь кафедр, и сформулировал четыре главных принципа, которые должны были быть положены в основу их учреждения: «обеспечения интересов науки, примеры других ВТУЗов, согласование с другими факультетами, условия личного состава».

Седьмой кафедрой, считал Елиашевич, и его поддерживал Матвеев, должна была стать кафедра физической геологии или динамической геологии. «Наука эта (динамическая геология. – В. Ф.), – написал Елиашевич в специальном докладе к совещанию, обосновывая необходимость открытия кафедры, – требует выделения в особую кафедру как по объёму своему, так и по значению в деле изучения Урала... Уральский хребет, несмотря на кажущуюся простоту, является одним из наиболее загадочных по своей тектонике среди всех хребтов мира и с трудом укладывается в схемы новейших учений об архитектонике земного шара. Между тем вопрос о его строении представляется необычайно важным для познания распределения на его протяжении рудных ... богатств. Приведу примеры:

– громадное количество важнейших рудных месторождений Урала ... тесно связано с некоторыми меридиональными тектоническими линиями. Однако характер и направление этих линий ещё почти не изучены, и при разведках ... до сих пор руководствуются эмпирикой.

– профессор Фёдоров (Евграф Степанович. – В. Ф.) ... высказывает мнение о ритмичности проявления рудоносности, если проследить её вдоль Урала, и объясняет эту ритмичность следствием существования особой поперечной складчатости .... Однако до сих пор не последовало ни обоснованной критики этой теории, ни её подтверждения для других областей Урала.

– профессор Дюпарк вынужден был для объяснения строения колчеданных залежей Сысертского округа ... ввести понятие о совершенно особом, нигде до того не наблюдавшемся движении частей земной коры, названном им «гемитропным сдвигом».

Изучение метаморфизма горных пород на Урале – чрезвычайно важная и нелёгкая задача. Общеизвестно, что Уральский хребет был ареной особо глубоких и разнообразных процессов метаморфизма.

Наконец, процессы выветривания, смыва и нового отложения, начавшиеся на Урале ещё с палеозоя и давшие громадное количество богатейших вторичных месторождений..., представляют весьма важный объект для будущих уральских геологов и инженеров».

Содержание доклада Максима Конрадовича весьма примечательно. Во-первых, из него следует, каким было

представление геологов о строении Уральской складчатой системы сто лет назад, чтобы оценить важность результатов, выполненных ими за это время исследований. Во-вторых, Елиашевич гениально охарактеризовал проблему метаморфизма как «важную и нелёгкую». Она действительно оказалась таковой. Для её разрешения со временем сформировалась уральская школа метаморфистов во главе с профессором Свердловского горного института Георгием Александровичем Кейльманом (1923 – 1993).

Второе организационное совещание было более продуктивным. Его участники определились с кафедральным и кадровым составом факультета, наметив к учреждению кафедры кристаллографии, минералогии, петрографии, физической геологии, исторической геологии, палеонтологии и рудных месторождений, на которых должно было работать семь профессоров, девять доцентов, восемь приват-доцентов, семь препараторов и два хранителя минералогического музея. Для проведения полноценной полевой практики студентов Матвеев предложил устроить геологическую станцию на озере Миассово, а директором геолого-минералогического института и минералогического музея, по мнению всех, должен был являться декан факультета.

Чтобы обозначившийся контур факультета стал материализовываться, его надо было наполнять веществом, в частности каменным материалом. Коллекций музея Благодатских рудников и управления Берёзовских промыслов было для этого недостаточно. Клер предложил воспользоваться петрографической коллекцией заграничных пород, хранящейся в музее УОЛЕ. Но это тоже была капля в море, да и то не своя. Лучший способ создать коллекции – собрать их самим. И вот Клер, Павлов, Елиашевич и Бучельников решили, что для этого летом они совершат несколько поездок по различным районам Урала.

Спустя две недели, 17 мая, Матвеев доложил участникам совещания о том, что Совет института утвердил план развития факультета в составе все-таки не семи, а шести кафедр с пятью профессорами, четырьмя доцентами и пятью приват-доцентами. Две кафедры – исторической геологии и палеонтологии – Совет постановил объединить.

На этом совещании был продолжен разговор о геологической станции. Накануне к Матвееву обратились два магистранта –

А. Н. Чураков и С. И. Руденко с просьбой доложить Совету института о том, что они при содействии начальника Златоустовского горного округа занялись устройством на Миассовом озере метеорологической станции. Идея её создания была не нова. Она высказывалась и ранее в различной форме членами некоторых научных обществ и учреждений. В 1918 г., например, Петроградское общество мироведения намеревалось построить здесь астрономический пункт, а Академия наук – метеорологическую станцию и род заповедника для охраны копей от расхищения из них цветных камней и редких минералов.

По мнению Матвеева, «устройство геологической и минералогической станции ... может получить большое значение для научной и учебной деятельности Горного института ... при исследовании минералогии и петрографии Ильменских гор и соседнего с ним района». Его поддержал С. В. Дудин, ведавший метеорологическими станциями на Урале, заявив, что Ильменский район совершенно не обслужен в метеорологическом отношении, а Клер напомнил о давних и неоднократных попытках УОЛЕ устроить в этом районе метеорологическую станцию, которые из-за многочисленных препятствий не были осуществлены. Теперь усилиями многих заинтересованных участников станцию может быть удастся создать. Для геологов – участников совещания – её устройство представлялось просто необходимым «ввиду большого значения изучения Ильменских гор для минералогии и петрографии Урала и важности для учебной жизни института», в частности, для организации минералогического музея, в котором в двух отделах должны быть представлены только «чистые минералогия и геология»; прикладным наукам должны были быть посвящены специальные музеи на других кафедрах.

Для формирования музейных коллекций сложилась как будто бы благоприятная обстановка. Веймарн сообщил Матвееву, что в ближайшем будущем институт будет располагать «свободной суммой около 100 тысяч рублей, переводимых из Омска в специальном порядке». Эти деньги необходимо было израсходовать до 31 мая, до закрытия кредитов, и Веймарн считал, что «всего успешнее их употребить на приобретение минералогических и других коллекций, купить которые на Урале затруднений не представит».

Почему Веймарн предпочёл потратить деньги на приобретение коллекций? Только ли потому, что их легко можно было купить? Или деньги не на что больше было потратить? Нет. Скорее всего, он принял такое решение из чувства патриотизма, которое возбудил в нём Матвеев короткой запиской, озаглавленной им «О геолого-минералогическом музее УГИ».

Матвеев напомнил в ней Веймарну о том, что «лучшие из добытых на Урале ископаемых минеральных богатств ... ещё со времен Розе (1798 – 1873) (т. е. с 1829 г. – В. Ф.) и даже ещё раньше начали вывозиться с Урала и украшают теперь ... многочисленные заграничные, преимущественно немецкие музеи, а также музеи наших столиц, но не музеи Урала. Вполне естественно, что при учреждении Горного института ... возникла ... запечатлённая ... в Уставе мысль о необходимости устройства ... особого публичного геолого-минералогического музея... Вряд ли нужно доказывать ... неотложную необходимость и высокую полезность ... учреждения такого музея, его ... значения и для науки, и для изучения естественных производительных сил Урала».

Конечно, доказывать «неотложную необходимость учреждения музея» было бы не нужно, если бы не одно «но». «Нельзя закрывать глаза на то, – писал Матвеев, – что многие интересные и ценные минеральные собрания принадлежат частным лицам и могут быть приобретены ... только за деньги. В условиях переживаемого времени ... многие коллекции ... поступают на рынок и является много покупателей, особенно иностранцев, не стесняющихся расходами, чтобы купить уральские достопримечательности, с тем чтобы отправить их за границу».

Горный институт не располагал средствами, чтобы составить конкуренцию толстосумам-иностранцам. Поэтому уже не одна достойная его музея коллекция ушла от него. Музею, чтобы он не остался ни с чем и было положено начало его собраниям, нужны были ассигнования. И Матвеев недрогнувшей рукой написал сколько – 100000 рублей. Это был всё, чем свободно располагал ректор.

В Совете института распределением «свободной суммы» на оборудование кабинетов и лабораторий занималась специальная комиссия. Денег было мало, чтобы разделить их по принципу: всем сестрам по серьгам. Поэтому каждый отстаивал интеллигентно свои

интересы. Николай Георгиевич Келль, инициатор открытия на геологоразведочном факультете маркшейдерского отделения в составе двух кафедр – геодезии и маркшейдерского искусства, будучи геодезистом, радел, прежде всего, о финансировании своего геодезического кабинета. 30 мая он передал в комиссию заявление, в котором уточнял, что, «представляя смету, имел в виду только геодезический кабинет, а никак не кабинет маркшейдерского искусства. Прошу это принять во внимание и на маркшейдерский кабинет отпустить особую сумму..., чтобы зафиксировать существование отдельного маркшейдерского кабинета. Отпуск 25000 на всё ... отделение все-таки мало».

Обоснование о необходимости открыть в УГИ маркшейдерское отделение и учебный план его первого курса обсуждались на совещании факультета 6 июня вместе с вопросами о подготовке материалов для основной сметы по оборудованию факультетских лабораторий и дополнительной – по содержанию общих учреждений факультета, а также о создании ремонтных мастерских при геодезическом и маркшейдерском кабинетах.

Келль задумал создать маркшейдерское отделение, как самостоятельное учреждение, которое в будущем должно было стать особым факультетом. Что должны были изучать на первом курсе студенты маркшейдерского отделения? Математику, начертательную геометрию, теоретическую механику, физику, неорганическую химию, кристаллографию, геодезию и сферическую тригонометрию и черчение. Недельная нагрузка для них в первом семестре была определена в 36 часов, во втором – в 39.

Большое всегда реализуется через малое. Вот и совещание завершилось обсуждением совсем маленького вопроса о том, где можно изготовить шлифы «научного и учебного характера». Елиашевич рассказал, что эту работу могут сделать в музее Верх-Исетского горного округа, если шлифовальщику дадут канадский бальзам.

Келлю, возможно, показалось, что он недостаточно убедительно обосновал коллегам необходимость создания на базе ещё не открытого маркшейдерского отделения горно-геодезического или маркшейдерско-геодезического факультета. Поэтому 15 июня он представил в Совет института подробный

проект своего будущего детища. Проект впечатляющий, заманчиво-захватывающий, и хотя он не было осуществлён, о нём следует знать потомкам и не как об историческом казусе, а как о блестящей идее, которая ещё может быть реализована.

«В Петроградском горном институте, – писал Келль, – профессор Бауман давно возбуждал вопрос об открытии маркшейдерского подотдела при геологоразведочном отделении ... Петроградский горный институт решил ... из двух факультетов, к которым можно было отнести маркшейдерскую специальность, выбрать геологоразведочный факультет». Почему? Да потому, продолжал Келль, что «по роду своей деятельности маркшейдер ... на руднике ближе всего стоит к геологоразведочному делу». Это, во-первых. А во-вторых, «в деятельности окружающих геологов ... видную роль ... играет составление сводных пластовых карт своего округа, для чего требуется солидная подготовка по геологии».

Но все постановления, принятые Советом ПГИ, исполнены не были. Сначала помешали революции, потом начавшаяся гражданская война, которые нарушили нормальное течение академической жизни института. По-иному, по мнению Келля, дело обстояло и обстоит в УГИ: «Идея маркшейдерского отделения нашла ... воплощение в УГИ. Уральское Правительство приняло законопроект об учреждении маркшейдерского отделения при геологоразведочном факультете... Таким образом, учреждение маркшейдерского отделения в УГИ является свершившимся фактом (?), но имеются все шансы к тому, чтобы, по мысли ректора профессора П. П. Веймарна, превратить это отделение в совершенно самостоятельный маркшейдерско-геодезический или горно-геодезический факультет...».

Если заявление Келля о том, что «учреждение маркшейдерского отделения в УГИ является свершившимся фактом», не бесспорно, то несомненно бесспорны его рассуждения о потребностях и роли будущих выпускников факультета и о сути их специальности:

«Горное ... ведомство, ведущее в лице Геологического комитета обширные съёмки ... до сих пор не имеет своего высшего учебного заведения ... с расширением Геологического комитета, объём работ его значительно увеличится... Рассмотрим лишь Азиатскую Россию. В Азиатской России Комитет предполагал

систематические работы ... лишь в южной культурной полосе, годной к заселению. Относительно северной предполагалась сеть маршрутных исследований ... для составления геологической десятивёрстной карты (масштаб в 1 см 10 вёрст. – В. Ф.) в ... Азиатской России нужно 800 геолого-лет и около 400 топографо-лет ... При одновёрстном же масштабе эти цифры выразятся в сотнях тысяч топографо-лет ... для Геологического комитета предстоят в Сибири (и на Урале. – В. Ф.) громадные топографические работы, в областях зачастую со сложным рельефом. Кто же будет выполнять эти съёмки и кто явится их руководителем? Руководить вплотную этими съёмками геологу..., занятому своими проблемами, трудно».

Проблемы кадров и плохой изученности Сибири и Урала, о которых Келль предупреждал в 1919 г., спустя 10 лет создали колоссальные трудности при строительстве Урало-Кузнецкого комбината (УКК), когда стало выясняться, что «на картах красуются реки, которых нет и наоборот ... ещё хуже обстояло дело с геологическими картами; поэтому работа по разведке месторождений носит ... стихийный характер. Это значит, – писала газета «Уральский рабочий» в мае 1931 г., – что мы абсолютно не знаем тех запасов, которые находятся на территории УКК, что является тормозом для проектирования предприятий. Территория УКК в геологическом отношении обследована в долях процента».

«Между тем, – продолжал Келль, развивая идейное содержание нового факультета, – важно, чтобы ни один штрих на поверхности земли, отмеченный геологическим явлением, не был упущен ... линии сброса, оползни, перегибы ледниковых долин, моренные гряды ... и т. п. совершенно ускользают от лица, не знакомого с динамической геологией и физической географией... Естественно поэтому руководство такими съёмками поручить лицу, для которого формы рельефа земной поверхности находят объяснение в жизни Земли».

Поэтому, считал Келль, «нужно создать кадр таких геологов-топографов, которые, обладая всеми методами современной топографической техники, имели ... познания в геологических науках, ... могли составлять геологическую карту, не вдаваясь в детальное изучение взаимоотношений пород ... и другие сложные вопросы, являющиеся предметом специалистов геологов. Горно-

геодезический факультет УГИ ... впервые в России может осуществить подготовку таких геологов-топографов .... Каждый курс в УГИ может быть подкреплён изучением вопроса на специальных опытных станциях, находящихся ... в районе интересном в том или другом отношении. Для непосредственного ведения топографических съёмок можно создать среднюю школу горных топографов».

Другую задачу своего будущего факультета Келль видел в подготовке маркшейдеров в больших количествах для производства триангуляций на Урале и в Сибири и полагал, что «специальный факультет в состоянии лучше разрабатывать вопросы, выдвигаемые современной маркшейдерской практикой», что для «маркшейдеров необходимо ... полное знакомство ... с высшей геодезией, картографией и практической астрономией», чтобы «выдвинуть впоследствии геодезистов, занятых вопросами о ... форме геоида и внутреннем строении Земли».

Келль планировал создать факультет из трёх отделений: геолого-топографического, маркшейдерского и геодезического и четырёх кафедр: физической географии и динамической геологии, геодезии, высшей геодезии, картографии и практической астрономии и маркшейдерского искусства с одинаковым набором дисциплин для всех студентов: математика, начертательная геометрия, теоретическая механика, физика, неорганическая и аналитическая химия, кристаллография, минералогия, палеонтология и историческая геология, сопромат, прикладная геология, петрография, горное искусство, месторождения полезных ископаемых, горнозаводская механика, горное право, черчение, технический перевод, гигиена и санитария. И только исполнение дипломных работ должно было накладываться на выпускников «отпечаток той или иной специальности».

Работа по созданию геологоразведочного факультета была прервана почти неожиданно и отнюдь не по вине участников организационных совещаний. Они сознавали её необходимость, хотя и понимали, что до утверждения Советом института деканов и «конструкции института» их заседания являются неофициальными, и поэтому принимаемые ими постановления утверждению не подлежат. 3 июля, на пятом по счёту совещании, Матвеев сообщил, что «смета по капитальному оборудованию

лабораторий геологоразведочного факультета, как и других факультетов, будет рассматриваться в Строительной комиссии», что «смета в 600 тысяч на текущие расходы и по оборудованию на 1919 г. утверждена в Омске, и кафедры могут пользоваться кредитом».

Услышав это, собравшиеся, наверное, удовлетворённо заговорили о том, что Правительство, наконец, проявило заботу о них. Поэтому, прослушав доклад Крылова о ближайших задачах и намётках учебного плана рудничного факультета, постановили не торопиться с их обсуждением. Вопрос слишком важен. Александру Ивановичу предложили составить подробный письменный доклад и разослать его всем участникам совещания и только после неспешного знакомства с ним вернуться к их рассмотрению. Время для этого ещё было: разработку учебных планов и по рудничному, и по будущему горно-геодезическому факультетам договорились завершить к 1 октября. К осени же обязались приискать квартиры для геологоразведочного института, чтобы начать третий учебный год подготовленными настолько, насколько это позволят обстоятельства.

Расходясь, участники совещания ни за что бы не поверили, если бы им сказали, какие события произойдут всего через 10 дней: что следующее заседание факультета состоится только через полгода, в совершенно других условиях и что многие из присутствовавших на совещании 3 июля к этому времени окажутся на другом краю страны.

«УГИ ОСТАЁТСЯ И ДЕЙСТВУЕТ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ»

Царское правительство, Временное правительство, Совет народных комиссаров, Временное областное правительство Урала, Временное всероссийское правительство, Омское правительство и снова Совет народных комиссаров – столько раз менялась верховная исполнительная власть, которая в России всегда сильнее законодательной, в короткой истории института. Поэтому не мудрено, что у семи нянек-властей дитя-институт оставался без внимательного и заботливого глаза. Мудрёно другое: как институт в условиях военного времени и политической нестабильности выжил, не потерял работоспособность и сохранил потенциал для своего развития.

Передовые части 21-й и 28-й стрелковых дивизий Красной Армии вступили в Екатеринбург в понедельник вечером 14 июля. На следующий день горожане читали в листовках, наклеенных на стенах домов, на афишных тумбах и заборах: *«Новая крупная победа над Колчаком. 14 июля взят ЕКАТЕРИНБУРГ. Столица Урала в наших руках. Всё ярче сказывается бессилие «Сибирского Монарха». Красные волны перекатились за Урал. Урал Советский. Очередь за Сибирью. Вперёд к решительной победе!!!».*

К этому времени эшелон с отправившимися в эвакуацию преподавателями, вероятно, ещё не дошёл до Тавды. Безвластье в городе продолжалось менее суток. Когда опасность анархии миновала, то Матвеев 17 июля собрал коллег, чтобы посоветоваться, что делать. Сообща решили:

«1. Ввиду того, что постановление Совета от 8 июля 1919 г. о переезде УГИ во Владивосток не могло быть осуществлено, Совет института постановляет, что УГИ остаётся и действует в Екатеринбурге.

2. Ввиду того, что тревожное время миновало, Совет находит необходимым немедленно открыть институт и всем приступить к исполнению своих обязательств».

Эвакуация «обескровила» и академическую коллегия и Совет института. Поэтому на заседании Совета 23 июля, после того как был зачитан протокол предыдущего собрания, были приняты решения о временном прекращении вакационных отпусков, об

оставлении «на руках» у персонала и служащих эвакуационных денег и о выдаче таковых тем, кто их ещё не получил, ведь скоро расчёты должны были перейти на советские дензнаки и колчаковские деньги надо было побыстрее потратить.

Потом был решён вопрос о начале учебного года первого октября, проведены выборы секретаря Совета и декана, новых членов Строительной комиссии и Хозяйственного комитета. Секретарём вместо Янека избрали Келля, назначив его же и временным руководителем канцелярии по студенческим делам; временно исполняющей обязанности декана избрали Галли; членами Строительной комиссии стали Матвеев, Крылов, Шохат, Титов, Абельс и Келль, а членами Хозяйственного комитета – Матвеев, Галли, Шохат и Титов.

Хотя эвакуационный период был короток и о случаях воровства и мародёрства в городе как будто бы было не слышно, тем не менее у зрителя Ф. А. Зуева пропала институтская лошадь; для разбора этого дела и проверки целостности имущества на стройке была избрана комиссия. Ещё одну комиссию Совет назначил для присмотра за химической и механической лабораториями и за электростанцией, а кроме этого, предстояла в ближайшее время разборка упакованного для эвакуации имущества и составление по всем кафедрам годовых отчётов. В общем, забот был полон рот, членов же Совета мало. Откуда их взять? Постановили включить в его состав всех приват-доцентов. Вот так вышли из затруднительного положения, заплатив за это качеством Совета. Иным способом быстро решить этот вопрос было невозможно, а время не ждало.

В Екатеринбурге с большим опозданием узнавали о том, что происходило в Советской России за то время, пока город был отделён от неё линией фронта. Ещё 21 мая в Петрограде умер великий учёный, один из основоположников кристаллографии Евграф Степанович Фёдоров (1853 – 1919), у которого учился Матвеев. На Урале об этом печальном событии узнали только в конце июля от Матвеева. Он сообщил о смерти Фёдорова членам Совета, и они почтили его память вставанием.

Веймарн, поддержанный Советом 8 июля, не ошибся в выборе Матвеева в качестве своего заместителя. И когда месяц спустя Матвееву стало не хватать полномочий временно исполняющего

обязанности ректора, то Совет, убедившись в его порядочности и административных способностях, единогласно предоставил ему права исполняющего должность ректора для разрешения институтских проблем, круг которых трансформировался в почти неприступную скалу. Они оставались всё теми же, что и при Веймарне: ассигнования, строительство здания института, поиски и аренда помещений, оборудование лабораторий и кабинетов, разработка учебных планов, пополнение академической коллегии, приём студентов и так далее, но решать их теперь приходилось в иных социально-политических условиях.

Институт в финансовом и политическом отношении находился в подчинении у центральных органов власти, но поскольку связь с Москвой пока была затруднена, то временно работа вуза регламентировалась губернским отделом народного образования. Через него институт получил аванс в счёт сметы в полмиллиона рублей. Зная, как переменчивы решения властей, Матвеев торопил коллег с составлением смет по текущему и капитальному оборудованию и содержанию лабораторий и кабинетов, с выполнением в кратчайшие сроки осмеченных работ хотя бы частично и наличным составом преподавателей и служащих, которых очень не хватало. Поэтому в начале августа и сентября Советом были даны объявления о конкурсах на вакантные кафедры и «доцентуры»: на кафедры ботаники и палеонтологии, на должности доцентов по зоологии, гидравлики и гидротехнических сооружений, горно-разведочной механики; кроме этого, была нужда в двух лекторах иностранных языков и в заведующем общеинститутской мастерской. Объявления напечатали не только в местных газетах, но и отправили в столичные вузы.

В июле 1916 г. во время закладки здания института Веймарн говорил, что создать «живую школу труднее, чем дать ей мёртвую оболочку в виде здания». К огромному сожалению и спустя три года «живая школа» не имела «мёртвой оболочки» – собственного здания. Оборудование, кадры, студенты – всё это пока не имело надёжного пристанища. Его пытались обрести. Крылов, делегированный Советом в Строительное бюро ГубСовнархоза, будировал там вопрос о достройке институтского здания, а также о деловом контакте Бюро и Строительной комиссии. Квартирная комиссия, занимавшаяся поисками временных помещений,

обратила внимание на здание бывшего Епархиального училища. Но как заполнить его и другие помещения, чтобы начать занятия?

В начале сентября стало известно о том, что штаб 3-й армии должен освободить дом бывшего Главного начальника Уральских горных заводов и Матвеев поручил Титову и Крылову узнать, нельзя ли получить его для института. Одновременно Абельсу было дано задание подготовить планы зданий Уральского горного училища и мужской гимназии в связи с возможным выделением в них помещений для УГИ. Вдруг где-то повезёт и удастся обрести хоть на время крышу над головой.

Новая власть уже поставила перед институтом задачу развития на Урале профессионально-технического образования, исполняя постановление Совнаркома, которое им было дано ещё в августе 1918 г. Наркомпросу о немедленной подготовке ряда «постановлений и шагов для того, чтобы ... были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих... На первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства».

На Урале, в УГИ, её решением занялись ровно год спустя. В конце августа Совет института создал комиссию по профессиональному образованию, которая занялась подготовительной работой, чтобы в новом учебном году провести приём студентов не только на общих основаниях, но и набрать слушателей из рабочих на подготовительные курсы, в вечерние классы и в рабочий политехникум, разработкой проекта которого занялись Крылов с Барабошкиным. Уровень подготовки этих учащихся был низким. Они не имели среднего образования и, тем не менее Губернский отдел народного образования потребовал их принимать. К концу августа 88 человек подали заявления о приёме в институт и ни один не получил отказа.

Если институт был бездомен, то Барабошкин дом, наконец, обрёл. В июле 1918 г., ещё до занятия города чехословаками, он был направлен в Петроград и Москву для покупки оборудования и книг и для участия в совещании по Высшей школе, но война помешала ему вернуться к началу занятий. В таком же положении оказался и Горин. Совет института тогда уволил их как не явившихся к исполнению обязанностей без объяснения причин.

Теперь, год спустя, тот же Совет, отменив своё же постановление, восстановил обоих в прежних должностях.

Приезд Барабошкина был более чем кстати. Николая Николаевича сразу взяли в оборот: его включили в комиссию по профессиональному образованию, делегировали вместе с Матвеевым в комиссию по устройству в Екатеринбурге ботанического сада, назначили на пару с Абельсом представителем института для передачи в ведение губернского отдела строительства материалов и инвентаря, находящихся на территории строящегося здания института, поручили составление сметы по лаборатории аналитической химии, и при этом он ещё как совместитель во внеучебное время заведовал построенным по его проекту ещё в 1916 г. аффинажным заводом.

Работа в качестве совместителей в то время практиковалась многими преподавателями, потому что прожить на зарплату, получаемую в вузе, было невозможно, да и высокообразованные специалисты пока были редки. Дудин, например, заведовал сетью станций магнитной и метеорологической обсерватории, Бучельников был ректором Народного университета, и поэтому губернский отдел труда разрешал совмещать работу в нескольких учреждениях.

По мере приближения объявленного начала учебного года количество мероприятий, приходившихся на единицу времени, становилось всё больше, а времени на их осуществление всё меньше. Заседания Совета института следовали одно за другим. На них рассматривали учебные планы инженерно-лесного факультета, составленные ещё Овсянниковым, и старших курсов рудничного факультета, торопя Крылова с завершением работы над ними. По предложению Матвеева была возобновлена деятельность советской комиссии для обсуждения со студентами их академических и социальных вопросов, преобразованной позже по распоряжению Наркомпроса в комиссию по социальному обеспечению, членами которой были избраны Матвеев, Крылов и Томсон.

К началу октября актом утверждения деканов завершилось формирование геологоразведочного и, формально, рудничного факультетов. Деканом первого стал Матвеев, деканом второго – Крылов, а секретарём геологоразведочного факультета утвердили с первого июля Келля. Как только это утверждение состоялось, Титов

заявил о недопустимости совмещения должностей ректора и декана. Коллеги его поддержали, дезавуировав тем самым своё же решение о назначении Матвеева деканом. Да, такое совмещение в принципе нежелательно, согласились все, а выход из этой ситуации предложили найти очередной комиссии, которая дипломатично решила, что временно совмещение неизбежно, но оклад по низшей должности должен быть при этом половинным.

Планы, обсуждавшиеся и принимавшиеся к исполнению членами Совета, могли быть воплощены только при наличии полноценной академической коллегии. Конкурсы, объявленные в августе и сентябре на замещение вакантных должностей, дали, по словам Матвеева, хорошие результаты, и было решено продолжить их до 1 января 1920 г. 10 октября он огласил список желающих баллотироваться на преподавательские должности, а 26-го все они были избраны доцентами и приват-доцентами.

Кто же пополнил академическую коллегию УГИ? Кандидат химии А. Г. Грюнвальд стал проводить занятия по неорганической химии и обучать студентов техническим переводам с английского языка. Инженеру-строителю К. Н. Воеводину были поручены курсы строительной механики, строительного искусства и геодезии; курсы черчения и геодезии – инженеру путей сообщения Б. П. Горюнову, межевому инженеру Ф. Ф. Павлову, Н. К. Воеводину и В. А. Гайкину, физики – К. Р. Котельникову, минералогии – И. Ф. Токареву, металлургии – горному инженеру Трубину, черчения, технологии топлива и заводских печей – горному инженеру Я. Н. Чупракову, золотого дела и горного искусства – инженеру-геологу Е. И. Барбот-де-Марни, магнитометрии, прикладной геологии и петрографии – Д. Л. Ортенбергу, основ машиностроения и прикладной механики – инженеру-механику Е. Е. Нольштейну, общей металлургии и неорганической химии – брату выдающегося русского художника К. Ф. Юона, бывшему управляющему Симским горным округом, инженеру-химику Э. Ф. Юону, рудных месторождений и петрографии – горному инженеру Ф. И. Кандыкину, выдающемуся геологу, давшему ещё в 1905 г. прогнозную оценку районов Башкирии и Оренбуржья на нефтегазоносность.

Многих из инженеров, ставших преподавателями, в Екатеринбург занесла война. Город стал для них временным

пристанищем, биваком; где-то у них были родные, семьи, дома, квартиры, работа. И к началу 20-х годов, когда жизнь в уральской столице стала особенно тяжёлой, они почти все уехали туда, где было лучше. Остался только один Фёдор Фёдорович Павлов. И это положение сохранялось почти десять лет. Лишь к началу 30-х годов в институте сформировался стабильный профессорско-преподавательский коллектив.

«Хорошие результаты» конкурсов всё же не позволили заполнить все вакантные должности на кафедрах рудничного, механико-металлургического и инженерно-лесного факультетов. Поэтому Совет института 30 октября констатировал, что «невозможна пока организация этих факультетов» и что «чтение ботаники и зоологии на 1-м семестре инженерно-лесного факультета не будет». Тем не менее Барабошкину и Юону было дано поручение по организации ещё одного факультета – химико-металлургического.

Советская власть (как и любая другая власть) стала преобразовывать страну в соответствии с социально-политическими и экономическими представлениями о государстве диктатуры пролетариата. По требованиям власти, которые она формулировала жёстко и даже жестоко, стали постепенно происходить изменения и в Горном институте. Они заключались в новых условиях для разработки тарифных ставок преподавателей и служащих; в изменении состава Хозяйственного комитета, членами которого теперь должны были быть не только ректор и деканы, но и представители служащих и служащих. Крылов, делегированный на Учительский съезд, доложил на одном из заседаний Совета института, что организован Союз работников просвещения и социалистической культуры, коллективными членами которого должны стать все учебные и научные учреждения. Таким образом, все преподаватели и служащие института должны были стать членами профсоюза, который В. И. Ленин назвал школой коммунизма.

На заседании Совета 10 октября Шохат выступил с заявлением о реорганизации управления УГИ. Чтобы решить, каким должно быть Правление института, опять создали комиссию. На следующем заседании Совета, на которое впервые были приглашены студенты (Вернер, Кирюхин, Кудрина, Лурье,

Стрегулин, Эдидович), было оглашено постановление коллегии Наркомпроса об упразднении института старост и о введении студентов во все органы управления института. Это постановление не подлежало ни обсуждению, ни, тем более, оспориванию, и поэтому реакция на него была выражена в протоколе деликатной фразой: «Совет полагает возможным признать присутствующих студентов представителями до окончательного конструирования Совета», посчитал, что этим пока можно и ограничиться.

Но «присутствующие студенты» были начеку и тут же предложили рассмотреть вопрос «о реорганизации управления УГИ в соответствии с постановлением коллегии во всём объёме». Совет вынужден был уступить и принять это предложение, после обсуждения которого, а также нормы представительства студентов в Совете и создания согласительной комиссии было решено, что «во главе УГИ должен стоять реорганизованный Совет, которому принадлежит полное руководство УГИ».

С этого времени и надолго студенты стали не только учащимися, но и управленцами, а самое главное, проводниками политики РКП (б) по пролетаризации высшей школы и ... добровольно-сознательными надзирателями за деятельностью своих преподавателей.

Идеолого-политическая деятельность студенчества обрела законность 12 октября, когда в институте пятью членами РКП (б) и десятью сочувствующими была создана партийная ячейка по инициативе 24-летнего выпускника Уральского горного училища Фёдора Григорьевича Кирюхина и было избрано временное бюро в составе Ф. Кирюхина, С. Лисина и Мухтарова.

Члены ячейки «ранжировались» на членов РКП (б), сочувствующих и вновь вступающих. Коммунистами были Фёдор Григорьевич Кирюхин, вступивший в РКП (б) в ячейке Монетного двора, Георгий Иванович Степанов, которого приняли в партию в ячейке электростанции «Луч», и Виталий Алексеевич Павлов с Мухтаровым, являвшиеся членами бюро РКП (б) при военном совете 3-й армии. Владимир Фаддеевич Цивинский и Сергей Николаевич Лисин были сочувствующими. Первый от партийной организации железной дороги III района г. Екатеринбурга, второй – от партийной организации I района. Вновь вступающим: Петру Степановичу Кусакину, Степану Ивановичу Митюнину, Аркадию

Ильичу Стригулину и Евгению Михайловичу Антипину – ещё предстояло пройти обряд посвящения в коммунисты.

Создание комячейки – событие историческое. Как никак это была первая на Урале вузовская партийная организация. Газета «Уральский рабочий» оценила это событие с бесстыдной нескромностью, напечатав на серой бумаге еле видимым шрифтом, что «их (студентов-коммунистов. – В. Ф.) работа была направлена на восстановление УГИ, брошенной бежавшей профессурой». Вот так стала мифологизироваться история. О такой истории язвительно-ироничный Ёжи Ленц сказал как о собрании фактов, которых не должно было быть. Их и не было.

Документальными свидетельствами этого события стали протокол заседания и фотография членов комячейки. На её тыльной стороне один из них Иван Липилин написал: «Пусть наша организационная работа..., как членов маленькой ячейки великой партии рабочего класса, послужит лишь революционным прологом к работе в производстве, и пусть сознание нашей личной дружбы, возникшей в борьбе за общие цели, укрепит в нас чувство мощного единства с трудящимися всего мира и поддержит в тяжёлой борьбе за коммунистическое будущее».

Сколько в этих словах пафоса, оптимизма и уверенности. Иван и его товарищи искренне верили, что они сумеют разрушить «весь мир насилия» и построить «новый мир».

Своё желание переделать мир они стали осуществлять немедленно, составив план работы на предстоящих выборах в различные институтские комиссии, «как по вопросам административно-хозяйственной, так и научной деятельности». Профессоров они сразу и революционно поделили на две категории: на тех, «симпатии которых явно на стороне Советской власти», таких было меньшинство, и всех остальных, названных ими с сожалением «строго беспартийными профессорами», с которыми комячейке впереди предстоит большая «творческая работа» по «перековке» их сознания.

Со студенчеством дело обстояло проще. Оно, в огромном своём большинстве пока ещё беспартийное, поддерживало коммунистов, поскольку «царствование Колчака наглядно показало, что пролетарской интеллигенции не по дороге с Колчаком».

Пока же в воскресенье 26 октября студенты на сходке решили прозаичную задачу, избрав в Совет УГИ пятнадцать своих представителей. В этот же день утром состоялось заседание самого Совета института, на котором Стрегулин заявил, что «студенты считают крайне желательным» присутствие преподавателей на этих выборах. Совет удовлетворил «крайнее» желание студентов.

Вопрос о том, как должно быть реорганизовано управление института, стала решать смешанная преподавательско-студенческая комиссия, избранная 30 октября. Через неделю, 6 ноября, Шохат доложил план реорганизации управления, который был принят с поправками и дополнениями. Плодом коллективного творчества стала громоздкая, многоступенчатая, разнородная, до совершенства обюрокраченная структура. Сидите сами.

Высшим органа управления института по-прежнему остался Совет. Но в его составе кроме преподавателей и студентов было два представителя от Губернского совета профсоюзов и по одному от Бюро отдела металлов ВСНХ на Урале, от ГубОНО и от Губсовнархоза. Совет института стал разнородным, против чего в своё время категорически возражал Веймарн. Оперативно такой Совет работать не мог. Поэтому для выполнения текущей работы и внешних сношений из членов Совета было избрано Правление, состоявшее из председателя-ректора, его заместителя-проректора, двух членов и двух кандидатов. Членами были студенты, кандидатами – представитель преподавателей и студентов. В Правлении два его члена ведали академическими делами, два – хозяйственными.

Но этого показалось мало, и управление вуза «утяжелили» дополнительно Президиумом Совета с неясными функциями, который состоял из председателя, его заместителя - студента и двух секретарей: преподавателя и студента. Члены Президиума избирались из членов Совета и не входили в состав Правления.

Об управлении факультетами сказано было скупо. Поскольку полноценных факультетов ещё не было, поэтому в основных положениях об управлении вузом было написано, что «жизнь факультетов направляется особыми организациями, о которых пока не следует говорить впредь до организации факультетов, каковая поручается деканам». И всё. Деканаты как органы управления факультетами в структуре вуза были созданы позднее.

Как и при Веймарне, все хозяйственные вопросы находились в ведении Хозяйственного комитета. Но если при Веймарне он состоял из четырёх человек, то теперь в его составе было два члена Правления, по одному представителю от факультетов, его четвёртую часть представляли служащие и рабочие и третью – студенты. Кроме этого, по постановлению Совета в его состав в случае надобности могли делегироваться члены специальных комиссий.

Обсуждение структуры управления вузом продолжалось два дня. В его различные органы был избран 41 человек без учёта состава Хозяйственного комитета. Многовато для вуза, в котором училось около полутора сотен студентов. Правда, многие из избранных являлись членами нескольких органов. Так, например, Матвеев был и членом Президиума, и проректором, и деканом. Ректором же тогда избрали Николая Георгиевича Келля. По окончании выборов собрание отдало должное четырёхмесячной деятельности Константина Константиновича Матвеева «за понесённые им труды, благодаря которым УГИ не распался в тяжёлое переходное время» и получил возможность для своего развития.

Почему ректором был избран Келль, а не кто-то другой из профессоров? Неизвестно. Ему досталась тяжелейшая доля. Но трудностей он не боялся. Вся его жизнь была сопряжена с ними. Он родился 20 января 1883 г. в селе Петрове Псковской губернии. Его отец был безземельным крестьянином. Но Николай каким-то образом сумел в двадцатилетнем возрасте поступить в Горный институт. Учился он долго, почти 12 лет, зарабатывая себе на жизнь сам. Был он самостоятельным, социально активным, поэтому политические события, происходившие в столице, особенно в годы первой русской революции, будировали его. Он участвовал в студенческих волнениях, уходил из института, протестуя, таким образом, против реакционной политики правительства; вёл агитационную работу среди крестьян, арестовывался, сидел в тюрьме. «Переболев» революционным радикализмом, он вернулся в институт и закончил его в 1915 г., отягощённый великолепными идеями, развитием и реализацией которых занимался всю жизнь. Возможно, он и ректором-то согласился стать только для того,

чтобы воплотить их в жизнь в виде горно-геодезического факультета.

Как рождаются идеи? Тайна. Проще ответить на вопрос, при каких обстоятельствах это происходит. Для Келля ими стала работа в качестве топографа в Камчатской экспедиции Императорского русского географического общества в 1908 – 1911 годах. Занимаясь картированием вулканов в таких же тяжёлых условиях, как во времена Витуса Беринга (1681 – 1741) и Степана Крашенинникова (1711 – 1755), Келль и пришёл к идее применения фотограмметрии для геологического и географического картирования.

В Екатеринбург он приехал после окончания института. Местом его службы стал строившийся аффинажный завод, на котором он работал сначала помощником управляющего, потом – правительственным пробирёром, а 1 июля 1917 г. он был избран исполняющим дела профессора по кафедре геодезии. И вот спустя два с небольшим года коллеги избрали его ректором.

Свою ректорскую деятельность Келль начал 15 ноября не с чистого листа. На страницах протоколов предыдущих заседаний Совета было написано много вопросов, решать которые теперь предстояло ему. Что это были за вопросы?

Местные финорганы нарушали нормы оплаты труда преподавателей и служащих. Матвеев сообщил об этом в Наркомпрос ещё в середине сентября, но ответа из Москвы пока не было. Была ликвидирована Строительная комиссия, и нужно было восстанавливать научно-техническую комиссию по устройству и оборудованию здания института. Старый Совет сделать это не успел, хотя вопросы о предстоящей ликвидации одной комиссии и восстановлении другой обсуждались ещё 19 сентября. И тогда же Крылов доложил о смете и ходе работ по постройке институтского здания в текущем и ближайшем строительных сезонах, которые можно было характеризовать поговоркой: улита едет, когда-то будет.

Многие решения и постановления Совета: о новых ставках преподавателей и служащих, о сметах, о конкурсах на замещение вакантных должностей и другие – необходимо было утверждать в Москве. Для этого намечено было направить в столицу делегацию для «проведения сметы на текущий год и приобретения оборудования». Нерешённым был вопрос о том, в какой форме

следует развивать в институте профессионально-техническое образование: в виде рабочего политехникума, проект которого был разработан и передан в ГубОНО, или виде подготовительных курсов.

Начать занятия первого октября, как было запланировано, не удалось главным образом из-за того, что квартирная комиссия не смогла найти помещения. Надежды на то, что институт получит их в Уральском горном училище, в бывшей мужской гимназии или в доме бывшего Главного начальника Уральских горных заводов, не сбылись. Помешал особуполномоченный по борьбе с тифом. Второго ноября с ним, по его предложению, встретились в Чрезвычайной междуведомственной квартирной комиссии Матвеев, Титов, Смирнов и Мизюлин, но договориться о разделе помещений не смогли. Положение стало катастрофическим. И 8 ноября администрация института вынуждена была заняться оборудованием помещений для занятий студентов первого курса в одном из залов бывшего Общественного собрания (ныне в этом здании находится театральный институт), а для второго курса – в золото-сплавочной лаборатории и в зале бывшей «Американской» гостиницы (ныне в этом здании находится Художественное училище им. И. Д. Шадра).

Первое заседание Совета нового состава было многочисленным. В помещении канцелярии, переехавшей снова в дом Полякова, собралось 24 человека: 16 преподавателей и 8 студентов. Гражданская война ещё не закончилась. Накануне, 14 ноября, Советские войска почти без боя взяли Омск. Армии нужны были солдаты. Поэтому был объявлен призыв студентов. Член Правления Мизюлин доложил, что студентов старших курсов пока берут на учёт, младшекурсники получают отсрочку, а на службу рекрутируют слушателей подготовительных курсов. Призыв был пагубен для вуза, контингент которого и так был мал. Воспрепятствовать этому институт мог только единственным доступным ему способом – универсальным, но малоэффективным ходатайством к власти. Но примет ли она его?

Хорошо, что старшекурсников пока только брали на воинский учёт. Поэтому нельзя уже было откладывать открытие занятий на третьем курсе. Они должны были начаться ещё осенью, сказал проректор Шохат, но различные причины помешали это сделать. Обсуждая проблему третьего курса, члены Совета задались

вопросом, а кого считать третьекурсниками. Решили, что ими должны быть студенты, поступившие в институт в 1917 г., а занятия с ними следует начать 1 февраля 1920 г. Для этого Правление вуза, во что бы то ни стало, должно было найти помещения, учебно-вспомогательные средства, кредиты, объявить конкурсы на вакантные должности преподавателей по предметам третьего курса и, независимо от их результатов, чтение лекций на первых порах поручить тем преподавателям, которые есть в наличии.

Решение о командировании делегации в Москву и Петроград «по срочным жизненным для УГИ вопросам» было принято на этом же заседании Совета. Её возглавил Шохат. Вместе с ним поехали Галли, Барабошкин и студент Смирнов. Они должны были ходатайствовать об освобождении студентов от мобилизации, добиться «проведения» смет по обеспечению студентов стипендиями, а института – финансированием на конец 1919 и первую половину 1920 годов и сделать в обеих столицах объявления о конкурсах на замещение вакантных должностей.

Открытие третьего курса в ближайшее время заставило Совет интенсифицировать работу по созданию факультетов. Организацию химико-металлургического и механико-металлургического факультетов поручили временно исполняющим дела секретарей этих факультетов Барабошкину и Нольштейну; организацией инженерно-лесного факультета занялся сам ректор.

Долго откладывавшееся начало занятий состоялось в воскресенье, 16 ноября, в здании бывшего Общественного собрания. Накануне ректор разослал письма в партийные и советские учреждения, приглашая их представителей «пожаловать» на институтское торжество, которое прошло уже по советским канонам.

Освещая это событие, газета «Уральский рабочий» написала, что все выступавшие, «представители профессуры, студенчества и советских организаций...», отмечали широкие перспективы, открывающиеся перед УГИ в 3-й год его существования благодаря глубоким реформам, проведённым в высшей школе Советской властью. Эти реформы привлекли к управлению УГИ новые, свежие, молодые, энергичные силы», под которыми газета подразумевала, по-видимому, студентов-коммунистов.

О трудностях, испытываемых институтом, особенно в отношении помещений, газета написала очень обтекаемо. На них якобы представители Правления института указали, между прочим. И чтобы даже это «между прочим» не обидело власть, газета процитировала Шохата, сказавшего, «что УГИ является сейчас почти единственной в Советской России высшей школой этого рода, могущей более или менее правильно функционировать и что её громадное значение для государства признано центральными органами Советской власти».

В чём выражалось это признание, он не сказал, потому что его просто не было, и это знали все. Но он не мог так сказать. Ведь он собрался ехать в Москву для того, чтобы просить помощи у центральных органов.

Это была ложь, но ложь во спасение УГИ, направленная и в адрес местной власти. Уж если центральная власть, говорил Шохат, признала громадное значение УГИ, то «местные власти (тем более. – В. Ф.) должны внимательно отнестись к нуждам УГИ», а не делать вид будто бы в Екатеринбурге нет вуза.

Финал собрания был идеологически выдержанным: Кирюхин предложил от имени членов институтской комячейки избрать почётным председателем Совета института наркомпроса А. В. Луначарского (1875 – 1933). Единогласное одобрение этого предложения завершилось пением членами партии и сочувствующими и невнятным бормотанием беспартийными партийного гимна «Интернационал».

Миг праздника ещё резче обнажил остроту и драматизм институтских проблем. 19 ноября ректор предложил Совету обсудить вопрос об учреждении горно-геодезического факультета, мотивируя его создание большой потребностью в маркшейдерах и «лёгкостью открытия» (?). Его поддержали Крылов, Барабошкин и Титов, заявившие, что дефицит специалистов обуславливает на рудниках слабый маркшейдерский надзор. Но чтобы открыть факультет, нужны смета и учебные планы и, по мнению Чупракова, чёткое разграничение сфер деятельности геологоразведочного и горно-геодезического факультетов. Стрегулин же предложил не торопиться с созданием нового факультета до тех пор, пока не будет налажена полноценная работа уже существующих. Поэтому пока постановили: пусть специальная комиссия подготовит доклад

о целесообразности открытия горно-геодезического факультета, и занялись обсуждением положений на других факультетах.

О комиссиях следует сказать особо. Они создавались и избирались Советом почти по каждому вопросу. При Веймарне такого не было. Вот что значит, когда Совет по составу неоднороден. В течение осени 1919 г. были образованы библиотечно-издательская комиссия, комиссия о ставках профессоров и преподавателей, научно-техническая комиссия, книжное бюро, комиссия по социальному обеспечению студентов, редакционная комиссия по изданию книги по Ураловедению. А сколько посылались представительских делегаций и deputаций на различные мероприятия, съезды и совещания. Проку от них не было. Разве что от московской, да от омской, посланной в бывшую колчаковскую столицу для покупки оборудования на выделенные институту каким-то чудом, 150 тысяч рублей. В общем, строительство «нового мира» началось с бюрократизации всего и вся.

Вот и обсуждение вопроса, поставленного на заседании Совета Барабошкиным, закончилось созданием очередной комиссии. А выступил он с планом преобразования химико-металлургического и механико-металлургического факультетов в химический, металлургический и механический факультеты с соответствующим пересмотром учебных планов. Коллеги по-разному отреагировали на его предложение. Крылов посчитал, что создание механического факультета возможно только при условии широкого развития на Урале машиностроения и сослался на опыт Петроградского горного института, в Совете которого обсуждается вопрос об организации горно-механического факультета. Чупраков высказал опасение, что осуществление предложения Барабошкина превратит УГИ в Политехникум, поэтому желательно было бы открыть не механический факультет, а горно-механическое отделение.

Кто прав? Чью точку зрения принять? Или, может быть, следовало бы рассмотреть какой-то иной вариант факультетской структуры вуза? Проблемы внутреннего устройства института стали предметом обсуждения, споров и дискуссий на протяжении многих лет, пока удалось выработать его приемлемую схему.

Только в начале декабря получил разрешение вопрос о подготовительных курсах. Был момент, когда от них решено было

отказаться из-за невозможности организовать и открыть вместо них временное повторительное отделение. Но ГубОНО настояло на том, что профессиональное обучение в вузе должно быть и не в виде подготовительных курсов, а в виде рабфака, расходы на содержание которого должны входить в смету института. А ГубОНО в счёт этой сметы обещало выделить аванс. Совет принял условия: рабфак должен быть открыт. И он был открыт.

По-прежнему домокловым мечом висела угроза призыва студентов в армию. Призыву подлежали студенты 1895 года рождения в порядке общей мобилизации; студенты первого и второго курсов были лишены отсрочки; кроме этого, студенты должны были проходить всеобщее воинское обучение (Всевобуч) в часы, совпадающие с учебными занятиями, потому что так было удобно военным инструкторам.

Тяжёлое положение студентов усугублялось почти полным отсутствием у них средств к существованию. Поэтому в октябре Совет института вынужден был ввести вечерние занятия «до времени окончательного решения вопроса о всеобщем социальном обеспечении студентов». Днём студенты учиться не могли. Днём они работали в различных учреждениях и конторах, добывая средства на жизнь себе и своим семьям.

Но вот тексты резолюций, которые студенты принимали на своих сходках, были радужно-оптимистическими. Одна из сходок состоялась 26 ноября. На ней «красное студенчество» приветствовало реформы рабоче-крестьянского правительства в области высшей школы. Ближайшей задачей своего вуза они считали подготовку «кадров высококвалифицированных ученых и технических сил для восстановления промышленности, разрушенной 4-летней империалистической войной и стараниями Антанты». Что для этого следовало сделать? Широко открыть двери института, которых у него ещё не было, «для пролетарских масс, увеличить пропускную способность УГИ и принять меры к получению студентами помимо теоретических знаний широкой практики».

Трудности, трудности, трудности. Казалось, что им не будет конца. Институт тонул в них. Успехи в борьбе с ними были ничтожными, и их было немного. 15 ноября Совет института образовал научно-техническую комиссию во главе с Матвеевым,

которой удалось «отвоевать» у городских властей помещение для геологоразведочного факультета. 7 декабря в горисполкоме получили правительственную телеграмму: «Горный совет ВСНХ просит предоставить для нужд Екатеринбургского горного института дом бывшего начальника Горного управления, находящийся в ведении Горного совета. Просьба оказывать также всякое содействие Горному институту и его преподавательскому составу, студентам в предоставлении нужных ... помещений. Председатель Горного совета, член Президиума ВСНХ Сыромолотов». Не исполнить просьбу Фёдора Фёдоровича горисполком не посмел, и факультет встретил новый 1920 г. на набережной городского пруда, правда, факультету разрешили занять не все помещения в доме.

Опять неплохие результаты дал конкурс на замещение вакантных должностей: по кафедре технологии минеральных веществ был избран профессор Нижегородского университета П. С. Философов, по кафедре петрографии – преподаватель Петроградского политехнического института Д. С. Белянкин, будущий академик АН СССР, крупнейший советский специалист в области технической петрографии, по кафедре высшей геодезии и астрономии – старший ассистент Энгельгардовской астрономической обсерватории Казанского университета К. К. Дубровский, по кафедре физической химии – преподаватель Московского университета В. К. Першке, по кафедре математики – инженер-электрик А. В. Ольшванг, по кафедре геологии – А. М. Жирмунский, по кафедре разработки рудных месторождений – Н. И. Трушков, по кафедре строительного искусства – А. В. Кац. Профессор Московской горной академии А. Е. Маковецкий изъявил желание баллотироваться на должность профессора по кафедре основных химических производств. Дело это было уже почти решённым. Требовалось только согласие Совета академии об откомандировании Александра Евменьевича на Урал. 30 декабря из Москвы была получена телеграмма, в которой Шохат сообщил, что вакансию по кафедре кристаллографии можно считать замещённой Шубниковым. Матвеев, зачитавший на заседании Совета телеграмму, стал возражать и предложил обсудить этот вопрос, поскольку у московской делегации не было полномочий избирать профессоров, да и срок конкурса уже прошёл, а, кроме этого, на

вакансию претендовали и другие кандидаты. Что делать? Постановили отложить решение этого вопроса до возвращения Шохата.

В конкурсах участвовали не только иногородние, но и преподаватели института. К концу 1919 г. исполняющими дела профессоров стали Крылов, Юон, Нольштейн, Барабошкин, Барбот-де-Марни и Усенко.

Давно известно, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. К этому способу помочь себе прибегла институтская научно-техническая комиссия 29 декабря, созвав по своей инициативе междуведомственное совещание с участием представителей Губсовнархоза, ГубОНО, и Горного совета ВСНХ. Цель совещания была простой – наладить, наконец, деловые взаимоотношения с местными организациями. Почему они не были установлены на протяжении полугода? По мнению Келля, этому способствовала «неосведомлённость в политике Советской власти и некоторая растерянность, а главным образом недостаток деятельных работников в настоящее время, стоящих на новой точке зрения». Это и привело к тому, что «благоприятный момент для института был упущен», поэтому он и оказался в критическом положении. Его следовало изменить.

Участники совещания были солидарны во мнении, что для снабжения центра продуктами производства следует развивать производительные силы Урала и Кузнецкого бассейна, поскольку «борьба с мировым капитализмом требует самых срочных и экстраординарных мер, широкого размаха в области производства. Для решения этих проблем Урал должен иметь свой научно-технический центр, который ставил бы и разрешал проблемы научно-технического характера, привлекая на Урал научно-технические силы». Такой региональный центр, считали представители Урало-Сибирской комиссии ВСНХ, может быть создан на базе УГИ.

После совещания Келль, удовлетворённый его результатами, сказал, что «все затруднения были выявлены». Значит, в 1920 г. их не будет. Блажен, кто верует!

На последнем заседании Совета, а оно состоялось 30 декабря, результаты совещания обсуждать не стали, а рассмотрели только вопрос о том минимуме экзаменов и зачётов, которые должны были

сдать студенты, и о Рождественских каникулах. Пока они ещё именовались по-старому. Студенческая фракция в Совете предложила на первом курсе отменить чтение лекций с 1 по 10 января, а практические занятия – только на три праздничных дня, т. е. на Сочельник и два дня Рождества. На втором и третьем курсах отменялось на время каникул лишь чтение лекций. Практические занятия продолжались. Сделано это было для того, чтобы «объём материала для зачёта был достаточен для сдачи его к 20 января».

Так прозаично закончился третий календарный год, один из самых драматичных в истории УГИ. Что представлял собою институт к этому времени? Вступив в должность ректора, Келль составил для председателя Екатеринбургского исполкома «Краткие сведения о состоянии Уральского горного института»:

«В Уральском горном институте в настоящее время функционирует 2 курса, открывается чтение лекций на 3-м курсе и принимаются срочные меры к тому, чтобы в ближайшее время открыть полностью 3-й курс.

В Институте имеется 5 факультетов: 1) Геолого-разведочный, 2) Рудничный, 3) Химико-металлургический с отделениями химическим и металлургическим, 4) Механико-металлургический с отделениями железо-металлургическим и механическим и 5) инженерно-лесной.

В ближайшее время предполагается открыть Горно-геодезический факультет и, в виду выявившейся потребности, Химико-металлургический и Механико-металлургический факультеты – развернуть в новые факультеты: Химический, Металлургический и Механический.

Имеются учебно-вспомогательные учреждения следующие: 1. Физическая Лаборатория. 2. Химическая лаборатория с отделениями Неорганической, Органической и Аналитической химии. 3. Геолого-минералогическая лаборатория, Музей и Кабинет. 4. Музей по Кристаллографии и Петрографии. 5. Библиотека в 9080 томов. 6. Чертёжная. 7. Механическая мастерская при Физической лаборатории. Приступлено к оборудованию общеинститутской мастерской точных приборов».

Небогато, если учесть ещё, что институт не имел собственных помещений. Мало было и студентов. На третьем курсе учились студенты, принятые в 1917 г. Их было всего 28 человек из 368,

сдавших испытательные экзамены и зачисленных на первый курс; на втором – 49 и на первом – 64, хотя зарегистрировано было 285.

Кто были эти 28 самых первых студентов УГИ? Сведения о них скупы: только фамилия, имя, отчество; год рождения, название и год окончания тех учебных заведений, которые они окончили или в которых учились до поступления в УГИ, указаны не всегда. Почти все они были ровесниками – в возрасте от 17 до 20 лет. Самыми взрослыми среди них были Сергей Дарьинцев и Николай Смирнов. Сергей родился в 1886 г., а в 1908 г. окончил Уральское горное училище. Николай моложе его на шесть лет, и окончил он Нижне-Тагильское горнозаводское училище в 1911 г. Это же училище в 1914 г. в возрасте 18 лет закончил и Николай Мизюлин. 22-летняя Зоя Волкова, 18-летняя Нина Кудрина, 19-летняя Валентина Молева и Галина Диева были воспитанницами Екатеринбургской женской гимназии. Моисей Заманский и Сергей Удинцев окончили Екатеринбургскую мужскую гимназию: Сергей в 1913 г., а Моисей, моложе его на два года, – в 1917-м. Совершенно ничего неизвестно о Николае Волокитине, Константине Потеряхине и Лейбе Хазанском. Известен только год рождения – 1898-й, – Аркадия Стрегулина. Екатеринбургское реальное училище в 1917 г. окончил Кирилл Кискин, а Фёдор Кирюхин и Алексей Миронов окончили Уральское горное училище, соответственно, в 1915 и 1917 годах. Одногодки, все с 1898 г., Надежда Морозова и Арон Мериин приехали в Екатеринбург из Перми со свидетельствами об окончании гимназий. Василий Чернышов и Николай Тимофеев окончили Оханское и Слободское реальные училище, а Владимир (или Владислав) Штишевский – мужскую гимназию в Туле. Студентами были 20-летний Орест Гейдер и Валентин Левицкий. Первый из них до поступления в УГИ учился в Петроградском политехническом институте, а второй – в Харьковском университете. Николай Бяков окончил в 1917 г. реальное училище в Вятке, Михаил Сабликов – в тот же год в Оренбурге, а годом раньше – Абрам Мериин в Оршевске. Всеволод Огородников и Кирилл Теребилин окончили училища: Всеволод – в 1914 г. землемерное в Уфе, а Кирилл - в 1917 г. сельскохозяйственное в Красноуфимске.

Как сложилась жизнь первых студентов Горного института? Чем они занимались? Что им было уготовано судьбой? В какой

земле покоится их прах? Неизвестно. Может быть, молодое поколение выпускников Уральского горного университета увлечётся изучением истории *alma mater* и сумеет, если захочет, ответить на эти вопросы.

1920-й

Год 1920-й – это отречение Колчака в пользу Деникина от титула Верховного Правителя России, его арест, допросы и расстрел; Декрет о трудовой повинности; образование Дальневосточной Республики; план ГОЭЛРО; учреждение комиссии по ликвидации безграмотности; Декрет о рабфаках; скоротечная полугодовая польско-советская война, закончившаяся для поляков «Чудом на Висле» и поражением Советской России; эвакуация из Крыма 140 тысяч гражданского населения и остатков Белой армии и окончание Гражданской войны; падение рубля в 13 тысяч раз по сравнению с 1913 годом.

Такова канва основных событий этого года, по которой стал вышиваться узор истории Уральского горного института. Мотив узора и его мрачно-минорная цветовая гамма были определены «тяжёлыми условиями момента», тяготами военного времени и эпидемиями, и главными в тот момент являлось «удовлетворение военных и санитарных нужд». Екатеринбург был превращён «в сплошной сыпно-тифозный лазарет, в котором лежало 7 тысяч больных, находившихся на попечении 10 врачей.

29 декабря 1919 г. в Екатеринбурге состоялось заседание междуведомственного совещания по вопросам создания на Урале научно-технического центра с участием Горного института. Председательствовавший на совещании председатель научно-технической комиссии профессор Матвеев констатировал в протоколе заседания, что «все старания института о привлечении в Екатеринбург свежих научно-технических сил специалистов по разным отраслям технических производств не дали пока существенных результатов. Причины этого явления глубоко коренятся в наследии нашего прошлого. Наши центры всегда были более богаты сокровищами культуры, вузами, музеями, библиотеками, чем провинция. Лучшие интеллектуальные силы страны прочно оседали в столицах и не желали расстаться со многими несомненными преимуществами столичной жизни».

В эпоху «военного коммунизма» эта ситуация не надолго изменилась, на год-два, когда жизнь в обеих столицах стала невыносимой и могущие бежать из них побежали в провинцию, в частности в Екатеринбург. По оценкам американского историка Э.

Х. Кара: «За три послереволюционных года население Москвы сократилось на 44,5 %, Петрограда ... на 51,5 %. Красная Армия забрала физически здоровых мужчин, массы людей перебрались в сельские местности, где, по крайней мере, всё ещё можно было приобрести продукты питания».

Но как только в Москве и Петрограде исчезли угрозы для жизни и был восстановлен относительный комфорт – бытовой и культурно-интеллектуальный, почти все вернулись назад. В. В. Шульгин (1878 – 1976), вспоминая то страшное время, написал в книге «Три столицы», что жизнь тогда представляла «ужас, ушедший в прошлое; нечто реальное, как вчерашний день, но не представляемое себе в будущем, вроде как потоп, мор, землетрясение».

Первое заседание Совета института состоялось сразу после рождественских каникул 14 января в 7 часов вечера, в канцелярии, размещавшейся в бывшем доме Полякова. Пока зимние каникулы именовались по-старому. У советских идеологов ещё не дошли руки, чтобы переменить их название. Но вот улица, на которой стоял бывший дом Полякова, уже называлась по-другому: не Покровский, а Малышевский проспект в честь И. М. Малышева (1889 – 1918) – одного из организаторов отрядов Красной гвардии на Урале, пленённого и расстрелянного белыми повстанцами в июне 1918 г. под Златоустом.

Четыре года Мировой войны и, особенно, два года Гражданской военизировали сознание и лексику людей. Работу стали называть сражением, область деятельности – фронтом, людей – бойцами или врагами, привлечение к трудовой деятельности – мобилизацией и так далее, и так далее. Но при оформлении документов пока сохранялись, как реликты, обороты старого делопроизводства.

Вот и в приглашении, направленном председателем Совета УГИ его членам, он написал не «повестка дня», а «предметы занятий». Какими же они были? Упразднение Комиссии по социальному обеспечению и учреждение Трудового комитета. Да, комитет значимее комиссии. Улучшится ли только от этого социальное обеспечение студентов? Вторым «предметом» был доклад комиссии по разработке проекта включения института в трудовой фронт. Потом профессор Матвеев и доцент Титов должны

были сообщить об организации Советов геологоразведочного и рабочего факультетов, обсудить вопрос о приглашении преподавателей на рабфак и рассмотреть кандидатуры Д. Л. Ортенберга, А. Ф. Свиричевского и В. С. Сырокомского для их избрание на преподавательские должности.

Второе заседание Совета 22 января началось с минуты молчания, которой почтили умершего 18 января в 11 часов дня Онисима Егоровича Клера (1845 – 1920) – президента УОЛЕ и одного из основателей этого общества. Для него завершилась спираль земной суеты; скорбивших о нём она безжалостно стискивала змеиной удавкой, кольца которой они мужественно пытались ослабить.

Результаты работы делегации института в Москве, положение дел с мобилизацией студентов в армию, утверждение Совнаркомом институтских смет, достройка здания института – это были главные вопросы, рассматривавшиеся на этом заседании.

Студент Мизюлин, проинформировав Совет о положении стипендиатов Горного совета ВСНХ, предложил послать в Москву делегата со списком студентов, сдавших экзаменационно-зачётный минимум, чтобы обеспечить их стипендией. Его однокурсник Кирюхин рассказал о сметах по студенческому соцобеспечению. После доклада профессора Матвеева Совет постановил, чтобы научно-техническая комиссия занялась, в первую очередь, достройкой институтского здания. Из сообщения ректора выяснилось, что члены московской делегации превышают свои полномочия, принимая самостоятельно решения по конкурсным делам, и это им было «поставлено в вину». В связи с Декретом о рабфаках признали необходимым продолжить работу по его организации, назначив временно заведующим рабфака профессора Шохата. Доцент Бучельников рассказал о благоприятных результатах поездки в Омск делегации института для приобретения оборудования. Совет, выслушав его, поблагодарил и обсудил вопрос о снаряжении такой же делегации в Томск.

Первого февраля в институте занялись созданием научно-учебного трудового фронта, сообщив об этом в Москву Председателю Горного Совета ВСНХ Сыромолотову и избрав комиссию под председательством Матвеева о выработке проекта соответствующего положения. В основу проекта был положен

принцип принудительной учебной повинности. В истории такого ещё не было: были повинности военные, трудовые, рекрутские, ямские, феодальные, но чтобы учебная... Большевики предстали в этом отношении «новаторами», приравняв учёбу к барщине, оброку, налогу.

Реорганизация управления института, проведённая в конце 1919 г. с благой целью, оказалась несовершенной. Факультеты, например, может быть, потому, что находились ещё в стадии формирования, были не наделены правом проведения выборов. И когда в конце января на геологоразведочном факультете прошли выборы доцентов и приват-доцентов, то Совет института признал их недействительными, утешив кандидатов тем, что срок конкурса ещё не истёк и Совет успеет принять необходимое постановление для того, чтобы выборы стали законными.

Противником реорганизации управления вуза был Матвеев, выразивший своё недовольство в очень своеобразной форме. Он как декан отстранил от должности Бучельникова якобы за неисполнение служебного долга и саботаж. Этот конфликт обсуждался на заседании Совета института. Тогда Матвеева осудили и студенческая фракция Совета, и член Совета Барабошкин. Студенты заявили, что они усматривают «в деятельности проф. Матвеева как декана..., занявшего по отношению к реорганизации управления УГИ резко оппозиционную позицию, ряд незаконных и некрасивых поступков..., которые могут быть объяснены нежеланием ... его ... на деле поддержать осуществлённую реорганизацию управления УГИ, фракция студентов предлагает ... вынести ... Матвееву порицание..., признавая факт отстранения от работы Бучельникова незаконным, просить последнего взять своё заявление».

Барабошкин, выступая от имени Совета, заявил, что «... собрание Совета признаёт объяснения (Матвеева. – В. Ф.) неосновательными, устранение ... Бучельникова от должности – незаконным».

Сергей Макарович Бучельников после такой поддержки, пережив обиду, взял заявление об увольнении и остался в институте. Он коренной уралец. Родился 26 июня 1894 г. в мещанской семье в Ирбите. Его отец занимался торговлей и имел свой дом. В штат УГИ Бучельников был зачислен осенью 1917 г. по

рекомендации М. К. Елиашевича, ещё будучи студентом Петроградского горного института. Летом 1917 г. он работал младшим геологом в угольной разведочной партии Правления Армавир - Туапсинской железной дороги, а осенью переехал на Урал. Здесь его и застала революция, и он был вынужден на пять лет осесть в Екатеринбурге.

Работая сначала в УГИ, а потом в Уралуниверситете, он одновременно служил геологом в Режевской даче, в Управлении национализированного Верх-Исетского горного округа, на Режевском заводе, был членом комитета и хранителем музея УОЛЕ, возглавлял Правление Народного Университета, был инженером по особым поручениям в Правлении треста «Уралплатина», всё ещё оставаясь студентом. В конце 1922 г. Правление треста откомандировало его в Петроград в Горный институт. В начале 1924 г. он закончил в нём петрографическое отделение на геологоразведочном факультете и вернулся на Урал.

По-видимому, его конфликт с Матвеевым был очень глубоким, поэтому в институте он не стал больше работать. Местом его службы сначала было Уральское бюро Геолкома, потом его отделение, в котором он возглавлял бюро учёта и учётно-экономический подотдел, а на рубеже 1926-1927 годов полгода был начальником Уралгеолкома. Как сложилась его жизнь после этого, мне неизвестно.

Конфликт двух коллег, старшего и младшего, будучи личным, вероятно был усугублён и кризисным положением института, достигшим пика, а также физической усталостью и нервным истощением сотрудников. Трудности только множились, выходили из подчинения, приобретая катастрофический характер. На одном из заседаний Совета в феврале ректор с безнадёжностью заявил: «Пятимесячные усилия института дали мало реального: нет помещений, нет оборудования, очень мало преподавательских сил, студенты не обеспечены, все на службе ... в мелких усилиях, в спутанной борьбе со всеми препятствиями теряется вся энергия исполнительных органов института, и не видно конца этой безнадёжной трате сил, этого ослабления творческой инициативы».

Каждое заседание Совета института было Сизифовым трудом: камни поднятых проблем тут же скатывались, лопааясь мыльными пузырями. 11 февраля состоялось совместное совещание Правления

УГИ, полномочного представителя Горного совета ВСНХ на Урале С. А. Варжанцева, комиссии по социальному обеспечению и трудовой повинности студентов и книжного бюро.

Самыми важными из обсуждавшихся на совещании были вопросы об отзыве студентов из армии и из гражданских учреждений и об их денежном и материальном обеспечении. Законное основание для возвращения студентов в институт было. 30 января Совет Рабоче-Крестьянской Обороны издал соответствующее постановление. Этот документ решено было опубликовать в местных газетах и разослать письма с его текстом в воинские части и в учреждения и принять меры к отзыву хотя бы тех студентов, которые были зачислены в институт до 31 января 1920 г. Вопрос же с остальными студентами постановили решать «в порядке внутреннего управления».

Но отозванные студенты, сразу же лишались жалованья по месту службы или работы. Значит, им нужно было назначать стипендию. Совет её установил в размере 2240 рублей. Но она могла быть и увеличена с разрешения Трудового комитета, созданного при Совете УГИ и проводившего все мероприятия по трудовой повинности. Как будто бы всё просто, если бы у Совета института были на это деньги. Деньги были в Москве у Горного совета ВСНХ. Туда и обратились с несколькими просьбами: во-первых, ассигновать единовременно в феврале 1456000 рублей на стипендии 650 студентам, в основном первого и второго курсов, поскольку на третьем курсе числилось (училось ли?) всего 8 человек; во-вторых, создать в институте при полномочном представителе Горного совета продовольственный фонд для обеспечения студентов всеми видами продовольствия, ассигновав для этого в счёт институтской сметы ещё полтора миллиона рублей, иначе на двухтысячную стипендию не прожить; в-третьих, выделить средства на хозяйственные расходы, на оплату банно-прачечных услуг, столовую и книжное бюро.

А чтобы принятые постановления не остались втуне, и был приглашён на совещание полномочный представитель Горного совета. Более того, решено было, чтобы между ним и Советом УГИ были постоянные взаимоотношения, чтобы его доверенный человек стал членом Совета УГИ, чтобы полпред, члены Трудового комитета и Горпрофсожа (горный профсоюз железнодорожников) проводили

совместные заседания. Предусмотрев, кажется, всё, что было нужно, теперь оставалось ждать решения Москвы, но не сидя сложа руки.

Через неделю после совещания Трудовой комитет, состоявший из двух преподавателей, двух студентов и технического персонала, самоструктурировался на президиум и три отдела: труда, снабжения и финансов – и начал принимать меры, привлекая в помощь служащих канцелярии по студенческим делам, к «снятию студентов со службы», выдаче им стипендии и разработке проекта трудовой книжки «для целей точного учёта труда».

В середине февраля из Москвы вернулась институтская делегация и её руководитель профессор Шохат доложил о проделанной там работе. Он предложил утвердить результаты конкурса по замещению вакантных должностей, зачитал заявления конкурсантов и представил их членам Совета. И хотя месяцем ранее Совет ставил в вину Шохату его излишнюю самостоятельность, теперь об этом не стали вспоминать и утвердили результаты конкурса. Не отсылать же людей назад, с великим трудом доехавших до Екатеринбурга.

Среди новых членов академической коллегии больше всего было химиков: Тумило-Донисевич – специалист по количественному анализу, С. Г. Карманов – химик-органик, К. С. Беликов и Н. Н. Петин – химики-неорганики, В. В. Разумовский был приглашён для проведения практических занятий по химии, Н. Н. Рогаткин – как специалист по технологии органических веществ. Супругами Шубниковыми – Алексеем Васильевичем и Ольгой Михайловной – были замещены вакансии по кафедре кристаллографии; некто Жуковский должен был вести курс электрометаллургии. Кроме этого, на должность механика был приглашён Б. А. Протопопов, а заведующим фотолабораторией и преподавателем фотодела Б. В. Недзвецкий. Негусто. Но, всё же лучше, чем ничего.

Поскольку потребности института в преподавателях и оборудовании для лабораторий были удовлетворены не в полной мере, то Шохат, взяв на себя ответственность, нашёл в Москве людей и самостоятельно наделил их полномочиями для решения этих вопросов: А. Е. Маковецкий должен был заниматься приглашением в УГИ преподавателей, Сорокин – приобретением оборудования, а Соколов – представлять

от УГИ в московских организациях и учреждениях. Дальновидность этой инициативы была несомненной, поэтому Совет её тоже одобрил.

Сумел Шохат добиться и перевозки из Петрограда в Екатеринбург химической лаборатории Моисея Абрамовича Ракузина (1869 – 1932) – коллеги Веймарна, очень крупного специалиста в области изучения процессов адсорбции. Почему его лаборатория оказалась «бесхозной»? Вероятно, потому, что он эмигрировал после революции.

Успехи институтской делегации, пусть и небольшие, были бы невозможны без поддержки высоких московских покровителей. Им: наркомфину С. Е. Чуцкаеву (1876 – 1946), председателю Горного совета ВСНХ Ф. Ф. Сыромолотову (1877 – 1949), заместителю наркомпроса М. Н. Покровскому (1868 – 1932) и члену коллегии наркомпроса Ф. В. Ленгнику (1873 – 1936), руководившему вузами, Совет послал благодарственные телеграммы.

Какие «золотые горы» были обещаны приехавшим москвичам, если они не побоялись многонедельной дороги в промёрзших теплушках и жизни в уездном городишке, прославившемся на весь мир бессудным расстрелом бывших императора и императрицы с чадами и домочадцами?

Дочь Шубниковых Вера, вспоминая многие годы спустя «путешествие» на Урал, писала: «Мне было тогда два года. С графической чёткостью врезалась в память картина: тёмное помещение теплушки, я сижу на нарах, закутанная в пальто и платки, ноги – в пуховом мешке из большой подушки. Две стены теплушки обиты тёмно-красным ковром. Справа от меня сверху маленький белый прямоугольник окна. На полу стоит самовар, из носика его монотонно капает вода и замерзает горкой на полу. Вылезать из мешка мне запрещено. Время тянется бесконечно. Это вспоминается как кошмарный сон.

Родители мои двинулись в этот рискованный путь по приглашению Уральского горного института, а кроме того..., из боязни потерять и вторую дочь, т. е. меня. Моя сестра Елена была на полтора года старше меня. Осенью 1919 г. мы обе заболели дезинтерией. Сестра умерла через шесть дней, а я выздоровела, но была очень истощена».

В институте ждали москвичей, ректор встречал их на вокзале, но не смог обеспечить их даже сносным жильём. Шубниковых сначала подселили в квартиру институтского дворника. Позже им выделили комнату в здании бывшей второй женской гимназии, в которое осенью 1920 г. въехал институт. В этой комнате, по воспоминаниям Веры, «и росли кристаллы, и варился суп, и работал токарный станок, и спали дети в бельевой корзине». Когда в 1925 г. Шубниковы уехали в Ленинград, то в освобождённой ими комнате поселился профессор Николай Акимович Шадлун с маленькой белой собачкой по кличке Сильвин.

Не лучшими, а возможно и худшими были условия жизни и у других преподавателей. Трудности, с которыми горняки боролись, как Дон-Кихот с ветряными мельницами, были не институтскими и даже не уральскими, а всероссийскими. Местные же власти, принимая ходатайства Совета института и вынося необходимые решения и постановления, мало что делали для их выполнения, с одной стороны, из-за ограниченности своих возможностей, а с другой – из-за предубедительного отношения к УГИ, порождённого свергнутой властью, непримиримое отношение к которой у большевицких вожаков Урала было выражено в гипертрофированной форме. Они в особенности стремились разрушить до основания «весь мир насилия», чтобы на пустом месте построить «наш, новый мир».

15 января 1920 г. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны переименовал по инициативе РВС 3-й армии эту армию в 1-ю революционную армию труда для использования её частей в народном хозяйстве Урала и прежде всего для лесозаготовок и очистки железнодорожных путей от снежных заносов, с которыми не могли справиться местные власти. Поэтому в Москве приветствовали план создания трудовой армии, предложенный комиссарами 3-й армии. Первым председателем Совтрударма был назначен наркомвоенмор Л. Д. Троцкий (1879 – 1940). Он приехал в Екатеринбург с большой свитой во второй половине февраля. Совет УГИ решил обратиться к нему за помощью, избрав для встречи с ним комиссию сначала из трёх человек во главе с ректором; потом «усилил» её до пяти.

Упования на поддержку Льва Давидовича оправдались. Из действующей и трудовой армий было демобилизовано много

студентов, институту было передано два здания, увеличены пайки для студентов и преподавателей. Правда, распоряжение Троцкого местные власти выполняли с оговорками и задержками, а пайки урезались. Тем не менее помощь Предсовтударма дала возможность начать регулярные занятия. По утрам с 7 до 10 часов студенты слушали лекции, потом шли на работу в различные учреждения, а вечером возвращались в институт для выполнения практических работ.

К марту, по воспоминаниям Н. И. Кудриной, «после почти трёхлетней ломки мы, студенты, кажется, вздохнули свободно; всем был дан паёк и предложено оставить работу».

Но это было мнение студентки. 7 апреля уполномоченный представителя Горного совета ВСНХ Б. Полудин опубликовал в газете «Уральский рабочий» заметку «Не стущайте красок», в которой написал: «В Екатеринбурге мы пытаемся организовать единственный рассадник высшего горного образования – УГИ. ... УГИ в основном уже организован: имеется штат профессуры и преподавателей, 250 студентов, около 200 рабфаковцев, несколько лабораторий и кабинетов. Мыкается институт, вопит о своём катастрофическом положении; профессора химии Маковецкого отправляют на жительство в Ирбит за отсутствием квартиры в Екатеринбурге. Институту нет внимания, а зря».

Менее эмоционально, но о том же, о невнимании к институту и к его проблемам, с горечью говорил ректор 29 апреля на заседании Совета: «Нет ни одной лаборатории, ни одного кабинета, которые были бы в достаточной мере оборудованы, большинство лабораторий ещё только числятся на бумаге».

В безнадёжных жизненных ситуациях, чтобы окончательно не утратить надежду и не пропасть, говорят: глаза боятся, а руки делают, умирать собирайся, а жито сей. Вот и в Горном институте несмотря ни на что, «сеяли» разумное, доброе, вечное.

К февралю в штате института было 17 профессоров и исполняющих дела профессоров, 103 преподавателя и 897 студентов. И академическая коллегия медленно и понемногу продолжала увеличиваться. Два заседания Совета института, 11 и 21 февраля, были целиком посвящены обсуждению конкурсных дел на всех факультетах, хотя некоторые из них и «числились на бумаге». На этих заседаниях уже в качестве членов Совета

присутствовала чета доцентов Шубниковых, и декан Матвеев сообщил, что он передал Алексею Васильевичу курс кристаллографии.

На геологоразведочной факультете на должности доцентов были избраны горный инженер И. И. Мархилевич для проведения занятий по минералогии и оптическим константам и межевой инженер Г. К. Смирнов – по низшей геодезии. Кроме этого, декан предложил избрать доцентами по курсу рудных месторождений Ортенберга и по курсу общей геологии Свиричевского, а приват-доцентом по минералогии Сырокомского.

На кафедре горного искусства рудничного факультета доцентом был избран горный инженер А. Н. Сидоров для чтения курса лекций по разработке угольных месторождений.

Больше всех конкурсантов было на металлургическом факультете. Его профессорами стали: по кафедре технологии минеральных веществ инженер-технолог А. Е. Маковецкий, по кафедре общей электротехники кандидат математических наук Л. В. Залуцкий, по кафедре металлургии чугуна профессор М. А. Павлов – будущий академик АН СССР и Герой Социалистического Труда, по кафедре общей металлографии профессор Н. С. Константинов, по кафедре теоретической механики и гидравлики профессор А. Н. Долгов. Совет также подтвердил, по напоминанию Барабошкина, выборы Д. В. Кутырина в должности исполняющего дела профессора, состоявшиеся ещё летом 1919 г. и принял к сведению сообщение декана о том, что профессор Юон передаёт курс неорганической химии доценту Рогаткину, а должность доцента по аналитической химии займёт К. С. Боликова.

По кафедрам металлургии чугуна и общей металлографии Барабошкин предложил объявить дополнительный конкурс на должности доцентов, поскольку ранее при составлении планов об этом в спешке забыли. Пока же доцентами избрали по кафедре общей электротехники инженера-технолога И. В. Стецулу; горных инженеров К. Г. Трубина и будущего руководителя проекта и главного инженера строительства Магнитогорского металлургического комбината В. А. Гассельблата – по сталелитейному делу и специальным сортам стали и по металлургии чугуна; кандидата экономических наук С. В. Глебова – по организации производства и обработке металлов резанием;

инженера-технолога Л. Н. Муравлева – по технологии органических веществ; кандидата естественных наук Л. А. Мин-далева – по неорганической химии; кандидата университета М. П. Сулиму – по качественному анализу, горного инженера В. А. По-лежаева – по общей металлургии; А. Н. Бергштрассера – по начертательной геометрии, преподавание которой, по заявлению члена Совета Мизюлина, не удовлетворяло студентов, и чтобы выяснить, в чём дело, Совет постановил создать для этого специальную комиссию.

Из всех факультетов самым неукомплектованным был инженерно-лесной. Вакансий на его кафедрах было много, но в Совет поступило всего два заявления. На должности профессоров приняли: специалиста по механической технологии древесины преподавателя Петроградского политехнического института Е. Г. Кротова и по кафедре ботаники – преподавателя Нижегородского университета А. М. Сигрианса.

Формально результаты конкурсов были хорошими, вакансии замещались квалифицированными преподавателями, крупными инженерами, профессорами. Это было престижно для молодого провинциального вуза и обещало его рост, развитие, авторитет, если бы все, кто проходил по конкурсу, оставались в нём. Но через год, два и даже через несколько месяцев фамилии многих из них уже не значились в штате института, а некоторые, пройдя конкурс, просто не приезжали, найдя лучшее место, потому что институт не мог предоставить им квартиры, он не располагал хорошо оснащёнными лабораториями, фундаментальной библиотекой и ещё многим и многим.

Через месяц после приезда в Екатеринбург Алексей Васильевич Шубников написал заявление о временном освобождении его от занятий «для урегулирования острого квартирного положения». В начале марта профессор Юон также обратился в Совет с заявлением о предоставлении ему 2-месячного отпуска для командировки за границу по распоряжению Наркопути. Заявление было удовлетворено; Эдуарда Фёдоровича попросили приобрести за границей оборудование и книги для института. Он обещал, но в институт не вернулся. Впрочем, он не вернулся и в Советскую Россию.

Люди искали, где лучше. Это было их суверенное право, и пока на него не покушались.

2 марта впервые на заседании Совета были заслушаны и обсуждены отчёты деканов и секретарей о деятельности факультетов. Значит, борьба с трудностями дала хоть маленький, но результат. Факультеты – не мираж, не фантом. Институт – тоже, коль Управление Пермской железной дороги прислало в УГИ «мотивированное отношение ... о желательности открытия» путейного факультета. Члены Совета отнеслись к предложению железнодорожников заинтересованно, разделив его на два вопроса: «о возможности открытия факультета и о возможности и желательности изучения путейного дела в УГИ в качестве подсобного» или второстепенного. Мнения членов Совета разделились. Барабошкин считал, что создать факультет невозможно. Чупраков был менее категоричен, заявив, что «желательно изучение путейного дела в УГИ применительно к горному делу».

На этом в обсуждении и поставили точку и перешли к обсуждению более насущного вопроса - о реорганизации управления института, рассмотрев предварительно и приняв к сведению заявление Шохата о замене званий доцента и приват-доцента званием преподавателя в соответствии с декретом.

Оппозиционная деятельность Матвеева дала свои плоды: большинство убедились в том, что управление вуза должно быть изменено. Вопрос о том, как должен управляться вуз, обсуждался почти полмесяца, и 17 марта было принято новое положение, по которому членами Правления вуза становились деканы и представитель Горного совета ВСНХ, упразднялась научно-техническая комиссия, ликвидировался Хозяйственный комитет, а его функции взяло на себя Правление, постройкой и оборудованием институтского здания должна была заниматься особая комиссия. В тот же день ещё раз были проведены выборы ректора и его помощника, проректора и двух секретарей Совета. Закрытой баллотировкой ректором вновь избрали почти единогласно – 47-ю голосами против одного – Келля, проректором – Горина, помощником ректора – Чупракова, а из двух секретарей Совета – только одного. Им стал Титов.

К реорганизации управления институтом и к выборам ректора было приурочено и обсуждение предложения профессора Усенко о разделении металлургического факультета на три на основании постановления «соединённого заседания ... факультетов от 11 марта». Согласно этому постановлению, утверждённому Советом института, вместо металлургического факультета были образованы химический, металлургический и механический. Деканом металлургического факультета избрали Барабошкина, секретарём – Кутырина. Деканом механического факультета стал сам Усенко, а секретарём Стецула. Химический факультет возглавил пока Рогаткин, он же и в качестве исполняющего обязанности декана, и секретаря.

Необходимость разделения металлургического факультета была обусловлена большим количеством разнородных специальностей, по которым на нём обучали студентов, и сложностью металлургической отрасли производства и науки. В них уже сформировались самостоятельные направления, разделы, дисциплины. Большая дифференциация было присуща и другим сферам науки и промышленности. Поэтому в недалёком будущем Совет института и деканы планировали осуществить реорганизацию и остальных факультетов.

На рудничном факультете намечено было создать три отделения по разработке рудных, каменноугольных и золото-платиновых месторождений, а также начать подготовку специалистов по обогащению полезных ископаемых. Лесной факультет должен был иметь два отделения – лесное и лесотехническое. Сложность и разнообразие химических производств были основанием для открытия на химическом факультете нескольких отделений: силовых установок, электротехники, технологии металлов и прикладной механики. Общее химическое образование должно быть единым для студентов всех факультетов и специальностей, как математическое и физическое.

Факультетские преобразования, уже осуществлённые и будущие привели к изменению в учебных планах. Так, уральские студенты, в отличие от студентов других вузов, начинали изучать горное искусство на первом курсе; на втором постигали основные горно-строительные дисциплины; на третьем – выполняли несколько проектов по способам разработки месторождений

полезных ископаемых. Обучение должно было завершаться на четвёртом курсе разработкой проекта по специальности. Поскольку на горных предприятиях стали почти повсеместно применяться различные электросиловые установки, то в учебную программу был включен курс электротехники. Горное искусство изучалось студентами геологоразведочного и рудничного факультетов.

На металлургическом факультете были открыты железо-заводское и металло-заводское отделения и отделение термо-механической обработки металлов и планировалось начать подготовку специалистов по доменному и передельному производствам, по выплавке цветных металлов, золота и платины, по электрометаллургии и горячей обработке металлов.

Планов было много, и это свидетельствовало отнюдь не о капитулянтском настроении среди руководителей, преподавателей и студентов. А поскольку спасение утопающих – дело рук самих утопающих, то в мае в Москву и Петроград была командирована следующая институтская делегация. На этот раз её возглавил Матвеев. Вместе с ним поехали член Правления студент Н. Смирнов и уполномоченный представителя Горного совета ВСНХ по Уралу Б. Полудин.

Поэтому сначала Матвеев с коллегами «постучались» в двери Горного совета, передав его председателю Сыромолотову многостраничное прошение, в котором говорилось следующее:

«Ввиду того, что вопросы оборудования учебно-вспомогательных и научно-исследовательских учреждений Уральского горного института по условиям переживаемого времени разрешаются весьма медленно, с большими затруднениями, а также ввиду того, что Уральский горный институт как молодое высшее горно-техническое учебное заведение ещё не успел оборудоваться и не имеет многих основных предметов оборудования, в порядке исполнения постановления коллегии Горного совета от 25 мая с.г. прошу Горный совет оказать Уральскому горному институту ... содействие».

Какое содействие? Точнее, какие содействия, поскольку в прошении их было перечислено много: откомандировать в УГИ всех профессоров, преподавателей, инженеров и служащих, выразивших желание работать на Урале; дать распоряжение руководству вузов страны о выделении во временное пользование

научного и учебного инвентаря и в первую очередь дубликатов книг, приборов и учебно-научных коллекций; разрешить приобретать за границей необходимые приборы, справочную, монографическую и периодическую литературу; разрешить сотруднику института командировку за границу не только для приобретения инструментов и литературы, но и для ознакомления с современным состоянием горно-технического образования в европейских вузах; дать распоряжение руководителям предприятий Урала о передаче ими в УГИ дубликатов геологических карт, разрезов, чертежей и планов рудничных и заводских построек, образцов руд, моделей шахт, машин и прочего, что может быть полезным для обучения студентов и помочь в скорейшем окончании строительства собственного здания института.

Не все вопросы, требовавшие решения и содействия, были в компетенции Горного совета. Вузы и рабфаки в то время находились в ведении Главпрофобра (Главного управления профессионального образования), которое возглавлял О. Ю. Шмидт (1891 – 1956) – будущий академик АН СССР, начальник Главсевморпути, руководитель экспедиций на кораблях «Седов», «Сибиряков» и «Челюскин», Герой Социалистического Труда. Главпрофобр стало вторым учреждением, куда обратились уральцы. Перечень их вопросов и просьб был таким большим, что для их рассмотрения пришлось создать специальную комиссию под председательством Ленгника.

Самый тяжёлый и самый важный для института вопрос – вопрос о помещениях был рассмотрен комиссией 28 мая, которая постановила «настаивать перед Наркомздравом на очищении занимаемых ныне под госпитали ... учебных помещениях г. Екатеринбурга: старого и нового епархиальных и духовных училищ со всеми обслуживающими их постройками», ибо в противном случае институт придётся закрыть.

Ответ на это почти ультимативное заявление пришлось ждать долго, но зато каким обнадеживающим оно было. Уполномоченный этого наркомата по Уралу сообщил: «Извещаю вас, что мною завтра, 19 июня, даётся предписание приступить к свёртыванию госпиталей, расположенных в зданиях: 1) старого епархиального училища, 2) нового епархиального училища, 3) духовного училища,

причём последнее может быть освобождено лишь крайне постепенно».

На самом деле все здания освобождались «крайне постепенно», так постепенно, что напоминать об этом приходилось не единожды. И когда терпение напоминающих иссякло, то им пришлось обратиться за помощью к председателю СНК В. И. Ленину. Помогло!

В этот раз институтская делегация после неоднократных встреч с Сыромолотовым, Шмидтом, Ленгником и наркомом просвещения А. В. Луначарским добилась большего. Матвеев оказался целеустремлённее, последовательнее и настойчивее в отстаивании интересов института, чем Шохат. У него было много друзей и знакомых среди выдающихся учёных-геологов, работавших на Урале, которые не отказывали ему в помощи, содействовали приобретению книг, оборудования, давали советы и выказывали всяческое сочувствие. Представители УГИ при содействии комиссии Главпрофобра получили возможность выезжать в Москву, Петроград, Омск, Томск и другие города для приобретения лабораторного оборудования, справочной и учебной литературы; с помощью комиссии удалось хоть как-то обеспечить преподавателей жильём, студентов общежитиями и объявить очередной всероссийский конкурс на замещение вакантных должностей.

СТУДЕНТЫ И РАБФАКОВЦЫ

Несколько сотен студентов – это столько же пар рук, не ручек, рук, в основном мужских, молодых, сильных, пусть несколько и ослабевших от недоедания, но привычных к тяжёлому труду и не боящихся его. Хозяева этих рук, мёрзшие в нетопленных аудиториях, ставшие бойцами трудового фронта и ведомые членами Трудового комитета, начиная с января 1920 г. каждое воскресенье вместе с преподавателями занимались общественно полезным трудом – боролись с разрухой, работая на заводе «Металлист», на железнодорожной станции, в институтских аудиториях и помещениях. Студент тех лет, один из старейших уральских геологов, первооткрыватель Полуночинского марганцевого бассейна, лауреат Сталинской премии I степени Константин Ерофеевич Кожевников (1896 – 1981) вспоминал: «С нами работал на ремонте и профессор А. В. Шубников. Всё делали сами: двери, рамы, перегородки, столы и стулья».

7 марта горняки вышли на всеуральский воскресник, 6 мая Трудовой комитет вывел на общественные работы 600 студентов вместо 200 по наряду. В конце июля Правление института обязало всех студентов, преподавателей и служащих поработать на заготовке дров, а ректора – «обеспечить работающих дополнительным пайком и хотя бы лаптями с портянками». Только на Берёзовской даче было заготовлено 650 кубических сажень дров, для вывозки которых решено было построить узкоколейную железную дорогу. Тяжёлый труд воздался осенью и зимой теплом в кабинетах и аудиториях.

Вожди большевиков очень хорошо знали, какие гигантские силы, созидательные и разрушительные, таят в себе организованные массы людей, особенно молодых. Уж кому, как не им, ведомо было, как идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой независимо от того, какую идеологию исповедуют эти массы. Благодаря материализовавшимся силам масс они и захватили власть, а захватив, стали сразу же организовывать молодёжь в коммунистический союз – молодую гвардию рабочих и крестьян, над обликом которого работали лучшие советские поэты, писатели, художники и композиторы.

В Горном институте комсомольская организация была создана 26 августа 1920 г. Решение о её создании, решение очень своеобразное, приняли члены коммунистической ячейки, постановившие считать всех коммунистов в возрасте до 23 лет комсомольцами. Возглавили комсомольскую организацию Н. Антонов, И. Братухин, Макаров и Потапов. С этого времени началась революционная советизация студентов, «перековка» российской молодёжи, пролетаризация высшей школы. И, возможно, тяжелейшие материальные и бытовые условия ускоряли эти процессы, заставляя держать «твёрже шаг», поднимать выше «юношеский стяг» и громче петь, подбадривая себя: «Мы кузнецы, и дух наш молод, куём мы счастья ключи». Ведь действие равно противодействию. Чем труднее, тем настойчивее желание преодолеть трудности, чтобы чувствовать себя победителем.

Вспоминая один из субботников, выпускница кафедры геофизических методов разведки Нина Григорьевна Орлова писала о своих товарищах и о себе как о победителях: «Трудились целый день, упорно, задорно, весело, со звонкой песней. А поздно вечером, голодные, уставшие, но довольные совершённым, возвращались в холодные общежития. Со зверским аппетитом съедали свои скудные 300 граммов жмыхового хлеба и миску супа из мёрзлой картошки».

Очевидец той великой и трагичной эпохи – Борис Михайлович Смирнов летом 1920 г. приехал из родного, купчески-уютного Великого Устюга поступать в Горный институт. Екатеринбургдохнул на него холодом неустроенности. Сердце, наверное, ёкнуло. Но он, как и его великий земляк Семён Иванович Дежнёв (1605 – 1673), открывший в 1648 г. пролив между азиатским и американским континентами, не трухнул и спустя много лет с некоторой иронией описал свои первые впечатления о столице Урала:

«Вокзал станции Екатеринбург ... встретил меня довольно благосклонно. Мне удалось устроиться на ночлег в зале ожидания старого вокзала на жёсткой металлической скамейке каслинского литья. Абитуриентов приехало более двух тысяч (такому наплыву абитуриентов благоприятствовало отчасти открытие 1 июля движения по новой железнодорожной линии Казань – Екатеринбург, получившей название Казанбург. – В. Ф.), и вокзалы

(старый и новый. – В. Ф.) не противились ночлегу, пока не рассосалась огромная для города масса будущих студентов. Никаких общежитий в то время не было, все общественные здания были заняты воинскими частями – прошёл только один год с момента освобождения города от колчаковских полчищ. Утро начиналось с хождения по домам, где нас встречали одним и тем же вопросом: «Чем будете платить?».

Горожане, конечно, предпочитали, чтобы за квартиру, а чаще всего за комнату или за угол им платили не деньгами, на которые ничего невозможно было купить, а продуктами – гречкой, рисом, мукой, маслом. Но где их взять?

Кое-как устроившись и пройдя испытания, Борис вместе с другими первокурсниками получили «хлебные карточки на триста грамм в день и (их. – В. Ф.) прикрепили к студенческой столовой. Столовая № 7 ... (находилась. – В. Ф.) на Вознесенском проспекте (ныне улица Карла Либкнехта. – В. Ф.), рядом с кинематографом «Лоранж» (ныне на этом месте находится кинотеатр «Совкино». – В. Ф.). Длинное по фасаду одноэтажное здание должно было обслуживать почти 1800 студентов дважды в день. Обеды раздавались с 6 до 9 часов утра по очередям на каждые четверть часа. Кормили, естественно, неважно. Первое – тарелка кипятка с плавающими в нём крупинками зёрен ячменя или ломтиками зачастую мёрзлой картошки, второе – каша из тех же зёрен настолько мизерными порциями, что они помещались буквально в двух ложках. Хлеб съедался тут же без остатка, хотя впереди был целый день».

В течение дня студентам приходилось перебегать из одного здания в другое. Поточные лекции по физике, химии и математике для первокурсников читались в здании бывшего нового епархиального училища (ныне второй учебный корпус УГГУ) возле Щепной площади, на которой сейчас находится спорткомбинат «Юность».

Так вот, «при перебежках на Щепную площадь, – вспоминал Смирнов, – мы неизбежно встречали на углу Уктусской улицы и Покровского проспекта (ныне улицы 8-го Марта и Малышева. – В. Ф.), так называемую «обжорку». Тут ... стояли рядом два храма Златоуста ... (Свято-Духовская церковь называлась Малый Златоуст, Максимилиановская – Большой Златоуст. Обе церкви в

30-е годы XX века были снесены; Максимилиановскую церковь построили заново в 2008-2012 гг. – В. Ф.). Здесь размещались торговые ряды со столами и кухнями, готовившими подозрительные по качеству яства, на запах которых мы притягивались как магнитом. Но цены были нам недоступны, и мы ухитрялись купить доступные по цене куски льняного жмыха каменной крепости, которые мы грызли незаметно на лекциях. Были в продаже «коноплюшки» из молодого конопляного семени, похожие по форме на ириски, но нам и они были не по карману. В соседнем квартале, там, где теперь дендрарий, размещался хлебный рынок, на котором торговали с возов продуктами деревенского производства, и тут же гудела «толкучка», где можно было купить что-то из одежды, обувь, или, напротив, продать, чтобы подхарчиться, если голод становился невмоготу, хотя у студентов тогда вряд ли была лишняя одежда.

Как же регулировался руководством института в таких экстремальных условиях учебный процесс? Смирнов и об этом очень подробно рассказал:

«Учитывая полуголодное существование студентов и необходимость где-то подрабатывать, чтобы выжить и не заболеть, ректорат не учитывал прогулы студентов, но дисциплину в отношении успеваемости, т. е. сдачи экзаменов, продолжал требовать строго».

Такие меры были очень разумными. Какими бы трудными ни были жизненные обстоятельства, институт должен был готовить и готовил изо всех сил квалифицированных, полезных обществу специалистов:

«С этой целью каждая учебная дисциплина была оценена определённым процентом выполнения учебного плана. Сдача 25 процентов плана за учебный год приводила к отчислению по неуспеваемости. Сдача 60 процентов плана давала право переходить на второй курс. Поэтому все стремились сдавать необходимый минимум». Как его можно было получить? Ведь никому не хотелось быть отчисленным. Студенты нашли выход. Не случайно же говорят, что голь на выдумку хитра, а студенты были тогда – «голь перекатная» и потому очень изощрённая на всякие уловки.

«Оценок по пятибалльной системе не было. Достаточно было получить в зачётке запись «сдано». Система сдачи экзаменов была своеобразной. Примерно за две недели назначались дни приёма экзаменов. На кафедре заранее составлялись списки желающих сдавать экзамены. Поскольку порядка сдачи дисциплин можно было не придерживаться, то студент, чтобы набрать «очки» (так мы называли проценты по каждой дисциплине), сдавал более лёгкие предметы старших курсов. Это приводило к курьёзам, когда после сдачи всех предметов выяснялось, что не сданы, например, начертательная геометрия – один из предметов первого курса».

Ну, а добравшегося до последнего курса студента кто же отчислит, у кого рука на это поднимется, даже если у него есть «хвосты» за первый курс.

Шолоховская «Поднятая целина» – это образ патриархально-провинциальной России, распаханной революцией. Многие сотни тысяч людей погибли под ножом революционного плуга, и он же, этот плуг, раскрепостил креативные силы миллионов, без которых страна не стала бы великой. Но сначала их надо было сделать грамотными, а потом образованными, потому что в стране к началу XX века, по данным переписи, проведённой в 1897 г., почти 80 % населения не могло ни читать, ни писать.

2 августа 1918 г. Совнарком декретировал новые условия поступления в вузы без экзаменов и без предварительного представления в приёмные комиссии документов об образовании. И рабоче-крестьянская, и прочая молодёжь, рванувшаяся в вузы, больно ударилась о «гранит науки», поскольку при всём желании не могла учиться из-за низкого уровня общеобразовательной подготовки. Тогда заместитель Наркопроса Покровский предложил создать рабочие факультеты как предварительную ступень подготовки для желающих получить высшее образование. 11 сентября 1919 г. Наркомпрос постановил организовывать рабфаки – самостоятельные учебно-вспомогательные учреждения, которые бы в кратчайшие сроки способны были довести образование молодёжи из рабоче-крестьянских семей до уровня, необходимого для поступления в вуз. Законодательно эта форма обучения, никогда и нигде ещё в мире не практиковавшаяся, была оформлена специальным декретом 17 сентября 1920 г.

В Горном институте вопросы профессионально-технического образования рабочих обсуждали ещё при Веймарне. О рабфаке же впервые завели разговор в начале декабря 1919 г., когда губернский отдел народного образования решил, что в УГИ следует открывать не подготовительные курсы, а именно рабфак. В конце января 1920 г. была создана комиссия по организации рабфака, временно исполняющим обязанности которого назначили Шохата, а вскоре председатель этой комиссии Титов сообщил на заседании Совета института, что со 2 февраля уже начнутся занятия в первой группе и заканчивается подготовка к открытию занятий ещё в двух группах. Через месяц Титов проинформировал Совет о том, как учатся рабфаковцы, а Шохат сообщил о программах и положении рабфаков, созданных в столичных вузах. Чтобы упрочить положение рабфака, Шохат был назначен уже постоянно его заведующим, секретарские же обязанности поручили исполнять Галли.

Яков Александрович Шохат был холерик, ему нравилось людское колдовращение, он с удовольствием членствовал и председательствовал в различных комиссиях и комитетах, депутациях и делегациях, составлял проекты документов, представлял институт на многочисленных встречах высоких гостей и на общественных мероприятиях, выступал в газетах с заметками. Вот и успех организации рабфака в рекламных целях он отметил заметкой в газете «Уральский рабочий», опубликованной в конце марта, озаглавив её в духе пафосной риторики того времени «Знамя – рабочим. Рабочие факультеты». Под «знаменем» он, по-видимому, подразумевал просвещение, образование, возможно науку.

«Такой рабочий факультет, – писал Шохат, – открыт и при УГИ. Он учреждён Советом УГИ и будет готовить трудящихся к поступлению в институт, вообще в высшую техническую школу. Факультет уже начал действовать. Профсоюзы, фабзавкомы, крестьянские организации, посылайте слушателей на наш рабфак! Пусть рабфак при УГИ даст Уралу красных инженеров, даст красных командиров для уральского трудового фронта, которые поведут рати своих братьев – трудящихся вперёд к новому будущему».

Среди многочисленных новаций, рождённых в креативных умах в 20-е годы, рабфак – несомненно, одна из лучших. Уральский рабфак, как и другие рабфаки страны, помогли стать выдающимися

«красными инженерами, красными командирами и красными учёными» немалому числу молодых людей, привив им вкус к творчеству, раскрепостив их ум, воображение, чувства. Имея чаще всего трёхклассное образование, рабфаковцы за три-четыре года напитывались знаниями, позволявшими им поступать в вуз. Их целеустремлённость, упорство и настойчивость в преодолении трудностей достойны восхищения.

«Мы пришли на рабфак, – вспоминая, рассказывали два рабфаковца, Дмитрий Сергеевич Неустроев и Яков Петрович Ярутин, – в 1922 г. Наша подготовка к рабфаку – трёхлетняя начальная школа: у одного земская, а у другого – церковно-приходская; первому было 22 года (Неустроеву. – В. Ф.), второму – 27 (Ярутину. – В. Ф.) лет. По профессии один рабочий металлист, второй – горнорабочий. Главное, что нас объединяло, – это страстное желание учиться. Поступая на рабфак, мы не думали о том, будем ли мы инженерами, не думали о будущей инженерной деятельности. Главное, чего мы хотели, – это взять всё, что мог дать рабфак.

Началась учёба. С первого же года обучения преподавали русский язык и литературу, математику, физику, химию, географию, иностранный язык, черчение, политэкономия, историю. Учебная нагрузка была огромная. Заниматься приходилось много. Но трудно было не только нам, но и преподавателям. Неумение грамотно писать нас страшно угнетало, порой приводило в отчаяние. Но мы вновь и вновь боролись с этими трудностями.

Порой казалось, что легче идти в атаку на белогвардейцев, чем избавиться от ошибок в письме. Однако, мы упорно и яростно боролись с этим врагом и ликовали, как после выигранного боя, когда в наших контрольных работах количество ошибок уменьшалось. Мы считали, что к нам следует подходить ещё более строго. И вот по решению группы мы потребовали от деканата вместо молодой преподавательницы дать нам более строгого учителя. В результате к нам был назначен один из лучших преподавателей русского языка и литературы. Это под его воздействием мы стали читать произведения классиков и современных авторов, не включённые в программу. Когда мы уставали заниматься математикой, химией и другими предметами,

то не ложились отдыхать, а брали какое-либо художественное произведение и читали...

Окончив рабфак, мы чувствовали себя победителями, которые выиграли большое и тяжёлое сражение».

Да, эти люди стали истинными победителями в борьбе своих собственных «хочется» со своими же собственными «надо».

Яков Петрович родился в крестьянской семье. Его родина – уральская деревня Соколово. После окончания церковно-приходской школы и до начала первой мировой войны он работал на асбестовых рудниках. Война изменила его умонастроение. Домой с фронта он вернулся убеждённым большевиком; по его инициативе в родной деревне была установлена Советская власть; во время Гражданской войны он был предволисполкома, комиссаром, удостоился высокой награды – ордена Боевого Красного Знамени; учась на рабфаке, командовал ротой ЧОН (часть особого назначения); в институтской парторганизации активно боролся с троцкистской оппозицией и был высоко ценим партийными и советскими руководителями Свердловска и Уральской области.

При таких бесспорных достоинствах будущее Якова Петровича обещало быть предсказуемым – вперёд и вверх, а там...: осенью 1929 г., когда он был ещё студентом горного факультета Уральского политехнического института, его назначили заместителем директора только что созданного научно-исследовательского и проектного института «Уралмеханобр, основателем, научным руководителем и директором которого был его учитель профессор М. Ф. Ортин. Через год, закончив учёбу и получив диплом инженера-обогапителя, он поступил в аспирантуру, а в 1931 г. ему доверили пост директора Уральского горного института. Неплохо достичь такого в 35 лет только благодаря своим личным качествам и заслугам.

Четыре года Ярутин возглавлял институт, а в 1937-м он, как и многие, стал жертвой «Большого террора», который был объявлен на Пленуме ЦК ВКП (б), проходившем в Москве с 23 февраля по 5 марта. Сигнал к началу террора дал И. В. Сталин на вечернем заседании 3 марта, почитав доклад «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистов и иных двурушников».

«Двурушник» Пётр Михайлович Афанасьев, зек с 17-летним стажем, работавший в то время в тресте «Уралмедьруда», спустя 30

лет вспоминал: «Положение на местах после Пленума ЦК осложнилось .... Подозрительность стала нормой поведения. В каждом подозревался враг. Производительность труда во всех отраслях снизилась. Руководители боялись ответственности и страховали себя от возможных обвинений... В Свердловск приехали А. А. Андреев (1895 – 1971) (секретарь ЦК ВКП (б). – *В. Ф.*) и А. П. Серебровский (1884 – 1938) (заместитель наркомтяжпрома. – *В. Ф.*). В обкоме ВКП(б) собрали техническое совещание коммунистов-руководителей предприятий, трестов и других объединений (на этом совещании присутствовал и Афанасьев. – *В. Ф.*). В обкоме уже не было первого секретаря И. Д. Кабакова (1891 – 1937) (Кабаков был участником пленума; трижды выступал, и особенно жестоко против Н. И. Бухарина (1888 – 1938); его арестовали 24 апреля, расстреляли 30 октября. – *В. Ф.*). Покончил самоубийством второй секретарь К. Пшеницын, герой Гражданской войны на Дальнем Востоке... Андреев своё выступление построил на утверждении, что на Урале враги народа поработали основательно и что следует начать ликвидацию последствий вредительства... Серебровский бросил реплику, что вредителям не открутиться от ответственности. Впоследствии сам Серебровский был арестован и погиб».

Пока шло следствие, «вредитель» Ярутин сидел в камере № 28 внутренней тюрьмы НКВД в Свердловске. Суд определил ему 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 5 лет поражения в правах. Постановление суда Сталин и Молотов утвердили 10 июля. Ярутина этапировали сначала в Елец, потом в Полтаву, а уж оттуда в Норильлаг. Его койку в камере № 28 в августе занял Афанасьев. Им суждено было встретиться в Норильске.

Там на горно-обогатительном комбинате Ярутин начал отбывать свой срок инженером шахты с несчастливым номером 13, а закончил его начальником установки опытного металлургического цеха; преподавал в геологоразведочном техникуме вместе с членом-корреспондентом АН СССР Н. М. Федоровским (1886 – 1956) написал более полусотни технических отчётов и статей, внедрил несколько рационализаторских предложений, одно из которых дало почти трёхмиллионный эффект.

Всё это делал зек, не утративший веру в коммунистические идеалы, за которые он воевал на фронтах Гражданской войны и за

партой на рабфаке. И всё же что он думал, читая на обложке своей лагерной расчётной книжки ленинско-сталинские слова о том, что «производительность труда есть самое главное для победы нового общественного строя» и что «труд является делом чести, делом славы, делом доблести и геройства»?

Пётр Яковлевич был реабилитирован в 1956 г. Его восстановили в КПСС без перерыва партийного стажа. Он ещё около двадцати лет проработал на кафедре обогащения полезных ископаемых в Свердловском горном институте, был награждён медалями, стал персональным пенсионером союзного значения, и его с почестями похоронили в уральской земле. Стоило ли это тех жестоких испытаний, которые выпали незаслуженно на его долю? И оправданны ли они были хоть чем-то?

По-иному сложилась судьба однокурсника Ярутина Дмитрия Неустроева. Окончив институт, он был командирован для продолжения учёбы в Соединённые Штаты Америки, где в качестве вуза выбрал Горную школу частного Колумбийского университета в городе Нью-Йорке. Этот университет был основан в 1754 г. как Королевский колледж, получив хартию английского короля Георга II. Девиз университета: «В свете твоём увидим свет».

Хотя Неустроев, вспоминая учёбу в Америке, и писал, что Горную школу для продолжения учёбы он выбрал самостоятельно, это не так. Его учитель профессор М. Ф. Ортин ещё в 1915 г. во время командировки в Америку был в этой школе и познакомился с преподаванием в ней горных дисциплин; знал он и о том, что с 1919 г. профессором в ней работает очень крупный специалист-обогачитель Артур Фрей Таггарт (1884 – 1959). К началу 30-х годов Таггарт упрочил свой авторитет разработкой химической теории флотации – теории о взаимодействии минералов с флотационными реагентами и 4-томным справочником по обогащению. В 60-е годы прошлого века в СССР двумя изданиями вышла фундаментальная монография Таггарта «Основы обогащения руд». Так что это Ортин порекомендовал своему ученику выбрать Горную школу, а в качестве наставника – профессора Таггарта. И Неустроев внял совету учителя и поехал в Америку, чтобы «просветлеть» в Колумбийском университете.

Первый учебный год дался Неустроеву нелегко, главным образом из-за языкового барьера. Но настойчивости и упорства ему

было не занимать. Ведь он прошёл рабфак. Справился. Выучил язык, и стало легче. Появилось даже свободное время для культурного досуга: кино, театра; стал расширяться круг знакомств не только среди однокурсников, но и среди преподавателей. Многим был интересен студент из Советской России, особенно декану, который стал приглашать его по субботам в гости. Разговаривали они о многом, но только не о политике. И Дмитрия поражала в американцах их аполитичность и ярко выраженная индивидуальность. В СССР всё было по-другому. Там даже личные отношения были политизированы.

В 1933 г. Дмитрий Сергеевич защитил диплом, стал магистром, сфотографировался на память с однокурсниками в магистерской мантии и квадратной шапочке с кистью и вернулся на родину. Переписка с оставшимися в Америке знакомыми скоро стала опасной, и он её прервал навсегда. Ему повезло, что следственные органы не вставили ему, как «лыко в строку», его пребывание в капиталистической стране. Он не был репрессирован, стал крупным инженером, много и успешно работавшим на обогатительных предприятиях Урала; возглавлял созданный его учителем, институт «Уралмеханобр» и оставил о себе незапятнанную память.

Ярутин и Неустроев – две судьбы из тысяч, два полюса – трагичности и успеха.

УРАЛУНИВЕРСИТЕТ, ИЛИ УТРАТА СУВЕРЕНИТЕТА

Официально и публично власти Екатеринбурга и губернии не высказывались негативно о Горном институте ни письменно, ни устно. Вуз был государственным, а В. И. Ленин провозгласил одним из приоритетов граждан Советской России необходимость учиться, потому что коммунистом, по его мнению, можно было стать, только овладев всей суммой знаний, накопленных человечеством. Институт давал естественно-научные и технические знания, являвшиеся значительной составной частью знаний всеобщих. И оспорить это было невозможно. Но неофициально отношение к первому высшему учебному заведению Урала было уничижительным.

В 1923 г. Екатеринбургу исполнилось 200 лет. К юбилею была издана книга «Екатеринбург за двести лет. 1723 – 1923». Авторы и составители книги, конечно, не могли не упомянуть в ней о Горном институте. Рассказывая, в частности, об эвакуации части института во Владивосток, Л. А. Лазарев (1889 – 1919) и Б.В. Дидковский (1883 – 1937) – первый – выпускник Петроградского горного института, диплом ему подписал Веймарн, второй – Женевского университета написали: «Так фактически умер, не успев родиться, старый Уральский горный институт».

Прилагательное «старый» они употребили, чтобы подчеркнуть, что вуз был учреждён при старом, потому ненавистном и ныне свергнутом царизме. Их утверждение о том, что институт «фактически умер, не успев родиться» – просто ложь.

Оба автора, оценивая состояние УГИ в 1920 г., опять не обошлись без косноязычного лукавства: институт был «... без здания, с разбросанными по всем концам города (в случайных непригодных помещениях) учебно-вспомогательными учреждениями, в условиях тяжёлого материального кризиса и без необходимой связи с местными советскими организациями. Недостаточный учебный материал. Всё это было сырым материалом для новой высшей школы в Екатеринбурге».

Финансовым и материальным обеспечением государственного вуза занимаются государственные учреждения, в том числе и местные. Это их должностная обязанность. Ректор и Совет УГИ,

пытавшиеся не раз обратить внимание руководителей города и губернии на свои проблемы, отказа не получали, но и действенной помощи тоже. Потому упрёк в том, что институт не имел «необходимой связи с местными советскими организациями», следует адресовать самим «советским организациям». В данном случае дитя-институт плакало, но мать-власть не разумела, не хотела разуметь.

Охарактеризовав бездоказательно институт как «сырой материал», не годный для создания «новой высшей школы», авторы впали в непримиримую большевистскую демагогию: всё старое отвратительно, всё новое – превосходно; они были не способны уважительно и по достоинству оценить старое, но и не представляли, в чём заключается преимущество нового, почвой для которого всё-таки является прошлое, а не какая-то мифическая коммунистическая пустота. Так сильно у них была пренебрежение к истории своей страны. Они её уже не хотели знать. Ясные очи им застил лучезарный свет зари, излучаемый придуманной ими «новой жизни».

Фраза «новая высшая школа» была употреблена ими не случайно. Ещё осенью 1919 г. в одном из докладов Губернского отдела народного образования была сформулирована утопическая задача: «Губотдел народного образования должен приступить немедленно к подготовительной работе по открытию в г. Екатеринбурге, центре Урала, государственного университета... Открытие в Екатеринбурге государственного университета с агрономическим и политехническим отделениями – наша цель, для достижения которой служит создание в ближайшее время Университетской комиссии, возбуждение соответствующего ходатайства в отделе высшей школы Наркомпроса. Можно надеяться, что весной текущего года (надо было написать, будущего. – В. Ф.) мы откроем занятия в Уральском университете».

Вот так «новая школа», на создание которой было отведено около полугода! Ещё в конце XIX века, когда начинались первые обсуждения вопроса о создании на Урале высшего учебного заведения, в качестве варианта рассматривался именно такой проект: политехникум с агрономическим или сельскохозяйственным отделениями. В чём же новизна предложения ГубОНО? И разве такой вуз мог быть университетом?

Это тривиальный политехнический институт с агрономическим отделением, и не более того.

В то время УГИ по структуре был горно-политехническим институтом, поскольку в его составе были металлургический, механический, химический, а также инженерно-лесной факультеты. Так почему бы не направить скудные финансовые и материальные средства на реорганизацию УГИ в университет, открыв в нём дополнительно агрономический факультет или отделение, как кому нравится. Но разве уральские правоверно-ортодоксальные коммунисты могли пойти на такое? «Нет, – сказали они, – мы наш, мы новый университет построим. УГИ ничто, ОН будет всё!». И, они стали создавать Уралуниверситет.

История с открытием университета в Екатеринбурге долгая. Началась она в Татьянин день 1912 г., в день основания старейшего в России Московского университета, когда газета «Уральская жизнь» опубликовала большую статью директора Екатеринбургского земско-городского родильного дома доктора медицины Алексея Митрофановича Новикова (1865 – 1927) «Уральский университет».

К этому времени вопрос об учреждении Горного института правительством уже был решён в пользу Екатеринбурга. «Но учреждение такого специального института, – писал земский доктор, – принесёт больше пользы делу технического образования в России, чем Уральскому краю». Почему? Да потому, отвечал Новиков, что «в исследованиях, прежде всего, нуждается Уральский край»: географических, топографических, зоологических, ботанических, этнографических, исторических, юридических и других. А специалистов для этих разнообразных исследований может подготовить только университет. Поздравляя земляков с «праздником просвещения», Новиков пожелал им отважиться на покорение следующей вершины, чтобы в Екатеринбурге «в самом недалёком будущем засиял светом знания ещё один русский университет».

Тогда его пожелание было преждевременным, но он был настойчив. В 1915 г., узнав, что правительство намерено эвакуировать Юрьевский университет на восток, в глубь страны, Новиков написал письмо в Министерство народного просвещения, доказывая, что лучшего города, чем Екатеринбург, для

университета не найти. Его предложение рассмотрели и ответили, что при необходимости учтут. Но вскоре изменилась военная обстановка, и необходимость в эвакуации университета отпала.

Алексей Митрофанович дождался исполнения мечты: в 1920 – 1922 годах он был членом президиума Уралуниверситета и состоял в нем профессором гинекологии и акушерства на медицинском факультете.

В 1918 г. по инициативе профессора Шохата университет в Екатеринбурге всё-таки был открыт, но это был Народный университет. По-видимому, создание Народного университета и побудило тогда советские власти города к обсуждению вопроса об открытии государственного университета по примеру Перми. Но началась гражданская война, и стало не до университета: не до жиру, быть бы живу, как говорят в таких ситуациях в народе.

Нужен ли был Уралу университет? Ответ очевиден. Да, нужен. Но благоприятное ли для этого было выбрано время – 20-й год. Нет, неблагоприятное. Следовало бы подождать несколько лет, пока промышленно-экономическая обстановка в стране не станет стабильно хорошей, пока в Екатеринбурге не появятся необходимые для комфортной городской жизни водопровод и канализация, электрическое освещение, автобусы и трамваи, хорошие тротуары и мостовые, библиотеки и театры, чтобы Екатеринбург хотя бы в малой степени мог конкурировать со столичными городами в смысле привлекательности жизни. Иначе чем поманить в будущий университет крупных учёных, педагогов. Хорошими лабораториями? Но они создаются не в одночасье, а многими годами. Повышенными зарплатами? На это рассчитывать не приходилось, да интеллектуалам и этого было бы недостаточно. Ждать, когда всё это будет?

Но ждать не захотели. Университет должен был быть создан немедленно и во что бы то ни стало. Идея ГубОНО была обсуждена в феврале на 2-м Екатеринбургском съезде Советов, который предложил «превратить слабо действующий Народный университет в настоящий государственный университет». Но такой путь был бесперспективен. Поэтому 29 марта в Губисполкоме состоялось междуведомственное совещание, на котором была сформирована университетская комиссия из представителей Ревсовтударма, Губисполкома, ГубОНО, УОЛЕ и Научно-технической комиссии.

Ей было поручено «разработать докладную записку и в ближайшие же дни снести с центром (т. е. Москвой. – В. Ф.), чтобы поскорее двинуть вопрос об организации ... университета».

На совещании как знаток строительства университетов с докладом выступил Шохат. По его мнению, создать университет не так уж и сложно. Трудностей с кадрами не будет, сказал он, поскольку преподаватели некоторых петроградских и московских вузов, он их перечислил, с удовольствием переедут на Урал, и тогда можно будет быстро открыть физико-математический, сельскохозяйственный и обществоведческий факультеты. На чём основывался такой оптимизм Якова Александровича, неизвестно. Но его доклад произвёл впечатление.

На следующий день вопрос об университетской комиссии рассмотрел ГубОНО, постановивший «санкционировать (комиссию. – В. Ф.) и финансировать её на общих основаниях», а также «предназначить» в будущем для размещения университета и рабочего факультета здание бывшего епархиального училища. Докладную записку «разработал» заведующий внешкольным отделом ГубОНО Ян Григорьевич Раевский. Он был молод, 26 лет, пылал романтикой революции, носил гусарские усики и роскошную шапку вьющихся, черных как смоль волос. Заварив университетскую «кашу», он через год уехал в Москву; работал там заведующим Информбюро Профинтерна, секретарём восточного отдела Исполкома Коминтерна, был репрессирован, выжил, в 1957 г. предложил тогдашнему ректору УрГУ написать историю создания университета, но вскоре умер, не успев исполнить намеченного.

Раевский и был послан в Наркомпрос с первым планом строительства университета. «Этот план, – как он вспоминал, – был намечен в гораздо более узкой форме, чем он осуществился». Конечно, ведь большое всё-таки видится на расстоянии, особенно из Москвы.

В Наркомпросе замысел уральцев об открытии университета был одобрен. В конце апреля его оформили уже в виде проекта декрета Совнаркома. Московские чиновники проявили гораздо большую поспешность в решении этого вопроса, чем екатеринбургские. Чем это было обусловлено? Неизвестно. Но торопливость и тех и других была в духе поговорки: куй железо,

пока горячо. В первом пункте декрета констатировалось, что Уралуниверситет учреждается с 1 июля в составе рабочего, медицинского, сельскохозяйственного, трёх педагогических (гуманитарного, физико-математического, естественно-географического) факультетов и факультета общественных наук.

Вся подготовительная работа была поручена Организационному комитету и Организационной комиссии. Состав комитета был персонифицирован. Кроме членов Екатеринбургского губисполкома в его составе было несколько ректоров: Е. Ф. Лискун (1873 – 1958) – ректор Стебутовского института сельского хозяйства и лесоводства, А. П. Пинкевич – ректор государственного педагогического института им. А. И. Герцена, П. А. Рожков (1868 – 1927) – ректор Второго Петроградского педагогического института и В. П. Тонков (1872 – 1942) – президент Петроградской медицинской академии.

Оргкомитет должен был к 1 июня представить в коллегии Наркомпроса устав и штаты университета, а коллегии надлежало рассмотреть их в двухнедельный срок и передать на утверждение в Совнарком, чтобы уже 1 августа Оргкомитет смог передать свои права и обязанности Совету университета.

В распоряжение Оргкомитета, а потом и Совета из средств Государственного казначейства в сверхсметном порядке должно было быть перечислено 250 миллионов рублей (!). В проекте декрета были определены и здания, в которых должен был разместиться университет. Это здания бывшего нового епархиального училища и бывшей женской гимназии. Какой гимназии, уточнено не было. Дело в том, что в Екатеринбурге было две женские гимназии – первая и вторая. Университету впоследствии было передано здание второй гимназии.

Проект декрета – это ещё не декрет. Поэтому в его текст можно было вносить изменения и дополнения. 7 мая члены научного сектора Наркомпроса рассмотрели ещё раз доклад Раевского «Об организации Уральского университета» и проект декрета и постановили признать «безусловно необходимым основание ... Уральского государственного университета». По сравнению с текстом проекта декрета в постановление были внесены незначительные изменения. Так, членами Оргкомитета стали представитель научного сектора Наркомпроса профессор Д.

Н. Артемьев и академик Ферсман, да определена была сумма организационных расходов Оргкомитета в 3 миллиона рублей.

В этих вопросах была определённость, то как быть с Горным институтом? Пока о нём никто и нигде не упоминал ни устно, ни письменно. Впервые это было сделано осторожно в постановлении научного сектора Наркомпроса, признавшего «принципиально желательным организацию в Екатеринбурге одного высшего учебного заведения, причём местный горный институт в своих работах должен быть координирован с университетом».

А в какую форму должна была вылиться эта «координация»? Если «принципиально желательно», чтобы в городе был один вуз, то это означало, что Горный институт при любой форме координации утрачивал свою самостоятельность, свой суверенитет. Такое положение вряд ли могло устроить руководство института, преподавателей и студентов, и они наверняка изъявили бы желание участвовать в решении вопроса о своём вузе. Но им в этом отказывали, выразив только «пожелание, чтобы в состав Оргкомитета *со временем* (курсив авт.) был введён представитель Екатеринбургского горного института». Когда «со временем»? Когда всё уже будет решено и ничего нельзя будет изменить.

При изучении этих и других документов создаётся впечатление, что для организаторов университета Горный институт был досадной помехой, всё усложнявшей и раздражавшей. Как было бы хорошо, если бы его не было. Однако форму взаимоотношения будущего университета и Горного института необходимо было определять, тем более, что камнем преткновения для организации университета, камнем очень тяжёлым и большим, стал очень могущественный Совтрударм – I.

Заместитель председателя Совтрударм – I Георгий Леонидович Пятаков (1890 – 1937) послал заместителю Наркомпроса Покровскому телеграмму: «Местные товарищи (в г. Екатеринбурге. – В. Ф.) собираются организовать университет... Считаю эту затею совершенно несерьёзной ввиду сильнейшей жилищной тесноты. Настоятельно прошу запретить организацию университета», а вместо организации университета оказать необходимую помощь Горному институту.

ГубОНО запаниковал и отправил телеграмму наркому А. В. Луначарскому, сообщив ему, что Совтрударм – I хотя и освободил от

шести лазаретов несколько зданий, но категорически отказал передать здания, предназначенные для размещения университета. Как быть? Положение становилось безвыходным, ведь об открытии университета уже было объявлено. Надо было как-то повлиять на несговорчивый Совтрударм, на Пятакова, а заодно и на Горный совет ВСНХ.

Ситуация была кризисной, конфликтующие стороны сильны и независимы, поэтому разрешить эту проблему мог только В. И. Ленин. Но кто бы взялся его проинформировать о происходящем? Предположительно Луначарский попросил это сделать Алексея Максимовича Горького (1868 – 1936). Горький встретился с Лениным в начале лета (точная дата встречи и место пока неизвестны) и познакомил его с проектом Декрета об Уральском университете.

О результате беседы с Лениным Горький рассказал Луначарскому, Луначарский – Раевскому, Раевский – 10 мая на заседании Организационной комиссии в Екатеринбурге. Оно было посвящено обсуждению «вопроса о принятии ряда конкретных мер в связи с получением из Москвы официального извещения об открытии в г. Екатеринбурге государственного университета». Этому заседанию почему-то придали очень важное значение: проходило оно в здании Губисполкома, который тогда располагался на Пушкинской улице (ныне улица Пушкина) в доме № 15, а вход в него был разрешён только по персональным мандатам, предъявлявшимся Президиуму комиссии.

15 мая Раевский рассказал ещё раз всё, что узнал от Луначарского, депутатам Екатеринбургского городского совета, на собрании, посвящённом открывающемуся университету, а журналист, присутствовавший на этом собрании, – всему Уралу в газете «Уральский рабочий». Как известно, чем длиннее линия связи, тем сильнее в ней искажается исходный сигнал. Поскольку стенограммы беседы Ленина и Горького не существует, то публикацию в газете «Уральский рабочий» следует считать квазиистинной.

Что же сказал Ленин об учреждении Уралуниверситета? Квинтэссенция мнения Ленина была выражена в двух его фразах: «Моё горячее участие в создании университета на Урале обеспечено» и «Почему в вашем проекте не говорится о

технической силе и горной жизни Урала?». Из слов вождя следовало два вывода: на «гамлетовский» вопрос: быть или не быть – университету следовал однозначный ответ – быть, а между Горным институтом и будущим университетом должна быть найдена оптимальная форма сосуществования.

Узнав об отношении Ленина к университету, депутаты и участники торжественного собрания, впав в эйфорическое состояние, приняли соответствующую их настроению резолюцию:

«Трудящиеся и представители политических, производственных, культурно-просветительских и научно-технических организаций Урала горячо приветствуют создание нового мощного культурного центра – единого Уральского государственного университета и обещают приложить все силы для того, чтобы открывающийся университет мог шириться и процветать, внося свет во все углы Урала, содействуя культурному и экономическому подъёму трудящихся РСФСР и победе социализма. Да здравствуют крепко связанные труд и наука!».

Сын доктора медицины

В том же номере «Уральского рабочего», где был опубликована эта резолюция, свою точку зрения высказал и ректор Горного института профессор А. Е. Маковецкий.

«Мы спрашиваем себя, – восклицал Маковецкий, – является ли открытие университета в данный момент столь необходимым, ведь силы, казалось бы, должны быть направлены на восстановление транспорта, на борьбу за право существования? Да, это необходимо, и кто чувствует себя способным преподавать науку – пусть работает!

Не должно быть разграничения между наукой и техникой, поэтому Уральский горный институт и влит в государственный университет.

Было бы совершенно нелепо, чтобы в Екатеринбурге создавалось две высшие школы, и, может быть, человечество дойдёт до того, что в будущем создастся единый дом, преподаваемый все науки».

Искренен ли был Александр Евменьевич, говоря всё это журналисту? И почему следует считать нелепостью два вуза в одном городе? В Москве, например, в 1917 г. было полтора десятка

вузов, в Петрограде – более двух десятков. А доживи он до начала ХХI века, то убедился бы, что его прогноз о «едином доме», в котором преподавались бы все науки, – утопия. Но самый главный вопрос в другом: почему Маковецкий является ректором Горного института? А что случилось с Келлем, избранным на этот пост вторично всего три месяца тому назад?

Александр Евменьевич Маковецкий был избран по конкурсу на должность профессора по кафедре технологии минеральных веществ 21 февраля. Но свой интерес к Горному институту он проявил ещё до его открытия, и когда Веймарн бывал в Петрограде, то расспрашивал его о педагогическом составе института и о величине окладов преподавателей и, возможно, об условиях и перспективе работы в уральском вузе. В сентябре 1917 г. Веймарн ему написал, что в академической коллегии состоит пять профессоров, восемь штатных преподавателей и семь ассистентов, что профессор получает в год 4500 рублей и что в эту сумму включены 750 рублей квартирных денег и добавил, что нормы квартирных денег «таковы, что сравняться с квартирой в натуре не могут», т. е. за квартиру надо ещё доплачивать.

Для Маковецкого, жившего с семьёй в столице и зарабатывавшего от 10 до 15 тысяч рублей в год, такие материальные и бытовые условия были не приемлемыми, и он на время забыл о Горном институте. Обстоятельства напомнили ему о нём в конце 1919 г., и за неимением лучшего варианта устройства своей жизни он решил поехать на Урал, но не с пустыми руками. В Екатеринбург он привёз в двух «теплушках» много лабораторного оборудования, добытого им в Петрограде.

Кто такой Маковецкий и откуда он родом? Он был, по его словам, «сыном доктора медицины Евмения Маковецкого и жены его Надины, урождённой Ивановой», родившимся 9 (21) ноября 1880 г. на хуторе Разрытовка в Черниговской губернии. «Окончив 9 классов VI С.-Петербургской гимназии, – писал он в автобиографии, – и получив аттестат зрелости в 1899 г., я поступил в том же году в С.-Петербургскую Высшую техническую школу (Технологический институт Императора Николая I). После окончания института в декабре 1906 г. со званием инженера (электрохимика. – В. Ф.), был оставлен при том же институте для приготовления к преподавательской деятельности. С января 1907 г.

я работал под руководством профессора А. А. Яковкина, будучи стипендиатом ... Министерства просвещения. После государственного экзамена я был отправлен с 1 января 1909 г. на два года за границу и учился с летнего семестра 1909 г. в Высшей технической школе «Fridericiana» г. Карлсруэ, где я работал в Институте физической химии и Электрохимии под руководством профессора Фрица Габера и в мае 1910 г. сдал главный экзамен для получения диплома инженера».

К тому, что Маковецкий написал в автобиографии, необходимо добавить, что в 1907-1908 годах он совершил большую поездку по стране, был в том числе и на Урале, изучая электрохимические производства и технологии на металлургических заводах. Ему повезло. Его учителя были выдающимися учёными. Александр Александрович Яковкин (1860 – 1936) занимался проблемами технической химии, разработал способ производства чистого оксида алюминия, на основе которого в СССР был построен первый глинозёмный завод; он был также одним из организаторов Государственного института прикладной химии и членом-корреспондентом АН СССР. Фриц Габер (1863 – 1934) ещё более знаменит. В 1908 г. он синтезировал аммиак из азота и водорода и через 10 лет был удостоен за это Нобелевской премии.

Своё образование Маковецкий завершил стажировкой в Англии, которую он проходил в Ливерпульском университете. Вернувшись на родину, он стал преподавать в Технологическом институте и на Высших женских политехнических курсах. Его авторитет в научно-инженерной среде химиков был так высок, что с 1913 г. он становится экспертом Министерства торговли и промышленности по рассмотрению изобретений в области технологии минеральных веществ, электрохимии и химических аппаратов; в 1915 г. он стал членом комиссии при Министерстве торговли и Особом совещании по обороне государства, занимавшейся вопросами развития химической промышленности для военных нужд, в том числе и на Урале, куда он приезжал на химические заводы. Его работа в этой комиссии была столь успешной, что в том же 1915 г. он был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени.

Февральская революция для него, «как и для громадного большинства населения Петрограда (была. – В. Ф.), неожиданностью весьма, конечно, радостной. Я, – вспоминал он в 1931 г., – принимал живое участие в заседаниях и разговорах ... в Таврическом дворце. Я надеялся, что Февральская революция есть начало оживления и восстановления России... Когда власть была взята в руки большевиками, то я облегченно вздохнул, обрадовавшись уничтожению Временного правительства, которое доказало ... полную неспособность ни воевать, ни заключить мир, ни управлять страной...».

Поэтому с декабря 1917 г. он стал истово служить советской власти в ВСНХ в секции демобилизации, которой руководил Ю. Ларин (1882 – 1932), и в комиссии по эвакуации химических заводов, руководимой дважды наркомом: труда и торговли и промышленности А. Г. Шляпниковым (1885 – 1937). Через два месяца в январе 1918 г. Маковецкий сделал на Всероссийской конференции рабочих-химиков доклад о мероприятиях, которые необходимо осуществить в химической промышленности. Высказанные им идеи понравились Л. Я. Карпову (1879 – 1921) – основателю Центральной химической лаборатории ВСНХ (впоследствии на базе лаборатории был создан Физико-химический институт им. Л. Я. Карпова). И когда все правительственные органы в 1918 г. переехали в Москву, то Карпов предложил Маковецкому не только переехать в новую столицу, но и стать членом коллегии химического отдела ВСНХ.

Маковецкий почти два года проработал членом коллегии ВСНХ и председателем Центротука, выполнив несколько важных работ и сделав немало ответственных докладов и в Президиуме ВСНХ, и в Совнаркоме, состоя при этом ещё и профессором в Московской горной академии. Но из-за конфликтов с Карповым, в особенности по вопросу о расширении Бондюжского химического завода (ныне – г. Менделеевск), вынужден был уйти из ВСНХ. Но его председатель Алексей Иванович Рыков не захотел расставаться с ценнейшим специалистом и назначил Маковецкого председателем Химического бюро на Урале и в Сибири. А через четыре месяца, 20 июня, Совет УГИ счёл необходимым и полезным избрать именно Александра Евменьевича ректором. Голосование было почти единогласным.

Николай Георгиевич Келль на этом заседании Совета почему-то отсутствовал. Тогда же помощником ректора избрали Л. М. Иольсона, а кроме этого, Совет утвердил преподавателями по курсу цветных металлов В. Н. Волкова, а по курсу железа и стали П. А. Гуляева и удовлетворил просьбу Президиума рабфака о перерыве занятий на 4 дня для заготовки дров.

Адам Бельский

К концу июня организационная работа по созданию Уралуниверситета достигла завершающей стадии: 25 июня на заседании научного сектора Наркомпроса членам расширенного состава Оргкомитета было поручено сформировать временное правление университета, которое должно было закончить к 15 августу «выработку плана открытия институтов, факультетов и число курсов на ближайшее время, а также вести работу по фактической организации университета».

В середине июля в Екатеринбург приехали Ферсман, Пинкевич, Рожков и Артемьев для участия в заседании пленума Оргкомитета, проведения выбора профессоров, утверждения плана начала занятий, выборов ректора и правления университета.

«Горячее участие» В. И. Ленина в создании университета просто обязывало партийных и хозяйственных руководителей губернии и города проявлять к нему повышенное внимание. И они подчёркнуто это делали. Многие из них лично присутствовали на заседаниях Оргкомитета. А «Комитет, – по воспоминаниям Пинкевича, – встретил с самых первых шагов исключительную поддержку со стороны всего населения Екатеринбурга, со стороны всех рабочих организаций. Местная пресса посвящала ему очень много внимания, помещая статьи о значении университета для края. Устраивались многолюдные публичные собрания, на которых организаторы университета рассказывали о том, как этот университет будет организован. Лучшие здания города были переданы университету. Можно сказать без преувеличения, что несколько месяцев Екатеринбург больше всего интересовался судьбами Уральского университета».

Уральский горный институт был лишён даже малой доли такого внимания.

Ректором университета был избран Альберт Петрович Пинкевич, а членами правления кроме проректоров и пяти студентов – представители областных партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций. Таким образом, был нарушен принцип однородности правления вуза, против чего в своё время категорически возражал Веймарн. Но времена изменились и членом правления университета, например, был назначен Дидковский – один из вершителей трагической судьбы бывшего императора Николая II и его семьи, как бы в пику тому, что УГИ был учреждён по закону, утверждённому Николаем II, и даже носил его имя.

Пинкевич стал после Веймарна, Матвеева, Келля и Маковецкого пятым ректором в истории высшего образования Урала. Кто он? Тогда о нём знал узкий круг людей. Да и сейчас его известность стала не многим больше.

В 1998 г., в преддверии 100-летия со дня рождения писателя В. В. Набокова (1899 – 1977), в Петербурге вышел первый выпуск «Набоковского вестника». Автором одного из помещённых в нём очерков была невестка Альберта Петровича Пинкевича Н. Н. Пинкевич. Свой очерк о свёкре она закончила риторическим вопросом: «... каким образом А. П. Пинкевичу, сыну ссыльного поляка, самому находившемуся под надзором полиции, удалось выбраться из маленького городка Саратова и поступить на работу в качестве преподавателя в Тенишевское училище? Училище, известное всей России своими преподавателями и блистательными учениками», одним из которых был и Набоков.

Вопрос «каким образом?» многозначен. «Каким образом?» – означает, благодаря каким личным качествам Пинкевич, учитель Вольского кадетского корпуса и учительской семинарии через пять лет работы в провинции был замечен, оценён и приглашён в 1914 г. на должность преподавателя в престижнейшее столичное учебное заведение. «Каким образом?» означает, какой была Россия до трагических событий 1917 г., какой была в ней власть и каким был менталитет её народа, если польский повстанец, дерзнувший открыто и с оружием выступить против самодержавной власти был не уничтожен, а лишь отправлен в ссылку, не лишён гражданских прав, дворянского звания, права служить в казённых учреждениях, иметь недвижимое имущество, семью, воспитывать детей по

собственному разумению, не опасаясь, что им придётся отвечать за противоправные поступки отца, даже в тех случаях, когда они, став взрослыми, сами будут покушаться на устои самодержавия.

Вопрос «каким образом?», таит в себе и ещё одно важное значение: что произошло в России после 1917 г. такого, что Пинкевич – активный борец с самодержавием во втором поколении, сознательный и ревностный строитель Советской России и Советского Союза, один из создателей советской высшей школы, теоретик основ советской педагогики, был репрессирован и расстрелян по ложному обвинению в деятельности никогда не существовавшей троцкистско-зиновьевской террористической организации.

Восстание в Царстве Польском было реакцией поляков, прибалтов и белорусов на реформу 1861 г. Оно продолжалось около полутора лет, с января 1863 по весну 1864 года. Вспыхнув мгновенно, как пожар в степи, восстание было жестоко подавлено, а его участников сослали на Урал и в Сибирь. Многие из них были расселены в крепостях, городах и весях Оренбургской и Уфимской губерний, в том числе и 17-летний уроженец Мозырьского уезда Минской губернии Пётр Пинкевич. По приговору суда его 31 августа 1864 г. отправили в г. Уфу под надзор полиции за «нахождение в шайке, откуда он явился добровольно до 1 марта 1863 г.».

Любая ссылка, добровольная или принудительная, – это невзгода. Она была несколько смягчена Высочайшим указом от 17 мая 1867 г., по которому ссыльным разрешено было перемещаться во внутренних губерниях страны, кроме Западного края, столиц и столичных губерний, дано право заниматься частным предпринимательством и ремесленничеством, они могли приобретать недвижимость, а их дети учиться почти в любых учебных заведениях.

Пётр Пинкевич зарабатывал на жизнь, служа по вольному найму в Уфимской казённой палате. В мае 1871 г. с него сняли полицейский надзор и он попытался устроиться на казённую службу. Не вышло, хотя за него хлопотал управляющий палаты Тимирязев, и Петру пришлось уехать из Уфы и поселиться в деревне Пестровке. Там он и получил долгожданное разрешение, дававшее право работать в государственных учреждениях. Встав на

ноги, он позволил себе завести семью. Его женой стала дочь золингенского оружейного мастера из г. Златоуста. Семья Пинкевичей переехала в деревню Урунда, находившуюся недалеко от Уфы. Плодом брака поляка и немки 24 декабря 1883 г. (5 января 1884 г.) и стал Альберт Петрович. Как и в случае с Веймарном, от смешанного брака из новорожденного со временем сформировалась выдающаяся по дарованиям личность.

Девяти лет Альберт поступил учиться в Уфимскую гимназию. Учился он в основном на средства благотворителей, отблагодарив их за это серебряной медалью, полученной по окончании учёбы. Место продолжения учёбы – естественное отделение физико-математического факультета Императорского Казанского университета – было им определено не случайно. Ещё с шестого класса гимназии он вместе со своим другом Сашей Заварицким (1884 – 1952) – будущим выдающимся советским геологом, академиком АН СССР, увлёкся ботаникой, геологией, путешествиями. В университете юношеские влечения перешли в научные исследования. Под руководством профессоров А. А. Штукенберга и М. Э. Ноинского он занялся изучением меловых отложений на территории Симбирской губернии. Но революционный дух и традиции Казанского университета, ведь в нём учился В. И. Ульянов-Ленин, чуть не сделали молодого Пинкевича революционером.

В 17 лет его отец был повстанцем. Говорят, яблоко от яблони падает недалеко. Поэтому Альберт в этом же возрасте приобщился к изучению общественных наук, к чтению запрещённой литературы в гимназических социал-демократических кружках. А «политические события 1905 – 1907 гг., – рассказал он в одной из автобиографий, – оторвали меня на время от научной работы. Уже в 1903 – 1904 гг. я принял участие в с.-д. кружках, входил в качестве представителя Уфимского землячества и своего курса в совет старост, а затем в Революционный комитет казанского студенчества. В 1904 г. принимал участие в демонстрациях на Университетской площади, за что был временно исключён из университета... В 1905 г. ... был жестоко избит полицией».

Выйдя из больницы, Пинкевич уехал из Казани и перешёл на положение «профессионального революционера»; вёл агитационную работу среди рабочих и крестьян в Самаре,

Екатеринбурге и Нижнем Тагиле. В Екатеринбурге его первый раз арестовали в начале 1906 г. Ему удалось бежать. Второй раз он был схвачен в конце года в Луганске, но судила его в 1907 г. в Екатеринбурге выездная сессия Казанской судебной палаты, и после шестимесячного заключения он два года находился под гласным надзором полиции.

В тюрьмах он прошёл, по его словам, хорошую школу самообразования и, вероятно, убедился, вкусив сполна долю профессионального революционера, что политической борьбе не следует посвящать жизнь. Поэтому своё членство в РСДРП большевиков он прервал в 1908 г.

Он вернулся в Казань и с помощью ректора, Николая Петровича Загоскина (1851 – 1912), известного историка и либерального общественного деятеля, был восстановлен в университете, допущен к сдаче государственных экзаменов и в 1909 г. экстерном благополучно завершил обучение.

Его желанием было остаться в университете, но «по политическим соображениям» сделать этого не удалось, и он, приняв предложение руководства Вольского кадетского корпуса и Вольской учительской семинарии, уехал с семьёй в этот тихий волжский городок и стал там преподавать естествознание. Вольский период в его жизни был очень плодотворным: он продолжил заниматься геологическими исследованиями, популяризацией естествознания, литературной деятельностью, начатой ещё в тюрьме в 1907 г. Печатался он много в столичных и провинциальных газетах и журналах: «Жизнь для всех», «Современный мир», «Русская мысль», «Камско-Волжская речь» и других под псевдонимом Адам Бельский. Один из его рассказов, собрание которых он издал в двух томах, был удостоен премии на Всероссийском конкурсе имени Н. В. Гоголя (1809 – 1852). В 1911 г. он выступил с докладами на II Всероссийском Менделеевском съезде и на I Всероссийском съезде преподавателей физики, химии и космографии.

Но самое главное, в Вольске он стал формироваться как выдающийся методист, занявшись «методической работой по естествознанию, поставив своей задачей научно обосновать на методологии естествознания методику естествоведения». Именно как педагог-методист он и стал известен в России. В 1914 г. он переехал в Петроград, став преподавателем естествознания и

методики естествознания в Тенишевском училище, в Петроградской земской учительской школе, на Высших педагогических курсах при Фребелевском обществе, сотрудником Педагогического музея и курсов П. Ф. Лесгафта (1837 – 1909). В Петрограде им были опубликованы такие популярные учебники, как «Краткий учебник химии, минералогии и геологии для учительских институтов и семинарий», «Краткий учебник минералогии для кадетских корпусов и высших начальных училищ» и «Методика начального курса естествознания (природоведения)», выдержавшая несколько изданий.

Февральская и особенно Октябрьская революции напомнили Пинкевичу об идеалах молодости, которые он, кажется, и не забывал, если судить по активному его участию в социально-политических событиях. Он словно хотел наверстать упущенное, сотрудничая с издававшейся Горьким газетой «Новая жизнь», участвуя в организации социал-демократической группы учителей Петрограда и группы «Свободный труд», занимаясь созданием сначала Петроградского отделения Всероссийского союза рабочих-стекольщиков, а затем и самого Союза, членом Правления и Совета которого он состоял до конца 1918 г.; он был избран членом Петроградской городской думы и Городской управы от партии социл-демократов-интернационалистов и членом ЦК «объединённой РСДРП», баллотировался на выборах в Учредительное собрание, выступал на многочисленных собраниях, заседаниях и митингах.

Пинкевич был превосходным оратором. Раскольников Ф. Ф. (1892 – 1939), слушавший его выступление на Новгородском губернском съезде Советов, вспоминал, что Пинкевич производил «очень приличное впечатление, полемизировал мягко. Возражая против нашей тактики, он особенно порицал нас, большевиков, за подготовку переворота, угрожавшего гражданской войной...». А когда «переворот» всё же произошёл, то Пинкевич стал уже полемизировать с большевиками не мягко, а резко. Выступая на заседаниях столичной Думы, он опротестовывал заявления большевиков, считая их «сплошным нарушением истинно революционной и демократической платформы», возражал против вмешательства комиссаров Военно-Революционного комитета в работу городского самоуправления.

Историограф русских революций Джон Рид (1887 – 1920), застенографировав одну из думских речей Пинкевича, поместил её в книге «10 дней, которые потрясли мир»: «Если всякий, – говорил Пинкевич, – кто против большевиков, есть контрреволюционер, то я не понимаю, в чём разница между революцией и анархией. Большевики подчиняются всем страстям разнузданных масс, а у нас нет ничего кроме нравственной силы. Мы протестуем против насилия и погромов как с той, так и с другой стороны. Наша цель – найти мирный выход из положения».

Большевики не смогли или не захотели «найти мирный выход», и началась гражданская война, о которой предупреждал Пинкевич ещё до начала Октябрьской революции. Сам он, несмотря на критическое отношение к политике большевиков, недолго думал, сотрудничать или не сотрудничать с ними, и в начале 1918 г. принял от них предложение и начал работать над проектами преобразования школы, разработкой первых учебных планов и первых программ советской общеобразовательной школы.

В мае он стал председателем Совета экспертов по народному образованию, созданному в Петрограде при комиссариате просвещения Союза коммун Северной области. Эксперты под его руководством разработали проект «Положения о единой трудовой школе», в котором предусматривалось сохранение классно-урочных занятий, систематичность в изучении предметов и обязательное выполнение учениками домашних заданий, против чего возражали сотрудники отдела реформирования школы Наркомпроса.

Большевики коренным образом начали реформировать и высшую школу, и важную роль в этом процессе также играл Пинкевич. Осенью 1918 г. в Петрограде были закрыты Раевские и естественно-научные курсы. Вместо них был создан III Педагогический институт, позже переименованный в Педагогический институт им. А. И. Герцена (1812 – 1870). Пинкевич стал одним из его основателей и первым ректором и читал в нём лекции по педагогике и методике преподавания естествознания в школах, практически реализуя, развивая и совершенствуя свои теоретико-методические принципы обучения.

«Педагогика – дело нелёгкое, – написал Пинкевич в своём учебнике «Курс лекций, прочитанных студентам и педагогам педагогического института Уральского университета», – нужно и

глубокое энциклопедическое образование, необходимо стройное общественное мировоззрение, нужна крепкая воля к творчеству и настоящая любовь к людям». Сочетание таких достоинств у одного человека – явление чрезвычайное по редкости, и оно было в полной мере присуще Пинкевичу. Много ли было в истории отечественной педагогики людей со столь высокими дарованиями? На Урале, например, таких всего двое: Веймарн, да вот Пинкевич.

Безответен, но всё же резонен до интриги вопрос, как бы развивался Уральский университет, если бы Пинкевич возглавлял его не один год, а несколько лет? В июне 1921 г. Горький, в связи отъездом на лечение за границу, попросил правление университета освободить Пинкевича от обязанностей ректора, чтобы тот заменил его на посту председателя Центральной комиссии по улучшению быта учёных (ЦЕКУБУ). Просьба «буревестника революции» была удовлетворена. Такова официальная причина, по которой Пинкевич уехал в Петроград. Но есть ещё и неофициальная – конфликт с Дидковским и коммунистической фракцией университета.

Историю советской педагогики нельзя представить без Пинкевича. Он был её творцом в течение 15 лет, руководя подсекцией по педагогическому образованию в Государственном учёном совете, являлся организатором Московского НИИ педагогики, ректором 2-го Московского государственного университета, преобразованного в Педагогический институт им. В. И. Ленина, в котором он был деканом педагогического факультета и профессором кафедры педагогики, членом президиума Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию и председателем Высшего учебно-методического совета этого комитета.

В 1935 г. Пинкевич в связи с 25-летием научно-педагогической деятельности был награждён Почётной грамотой ЦИК СССР, персональным автомобилем и удостоился восторженных отзывов коллег. Один из них, Г. С. Прозоров, опубликовавший с журнале «Педагогическое образование» статью под названием «А. П. Пинкевич – педагог, теоретик, коммунист», назвал его «исключительно богато одарённой натурой», которого отличала ото всех «исключительная теплота в обращении с людьми, исключительная внимательность, доброта, постоянная готовность идти навстречу людям, помочь им, поделиться своими знаниями –

все эти дружно сочетаемые черты всегда так привлекали к себе всех, знающих» его.

В роковом 1937 г. «исключительно богато одарённая натура» Пинкевича «привлекла» внимание органов НКВД. Он был арестован 14 октября. Следствие по его делу велось недолго, но жестоко: если первые страницы показаний написаны им были чётким почерком, то заключительные – читаются с трудом. Судебное заседание под председательством В. В. Ульриха (1889 – 1951) состоялось 25 декабря, и расстрельный приговор был приведён в исполнение в тот же день.

Семья репрессированного Пинкевича не пострадала. Её защитила любовь Альберта Петровича и выдающейся балерины Ольги Александровны Спесивцевой, ради которой он ушёл из семьи. Их роман был бурным, но коротким. В 1921 г. она эмигрировала в Европу. 1937 г. для него стал трагичным, для неё драматичным. Его трагедия продолжалась 73 дня, её драма растянулась на десятилетия. Из-за психического расстройства она оставила сцену; 20 лет, с 1943 по 1963 годы, она находилась в клинике для душевнобольных; с 1967 г. – в русской колонии под Нью-Йорком; там и умерла в 1991 г. в возрасте 96 лет.

Несмотря на его полную реабилитацию, сын долго не мог познакомиться с материалами следственного дела отца. На одну из просьб сына Альберта Альбертовича из Военной коллегии Верховного Суда СССР ему ответили 6 января 1989 г. отказом: «Что касается Вашей просьбы об ознакомлении с материалами уголовного дела, то она удовлетворена быть не может, поскольку действующим законодательством такой возможности для родственников осуждённых, в том числе и необоснованно репрессированных, не предусматривается».

Но через полгода, в мае, сыну как-то удалось получить доступ к делу отца. Он мне написал, что ему разрешили в течение одного часа и десяти минут прочитать 200-страничный том без права делать из него выписки. Сын узнал, что отец якобы был завербован в террористическую группу, члены которой намеревались убить Сталина, Молотова и Кагановича. Для этого у заговорщиков было два пистолета, парабеллум и кольт с 500-ми патронами и два иностранных фляжка, крепящихся на капоте автомобиля. Оставалось только раздобыть два автомобиля иностранных марок,

въехать на них в Кремль под видом дипломатов и учинить расправу. Другие обвинения были инспирированы профессиональной деятельностью Пинкевича: разработка вредительских педагогических теорий, публикация в США книги со сведениями, порочащими советскую высшую школу, цитаты из работ Муссолини (1883 – 1945) и Гитлера (1889 – 1945), которые он привёл в книге «Хрестоматия по истории педагогики».

Для специалистов запрет на изучение работ Пинкевича был снят почти сразу после его реабилитации. Их стали изучать с конца 50-х годов сначала в историко-педагогическом аспекте. В 1958 г. Ф. Ф. Королёв опубликовал монографию «Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917 – 1920», в которой он проанализировал методические идеи Пинкевича в области естествознания. Спустя три года вышла ещё одна книга с таким же названием, посвящённая истории школы в 1921 – 1931 гг. В ней автор показал роль Пинкевича в разработке теоретических основ советской педагогики.

В 50-70-е годы прошлого века интерес к личности и творчеству Пинкевича был огромным. Книги и статьи о нём издавались не только в Москве, но также в Киеве, Тбилиси, Воронеже, Йошкар-Оле. Различные стороны его теоретико-методической и организационной деятельности стали предметами исследований в диссертационных работах и первая из них, докторская, была защищена в 1965 г.

Научное наследие Пинкевича велико. Им было опубликовано более 300 работ, и среди них такие основополагающие, как «Основные проблемы высшей школы», 2-томная «Педагогика», «Естествознание, педагогика и марксизм», 2-томная «Марксистская педагогическая хрестоматия», «Советская педагогика за десять лет. 1917 – 1927.» и другие. Пинкевич был хорошо известен за рубежом, и не только по многочисленным переводам своих книг и статей, но и по выступлениям на различных международных конференциях в Веймаре, Вене, Берлине, Лейпциге, на которых он призывал коллег «создать единый фронт в деле изучения проблем воспитания и образования пролетариата», для того чтобы «совместными усилиями пролетарских педагогов всех стран» построить «стройное и величественное здание марксистской пролетарской педагогики».

Теория в педагогике, как и в любой другой науке, заключена между методологией, каковой для Пинкевича были основы марксизма-ленинизма, и практической деятельностью различных учебных заведений. Породив идеи, Пинкевич не бросал их на произвол судьбы, а как истинный педагог-воспитатель доводил до практического воплощения в руководимых им вузах. В январе 1921 г., накануне открытия университета, он написал письмо Горькому, прося его откликнуться на это событие. В этом письме есть такие строки: «... запас моего оптимизма ещё велик и мало израсходован. Строю. Здание большое, дело трудное, но победителем я выйду. Это я хорошо знаю».

Слова пророческие. Несмотря ни на что, он вышел победителем. Его имя не кануло в Лету в отличие от имён его гонителей.

Вторая бифуркация горного

По замыслу Пинкевича, план «организации университета был самый грандиозный: он должен был состоять из нескольких институтов, в свою очередь распадающихся на отдельные факультеты, – целая уральская академия». Поэтому состав Оргкомитета был расширен. Его членами, в частности от Горного института, стали Маковецкий, Матвеев и студент Смирнов.

Первый проект конструкции университета был составлен Пинкевичем в мае. Тогда же Матвеев, будучи в Москве в командировке, представил в Наркомпросе свой проект. Принципиальное различие между этими проектами заключалось в том, что, по мнению Матвеева, университет должен был представлять Ассоциацию Отдельных Уральских Государственных Институтов Высших Чистых и Прикладных знаний. Поэтому вузы, входящие в Ассоциацию, должны были обладать большими правами, большей самостоятельностью – юридической, финансовой и другой. Оба проекта, как рассказал Пинкевич на заседании Совета УГИ 30 июля, были рассмотрены: «Вслед за этим были выработаны последовательно 3-й и 4-й проекты. Благодаря некоторым разногласиям с членами делегации УГИ, ни один из проектов

утверждён не был и было решено проект окончательно выработать и утвердить ... на месте в Екатеринбурге».

Так и было сделано, но в основу конструкции или устава университета, по-видимому, был положен всё же первоначальный проект Пинкевича. Согласно утверждённому уставу, права институтов, входивших в университет, были существенно урезаны. Институты, например, стали возглавлять не ректоры, а директора и первым директором Горного института в составе университета был назначен Николай Георгиевич Келль.

Пинкевич не раз выступал на заседаниях Совета УГИ. В августе он рассказал, что, благодаря поддержке университета Москвой, «вопрос денежного характера отпадает, так как центр ассигновал и ассигнует достаточные кредиты, причём даже отпускает на закупку оборудования за границей 1000000 руб. золотого запаса». Слушавшие его члены Совета поверили ему. Но новая власть, как и новый автомобиль, работала небезупречно. В середине сентября Екатеринбургский союз потребительских обществ по распоряжению Наркомпрода предложил снабжать студентов университета продкарточкой 2-й категории, хотя в прошедшем учебном году студенты УГИ снабжались по 1-й категории. Узнав об этом, Пинкевич 17 августа послал телеграмму В. И. Ленину и копию Наркомпроду А. Д. Цю-рупе (1870 – 1928): «Нельзя благодаря присвоению названия университета лишать студентов их права, – восклицал он. – Энергично прошу поддержки и срочного выяснения недоразумения, грозящего разрушить всё дело».

И Ленин, обещавший «горячее участие в организации университета», в тот же день написал на бланке телеграммы Пинкевича резолюцию: «Луначарскому и Покровскому для соглашения с Брюхановым (1878 – 1942) или внесения с СНК» (Н. П. Брюханов был заместителем Цюрупы и начальником Главного управления снабжения Красной Армии и флота продовольствием). Ознакомившись с резолюцией Ленина, Брюханов немедленно ответил Луначарскому, что это недоразумение, что Наркомпродом дано распоряжение о снабжении студентов по норме красноармейского тылового пайка.

Так, в течение дня разрешилась коллизия со снабжением студентов. А вот для учёных и преподавателей университета

академический паёк Совтрударм-1 на основании постановления Губисполкома утвердил «в размере боевого красноармейского ... и тыловой для членов их семей». Потому что преподавать – это почти что воевать, а не отсиживаться за партой как в безопасном тылу. И Владимир Ильич Ленин это очень хорошо понимал, ведь его отец был инспектором народных училищ целой губернии.

К концу июля институтский состав университета ещё не был определён из-за того, что долго не удавалось решить вопрос о разделении УГИ на собственно горный и политехнический институты. В Совете УГИ мнения по этому вопросу были различные.

18 августа на заседании Совета УГИ Маковецкий зачитал постановление Оргкомитета о разделении института. Дидковский, представлявший на заседании Горный совет ВСНХ, безапелляционно заявил, что «вопрос о разделении теперь же должен быть разрешён..., иначе он будет решён без УГИ».

На следующий день Матвеев провёл заседание Совета геолого-разведочного факультета, на котором единогласно было решено, «что в интересах нормального развития Горного института необходимо ныне существующий Горный институт разделить на два института: собственно Горный (с факультетами геолого-разведочным, рудничным и металлургическим) и политехнический (с факультетами механическим, химическим и инженерно-лесным)».

Мотивировка разделения обосновывалась тем, что «После того как хозяйственная часть УГИ перешла к обще-университетскому правлению, а химический и механический факультеты в своём развитии вышли за пределы обслуживания интересов существующей Уральской горной промышленности, отпал смысл соединять воедино факультеты, преследующие весьма различные цели. От такого разделения научная и научно-учебная жизнь Горного института значительно выиграет, так как оно даёт возможность сосредоточиться и углубить работу факультетов и Совета института, скорее поднять горную промышленность на Урале, не отвлекаясь широкими задачами на удовлетворение всех запросов различных отраслей промышленности Урала. В интересах дела разделение института необходимо произвести возможно скорей».

Правление УГИ противилось и решению Оргкомитета, и решению Совета геологоразведочного факультета. Тогда 25 августа вновь было собрано заседание Совета УГИ. Председательствовал на нём ректор Маковецкий. Он огласил постановление Оргкомитета от 23 августа и постановление Правления УГИ от 24 августа о разделении института и дополнительно проинформировал собрание ещё об одном «постановлении Организационного Комитета ..., состоявшееся после постановления Правления и Совета УГИ против разъединения как преждевременного и нецелесообразного. В этом постановлении Организационный комитет подтверждает своё решение о разделении УГИ и предлагает немедленно принять меры к такому разделению. Правление Института, принципиально стоящее против разделения, не обсуждало этого постановления», и потому Маковецкий счёл необходимым довести его содержание до членов Совета.

Обсуждение постановления Оргкомитета было долгим и дискуссионным. Но «в результате добавочных суждений по вопросу о разделении постановили большинством 19 против 5 и при 6 воздержавшихся: считать вопрос законченным и никаких новых постановлений на данном заседании не вносить».

Позицию Оргкомитета «о срочном принятии действительных мер к разделению УГИ» поддержал уполномоченный Наркомпроса профессор Артемьев и уполномоченный Главпрофобра при Совтрударме Ф. Чучин. Чучин в письме, направленном 30 августа в Президиум Губисполкома, так изложил свою позицию: «... принимая во внимание, что Правление и Совет УГИ до сих пор продолжают существовать и как таковые не представили мне в срок к 15 августа учебных планов всех факультетов УГИ, несмотря на моё о том требование, не переставая в то же время заниматься больше по-прежнему вопросами административными и политическими, не свойственными их компетенции, отчего страдает дело профессионально-технического образования, за которое вся ответственность перед Главпрофобром лежит на мне, я нахожу подобное положение вещей совершенно ненормальным и более нетерпимым и, не имея в своём распоряжении средств физического воздействия, обращаюсь к вам с просьбой принять необходимые в подобном случае, зависящие от Вас меры, о чём меня уведомить».

И Президиум Губисполкома принял «зависящие от него меры». На следующий день было издано постановление о роспуске с 1 сентября Правления и Совета УГИ и предписано Оргкомитету «немедленно создать для руководства работой» Горного и Политехнического институтов «соответствующие органы». В тот же день на заседании Оргкомитета ещё раз заслушали вопрос о разделении УГИ как о деле уже решённом окончательно и предложили «Правлению УГИ план разделения Ур. гор. Института доложить на следующем заседании ОКа».

Итак, после двухкратного постановления Оргкомитета органы управления УГИ были, наконец, ликвидированы и сам он в изменённом факультетском составе стал частью Уралуниверситета. Его рабочий факультет был преобразован «из подготовительной ступени к УГИ в подготовительную ступень к УГУ».

В сентябре под исполнение «Интернационала» в университете начались занятия, но пока только в медицинском институте. Студентам других вузов этого волнующего момента пришлось ждать месяцы, хотя впоследствии историки университета стали утверждать, что «по существу, это означало и начало работы всего университета». Вряд ли с этим можно согласиться, хотя бы ещё и потому, что к этому времени не был даже принят Закон (декрет) об учреждении Уральского государственного университета.

Процедура его принятия началась 4 октября, когда проект декрета был рассмотрен и одобрен коллегией Наркомпроса. На следующий день заместитель наркома Покровский обратился с ходатайством в Совнарком об утверждении проекта, чтобы он получил законную силу. В Совнаркоме проект был передан в специальную комиссию, которая условно называлась Малый Совнарком, на заседаниях которой рассматривались вопросы, требовавшие предварительного обсуждения с представителями заинтересованных в этих вопросах организаций и учреждений. И только после обмена мнениями и достижения приемлемого результата, устраивавшего всех, проект документа представлялся на окончательное утверждение в Большой Совнарком.

И вот тут случился досадный казус. Заседание Малого Совнаркома состоялось 12 октября. Проект декрета представлял Покровский. В протоколе решение было сформулировано следующим образом: «Проект с поправками принять (принято

большинством, против т. Сыромолотов, при согласии т. Покровского)». Поскольку решение было не единогласным, то теперь судьбу проекта должен был определить Большой Совнарком.

Что же произошло на заседании Малого Совнаркома? Почему Сыромолотов голосовал против проекта декрета, предложенного Наркомпросом? Предположительно это было обусловлено следующей причиной. В сентябре-октябре в Москве в командировке находился Матвеев. В один из сентябрьских дней Константин Константинович участвовал в заседании коллегии Горного совета ВСНХ, на котором по поручению Дидковского проинформировал членов коллегии, а перед заседанием лично Сыромолотова «о фактическом положении дел в Горном институте за август месяц, когда институт был разделён на два, а Совет института распущен».

То, что рассказал Матвеев, для членов коллегии было неприятной новостью, поскольку они ратовали за самостоятельное существование и Горного института, и университета, и это их общее мнение было отражено в соответствующей резолюции Горного Совета.

О содержании резолюции и о казусе на заседании Малого Совнаркома, о противодействии утверждению декрета «со стороны некоторых представителей хозяйственно-экономического мира» Раевский сразу же сообщил Пинкевичу, и тот, раздосадованный непредвиденными задержками, обрушил свой гнев на стрелочника-Матвеева. В Наркомпрос Пинкевич послал телеграмму, в которой он, негодуя, написал, что член Оргкомитета Матвеев сделал «целый ряд сепаратных выступлений, разрушающих общую работу», а Матвееву 14 октября телеграммно было приказано прекратить всякие выступления и немедленно вернуться в Екатеринбург.

Самым обидным наказанием для Матвеева стало его исключение из членов Оргкомитета. Он это переживал очень болезненно и в конце января 1921 г. обратился с заявлением в Особую комиссию: «... я не знал и не знаю, – писал он, – за собой какой-либо вины в отношении О. К. и с негодованием отвергаю все обвинения меня в дезорганизующей деятельности. Постановление от 13 октября (по-видимому, речь шла о постановлении Оргкомитета. – В. Ф.) считаю вынесенным поспешно и подлежащим отмене. Я требую восстановить меня в правах члена Организационного комитета». И получил отказ.

Анализируя ситуацию с прохождением проекта декрета в Малом Совнаркоме, можно предположить, что вопрос о самостоятельном существовании Горного института до самого последнего момента оставался открытым. Решение Оргкомитета, мнения Артемьева и Чучина, постановление Губисполкома большой силы не имели. Если бы Сыромолотов узнал о них загодя, то он, наверное, смог бы отстоять суверенитет УГИ. Ему не хватило времени это сделать.

Заседание Совнаркома под председательством В. И. Ленина состоялось 19 октября. Декрет «Об учреждении Уральского государственного университета» был «проведён значительным большинством» членов Совнаркома и в тот же день подписан его председателем. Текст этого документа короток и состоит из 4-х пунктов:

«Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Учредить в гор. Екатеринбурге Уральский Государственный Университет.

2. В состав Уральского Государственного Университета входят: Горный, Политехнический, Медицинский, Сельскохозяйственный, Педагогический Институты, Институт Общественных Наук и Рабочий Факультет.

3. Уральский Государственный Университет находится в непосредственном ведении Народного Комиссара по Просвещению РСФСР.

4. Средства на содержание Университета отпускаются по сметам того же Комиссариата».

Современные историки Уральского университета очень скромно оценивают роль Горного института в его создании, только как «положительный момент», и не более того, хотя ещё на ранней стадии организации университета в одном из постановлений коллегии Наркомпроса было записано, что «... разрешение вопроса о самом моменте открытия академических факультетов университета (надо. – В. Ф.) передать Совету Уральского горного института, считая последний базой (курсив авт.), вокруг которой с изменением физических условий будет разрастаться университет». Но об этом пожелании благополучно забыли.

Вклад горняков был значителен и в студенчество университета и в его академическую коллегию. К концу 1920 г. в различных

институтах университета училось почти 1900 студентов: 541 – в Горном, 538 – в Медицинском, 476 – в Политехническом, 201 – в Педагогическом, 76 – в Сельскохозяйственном, 57 – в Общественнонаучном и, кроме этого, на рабфаке числилось 612 слушателей. Поэтому доля студентов новых институтов в университете не превышала и половины. Какова была доля рабфаковцев, поступивших в УГИ ещё до открытия университета, неизвестно. Но она, вероятно, тоже была немаленькой.

В Горном институте на геологоразведочном факультете тогда училось 248 студентов, а учили их 7 профессоров и 11 преподавателей; на рудничном учёбой 130 студентов занимались 3 профессора и 5 преподавателей; на металлургическом – 163 студента обучали 5 профессоров и 13 преподавателей. А сколько профессоров и преподавателей перешло из УГИ в Политехнический институт!

Поэтому главпрофобровская фраза о Горном институте как о «базе» университета, о его «физической основе», имела очень весомое значение.

После слияния Горного института с университетом он «похудел», но от этого только выиграл, поскольку, как говорил Матвеев, теперь «отпал смысл соединять воедино факультеты, преследующие весьма разные цели». Материальное положение института от объединения изменилось мало: два его факультета – геологоразведочный и рудничный – располагались на набережной городского пруда; первый – в бывшей резиденции Главного начальника Уральского горного управления, второй – в здании, которое до 1918 г. занимала контора страхового общества «Якорь». Оба эти здания Горному институту частично были переданы по настоянию Сыромолотова ещё в 1919 г. Только третий факультет – металлургический – разместили в главном корпусе университета, в здании бывшего нового епархиального училища, расположенного на Щепной площади напротив, тоже бывшего, Ново-Тихвинского женского монастыря.

Как много в эти 20-е годы происходило в жизни России радикальных перемен, отмеченных словом «бывший», ставший не символом щемяще-чувствительной, трепетно-волнительной и сладко бередящей душу ностальгии по прошлому, но печатью

унизительности, антогонизма, абсолютной ненужности и даже враждебности. Какой драмой это стало для «бывших», драмой, которую русского человеку ещё раз пришлось испытать в конце XX века.

Такую драму испытал «бывший» профессор Томского технологического института Пётр Константинович Соболевский. В 1920 г. на 52-м году жизни он вынужден был искать для себя и семьи новое место обитания и работы. По рекомендации профессора Петроградского горного института В. И. Баумана (1867 – 1923) он был приглашён в Уральский горный институт, Совет которого избрал его 16 сентября «профессором маркшейдерского искусства с правом занять кафедру астрономии».

На том же заседании Совета был избран и утверждён профессором по кафедре динамической геологии горный инженер-геолог Александр Александрович Гапеев, заявление которого о желании работать в УГИ на геологоразведочном факультете было получено ещё в начале апреля. Телеграмму о результатах конкурса Келль ему послал 22 сентября в Томск, где в то время находился Гапеев, написав коротко: «Выезжайте». Несмотря на то, что избрание Гапеева состоялось в сентябре, в приказе по университету в штат геологоразведочного факультета он был зачислен с 1 июля.

Оба профессора были выдающимися личностями и учёными: Соболевский – ярко выраженный идееноситель, Гапеев – харизматик. Без них история Горного института была бы гораздо беднее.

«А в Донском монастыре...»

В Москве на Введенском (Немецком) кладбище в окружении надгробий, под которыми похоронены советские генералы, стоят две скромные плиты с закруглёнными верхами – одна побольше, другая поменьше. На той, что побольше, сверху выбито: «Профессор Соболевский Пётр Константинович 1868 – 1949»; ниже, на пластине из того же камня, что и плита, прикреплённой к плите, – «Заслуженный артист РСФСР Соболевский Пётр Станиславович 1904 – 1977». Ещё ниже изображение киноплёнки. И в самом низу пластины – «Соболевская Манефа Владимировна 1920 – 1992». На плите меньшего размера в верхней её части выбито

«Соболевская Ольга Мартыновна 1879 – 1947»; ниже надпись – «и сын её Костя 1911 – 1942».

Это семейное захоронение Соболевских. Пётр – средний сын Петра Константиновича и Ольги Мартыновны; Манефа – жена Петра. Для Константина, младшего сына Соболевских, это захоронение кенотаф – пустая могила. Поскольку он был репрессирован и умер в лагере и где похоронен – неизвестно. В этом захоронении нет старшего сына Петра Константиновича Юрия, родившегося в 1896 г. от брака с первой женой – англичанкой, танцовщицей, дочерью сотрудника Пулковской обсерватории Малгорджатой (Маргаритой) Рудольфовной Сток, на которой он женился в начале февраля 1892 г. Юрий был кадровым офицером. Во время гражданской войны он служил в колчаковской армии. Красные его пленили и жестоко казнили: привязали к пушечному стволу и выстрелили. Единственная дочь Соболевских Ольга, оперная певица и ученица К. С. Станиславского, умершая в 94 года в 1994 г., была похоронена, как мне сообщили родственники, на новом Донском кладбище при Донском монастыре, ведь «в Донском монастыре сладко спится на заре русскому дворянству», а она была дворянкой.

Пётр Константинович Соболевский родился 7(19) октября 1868 г. в городе Бяла Седлецкой губернии Царства Польского (ныне г. Бяла-Подляска Люблинского воеводства). По католическому обряду новорожденному дали длинное имя – Станислав-Пётр-Сигизмунд, от которого впоследствии осталось только короткое Пётр. А вот его дети предпочли в качестве отчества взять не простовато-ироничное Петрович, а вычурно-артистическое – Станиславович.

Отец Константин (Адольф) был потомственным дворянином Гродненской губернии и служил в уездном казначействе. Был он, по провинциальным меркам, образован, вольнодумен и вольнолюбив, как всякий польский шляхтич. Мать – Мария, девичья фамилия которой Зариясова, знала иностранные языки и давала их уроки, чтобы укреплять семейный бюджет. Пётр Константинович был разносторонне одарён. У него были способности к языкам, к музыке. С помощью матери и самостоятельно он в совершенстве освоил немецкий, французский, итальянский, белорусский и украинский языки, о польском и русском уж и говорить нечего.

Материальный достаток семьи был невелик, но чувство собственного достоинства образованных и культурных родителей позволило преодолеть его, и в 1881 г. они устроили Пётра на учёбу в Курское реальное училище. Дальше всё зависело от него. И он не оплошал. Учась в третьем классе, он стал давать уроки неуспевающим ученикам, а с четвёртого – началась его систематическая педагогическая работа в качестве воспитателя группы иногородних учеников, живших на частных квартирах. С этого времени он перестал быть обузой для родителей.

Рано обозначившийся педагогический дар стимулировал его к самосовершенствованию и саморазвитию. В годы учёбы в училище он самостоятельно занимался изучением таких разделов физики, математики и астрономии, которые были за рамками учебных программ, по книгам и брошюрам, купленным на заработанные деньги.

Книги он очень ценил и берёг. К концу жизни в его библиотеке было около 20 тысяч книг и журналов по геологии, геофизики, горному делу и другим отраслям знаний на русском и иностранных языках. После его смерти дочь Ольга Станиславовна большую часть библиотеки отца передала по просьбе президента АН КазССР К. И. Сатпаева (1899 – 1964) в академическую библиотеку, меньшую (книги на иностранных языках) – в библиотеку иностранной литературы. Соболевский и Сатпаев были знакомы со времени работы Петра Константиновича в Томске. Сатпаев высоко ценил Соболевского и 1 июня 1946 г. на торжестве открытия Казахской академии наук среди почётных гостей в составе московской академической делегации присутствовал и Соболевский.

Что побудило Петра поступить после окончания училища в 1889 г. в Петербургский горный институт, неизвестно. Как будто бы он с детства был увлечён изучением земных недр. Может быть, это и так. Проучившись два года, он убедился, что его физико-математическая подготовка неудовлетворительна. Тогда он прервал учёбу в Горном институте и занялся основательным изучением астрономии, физики, математики, а также иностранных языков в столичном университете и в Пулковской астрономической обсерватории. Это был поступок сильного, смелого, критически

относящегося к себе человека, стремящегося постичь в совершенстве то дело, которым он собирался заниматься.

Астрономию он изучал под руководством выдающегося учёного А. А. Белопольского (1854 - 1934), геодезию ему преподавал профессор Академии Генерального штаба В. В. Витковский (1856 – 1924). Желание как можно больше познать было у Петра неумным: он изучал основы научной системы физического воспитания на курсах знаменитого Лесгафта, брал уроки композиции у выдающихся композиторов А. К. Лядова (1855 – 1914) и Н. А. Римского-Корсакова, совершенствовался в игре на фортепьяно в столичной консерватории.

Чем он зарабатывал на жизнь? Музыкой, играя на балах, свадьбах и похоронах. Он был крепок и силен физически, упорен и настойчив; обликом – могучей фигурой, пышными усами, короткой стрижкой «ёжиком» он напоминал двух великих русских борцов, двух Иванов – Заикина (1880 – 1948) и Поддубного (1871 – 1949).

В 1895 г. он вернулся в институт и через три года стал горным инженером, уверенный в том, что теперь он вполне готов к самостоятельной работе. Эту уверенность разделял и работавший в институте профессор Леонид Иванович Лутугин (1864 - 1915) – основоположник отечественной школы геологов-угольщиков, исследователь угольных бассейнов России и особенно Донецкого, изучению геологии которого он посвятил более 20 лет. Это по рекомендации Лутугина Соболевский поехал туда работать.

О том, чем занимался Соболевский после окончания института, он подробно описал в 1930 г. в Curriculum vitae, т. е. в автобиографии:

«После окончания Горного Института я поступил на службу в Донецкий бассейн, а в 1899 г. был приглашён только что открывшимся в бывшем г. Екатеринославе Высшим горным училищем (ныне Национальный горный университет в Днепропетровске. – В. Ф.) в качестве преподавателя маркшейдерского искусства и геодезии.

Состоя преподавателем..., я одновременно продолжал мою практическую деятельность в Донецком бассейне в качестве заведующего различными горнозаводскими работами, а затем и в

качестве управляющего Троицким рудником Харцизско-Донецкого горнопромышленного товарищества.

В ... Высшем горном училище пробыл до 1903 г. За это время побывал за границей (Швеция, Германия), изучал там разработанные шведами магнитометрические методы разведок железных руд, ознакомился с постановкой германской практической геодезии..., изучал германское инструментоведение. В тот же период времени ввёл впервые в русскую Высшую школу курс практической магнитометрии (в 1901/02 уч. году), положив начало специальным лабораториям – геодезической, маркшейдерской и магнитометрической, каковых в высших школах до этого вовсе не было.

В 1903 г. получил приглашение на аналогичную кафедру в Томский технологический институт. Центр внимания моей научно-педагогической и научно-практической ... деятельности был направлен на создание прочного фундамента для маркшейдерской специальности в Высшей горной школе, которая в половине прошлого ... столетия была организована в Германии. Дело это было совершенно новое, не имевшее за собой никакого практического опыта, и мне самому пришлось быть и его организатором, и преподавателем по всем астрономо-геодезическим дисциплинам, входившим в учебный план вновь утверждённой специальности, а также и единственным (в начале) руководителем всех лабораторно-практических, наблюдательных и вычислительных работ... Главнейшие моменты моей деятельности в Томске ... сводятся к следующему:

а) Мною была впервые в русской Высшей горной школе организована (1903/04 уч. год), официально проведена (1905/06 г.) маркшейдерская специальность на горном отделении ... Томского технологического института, так что горное отделение ... института было разбито на 4 специальности – рудничную, металлургическую, геологическую и маркшейдерскую. Таким образом, мною было положено начало высшему маркшейдерскому образованию в СССР.

б) Организовал первую в ... Высшей русской горной школе геодезическую и маркшейдерскую лаборатории с отделениями – астрономическим, картографическим, фотограмметрическим. До этого ... не только не было подобных лабораторий, но и не было самой идеи специальной лаборатории... В 1906 г. по моему

проекту был построен ... специальный 4-этажный геодезический корпус подо все, намеченные и организованные, ... лаборатории..., (которые. – В. Ф.) въехали в новый корпус в 1907 г.

в) При лаборатории ... были организованы прецизионная мастерская и фотография».

В автобиографии Соболевский описал не всё из того, что он сделал, работая в Томске, и что успешно потом продолжил делать на Урале, добившись там выдающихся результатов. Но начало этому было положено ещё в Екатеринославе и Донбассе.

В Томске он продолжил развивать «курс практической магнитометрии»: читал по новой дисциплине систематический курс лекций, издал в виде учебного пособия лекционные записки по вопросам определения относительной точности магнитометрических измерений с магнитометрами различных типов и руководство по изучению магнитных свойств руд и теории земного магнетизма, впервые в России осуществил магнитную съёмку на Алтае на месторождении Темир-Тау с целью определения его запасов; студенты под его руководством разрабатывали различные вопросы методики и техники применения магнитометрии для изучения месторождений железа; по программе Академии наук он занимался изучением геомагнитного поля в Восточной Сибири и был одним из инициаторов исследований сейсмичности Сибири, результаты которых им были опубликованы в Трудах Центрального бюро постоянной сейсмической комиссии при Академии наук в статье «Томская сейсмическая (геофизическая) станция в 1911 – 1914 гг.».

Эти работы, исследования и их результаты стали его вкладом в развитие и формирование новой науки о Земле – геофизики.

Если в истории геофизики он является одним из её создателей, то идеи о геометрических принципах описания строения и свойств месторождений полезных ископаемых целиком принадлежат ему. Эти идеи у него родились из потребности простого и наглядного изображения многочисленных и разнородных данных о форме и условиях залегания угольных пластов, о структурных формах угольных месторождений Донбасса и о результатах проводившихся на них горных работ.

Соболевский решил эту сложную задачу гениально просто. Как инженер, хорошо знавший математику, он предложил

графический способ представления угольных залежей в виде гипсометрических планов и в 1901 г. продемонстрировал, как это можно сделать, построив план изогипс рельефа поверхности угольных пластов месторождения Нижняя Кринка.

В Сибири он применил, развивая и совершенствуя, методику геометризации для изучения Анжеро-Судженского месторождения угля, строение которого из-за тектоники было значительно сложнее, чем донецких месторождений.

Так, обобщая опыт геометризации различных месторождений и опираясь на геометрические принципы, он заложил основы ещё одной научной дисциплины – геометрии и геометризации месторождений, о которой его ученик профессор Г. И. Вилесов (1902 – 1979) сказал: «Пётр Константинович рассматривал геометризацию как научный метод познания различных явлений недр... Многие тела и явления, связанные с горной практикой, он начал рассматривать как материальные тела в состоянии, аналогичном физическому полю. В связи с этим им были разработаны вопросы о геометрической интерпретации некоторых свойств физического поля и дана теория геометрии поля, геометрии потока и предложены приборы для их автоматической регистрации», названные Соболевским деформатографами.

Нет, он не жалел, что уехал из Екатеринослава. Почти всё, что он задумывал сделать, он сумел сделать. Его идеи, планы и предложения поддерживал декан горного отделения института, выдающийся геолог Владимир Афанасьевич Обручев – будущий академик АН СССР и Герой Социалистического Труда, помогавший ему отстаивать в Министерстве торговли и промышленности маркшейдерскую специальность, приобретать в Германии приборы и оборудование для оснащения лабораторий, строить геодезический корпус, представлять к званиям и наградам: в 1905 г. Пётр Константинович был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени, в 1911 – был избран экстраординарным профессором, в 1913 – награждён медалью «В память 300-летия Дома Романовых», в 1917 – вторым орденом Св. Станислава – 2-й степени.

По свидетельству томских краеведов, Соболевский 20 марта 1917 г. был уволен в отставку по распоряжению Временного правительства. Чем была вызвана отставка, они умалчивают. Вероятно, после «отставки» самого Временного правительства, он

вернулся в институт. Но в 1920 г., как мне рассказывала Ольга Станиславовна, отец, по распоряжению органов Советской власти, был уволен из института, и ему приказали в пятидневный срок освободить квартиру в профессорском доме. Почему? Видимо, потому что его сын Юрий воевал против этой самой Советской власти. Нужно было искать новое место службы. В это время Пётр Константинович и получил приглашение из Горного института занять кафедру маркшейдерского искусства и астрономии.

Так, в 1920 г. и в статусе Горного института, и в жизни Соболевского почти одновременно произошли существенные перемены: и для института, и для профессора завершился один период и наступил другой, историю которого они начали писать уже на одном листе. Надолго ли?

ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кто такой геолог и каждый ли им может стать? Чем он отличается от людей других профессий, каково его миропонимание и мироощущение, какое влияние на него оказывают многомиллиардное окаменевшее время и следы планетарных катаклизмов, красота и разнообразие минералов и горных пород, совершенство сверкающих гранями кристаллов, их форма, цвет и завораживающая прозрачная глубина?

На эти вопросы может ответить только геолог. В 1920 г., читая рабфаковцам лекцию, Николай Георгиевич Келль очень смело, образно и лирично поведал им о том, кто такой геолог:

«Геолог летом всегда в поле, он путешествует, он живёт в палатке, он нередко в глухих местах вдали от селений ведёт свою кочевую жизнь, иногда сопряжённую с лишениями. Он всегда предоставлен сам себе, он мало чувствует на себе опеку начальства. Любовь к исследованиям поддерживает у него добросовестность к работе. Работа в поле, в тайге, в степи, в горах, на лоне природы со всеми её красотами, которые он так живо чувствует и где он отрешён нередко от всего мира, создают у него философский взгляд на вещи, на человеческие волнения и страсти...

У него развивается анархическое воззрение..., основанное на полной свободе личности, на идеализации человеческих отношений, на отсутствие пролетарской психологии, созданной

условиями фабрично-заводского и другого массового труда, с одной стороны, и на отсутствие эксплуататорских наклонностей – с другой.

Вот почему и при царском правительстве геологи всегда были наиболее левый народ, наиболее отрицательно настроенный к правительству..., хотя бы в среде того же Петроградского горного института. И при теперешнем правительстве, правительстве, проводящем диктатуру и отместку угнетённых трудящихся слоёв России против угнетателей, геологи и люди, готовые посвятить себя этой специальности, не могут заразиться тем же безжалостным и твёрдым режимом, подавляющим всякую свободу личности.

Вот почему, пожалуй, правы те, кто говорит, что наш геологоразведочный факультет в массе своей контрреволюционен. Конечно, это не есть собрание людей, определённо действующих против Советской власти, но это есть естественный отбор лиц, стремящихся уйти ближе к природе и подальше от тех условий, где общежитие людей неумолимо накладывает цепи определённой строгой дисциплины, где ещё дух борьбы недавно эксплуатируемых ... со своими эксплуататорами носит неизбежные черты жестокости и непримиримости.

Вам, как стоящим на распутье и желающим избрать себе дорогу по вкусу, я должен указать, что симпатии к своей специальности для геологоразведчиков обуславливаются чертами характера и теми склонностями, которые развивались в них с детства. Дух исследовательский, дух путешественника, до известной степени бродяги, ушкуйника, тот дух, который заставлял русского ещё тогда, когда хватало всем земли на Руси, пробираться до Камчатки, до Америки, невзирая на все препятствия, за поиском нового, неизведанного, подальше от того обыденного, подчас несправедливого, что давала ему дома Русь.

Не осудим жестоко поэтому и тех, кто так любит природу, так уходит в исследования, что жизнь идёт мимо него, а предоставим ему возможность вполне проявить себя и извлечём из его работы максимум полезного как раз для жизни всех и для хозяина земли русской в том числе».

А в качестве примера он мог бы рассказать слушавшим его рабфаковцам о своём коллеге геологе Александре Александровиче Гапееве.

«За поиском нового...»

Саша Гапеев родился 6(18) августа 1881 г. в старинном городе Кромы – ровеснике Москвы. Его мать – сельская учительница, отец – служащий, талантливый, но бесшабашный человек. Начальная школа, городское и реальное училища – Саша с блеском прошёл по этим ступеням и с блеском поступил в 1900 г. в Петербургский горный институт при конкурсе 18 человек на место. С 13 лет он жил своим трудом, зарабатывая репетиторством, давая уроки и, переписывая тексты ролей для артистов Орловского театра.

Писательница М. В. Ямщикова (1872 – 1959), писавшая под псевдонимом Алтаев А. книги о великих людях, знала его в студенческие годы, восхищалась им и вспоминала, что лицо у него было «не слишком красивое, но открытое, с небольшими голубыми глазами; лицо, нередко встречающееся среди крестьян; светлые, почти пепельные волосы. Деревенский мальчик, милый и искренний. И главное, что привлекало в нём, – искренность и горячность».

В начале 20-х годов из «милого и искреннего деревенского мальчика» жизнь выковала человечище с «крупной и мощной фигурой с умным, волевым, загорелым лицом, обрамленным седеющей бородкой». Таким Гапеев запомнился студенту А. П. Сигову (1904 – 1998) – будущему выдающемуся уральскому геологу, основателю геоморфологической школы и доктору геолого-минералогических наук.

Вторая жена Гапеева увидела его впервые в 1926 г. из окна поезда «Симферополь – Москва» во время стоянки на станции Лозовая: «Мы наблюдали пёструю южную толпу... Невольно взоры всех остановились на человеке огромного роста с гордо поднятой головой, с крупными чертами загорелого, словно выкованного из меди лица. Он нёс рюкзак в одной руке и молоток – в другой; уверенно, не торопясь, слегка косолапя, шёл в толпе, на голову возвышаясь над ней».

«Искренность и горячность» сделали из Гапеева революционера-большевика: в 1904 г. он стал членом РСДРП, назначенную ему стипендию Императора Николая II передавал в партийную кассу, на алтарь свободы народа он готов был положить

жизнь. Поэтому, когда началась революция в 1905 г., он стал вожаком столичного студенчества: под его председательством прошёл митинг у Казанского собора, стихийно возникший в связи с расстрелом участников мирной демонстрации рабочих 9 января, в высших учебных заведениях он был одним из организаторов студенческих сходок и волнений, которые в проправительственных газетах называли «гапеевщиной».

Харизматичность Гапеева была оценена партийными руководителями и весной 1906 г. он в составе Петербургской организации РСДРП участвовал в работе IV Объединительного съезда в Стокгольме. Тогда же он дебютировал как публицист в первом и единственном номере журнала «Молодая Россия», в котором его статья «Победители и побеждённые» соседствовала с работами В. И. Ленина, А. М. Горького и С. Г. Скитальца (1869 – 1941). Журнал издавать запретили, Гапеева арестовали, судили, и он четыре месяца просидел в одиночной камере в знаменитых «Крестах».

Революция была подавлена, а её участники наказаны. Но четверокурснику Гапееву повезло. Он был только отчислен из института без права повторного поступления, а ведь за бунтарство его могли наказать и суровее. Благодаря ходатайствам маленького и щуплого Лутугина, такого же борца за свободу, Гапеев при его поддержке и поддержке других профессоров был всё же восстановлен в институте в 1907 г. Сделав одно доброе дело, Леонид Иванович сделал и другое. Он взял Гапеева под свою опеку, и с 1908 г. Александр начал работать под его руководством в Донбассе, став со временем выдающимся геологом-угольщиком.

Институт Гапеев закончил с отличием в 1910 г., но на государственную службу его не приняли из-за политической неблагонадёжности, и он поступил в Геологический комитет на должность нештатного сотрудника. Работа с Лутугиным в Донбассе, а позже в Кузбассе стала для него главным делом. В Кузбасс он впервые поехал в мае 1914 г. с Лутугиным, В. Я. Яворским, А. А. Снатковым и П. И. Бутовым (1882 – 1937) по приглашению управляющего акционерным обществом кузнецких каменноугольных копей И. И. Фе-доровича, который предложил им заняться разведкой угольных месторождений.

Отдав дань революционному радикализму, он успокоил своё сердце, оставаясь членом партии. Товарищи, у которых он пользовался доверием, изредка напоминали ему о себе. И. В. Сталин, например, вернувшийся осенью 1912 г. в Петербург из Нарынской ссылки, некоторое время жил на квартире Гапеева. Но в 1919 г. Гапеев, потрясённый невиданной доселе жестокостью большевиков, развязавших «красный террор» и протестуя против такой политики, разорвал с ними отношения и вышел из партии.

В мая 1918 г. в Геолкоме была утверждена программа работ по составлению детальной геологической карты Кузбасса. И в середине лета в Сибирь выехала группа геологов: Гапеев, Бутов и Яворский. Группой руководил, вместо умершего Лутугина, профессор Бауман. Работая в библиотеке Томского университета, Гапеев узнал о небольших месторождениях угля в районе Караганды. Сведения о них были очень скудными и отрывочными. Тем не менее он ими заинтересовался и обратился к представителю Совнаркома с планом геолого-поисковых работ для оценки перспектив этого малоизученного угленосного района, и тот дал разрешение на организацию экспедиции. Но вскоре началась гражданская война. Советская власть была ликвидирована. Возвращаться в Петроград через охваченную смутой страну было опасно. Сидеть и ждать, когда война закончится? Это было не в характере Гапеева, и он представил тот же план геолого-поисковых работ Сибирскому правительству. Получил поддержку, но в основном словесную. Только после вторичного установления Советской власти он смог начать запланированные им работы.

Что тогда из себя представляла Караганда? Первую находку «горючего камня» в урочище Караганды-басы сделал казах Аппак Байжанов в 1833 г. С 1856 г. уголь стали добывать на небольших коях: саранской и карагандинской уральские купцы Ушаков, Зотов и Рязанов. Позже углем заинтересовалось английское акционерное общество Спасских медных рудников, начав использовать его для энергетических установок Спасского завода и Успенского рудника. Летом 1920 г. угольные копи были почти полностью разрушены: на выжженной солнцем равнине лежали кучи угольной пыли, торчала пожарная каланча, стояло здание больницы, несколько домиков из самана, чернели остатки взорванных шахт «Джимми» и «Карно», вся геологическая документация была уничтожена. Работала только

шахта «Герберт», а добытый уголь шахтёры меняли на хлеб, овощи, мясо.

В эти степные безводно-безжизненные места в начале июня и отправился Гапеев с женой, братом Лутугина и тремя рабочими. Сначала ехали поездом через Барнаул до Семипалатинска. «Путешествие, – вспоминал Александр Александрович, – было оригинальным. Поезд шёл без всякого расписания... С разными приключениями добрались до Семипалатинска. Дальше железнодорожного пути не было, а до Караганды ещё 750 км. Лошадей не было: все были мобилизованы на фронт. Обещали отправить на верблюдах – через два дня выяснилось, что и верблюдов нет. Недели через две удалось, наконец, выехать на волах. Только в Каркаралинске достали две подводы с рабочими и уже оставшийся путь ... доехали на лошадях».

В то время, когда в Екатеринбурге Совет Горного института обсуждал конкурсное дело Гапеева, он со своими помощниками и рабочими занимался картированием угольных пластов на площади 300 кв. километров. Завершив эту работу, он подсчитал запасы месторождения только по части наиболее надёжно выявленных залежей до глубины полтора километра. Когда они были обнаружены, то впечатлили – 4 миллиарда 250 миллионов тонн! Поэтому годом открытия Карагандинского месторождения, ставшего третьей по значимости угольной базой страны после Донбасса и Кузбасса, был назван не 1833-й, а 1920 год, а его первооткрывателем – Александр Александрович Гапеев.

Вот что такое «дух исследовательский», о котором говорил рабфаковцам Келль, дух, «который заставляет геолога..., несмотря на все препятствия», идти «за поиском нового, неизведанного».

Разработка Карагандинского месторождения началась только спустя десять лет и то лишь благодаря настойчивости первооткрывателя. А награду первооткрыватель получил в 1948 г. История награждения была описана зятем Н. С. Хрущёва (1894 – 1971) А. Аджубеем (мать Аджубея была замужем вторым браком за младшим братом Александра Александровича Алексеем Александровичем) в книге «Те десять лет».

Гапеева привезли на дачу Сталина в Волынском. Аудиенция с вождём была недолгой. В конце встречи Сталин сказал: «Ты, Гапеев, хорошо поработал в Казахстане. Если бы не тот уголь, что

бы мы делали в войну?». Затем Сталин отодвинул ящик стола, достал оттуда маленькую коробочку, папку и протянул их Гапееву. «Мы решили наградить тебя Сталинской премией за труды. На, возьми». ... Когда он (Гапеев. – В. Ф.) взялся за ручку двери, Сталин остановил его: «Гапеев, а деньги?». Он отсчитал пятнадцать пачек по десять тысяч рублей в каждой. Нажал кнопку звонка. Вошёл человек. Сталин сказал: «Отвезите профессора домой и помогите ему завернуть деньги».

«Декан просит вас пожаловать...»

Время рождения геологоразведочного факультета известно с погрешностью не более нескольких минут. Точнее его определить невозможно, поскольку службу времени в Свердловске Соболевский создал только в 1930 г. Бывало, «заходишь к нему в кабинет, – вспоминал Сигов, – и со всех сторон слышишь тиканье многочисленных часов. Телефонный звонок, и сам ... Соболевский или его сотрудник сообщает кому-то по телефону точное время ..., которое проверялось путём проведения специальных астрономических наблюдений, для чего на задах здания (здание бывшей 2-й женской гимназии, ныне главный корпус Уральского государственного горного университета. – В. Ф.), где-то на чердаке, была им оборудована маленькая обсерватория».

Итак, 13 января 1920 г. в 7 часов вечера в помещении минералогического музея состоялось первое заседание геологоразведочного факультета - первого факультета в Горном институте де-факто, а не де-юре. Проходило оно буднично-скромно, по-деловому. Его участники – семь преподавателей, из 23 работавших на факультете, и четырнадцать студентов, кажется, не понимали, что являются творцами и свидетелями важного события, которое уже на следующий день станет историческим.

Декан Матвеев сначала огласил содержание протокола 5-го организационного заседания факультета, которое состоялось полгода назад. Когда протокол был утверждён, Матвеев попросил

Крылова, декана ещё не созданного рудничного факультета, рассказать о его задачах и планах. Потом занялись обсуждением задач своего факультета, сформулированных деканом. По его мнению, необходимо было в первую очередь найти помещение для геолого-минералогического института и оборудование для кабинетов и лабораторий, организовать практические занятия студентов, научные кружки и экскурсии, провести замещение «вакантных профессур и доцентур», выделить из геологоразведочного факультета маркшейдерский и определиться с представительством студентов в Совете факультета.

Хуже всего дело обстояло с помещениями. Профессор Юон пожаловался, что из-за этого возникают большие трудности с чтением лекций и проведением опытов. Несколько проще было с замещением вакансий. Декан зачитал заявления желающих занять преподавательские должности – Ортенберга, Сырокомского, Свиричевского и Бориса Романова – студента столичного горного института, «застрявшего» в Екатеринбурге из-за войны.

Через две недели студенты выбрали в факультетский Совет десять своих представителей, среди которых был и Романов, и на всякий случай ещё четырёх кандидатов.

При обсуждении вакансий предложили Ортенбергу читать факультативно курс лекций «Рудные месторождения сиенито-сланцевой полосы Урала», а в начале марта ему было поручено создать специальный музей по рудным месторождениям этой полосы как часть «имеющего быть при УГИ музея прикладной геологии»; Свиричевскому поручили временно до приезда из Москвы доцента А. М. Жирмунского вести занятия по общей геологии; на Сырокомского возложили обязанности по созданию химико-минералогической лаборатории, а в будущем его планировали использовать на кафедрах металлургии и технологии редких металлов; Романову конкретного курса лекций не выделили и приняли решение ходатайствовать перед Советом института об оставлении его в институте ещё на год.

Как будто бы простая процедура – конкурс вакансий, но в этот раз она получилась конфликтной. На заседании было зачитано письмо Президиума Совета УГИ с предложением не рассматривать пока конкурсные дела. Почему? Потому что право производить выборы принадлежало тогда Совету института, и, следовательно,

выборы должны были производиться «впорядке конкурса, объявленного Советом впредь до утверждения положения о факультетах, в котором это положение будет закреплено». Прения по этому поводу были острые, но «факультет постановил выборы производить», несмотря ни на что.

Неприятные эмоции, обусловленные прениями, несколько притушил декан, сообщив, что он получил благодарственное письмо от профессора Белянкина в связи с избранием его профессором по кафедре петрографии. Дмитрий Степанович обещал приехать в Екатеринбург весной и привезти с собой некоторое оборудование, если ему в Петроград будут переведены деньги для его покупки.

А кроме этого, пусть и небольшим, но тоже приятным достижением на факультете стало открытие для студентов библиотеки при минералогическом музее, которой они могли бы пользоваться в вечернее время: с 8 и до 10 часов в пятницу и субботу и с 7 часов в прочие дни. Библиотека была кстати, поскольку отсутствие централизованного издания учебно-методической литературы очень осложняло студентам учёбу. Скучные финансы института и факультета позволяли издавать в первую очередь учебные пособия только по читаемым курсам лекций. Этими первоочередными пособиями должны были в ближайшее время стать «Записки по кристаллографии» Шубникова и «Руководство по низшей геодезии» Н. Г. Келля. Намечено также было переиздать «Геологическую карту Восточного склона Урала» А. П. Карпинского (1846/47 – 1936), конечно же, с ведома ее автора.

Решение геологов: «выборы производить», не понравилось членам Совета института, которые признали их недействительными. Назревал конфликт. Он был обусловлен тем, что Совет института почему-то откладывал рассмотрение положения о факультетах, не признавал автономности геологоразведочного факультета и игнорировал его решения. Более всего неясность взаимоотношений двух институтских структур тяготила и нервировала декана. Его терпение лопнуло, и он предложил прекратить работу факультета.

Но коллеги и студенты его не поддержали. По их мнению, не следовало обострять конфликт и 13-ю голосами против 2-х

проголосовали против предложения декана. Проблему нужно было решать по-другому, тем более, что в Совет факультета поступили очередные заявления: И. И. Мархалевич просил принять его доцентом или приват-доцентом для проведения практических занятий по минералогии и по оптическим константам, курс лекций по которым с весны стал читать Шубников; Б. К. Смирнов предложил услуги для преподавания низшей геодезии, а К. В. Петров – согласен был на любую работу. Заявление первых двух сочли возможным удовлетворить, а Петрову предложили обратиться на химико-металлурги-ческий факультет.

Ещё при Веймарне в апреле 1919 г. владелец Благодатских рудников передал институту свой музей. Тогда перевезти его экспонаты и коллекции не удалось. И вот спустя почти год, 12 февраля, Ортенберг напомнил об этом членам Совета факультета и не просто напомнил, а стал настаивать «на скорейшем перевозе экспонатов в УГИ, так как они находятся без присмотра и могут пропасть». Матвеев ему возразил, «считая, что при перевозке экспонаты могут пострадать». Что же, их теперь не перевозить? Перевозить, но прежде следует «связаться с заведующим ... рудниками по вопросу о состоянии коллекции и условиях их перевозки», так решили члены Совета. Были ли перевезены экспонаты музея или нет, мне установить не удалось.

Сколько же студентов училось на факультете в начале 1920 года? 27 февраля Матвеев объявил на заседании Совета факультета, что он «прекратил запись на факультет, на котором сейчас числится 50 человек». Студентов мало, дисциплин много, а кроме того, студенты вынуждены работать, и поэтому на факультете задалась вопросом «о числе слушателей, при котором можно проводить занятия». Обсудив эту ситуацию, постановили, что преподаватель обязан проводить занятия «при скольких угодно студентах, если эти студенты являются постоянными слушателями его предмета», даже при одном.

В таких условиях своеобразным было и расписание занятий: лекции, каждая по 45 минут, читались в первой половине дня: с 9 часов 30 минут до 12 часов, а практические занятия, каждое продолжительностью один час, проводились после полудня – с 3 до 7 часов вечера.

Для любого инженера вообще, а для инженера-геолога особенно важнейшее значение во время учёбы имеет производственная практика. Поэтому 19 марта, когда запахло весной, Матвеев собрал расширенное заседание на факультете, пригласив на него всех студентов, число которых, несмотря на «прекращение записи», возросло до 60, и руководителей геологических организаций и учреждений: Дидковского – председателя Райруды и заведующего разведками Урала, Н. А. Зайцевского – представителя Горного совета ВСНХ, В. А. Доменнова – председателя коллегии Урал-золото-платина и А. Н. Иконницкого – заведующего техническим отделом треста Уралзолото, чтобы сообща обсудить места практик.

Отношения факультета и руководителей геологических организаций в это время были такими же тесными, как у супругов в первый день медового месяца. Выжить друг без друга они были не в состоянии. Гражданская война, дважды тяжёлым катком прокатившаяся по Уралу с востока на запад и с запада на восток, обезлюдила инженерно-технический корпус горной промышленности, а реэвакуация специалистов из Сибири ещё не дала того положительного результата, которого от неё ждали на Урале.

Поэтому уже к концу марта Матвеев получил предложения о местах практик и о должностях, которые студенты могли занять. Районному управлению золото-платиновой промышленности нужно было десять коллекторов для обслуживания разведочных работ на платину в Исовском, Нижне-Тагильском и Северо-Заозёрском районах, три регистратора по учёту шлифов на драгах в Нижне-Тагильском, Исовском и Кытлымо-Косьвинском районах, два коллектора на Берёзовских приисках и один – при разведке алмазным бурением на Джетыгаринских приисках.

Дидковский прислал на факультет проект летних полевых работ, которые собирались проводить геологи Геологического комитета в Златоустовском и Екатеринбургском горных округах, в платиноносных районах в связи с изучением конгломератов артинского возраста, на восточном склоне Урала в районе Егоршинской угленосной полосы и к северу от неё, на западном склоне Урала для рекогносцировочного изучения толщи карбонатных пород, в окрестностях горы Благодать, в Баёвском,

Каменско-Синарском, Берёзовском, Кочкарском и Челябинском районах.

Знания и опыт, приобретённые студентами при изучении месторождений платины, золота, угля, железных руд, вольфрама, цинка и других полезных ископаемых под руководством таких выдающихся геологов, как А. Н. Заварицкий, А. Н. Высоцкий (1864 – 1932), Н. Н. Тихонович (1872 – 1952), Бауман, О. Ф. Нейман (1888 – 1950), стали для многих из них бесценными.

Уральское маркшейдерское бюро ВСНХ предложило студентам участвовать в триангуляционных и съёмочных работах, руководимых Н. Г. Келлем, Павловым и В. М. Ивановым, и в магнитометрических съёмках территории железорудного месторождения горы Благодать, которыми руководили Ортенберг и от Геолкома профессор Бауман.

Обобщив предложения производителей, Матвеев в середине апреля составил для студентов инструкцию о порядке прохождения летней практики и доложил её содержание на заседании факультетского Совета. И студенты, сдав экзамены (или не сдав), разъехались по всему Уралу и Северному Казахстану за знаниями и за деньгами. Первые – определяли будущее студентов, вторые – были средством для выживания.

Неопределённым было и будущее факультета. В начале марта Матвеев отчитался о деятельности факультета с 26 апреля 1919 г. по 1 марта 1920 г., положение которого было удручающим. К этому времени на факультете были только минералогический музей, ютившийся в трёх комнатах, минералогическая лаборатория, которая не имела собственного помещения, а располагалась в здании бывшей золото-сплавочной лаборатории, и предпринимались попытки создать кристаллографическую лабораторию и геодезический кабинет. Вот и всё, чем мог «привлечь» факультет желающих здесь работать.

Поэтому неудивительно, что Николай Николаевич Тихонович – будущий доктор наук, профессор, один из первооткрывателей Тимано-Печорской нефтегазовой провинции (он совершил это, будучи заключённым в лагере), изъявивший в конце марта желание занять в УГИ кафедру общей или исторической геологии, вскоре отозвал своё заявление. В апреле Матвеев получил отказ работать в УГИ и от Белянкина. За Заварицким, претендовавшим на кафедру

геологии рудных месторождений или на кафедру петрографии в одно время с Тихоновичем, после отказа Белянкина, была оставлена кафедра петрографии. Возглавить кафедру по-настоящему, Заварицкий так и не успел. В 1921 г., получив приглашение из Петроградского горного института, где ему предложили должность профессора, он, конечно же, вернулся в альма-матер.

Но Матвеев, несмотря ни на что, не сдавался и боролся за сохранение факультета не только в утилитарном, но и в идейно-идеологическом отношении. На заседании Совета факультета 18 апреля он выступил с докладом, в котором обосновал, в каком направлении должен развиваться факультет и каких специалистов готовить:

«Сложность и обширность здания современной науки и техники и дифференциация общественного труда, – говорил Константин Константинович, – властно диктуют для получения продуктивной и творческой работы необходимость специализации в отдельных отраслях науки и техники. Высшая школа должна поставить себе целью создание таких специалистов... Это особенно необходимо в настоящее время ... ввиду недостатка в стране технических сил и огромных задач, стоящих перед страной в области промышленности...

В частности, геологоразведочные факультеты ... могут дать ... в кратчайшие сроки инженеров-техников следующих званий: 1/инженеров-геологов, 2/инженеров-разведчиков, 3/инженеров-маркшейдеров ... в течение 3 лет...

Для создания кадров инженеров-организаторов и научных работников ... для некоторых студентов ... курс может быть дополнен двумя годами, в течение которых студенты могут изучать дополнительные предметы, усовершенствоваться в своей специальности и получить заграничные командировки».

Но для этого у факультета должен быть основательный материальный фундамент, одним из камней в котором, в буквальном смысле, является хорошее собрание образцов минералов, руд и горных пород. Студент не может изучать геологию умозрительно. Он должен видеть, держать в руках объекты минерального царства. Поэтому Матвеев пользовался любой возможностью для их приобретения, для формирования коллекций минералогического музея института.

С этой целью 30 января он отправил в Кыштымский завод студента Анатолия Петрова, снабдив его для убедительности мандатом УГИ, для сбора образцов шлаков и руд, употребляемых в плавку, вмещающих эти руды пород, дублетов из собрания заводского музея, сведений о метеоритах, упавших в начале года между Кыштымским и Сысертским заводами, а также для выяснения возможности приобретения химических реактивов для минералогической лаборатории.

В конце марта Матвеев получил неожиданно подарок из Барнаула. Из алтайских губернских мастерских наглядных учебных пособий ему сообщили, что минералогическим отделом у них заведует Л. И. Крыжановский (братом Леонида Ильича был известный минералог, коллекционер, в будущем директор Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана Владимир Ильич Крыжановский (1881 – 1947)), и что, по его сведениям, эти мастерские поступают в распоряжение Екатеринбургского горного института. Сам Крыжановский должен был летом приехать на Урал за минералами, и тогда, как было сказано в письме, он «в вашем присутствии разберёт минералы, находящиеся у него на складе и Вы отберёте всё, что интересно Вашему кабинету».

В Екатеринбурге факультету в создании музея очень помогал Дидковский, сам предложивший услуги по формированию его коллекций рудными минералами, хотя из-за строптивости Матвеева отношения между ними иногда доходили до белого каления. И тем не менее в середине апреля Матвеев обратился к Дидковскому с просьбой-инструкцией «не отказать, теперь же сообщить подведомственным Райруде заводским управителям о заготовке ими ... для музея УГИ образцов горных пород, минералов, руд и окаменелостей. Образцы могут быть большими ... или же обыкновенные, демонстрационные... При образцах должны быть приложены этикетки с точным указанием месторождения...».

Чего бы только не сделал декан на факультете и для факультета, если бы не вяжущие его инициативу по рукам и ногам ежечасные, ежедневные, изматывающие трудности, главными из которых были нехватка преподавателей, лабораторного оборудования и помещений.

В начале апреля из-за отсутствия преподавателей и оборудования студенты 2-го курса перестали изучать некоторые

предметы; Ортенберг жаловался, что не может читать лекции по курсам «Магнитометрия» и «Рудные месторождения сиенито-сланцевой полосы», потому что негде, поскольку в распоряжении факультета в доме бывшего главного начальника Уральского горного управления вместо 1000 кв. м было в пять раз меньше. И занимавшие его учреждения не спешили выезжать, несмотря на постановление Совета института, которое было принято ещё в январе.

Трудности с преподавателями декан надеялся частично преодолеть, рассчитывая на возвращение из Владивостока Елиашевича, Клера и Павлова. Для них до середины мая были сохранены должности, а Шубникова он рекомендовал к избранию профессором, который, в свою очередь, предложил оставить при кафедре кристаллографии Романова. Существенно же вопрос с обеспечением факультета преподавателями и оборудованием можно было разрешить, только послав в Москву и Петроград очередную делегацию во главе с деканом, наделив его чрезвычайными полномочиями, поскольку он это делал лучше всех, а пока Матвееву, Заварицкому и Ортенбергу было поручено распределить оборудование, только что привезённое из Москвы.

В конце апреля в беспросветном сумраке трудностей наступила, наконец, ясность с помещениями. До 1 октября в распоряжение факультета переходил весь верхний этаж с мезонином в бывшей резиденции бывшего главного горного начальника, а после 1 октября весь дом со всей усадьбой. Но этой роскошью декану скрепя сердцем пришлось всё же немного поделиться: две из пяти комнат кафедры петрографии временно были переданы рабфаку, а большая аудитория до 15 июня должна была находиться только «в исключительном пользовании факультета и раньше этого времени не могла быть представлена другим факультетам даже во временное пользование».

Соображения Матвеева о возможных специализациях были обсуждены студенческой фракцией, мнение которой изложил Романов на заседании Совета факультета 23 апреля. Студенты считали, что на факультете должно быть три отделения: геологическое, разведочное и маркшейдерское; продолжительность обучения три года «с дополнительными 2-летними занятиями с теми студентами, уже закончившими общий курс, которые будут

признаны достойными оставления в институте к научно-преподавательской и научно-технической работе».

Предложения студентов по сути почти не отличались от того, какими видел специализации Матвеев. Однако без дискуссии и обид не обошлось, и только через неделю тезисы студенческой фракции были приняты и переданы в комиссию для детальной разработки на их основе учебных планов, члены которой: Келль, Заварицкий, Ортенберг и, конечно, Романов – представляли все специализации.

Тогда же 30 апреля, по представлению декана исполняющим дела профессора единогласно был избран Алексей Васильевич Шубников, так как к этому времени у него уже был «ряд научных работ». Профессор же Заварицкий неделей ранее был избран от факультета в состав Редакционного совета научного журнала УГИ.

XX век феноменален. Сколько за истекшее столетие сформировалось наук о Земле! И среди них геофизика. Одним из центров её образования в России стал Уральский горный институт, в котором впервые курс лекций по одному из разделов этой науки – магниторазведке – прочитал доцент Дмитрий Львович Ортенберг. 30 апреля он рассказал на заседании Совета факультета об опыте преподавания магнитометрии. Коллеги оценили новаторство Ортенберга, сочли нужным издать его работу «Практический очерк изыскания магнитных руд с помощью магнитометра Тиберга-Талена» и признали желательным командировать его при первой возможности в Швецию «для изучения постановки магнитометрии и электрометрии», а также в Москву для «ознакомления с новейшими исследованиями Курской магнитной аномалии».

В среду 2 июля состоялось последнее заседание на факультете перед разделением Горного института. Матвеев собрал коллег в час дня, а не вечером, как обычно, поскольку занятия к этому времени уже закончились и студенты разъехались на практику. Заседание проходило в помещении институтской канцелярии. Среди «предметов занятий», вынесенных на обсуждение, не было вопросов ни об организации университета, ни о судьбе института, ни, тем более, о его разделении. Профессора и преподаватели говорили о сметах по капитальному оборудованию лабораторий, об устройстве рентгенометрической лаборатории, об организации ремонтной мастерской при геодезическом и маркшейдерском кабинетах и ... о задачах и учебных планах рудничного факультета.

Пройдёт совсем немного времени, и в составе УГИ останутся только эти два истинно горных факультета, его ядро, основа, стержень, суть. И какие бы впоследствии ни происходили преобразования, они не в состоянии будут разрушить жизнеспособность института, потому что его питают уникальные недра Каменного Пояса, потенциал которых неисчерпаем.